

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

Филология и культура. Philology and Culture

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).

Головко Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурила Габбасовна – профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, заведующий кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширинова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, профессор, директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра по изучению наследия Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Рансовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Гафиятова Эльзара Васильевна, д-р филол. наук, доцент, заместитель директора по международной деятельности и развитию Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Горобец Елена Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. заведующего отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Каюмова Диана Фердинандовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мингазова Ляйля Ихсановна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций имени И. А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Несмелова Ольга Олеговна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Николаева Наталия Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры культурологии и журналистики, Вятский государственный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Тарасова Фануза Харисовна, д-р филол. наук, доцент, декан высшей школы русской и зарубежной филологии имени Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного образования, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наиля Нурыхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования Института музыки, театра и хореографии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Амирова Р., Габдулхакова И.** Проявление интерференции в татарских эргонимах на языковом уровне. 7
- Ахренова Н., Смирнов Е.,** Лингвопрагматические особенности создания личного бренда политика. 13
- Варфоломеев Ф.** Эвфемизация физиологии и физиологических потребностей человека в модернистской английской литературе на примере романа Дж. Джойса «Улисс». 23
- Вяльсова А.** Ненормативные страдательные причастия прошедшего времени в Рунете: семантика и грамматика форм. 28
- Гарипова Д.** Факторы возникновения орфографических вариантов слов в современном татарском языке. 37
- Дуань Чжэньчжэнь.** Семантический анализ негативно-оценочных существительных «ловкач», «прохиндей» и «прохвост» в современных художественных и публицистических текстах. 44
- Еремеева С.** Средства лексического и грамматического выражения медицинского совета в просветительской телепередаче о здоровье (на материале русского языка). 50
- Имамбердыева С., Тарасова Ф.** Монолексемные и полилексемные термины декоративно-прикладного искусства (на материале английского и русского языков). 58
- Комарова Е.** Выбор промта для больших языковых моделей: деловые коммуникации. 66
- Красоцкая М.** Вербализация ценностей в фэнтези-дискурсе посредством идиом (на материале англоязычных компьютерных видеоигр 2000–2020-х гг.). 75
- Кузьминова Е.** О нестабильности терминосистемы сферы методики преподавания иностранных языков в русском и английском языках (на примере терминов, обозначающих виды чтения). 82
- Мубаракишина А., Чжэн Юнься.** Ассоциативно-семантическое поле «цветы» в русских поговорках. 92
- Писаревская Т., Вертянкина Н.** Прагматический потенциал оценочных прилагательных в военно-политическом дискурсе. 98
- Русанова О.** Глаголы *делать / сделать* в текстах приказов и указов XVIII в.: корпусное исследование в функциональном аспекте. 102
- Савватеева И.** Аксиологический аспект категории *отношения* в итальянском и английском языках. 109
- Саттарова Л., Юсупов А.** Субстантивы и адъективы, характеризующие человека, в букваре татарского и арабского письма 1802 года. 118
- Суворова Е.** Языковые средства вербализации концепта *чуждость* в русском и английском языках: сравнительный анализ лингвокультурных смыслов. 125
- Усманова Л., Ли Фэн.** Зоонимическая лексика в народно-песенном дискурсе (на примере лексемы *конь*). 133
- Фаттахова Н.** Концепт *кухня* в суеверных приметах. 140
- Цао Цзяци, Зиновьева Е.** Пословицы с компонентом-ихтионимом в аспекте сопоставительной когнитивной лингвокультурологии (на материале русского и китайского языков). 147
- Чжан Сяофэй.** Особенности сложных слов в лирике Беллы Ахмадулиной. 155
- Чжао Чуньлин, Корнеева Т.** Первый полет человека в космос в заголовках советских газет (лингвокультурный аспект). 160
- Шiao Мань.** Дискурсивное слово *вот*: функции и трудности перевода на китайский язык. 167

Литературоведение

- Асташенкова М.** «Тридцать лет неразберихи»: переписка Стивена Маккенны со Стивеном Маккенной по поводу посещения Л. Н. Толстого. 173

Баландина И. Пушкинский след в мифе о Бродском.	179
Берестнев Р., Скворцов А. Поэтический принцип непрямого выражения у Игоря Меламеда.	186
Радь Э. Смысловая перевернутость библейских мифологем в романе Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны».	194
Чжу Синьжун. Образ Пекина в травелогах русской литературы 1920-х гг.: гендерный аспект. . .	201

ПЕДАГОГИКА

Агеева Ю., Марданова С. Коммуникативный тренинг как средство преодоления языкового барьера.	206
Колышева Е., Соколова М. Изучение прецедентных имен на уроках литературы (на примере имен заглавных героев романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»).	213
Кузьмина А. Исследование уровня знания якутского языка и чтения у школьников Республики Саха (Якутия).	221
Панова И. Поликодовый текст на занятиях по страноведению (предвузовский этап подготовки иностранных студентов, уровень А2).	229

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Бекметов Р. Объединяя пространства, связывая эпохи...: Институту культуры имени Льва Толстого в Боготе (Колумбия) – 80 лет.	234
Мустафина Г., Пузикова М. Памяти ученого-историка (к 110-летию профессора Ю. Г. Трунского).	243

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

Amirova, R., Gabdulkhakova, I. Manifestation of interference in Tatar ergonyms at the linguistic level.	7
Akhrenova, N. Smirnov, Ye., Linguopragmatic features of creating a politician's personal brand.	13
Varfolomeev, F. Euphemization of human physiology and physiological needs in modernist English literature on the example of J. Joyce's novel "Ulysses".	23
Vyalsova, A. Non-normative past passive participles: Semantics and grammar of forms.	28
Garipova, D. The factors influencing the occurrence of word spelling variants in the modern Tatar language.	37
Duan Zhenzhen. Semantic analysis of negative-evaluative nouns "ловкач 'dodger'", "прохиндей 'trickster'" and "прохвост 'swindler'" in modern fiction and journalistic texts.	44
Eremeeva, S. Lexical and grammatical means of expressing medical advice in an educational television programme about health (based on the Russian language).	50
Imamberdyeva, S., Tarasova, F. Monolexemic and polylexemic terms of decorative and applied arts (based on the English and Russian materials).	58
Komarova, E. Prompt choice for large language models: Business communications.	66
Krasotskaya, M. Verbalization of values in fantasy discourse through idioms (based on English videogames of the 2000–2020's).	75
Kuzminova, E. On instability of FLT terminology system in the Russian and English languages (based on terms denoting types of reading).	82
Mubarakshina, A., Zheng Yunxia. Associative-semantic field "flowers" in Russian paroemia.	92
Pisarevskaya, T., Vertyankina, N. Pragmatic potential of evaluative adjectives in military-political discourse.	98
Rusanova, O. Verbs <i>delat` / sdelat`</i> in 18th-century texts of orders and decrees: A corpus study in the functional aspect.	102
Savvateeva, I. Axiological aspect of the category of relations in the Italian and English languages.	109
Sattarova, L., Yusupov, A. Nouns and adjectives characterizing a person in the primer of Tatar and Arabic script in 1802.	118
Suvorova, E. Linguistic verbalization means of the concept "foreignness" in the Russian and English languages: A comparative analysis of linguacultural meanings.	125
Usmanova, L., Li Feng. Zoonymic vocabulary in folk song discourse (based on the lexeme <i>horse</i>).	133
Fattakhova, N. The concept of <i>kitchen</i> in superstition signs.	140
Cao Jiaqi, Zinovieva, E. Comparative cognitive linguoculturology: Proverbs with an ichthyonym component (based on the Russian and Chinese languages).	147
Zhang Xiaofei. Peculiarities of compound words in Bella Akhmadulina's lyrical poetry.	155
Zhao Chunling, Korneyeva, T. The first human spaceflight in the headlines of Soviet newspapers (a linguocultural aspect).	160
Shao Man. The discourse word <i>vot</i> : Functions and difficulties of translation into Chinese.	167

Literary Studies

Astashenkova, M. "Thirty years of confusion": the correspondence between Stephen Mckenna and Stephen Mckenna on the occasion of his visit to Leo Tolstoy.	173
Balandina, I. Pushkin's trace in the myth of Joseph Brodsky.	179
Berestnev, R., Skvortsov, A. Igor Melamed's poetic principle of indirect expression.	186
Rad, E. Semantic inversion of biblical mythologemes in Leonid Andreev's novel "The Diary of Satan".	194
Zhu Xinrong. The image of Beijing in travelogues of Russian literature in the 1920s: A gender aspect.	201

PEDAGOGY

Ageeva, Yu., Mardanova, S. Communicative training as a way to overcome language barrier.	206
Kolysheva, E., Sokolova, M. Studying precedent names in literature lessons (based on the names of the title characters in M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita").	213
Kuzmina, A. Studying the level of the Yakut language knowledge and reading of schoolchildren from the Republic of Sakha (Yakutia).	221

Panova, I. Polycode text in the class of country studies (pre-university stage of international students' training, level A2).	229
---	-----

UNIVERSITY LIFE

Bekmetov, R. Uniting spaces, linking epochs...: Leo Tolstoy institute of culture in Bogota (Colombia) is 80 years old.	234
Mustafina, G., Puzikova, M. In memory of the historian and researcher (on the 110th anniversary of Prof. Yuzef Trunsky).	243

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.512'145

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-7-12

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ТАТАРСКИХ ЭРГОНИМАХ НА ЯЗЫКОВОМ УРОВНЕ

© Роза Амирова, Ильсеяр Габдулхакова

MANIFESTATION OF INTERFERENCE IN TATAR ERGONYMS AT THE LINGUISTIC LEVEL

Rosa Amirova, Ilseyar Gabdulkhakova

The paper studies the issues of interference in Tatar ergonyms. The research is based on modern names of Kazan infrastructure objects, forming the linguistic image of the city in the conditions of Russian-Tatar bilingualism. We analyzed the interference phenomena in Tatar ergonyms, taking into account their theoretical comprehension found in scientific literature. The most common errors include incorrect spelling of Tatar phonemes, case endings and word order in a sentence. We have found that the Russian language influences the formation of ergonyms, so there are deviations from the standards of the modern Tatar literary language. Over time, violations of this type can lead to changes in the language norms that may eventually be perceived as part of the existing linguistic norm, making this problem particularly relevant. In a globalized world, it is important to recognize the importance of preserving different languages and cultural identities for future generations. This allows the authors to conclude that the government should take control of the information presented on signboards of the urban spaces, ensuring that it is orthographically correct, semantically accurate and stylistically comprehensible to native speakers. The article emphasizes that the experts, involved in translating the names of various organizations, enterprises, institutions, etc., and information on signs and official website, should be well aware of the requirements for spelling out ergonyms. In the epoch of globalization, the problem of preserving languages, their national-cultural characteristics and the identity of different peoples is of particular importance.

Keywords: Tatar language, ergonyms, interference, linguistics, bilingualism

Статья посвящена вопросам изучения интерференции в эргонимах татарского языка. Исследование проводилось на материале современных наименований объектов инфраструктуры г. Казани, формирующих языковой облик города в условиях русско-татарского двуязычия. На основе теоретического осмысления научной литературы осуществлен анализ интерферентных явлений в эргонимах татарского языка. К самым частым ошибкам можно отнести неправильное написание татарских букв, падежных окончаний, неверный порядок слов в предложении. Установлено, что в образовании эргонимов прослеживается влияние русского языка, имеют место отклонения от норм современного татарского литературного языка. Нарушения подобного рода способны привести к изменению норм, которые в конечном счете могут быть восприняты как часть языковой нормы, что делает эту проблему особенно актуальной. В условиях глобализации важно осознавать значимость сохранения различных языков и культурных особенностей для будущих поколений. Это позволяет авторам сделать вывод о том, что государство должно взять под контроль информацию, представленную на вывесках городского пространства, следить за тем, чтобы она была орфографически правильной, семантически точной и стилистически понятной носителям языка. Авторы подчеркивают, что специалисты, занимающиеся переводом названий различных организаций, предприятий, учреждений, а также информации на вывесках и официальных сайтах, несомненно, должны хорошо знать требования, предъявляемые к эргонимам. В эпоху глобализации проблема сохранения языков, национально-культурных особенностей и самобытности различных народов приобретает особое значение.

Ключевые слова: татарский язык, эргонимы, интерференция, языкознание, двуязычие

Для цитирования: Амирова Р., Габдулхакова И. Проявление интерференции в татарских эргонимах на языковом уровне // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 7–12. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-7-12

Настоящее исследование направлено на изучение интерференции в эргонимах татарского языка. В отечественном языкознании история изучения эргонимов берет свое начало во второй половине XX в., когда была осознана необходимость выделения в отдельную группу слов, обозначающих названия различных предприятий, организаций, фирм, учреждений и т. п. Ученые Б. З. Букчина, Г. А. Золотова, С. А. Копорский, М. Н. Морозова и Л. В. Щетинин первыми обратили внимание на эту группу слов. Термин «эргоним» был впервые использован в официальной лингвистической практике в 1979 г. в работе Н. В. Подольской «Словарь русской ономастической терминологии». Она определяет эргоним (от греч. ἔργον ‘работа, дело, творение’ и ὄνομα ‘имя’) как «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1, с. 151].

В 1980–90-е гг. интерес к теме эргонимов значительно возрос, что привело к появлению первых научных исследований в этой области как самостоятельного направления. В рамках отечественного языкознания их изучают в разных аспектах: например, Е. С. Отин рассматривает в историческом аспекте [2], Фам Ван Фонг – в сравнительно-сопоставительном [3], Н. А. Прокуровская – в региональном [4], Н. В. Шимкевич – в прагматическом [5], М. В. Китайгородская – в социолингвистическом и лингвокультурологическом [6], Н. Н. Лесовец – в функциональном [7]. Исследование теоретической литературы позволяет заключить, что в 1990-х гг. в отечественной науке эргонимы рассматриваются преимущественно через призму лингвистической концепции, тогда как западные ученые изучают их в рамках смежных дисциплин. Повышенный исследовательский интерес к данной теме в России обусловлен стремительными изменениями, происходившими в социально-экономической жизни нашей страны в 1990-е гг. Эти изменения привели к быстрому росту крупных и мелких негосударственных предприятий, которые нужно было как-то называть.

В 1970 г. Г. Ф. Саттаров впервые указал на необходимость изучения названий предприятий, магазинов и кафе в татарском языке [8]. В последние десятилетия интерес к этой теме значительно увеличился, что подтверждают статьи таких авторов, как Г. Р. Галиуллина, Р. Б. Бедретдинов, А. А. Гафурова, И. М. Низамов, О. Р. Хи-

самов и др., которые исследуют функционирование отдельных лексических единиц и типичные ошибки в татарских эргонимах. Однако в татарском языкознании все еще недостаточно внимания уделяется вопросам интерференции в этих названиях, что делает данное исследование особенно актуальным. Новизна исследования заключается в том, что на основе теоретического осмысления научной литературы осуществлен анализ интерферентных явлений в эргонимах современного татарского языка, описаны ошибки, что позволит в дальнейшем избежать неточностей при переводе эргонимов.

На сегодняшний день вопросы, связанные с интерференцией, изучаются в рамках педагогики, психологии, психолингвистики, лингводидактики, лингвистики, ученые дают разные оценки этому явлению: например, «Процесс взаимовлияния двух языков друг на друга при общении» [9, с. 28]. В татарском языкознании явление интерференции исследуют, главным образом в аспекте речи, где «явление взаимодействия двух языков в речи говорящих на этих языках называется интерференцией» [10, с. 43]. Исследователь З. А. Исхакова, изучив развитие татарского языка в контексте билингвизма, определяет интерференцию как взаимное влияние языков в процессе речевой коммуникации [11, с. 93]. Это позволяет выделить два основных типа интерференции – языковую и речевую.

Стоит отметить, что большинство лингвистов, таких как В. Ю. Розенцвейг, А. А. Дарбеева, Ф. К. Сагдеева, рассматривают это явление как негативное воздействие одного языка на другой или как нарушение установленных языковых норм. Такое негативное влияние другого языка на развитие родного языка ученые называют термином «трансференция».

По мнению Э. М. Ахунзянова, «использование этого термина положит конец научным разногласиям и противоречиям, связанным с интерференцией» [12, с. 88]. Однако в языкознании этот термин не вошел в научный оборот, ученые как положительное, так и отрицательное влияние другого языка на родной язык называют термином «интерференция».

В эргонимах, как правило, присутствует языковая интерференция. Г. Р. Галиуллина отмечает, что «для современной системы татарского языка свойственно такое явление, как интерференция, так как оно является непосредственным результатом взаимодействия двух языковых систем»

[13 с. 60]. При образовании эргонимов в татарском языке заметно влияние русского языка, что чаще всего становится причиной нарушения языковых норм современного татарского языка. Согласно труду Ю. А. Жлутенко [14], можно выделить явления, представленные ниже.

1. Употребление иностранных слов в составе эргонимов. В ряде случаев языковеды сводят явление интерференции к использованию в языке большого количества заимствованных слов [10, с. 50]. В составе эргонимов немало заимствованных из русского языка, несмотря на наличие в татарском языке своих собственных слов, подобное наблюдается как в названиях бюджетных, так и в названиях коммерческих организаций. Также в эргонимах можно встретить и множество других слов, заимствованных из арабского, персидского и некоторых европейских языков:

36-нчы номерлы **профессиональ** училище. Правильный вариант: 36 нчы номерлы **һөнәр** училищесы. – Профессиональное училище № 36.

Казан төзелеш **колледжы**. Правильный вариант: Казан төзелеш **кәллиате**. – Казанский строительный колледж.

Как видно из примеров, в татарских эргонимах встречаются вариативные пары с заимствованными словами, часто они употребляются в названиях бюджетных организаций, в основном представляют собой стилистически нейтральные, семантически конкретные лексемы, поскольку эргонимы, особенно названия бюджетных организаций, выполняют функцию наименования объекта, не имея оценочной семантики.

2. Также в эргонимах часто наблюдается интерференция, связанная с фонетическими и грамматическими особенностями. Использование русских букв вместо татарских, последовательное повторение отдельных падежных окончаний под влиянием русского языка признается учеными как явление интерференции [Там же]. В татарских эргонимах, как правило, широко выражена интерференция гласных. В условиях двуязычия в эргонимической системе довольно активно проявляется фонетическая интерференция. Особенно часто встречаются случаи неправильного использования татарских букв и падежных окончаний, например:

Татарстан Республикасынын автономияле мәдәни **даулат** учреждениесе. Правильный вариант: Татарстан Республикасынын автономияле мәдәни **дәүләт** учреждениесе. – Государственное автономное учреждение культуры Республики Татарстан.

Казан **шәһәренен** «„УНИКС-ЮИОР“ спорт мәктәбе» муниципаль бюджет учреждениесе. Правильный вариант: Казан **шәһәренең** «„УНИКС-ЮИОР“ спорт мәктәбе» муниципаль бюджет учреждениесе. – Муниципальное бюджетное учреждение «Спортивная школа „УНИКС-ЮИОР“» г. Казани.

Также в эргонимах наблюдаются ошибки и неточности при переводе татарских названий, содержащих предлог «по». Исследователи объясняют подобные ошибки явлением интерференции. «Переводчики часто передают этот предлог, не исходя из закономерностей татарского языка, а только дословно, то есть исходя из значения этого предлога в русском языке» [15, с. 127]. Рассмотрим следующие примеры:

Татарстан Республикасынын дәүләт техник күзәтчеклек итү идарәсенең Казан **шәһәре** буенча бүлеге. Правильный вариант: Татарстан Республикасынын дәүләт техник күзәтчеклек итү идарәсенең Казан **шәһәрэндәге** бүлеге. – Отдел гостехнадзора Республики Татарстан по городу Казани.

Татарстан Республикасы буенча Россия Федераль салым хезмәте идарәсе. Правильный вариант: Россия Федераль салым хезмәтенең Татарстан Республикасындагы идарәсе. – Управление Федеральной налоговой службы по Республике Татарстан.

Можно привести еще ряд примеров, образованных под влиянием интерференции:

№ 1 поликлиник бүлек. Правильный вариант: **1 нче номерлы** поликлиник бүлек. – Поликлиническое отделение № 1.

Казан **шәһәренең** «№ 11 **шәһәр** поликлиникасы» дәүләт автоном саламәтлек саклау учреждениесе. Правильный вариант: «**11 нче номерлы шәһәр** поликлиникасы» Казан **шәһәренең** дәүләт автоном саламәтлек саклау учреждениесе. – Государственное автономное учреждение здравоохранения «Городская **поликлиника № 11**» города Казани.

Мунча № 3. Правильный вариант: **3 нче номерлы мунча**. – Баня № 3.

Россия Федерациясе **Магариф** һәм фән министрлыгы. Правильный вариант: Россия Федерациясе **Мәгариф** һәм фән министрлыгы. – Министерство образования и науки.

Үзидәреле **һөнәри** белем бирү дәүләт учреждениесе. Правильный вариант: **Үзидәрәле** **һөнәри** белем бирү дәүләт учреждениесе. – Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение.

А. Х. Халиков **исемендәге** археология институты (**Казань** **шәһәре**). Правильный вариант: А. Х. Халиков **исемендәге** археология

институты (*Казан шәһәре*). – Институт археологии им. А. Х. Халикова (г. Казань).

Как видно из примеров, в названиях различных организаций наблюдаются ошибки. На наш взгляд, специалисты, которые занимаются переводом названий различных организаций, информации на вывесках, сайтах, должны знать требования, предъявляемые к названию при наименовании организации. Рассмотрим основные их них.

1. Принцип полноты, то есть наименование организации должно быть представлено на вывеске полностью, а не с искажающими смысл и непонятными сокращениями. Например, сокращения в следующих эргонимах могут быть понятны далеко не всем:

Россия Федерациясе «ТИСБИ» идарә университеты. – Университет управления «ТИСБИ» Российской Федерации.

Татарстан Республикасы Министрлар кабинеты ГХАТ идарәсе. – Управление ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан.

2. Принцип идентичности. Этот принцип применим прежде всего к переведенным эргонимам. Несомненно, «несовпадение в строе татарского и русского языков вызывает определенные сложности» [16, с. 136], несмотря на это, эргоним, переведенный на татарский язык, по своему значению и содержанию должен соответствовать оригиналу. Здесь приоритет отдается правильному выбору слов, порядку слов и отсутствию грамматических ошибок. Например, торговую точку «Фрукты» следует переводить не просто как «*Жиләк*» ‘ягода’, а как «*Жиләк-җимеш*».

3. Принцип систематичности или единства. Этот принцип полностью распространяется на названия бюджетных организаций. Здесь предусмотрены такие особенности, как представление эргонимов, использование отдельных слов только в одном варианте и т. д. Особую внимательность следует проявлять при использовании терминов, связанных с государственной структурой, поскольку в условиях двуязычия в конце XX в. в татарской эргонимии возникли разночтения. При наименовании организаций следует использовать только те слова и единицы письменного литературного языка, которые понятны народу, широкой общественности или специально рекомендованы государством. Например, в названиях образовательных и медицинских учреждений встречаются сложные и длинные эргонимы:

Казан шәһәре Авиатөзелеш районының «Аерым предметлар тирәнтен өйрәнелә торган 54 нче урта гомуми белем бирү мәктәбе» гомуми белем муниципаль бюджет учреждениесе. – Муниципальное бюджетное общеобразовательное

учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 87 с углубленным изучением отдельных предметов» Авиастроительного района г. Казани.

Үзәктерелешкән бактериологик лаборатория. В татарском языке нет слова *үзәктерелешкән*, правильный вариант – *үзәкләшкән* бактериологик лаборатория. – Централизованная бактериологическая лаборатория.

Перечисленные выше эргонимы, которые можно отнести к относительно понятным, несомненно, должны контролироваться и систематизироваться государством, в том числе на предмет лексических ошибок.

4. Принцип краткости. При упорядочении эргонимической системы значение этого принципа неопределимо. Слишком длинные, распространенные эргонимы приводят к повторениям, нарушениям смысловых отношений и порядка предложений, недопониманию адресатом. Например:

Казан шәһәре муниципаль берәмлегенең башкарма комитеты Казан шәһәренең балаларга өстәмә белем бирү «Ракета» комплексы балалар-яшүсмерләр спорт мәктәбе муниципаль учреждениесе. – Исполнительный комитет муниципального образования города Казани муниципальное учреждение дополнительного образования детей Комплексная детско-юношеская спортивная школа «Ракета» г. Казани.

На наш взгляд, помимо вышеуказанных принципов, при образовании эргонимов также должны соблюдаться и следующие требования:

1) максимально полное использование внутренних ресурсов татарского литературного языка;

2) использование только тех слов, которые не нарушают языковую норму и употребляются в татарском письменном литературном языке.

Таким образом, в условиях двуязычия вместе с изменениями, происходящими в нашем обществе, изменяется и язык. Одним из примеров этого явления служит интерференция, выраженная в эргонимах. Анализ ошибок в татарских эргонимах позволяет сделать вывод о том, что самыми частыми ошибками являются следующие: неправильное написание татарских букв, падежных окончаний и неверный порядок слов в предложении. Подобного рода ошибки приводят к отклонению от норм современного татарского литературного языка, а спустя какое-то время могут быть приняты за языковую норму. В эпоху глобализации это становится важной проблемой в плане сохранения языков, национально-культурных особенностей и самобытно-

сти различных народов. На наш взгляд, одним из наиболее эффективных методов решения проблемы, связанной с переводом названий организаций, информации на вывесках и официальных сайтах, является обращение к профессиональным переводчикам — «названия организаций представляют большую ценность как языковые средства, определяющие чистоту татарского языка, самобытность татарского народа» [17, с.142]. Безошибочное написание названий организаций в контексте соответствующих требований говорит не только о внутренней культуре, уровне сознания населения, но и об уровне развития государства, о высоком порядке внутри него, о четком соблюдении Закона о языке и внимательном отношении к татарскому языку со стороны государства, которое должно взять под собственный контроль информацию, представленную на вывесках нашего города и официальных сайтах, следить за тем, чтобы она была орфографически правильной, семантически точной, стилистически понятной населению [18]. На сегодняшний день изучение вопросов интерференции в эргонимах татарского языка является актуальной и перспективной темой, представляющей особый интерес для дальнейших научных изысканий.

Список источников

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 200 с.
2. Отин Е. С. Из истории русской эргонимии // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV: Ономастика. Кн. 1. Имя и культура. М., 1993. Ч. 1. С. 110–123.
3. Ван Фонг Ф. Вторая жизнь антропонимов в эргонимах // Русский язык за рубежом. 2009. № 4 (215). С. 92–100.
4. Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска). Ижевск: ИГПИ, 1996. 228 с.
5. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2002. 22 с.
6. Китайгородская М. В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Язык славянской культуры. 2003. С. 127–150.
7. Лесовец Н. Н. Эргонимия г. Луганска: структурно-семантический и социально-функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Луганск, 2007. 22 с.
8. Самтаров Г. Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1970. 87 с.

9. Дешериев Ю. Д. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Просвещение, 1972. 312 с.
10. Сагдеева Ф. К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. Казань: Фикер, 2003. 160 с.
11. Исхакова З. А. Двуязычие в городах Татарстана. Казань: Фикер, 2001. 188 с.
12. Ахунзянов Э. М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 179 с.
13. Галиуллина Г. Р. Интерференция как один из факторов развития вариативности звуковой системы татарского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 3 (33). С. 59–62.
14. Жлутенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Изд-во КГПИ, 1974. 231 с.
15. Юсупов Р. А. Тәржемә һәм сөйләм культурасы. Казан: Тат. кит. нәшр., 2008. 238 б.
16. Габдулхакова И. М. Способы перевода художественно-изобразительных средств в произведениях А. Еники. Казань, 2007. 188 с.
17. Амирова Р. М. Особенности образования современных татарских национальных эргонимов // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка. Казань: КГМУ, 2020. С. 136–143.
18. Татар лексикологиясе / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III. 1 кис. 536 б.

References

1. Podol'skaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 200 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Otin, E. S. (1993). *Iz istorii russkoi ergonimii* [From the History of Russian Ergonymy]. Materialy k serii "Narody i kul'tury". Vyp. XXV: Onomastika. Kn. 1. Imya i kul'tura. Ch.1, pp. 110–123. Moscow. (In Russian)
3. Van Fong, Fam. (2009). *Vtoraya zhizn' antroponimov v ergonimakh* [The Second Life of Anthroponyms in Ergonyms]. *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 4, pp. 92–100. (In Russian)
4. Prokurovskaya, N. A. (1996). *Gorod v zerkale svoego yazyka (na yazykovom materiale g. Izhevsk)* [A City in the Mirror of Its Language (Based on Linguistic Material from Izhevsk)]. 228 p. Izhevsk, IGPI. (In Russian)
5. Shimkevich, N. V. (2002). *Russkaya kommercheskaya ergonimiya: ragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Commercial Ergonymy: Pragmatic and Linguocultural Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. *Ekaterinburg*, 22 p. (In Russian)
6. Kitaigorodskaya, M. V. (2003). *Aktivnye sotsiolingvisticheskie protsessy v sfere gorodskikh naimenovanii: moskovskie vyveski* [Active Sociolinguistic Processes in the Sphere of City Names: Moscow Signs]. *Sovremennyyi russkii yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya*. Pp. 127–150. Moscow, Yazyk slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

7. Lesovets, N. N. (2007). *Ergonimiya g. Luganska: strukturno-semanticheskii i sotsial'no-funktsional'nyi aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ergonymy of Lugansk: Structural-Semantic and Social-Functional Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Lugansk, 22 p. (In Russian)
8. Sattarov, G. F. (1970). *Etapy razvitiya i ocherednye zadachi tatarskoi onomastiki* [Stages of Development and Next Tasks of Tatar Onomastics]. 87 p. Kazan, izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)
9. Desheriev, Y. D. (1972). *Razvitie yazykov narodov SSSR v sovetskuyu epokhu* [Development of Languages of the Peoples of the USSR in the Soviet Era]. 312 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
10. Sagdeeva, F. K. (2003). *Problemy kul'tury tatarskoi rechi v usioviyakh aktivnogo dvuyazychiya* [Problems of Tatar Speech Culture in Situations of Active Bilingualism]. 160 p. Kazan, Fiker. (In Russian)
11. Iskhakova, Z. A. (2001). *Dvuyazychie v gorodakh Tatarstana* [Bilingualism in the Cities of Tatarstan]. 188 p. Kazan, Fiker. (In Russian)
12. Akhunzyanov, E. M. (1978). *Dvuyazychie i leksiko-semanticheskaya interferentsiya* [Bilingualism and Lexical-Semantic Interference]. 179 p. Kazan, izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)
13. Galiullina, G. R., Mubarakzyanova, D. R. (2013). *Interferentsiya kak odin iz faktorov razvitiya variativnosti zvukovoi sistemy tatarskogo yazyka* [Linguistic Interference as One of the Factors in the Development of Tatar Sound System Variability]. Kazan, Filologiya i kul'tura. No. 3(33), pp. 59–62. (In Russian)
14. Zhlutenko, Y. A. (1974). *Lingvisticheskie aspekty dvuyazychiya* [Linguistic Aspects of Bilingualism]. 231 p. Kiev, izd-vo KGPI. (In Russian)
15. Yusupov, R. A. (2008). *Tərceməhəmə səjləm kul'turası* [Translation and Speech Culture]. 240 p. Kazan, Tatar.kit. nəshr. (In Tatar)
16. Gabdulkhakova, I. M. (2007). *Sposoby perevoda khudozhestvenno-izobrazitel'nykh sredstv v proizvedeniyakh A. Eniki: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Methods of Translation of Artistic and Visual Means in the Works of A. Eniki: Ph.D. Thesis]. Kazan, 188 p. (In Russian)
17. Amirova, R. M. (2020). *Osobennosti obrazovaniya sovremennykh tatarskikh natsional'nykh ergonimov* [Features of the Modern Tatar National Ergonyms Formation]. *Traditsii i innovatsii v prepodavanii inostrannogo yazyka: Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 136–143. Kazan, KGMU. (In Russian)
18. *Tatar leksikologiyase* (2017) [Tatar Lexicology]. Proekt žit. M. Z. Zəkiev; red. G.R. Galiullina. 536 b. Kazan, TƏhSI. – T. III. 1 kis. (In Tatar)

The article was submitted on 11.02.2025
Поступила в редакцию 11.02.2025

Амирова Роза Мунировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49.
nomer5ramiz@mail.ru

Габдулхакова Ильсеяр Масхутовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский государственный аграрный
университет,
420015, Россия, Казань,
К. Маркса, 65.
ilsiar75@mail.ru

Amirova Roza Munirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
nomer5ramiz@mail.ru

Gabdulkhakova Ilseyar Maskhutovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan State Agrarian University,
65 K. Marks Str.,
Kazan, 420015, Russian Federation.
ilsiar75@mail.ru

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА ПОЛИТИКА

© Наталья Ахренова, Егор Смирнов

LINGUOPRAGMATIC FEATURES OF CREATING A POLITICIAN'S PERSONAL BRAND

Natalia Akhrenova, Yegor Smirnov

The article analyzes linguopragmatic aspects influencing the formation of a politician's personal brand, since in the conditions of modern media space, the perception and success of a politician's activity largely depends on his/her public image. The analysis pays special attention to such key aspects of personal brand formation as idiosyncrasy, communicative strategies and tactics of interaction with the audience, linguistic means used to influence the target audience and the collective addressee. The article concludes that a politician's personal brand is a multimodal formation, including both verbal (lexicon, stylistic means, syntax, phonetics (prosody and intonation)) and non-verbal components (facial expressions, gestures, manner of dress), as well as the manner of interaction with the audience. The study of linguopragmatic features of creating a modern politician's brand is carried out using the topical material. We study the personal brand of Kamala Harris, the Vice-President of the United States, which makes the work especially relevant for modern linguistics, because it enables us to explore the features of communicative strategies and tactics implementation using lexical, grammatical, intertextual and stylistic means through the prism of conversion analysis.

Keywords: personal brand, political discourse, image, linguopragmatics, communicative strategies

Статья посвящена анализу лингвопрагматических аспектов, влияющих на формирование личного бренда политика, так как в условиях современного медийного пространства восприятие и успешность деятельности политика во многом зависит от его публичного имиджа. В ходе анализа уделяется особое внимание таким ключевым аспектам формирования личного бренда, как идиостиль, коммуникативные стратегии и тактики взаимодействия с аудиторией, лингвистические средства, участвующие в процессе воздействия на целевую аудиторию и коллективного адресата. Авторы приходят к выводу о том, что личный бренд политика представляется мультимодальным образованием, включающим как вербальные (лексика, стилистические средства, синтаксис, фонетика (просодия и интонация), так и невербальные (мимика, жесты, манера одеваться) компоненты, а также манеру взаимодействия с публикой. Исследование лингвопрагматических особенностей создания бренда современного политика проводится на актуальном материале. Авторы изучают личный бренд вице-президента США Камалы Харрис, что делает работу особенно актуальной для современной лингвистики, так как через призму конверсационного анализа изучаются особенности реализации коммуникативных стратегий и тактик посредством лексических, грамматических, интертекстуальных, стилистических средств.

Ключевые слова: личный бренд, политический дискурс, имидж, лингвопрагматика, коммуникативные стратегии

Для цитирования: Смирнов Е., Ахренова Н. Лингвопрагматические особенности создания личного бренда политика // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 13–22. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-13-22

Подобно рекламе известных, коммерчески успешных брендов, в современных политических реалиях личный бренд политика является основой для формирования лояльности со стороны избирателей, так как способствует выделению на

фоне оппонентов и создает устойчивое восприятие его как лидера. Персональный бренд современного политика представляет собой сложное многослойное образование, который строится, помимо собственно политических убеждений, на

грамотном сочетании вербальных (языковых, фонетических и просодических), невербальных, риторических, семиотических и мировоззренческих компонентов. Для грамотного и глубокого анализа образа политика наиболее продуктивным представляется рассмотрение лингвопрагматических характеристик как выступлений политиков, так и их активности в современных медиа: социальных сетях, блогах, средствах массовой информации.

Традиционная лингвистика фокусируется на структурных аспектах языка, в то время как лингвопрагматика исследует влияние контекста, культурных норм и социального взаимодействия на понимание и использование языка, в том числе изучает употребление языка с учетом возрастных, половых, общественно-статусных и профессиональных особенностей коммуникантов, а также конкретных условий и целей речевого акта. Это особенно важно в политическом дискурсе, где необходимо сформулировать свое сообщение, ориентируясь на различные группы избирателей, социальные контексты и актуальные темы и течения, например, в популярной культуре. Политическая риторика направлена на активное использование эмоций и формирование идентичности, что является важным аспектом конструирования политического имиджа в частности и личного бренда политика в целом.

Политический дискурс неразрывно связан с вопросами власти и борьбы за влияние. Ключевым пунктом формирования личного бренда политика является использование языка не только с целью донесения своих идей, но и управления восприятием со стороны избирателей. Учитывая влияние личного бренда политика на его деятельность, мы определили цель данной работы – выявление лингвопрагматических особенностей в создании личного бренда политика.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью личных брендов в политической среде, учитывая современное медийное пространство, где восприятие лидера зависит от его публичного имиджа и коммуникативных стратегий.

Цель исследования заключается в выявлении специфических лингвопрагматических характеристик, способствующих эффективному созданию и продвижению личного бренда политиков, на примере речевых стратегий, их вербального и невербального языковедения, используемых Камалой Харрис.

Материалами для исследования являются публичные выступления Камалы Харрис, а именно «2020 DNC» и «Kamala Harris on Abortion Rights».

Лингвопрагматические аспекты создания личного бренда политиков стали предметом значительного числа исследований как в России, так и за рубежом. Например, работы В. И. Карасика и А. П. Чудинова освещают ключевые концепции и стратегии в политической коммуникации, акцентируя внимание на роли языка в политическом дискурсе. Также исследование О. Н. Паршиной дополняет этот контекст, где анализируются практические аспекты российской политической речи, что позволяет глубже понять ее уникальные характеристики. О. С. Иссерс изучает коммуникативные стратегии и тактики, используемые в русском языке, что способствует анализу речевых особенностей политиков. Вклад В. А. Казабеевой в исследование взаимодействия участников общения в политическом дискурсе подчеркивает социальные аспекты, играющие важную роль в формировании личного бренда. Тем не менее, несмотря на обширный объем существующих публикаций, вопросы взаимосвязи лингвопрагматики и личного брендинга остаются недостаточно исследованными, особенно с учетом новых медийных условий и форм политической коммуникации. Таким образом, анализ конкретных речевых стратегий и их воздействия на имидж политика представляет собой актуальную задачу, способствующую расширению знаний в данной области.

Методология исследования включает следующие компоненты:

- лексический анализ текста: анализ лексического состава текста с точки зрения семантики, выбора конкретных единиц;
- стилистический анализ текста: анализ стилистических черт, языковых средств, используемых для решения коммуникативных задач;

Для сбора иллюстративного материала был использован метод сплошной выборки.

Личный бренд публичного человека во многом зависит от языковой личности, которая формируется из речевого паспорта и идиостиля (рис. 1), которые во многом продиктованы такими прагматическими факторами, как требования политтехнологов и PR специалистов.

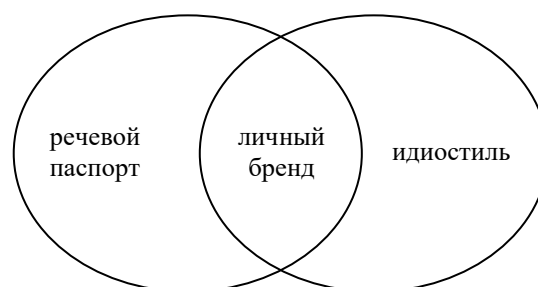

Рис. 1. Составляющие личного бренда

Речевой паспорт – это совокупность тех коммуникативных особенностей личности, которые и делают эту личность уникальной (или по меньшей мере узнаваемой). Идиостиль человека, если терминологически противопоставить его речевому паспорту, можно было бы трактовать как выбор говорящим тех или иных средств общения, поскольку стиль предполагает выбор. Речевой паспорт – это аспект коммуникативного поведения, а идиостиль – аспект коммуникативной компетенции. Компетенция также включает языковое чутье и языковой вкус – систему установок человека в отношении языка и речи на этом языке [1, с. 9].

В обобщенном варианте в речевом паспорте языковой личности выделяют 4 составляющих коммуникативной личности:

- биологическая (пол и возраст);
- психическая (эмоциональное состояние в момент речи);
- социальная (национальность, социальный статус, место рождения, профессия);
- индивидуальная.

В рамках изучения идиостиля языковой личности можно выделить ряд постоянных характеристик, которые проявляются в речевом поведении. К ним относятся:

- гендерные;
- национальные;
- психологические.

Также важны социальные факторы, такие как статус, профессия, а кроме того – индивидуальные языковые предпочтения. Эти предпочтения могут проявляться на уровне использования отдельных языковых средств и типов речи, например описания, повествования или рассуждения, что отражает специфику мышления. Существенную роль играют и культурные константы и стереотипы, которые выражаются через следование или отклонение от норм, а также креативность в речевом поведении. Жанровые предпочтения в дискурсивных практиках также могут указывать на стремление к гармоничному или, напротив, деструктивному общению. Среди переменных факторов речевого поведения выделяются ситуативные изменения в разных сферах общения, тематическое варьирование, учет адресатов, а также жанровые трансформации.

Поскольку выбранная нами для рассмотрения персона принадлежит к сфере политического дискурса, при анализе необходимо учитывать следующие характеристики политического дискурса [2, с. 43]:

– смысловая неопределенность (политики часто избегают высказываний своих мнений в максимально обобщенном виде);

– фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата: например, политики часто апеллируют к патриотизму, используя этот термин для оправдания своих действий, однако иногда это может означать поддержку определенных политических решений или действий, которые не всегда совпадают с интересами всех граждан);

– фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание);

– эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным);

– дистанцированность и театральность (необходимость политиков «работать на публику», привлекая ее своим имиджем).

Используемая в политическом дискурсе конативная функция языка реализуется через применение речевых стратегий и тактик. Стратегия определяется как «совокупность речевых действий», «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [3, с. 10].

В широком смысле стратегия понимается как комплексный план или подход, который используется для достижения определенных целей или результатов. Стратегия в рамках политического дискурса определяется целями:

– побудить адресата отдать свой голос на выборах за определенного кандидата, партию, блок, движение;

– завоевать авторитет или укрепить свой имидж, «понравиться народу»;

– убедить адресата согласиться с говорящим, его мнением, принять его точку зрения;

– создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата;

– дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу.

Для достижения выделяемых целей ключевыми для формирования личного бренда политика можно считать переменные факторы речевого поведения языковой личности, где на первый план выходит учет целевого адресата, часто обобщенного, от которого зависят жанровые особенности используемых политиком коммуникативных стратегий и тактик, лексического и стилистического репертуара, а также сложность построения фразы и текста в целом с точки зрения синтаксиса.

Традиционно в общении с аудиторией в политическом дискурсе принято рассматривать коммуникативные стратегии, выявленные О. Н. Паршиной (табл. 1) [3].

Таблица 1

Стратегии политического дискурса

Стратегия	Интерпретация
Самопрезентации	Акцент на положительных качествах оратора с целью создания положительного имиджа. Используется для формирования доверия и лояльности со стороны избирателей.
Дискредитации	Используется для техники уменьшения авторитета и влияния других кандидатов. Может включать в себя распространение негативной информации или использование личных атак.
Нападения	Включает в себя агрессивные высказывания и критику в адрес оппонентов. Эта тактика может быть эффективной в создании образа сильного лидера, готового отстаивать свои позиции.
Самозащиты	Нацелена на защиту собственных позиций и репутации от критики. Используется с целью оправдания своих действий и решений.
Формирования эмоционального настроя адресата	Акцентируется внимание на создании эмоциональной связи с аудиторией. Используются риторические приемы, чтобы вызвать нужные эмоции у слушателей и побудить их к действию.
Информационно-интерпретационная	Направлена на представление информации, которая была бы понята и интерпретирована в пользу политика.
Аргументативная	Акцент на логические доводы и аргументы в поддержку политических заявлений.
Агитационная	Используется для побуждения слушателей к действию. Может включать в себя эмоциональные призывы и обращения.
Манипулятивная	Использование скрытых приемов воздействия на мнение аудитории.

С точки зрения речевого воздействия стратегию следует анализировать через призму тактических приемов, поскольку она представляет собой искусство планирования, опирающееся на точные и дальновидные прогнозы. Это понимание подчеркивает, что стратегическое мышление требует тщательной оценки контекста и возможных последствий. Для построения личного бренда политика, как и для достижения других коммуникативных целей, принято прибегать к использованию комбинации стратегий, так как основной задачей любого общения и передачи информации в рамках политического дискурса является убеждение в своей позиции и привлечение сторонников.

Речевые тактики в политическом дискурсе представляют собой выбор и последовательность речевых действий [Там же, с. 44]. Рассмотрим речевые тактики политического дискурса, выявленные О. Н. Паршиной (табл. 2).

Таблица 2

Речевые тактики политического дискурса

Тактика	Интерпретация
Отождествления с кем-либо или чем-либо	Демонстрация принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе.
Солидаризации с адресатом	Тактика для выражения единства с аудиторией и поддержки. Создание атмосферы доверия и понимания.
Создания «своего круга»	Выделение группы людей, к которой политик себя относит, создавая тем самым ощущение принадлежности.
Дистанцирования	Обозначение различий между собой и оппонентами или нежелательными ассоциациями.
Нейтрализации негативного представления о себе	Снижение негативных стереотипов и представлений о себе.
Гипертрофирования	Преувеличение фактов или событий для создания более яркого и запоминающегося образа.
Акцентирования положительной информации	Выделение своих достижений и успехов при создании позитивного образа.
Эпатирования	Привлечение внимания и шокирование аудитории.
Насмешки	Способ критики, когда соз-

	дается образ более компетентного и остроумного кандидата.
--	---

Сравнивая понятия «стратегия» и «тактика», следует отметить, что речевая стратегия представляет собой совокупность речевых действий, нацеленных на достижение общей коммуникативной цели говорящего, тогда как речевая тактика является инструментом, включающим одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии [4, с. 109]. Кроме того, речевую тактику можно определить как «набор приемов, которые определяют использование определенных языковых средств в конкретных ситуациях» [5, с. 147]. Поскольку выбор речевых средств и приемов определяется намерениями говорящего, или, иначе говоря, стратегическим замыслом, можно утверждать, что стратегия включает в себя набор тактик, что позволяет рассматривать их как род и вид [2, с. 109].

Камала Харрис, выстраивая свой личный бренд, делает сильный акцент на инклюзивность, что пересекается с ее политической платформой. Она поддерживает равенство, свободу и справедливость для всех рас на территории США. Это можно интерпретировать как одну из основополагающих целей ее политической деятельности, а именно завоевание авторитета и голосов со стороны единомышленников по вопросам инклюзивности.

Для определения стратегии и тактики с целью достижения вышеупомянутой цели была проанализирована речь Камалы Харрис на «2020 DNC», официальном партийном мероприятии демократической партии США, где Камалу Харрис назначили вице-президентом.

Камала Харрис выбрала стратегию формирования эмоционального настроения адресата. Рассмотрим основные тезисы в речи политика на «2020 DNC»:

1) «...*And we celebrate the women who fought for that right...*»;

2) «...*These women and the generations that followed worked to make democracy and opportunity real in the lives of all of us who followed...*»;

3) «...*Black, Latino and Indigenous people are suffering and dying disproportionately...*».

Как мы видим, Камала Харрис использовала местоимение *we* в начале предложения, а далее объективный падеж этого же местоимения *us*, которое призвано объединить всех женщин среди аудитории праздновать победы прошлых поколений, боровшихся за права женщин в США. В данном примере Камала Харрис использует тактику солидаризации, создавая атмосферу едине-

ния всех женщин, которые, как и она, стремились и стремятся сделать статус женщины в обществе более весомым.

Используя прошедшее время, спикер показывает, что у всех в этой аудитории есть не только общее настоящее, но и общее прошлое, которое их объединяет и делает частью единого организма, способного достичь высоких результатов и принимать решения. Также использование прошедшего времени в двух первых примерах создает определенный контраст примеру номер 3, где используется настоящее продолженное время «...*are suffering and dying disproportionately...*», что демонстрирует нерешенность проблемы расовых предрассудков и притеснений по этническому признаку, в то время как вопрос равенства полов уже так остро не стоит.

Кроме того, в речи используются формы глагола *to follow*, чья семантика предполагает подчинение и продолжений действий, традиций, политического курса, что так же несет в своем значении коннотацию объединения. Для интенсификации этого семантического значения был использован прием повтора: «... *that followed worked to make democracy and opportunity real in the lives of all of us who followed...*».

Используя упомянутые выше лингвистические средства, в тезисах № 1 и 2 Камала Харрис, рассказывая о борьбе за свободы граждан в США, акцентирует внимание на феминистических движениях, которые боролись за демократию в США, выходя на марши и протесты с целью добиться равноправия. Здесь Камала Харрис использует тактику отождествления, так как впоследствии заявляет, что всю свою карьеру борется за права граждан США.

В тезисе № 3 упоминаются этнические группы, чьи права, по мнению Камалы Харрис, ущемляются. В данном случае используется тактика создания «своего круга», так как Камала Харрис – темнокожая женщина азиатского происхождения.

Можно сделать вывод, что для достижения одной из целей Камала Харрис построила свой политический бренд, основываясь в том числе на своем этническом происхождении и принадлежности к ущемляемому в правах слою общества, а умелое использование стратегий и речевых тактик политического дискурса поспособствовало корректно доносить свои мысли до избирателей и получать поддержку. Так, 79 % темнокожих и 62 % азиатских избирателей поддержали Камалу Харрис в 2020 г., в том числе 52 % женщин отдали свой голос в поддержку Камалы Харрис.

Являясь сторонницей независимости женщин в вопросах распоряжения своим телом, Камала Харрис включила в свою политическую платформу вопрос отмены запрета аборт на территории Соединенных Штатов Америки и активно выступает на публике с освещением этой проблемы с целью привлечения единомышленников.

Исходя из анализа выступления «Kamala Harris on Abortion Rights», для достижения этой цели политик использует информационно-интерпретационную стратегию.

1. «...*freedom is not to be given. It is not to be bestowed. Right. It is ours by right. It is ours by right, and that includes the fundamental freedom of a woman to be able to make decisions about her own body and not have her government telling her what to do...*».

В данном примере Камала Харрис использует тактику отождествления, употребляет в своей речи местоимение *ours*, что подчеркивает ее принадлежность ко всем американцам, которые имеют право на свободу, тем самым объединяя себя и всех граждан в борьбе за свои права. Кроме того, речь содержит отрицание пассивного отношения и восприятия ситуации, когда тебе диктуют, что такое свобода «...*freedom is not to be given*», что ее тебе дарят «*It is not to be bestowed*». Для интенсификации своей точки зрения оратор использует страдательный залог. Далее, развивая свою мысль, К. Харрис прибегает к использованию языковой игры, основанной на изменении значения слова *Right* в эллиптической конструкции, которая может быть воспринята аудиторией в значении 'Правильно', причем произнесено это не с вопросительной, а утвердительной интонацией, что также свидетельствует о намерении спикера показать, что она не случайный человек в аудитории единомышленников, что она понимает намерения, убеждения и чаяния собравшейся аудитории. Затем политик дважды повторяет фразу «*It is ours by right*», показывая свою уверенность в этом тезисе и понимание убежденности слушателей в том же.

Примечательным в данном случае является использование личного притяжательного местоимения *her*, что делает акцент на тот факт, что в первом случае это ее собственное тело («...*her own body...*»), которым не может распоряжаться избранное ее правительство («...*not have her government...*»). Тем самым Камала Харрис показывает зависимость власти от мнения каждого избирателя и то, что она согласна с этой точкой зрения.

2. «...*And now more than 20 states have Trump abortion bans, extremists that have passed laws that*

criminalize health care providers, doctors, and nurses, and punish women...».

Данное высказывание демонстрирует использование двух тактик: дистанцирования и эпатирования, обозначая некоторых государственных служащих *extremists*, тем самым осуждая их действия и демонстрируя свое несогласие с ними, используя при этом подлежащее *extremists*, имеющее остро негативный окрас по отношению к оппонентам. В это же время спикер, понимая, что люди указанных профессий могут быть в числе электората, как бы обеляет и дистанцирует их от преступных планов правящей верхушки, используя пассивную конструкцию и глагол «*criminalize health care providers, doctors, and nurses, and punish women...*» с резко негативной коннотацией. Учитывая скандалы, связанные с Д. Трампом, К. Харрис использует глагол «*punish women*», чтобы подчеркнуть желание отомстить тем женщинам, которые «осмелились» выступить против него. Тем самым происходит контрастирование с целью получения эмпатии аудитории и достижения эффекта единения.

3. «...*so, when I was in high school, my best friend, I learned, was being molested by her stepfather. And I said to her, look, you got to come and stay with us...*».

Этим высказыванием политик демонстрирует тактику акцентирования положительной информации, так как в рамках обсуждаемой темы Камала Харрис рассказывает историю, которая наглядно демонстрирует, как поднятая проблема коснулась близкого ей человека, и она ему помогла, демонстрируя, что чужие по крови люди могут не только быть жестокими и коварными по отношению к человеку, но и проявить участие, защитить и решить вопрос. Частотность употребления личного местоимения *I* призвана продемонстрировать сильные стороны политика, способность брать на себя ответственность и проявлять инициативу.

4. «...*And in our debate last week, well, that was fun. But and I know everyone here paid attention to the words...*».

Здесь Камала Харрис использует тактику насмешки, так как с юмором отзывается о минувших дебатах со своим основным оппонентом, после которых поддержка Камалы Харрис в ключевых штатах, таких как Мичиган и Невада, выросла на 1-2 пункта и подарила ей лидерство. Это помогло сделать ее выступление менее тяжелым и создать более непринужденную атмосферу, так как это последовало сразу после рассказа о трагедии, произошедшей из-за закона, против которого выступает политик.

Анализируя тексты выступлений политика, для формирования более объективного восприятия личного бренда политика необходимо помнить, что такое общение с аудиторией носит мультимодальный характер. В данном случае мы говорим об устной речи, где необходимо также рассматривать интонационную составляющую, так как интонация может в корне изменять посыл высказывания, передать оттенки смысла. В том числе, опираясь на одну только интонацию, возможно определить смысл изречения.

Американские ученые рассматривают интонацию как сложное единство высоты, силы, тембра и темпа в речи, которое оформляет, организует предложение, выделяет его смысловой центр, выражает его характер, чем выполняет определенные грамматические функции [6, с. 105].

Основными интонационными схемами в английском языке являются падающий тон, восходящий тон, падающий-восходящий тон и восходящий-падающий тон. Восходящая интонация означает, что высота голоса повышается со временем; нисходящая интонация означает, что высота голоса понижается со временем; падающая-восходящая интонация понижается, а затем повышается; восходяще-нисходящая интонация повышается, а затем понижается. Ударение и интонация – взаимосвязанные явления, они работают вместе, чтобы создать эффект «выделения» или «акцента». Акцентированные слоги могут произноситься ровным тоном, высоким или низким, или с изменением тона. Акцентированный слог, произнесенный на ровном тоне, описывается как имеющий статичный тон, в то время как акцентированный слог, на котором происходит изменение тона, имеет кинетический тон. Слог, который инициирует кинетический тон, называют ядром и говорят, что он имеет первичное, ядерное или тоническое ударение. Слог, произнесенный на ровном тоне, высоком или низком, называется статическим тоном, а тот, на котором происходит изменение высоты тона, – кинетическим тоном.

Интонация используется главным образом для того, чтобы показать отношение говорящего к слушателю или к затронутой теме. Интонация не только выполняет грамматическую функцию, но и выражает отношение, например удовольствие / опасность, симпатия / неприязнь, любовь / ненависть, вера / сомнение, ревность / удивление, раздражение / сарказм. Хотя интонация – это прежде всего изменение высоты тона, важно понимать, что функции, приписываемые интонации, такие как выражение отношения и эмоций или выделение аспектов грамматической струк-

туры, почти всегда связаны с сопутствующим изменением других просодических характеристик. Интонация – это, пожалуй, главное средство, с помощью которого говорящий передает свое отношение и эмоции. Грамматика высказывания не позволяет заметным образом определить, является ли отношение говорящего, например, удивлением, просьбой, предложением, вежливостью или благодарностью.

Например, использование повышающегося тона предполагает большую заинтересованность и доброжелательность со стороны говорящего. Падающе-восходящий тон предполагает сомнение, нерешительность со стороны говорящего. Необходимо учитывать, что факторы, которые определяют выбор одного шаблона по сравнению с другим, объективны и субъективны одновременно. Объективны в том смысле, что тип высказывания (утверждение против вопроса, команда против просьбы, даже простое предложение против сложного) важен, а субъективны в том смысле, что настроение говорящего и его отношение к тому, что он говорит, также имеют значение.

Высказывания обычно делаются с понижающейся интонацией (тоном). Падающая интонация свидетельствует о фактическом отношении говорящего. Но когда высказывание делается с повышающейся интонацией, то это означает некоторое волнение, недоверие, удивление со стороны говорящего. Это равнозначно и для вопросов, которые обычно задаются с понижающимся тоном. Использование повышающегося тона предполагает большую заинтересованность и дружелюбие со стороны говорящего.

На примере выступления Камалы Харрис «Kamala Harris on Abortion Rights» проследим тональность некоторых ее высказываний.

1. «*We trust (up) women*» – восходящая.
2. «*I will so (up) proudly sign it back into law*» – восходящая.
3. «*(up) Proudly sign it into (down) law*» – падающая.

В высказывании № 1 и № 2 используется повышающий тон, что свидетельствует о высокой заинтересованности спикера в теме своего выступления. В примере № 3 можно отметить падающую интонацию, которая показывает фактическое отношение Камалы Харрис к проблеме, а именно: она серьезно настроена на решение проблемы аборт на территории США. В том числе перечисленные примеры свидетельствуют о серьезной озабоченности спикера этой проблемой.

В рамках данной работы важно учитывать синтаксические особенности устной речи. В пре-

делах синтаксического уровня выделяют несколько подуровней, куда относятся разные типы предложений [7]:

- one-word sentences (имеют сильное решительное воздействие);
- rhetorical question;
- repetition (анафора, эпифора, обрамление, анадиплоз, параллельные конструкции, обратный параллелизм, инверсия, ретардация, обособленные конструкции, эллипсис, умолчание).

Стилистические приемы важны в устной речи, так как реализуют различные функции и стилистические эффекты, что можно заметить на примере публичных выступлений Камалы Харрис.

Рассмотрим вышеупомянутую речь Камалы Харрис «Kamala Harris on Abortion Rights». Интенсивность воздействия на публику коррелирует с обильным использованием стилистических средств. За время своего выступления политик использовала риторические вопросы:

- «...the right to make a decision about what happens to their body next?»;
- «Well, where you been? Where you been?»;
- «When it comes to taking care of the women and children of America?»;
- «Where have you been? How dare they? How dare they?»;
- «Let's break that down, shall we?»;
- «So we're saying that we're gonna create public policy that says that a doctor, a health care provider, will only kick in to give the care that somebody needs if they're about to die?»;
- «You're saying that good policy, logical policy, moral policy, humane policy is about saying that a health care provider will only start providing that care when you're about to die?»;
- «Proud that young women today have fewer rights than their mothers and grandmothers? How dare he?»;
- «And couples just trying to grow their family being cut off in the middle of IVF treatments, they didn't want this?».

Такое обилие риторических вопросов в речи демонстрирует высокую озабоченность Камалы Харрис проблемой запрета аборт на территории США, что явно выражается через эмоции политика и привлекает внимание аудитории к этой проблеме. Риторические вопросы отлично демонстрируют идеи выступающей, Камала Харрис сама отвечает на некоторые вопросы в своей речи и добивается эффекта вовлеченности, например, использованием таких вопросов: «Let's break that down, shall we?», которые находят положительный отклик среди аудитории, так

как можно услышать громкие одобрительные возгласы.

Политик в своей речи использует такой прием, как полисиндетон, который создает определенную ритмичность высказывания и соединяет предложения, идейно равные по эмоциональной важности:

- «One of early stages after the Dobbs decision came down told me with tears, she was with her husband, about how only when she developed sepsis did she receive emergency care. Only when she developed sepsis did she receive emergency care».

Еще чаще встречается использование анафоры, которая призвана сильнее акцентировать внимание публики на проблему:

- «It is a fight for the future, and it is a fight for freedom, Yes. For freedom»;

- «In 2 states of those states, they provide for prison for life. Prison for life for health care providers for simply providing reproductive care, the care they so earnestly and rightly believe must be delivered»;

- «Think about that when you also combine that with what we know has been long standing neglect around an issue like maternal mortality. Think about that when you compound that with what has been long standing neglect of women in communities with a lack of the adequate resources they need for health care, prenatal, during their pregnancy, postpartum. Think about that. And these hypocrites wanna start talking about this is in the best interest of women and children»;

- «She was excited. She was working hard. She was a medical assistant. She was going to nursing school, raising her 6 year old son. She was really proud that she had finally worked so hard, that she gained the independence»;

- «Let's break that down, shall we? Yeah. Let's break that down. Let's break that down»;

- «He is proud. Proud that women are dying»;

- «But this is a health care crisis. This is a health care crisis, and Donald Trump is the architect of this crisis»;

- «But we know what we're up against, and we must we must speak of the stakes. We must remind»;

- «I can't believe they put that project 2025 in writing. I I they they put it they literally put it in writing. They bound it. They handed it out. I mean, they are simply out of their minds. And it's clear that they just don't trust women».

Исходя из всего вышеперечисленного, можно с уверенностью сказать, что выразительность и убедительность выступления была достигнута в том числе за счет использования различных стилистических приемов. Камала Харрис использо-

вала риторические вопросы, полисиндетон и анафоры, что в полной мере обозначило идеи спикера и ее решительность по обсуждаемому вопросу.

При построении личного бренда в политике немаловажной частью является коммуникация с общественностью путем демонстрации лидеров мнений, которые поддерживают твои ценности и политическую программу в целом.

Среди публичных личностей, которые поддерживают Камалу Харрис, можно выделить следующих:

– Барбара Стрейзанд (поддерживает Харрис за ее позиции по правам женщин и равенству, считает, что Харрис обладает необходимыми качествами для борьбы с дискриминацией и для улучшения условий жизни для всех американцев);

– Опра Уинфри (видит в ней человека, способного вдохновить молодежь и изменить политический ландшафт, Уинфри подчеркивает важность разнообразия и инклюзивности в политике);

– Серена Уильямс (поддерживает Харрис из-за ее активной позиции по вопросам прав женщин и равенства, особенно в сфере спорта, она видит в ней пример для молодого поколения);

– Джулия Робертс (поддерживает Харрис за ее лидерские качества и стремление к социальной справедливости, она ценит, что Харрис уделяет внимание проблемам, касающимся женщин и меньшинств).

Как можно заметить по вышеизложенному списку некоторых лидеров мнений, которые поддерживают Камалу Харрис, политик смог выстроить коммуникацию так, что она нашла отклик у людей, которые имеют большой вес в обществе.

В том числе важно затронуть и внешнюю коммуникацию Камалы Харрис. Стиль политика на публичных выступлениях отражает уверенность и профессионализм, тем самым выполняя важную коммуникативную функцию – подчеркивание лидерских качеств, готовность и открытость к диалогу с аудиторией. Она предпочитает классические брючные костюмы темных оттенков с минималистичными украшениями, к которым можно отнести часто встречающееся жемчужное ожерелье, символизирующее баланс между традиционностью и современностью. Аккуратная и мягкая прическа вместе с естественным макияжем дополняют образ сильного и открытого лидера, где каждый элемент стиля служит для усиления эффекта коммуникации, не отвлекая от содержания речи.

Подводя итоги сказанному выше, можно констатировать, что личный бренд Камалы Харрис строится на сочетании ее профессионального опыта, ценностей и коммуникационных стратегий. Политик демонстрирует свою озабоченность проблемой прав женщин и меньшинств, акцентируя внимание на равенстве и инклюзивности. Камала Харрис – одна из немногих цветных женщин, которые смогли достичь такого веса на политической арене, успех политика олицетворяет прогресс в расовом и гендерном разнообразии, что укрепляет ее позицию в политической сфере. Ее эффективные коммуникативные навыки способствуют установлению доверительных отношений с избирателями. Личный бренд Камалы Харрис выстроен очень качественно, начиная от внешней коммуникации до тактики построения своих публичных выступлений, которые оказывают сильное влияние на публику и способствуют ее укреплению на политической арене.

Камала Харрис оказывает сильное влияние на публику и укрепляет свои позиции на политической арене благодаря качественному использованию риторических приемов, таких как риторические вопросы и повторения, что делает ее выступления эмоционально насыщенными и убедительными. Речь политика отличается четкостью и лаконичностью, с короткими, запоминающимися высказываниями, которые быстро подхватываются СМИ. Камала Харрис управляет интонацией, чередуя акценты для усиления воздействия, а ее уверенный, но доступный тон создает ощущение надежности. Кроме того, она использует простой и понятный язык, сохраняя аутентичность, что способствует формированию доверительных отношений с аудиторией. В результате продуманного использования лингвистических средств Камала Харрис формирует образ мощного и надежного лидера, способного эффективно взаимодействовать с аудиторией.

Список источников

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта, 2012. 252 с.
3. Паришина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 227 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕНАНД, 2017. 308 с.
5. Казабеева В. А. Формы реализации взаимодействия участников общения в политическом дискурсе // Успехи современного естествознания. 2013. № 7. С. 146–148.

6. Торсуева Г. П. Фонетика английского языка. М., 1950. 163 с.

7. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка. Seminars in Stylistics: монография. М., 2016. 184 с.

Библиографический список

1. Pew Research Center. How voters see the Harris-Trump matchup, and how engaged they are in the 2024 election. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/09/29/how-voters-see-the-harris-trump-matchup-and-how-engaged-they-are-in-the-2024-election/> (дата обращения: 13.10.2024).

References

1. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)

2. Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Political Linguistics: A Textbook]. 252 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

3. Parshina, O. N. (2012). *Rossiiskaya politicheskaya rech': Teoriya i praktika* [Russian Political

Speech: Theory and Practice]. 227 p. Moscow, Knizhny dom "Librokom". (In Russian)

4. Issers, O. S. (2017). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 308 p. Moscow, LENAND. (In Russian)

5. Kazabeeva, V. A. (2013). *Formy realizatsii vzaimodeistviya uchastnikov obshcheniya v politicheskom diskurse* [Implementation Forms of Communication Participants' Interaction in Political Discourse]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. No. 7, pp. 146–148. (In Russian)

6. Torsueva, G. P. (1950). *Fonetika angliiskogo yazyka* [Phonetics of the English Language]. 163 p. Moscow. (In Russian)

7. Kuharenko, V. A. (2016). *Praktikum po stilistike angliiskogo yazyka* [Seminars in English Stylistics]. Monografiya. 184 p. Moscow. (In Russian)

Bibliographic list

1. Pew Research Center. How voters see the Harris-Trump matchup, and how engaged they are in the 2024 election. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/09/29/how-voters-see-the-harris-trump-matchup-and-how-engaged-they-are-in-the-2024-election/> (accessed: 13.10.2024). (In English)

The article was submitted on 15.12.2024
Поступила в редакцию 15.12.2024

Ахренова Наталья Александровна,
доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории и практики
иностранных языков,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
nakhrenova@mail.ru

Смирнов Егор Дмитриевич,
магистр, студент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
1132247054@pfur.ru

Akhrenova Natalia Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor in the Department of Theory
and Practice of Foreign Languages,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
nakhrenova@mail.ru

Smirnov Yegor Dmitrievich,
Master's student,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
1132247054@pfur.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-23-27

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ФИЗИОЛОГИИ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В МОДЕРНИСТСКОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

© Федор Варфоломеев

EUPHEMIZATION OF HUMAN PHYSIOLOGY AND PHYSIOLOGICAL NEEDS IN MODERNIST ENGLISH LITERATURE BASED ON J. JOYCE'S NOVEL "ULYSSES"

Fedor Varfolomeev

The article studies the features of the euphemization of human physiology and physiological needs in modernist English literature (based on the novel by J. Joyce's "Ulysses"). The relevance of the article is the necessity of the phenomenon of euphemization to improve and preserve the integrity of languages to a certain extent, due to the formation of "political correctness" as a public phenomenon. Constant lexical changes in the language (neologisms, dysphemisms, argot words, etc.) and their connection with taboo contexts ("death", "woman", "physiology", etc.) can lead to the violation of its integrity and rules, as well as to the degradation of society as a whole. In addition, the concept of "physiology and physiological needs" has been unacceptable and is still considered unethical in oral and written (including literary) form till this day. To reduce the level of usage of such vocabulary, it is important to study euphemization as a linguistic and cultural phenomenon. The novelty of the article is an attempt to study the phenomenon of euphemization in one of the taboo contexts "physiology and physiological needs", whose unethicity did not affect J. Joyce's writing of his novel "Ulysses". The writer uses euphemisms to reflect this taboo concept, and deliberately breaks language rules in the novel. The purpose of the article is to study euphemization as a linguistic and cultural phenomenon in the taboo context of "physiology and physiological needs" based on specific literary material. The tasks are as follows: 1) to investigate the linguistic and cultural phenomenon of euphemization, its features and functions; 2) to analyze the relationship between euphemization and formed British character, as well as between the taboo concept of "physiology and physiological needs", language in general and obscene vocabulary; 3) to give examples of the studied concept's euphemisms from the novel "Ulysses" by J. Joyce.

Keywords: euphemism, euphemization, physiology, modernist English literature, political correctness, Ulysses, J. Joyce

Статья посвящена исследованию особенностей эвфемизации физиологии и физиологических потребностей человека в модернистской английской литературе (на примере романа Дж. Джойса «Улисс»). *Актуальность* темы статьи заключается в том, что явление эвфемизации в определенной мере необходимо для улучшения и сохранения целостности языков ввиду формирования общественного понятия «политкорректность». Постоянные лексические изменения в языке (неологизмы, дисфемизмы, слова из арго и т. п.) и их связь с табуированными контекстами («смерть», «женщина», «физиология» и др.) могут привести к нарушению его целостности и правил, а также к деградации общества в целом. Кроме того, данный концепт «физиология и физиологические потребности» был недопустим и считается неэтичным в устной и письменной (в том числе и литературной) форме до настоящего времени. Большая часть современных вульгаризмов, неологизмов и т. п. пришла в язык из этой темы. Для снижения уровня применения подобной лексики необходимо изучение эвфемизации как лингвокультурологического явления. *Новизна* статьи заключается в попытке изучить явление эвфемизации в одном из табуированных контекстов «физиология и физиологические потребности», неэтичность которого не влияла на написание Дж. Джойсом романа «Улисс». Писатель использовал эвфемизмы для отражения данного табуированного концепта и намеренно совершал ломку языковых правил при написании своего романа. *Целью* статьи является изучение эвфемизации как языкового и культурологического явления в табуированном контексте «физиология и физиологические потребности» на конкретном литературном материале. *Задачи* состоят в следующем: 1) исследовать лингвокультурологическое явление эвфемизации,

его особенности и функции; 2) проанализировать связь между эвфемизацией и сформировавшимся характером англичан, а также между табуированным концептом «физиология и физиологические потребности», языком в целом и обценной лексикой; 3) привести примеры эвфемизмов изучаемого концепта из романа Дж. Джойса «Улисс».

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизация, физиология, модернистская английская литература, политкорректность, «Улисс», Дж. Джойс

Для цитирования: Варфоломеев Ф. Эвфемизация физиологии и физиологических потребностей человека в модернистской английской литературе на примере романа Дж. Джойса «Улисс» // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 23–27. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-23-27

Английский ученый и поэт Деннис Джозеф Энрайт в работе «Fair of Speech: The Uses of Euphemism» приводит следующее определение эвфемизма лексикографа Томаса Блаунта: «хорошая или выгодная интерпретация плохого слова» (“a good or favourable interpretation of a bad word”) [1, с. 13], [2, с. 4]. И. Р. Гальперин определяет эвфемизм как «слово или фразу, заменяющее / -ую грубое высказывание или слово на условно более допустимое. Они фактически являются синонимами, придающими нарочито умеренный эффект, только напрямую указывают на понятие» [3, с. 173]. Эвфемизм также понимается как слово или выражение, являющееся деликатным и безобидным и используемое для замены термина, который кажется либо запретным, либо слишком резким, либо просто неподходящим для данного разговорного оборота [4, с. 387].

Явление эвфемизации связано с табу в первобытных обществах, когда накладывался запрет на какое-либо действие, предмет, заклинание ввиду того, что присутствовал страх произношения связанных с ними слов и совершался поиск более благоприятных. Для замены обозначений смерти, болезней, имен богов и духов были необходимы эвфемизмы [5, с.104].

Согласно М. Л. Ковшовой, эвфемизмы необходимы для соблюдения принятого в обществе речевого этикета и избежания конфликтной ситуации. Успешная эвфемизация зависит от четкого определения предмета речи и речевой ситуации, опыта и самоконтроля говорящего. Эвфемизмы не должны вводить в заблуждение и необходимы для создания эмоционально позитивного, доброжелательного, интеллигентного, успешного общения [6, с. 53].

Эвфемизмы отражают языковую тенденцию, связанную с утверждением и распространением политкорректности во всем мире. Слово *политкорректность* (“political correctness”) переводится как ‘политическая корректность’ («языковой такт») и определяется как «культурноповеденческая и языковая тенденция, нацеленная на замену

устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или другого человека, нейтральными или положительными эвфемизмами» [7, с. 55]. Политкорректность оказала значительное влияние в XX веке на языки большинства стран мира и стала причиной образования большого числа новых эвфемизмов. Она стремилась избежать любой дискриминации, проявить языковой такт, вежливость, гуманизм, которые являются ее основой и причиной эвфемизации. К основным сферам эвфемизации до появления понятия «политкорректность» относились сверхъестественные силы, болезни, тело человека и т. п.: “the Evil One” – “devil” (‘дьявол’, ‘зло’), “deceased” – “dead” (‘мертвец’); “communicable disease” (‘передающееся заболевание’) – “venereal disease” (‘венерическое заболевание’) и т. п. [8, с. 25].

Б. А. Ларин отмечал, что эвфемизмы как недолговечное историческое явление условно-обязательно употреблялись в ораторской речи, литературе и т. д. Они порождались лживой моралью, либеральными фразами, политической позицией, «эзоповым языком». По семантической структуре эвфемизмы являются разновидностью метафоры, метонимии, синекдохи и др. Главной их функцией являлось не образное представление действительности, а «прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений» [9, с. 120]. Отсюда можно утверждать об окказиональном характере эвфемизмов – зависимости их от контекста речи.

Литература конца XIX – начала XX века оказала влияние на формирование характера народа Великобритании, появление понятия «политкорректность» и развитие эвфемизации, что привело к формированию их отличительных поведенческих особенностей и отнесения себя к *gentle* – человеку «благородного происхождения», «светских правил» поведения, хорошего воспитания и т. п. Ввиду изменений в экономике Великобритании, развития социальных институтов среднего класса, влияния литературы и юмора, повышения самоконтроля и законопослушания для народа

Великобритании характерны следующие стереотипы: *reserve*, *politeness*, *hooliganism*, *hypocrisy*, *privacy*... [10, с. 22], [11, с. 38].

Тема физиологии и физиологических потребностей была одной из главных табуированных тем. Она вместе с изображением половых актов и эротики считалась недопустимой для обсуждения и письма. Обозначения частей тела, органов, независимо от их замены эвфемизмами, воспринимались и воспринимаются как неприличные. Однако в английском языке и литературе все-таки содержатся некоторые выражения, которые считаются эвфемизмами, например, при описании:

1) психических расстройств человека: *to be out (take, leave) of one's senses*; *to go nuts* и т. д.;

2) наготы человека: *to pay a call*; *in the straw* и др.;

3) физических и умственных недостатков: *patients living in state of persistent unconsciousness*; *handicapped* и т. д. [8].

Слова, связанные с данной табуированной темой, относятся, в основном, к обценной лексике. Ей свойственны грубые, непристойные выражения, которые используются в речи для передачи эмоциональной реакции «на неприятную ситуацию» [12, с. 49]. Эта лексика связана с жаргоном, сленгом, матом и также считалась недопустимой для употребления в литературных произведениях. Английский язык в настоящее время постоянно пополняется этой лексикой, что нарушает его целостность и установленные правила, но при этом делает речь упрощенной и понятной для молодежи.

Тема физиологии и физиологических потребностей в английском языке, как правило, выражается в словах и выражениях: *sex*, *org**m*, *nudeness* ('нагота'); *to lose... mind* ('сойти с ума'), *to sleep* и *roll in the hay* (в значении «переспать»); *to refresh oneself* (в значении «насытиться чем-то») [13, с. 137], *hog* (в значении «мужской половой орган») и др. Можно заметить, что некоторые из них являются эвфемизмами (такие как *to sleep*, *roll in the hay*, *to lose... mind* вместо *to go mad*; *to refresh oneself* вместо *to eat*; *hog* вместо *pe**s*). Однако с учетом непостоянности явления эвфемизмов в английский язык пришли слова, большая часть из которых являются дисфемизмами и жаргонизмами: *d**k*, *f**king*, *gay*, *gigolo* ('эскорт'), *dorky* (вместо *dumb* – 'глупый') и т. п.

Большая часть табуированных слов-жаргонизмов и дисфемизмов по теме физиологии и физиологических потребностей в определенном контексте фактически выполняют эвфемистическую функцию. К. Аллан и К. Барридж называют их эвфемистическими дисфемизмами –

выражениями, «расходящимися с намерениями, которые за ними скрываются» [14, с. 39]. К таким словам относятся слова *f**k* (дисфемизм-жаргонизм выражения *to have sex* – 'заниматься сексом'); *d**k* (дисфемизм-жаргонизм слова *pe**s* – 'мужской половой орган') и *s**t* ('дерьмо') – дисфемизм слов *excrement*, *feces* – 'навоз', 'отложения'. Эти слова также используются в современном английском языке в качестве основы для новых слов (*unf**kingbelievable* вместо *unbelievable* – 'невероятный'; *unf**kingreal* вместо *unreal* – 'нереальный'; *d**king around* в значении "*doing nothing*" – 'ничего не делать'; *s**tty*, *bulls**t* и др.) и выполняют дискурсивную функцию (становятся словами-«паразитами»); часто употребляются для передачи эмоциональной реакции на ту или иную ситуацию (например, *f**k* является эвфемистическим дисфемизмом-синонимом выражения *to go to Hell* – 'идти в ад' и используется как проклятье; *sh*t* – обобщающий эвфемистический дисфемизм слов *bad*, *awful*, *disgusting* – 'плохой', 'ужасный', 'отвратительный'). Однако в английской литературе конца XIX – начала XX века они, как и другая табуированная лексика, были запрещены для употребления.

В английской литературе конца XIX – начала XX века с уходом романтизма начало развиваться направление, представленное произведениями модернистов. Одним из представителей модернистской английской литературы был Джеймс Джойс. Его роман «Улисс» становится ярким примером направления модернизма. В нем современный мир представлен злым, бессмысленным хаосом, показаны беспощадность и одиночество человека, невозможность перебороть зло [15, с.19]. Также перекладывалась полная ответственность на человека за его тяготение к злу, и в романе содержалось много сцен реальной жизни с подробно описанными физиологическими процессами, оскорблениями людей и т. п.

Дж. Джойс, следуя «потoku сознания» и используя эвфемизмы, дисфемизмы и другие стилистические приемы, или даже прямым текстом, фиксирует внимание на всем уродливом и отвратительном. Так в «Улиссе» приведены сцены интимных отношений, без романтической любви, с помощью эвфемизации наименований самого физиологического процесса: *avid suction* ('алчному с***нию'), *fooling* ('дурачества') и т. п. [16, с. 626, 875], [17, с. 485, 699]. Дж. Джойс нарушал логику и правила литературного английского языка, его синтаксиса, следовал теории «потoku сознания» У. Джеймса, использовал варваризмы, совмещал английские слова с древнегреческими, латинскими, еврейскими и т. п., тем самым строя

«новый синтаксис и буйный словарь» [18, с. 315–316]: *exhibitionistic* (‘экзгибиционистично-стью’) – эвфемизм наготы женского тела (слово *nudeness* – ‘нагота’), о чем говорил главный герой романа, показывая развращенность своего характера; *postsatisfaction* (‘пост-удовлетворенности’) – эвфемизм физиологического удовлетворения героя после физиологического процесса (слова *orgasm*– ‘орг**м’) и др. [16, с. 622, 626], [17, с. 481, 686].

В то же время, в романе «Улисс» Дж. Джойс напрямую описывал табуированную тему физиологии и физиологических потребностей через слова и выражения: *milk me* (‘доить меня’), *meadero* (исп. ‘туалет’) и т. п. [8, с. 882, 883]; [17, с. 705], а также редко использовал обценную лексику для передачи эмоции через слова *f**k*, *s**t* [16, с. 696], [17, с. 705] и др.

Таким образом, на основании приведенных теорий и примеров из конкретной английской литературы, можно сделать следующие выводы:

1) эвфемизм является окказиональным лингвокультурологическим явлением, намеренно заменяющим грубое высказывание или слово на более допустимое; связан с явлением «политкорректность» и фактически (чаще в литературе) выполняет функцию прикрытия неприглядных явлений и является разновидностью метафоры и др. стилистических приемов;

2) тема «физиология и физиологические потребности» связана с обценной лексикой и является основой большого числа современных жаргонизмов, слов из сленга и неологизмов, из которых некоторые выполняют функцию слов-«паразитов»;

3) сформировавшийся характер англичан и появление понятия «политкорректность» оказали большое влияние на язык и литературу;

4) Дж. Джойс, как английский писатель-модернист, подробно описывал данный табуированный концепт в своем романе «Улисс» с помощью большого числа эвфемизмов, дисфемизмов и других стилистических приемов, а также обценной лексики.

Список источников

1. Enright D. J. Fair of Speech: The Uses of Euphemism. [Text] / Dennis Joseph Enright. Oxford: Oxford Univ. Press, 1985. 222 p.
2. Уткина М. С. Эвфемизмы в современном английском языке: маг. дис. Пенза: ПГУ, 2017. 84 с. URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/AneOctrREENa.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка: Учебник (на английском языке). Изд. Стереотип. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 336 с.

4. The Oxford Companion to the English Language [Text] / Ed. T. McArthur. Oxford/New York: Oxford University Press, 1992. 1194 p.

5. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. Москва: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

6. Ковишова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных эвфемизмов: монография. Москва: Гнозис, 2007. 320 с.

7. Большая Советская Энциклопедия в 30 т. Т. 29: Чаган – Экс-ле-Бен. / [ред. А. М. Прохоров, Н. К. Байбаков, А. А. Благонравов и др.]. Москва: «Советская Энциклопедия», 1972. 640 с.

8. Лазаревич Е. М. Употребление эвфемизмов с функцией политкорректности в публицистических текстах (на материале английского языка) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. №378. С. 25–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-evfemizmov-s-funktsiy-politkorrektnosti-v-publitsisticheskikh-tekstah-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 03.06.2024).

9. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: сб. ст. / ред. Б. А. Ларин. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1961. С. 110–123.

10. Fox K. Watching the English: the hidden rules of English behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.

11. Варфоломеев Ф. В., Зенкевич И. В. Дисфемизмы в английской литературе XX века. Модернистская направленность / Ф. В. Варфоломеев, И. В. Зенкевич // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 36–41. URL: <https://doi.org/10.17759/langt.2022090204> (дата обращения: 02.09.2024).

12. Воронцова Т. А. Культура речи: учеб. пособие. ГОУВПО «Удмуртский государственный университет». Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 141, [1] с.

13. Арсентьева Ю. С. Аспекты изучения эвфемизмов в английском и русском языках // Санкт-Петербург.: РГПУ, Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. №127. С. 136–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-izucheniya-evfemizmov-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 01.06.2024).

14. Allan K., Burridge K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language / Keith Allan, Kate Burridge. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.

15. Жантеева Д. Г. Английский роман XX века (ред. А. Н. Николюкин). Москва: Наука, 1965. 345 с.

16. Джойс Дж. Улисс. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Кристалл», 2001. 1152 с.

17. Joyce J. Ulysses / James Joyce. London: Egoist Press, 1922. 738 [2] p.

18. Васильева Е. К., Пернатыев Ю. С. 50 знаменитых английских романов. Харьков: Фолио, 2004. 510 с.

References

1. Enright, D. J. (1985). *Fair of Speech: The Uses of Euphemism*. Dennis Joseph Enright. 222 p. Oxford, Oxford Univ. Press. (In English)
2. Utkina, M. S. (2017). *Euphemismy v sovremennom angliyskom yazyke: mag. dis.* [Euphemisms in Modern English: Master's Thesis]. Penza, PSU, 84 p. URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/AneOctpREENa.pdf> (10.06.2024). (In Russian)
3. Galperin, I. R. (2018). *Stilistika angliyskogo yasyka: Uchebnik (na angliyskom yasyke)* [Stylistics of the English Language: A Textbook (in English)]. Izd. Stereotyp I. R. Galperin. 336 p. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROCOM". (In English)
4. *The Oxford Companion to the English Language* (1992). Ed. T. McArthur. 1194 p. Oxford/New York, Oxford University Press. (In English)
5. Reformatskii, A. A. (1996). *Vvedeniye v yazykovedeniye* [Introduction to Linguistics]. Pod. red. V. A. Vinogradova, A. A. Reformatskiy. 536 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
6. Kovshova, M. L. (2007). *Sematika i pragmatika euphemizmov. Kratkii tematicheskii slovar sovremennykh euphemizmov* [Semantics and Pragmatics of Euphemisms. Brief Thematic Dictionary of Modern Euphemisms]. Monographya. M. L. Kovshova. 320 p. Moscow, Ghnozis. (In Russian)
7. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya* (1972) [The Great Soviet Encyclopedia]. V 30 t. T. 29: Chagan – Eksle-Ben. Red. A. M. Prokhorov, N. K. Baibakov, A. A. Blagonravov i dr. 640 p. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russian)
8. Lazarev, Y. M. (2014). *Upotrebleniye euphemizmov s funktsiyey politkorrektnosti v publitsisticheskikh tekstakh (na materiale angliyskogo yazyka)* [The Use of Euphemisms with the Function of Political Correctness in Journalistic Texts (based on the English language)]. Statya. Vestn. Tom. gos. un-ta. No. 378, pp. 25–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotrebleniye-evfemizmov-s-funktsiyei-politkorrektnosti-v-publitsisticheskikh-tekstakh-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (03.06.2024). (In Russian)
9. Larin, B. A. (1961). *Ob euphemizmakh* [On Euphemisms]. Problemy yazykoznanii: sb. st. Red. B. A. Larin. Pp. 101–114. Leningrad, izd-vo Leningradskogo un-ta. (In Russian)
10. Fox, K. (2004). *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. 424 p. London, Hodder & Stoughton. (In English)
11. Varfolomeev, F. V., Zenkevich I. V. (2022). *Dysphemismy v angliiskoi literature XX veka. Modernistskaya napravlennost* [Dysphemisms in English Literature of the 20th Century. The Modernist Focus]. Statya. F. V. Varfolomeev, I. V. Zenkevich. Yazyk i tekst. Tom 9. No. 2, pp. 36–41. URL: <https://doi.org/10.17759/langt.2022090204> (02.09.2024). (In Russian)
12. Vorontsova, T. A. (2011). *Kultura rechi: uchebnoye posobiye* [Culture of Speech: A Textbook]. T. A. Vorontsova, SEIHPЕ "Udmurt State University". 141 [1] p. Izhevsk, Udmurt Uni-ty. (In Russian)
13. Arsent'yeva, Y. S. *Aspekty izucheniya euphemizmov v angliiskom i russkom yazykakh* [Aspects of Studying Euphemisms in the English and Russian Languages]. Statya. Y. S. Arsent'yeva. St. Petersburg, RSPU, Izvestiya RSPU A. I. Herzena. No. 127, pp. 136–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-izucheniya-evfemizmov-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (01.06.2024). (In Russian)
14. Allan, K., Burridge, K. (2006). *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. Keith Allan, Kate Burridge. 303 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
15. Zhant'yeva, D. G. (1965). *Angliiskii roman XX veka* [The English Novel of the 20th Century]. D. G. Zhant'yeva. Red. A. N. Nikolyukin. 345 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
16. Dzhois, Dzh. (2001). *Ulyss* [Ulysses]. James Joyce. 1152 p. Saint-Petersburg, "Izdatelskii Dom 'Krystall'". (In Russian)
17. Joyce, J. (1922). *Ulysses*. James Joyce. 738 [2] p. London, Egoist Press. (In English)
18. Vasilyeva, Y. K., Pernatyeva, Y. S. (2004). *50 znamenitkh angliiskikh romanov* [50 Famous English Novels]. Y. K. Vasilyeva, Y. S. Pernatyeva. 510 p. Kharkiv, Folio. (In Russian)

The article was submitted on 24.12.2024

Поступила в редакцию 24.12.2024

Варфоломеев Федор Витальевич,
преподаватель английского языка,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
127051, Россия, Москва,
Сретенка, 29.
fvarfolomeev756@gmail.com

Varfolomeev Fedor Vitaliyevich,
English language teacher,
Moscow State Psychological and Pedagogical University,
29 Srtenka Str.,
Moscow, 127051, Russian Federation.
fvarfolomeev756@gmail.com

НЕНОРМАТИВНЫЕ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РУНЕТЕ: СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА ФОРМ

© Анна Вяльсова

NON-NORMATIVE PAST PASSIVE PARTICIPLES: SEMANTICS AND GRAMMAR OF FORMS

Anna Vyalsova

The article deals with the occasional past passive participles of the type *zabluzhennyi*, *prisnennyi*, derived from the reflexiva tantum verbs. The problem of the derivation and use of these forms raises a number of questions related to the definition of the criteria for the normativity of these derivatives, their qualification as an error or as a language game, and an explanation of the reasons for their use. The material for the corpus-based study is data from “The General Internet-Corpus of Russian (GICR)”. The purpose of the study is to search for derivational principles of occasional participles, to evaluate statistics of their use, to consider the contextual conditions of the use of participles with subjects and objects of different types, and to determine the main lexical and grammatical meanings of the words. As a result of the study, we have discovered that the derivation of these participles has an almost twenty-year tradition, since most of the forms were first fixed in the corpus in 2004-2006. Non-normative participles are most often derived from reflexive verbs directly, by passing the stage of a non-normative transitive verb without the postfix -*sy*. A contextual analysis shows that non-normative past passive participles are more often used with inanimate names. Finally, there were identified three meanings of the non-normative past passive participles: a resultative meaning of the time precedence of the main predicate, a stative meaning denoting the state of the subject or object without reference to the preceding action, and an adjectival meaning emphasizing timelessness, constancy of the described feature, which allows qualifying the obtained forms as verbal adjectives. Explanations given by the users to the forms of participles, words in quotation marks, and a reference to a motivating verb stem allow us to conclude that some non-normative derivatives are the result of a language game. The reason for such word creation can be considered as the speaker’s goal to fill the lexical and grammatical lacuna, obtaining the meaning of an unintentional, unconscious state without referring to a specific situation in the past. This study makes it possible to identify the main tendencies in the language of the Runet.

Keywords: past passive participle, reflexiva tantum verbs, resultative, stative, adjectival meaning

В статье анализируются окказиональные страдательные причастия прошедшего времени типа «заблуженный», «присненный», образованные от глаголов reflexiva tantum. Проблема образования и употребления указанных форм ставит целый ряд вопросов, связанных с определением критериев нормативности данных образований, их квалификацией как ошибки или как языковой игры, объяснением причин их использования. Материалом корпусного исследования послужили данные Генерального Интернет-корпуса Русского Языка (ГИКРЯ). Цель исследования – выявление принципов образования окказиональных причастий, оценка частотности их употребления, рассмотрение контекстуальных условий употреблений причастных форм с субъектами и объектами разных типов, определение основных лексико-грамматических значений слов. В результате исследования было обнаружено, что образование данных причастий имеет почти двадцатилетнюю традицию, поскольку большинство форм впервые зафиксировано в корпусе в 2004–2006 гг. Ненормативные причастия чаще всего образуются от возвратных глаголов напрямую, минуя ступень образования ненормативного переходного глагола без постфикса -ся. Контекстуальный анализ показал, что ненормативные страдательные причастия чаще употребляются с неодушевленными именами. Наконец, были выявлены три значения формы ненормативного страдательного причастия: результатив со значением предшествования времени действия основного предиката, статив, обозначающий состояние субъекта или объекта без отсылки к предшествующему действию, и адъективное значение, подчеркивающее вневременность, постоянство описываемого признака, что позволяет квалифицировать полученные формы как отглагольные прилагательные. Пояснения пользователей к формам причастий, написание слов в кавычках, отсылка к мотивирующей глагольной основе по-

звolyют сделать вывод, что некоторые ненормативные образования являются результатом языковой игры. Причиной такого словотворчества можно считать цель говорящего заполнить лексико-грамматическую лауну и получить значение ненамеренного, неосознанного состояния без отсылки к конкретной ситуации в прошлом. Данное исследование позволяет выявить основные тенденции в языке современного Рунета.

Ключевые слова: страдательное причастие прошедшего времени, глаголы *reflexiva tantum*, результаты, стaтив, адъективное значение

Для цитирования: Вальсова А. Ненормативные страдательные причастия прошедшего времени в Рунете: семантика и грамматика форм // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 28–23. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-28-36

В современных исследованиях аномальных языковых явлений, помимо фиксации языковых единиц, образованных или употребленных с нарушением нормы, предпринимается попытка объяснить причины возникновения описываемых явлений. Окказионализмы позволяют выявить грамматические и семантические лауны, которые заполняют носители языка. Созданные слова и конструкции могут закрепиться в языке, а могут стать фактом разговорной речи только на определенный временной отрезок, но изучение ненормативных языковых явлений важно для составления целостной картины языка.

Аномалии глагольных форм – наиболее интересная и непредсказуемая группа новообразований, так как в производных словах особым образом взаимодействуют семантика и грамматические категории глагольных форм. Данная тема в последнее время все больше обращает на себя внимание исследователей: например, псевдопричастия – отглагольные образования, формально напоминающие причастия, но развивающие другую семантику, – рассмотрены В. А. Плунгяном [1], случаи образования ненормативных страдательных причастий настоящего времени и их использование в поэтических текстах были исследованы Л. В. Зубовой [2], в статье И. В. Замятиной и А. В. Егоровой проанализированы причастные окказионализмы – архитектурные термины [3].

Объектом настоящего исследования являются отглагольные образования от непереходных глаголов типа *зabлуженный*, *присненный*. Поскольку данные формы имеют суффиксы, соотношенные с суффиксами страдательных причастий прошедшего времени, далее для удобства соотнесения с нормативными формами они будут именоваться страдательными причастиями прошедшего времени. В статье будут рассмотрены принципы образования, а также грамматические и семантические особенности указанных глагольных форм, будут выявлены те смыслы, которых «не хватает» говорящим при использовании нормативных старательных причастий

прошедшего времени. Материалом исследования послужили данные Генерального Интернет-корпуса Русского Языка (ГИКРЯ) [4]. Корпусные методы исследования на основе ГИКРЯ в большей степени позволяют проанализировать аномальный материал, поскольку поиск осуществляется по социальным сетям, где можно обнаружить примеры словотворчества, определить примерное возникновение новых слов, с помощью статистических методов исследования выявить слова, которые являются наиболее «модными» в определенный временной отрезок.

Однако работа с окказионализмами в ГИКРЯ требует определенной методологии. При работе с окказионализмами необходимо прибегать к методу лингвистического моделирования. Поиск слова с заданными грамматическими характеристиками не дает возможности выявить ненормативные формы, образованные с помощью других суффиксов. Так, поиск причастия от глагола *зabлудиться* в Живом Журнале дал 101 употребление нормативно образованного слова *зabлудившийся*, однако искусственно созданное слово *зabлуженный* позволило обнаружить 13 словоупотреблений. Кроме того, следует учитывать авторскую орфографию, ошибочные написания, вариативность написания слова. Например, при поиске образований от глагола *надеяться* встречались написания как с двумя, так и с одной буквой *н*: *Бутье бдительным, само надеяны в себе* [4] (здесь и далее разрядка наша. – А. В.). Часть полученных форм требовала разграничения реальных окказионализмов и слов с опечатками: например, слово *зaикнутый* в словосочетании *зaикнутый круг* – результат ошибки при наборе текста на клавиатуре, где буквы *м* и *и* находятся рядом.

Список глаголов, от которых образованы рассматриваемые в исследовании причастия, представлен группой возвратных глаголов *reflexiva tantum*, большая часть которых приведена в диссертации С. Л. Лукиной [5, с. 97]. Образование ненормативных причастий от других групп глаголов рассмотрено в [6].

Поскольку примеры взяты из социальных сетей и представляют собой большей частью неотредактированные тексты, в них сохраняются авторская орфография, пунктуация, выделения фрагментов текста кавычками и заглавными буквами.

1. Принципы образования окказиональных страдательных причастий прошедшего времени

Грамматические условия образования страдательных причастий прошедшего времени – вопрос, который давно обсуждается в науке. Основными условиями образования страдательных причастий прошедшего времени выступают категория вида и переходность глагола. Страдательные причастия прошедшего времени отличаются нерегулярностью образования от глаголов несовершенного вида. В «Русской грамматике» (1980) отмечается: «Более регулярно образование страдат. причастий прош. вр. у переходных глаголов сов. вида» [7, т. 1, с. 671]. F. M. Borrás и R. F. Christian категорично заявляют о том, страдательные причастия прошедшего времени образуются только от глаголов совершенного вида, за исключением нескольких бесприставочных частотных глаголов типа *писать, читать, пить* [8, с. 168]. Проблема квалификации форм на *-ный*, образованных от глаголов несовершенного вида, как причастий или как отглагольных прилагательных подробно рассматривается в работах В. В. Виноградова [9, с. 234] и Л. П. Калакуцкой [10, с. 166–175].

Переходность производящего глагола также не является гарантией наличия формы страдательного причастия прошедшего времени. «Страд. причастия прош. вр. могут быть образованы далеко не у всех переходных глаголов» [7, т. 1, с. 671]. По замечанию В. С. Храковского, «информацию о наличии/отсутствии пассивной диатезы у глагольных лексем, очевидно, трудно сформулировать в виде компактного грамматического правила, не знающего исключений, из-за вероятностной природы пассивного преобразования, и поэтому данную информацию следует приписывать лексемам в словаре» [11, с. 10]. Формы, образованные от непереходных глаголов, принято считать отглагольными прилагательными, так как страдательный залог, как правило, напрямую связывают с переходностью глагола: «...только от переходных глаголов образуются страдательные причастия» [12, с. 70]. «Непереходные глаголы образуют причастия только действит. залога» [7, т. 1, с. 666] (разрядка источника. – А. В.). В словаре причастий И. К. Сазоновой в обобщенной таблице, пред-

ставляющей образование причастных форм, для непереходных глаголов не указана возможность иметь причастную форму [13, с. 19]. Однако некоторые исследователи допускают возможность образования страдательных причастий прошедшего времени от непереходных глаголов, мотивируя это тем, что страдательный залог и переходность взаимосвязаны, но не обуславливают друг друга. Н. Я. Янко-Триницкая объясняет появление форм страдательных причастий от непереходных глаголов «изменением в переходности производящих глаголов» [12, с. 70], см. также в [1]. А. Timberlake расширяет понятие переходности для глаголов *reflexiva tantum*, называя их «semi-transitive» [14, с. 345], что соотносено с идеей А. В. Исаченко о том, что наличие в данных глаголах возвратного постфикса *-ся* «не может быть истолковано как выражение непереходности, т. к. глаголы типа *бояться* или *разбегаться* не противостоят переходным глаголам без *-ся*» [15, с. 402]. Ю. П. Князев различает субъектные, объектные и двудиатезные конструкции со страдательными причастиями, которые в большей степени зависят от соотношения актантов в исходной глагольной конструкции и получившейся причастной конструкции, чем от переходности глагола [16, с. 527], однако некоторые группы получившихся причастий, по его мнению, находятся на границе нормы [Там же, с. 533].

Анализ данных ГИКРЯ позволил выявить способы образования окказиональных причастий.

Большинство ненормативных причастий образовано от возвратного глагола, однако место нормативного возвратного действительного причастия занимает страдательное причастие прошедшего времени.

(1) *Вышел после процедуры гастроскопии весь в соплях, закашлянный* [4].

(2) *не хочу искать дорогу хочу быть заблужденным в тебе* [Там же].

(3) *Через месяц и еще чуть чуть потусим, мы тоже все по вам истоскованные* [Там же].

В данных примерах окказиональные причастия можно заменить нормативными: (1) *закашлявшийся*, (2) *заблудившийся*, (3) *истосковавшийся*.

Приведенные выше окказиональные страдательные причастия прошедшего времени образованы от глаголов совершенного вида, однако в корпусе встретились образования и от глаголов несовершенного вида: (4) *Мужем битая, журналами пуганая, блогерами смеяная* [Там же]. Здесь причастие *смеяная* образовано, вероятно,

от глагола несовершенного вида *смеяться над кем-то*.

В некоторых примерах поддерживается связь с мотивирующим глаголом: (5) *Зазнавайся. Я тебя и зазнатого любить буду* :) [Там же].

Интересно отметить образование слова *воспользованный*. В данном случае наблюдается контаминация слов *использовать* и *воспользоваться*:

(6) *Может есть у кого не воспользованный велотренажёр?* [Там же];

(7) *А, ваша Любовь – она какая?, эгоистичная, вы чувствуете себя предательски – воспользованы?!* [Там же];

(8) *Значит теперь должны понимать что эти же законы будут воспользованы против вас* [Там же].

Вероятно, глагол *воспользоваться* в значении «использовать для себя» смешался с глаголом *использовать*, что позволило образовать форму страдательного причастия с семантикой возвратности, при этом основное значение «для себя», скорее всего, связано с приставкой. В примерах (6), (7) и (8) подчеркивается действие в своих интересах.

В следующую группу можно отнести отглагольные образования от возвратных глаголов с реципрокальным значением: *расстатый, поздорованный, пороцатый*. В некоторых случаях получившаяся форма сохраняет реципрокальность:

(9) *Во-первых, мы расстались с Серёжей. Договорились мы об этом ещё в декабре, но вот уже как день мы реально расстатые* [Там же].

Показательно, что пользователь приводит в тексте производящий глагол, чтобы результат его словотворчества был понятен. Интересно, что в ГИКРЯ не встретилась форма *расстанный* с суффиксом *-нн*, хотя имеется улица *Расстанная* в Санкт-Петербурге, происхождение названия которой вызывает споры. По одной из версий, название улицы восходит не к глаголу *расстаться*, а названию трактира «Расстанье» [17, с. 211–212], что соответствует наблюдениям В. В. Виноградова над происхождением форм на *-нный* и *-тый*: «...все крепче и неразрывнее становилось их отношение к отглагольным существительным главным образом на *-ение*, *-ание*, *-тие*» [9, с. 235].

Однако взаимно-возвратный характер семантики производящего глагола *расстаться, поздороваться, попрощаться* может быть стерт в получившемся причастии:

(10) – *у нас есть средства, хотя кризис и расстатый муж конечно может сильно изменить положение вещей* [Там же];

(11) *А интересно, что мы делаем, здороваясь с людьми, и наоборот – прощаясь? Какие метаморфозы происходят с «поздорованным» и «попрощатым» человеком?* [Там же].

В примерах (10) и (11) один из субъектов, участвующих во взаимном действии, начинает осмысляться говорящим как объект, с которым попрощались или поздоровались.

Особого внимания заслуживает образование *надеянный*, обладающее множественной мотивацией. С одной стороны, некоторые случаи употребления слова позволяют судить о том, что оно образованно от глагола *надеяться*:

(12) *Как всегда, самое любимое, долгожданное, надеянное. Моя любимая Карелия* [Там же];

(13) *Но получила 4 вместо надеянной 5 ки* [Там же].

В то же время можно предположить, что слово *надеянный* образовано путем декомпозиции от слова *самонадеянный*, при этом берется во внимание внутренняя форма слова в значении «надеяться на себя», эта мотивация часто подтверждается в контексте местоимением или элементом *само-*:

(14) *ну, я думаю, что все неправы) одни слишком были очарованы и надеянные, не само* [Там же].

Окказиональное образование *облокоченный*, вероятно, должно было бы быть мотивировано глаголом *облокотиться* или даже *облокотить*, поскольку этот тип возвратных глаголов может образовывать невозвратную форму, если субъектность действия сохраняется в контексте на лексическом уровне: *облокотить руку*, где рука выступает как неотделимая часть целого, а не как объект. Следует отметить, что слово *облокоченный* встречается в 9 примерах употребления по материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ), причем в произведениях А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. В. Набокова и др. Например, (15) *Свияжский сидел боком к столу, облокоченной рукой поворачивая чашку, другою собирая в кулак свою бороду и поднося ее к носу и опять выпуская, как бы нюхая* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина) [18]. Между тем в ГИКРЯ значение слова *облокоченный* расширилось до значения «прислонить что-то»:

(16) *она гоняла по квартире шарики воздушные, роняла матрас, облокоченный о стену (160 x 200) и сбрасывала все шампуни* [4];

(17) *Она почти лежала, вытянувшись, только голова была облокочена о бревно* [Там же].

В приведенных примерах (16) и (17) слово *облокоченный* теряет свою внутреннюю связь со словами *локоть* и *рука*.

Ненормативность следующей группы причастий связана не с формой самого причастия, а с мотивирующей глагольной основой. Так, форма *ошибнутый* восходит к глаголу *ошибнуться* или *ошибнуть*:

(18) *Но вроде без экцессов – все ошибнутые быстро исправились, баллов за это разумеется не снимала :-)* [Там же];

(19) *Мне кажется, что уж в своей-то работе я всегда увижу образовавшийся дефект. Но, проходит примерно год... как вещь эксплуатируется по назначению и я уже сама с трудом нахожу это «ошибнутое» место* [Там же]. В данном примере пользователь взял окказионализм в кавычки, подчеркивая искусственность образования. Если в примере (18) форма *ошибнутые* употребляется вместо *ошибившиеся*, то в примере (19) можно предположить, у выражения *ошибнутое место* наличие связи с существительным *ошибка*, поскольку имеется в виду место с ошибкой.

В связи с тем, что в возвратных глаголах *reflexiva tantum* постфикс рассматривается не как формообразующий, а как словообразующий аффикс, проблема образования окказиональных страдательных причастий от указанных глаголов попадает в область словообразования, в частности, связана с депостфиксацией. При этом «мотивированное слово, возникшее в результате обратного словообразовательного процесса...соответствует по структуре пропущенному звену словообразовательной цепочки» [19, с. 48]. Окказиональное страдательное причастие имеет множественную мотивацию. Так, причастие *улыбнутый* можно соотнести с возвратным глаголом *улыбнуться*, а можно в некоторых случаях объяснить образование этой формы отсылкой к ненормативному депостфиксированному глаголу *улыбнуть* с каузативным значением: *улыбнуться – улыбнуть – улыбнутый*. Условия и причины образования глагола *улыбнуть* детально были рассмотрены Т. И. Стекловой [20].

Некоторые формы можно соотносить с разными производящими основами. Например, рассмотренная выше форма *расстатый* может восходить к каузативному невозвратному глаголу *расстать/расставать*.

(20) *где вариант, когда оба расстающие и расстатые одновременно?*

Глагол *расставаться* с реципрокальным значением в результате депостфиксации оказался представленным парой значений: каузативного «делать одиноким», «оставлять» и декаузативного значения «быть брошенным, одиноким».

Анализ особенностей образования окказиональных причастных форм показывает, что поль-

зователи в основном используют форму возвратного глагола для образования страдательного причастия, не обращая внимания на грамматическую непереходность исходного глагола.

2. Статистика употребления окказиональных страдательных причастий прошедшего времени по материалам ГИКРЯ

В рамках исследования были рассмотрены 23 причастные формы. В таблице 1 представлена статистическая информация, дающая представление о частотности и распространении некоторых форм, а также о примерном времени возникновения формы. Поскольку данные ГИКРЯ ведутся только с 2003 г., нет возможности определить более ранние даты употребления в речи рассматриваемых глагольных форм.

Таблица 1

№	Окказиональное причастие	Мотивирующий глагол	Количество употреблений	Первое употребление по ГИКРЯ
1	Зазнатый	Зазнаться	166	2005
2	Залеженный/залежанный	Залежаться	79	2004
3	Втресканный	Втрескаться	73	2006
4	Облокоченный	Облокотить(ся)	54	2003
5	Воспользованный	Воспользоваться	49	2006
6	Наклюканый	Наклюкаться	47	2005
7	Заикатый	Заикаться	44	2004
8	Надеянный	Надеяться	27	2005
9	Заблуженный	Заблудиться	19	2006
10	Назюзюканный	Назюзюкаться	15	2004
11	Зазеванный	Зазеваться	9	2008
12	Захлебнутый	Захлебнуться	8	2006
13	Истоскованный	Истосковаться	8	2005
14	Присненый	Присниться	6	2006
15	Поздорованный	Поздороваться	5	2008
16	Расстатый	Расстаться	5	2006
17	Ошибнутый	*Ошибнуться	4	2009
18	Позаренный	Позариться	2	2007
19	Заартаченный	Заартачиться	1	2020
20	Закашлянный	Закашлять	1	2016

		ся		
21	Застеснен- ный	Застеснять- ся	1	2007
22	Попрощатый	Попро- щаться	1	2008
23	Смеянный	Смеяться	1	2012

Анализ контекстов употребления показал, что часть окказиональных причастий употребляется исключительно с неодушевленным субъектом: *позаренный, заартаченный*.

(21) *мне ещё нож подарили, мною позаренный, Kyoto* [Там же].

(22) *в полушариях шарят ядерные квадраты, заартаченный воздух в пылающей фактуре* [Там же].

Однако большинство окказиональных причастий определяет личный субъект, поскольку в семантике их глагольного корня присутствует личный компонент: *втресканный, зазеванный, зазнатый, заикатый, закашлянный, захлебнутый, назюзюканный, наклюканный, поздорованный, попрощатый, расстатый*.

Оставшиеся окказиональные образования могут употребляться как с личным, так и с неличным субъектом, причем распределение форм может сильно отличаться у причастий с разной семантикой. Например, причастие *залеженный/залежанный* с одушевленным субъектом в основном употребляется в цитатах из поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах» – *залежанные мужчины*, а остальные примеры связаны с товарами и предметами мебели, которые семантически соотнесены с лежанием. Кроме того, в некоторых примерах наблюдается соотнесенность окказионализма *залежанный* с причастием *засиженный* от глагола *засидеть* в значении «испачкать испражнениями» (о птицах), например, в предложении (23) *диван и кресло покрывала купили а то всё Топкинсоном залежанное* [Там же]. Вероятно, речь идет о домашнем питомце, который испортил мебель, потому что часто лежал на ней. Причастие в данном примере мотивировано глаголом *залежать* в значении «испортить», а не *залежаться* в значении «испортиться».

Причастие *присненный* в основном употребляется в сочетании *присненные сны*: (24) *С субботы моя френд-лента пестрит записями про присненные сны* [Там же]. Единственное обнаруженное причастие при одушевленном субъекте связано с Я говорящего: (25) *Решил отписать-таки, ибо сам был приснен в музыкальном контексте, причем с участием Ильи Белорукова* [Там же].

Напротив, причастие *зablуженный* в основном употребляется с одушевленными именами: (26) *не хочу искать дорогу хочу быть зablуженным в тебе* [Там же]. Единственный пример с неодушевленным субъектом обусловлен близостью семантики *зablудиться* – место: (27) *мы зablудились и в этом зablуженном месте их было просто море* [Там же].

В таблице 2 представлено количественное распределение форм, относящихся к одушевленному субъекту и к неодушевленному субъекту.

Таблица 2

№	Окказиональное причастие	Одушевленный субъект	Неодушевленный субъект
1	Залеженный/залежанный	4	75
2	Облокоченный	6	43
3	Воспользованный	2	47
4	Надеянный	16	11
5	Зablуженный	18	1
6	Истоскованный	5	3
7	Присненный	1	5
8	Ошибнутый	3	1

Полученные данные показывают, что окказиональные формы страдательных причастий чаще употребляются с неодушевленным субъектом, однако агенсом действия в текстах социальных сетей, как правило, выступает одушевленный субъект – сам говорящий или субъект 3 лица в функции объекта обсуждения.

3. Семантико-грамматические особенности окказиональных страдательных причастий прошедшего времени

У окказиональных страдательных причастий прошедшего времени можно выделить три семантико-грамматических значения.

1. Пассивное, или результативное, значение.

Данное значение может проявляться в способности формы сочетаться с именем существительным в творительном падеже в функции агенса. Например, (28) *Вот будешь смотреть на складки, залежанные маленьким котиком и его шерстинки, и вспомнишь на работе* [Там же]. В приведенном примере *маленький котик* выполняет функцию агенса, который кратно совершал действие, приведшее к результату, выраженному причастной формой.

Кроме того, результатив выражается в том, что признак, описываемый причастной формой, – это последняя, заключительная стадия развития действия, например, (29) *блудился блудился и вернулся зablуженный* [Там же].

В результате сильна связь с предшествующим действием, именно поэтому значение относительного времени данной формы страдательного причастия, как правило, – предшествование основному предикату [21, с. 334]. При этом обращение причастной формы к предшествующим событиям может создавать два типа контекстов: 1) одноплановый узальный контекст, в котором действия причастия и глагола-сказуемого принадлежат информативному регистру. Например, (30) *Единожды присненное не может быть возвращено в хаос никогда* [Там же]. В данном примере время действия субстантивированного причастия *присненное* предшествует событиям, выраженным основным предикатом. 2) разноплановый контекст, который, как правило, оформляется репродуктивным регистром и организуется актуальным временем: (31) *Так что я – вся осознавшая и всё понявшая – сижу... и просто жду сегодняшнего вечера – чтоб начать исправлять ошибнутое :))* [Там же]. Ситуация представлена в актуальном времени, а окказиональное субстантивированное причастие *ошибнутое* удерживает значение предшествования и создает разноплановость описываемой ситуации. Вероятно, слово *ошибнутое* выбирается вместо прилагательного *ошибочный*, поскольку отсылает к конкретным событиям в прошлом, что невозможно выразить формой прилагательного. Думается, что семантика пассива и результата окказиональных страдательных причастий понадобилась для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть неконтролируемость состояния говорящего (*заблужденный, присненный* вместо *заблудившийся, приснившийся*), а с другой стороны, поскольку возвратное действительное причастие прошедшего времени в большей степени связано с глаголом и, соответственно, с действием, окказиональное страдательное причастие выступает средством выражения результативного состояния.

2. Стативное значение.

Статив обозначает «завершающую стадию процесса, без отсылки к предшествующему положению дел» [21, с. 334]. Стативное значение причастия обычно выражает временное значение одновременности с действием основного предиката и организует одноплановые, однорегистровые фрагменты, как правило, репродуктивно-описательного или репродуктивно-повествовательного типа. Например, в (32) *...посреди моей комнаты зачем-то стоят гитара с обогревателем, облобоченные друг на друга* [Там же] значение одновременности причастной формы поддерживается глаголом-сказуемым, стоящим в настоящем времени. Стативное значение причастия

удерживает одновременность и в контексте прошедшего времени: (33) *Вышел после процедуры гастроскопии весь в соплях, закашлянный* [Там же]. В данном примере причастие *закашлянный* стоит в одном ряду с предложно-падежной формой *в соплях*, оба слова используются для описания внешнего состояния говорящего, при этом причастие передает состояние безотносительно к предыдущему действию *закашляться* и заполняет семантическую лауну: нормативное причастие *закашлявшийся* более связано с действием говорящего, если его употребить в контексте примера (33), то содержание ситуации изменится, так как герой будет изображен в процессе кашля. Видимо, выбор стативной формы страдательного причастия вместо возвратной формы действительного причастия прошедшего времени обусловлен желанием говорящего изобразить состояние вне связи с конкретным действием.

3. Адъективное значение.

Слова в данном значении – это, скорее, отглагольные прилагательные, а не причастия, так как они обозначают качество, вневременный признак, не соотносённый с конкретной ситуацией. Например, (34) *Заикатый мальчик – еще куда ни шло. В этом даже свой шарм есть своеобразный* [Там же]. В отличие от причастия *заикающийся*, в котором благодаря суффиксу поддерживается связь с моментом речи, форма *заикатый* не связана с моментом речи, а подчеркивает характерную манеру речи человека в целом. Данное образование можно сопоставить с прилагательными, обозначающими внешние качества человека: *косматый, носатый, бородатый*. Слово *зазнатый* еще больше отстоит от речевой ситуации и обозначает вневременную характеристику человека: (35) *Зазнавайся. Я тебя и зазнатого любить буду :)* [Там же]. В данном примере отсутствует пояснение, как именно молодой человек зазнавался. Однако в зависимости от степени связи слова с конкретной ситуацией в контексте может присутствовать поясняющий элемент.

Таким образом, материалы ГИКРЯ показали, что страдательные причастия по-прежнему встречаются в устно-письменной речи социальных сетей, их грамматическое значение осмысливается пользователями, что приводит к возникновению отглагольных окказионализмов. Рассмотренные слова – это не всегда отражение неграмотности пишущего, часто словотворчество помогает заполнить определенные семантико-грамматические лауны. Несмотря на случайное ошибочное образование форм, многие окказионализмы все-таки осмысливаются пользователями как ненормативные, это подтверждают напи-

сания, взятые в кавычки, отсылки к мотивирующему глаголу, объяснения значения получившегося слова. Думается, что выбор формы страдательного причастия прошедшего времени в ее результативном и стативном значениях позволяет передать неконтролируемость, неосознанность действия, сфокусироваться на состоянии субъекта или объекта без отсылки к конкретной ситуации.

Список источников

1. Плунгян В. А. Причастия и псевдопричастия в русском языке: о границах вариативности. URL: https://www.academia.edu/8063154/Причастия_и_псевдопричастия (дата обращения: 30.10.2024).
2. Зубова Л. В. Неузальные страдательные причастия настоящего времени в современной поэзии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neuzualnye-stradatelnye-prichastiya-nastoyaschego-vremeni-v-sovremennoy-poezii> (дата обращения: 30.10.2024).
3. Замятина И. В., Егорова А. В. Каннелированная колонна и кессонированный потолок: актуальные тенденции формообразования страдательных причастий в подязыке архитектуры // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи (Ярославль, 17–19 мая 2019 года): сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума. Ярославль, 2019. С. 491–497.
4. ГИКРЯ: 2.0. URL: <https://int.webcorpora.ru/spring2/> (дата обращения: 30.10.2024).
5. Лукина С. Л. Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2001. 170 с.
6. Вальсова А. П. Ненормативные формы страдательных причастий прошедшего времени и проблема таксиса // Слово. Словарь. Словесность: выдающиеся имена Герценовской русистики: сборник научных статей / отв. ред. А. И. Дунев. [Б. м.], 2021. С. 64–69.
7. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / ред. Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005. 1496 с.
8. Borras F. M., Christian R. F. Russian Syntax: Aspects of Modern Russian Syntax and Vocabulary. 2nd ed. Oxford: Clarendon press, 1971. 444 p.
9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык. 2001. 717 с.
10. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 227 с.
11. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5–38.
12. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. 247 с.

13. Сазонова И. К. Толково-грамматический словарь русских причастий. Изд. 3-е исправленное. М., 2008. 648 с.
14. Timberlake Alan. A Reference Grammar of Russian. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 503 p.
15. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. М., 2003. 880 с.
16. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. 704 с.
17. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении старинных названий в Ленинграде. Л.: Лениздат, 1960. 146 с.
18. Национальный корпус русского языка: сайт. 2003–2024. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 30.10.2024).
19. Улукханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 221 с.
20. Стеклова Т. И. Улыбнуло: языковое творчество или безграмотность? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 418–430.
21. Золотова Г. А., Онипенко Н. А., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.

References

1. Plungian, V. A. (2010). *Prichastiya i psevdoprichastiya v russkom yazyke: o granitsakh variativnosti* [Participles and Pseudoparticiples in the Russian Language: On the Scope of Variation]. URL: <https://www.academia.edu/8063154> Причастия_и_псевдопричастия_ (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
2. Zubova, L. V. (2015). *Neuzual'nye stradatel'nye prichastiya nastoyashchego vremeni v sovremennoi poezii* [Non-usual Present Passive Participles in Modern Poetry. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Vol. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neuzualnye-stradatelnye-prichastiya-nastoyaschego-vremeni-v-sovremennoy-poezii> (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
3. Zamyatina, I. V., Egorova, A. V. (2019). *Kannelirovannaya kolonna i kessonirovanniy potolok: aktual'nye tendentsii formoobrazovaniya stradatel'nykh prichastii v pod'yazyke arkhitektury* [Fluted Column and Coffered Ceiling: Current Trends in the Formation of Passive Participles in the Sublanguage of Architecture]. Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi (Yaroslavl', 17–19 maya 2019 goda): sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch. Simpoziuma, pp. 491–497. Yaroslavl. (In Russian)
4. *The General Internet-Corpus of Russian*. URL: <https://int.webcorpora.ru/spring2/> (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
5. Lukina, S. L. (2001). *Russkie vozvratnye glagoly i ikh angliiskie ekvivalenty: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Russian Reflexive Verbs and Their

- English Equivalents: Ph.D. Thesis]. Voronezh, 170 p. (In Russian)
6. Vyalsova, A. P. (2021). *Nenormativnye formy stradatel'nykh prichastii proshedshego vremeni i problema taksisa* [Non-normative Forms of Passive Past Participles and the Problem of Taxis]. Slovo. Slovar'. Slovesnost': Vydayushchiesya imena Gertsenovskoi rusistiki: Sbornik nauchnykh statei, pp. 64–69. (In Russian)
 7. Bryzgunova, E. A., Gabuchan, K. V. (Eds.). (1980). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vols. I–II, 1496 p. Moscow. (In Russian)
 8. Borras, F. M. (1971). *Russian Syntax: Aspects of Modern Russian Syntax and Vocabulary*. 444 p. Oxford, Clarendon Press. (In English)
 9. Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. 717 p. Moscow. (In Russian)
 10. Kalakutskaya, L. P. (1971). *Ad"ektivatsiya prichastii v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Adjectivalization of Participles in the Modern Russian Standard Language]. 227 p. Moscow. (In Russian)
 11. Khrakovskii, V. S. (1981). *Diateza i referentnost' (K voprosu o sootnoshenii aktivnykh, passivnykh, refleksivnykh i retsiprokhnykh konstruktii)* [Diathesis and Referentiality (On the Issue of the Relationship Between Active, Passive, Reflexive and Reciprocal Constructions)]. Zalogovye konstruktii v raznostrukturnykh yazykakh, pp. 5–38. Leningrad, Nauka. (In Russian)
 12. Yanko-Trinitskaya, N. A. (1962). *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive Verbs in Modern Russian]. 247 p. Moscow. (In Russian)
 13. Sazonova, I. K. (2008). *Tolkovo-grammaticheskii slovar' russkikh prichastii* [Explanatory and Grammatical Dictionary of Russian Participles.]. 648 p. Moscow. (In Russian)
 14. Timberlake, A. (2004). *A Reference Grammar of Russian*. 503 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press. (In English)
 15. Isachenko, A. V. (2003). *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya* [Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology]. 880 p. Moscow. (In Russian)
 16. Knyazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective* [Grammatical Semantics: The Russian Language in Typological Perspective]. 704 p. Moscow. (In Russian)
 17. Gorbachevich, K. S., Hablo, E. P. (1960). *Pochemu tak nazvany? O proiskhozhdenii starinykh nazvanii v Leningrade* [Why Are They Called That Way? About the Origin of Old Names in Leningrad]. 146 p. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)
 18. *The Russian National Corpus: site 2003–2024*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed: 30.10.2024). (In Russian)
 19. Ulukhanov, I. S. (1996). *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the Word-formation System of the Russian Language and Their Lexical Implementation]. 221 p. Moscow. (In Russian)
 20. Steksova, T. I. (2018). *Ulybnulo: yazykovoe tvorchestvo ili bezgramotnost'?* [Ulybnulo: Linguistic Creativity or Illiteracy?] Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. No. 2, pp. 418–430. (In Russian)
 21. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. (1998). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. 524 p. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 15.11.2024
Поступила в редакцию 15.11.2024

Вяльсова Анна Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
109651, Россия, Москва,
Иловайская, 9, стр. 2.
vyalova@yandex.ru

Vyalsova Anna Pavlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
St. Tikhon's Orthodox University
for Humanities,
9/2 Ilovaiskaya Str.,
Moscow, 109651, Russian Federation.
vyalova@yandex.ru

УДК 811.512.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-37-43

ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© Диля Гарипова

THE FACTORS INFLUENCING THE OCCURRENCE OF WORD SPELLING VARIANTS IN THE MODERN TATAR LANGUAGE

Dilya Garipova

The relevance of the article is due to the fact that language plays a decisive role in understanding the world around us and establishing communication between people.

Language is a dynamic system, constantly developing and changing. At any given time, language contains both new and obsolete elements. The reasons, mechanisms and algorithms for the emergence of new linguistic units often lead to the variant use of these elements. Variation is thus an integral part of the synchronic and diachronic development of language. It is also a fundamental feature characterizing the functioning of all linguistic units. Therefore, the problem of variability remains relevant in linguistics and requires further study.

The presence of linguistic variants can create difficulties for the speaker or writer, causing doubts about choosing one of them. Therefore, the problem of variability is closely related to the norm of the literary language. Although the norm should ensure the stability of the language, it is not static and allows for the emergence of new variants.

The presence of different variants of a word or its forms leads to paradigmatic diversity in language. Accordingly, some scientists consider it necessary to eliminate the options in order to preserve the literary norm. However, as most scientists believe, paradigmatic diversity is a necessary stage in the transformation of the linguistic system elements of any literary language, since it has a positive effect on the development of literary norms. Variants are also used as a means of stylistic enrichment of speech. In our research, we attempt to find out the factors of the occurrence of spelling variants of words in the modern Tatar language in terms of the functional and structural classification of the language.

The practical part analyzes the collected file (spelling variants of the same word). In the course of the study, the term “a variable nest”, based on the linguistic phenomenon “a lexical nest”, was introduced.

Keywords: spelling variants of words, linguistic factors, extralinguistic factors, functional features of the language, structural features of the language, variable nest

Актуальность статьи обусловлена тем, что язык играет решающую роль в познании окружающего мира и установлении коммуникации между людьми.

Язык является динамичной системой, постоянно развивающейся и меняющейся. В любой период времени в языке присутствуют как новые, так и устаревающие элементы. Причины, механизмы и алгоритмы появления новых языковых единиц часто приводят к вариантному использованию данных элементов. Вариантность, таким образом, является неотъемлемой частью синхронического и диахронического развития языка. Она также является фундаментальной характеристикой функционирования всех языковых единиц. Поэтому проблема вариантности остается актуальной в лингвистике и требует дальнейшего изучения.

Наличие вариантов языковых единиц может создавать трудности для говорящего или пишущего, вызывая сомнения при выборе одного из них. Поэтому проблема вариантности тесно связана с нормой литературного языка. Хотя норма должна обеспечивать стабильность языка, она не статична и допускает появление новых вариантов.

Наличие в языке слова или его формы в разных вариантах приводит к парадигматическому разнообразию. Исходя из этого, некоторые ученые считают необходимым устранить варианты в целях сохранения литературной нормы. Однако, по мнению большинства ученых, парадигматическое разнообразие является необходимым этапом преобразования элементов языковой системы любого литературного языка, так как оно положительно влияет на развитие литературной нормы, варианты также используются как средства стилистического обогащения речи. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка определить факторы, обуславливающие появление

орфографических вариантов слов в современном татарском языке, с позиций его функционально-структурной организации.

Практическая часть представляла собой анализ собранной картотеки (орфографические варианты одних и тех же слов). Также в исследовании было предложено ввести в употребление термин «вариативное гнездо» на примере лингвистического явления «лексическое гнездо».

Ключевые слова: орфографические варианты слов, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы, функциональные особенности языка, структурные особенности языка, вариативное гнездо

Для цитирования: Гарипова Д. Факторы возникновения орфографических вариантов слов в современном татарском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 37–43. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-37-43

Литературный язык представляет собой сложное явление, обусловленное как внутренними, так и внешними факторами. С одной стороны, его основой служат лингвистические связи и отношения с разговорной речью определённых регионов, зафиксированные в письменных источниках; с другой – развитие литературного языка неразрывно связано с экстралингвистическими факторами – мировыми геополитическими событиями и общественными процессами, происходящими в стране и затрагивающими жизнь её граждан. В связи с этим с научной стороны литературный язык должен изучаться в различных аспектах. Так, например, веками использовавшийся старотатарский литературный язык можно изучать как: а) языковые особенности письменных памятников, которые относятся к определённому периоду; б) отдельную жанрово-стилевую форму литературного языка; в) продолжение общетюркской традиции в письменных памятниках; г) особенности употребления в нем разговорных форм и т. д. В каком бы аспекте ни рассматривался литературный язык, его природа и история, в первую очередь, должны быть изучены в принятом иерархическом лингвистическом порядке, то есть, основываясь на фонетике, морфологию и лексику [1, с. 5].

И. Б. Баширова отмечает: «...говоря о вариативности нормы, в первую очередь нужно учитывать, что письменный язык характеризуется наличием нормы. Применение данного метода дает возможность изучения языковых особенностей старотатарских письменных текстов, не отделяя их от той исторической эпохи, в которой они были написаны. Для этого, наряду со смешанностью-вариативностью, свойственной структуре языка каждого текста, нужно определить также функциональные особенности употребления структурных элементов, так как продолжение каких-либо традиций можно увидеть только тогда, когда структурные особенности языковых единиц и особенности их употребления в отдельном тексте рассматриваются вме-

сте... Таким образом, когда речь идет о традиционной норме в письменных текстах, необходимо учитывать как структурные особенности языковых единиц, так и особенности их употребления в отдельно взятом тексте, а именно их функциональные особенности в сравнении с современным состоянием» [2, с. 101]

Согласно суждениям К. С. Горбачевича, причины, порождающие вариативность в языке, можно поделить на лингвистические (внутренние или языковые) и экстралингвистические (внешние). К первым автор относит:

- действие законов языковой экономии и аналогии;
- неэквивалентность формы и содержания;
- многообразие структурных возможностей языка.

Ко вторым он причисляет сложность этнического состава носителей языка, войны и социальные конфликты, демократизацию образования и другие факторы преимущественно социального характера [3, с. 17]. Автор отмечает, что влияние экстралингвистических факторов на становление новых норм «результативно» только в случае, если «оно идет параллельно внутренним свойствам языка и тенденциям его развития» [Там же, с. 15]. То есть навязывание чуждых языку норм едва ли будет иметь успех, поскольку язык, как и любая сложная система, функционирует по своим внутренним законам.

Лексический состав современного татарского литературного языка сформировался в 60-х годах прошлого столетия. XIX–XXI века в языкознании выделяются как период возникновения татарского национального языка [4, с. 32–33]

Современный татарский язык с позиции изученности и фундаментальной обоснованности претерпевает лучший период своего существования. Определены и глубоко изучены структура языка, жанрово-стилистическая составляющая его, диалекты татарского языка, определены нормы орфографии и орфоэпии. Языковым этапом в наших исследованиях будет выступать

языковые единицы из Орфографического словаря татарского языка (второе дополненное издание 2017 года) [5] и шеститомного Толкового словаря татарского языка [6], [7], [8].

Картотека была собрана из средств массовой информации на татарском языке, зарегистрированных в Республике Татарстан и Республике Башкортостан, по материалам последнего десятилетия с 2014 по 2024 гг. Источники «Интертат – Татар-информ» и «Кызыл таң» («Красная заря») рассматривались в электронном формате, на официальных сайтах, а остальные источники – по печатным изданиям.

Как мы и говорили ранее, причины, порождающие вариативность в языке, можно поделить на лингвистические (внутренние или языковые) и экстралингвистические (внешние), которые являются основными механизмами порождения структурной и функциональной классификации.

При сравнении различных используемых вариантов слов в средствах массовой информации на татарском языке за отправную точку мы будем брать языковые единицы, включенные в Орфографический словарь татарского языка и Толковый словарь татарского языка (6 томов), вместе со словарными дефинициями.

Перед началом анализа конкретных примеров хотелось бы дать еще одно определение в рамках нашего исследования. Известно, что в языкознании есть такое понятие, термин – «лексическое гнездо». Гнездами в современном языкознании называют разного рода совокупности номинативных единиц на основе семантической или формально-семантической общности – тематические, лексико-семантические группы, парадигматические ряды, но чаще – объединения однокоренных слов.

На примере данного лингвистического явления мы могли бы назвать собранные орфографические варианты одного определенного слова – «вариативное гнездо». В нашем «вариативном гнезде» не будет указан исходный языковой материал, от которого начинает строиться «гнездо», как, например, в словообразовательных гнездах, где указывается исходный корень и производные от него слова. Здесь все языковые единицы будут равноправны, и лишь при определении вариативным гнездом какого слова является собранный нами материал будет использован словарный вариант слова. Если бы исследования велись исходя из позиции нормативности и ненормативности, то во главе такого вариативного гнезда можно было бы поставить нормированную языковую единицу и вести исследования в ключе сохранения или соблюдения языковых норм. Также хочется дать пояснения, по-

чему именно вариативное гнездо, а не вариативный ряд, по аналогии с синонимическим рядом. При синонимии определяющим фактором является значение слова, а не структурный состав слова. Именно поэтому в синонимических рядах выступают совершенно разные слова, с разнотвербой системой, особым условием выступает только то, что слова должны быть одной и той же части речи. Как нами было определено, для орфографических вариантов необходимо наличие видоизменений звукового состава в рамках одного слова, вызванных фонетическими явлениями или повторяющимися видоизменениями, которые отражаются в письме, но не нарушают тождества его лексического значения.

Для лучшего понимания причин появления орфографических вариантов в татарском языке целесообразно проанализировать конкретные примеры из нашей картотеки. Первым разберем вариативное гнездо слова *газета*:

Газе'та, -сы [5, с. 66].

ГАЗЕ'ТА и. ит. Ижтимагый, сәяси, икътисади тормыштагы һ.б. яңалыкларны яктыртып бара торган, зур форматлы кәгазьдә, атнасына бер яки берничә мәртәбә чыга торган вакытлы матбугат басмасы [6, с. 25].

1) «Ватаным Татарстан» *газетасының баш мөхәррире Миңназыйм Сәфәров Флорид абыйның куп шәкертләре фикерен яңартты* (Ирек мәйданы, №7 (289), 2018). (здесь и далее разрядка наша – Д. Г.)

2) *Язмалар гәҗиттә чыкканнан соң, җитешсезлекләр бетерелә, гаделлек тантана итә башлый* (Юлдаш, №37 (709), 2018).

3) *Фестивальнең матбугат хезмәте хәбәр иткәнчә, фестивальне Россиянең «Россия-1», «Россия-к» телеканаллары, «Известия», «Коммерсантъ», «Культура», «РБК daily», «Российская газета» гәзитләре, «Интерфакс», «Итар-тасс», Риа «Новости» агентлыклары; «Маяк» радиосы һәм башка матбугат чаралары яктыртачак* (Татар-информ, 2020).

В таблице ниже представлены лингвистические (внутренние или языковые) и экстралингвистические (внешние) факторы, порождающие орфографические варианты слова *газета*:

Таблица 1

Газе'та, -сы	Лингвистические факторы	Экстралингвистические факторы
Газета-сының	Калька. Заимствовано из русского языка без фонетических	Займствавонное слово из русского языка. Данный вариант считается

	изменений	нормативным и обоснованным на орфографических закономерностях татарского языка. Калька
Гәжит-тә	Чередование согласных звуков <i>з – ж</i> . Преимущественное звучание звука <i>ж</i> , которое характерно также для среднего диалекта татарского языка. Чередование гласных звуков <i>а – ә, е – и</i> .	Обиходно-разговорный стиль произношения, просторечный вариант слова
Гәзит-ләре	Чередование гласных звуков <i>а – ә, е – и</i> .	Обиходно-разговорный стиль произношения, просторечный вариант слова

Таблица 2

Товар, -ы	Лингвистические факторы	Экстралингвистические факторы
Тауар, Тауарларын	Преобладание фонетического принципа письма над графическим при заимствовании слов – написание должно соответствовать произношению. Согласный звук русского языка [в] используется в заимствованных вариантах слов. В исконно татарских словах есть только звук [w], который не обозначается в письме специальной буквой, а только парой букв – <i>ау</i> . Природное артикуляционное положение органов речевого аппарата татарскоязычного человека как-бы противится иноязычным звукам.	Обиходно-разговорный стиль произношения, просторечный вариант слова. Этимологически происходит из тюркских языков. В татарском языке есть сложное слово <i>мал-туар</i> . По аналогии с ним, правильным написанием был бы именно этот просторечный вариант.
Товар	Калька. Заимствовано из русского языка без фонетических изменений. Но в русский язык слово было заимствовано из тюркских языков.	Заимствованное слово из русского языка. Данный вариант считается нормативным и орфографически правильным. Этимологически заимствован из тюркских языков.

Далее предлагаем рассмотреть вариативное гнездо слова *товар*:

Товар, -ы [5, с. 251].

ТОВАР и. төрки 1) икът. Алмашу, сату, сәүдә әйләнешенә кертү өчен житештерелгән әйбер, продукт 2) Көнкүрештә кирәкле һәм сатыла торган әйбер, сатыла торган мал – сәүдә предметлары. 3) Сәүдә, житештерү һ.б.ш. максатлар белән берәр урынга озатыла торган йөк. 4) Сатыла торган продукциянең аерым төре [7, с. 606].

1) *Тауарларын алла кайдагы базарга алып барып сатты* (Юлдаш, №37, 2018).

2) *Бала тауар астында калган* (Ирек мәйданы, №1 (283), 2018).

3) *Казанда бер егет тауар поездына менеп токка сугылган* (Татар-информ, 2010).

4) *Япония белән Башкортстан арасында товар әйләнеше нибары 30 миллион доллар тәшкил итә* (Кызыл таң, 2018).

5) *2023 елда Татарстан белән Кытайның товар әйләнеше 14 млрд юаньга житарга мөмкин* (Татар-информ, 2023).

В таблице ниже представлены лингвистические (внутренние или языковые) и экстралингвистические (внешние) факторы, порождающие орфографические варианты слова *товар*:

Также интересно будет разобрать вариативное гнездо слова *нашир*, *нашер*, где присутствует небольшое смысловое различие:

Нәшир, -е

Нәшер, -е

Нашир, -е [5, с. 182].

НӘШЕР и. гар. Матбугатта бастыру эше, басма [8, с.335].

НӘШЕ'Р ИТҮ ф. Матбугатта бастырып чыгару [Там же].

НАШИР и. гар. Матбугат эсәрләрен бастырып чыгаручы, нәшрият хужасы [Там же].

Сущ. издатель (газеты, журнала) [9, с. 221].

1) *Жәмәгать эшлеклесе, нашир, язучы-публицист, дин әһеле, сәясәтче Габдрәшит Ибраһимов (1857–1944) Себердә Тара каласында туа* (Татар-информ, 2017).

2) *Тукай әдәби музееңда язучы, нашир Әхмәтгәрәй Хәсәнинең 140 еллыгына багышланган кичә була* (Татар-информ, 2023).

3) *220 ел элек нәшер ителгән «Казан басмасы» беренче тапкыр заманча мұсхәф рәвешендә чыкты* (Татар-информ, 2023).

4) *Нашир буларак, сезнең төп максатыгыз нинди, дигән сорауны еш бирәләр* (Кызыл таң, 2020).

5) *Хәмзә хәзрәт берничә ел дини китаплар, календарлар, Коръән нәшер итү, аны халыкка бушлай тарату белән шөгыльләнгән* (Кызыл таң, 2023).

В таблице ниже представлены лингвистические (внутренние или языковые) и экстралингвистические (внешние) факторы, порождающие орфографические варианты слова *нашир, нәшер*:

Таблица 3

Нашир, Нәше'р итү	Лингвистические факторы	Экстралингвистические факторы
Нашир	Преобладание графического принципа письма над фонетическим при заимствовании слов. Чередование гласных <i>а-ә, е-и</i> .	Заимствованное из арабского языка слово. Данный вариант считается нормативным и орфографически правильным
Нәшир	Произвольная фонетическая форма	Заимствованное из арабского языка слово. Данный вариант тоже считается нормативным и орфографически правильным, потому что зафиксирован в орфографическом словаре татарского языка.

Нәшер ителгән, нәшер итү	Преобладание графического принципа письма над фонетическим при заимствовании слов. Чередование гласных <i>ә- а, е-и</i> .	Заимствованное из арабского языка слово. Данный вариант считается нормативным и орфографически правильным
--------------------------	---	---

Заимствования не подчиняются общим правилам языка-реципиента. При этом во многих случаях можно объяснить то или иное написание в языке заимствованных слов.

В татарском языке очень много арабских заимствований. Написание многих из них подчиняется правилам татарского языка. Например, в татарском языке в таких словах, как *китап, мәктәп, тәртип*, последний звук оглушается, данные изменения проявляются и на письме, однако в арабском языке-источнике они пишутся со звонкими согласными в конце слова: *китаб, мәктәб, тәртиб*. При этом при написании большинства арабских заимствований приходится иметь в виду их правописание в языке-источнике. Например, носителю татарского языка легче выговаривать и писать *нашир*, согласно закону сингармонизма. Однако все остальные заимствования в этой форме (отглагольная форма с признаками существительного) пишутся через «а» в первом слоге: *галим, хаким, хадим, варис, залим, камил* и др. Их семантическое сходство со словами в татарском языке, оканчивающимися на суффикс *-чы/-че* и обозначающими лицо, производящее действие, весьма заметно: *галим > белүче, хаким > идарә итүче, хадим > хезмәтче, варис > мирасчы, залим > золым кылучы, камил > тулы булучы* и, соответственно, слово *нашир* должно писаться через «а» в первом слоге, то есть написание *нашир* логически и нормативно никак не объясняется и не может быть правильным. Самое интересное, что составители Татарского орфографического словаря считают по-другому и фиксируют слово в двух вариантах. Как они объясняют правописание варианта *нашир*, нам неизвестно; возможно, за счет новых орфографических вариантов они лишь хотели при переиздании увеличить количество слов в словаре.

Что касается варианта слова *нәшер*, согласно словарной статье из Толкового словаря татарского языка, здесь есть небольшое смысловое отличие, поэтому оно используется больше в составе сложных глаголов в значении «издавать», «публиковать», «издательское дело» [7, с. 335].

Анализ собранного лексического материала показал, что орфографические варианты слов,

зафиксированные на письме, преимущественно связаны с заимствованными словами, независимо от языка-источника и периода их заимствования в татарский язык. Исконные татарские слова также демонстрируют значительное количество орфографических вариантов, что обусловлено наличием трех основных диалектов и приблизительно шестидесяти говоров в языке. Однако в результате стандартизации разговорного языка формируется литературный язык. На основе отбора наиболее распространенных форм произношения и написания слов и словосочетаний формируются правила и нормы литературного языка. Язык-источник заимствованных слов также имеет свою языковую структуру и литературный язык, который тоже нормирован. При переходе из одного языка в другой лингвистические единицы находятся в состоянии трансформации: они не утратили признаки языка-источника, но в то же время не адаптировались в языке-реципиенте, который принял их.

Итак, подводя итог, можно сказать, что лингвистическими факторами во всех разобранных орфографических вариантах слов выступает чередование гласных и согласных. В процессе заимствования слов наблюдается смешение фонетических явлений. В речи могут встречаться как звуки, присущие языку-источнику заимствованного слова, так и звуки языка-реципиента. Кроме того, часто присутствуют звуки, которые характерны для разговорной речи и в каждом языке выполняют свои определенные функции. Поэтому они почти не проходят адаптационный период, а просто возникают в том или ином языке, сопровождаются ненормированными изменениями и остаются «жить» в нем, не меняя свою структуру вообще или меняя, но только частично. Именно поэтому возникают орфографические варианты слов, форму которых достаточно сложно объяснить системно, везде требуется индивидуальный подход. Наиболее существенной причиной лингвистической нестабильности является отсутствие стандартизированной системы письма, единых правил орфографии и несоблюдение уже существующих норм языка.

Наличие орфографических вариантов слов в татарском языке обусловлено рядом внеязыковых факторов. К ним относятся, прежде всего, отсутствие алфавита, который учитывал бы все фонетические особенности языка, и частая смена используемых систем письма (арабской, латинской и кириллической).

Основными экстралингвистическими факторами, способствующими возникновению орфографических вариантов слов, является отсутствие алфавита с оптимальной структурой в татар-

ском языке. Ввиду того, что межкультурное взаимодействие и процессы глобализации охватывают все народы и этносы, а культура, прежде всего, проявляется в языке, изучение языков различных народов приобретает особую актуальность. Проблема экологии языка, калькирования, заимствований и уровня употребительности формирует приоритетный список проблем лингвистики не только татарского языка, но и всех языков в мире. Открытость границ, глобализация экономики и сближение культур способствуют быстрому и лёгкому заимствованию единиц из одного языка в другой. Существует специфическая форма проявления языковой культуры посредством языковых привычек и вкусов, коммуникативных ценностей и тенденций, господствующих в каком-либо обществе в определённый период времени. Пользуясь престижными и новыми языковыми средствами, люди демонстрируют не уровень образованности в целом, а осведомлённость в последних тенденциях.

Изучение факторов возникновения орфографических вариантов слов в современном татарском языке может стать ключом при решении и разборе актуальных проблем современного татарского языка в области орфографии, орфоэпии, использования активной лексики и лексикографирования языковых единиц.

Список источников

1. История татарского литературного языка (XIII – начало XX века) / И. Б. Баширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадыйрова; фэнни ред. Ф. М. Хисамова. Казань: ИЯЛИ, 2015. I т.: Фонетика. Графика: письменные традиции, норма и вариативность. 696 с.
2. Баширова И. Б., Мирхаев Р. М. История татарского литературного языка: история и научно-теоретические аспекты изучения // Научный Татарстан, 2013, №1, с. 95–103.
3. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 240 с.
4. Лексикология татарского языка: в 3-х томах / рук. проект. М. З. Закиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казань: ИЯЛИ, 2016. Т. II. 392 с.
5. Орфографический словарь татарского языка. Казань: Тат.книж.издат., 2017. 423 с.
6. Толковый словарь татарского языка / ред. Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Ф. И. Тагирова. Казань: ИЯЛИ, 2015. Т. II: Г-Й. 748 с.
7. Толковый словарь татарского языка / ред. Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Ф. И. Тагирова. Казань: ИЯЛИ, 2019. Т. V: С-Т. 891 с.
8. Толковый словарь татарского языка / ред. Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Ф. И. Тагирова. Казань: ИЯЛИ, 2018. Т. IV: Л-Р. 758 с.
9. Татарско-русский словарь : В 2-х т. Т. 2 (М-Я). Казань : Магариф, 2007. 728 с.

References

1. Bashirova, I. B. (2015). *Istoriya tatarskogo literaturnogo yazyka (XIII – nachalo XX veka)* [The History of the Tatar Literary Language (the 13th– Early 20th Century) F. Sh. Nurieva, Ye. Kh. Kadyirova; fənni red. F. M. Khisamova]. 696 p. Kazan, IYaLI. (In Tatar)
2. *Nauchnyi Tatarstan* (2013) [Journal Scientific Tatarstan]. Pp. 95–103. Kazan. (In Russian)
3. Gorbachevich, K. S. (2009). *Variantnost' slova i yazykovaja norma: na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Word Variation and Linguistic Norm: Based on the Material of the Modern Russian Language]. 240 p. Moscow, Knizhnyi dom “Librokom”. (In Russian)
4. Zakiev, M. Z. (2016). *Leksikologiya tatarskogo yazyka: v 3-kh tomakh* [Lexicology of the Tatar language]. Ruk.proekt.; red. G. R. Galiullina. 392 p. Kazan, IJaLI. (In Tatar)
5. *Orfograficheski slovar' tatarskogo yazyka* (2017) [Spelling Dictionary of the Tatar Language]. 423 p. Kazan, Tat.knizh.izdat. (In Tatar)
6. *Tolkovyi slovar' tatarskogo yazyka* (2015) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. Red. F. F. Gaffarova, G. G. Saberova, F. I. Tagirova. T. II: G–J. 748 p. Kazan', IYaLI. (In Tatar)
7. *Tolkovyi slovar' tatarskogo yazyka* (2019) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. Red. F. F. Gaffarova, G. G. Saberova, F. I. Tagirova. T. V: S–T. 891 p. Kazan', IYaLI. (In Tatar)
8. *Tolkovyi slovar' tatarskogo yazyka* (2018) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. Red. F. F. Gaffarova, G. G. Saberova, F. I. Tagirova. T. IV: L–R. 758 p. Kazan', IYaLI. (In Tatar)
9. *Tatarsko-russkii slovar'* (2007) [Tatar-Russian Dictionary]. T. 1–2. Kazan, Magarif. (In Tatar, in Russian)

The article was submitted on 29.10.2024
Поступила в редакцию 29.10.2024

Гарипова Диля Ришатовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
dilya.garipova.1997@mail.ru

Garipova Dilya Rishatovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
dilya.garipova.1997@mail.ru

УДК 81

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-44-49

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ «ЛОВКАЧ», «ПРОХИНДЕЙ» И «ПРОХВОСТ» В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

© Чжэньчжэнь Дуань

SEMANTIC ANALYSIS OF THE NEGATIVE-EVALUATIVE NOUNS “ЛОВКАЧ ‘DODGER’”, “ПРОХИНДЕЙ ‘TRICKSTER’” AND “ПРОХВОСТ ‘SWINDLER’” IN MODERN FICTION AND JOURNALISTIC TEXTS

Zhenzhen Duan

This article studies three synonymic nouns of the noun series “lovkach ‘dodger’” in the Russian linguistic picture of the world. Semantic peculiarities and contexts of use of these lexemes are analyzed based on the words “lovkach ‘dodger’”, “prokhindey ‘trickster’” and “prokhvost ‘swindler’”. The analysis uses the data of the Russian National Corpus, which makes it possible to reveal the function specifics of these words in different types of discourse; special attention is paid to the role these nouns play in the formation of national-cultural perceptions of dishonesty, cunning and deceitfulness in Russian linguoculture. The research is aimed at deepening the understanding of the mechanisms of reflecting cultural values and moral norms in language, as well as at revealing the dynamics of these concepts’ perception in Russian society. The results of the work can be used in lexicographic practice, in teaching Russian as a foreign language and in the sphere of intercultural communication.

Keywords: lexical semantics, synonyms, negative-evaluative lexicon, National Corpus of the Russian Language

Данная статья посвящена исследованию трех существительных синонимического ряда «ловкач» в русской языковой картине мира. На примере слов «ловкач», «прохиндей» и «прохвост» рассматриваются семантические особенности и контексты употребления этих лексем. Анализ проводится на основе данных Национального корпуса русского языка, что позволяет выявить специфику функционирования данных слов в различных типах дискурса; особое внимание уделяется роли этих существительных в формировании национально-культурных представлений о нечестности, хитрости и ловкачестве в русской лингвокультуре. Исследование направлено на углубление понимания механизмов отражения культурных ценностей и моральных норм в языке, а также на выявление динамики восприятия данных понятий в русском обществе. Результаты работы могут быть использованы в лексикографической практике, преподавании русского языка как иностранного и в сфере межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лексическая семантика, синонимы, негативно-оценочная лексика, Национальный корпус русского языка

Для цитирования: Дуань Чжэньчжэнь. Семантический анализ негативно-оценочных существительных «ловкач», «прохиндей» и «прохвост» в современных художественных и публицистических текстах // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 44–49. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-44-49

Введение

Язык выступает как отражение культуры, фиксируя уникальные черты восприятия мира и оценочные суждения о человеческих качествах. Лексические единицы, которые мы используем

для описания людей, несут в себе обширную культурную информацию и позволяют погружаться в глубины национального самосознания. В русском языке имеется значительный пласт лексики, предназначенной для негативной харак-

теристики людей, склонных к обману, хитрости и изворотливости, данные слова являются эмоционально окрашенной лексикой, передающей негативное отношение говорящего, и относятся к лингвоспецифическим словам, то есть словам, которые не имеют точных эквивалентов в словарях других языков. Существительные «ловкач», «прохиндей» и «прохвост» являются яркими представителями этого слоя языка: они не только обозначают определенные качества человека, но и содержат эмоционально-оценочные компоненты, отражающие моральные ценности и культурные нормы русского общества. Эти слова входят в обширный синонимический ряд «ловкач» (см.: [1], [2]).

Анализ этих лексем позволяет глубже понять, как русская культура воспринимает такие явления, как хитрость, обман и нечестность. Изучение контекстов, в которых используются эти слова, дает возможность проследить, как меняется их значение и восприятие в зависимости от социальных и исторических условий.

Исследование проводится комплексно, с использованием данных Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) – это позволяет не только выявить семантические особенности лексем, но и проследить их функционирование в различных типах текстов и временных рамках.

Целью данной работы является комплексный анализ семантики, прагматики и функционирования в речи существительных «ловкач», «прохиндей» и «прохвост» на материале НКРЯ, выделение нюансов в степени негативной оценочности этих синонимов. Кроме того, мы остановимся на роли данных синонимов в создании образов отрицательных персонажей в художественной литературе.

В статье сопоставительным методом проводится анализ употреблений слов «ловкач», «прохиндей» и «прохвост», выявление их сходств и различий; рассматривается роль данных существительных в создании художественных образов в литературе и публицистике. Аналитическим методом детально описывается семантика каждого существительного в тексте. Работа включает следующие этапы: поиск нужных существительных по запросу в основном и газетных подкорпусах НКРЯ; анализ контекстов употребления этих существительных и определение их значений в данных контекстах; поиск семантических различий между существительными. Этот метод помогает выявить скрытые смыслы и связи между словами, что способствует более глубокому пониманию текста.

Корпусный анализ предполагает использование статистических методов для определения

частотности употребления исследуемых слов; кроме того, он помогает выявить сочетаемость с другими лексемами и устойчивые словосочетания и фразеологизмы, в которых они используются.

Комплексное использование этих методов обеспечивает всесторонний анализ выбранных лексем, это позволяет не только провести лингвистический анализ, но и рассмотреть культурологические аспекты функционирования данных слов в русском языке и сознании носителей языка. Использование НКРЯ позволяет работать с большим объемом аутентичных текстов, что обеспечивает репрезентативность и достоверность полученных результатов.

Обсуждение

Анализ примеров употребления слова «ловкач» в русской литературе и публицистике позволяет выявить два значения этого слова и контексты использования этих значений.

Первое из них является базовым для переносного значения «ловкач» 2, в котором данное слово входит в интересующий нас синонимический ряд. Ср.: *«Один пьяный перевозчик <...> толкнул его, и ловкач умело упал на спину, держа над собой трехлитровую банку»* (Горенштейн 1982) [3].¹ Здесь существительное «ловкач» употреблено в прямом значении; субъект предстает как человек, имеющий физическую ловкость, способный быстро двигаться и обладающий хорошей координацией.

Попутно отметим, что в этом исходном значении слово «ловкач» может употребляться применительно не только к людям, но и к животным, и даже к насекомым: *«Иной ловкач-комар все же находил место, где насосаться крови <...>»* (Астафьев 2015) [Там же]. Здесь «ловкач» подчеркивает способность насекомого находить уязвимые места, несмотря на препятствия.

Перейдем к рассмотрению производного значения данного слова, в котором это существительное входит в интересующий нас синонимический ряд и является его доминантой. В примере ниже слово «ловкач» используется для описания карманного вора, тем самым подчеркивается криминальный аспект ловкости. Ср.: *«Перед ними (туристами. – Ч. Д.) дают круги музыканты со шляпами, стену подписывает 70-летняя протитутка, рядом американец снимает архи-*

¹ При цитировании примеров из НКРЯ в круглых скобках указывается автор или название газеты/журнала и год издания текста; знаком «<...>» обозначается фрагмент текста, опущенный при цитировании, разрядка наша.

тектурный ансамбль, в то время как специально обученный ловкач срезает у него кошелек» (Асланянц 2007) [Там же].

Интересное употребление слова «ловкач» с ироничным оттенком мы находим в детской литературе. Ср.: *«Не дорос еще (котенок. – Ч. Д.) Тюпа птицу ловить. Тюпа – ловкач неуклюжий»* (Чарушин 1946) [Там же]. Здесь мы видим слово «ловкач» в составе оксюморонного сочетания с прилагательным «неуклюжий», что подчеркивает неопытность и неумелость маленького персонажа.

В современной литературе слово «ловкач» часто используется для характеристики людей, умеющих извлекать выгоду из различных ситуаций, не всегда честным путем. Ср.: *«Деньги прямо вручал артельщик каждому из нас по очереди, так что некоторые ловкачи становились в очередь по два, даже по пяти раз»* (Грин 1912) [Там же]. В данном примере «ловкач» – человек, умеющий устраивать свои дела в обход правил.

В публицистике слово «ловкач», употребленное в переносном значении, выражает негативную оценку. Ср.: *«Теперь компаниям нужен не ловкач, ходящий от двери к двери в попытке впарить товар, а люди, умеющие разрешать проблемы»* (Ведомости 2015.02.10) [Там же].

Однако парадоксальным образом в некоторых контекстах слово «ловкач» может использоваться как комплимент, подчеркивая умение человека справляться с трудными ситуациями или извлекать выгоду. Ср.: *«Наконец он допил стакан, опрокинул его <...> и сказал собеседнику: «Ай да ловкач!»* (Белый 1901) [Там же].

Кроме того, слово «ловкач» используется для характеристики человека, умеющего создавать, находить себе выгодную протекцию, а также в качестве манипулятора общественным мнением. Ср.: *«Когда Советская власть начала свой эксперимент <...>, некие ловкачи сумели отстоять, опираясь на высокое покровительство, красивый княжеский особняк для нужд неизвестно какого и кем узаконенного художественного общества»* (Шагинян 1924–1928) [Там же].

С другой стороны, как мы видим на примере следующего контекста, «ловкач» – не всегда тот, кто манипулирует массами: *«Когда сотни тысяч рукоплескали Гитлеру, это происходило не оттого, что ловкач Гитлер манипулировал массами, – нет, просто люди верили в возможность перемен»* (Кантор 2008) [Там же]. В этом предложении, как мы видим, слово «ловкач» иронически используется по отношению к Гитлеру, подчеркивая, что его успех был обусловлен не личной ловкостью, а верой людей в перемены.

У того же автора находим подробное описание ловкача иного типа: *«Есть такая должность на заводе – снабженец; это изворотливый человек, обладающий опытом налаживания контактов, ловкач, проныра, деляга, которого дирекция посылает к соседям, чтобы он привез новые детали к старым станкам»* (Кантор 2008) [Там же]. Здесь «ловкач» характеризуется как человек, проявляющий, так сказать, социальную ловкость.

Существительное «ловкач» может использоваться для описания человека, нарушающего законы для получения быстрой и значительной финансовой выгоды. Ср.: *«Он – слуга закона, а я – нувориш и ловкач»* (Рубанов 2005) [Там же].

Слово «ловкач» может создавать и более сложный образ, описывая человека отчасти с положительной стороны. В примере ниже ловкач предстает как амбивалентный персонаж, сочетающий в себе как положительные, так и отрицательные черты. *«Он ловкач, хитрец, мастер на все руки, беззлобный оборотень, сельский ишт, он тоже влюблен, но счастливо...»* (Быков 2002) [Там же].

«Ловкач» также может ассоциироваться со шпионской деятельностью или хитроумными махинациями, что подчеркивает аспект изворотливости и способности действовать в сложных, порой криминальных ситуациях. Ср.: *«В разоруженном виде их побросали в Индокитае американцы, и ловкачи ухитрились собирать из десяти-пятнадцати развалившихся один летающий»* (Скворцов 2001) [Там же].

«Ловкач» может использоваться и для характеристики изворотливых сельских жителей. Ср.: *«Хитрые русские крестьяне и поселковые ловкачи, обороняя личные секреты, прошивали уголки письма нитками, проволокой, даже струнами»* (Астафьев 1995–1996) [Там же]. В этом контексте «ловкачи» – это люди, способные найти нестандартные решения для защиты своих интересов.

Интересно отметить, что «ловкач» может использоваться как синоним к словам «пройда» и «вор», подчеркивая негативные качества персонажа. *«Директор считал его пройдой, ловкачом, подозревал, что он крадет у Клары экспонаты и пьет наш спирт, – наверно, так оно и было»* (Домбровский 1964) [Там же].

Перейдем к существительному «прохиндей». Анализ употребления слова «прохиндей» в приведенных литературных примерах позволяет выявить ряд характерных особенностей его функционирования в современном русском языке. Прежде всего следует отметить ярко выраженную негативную оценку, содержащуюся в этом

слове. Во всех рассмотренных контекстах «прохиндей» используется для характеристики нечестных, непорядочных людей, вызывающих осуждение или презрение.

Особенно часто это слово применяется в контексте социальной критики. Авторы используют его для обличения людей, занимающих высокое положение или стремящихся к власти и богатству нечестным путем. Ср.: *«Любой прохиндей, чье обогащение или возвышение стоило благополучия, здоровья и даже самой жизни сотням и тысячам его сограждан, сегодня готов заявить, что он – тоже „патриот“, что он – тоже „на стороне народа“»* (Макушок 2003) [Там же]. В данном примере человек обогащается за счет благополучия сограждан и готов менять свои взгляды в угоду корыстным целям.

Подобное употребление встречается и в других текстах, где «прохиндеями» именуются политики, бизнесмены и другие влиятельные лица, злоупотребляющие своим положением.

«Прохиндей» часто ассоциируется с обманом и мошенничеством. Может использоваться для характеристики старьевщика, обманувшего покупателя. *«Вместо Гете всучил ему прохиндей-старьевщик плохонький портрет малокровного аристократа <...> могущего сойти разве что за Сервантеса, и то при слабом освещении»* (Яхина 2018) [Там же]. Здесь «прохиндей» иллюстрирует устойчивую связь данного слова с идеей нечестных сделок и финансовых махинаций.

Интересно отметить универсальность применения слова «прохиндей». Оно используется для характеристики людей разных профессий и социальных статусов, от мелких торговцев до директоров крупных предприятий и политических деятелей. Это свидетельствует о широкой семантике слова, охватывающей различные проявления нечестности и непорядочности.

Употребление слова «прохиндей» часто передает возмущение или презрение говорящего. Это придает высказыванию особую экспрессивность и усиливает негативную оценку описываемого лица. Ср.: *«Не забуду, как на словах „Запомните, воры и прохиндеи ...“ голос его перехватило от волнения и судорога страдания по лицу прошла»* (Клетинич 2015) [Там же].

Стоит отметить, что употребление слова «прохиндей» характерно для разговорной речи и придает тексту разговорный, иногда просторечный оттенок. Это делает его эффективным средством стилизации речи персонажей и создания атмосферы неформального общения в литературных произведениях.

В литературных произведениях слово «прохиндей» может использоваться как для создания образов современных персонажей, так и в стилизациях под классическую литературу. Связь слова «прохиндей» с обманом и нечестностью весьма отчетливо прослеживается в художественной литературе. Данное существительное обычно выражает остро негативную оценку субъекта.

Интересно отметить, что слово «прохиндей» часто используется в контекстах, где речь идет о политических оценках; ср.: *«С тех пор не прошло и четырех десятков лет, а деградация британского политического класса привела к тому, что он превращается в балаган прохиндеев»* (Шелин 2016) [Там же]. Такое употребление расширяет семантическое поле слова, включая в него не только бытовое мошенничество, но и более масштабные проявления нечестности на уровне государственного управления.

Характерной особенностью употребления слова «прохиндей» является его частое сочетание с другими негативными характеристиками. Так, в произведении Даниила Гранина оно стоит в одном ряду с такими определениями, как «ворюга» и «подонки». Ср.: *«Зубр ни с того ни с сего вспомнил про какого-то тамошнего продавца – ворюгу, подонка, прохиндея и всякое такое»* (Гранин 1987) [Там же]. Это усиливает негативную окраску слова и подчеркивает его роль в создании ярких, эмоционально насыщенных описаний.

В ряде примеров прослеживается тенденция ассоциировать слово «прохиндей» с определенными профессиями или социальными группами. Встречаются такие сочетания, как «прохиндей-полицейский» и «прохиндей-старьевщик», что указывает на склонность связывать это определение с конкретными профессиями, часто имеющими неоднозначную репутацию в обществе. Ср.: *«Можно в сердцах ругнуть болваном прохиндея-полицейского»* (Давыдов 1988–1989) [Там же].

Слово «прохиндей» также часто используется в обобщающих высказываниях. Это демонстрирует возможность применения слова для характеристики масштабных социальных явлений и критики определенных общественных тенденций. Ср.: *«...в Первопрестольной и Северной Пальмире обитают все большие дельцы да чиновный люд, известные прохиндеи, и задает тон оглашенный космополит»* (Пьецух 2013) [Там же].

Перейдем к существительному «прохвост». Слово «прохвост» во всех случаях используется как резко отрицательная характеристика челове-

ка. Перечислим основные семантические особенности данного существительного.

Это слово может выражать обвинение в подлости, часто применяется к людям, совершившим нечестные, подлые или предосудительные поступки. Ср: *«Теперь я, выгнанный из дома, лишенный <...> не только всякой помощи, <...> но и ослабленный как жулик, как прохвост, как авантюрист...»* (Домбровский 1943–1958) [Там же].

«Прохвост», как и «прохиндей», часто используется в эмоциональной речи. Это слово часто встречается в эмоционально окрашенных высказываниях, выражающих гнев или возмущение говорящего. Ср: *«И не успел он оглянуться, как этот прохвост Каткин возьми и плюнь ему прямо в рыло!..»* (Булгаков 1936–1937) [Там же].

Как и «прохиндей», данное слово сочетается с негативными характеристиками, нередко употребляется в паре с другими отрицательными определениями, усиливая негативную оценку. Ср: *«...тот скользкий прохвост и истерик Корнилов...»* (Домбровский 1978) [Там же].

Оно используется и в качестве обобщающей характеристики. В некоторых контекстах «прохвост» используется как общая негативная оценка человека, без уточнения конкретных проступков. Ср: *«Дурак так дурак, прохвост так прохвост, и все!»* (Домбровский 1964) [Там же].

Оно может быть применено к разным социальным группам. «Прохвост» может относиться к людям разного социального статуса – от адвокатов до политических деятелей. Ср: *«Положим, этот адвокат был прохвост и, проживая в гостинице, занимался больше всего обыгрыванием захмелевших купеческих сынков...»* (Мамин-Сибиряк 1889) [Там же].

Кроме того, данное существительное используется также в самоуничижительном определении. В частности, это слово используется автором по отношению к себе в следующем контексте: *«Следовательно, мне уже лет 40 и я в литературе большой прохвост»* (Корниенко 2013) [Там же].

Согласно данным НКРЯ, слово «прохвост» активно используется в русской литературе на протяжении длительного периода – с конца XIX в. (Мамин-Сибиряк 1889) [Там же] до начала XXI в. (Мацанов 2016) [Там же], что свидетельствует о его устойчивости в языке.

Интересно попутно отметить, что это слово особенно часто встречается в произведениях Ю. Домбровского. Ср., например: *«И зачел, прохвост! Все нераскрытые наскудства, что накопились за лето в нашем районе, он все их на меня списал»* (Домбровский 1978) [Там же].

Оно употребляется в широком спектре контекстов. «Прохвост» употребляется в разнообразных ситуациях – от бытовых конфликтов до политических характеристик.

Как и два других существительных, данное слово может использоваться не только самостоятельно, в качестве отдельной характеристики человека, но и в сочетании с другими существительными, выражающими отрицательную оценку. Ср.: *«– Так ведь он ну совсем же шут гороховый и прохвост, а Булгаков – пронциательный человек!»* (Мацанов 2015) [Там же].

Наконец, отметим, что «прохвост» может использоваться в целях выражения самоиронии или для самокритики, используется автором по отношению к себе. Ср.: *«Следовательно, мне уже лет 40 и я в литературе большой прохвост»* (Корниенко 2013) [Там же].

Выводы

Все три лексемы относятся к экспрессивной лексике и используются для выражения негативной оценки человека, однако между ними существуют определенные семантические различия.

«Ловкач» выражает наименее негативную окраску и может использоваться для описания человека, умеющего ловко устраивать свои дела, часто в обход правил, что не всегда оценивается отрицательно.

«Прохиндей» выражает более сильную негативную оценку и чаще всего используется для характеристики нечестных, хитрых людей, склонных к обману и мошенничеству.

«Прохвост» выражает наиболее резкую негативную окраску и используется для выражения крайнего неодобрения, презрения или возмущения по отношению к человеку, совершившему подлые или аморальные поступки.

Все три слова широко используются в различных контекстах – от тех, где описываются бытовые ситуации, до контекстов, содержащих характеристики политических субъектов и групп; они могут применяться к людям разных профессий и социальных статусов, что свидетельствует об их универсальности в языке. Эти слова часто употребляются в контекстах, где речь идет о сильной негативной эмоции, что делает их эффективным средством для создания ярких, экспрессивных образов в литературе и публицистике.

Интересной особенностью является возможность использования существительного «прохвост» для выражения самоиронии или в целях самокритики. Проведенный анализ также показывает устойчивость употребления таких слов в русском языке на протяжении длительного пе-

риода – от XIX в. до наших дней, что свидетельствует об их глубокой укорененности в языковой картине мира русскоговорящего сообщества.

В целом слова «ловкач», «прохиндей» и «прохвост» играют важную роль в выражении морально-этических оценок в русском языке, отражая культурные ценности и социальные нормы общества. Их использование позволяет авторам создавать яркие, эмоционально насыщенные образы и выражать свое отношение к описываемым явлениям и персонажам – эти лексемы являются неотъемлемой частью русского языка, обогащая его выразительные возможности и способствуя более точному и эмоциональному выражению оценочных суждений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства г. Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

The reported study was funded by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Дуань Чжэньчжэнь,
аспирант,
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
518172, Китай, Шэньчжэнь,
Гоцзидасюэюань, 1.
zhennzhen@mail.ru

Список источников

1. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: Около 11 000 синонимических рядов. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
2. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель: АСТ, 2003. 681 с. + 702 с.
3. Национальный корпус русского языка [сайт]. 2003–2024. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

References

1. Aleksandrova, Z. E. (2001). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Okolo 11 000 sinonimicheskikh ryadov* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language: About 11000 Synonymous Series]. 568 p. Moscow, Russkii yazyk. (In Russian)
2. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: V 2 t.* (2003) [Dictionary of Synonyms of the Russian Language: In 2 Vol.]. Pod red. A. P. Evgen'evoi. 681 p. + 702 p. Moscow, Astrel', AST. (In Russian)
3. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* (2003–2025) [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 01.11.2024). (In Russian)

The article was submitted on 15.12.2024

Поступила в редакцию 15.12.2024

Duan Zhenzhen,
graduate student,
Shenzhen MSU-BIT University,
1 International University Park Road,
Shenzhen, 518172, China.
zhennzhen@mail.ru

УДК 81'42

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-50-57

СРЕДСТВА ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ МЕДИЦИНСКОГО СОВЕТА В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ТЕЛЕПЕРЕДАЧЕ О ЗДОРОВЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

© Светлана Еремеева

LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING MEDICAL ADVICE IN AN EDUCATIONAL TELEVISION PROGRAMME ABOUT HEALTH (BASED ON THE RUSSIAN LANGUAGE)

Svetlana Eremeeva

The current article studies the advice speech genre in the Russian language. Its purpose is to describe the linguistic embodiment of the genre in the television medical discourse. By linguistic embodiment we understand both lexical and grammatical means of expressing the speech genre, whereas by television medical discourse we understand a polydiscursive text environment produced by an educational television programme about health. The article explores the scientific problem, based on the programme, broadcast on one of the Russian TV channels. To achieve the goal, we study both theoretical and practical issues. The former include a thorough analysis of scientific works devoted to the following problems: hybridization of discourse and its genres, the borderline between such terms as “speech genre” and “speech act”, the “linguistic embodiment” as a speech genre parameter, features of the speech genre of advice and peculiarities of its medical variety. The latter include the analysis of the empirical material, represented by 30 episodes of the chosen programme. The scientific results are achieved with the help of the continuous sampling method, the analysis of dictionary definitions and the quantitative method. The article concludes that the advice speech genre is built with the main and secondary linguistic means. The lexical basis of the genre is introduced by performatives “advise” and “recommend” as well as such modal verbs as “should (preferably)”, “ought to”, “must” and “need”. The grammatical basis of the genre is introduced by the second person imperative.

Keywords: advice, speech genre, speech act, institutional discourse, medical discourse, television discourse, polydiscursivity

Статья посвящена исследованию речевого жанра «совет» в русском языке. Цель статьи – описать языковое воплощение жанра в телевизионном медицинском дискурсе. При этом под языковым воплощением понимаются лексические и грамматические средства выражения совета, а под телевизионным медицинским дискурсом – полидискурсивное текстовое пространство просветительской телепередачи о здоровье. Научная проблема рассматривается на примере отечественной программы – «Обыкновенные рецепты здоровья» (телеканал «Эфир»). Достижению обозначенной цели способствует решение задач теоретического и практического плана. К первым относится тщательное изучение научных трудов, посвященных следующим вопросам: гибридизация дискурса и его жанров, соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт», «анкета» речевого жанра, особенности жанра «совет» и его медицинской разновидности. Ко вторым относится анализ эмпирического материала – 30-ти выпусков просветительской телепередачи. Практические результаты достигаются с помощью метода сплошной выборки, анализа словарных дефиниций и количественного метода. Автор статьи приходит к выводу, что лексико-грамматическая репрезентация медицинского совета включает в себя главные и второстепенные средства. Ядро образуют: перформативы «советовать» и «рекомендовать»; слова с модальным значением «стоит», «следует», «желательно», «должен», «нужно», «необходимо», «надо»; императив 2-го лица.

Ключевые слова: совет, речевой жанр, речевой акт, институциональный дискурс, телевизионный дискурс, медицинский дискурс, полидискурсивность

Для цитирования: Еремеева С. Средства лексического и грамматического выражения медицинского совета в просветительской телепередаче о здоровье (на материале русского языка) // Фило-

На рубеже XX–XXI вв. в обществе стали происходить перемены, вызванные процессами глобализации, интернационализации и цифровизации. В частности, изменился формат общения между людьми: как в рамках личных отношений, так и деловых. Распространение получила коммуникация, осуществляемая с помощью электронных средств. Расширение коммуникативного пространства не могло не сказаться на состоянии современного жанроведения, перед которым встала задача по изучению новых жанров речи. Вслед за Е. А. Костяшиной, речевой жанр мы рассматриваем в двух ипостасях: как результат процесса речи и как тематическое, стилистическое и композиционное единство текстов [1, с. 10–11]. Также, учитывая точку зрения Г. Ф. Лутфуллиной, добавим, что теория речевых жанров во многом опирается на концепцию речевых актов, чье основное внимание сосредоточено на адресанте и его намерениях [2, с. 66].

Отличительной чертой современных жанров речи является их комплексная природа, проявлением которой служит гибридный характер текстов-репрезентантов. Гибридность, по замечанию В. В. Дементьева, означает, что один и тот же текст может сочетать в себе признаки устной и письменной речи, монолога и диалога, личной и публичной коммуникации, фатического и информативного общения, интеракции с хорошо знакомыми и малознакомыми собеседниками [3, с. 278].

Истоки речежанровой гибридизации кроются в не менее сложной природе дискурса. Появление новых областей знаний, форм общения и каналов передачи информации, развитие коммуникационных технологий, расширение сфер влияния медиакультуры – все эти факторы породили феномен полидискурсивности. Взяв за основу трактовку М. А. Кожиной, под полидискурсивностью мы понимаем взаимодействие двух и более дискурсов в едином текстовом пространстве [4, с. 8]. Особую роль данное явление играет в институциональном общении, где даже в его традиционных разновидностях заметна «много-слойность». Так, медицинский дискурс, ключевой для нашего исследования, более не ограничивается социальным институтом медицины. В частности, он стал активно внедряться в медиaprостранство – газеты, журналы, радио, телевидение, интернет, – в результате чего участники соответствующей коммуникации вышли за рамки своих конвенциональных ролей. Продемонстрируем это на примере просветительской теле-

передачи, языковой материал которой мы будем анализировать после изучения теоретических аспектов.

Текстовое пространство программы «Обыкновенные рецепты здоровья» (телеканал «Эфир») органично сочетает в себе медицинский и телевизионный дискурсы. Такой симбиоз, с превалированием черт первого, создает полидискурсивный контекст. Как следствие, усложняется роль адресанта: 1) по-прежнему оставаясь представителем института медицины, он начинает выполнять дополнительные функции – гостя программы или интервьюируемого; 2) транслировать специальные медицинские знания может не только врач или эксперт по здоровому образу жизни, но и тележурналист – ведущий программы или корреспондент. Что касается адресата, то его роль также претерпевает изменения: 1) реальный или потенциальный пациент становится телезрителем или участником программы; 2) ведущий может выступать в качестве адресатa-ретранслятора, то есть посредника между специалистом и телезрителями.

Возвращаясь к теоретическим аспектам, стоит добавить, что полидискурсивность проявляется и на уровне коммуникативных ситуаций, или речевых жанров. Изучая систему полидискурсивного текстового пространства, Е. А. Костяшина устанавливает следующие корреляции:

- дискурс более высокого порядка и порождаемые им дискурсивные разновидности,
- гипержанр как составляющая дискурса высокого порядка,
- простой жанр внутри институционального дискурса,
- субжанр как часть тематического субдискурса [1, с. 14–15].

Объясним значение этих понятий на примере материала просветительской телепередачи «Обыкновенные рецепты здоровья».

Дискурсом более высокого порядка является массово-информационный дискурс, в составе которого встречаются следующие разновидности: интернет, телевидение, периодическая литература и т. д. В рамках рассматриваемого материала дискурс высокого порядка представлен телевидением и строится на гипержанрах – тематических рубриках передачи: «Просто о питании», «Сам себе доктор», «Новости здоровья за 1 минуту», «Телеконсультация», «Здоровый дом» и др. Они, в свою очередь, содержат в себе простые жанры – те, которые свойственны конкретному институциональному дискурсу:

- научно-популярный дискурс: *интервью с экспертом*,
- медицинский дискурс: *консультация, диагностика, лечение*,
- публицистический дискурс: *новости*,
- рекламный дискурс: *рекламный ролик* и т. д.

Со своей стороны, простые жанры заключают в себе субжанры, характерные для тематических субдискурсов:

- дискурс пациента: *жалоба*,
- дискурс врача: *медицинский совет* и т. д.

Целью настоящей статьи является лексико-грамматическое описание одного из субжанров врачебного дискурса – медицинского совета. Прежде чем приступить к анализу, считаем важным указать признаки, в соответствии с которыми мы можем идентифицировать данный речевой жанр.

Определение «совета» носит многоаспектный характер. А. А. Соловьева, проводя исследование жанра, рассматривает его с трех сторон:

- наставление / указание, направленное на адресата, с тем чтобы он согласился с адресантом и сделал выбор в пользу наиболее разумного (полезного, практичного и т. д.) образа действий;
- мнение и взгляды адресанта, которыми он делится с другим участником общения;
- личный опыт и мысли адресанта, транслирование которых нацелено на изменение хода мыслей и поведения собеседника, а также на предупреждение его об опасности, предостережение от чего-либо, предоставление рекомендации / инструкции, оказание профессиональной консультации [5, с. 5].

Ссылаясь на работу Е. А. Костяшиной, отметим, что реализация речевого жанра в дискурсе происходит за счет особой комбинации речевых актов, то есть единиц речевого поведения [1, с. 11]. Иными словами, речевой акт – это элементарная единица речи, отдельное действие (реплика в диалоге, высказывание из одной фразы). Взяв за основу классификацию Дж. Серля, мы описываем совет как комбинацию одноименных директивных речевых актов [6, с. 182]. А. А. Соловьева отмечает, что именно статус и авторитет специалиста дают ему право выражать совет пациенту [5, с. 25, с. 132]. Таким образом, лингвист подчеркивает, что отношения между коммуникантами строятся на асимметричных началах.

Из всего вышесказанного следует, что совет нацелен на то, чтобы побудить адресата к совершению посткоммуникативного действия – правильного и разумного с точки зрения адресанта. Применительно к медицинскому контексту, речь

идет о действии, которое благоприятно скажется на здоровье пациента. Более подробно остановимся на том, каким образом говорящий добивается своей цели.

Прежде всего, адресант выстраивает коммуникативное поведение с опорой на ценностные установки своего социального института. С одной стороны, к ним относятся нормативные акты, строго регламентирующие действия специалиста и его морально-этические принципы. Ярким примером служит «клятва врача» (адаптированная версия «клятвы Гиппократ»), согласно которой все усилия представителя института медицины должны быть направлены на предупреждение и лечение заболеваний, а также на проявление уважения и заботы к больному [7]. Кроме того, основной закон Российской Федерации признает жизнь человека высшей ценностью, что подтверждается статьями 41 и 42 Главы II: в них большое внимание уделяется вопросам сохранения и укрепления здоровья человека [8].

Несомненно, состояние пациента зависит от действий лечащего врача, однако куда большую ответственность перед своим здоровьем несет сам человек. Это зафиксировано в другого рода источниках, отражающих ценностные установки института, – в незыблемых постулатах медицины. К ним, главным образом, относятся народные речения (*Здоровье не купишь; Береги платье снову, а здоровье смолоду*). Образцы народной мудрости не требуют доказательной базы, так как включают в себя бессознательные установки социума и, значит, являются «автобиографией народа» [9, с. 38]. В своем исследовании Л. С. Бейлинсон также резюмирует зоны ответственности каждого человека:

- забота как о собственном, так и о чужом здоровье;
- принятие превентивных мер;
- обращение за помощью специалиста в случае возникновения болезней;
- осуждение причинения вреда здоровью других людей [10, с. 106].

Со всем вышесказанным соглашается и А. А. Календр. Рассуждая о ценностях института здравоохранения, ученый обуславливает их национально-культурными доминантами [11, с. 25]. В частности, социально-экономический подход к пониманию ценностных ориентиров выдвигает на первый план модальность долженствования: именно сам индивид несет ответственность за свое физическое, душевное и социальное благополучие. Роль специалиста при этом сводится к тому, чтобы контролировать соблюдение данного стандарта поведения.

Соответственно, основная аксиома медицины гласит: забота о своем здоровье – долг каждого человека. Врач, обладая авторитетом и влиянием, имеет право указывать на этот долг и предлагать советы касательно профилактики и лечения заболеваний. Однако совет нельзя путать с приказом, командой или другим директивным жанром, поскольку согласно всем нормативным документам пациент принимает решение на свое усмотрение. Другими словами, статус специалиста не является гарантом коммуникативного успеха. Именно поэтому важную роль в медицинском совете играют вербальные средства его выражения, в том числе языковые.

Согласно анкете Т. В. Шмелевой, к базовым параметрам речевого жанра относится его языковое воплощение, то есть лексические и грамматические ресурсы [12, с. 96]. Задача статьи – описать основные средства лексики и грамматики, участвующие в языковом оформлении медицинского совета в рамках просветительской телепередачи о здоровье. Для решения поставленной задачи мы обращаемся к методу сплошной выборки, посредством которого отбираем 30 выпусков программы «Обыкновенные рецепты здоровья», вышедшие в период с 2012 года по 2024 год. Продолжительность одного выпуска составляет 25–28 минут, 30-ти выпусков – приблизительно 795 минут, соответственно. Сразу отметим, что примеры речевых эпизодов, которые будут представлены ниже, взяты из выпуска от 30 мая 2015 года [13]. Далее будет представлен ход исследования и его результаты.

Определившись с тем, что основу жанра составляет речевое действие, выраженное через лексическую единицу *советовать*, к основным глаголам жанра мы, прежде всего, относим данное слово. В качестве дополнительного подтверждения обратимся к значениям глагола *советовать*, указанным в Большом универсальном словаре русского языка:

- давать совет, рекомендовать,
- предостерегать от нежелательного действия [14].

Определение сопровождается контекстом употребления слова. Обращают на себя внимание примеры использования глагола в медицинском контексте: *советовать больному, советовать профилактику (химиотерапию)* [Там же].

Кроме того, лексикографический источник предлагает синоним глагола – *рекомендовать*. Среди значений находим следующие:

- высказывать пожелание, (настойчиво) предлагать сделать / поступить определенным образом, советовать;

- дать совет на правах знающего человека [Там же].

Толкование дополняют примеры употребления слова: *рекомендовать принимать лекарство, рекомендовать бег трусцой, врачи рекомендуют*. В отличие от предыдущего глагола, значение единицы *рекомендовать* содержит в себе оттенок категоричности и настойчивости, а также указывает на авторитет адресанта. Такие характеристики соответствуют описанию медицинского совета. Данное наблюдение позволяет нам предположить, что в речи адресанта просветительской телепередачи о здоровье слово *рекомендовать* используется чаще, чем слово *советовать*, которое имеет более широкую семантику.

Результаты проведенного исследования показали, что адресант – специалист / эксперт, ведущий / корреспондент – действительно использует в речи оба глагола. Простой подсчет, осуществленный в рамках количественного метода, подтвердил преобладание единицы *рекомендовать*. Кроме того, оба глагола встречаются как в рамках перформативных высказываний, так и неперформативных. Под первыми понимаются высказывания, эквивалентные действию или поступку, то есть перформативный глагол согласуется с местоимением 1 лица единственного числа [15, с. 372–373]. Соответственно, ко второй группе относятся высказывания, в которых глагол употребляется во всех оставшихся грамматических формах.

В передаче «Обыкновенные рецепты здоровья» мы обнаружили 7 примеров перформативных высказываний, из которых 3 содержат глагол *советовать*, а 4 – *рекомендовать*. Что касается неперформативных высказываний, то мы получили следующие результаты:

- глагол множественного числа в 1 или 3 лице: *советовать* – 1 пример, *рекомендовать* – 7 примеров;
- возвратная форма глагола в 3 лице единственного числа в составе безличного предложения: *советовать* – 0 примеров, *рекомендовать* – 8 примеров;
- глагол в сослагательном наклонении: *советовать* – 0 примеров, *рекомендовать* – 1 пример.

Рассмотрим речевой эпизод (8:16–8:26):

<...>

КОРРЕСПОНДЕНТ: Офтальмологи рекомендуют обязательно найти время для этих процедур / чтобы помочь глазкам максимально отдохнуть / восстановиться/ ну и / конечно / остановить развитие близорукости <...> // [13]

Данному речевому эпизоду предшествует описание методов лечения зрения. Мы относим пример к медицинскому совету, поскольку высказывание адресанта содержит основной глагол жанра – *рекомендовать*, а также указание на официальный источник – офтальмологов как представителей института медицины. Кроме того, в тексте имеется тематическая лексика – *офтальмологи, процедуры, глазки, близорукость*.

Отметим, что, используя в речи перформативы, адресант персонифицирует совет, имитируя условия приема пациента в своем кабинете. В остальных случаях совет приобретает объективный и обобщенный характер. В рамках телевизионной передачи оратор не может выстроить коммуникацию с целевой аудиторией напрямую. На наш взгляд, именно это обстоятельство объясняет разницу в количественном соотношении перформативных и неперформативных высказываний.

Отдельную группу лексических средств составляют слова с модальным значением. Среди них мы выделяем модальные глаголы и слова категории состояния с соответствующей семантикой. Обзор научных трудов показал, что вторые включают в себя безлично-предикативные модальные слова (предикативные наречия) со значениями возможности / невозможности, долженствования или необходимости, а также краткие прилагательные, утратившие свою полную форму [16], [17], [18]. Результаты анализа фактического материала показали актуальность слов с модальной семантикой в рассматриваемом речевом жанре. Модальные глаголы и слова категории состояния имеют широкий спектр употребления, однако их принадлежность к медицинскому совету обусловлена контекстом и соответствием основным характеристикам жанра «совет»:

- указание на правильность, разумность, полезность и целесообразность совершения конкретного действия;

- использование рациональных и эмоциональных способов воздействия на реципиента для того, чтобы он согласился с позицией адресанта и выполнил посткоммуникативное действие.

Ниже будут представлены результаты качественного и количественного контент-анализа эмпирического материала – группы единиц, значения которых содержат в себе семантику модальности, а также иллюстрирующие их примеры:

1) модальные глаголы: *стоит* – 15 примеров, *следует* – 6 примеров, *мочь* в форме 2 лица

множественного числа или 3 лица единственного / множественного числа – 8 примеров;

2) безлично-предикативные модальные слова (предикативные наречия): *нужно* – 73 примера, *необходимо* – 48 примеров, *надо* – 15 примеров, *можно* – 38 примеров, *важно* – 22 примера, *желательно* – 4 примера;

3) краткие прилагательные, утратившие свою полную форму: *должен* – 47 примеров.

Анализ словарных дефиниций подтвердил соответствие указанных единиц описанию жанра «совет»:

- *нужно, необходимо, надо*: о необходимости действия, исходящей из собственных потребностей / желаний, условий / обстоятельств [14];

- *должен, стоит, следует*: о полезности, целесообразности / оправданности / правильности / допустимости действия; о необходимости / сильной желательности действия [Там же];

- *можно, мочь* в форме 2 лица множественного числа или 3 лица единственного / множественного числа: о допустимости действия, о наличии возможности / разрешения на осуществление действия [Там же];

- *важно*: от прилагательного *важный* – «1. Имеющий большое значение, заслуживающий особого внимания. 2. Нужный, необходимый для кого-л., чего-л.» [19];

- *желательно*: нужно, целесообразно [20].

Мы видим, что в семантике единиц *стоит, следует, должен* и *желательно* есть указание на полезность, целесообразность и правильность действия, что отражает суть жанра «совет». Похожий смысл передают слова *нужно, необходимо, надо*, однако они, скорее, вызывают к психологической готовности человека принять и предпринять то или иное действие.

Что касается оставшихся единиц, то они располагаются на периферии жанра, привнося в совет разные оттенки смысла: *важно* – высокая степень значимости действия и, соответственно, высокая степень категоричности высказывания; *можно* и *мочь* – допустимость совершения действия. На их принадлежность к жанру будет указывать контекст.

Рассмотрим пример (19:00–19:59):

КОРРЕСПОНДЕНТ: Итак / у вашего неутомимого исследователя в носике застряла бусинка или в ушко заполз паук // Первое / никакой паники // Второе / оказываем быструю первую помощь //

СПЕЦИАЛИСТ: Чтобы снять отек / можно в нос закапать какие-то любые сосудосуживающие капли / «Нафтизин» / «Називин» и так далее / и тому подобное // Подождать / когда снимется отёк и элементарно / хотя бы / зажав / прижав крыло носа к одной

половинке / попросить ребенка выполнить несколько интенсивных сморканий // Далее / инородные тела могут быть живые и неживые // Понятно / что речь идет о каких-то насекомых / там каких-то жучках / тараканчиках и так далее / да // Если он заполз в ухо / тогда нужно закапать в ухо этиловый спирт или масло растительное / немножко подождать / когда насекомое впадет в не совсем активное состояние / да // И после этого попытаться или промыть ухо теплой водой / или все-таки обратиться к отоларингологу // [13]

Данный пример представляет собой развернутое высказывание, состоящее из вступительной речи корреспондента и основной речи врача. Обе части логически дополняют друг друга, что позволяет нам отнести их к единому высказыванию. Докажем, что оно представляет собой жанр медицинского совета.

Во-первых, в устном тексте присутствует тематическая лексика – *носик, ушко, первая помощь, отек, сосудосуживающие капли, «Нафтизин», «Називин», крыло носа, ухо, этиловый спирт, отоларинголог*.

Во-вторых, основным адресантом является специалист сферы медицины.

В-третьих, речь адресанта включает в себя слова категории состояния с модальной семантикой – *можно* в значении «допустимо и следует», *нужно* в значении «необходимо» / «следует». При этом мы исключаем принадлежность второй единицы к приказам и командам, поскольку статус врача не позволяет ему распоряжаться действиями пациента (или его официального представителя). Высказывание с данным словом взывает к ответственности родителя за жизнь и здоровье своего ребенка и поэтому апеллирует к его внутреннему настрою принимать и выполнять обозначенные действия в случае необходимости.

Что касается средств грамматики, то значительное количество всех отобранных примеров приходится на глаголы в форме императива, или повелительного наклонения. Используя их, адресант побуждает слушателя к выполнению действия или, напротив, предостерегает от некоторых решений. Важно отметить, что императив характерен не только для совета, но и для приказа, требования, разрешения. Смысл, передаваемый императивом, зависит от ряда параметров – интонации, контекста, прагматических факторов. В рамках нашего материала мы обнаружили следующие группы императива:

- императив 2-го лица: 165 примеров;
- императив 3-го лица, или конструкции с частицей *пусть*: 1 пример;
- императив, выраженный инфинитивом: 56 примеров.

Рассмотрим отдельный речевой эпизод (4:36–5:04):

КОРРЕСПОНДЕНТ: Если Вы заметили у своего ребёнка не милую детскую припухлость / а уже лишний вес / то для начала сократите употребление простых углеводов // Это сахар / булочки / пирожные / конфеты // Во-вторых / обязательно запишите ребенка в какую-то спортивную секцию или гуляйте с ним на роликах / велосипеде хотя бы один час в день // Если ребенок всё равно продолжает набирать вес / вам необходимо обратиться к эндокринологу / он выяснит точную причину и даст рекомендации / чтобы лишний вес не привёл к ожирению // [13]

Данному высказыванию предшествует речь специалиста, который рассказывает о проблеме детского ожирения. Высказывание корреспондента является ее логическим продолжением и включает в себя сведения, которыми врач поделился с тележурналистом. Мы относим этот пример к медицинскому совету, так как: 1) он содержит в себе тематическую лексику – *лишний вес, простые углеводы, набирать вес, эндокринолог, ожирение*; 2) в устном тексте присутствует безлично-предикативное модальное слово (предикативное наречие) – *необходимо*; 3) речь адресанта построена с использованием императива 2-го лица – *сократите, запишите, гуляйте*. По поводу последнего пункта стоит сказать, что коммуникация телевизионной аудитории и корреспондента, выступающего от имени социального института медицины, исключает отношения подчинения. Адресат, как телезритель и клиент медицинских учреждений, может принять, проигнорировать или вовсе раскритиковать позицию адресанта. Поэтому в данном случае повелительное наклонение не относится к приказу или команде. Его употребление обусловлено правом тележурналиста транслировать специальные медицинские знания, полученные от врача. В рассматриваемом примере императив придает высказыванию некоторую категоричность, обусловленную социальной ролью адресата: обязанность родителей – заботиться о благополучии своих подопечных.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в просветительской телепередаче о здоровье основными лексико-грамматическими средствами выражения жанра «совет» являются:

- перформативные глаголы *советовать* и *рекомендовать*,
- модальные глаголы *стоит, следует*,
- безлично-предикативные модальные слова (предикативные наречия) *нужно, необходимо, надо, желательно*,
- краткое прилагательное *должен*,

- императив 2-го лица.

К другим, но не менее важным средствам относятся:

- глаголы *советовать* и *рекомендовать* в неперформативных высказываниях;
- модальный глагол *мочь*;
- безлично-предикативные модальные слова (предикативные наречия) *важно*, *можно*;
- императив 3-го лица, или конструкции с частицей *пусть*;
- императив, выраженный инфинитивом.

Результаты исследования показали, что лексико-грамматическое наполнение медицинского совета в рамках просветительской телепередачи о здоровье весьма разнообразно. Из 522 случаев употребления лексических и грамматических средств на слова с модальным значением приходится 276 единиц, а на императив – 222 конструкции. Глаголы *советовать* и *рекомендовать* распространены в меньшей степени – 24 случая употребления. На наш взгляд, объяснением этому обстоятельству служит тот факт, что средства выражения модальности и повелительного наклонения более разнообразны и позволяют транслировать совет без повторения одних и тех же слов. Единицы *советовать* и *рекомендовать* взаимозаменяемы, однако ограничивают адресанта в построении развернутых высказываний.

К перспективам исследования мы относим анализ лексико-грамматической репрезентации медицинского совета в рамках просветительской передачи о здоровье на американском телевидении. Эти данные позволят нам сравнить языковые средства выражения жанра в двух языках – русском и английском, – а также внести вклад в развитие сравнительно-сопоставительного языкознания.

Список источников

1. Костяшина Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Томск, 2009. 30 с.
2. Лутфуллина Г. Ф. Приказ как речевой акт, тактика или жанр (на материале английского и русского языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. №1 (28). С. 66–75.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
4. Кожина М. А. Языковые маркеры полидискурсивности в художественном тексте (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Томск, 2012. 24 с.
5. Соловьева А. А. Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного англ-

ийского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2007. 16 с.

6. Новое в зарубежной лингвистике: сборник / [под ред. Б. Ю. Городецкого]. Москва: Прогресс, 1986. Вып. 17. Ч. 17. 423 с.

7. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g> (дата обращения: 15.10.2024).

8. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

9. Dundes A. Interpreting Folklore. Bloomington: Indiana University Press, 1980. 340 p.

10. Бейлинсон Л. С. Медицинский дискурс // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С.103–117.

11. Календр А. А. Жанрово-стилистические характеристики американского популярно-медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: Астрахань, 2017. 194 с.

12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С.88–98.

13. Обыкновенные рецепты здоровья. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hJR9B0Gduuk&t=1258s> (дата обращения: 15.10.2024).

14. Большой универсальный словарь русского языка [под ред. В. В. Морковкина]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka> (дата обращения: 15.10.2024).

15. Языкознание: большой энциклопедический словарь / [под ред. В. Н. Ярцевой]. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 686 с.

16. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

17. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / [под ред. Г. А. Золотовой]. Москва: Русский язык, 2001. 720 с.

18. Панков Ф. И., Мареева Ю. А. Предикативные наречия в русском и новогреческом языках: лингводидактический аспект // Мир русского слова. 2023. №2. С. 78–86.

19. Новый словарь русского языка (под ред. Т. Ф. Ефремовой). URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 15.10.2024).

20. Большой толковый словарь русского языка / (под общ. ред. С. А. Кузнецова). URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (дата обращения: 15.10.2024).

References

1. Kostyashina, E. A. (2009). *Diskursivnoe vzaimodeistvie v tekstovom prostranstve nauchno-populyarnogo meditsinskogo zhurnala: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Discursive Interaction in the Text Environment of Health Magazines: Ph. D. Thesis Abstract]. Tomsk, 30 p. (In Russian)

2. Lutfullina, G. F. (2018). *Prikaz kak rechevoi akt, taktika ili zhanr (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov)* [Order as a Speech Act, Tactics or Genre (A Case Study of the Russian and English Languages)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, No. 1 (28), pp. 66–75. (In Russian)
3. Dement'ev, V. V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. 594 p. Moscow, Znak. (In Russian)
4. Kozhina, M. A. (2012). *Yazykovye markery polidiskursivnosti v khudozhestvennom tekste (na materiale romana F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie")*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic Markers of Polydiscursivity in a Literary Text (A Case Study of the "Crime and Punishment" by F. M. Dostoyevsky): Ph. D. Thesis Abstract]. Tomsk, 24 p. (In Russian)
5. Solov'eva, A. A. (2007). *Rechevoi zhanr "sovet" v raznykh tipakh diskursa (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Speech Genre of Advice in Different Types of Discourse (A Case Study of the Modern English Language): Ph.D. Thesis Abstract]. Volgograd, 16 p. (In Russian)
6. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* (1986) [The Latest in Foreign Linguistics]. Sbornik pod red. B. Yu. Gorodetskogo, Vyp. 17, ch. 17, 423 p. Moscow, Progress. (In Russian)
7. *Federal'nyi zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ "Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii"* [The Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "The Basis for Health Protection in the Russian Federation"]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025-federalnyy-zakon-323-fz-ot-21-noyabrya-2011-g> (accessed: 15.10.2024). (In Russian)
8. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://www.constitution.ru> (accessed: 15.10.2024). (In Russian)
9. Dundes, A. (1980). *Interpreting Folklore*. 340 p. Bloomington, Indiana University Press. (In English)
10. Beilinson, L. S. (2000). *Meditinskii diskurs* [Medical Discourse]. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. trudov*, pp. 103–117. Volgograd, Peremena. (In Russian)
11. Kalendr, A. A. (2017). *Zhanrovo-stilisticheskie kharakteristiki amerikanskogo populyarno-meditinskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk* [Genre and Stylistic Features of the American Popular Medical Discourse: Ph. D. Thesis]. Astrakhan, 194 p. (In Russian)
12. Shmeleva, T. V. (1997). *Model' rechevogo zhanra* [Speech Genre Model]. *Zhanyri rechi*, Vyp. 1, pp. 88–98. (In Russian)
13. *Obyknovennyye retsepty zdorov'ya* [Simple Advice for Health]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hJR9B0Gduuk&t=1258s> (accessed: 15.10.2024). (In Russian)
14. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [The Great Universal Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka> (accessed: 15.10.2024). (In Russian)
15. *Yazykoznanie: bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (1998) [Linguistics: The Great Encyclopedic Dictionary]. 686 p. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian)
16. Shcherba, L. V. (1957). *O chastyakh rechi v russkom yazyke* [Parts of Speech in the Russian Language]. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku*. Pp. 63–84. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)
17. Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. Grammatical Study about the Word]. 720 p. Moscow, Russkii yazyk. (In Russian)
18. Pankov, F. I., Mareeva, Yu. A. (2023). *Predikativnye narechiya v russkom i novogrecheskom yazykakh: lingvodidakticheskii aspekt* [Predicative Adverbs in Russian and Modern Greek Languages: Linguodidactic Approach]. *Mir russkogo slova*, No. 2, pp. 78–86. (In Russian)
19. *Novyi slovar' russkogo yazyka* [The New Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://www.efremova.info> (accessed: 15.10.2024). (In Russian)
20. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (accessed: 15.10.2024). (In Russian)

The article was submitted on 30.10.2024

Поступила в редакцию 30.10.2024

Еремеева Светлана Анатольевна,
преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
moltobene95@mail.ru

Eremeeva Svetlana Anatolievna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
moltobene95@mail.ru

УДК 81`74.7.04

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-58-65

МОНОЛЕКСЕМНЫЕ И ПОЛИЛЕКСЕМНЫЕ ТЕРМИНЫ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

© Сельби Имамбердыева, Фануза Тарасова

MONOLEXEMIC AND POLYLEXEMIC TERMS OF DECORATIVE AND APPLIED ARTS (BASED ON THE ENGLISH AND RUSSIAN MATERIALS)

Selbi Imamberdyeva, Fanuza Tarasova

The article analyzes monolexemic and polylexemic terms of decorative and applied arts, which represent a unique form of artistic creativity that combines functionality and aesthetics. Its main distinction from visual arts lies not only in the aesthetic appeal of an object but also in its practical use. However, despite the prevalence of decorative applied arts, there is an acute shortage of scientific works devoted to comprehensive research on the lexical units of art studies. The aim of our research is to analyze one-component and multicomponent English terms in decorative applied arts and select their Russian translation equivalences. R. Rosenthal's and H. Ratzka's book "The Story of Modern Applied Art" served as background material for our study. Although this work is not classified as a new textbook, it holds a special place in art studies as it describes the main stages of the art development. Additionally, it contains specific vocabulary characteristic of that time, reflecting cultural, historical and social aspects of the period during which they emerged. The scientific novelty of the article is determined by the given research vector, namely a comparative analysis of art history terms using a continuous sampling method. As a result of research, we have identified the most productive syntactic models for the formation of polylexemic terms in accordance with the norms of the original language and the adequacy of their translation into Russian.

Keywords: one-component term, multicomponent term, decorative and applied art, English, Russian

Статья посвящена разбору моноксемных и полилексемных терминов декоративно-прикладного искусства, которое представляет собой уникальный вид художественного творчества, объединяя в себе функциональность и эстетику. Его главное отличие от изобразительного искусства заключается в акценте не только на эстетическую привлекательность объекта, но и пользу его практического применения. Однако, несмотря на широкую распространенность декоративно-прикладного искусства, сегодня ощущается острая нехватка научных трудов, посвященных всестороннему исследованию искусствоведческих лексических единиц. Цель нашего исследования – анализ англоязычных однокомпонентных и многокомпонентных терминов декоративно-прикладного искусства и подбор их переводческих соответствий в русском языке. Материалом исследования послужила книга "The story of modern applied art" («История прикладного искусства нового времени») Р. Розенталя и Х. Ратцки. Несмотря на то, что данный литературный источник не относится к недавно изданным учебным пособиям, он занимает особое место в искусствоведении, поскольку в нем описываются основные этапы развития искусства. К тому же он характеризуется специальной присущей тому времени лексикой, отражающей культурные, исторические и социальные аспекты общественного уклада, в период которого они возникли. Научная новизна материала обусловлена заданным вектором исследования, а именно сравнительно-сопоставительным анализом искусствоведческих терминов методом сплошной выборки. В результате исследования установлены наиболее продуктивные синтаксические модели образования полилексемных терминов в соответствии с нормами языка оригинала и адекватность их перевода на русский язык.

Ключевые слова: однокомпонентный термин, многокомпонентный термин, декоративно-прикладное искусство, английский язык, русский язык

Для цитирования: Имамбердыева С., Тарасова Ф. Моноксемные и полилексемные термины декоративно-прикладного искусства (на материале английского и русского языков) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 58–65. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-58-65

Ежегодно по всему миру появляется множество трудов научно-публицистического стиля, посвященных декоративно-прикладному искусству, в которых описываются особенности и процесс изготовления изделий, применяемые материалы, техники исполнения, нововведения, история возникновения того или иного предмета и т. д. Следовательно, возникает необходимость в исследовании терминов декоративно-прикладного искусства для большего понимания культурного наследия различных народов, поскольку каждое изделие является историей, воплощенной в материале. Изучение этимологического свойства лексической единицы и образование ее точного определения способствует полноценному обмену мнениями, позволяя избежать недопонимания, так как восприятие специальных терминов дает возможность участникам дискуссии более правильно формулировать свои мысли и идеи по поводу произведений и объектов декоративно-прикладного искусства.

Настоящее исследование нацелено на анализ искусствоведческой терминологии в книге Р. Розенталя и Х. Ратцки «The story of modern applied art» [1], которая выступает основным источником англоязычного фактического материала.

Искусствоведческие тексты непосредственно связаны с изучением, анализом, интерпретацией различных форм искусства и их восприятием. Они оказывают разнообразное влияние на аудиторию, вызывая у нее эмоциональную и эстетическую реакции. Для этого важно обладать достаточными знаниями в области искусствоведения и терминоведения, чтобы правильно передать значение того или иного термина. Специалисту следует ориентироваться на сложившуюся терминологическую базу исследования.

Сегодня существует большое количество определений понятию «термин». С. В. Гринев-Гриневич отмечает, что свыше 90% новых слов, появляющихся в современных языках, составляет специальная лексика [2, с. 201]. По мнению исследователя, термин определяется как «номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, потребляемая для точного наименования специальных понятий» [3, с. 34].

М. Попова определяет термин как «основную коммуникативно-функциональную единицу научного текста, имеющую самую высокую по сравнению с другими единицами языка информативность, на основании чего он занимает ключевую позицию в научной коммуникации» [4, с. 83].

Согласно А. А. Реформатскому, «термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением, слова, стремящиеся быть однозначными, как точное выражение понятий и название вещей» [5, с. 73].

А. С. Герд утверждает, что в термине есть реализация «определенной единицы соответствующей понятийной системы в плане содержания» [6, с. 16].

Как уже было отмечено, в области искусства книга авторов Р. Розенталя и Х. Ратцки «История прикладного искусства нового времени» считается полезным справочником с богатым материалом, насчитывающим 298 англоязычных искусствоведческих лексических единиц, составляющих 64% многокомпонентных и 36% однокомпонентных терминов.

Необходимо также отметить, что учебник содержит большое количество орнаментальной лексики, которая охватывает различные аспекты художественного оформления и символики, применяемой в дизайне, различных видах рукоделия, керамике, ювелирном деле и других направлениях декоративно-прикладного искусства. Наше внимание уделяется некоторым двухкомпонентным терминам, относящимся к линейным узорам.

Согласно проведенному анализу, обнаружено два термина-словосочетания – *curved lines* [1, с. 22] и *wavy lines* [Там же, с. 39], которые в русском языке имеют значение «волнистые линии» [7, с. 237], а в некоторых случаях *curved lines* также называют «плавными линиями» [8, с. 54]. Например, в данном контексте, употребляя термин *curved*, авторы склоняются именно к плавным линиям: *The severely simple was squarish and clumsy, occasionally relieved by a curved line and delicate inlay which seemed inconsistent* [1, с. 34] – «Исключительную простоту грубоватой прямоугольной мебели скрашивало ненавязчивое введение плавных линий и изящных мозаичных инкрустаций» (здесь и далее перевод наш – С. И., Ф. Т.). Данный тип линий часто встречается в орнаменте стиля Art Nouveau, где органические формы играют ключевую роль в композиции, создавая ощущение гармонии и естественности. Р. Розенталь и Х. Ратцка применяют термин именно в этом значении.

Следующий вид линейного узора обозначен двухкомпонентным термином *curvilinear ornament* [Там же, с. 22], имеющим в русском языке четырехкомпонентный эквивалент «орнамент из текучих линий» [9, с. 304]. В результате исследования различных отечественных учебных пособий и справочников по искусствоведению выяв-

лено частое употребление данной лексической единицы. Как пример, следует привести строчки из научного труда Н. С. Ворончихина, где упоминается интересующий нас орнамент: *Сложились особенности орнаментальных узоров, выявившихся в изысканных, элегантно-удлиненных переплетениях извилистых, «текучих», беспокойно напряженных и резко расслабленных «линий», легших в основу стиля модерн* [10, с. 43].

Следует также отметить, что Р. Розенталя и Х. Ратцка для обозначения текучести криволинейных линий, помимо *curvilinear ornament*, используют термины *flowing lines* [1, с. 25] (рус. «изогнутые» [11, с. 25] / *изгибающиеся* [10, с. 47] / *волнистые линии*) [12]) и *curling ornament* [1, с. 26] (рус. «криволинейный орнамент» [9, с. 38]).

Следующая разновидность линий, известная способностью удерживать внимание зрителя, называется «ритмической линией» [13], в материале именуемая как *rhythmic line* [1, с. 23] и представляющая собой двухкомпонентный термин.

Менее распространенной линией в декоративно-прикладном искусстве является линия, для описания которой авторы используют фразу *line made by dots and dashes* [Там же, с. 39], состоящую из шести компонентов, что при дословном переводе обозначает «линия, состоящая из точек и тире». Однако результаты исследования показывают, что авторы искусствоведческих текстов используют более сокращенный – двухкомпонентный – вариант данной лексической единицы в английском языке: *dash-and-dot line* [14], в русском языке: «штрихпунктирная» [15, с. 16] или «осевая линия» [16, с. 328]. Но необходимо отметить, что значение «осевая» больше предназначено для технических проектных документаций, а не орнаментальных узоров декоративно-прикладного искусства.

Настоящее исследование не ограничивается только линейными орнаментами, также рассматриваются другие разновидности узоров. Например, полилексемный термин *openwork ornament* [1, с. 124] на русский язык передается как «ажурный орнамент» [12]. В работах других специалистов обнаружены синонимичные сочетания *delicate pattern* или *delicate decoration* (рус. «ажурный узор / декор» [Там же]). Однако следует быть осторожным с данным двухкомпонентным словосочетанием, важно ссылаться на контекст, поскольку, по сравнению со значением «ажурный», в сфере искусства на русский язык оно часто переводится как «изящный» [10, с. 44] или «тонкий узор» [9, с. 98]. Например, благодаря детальному анализу собранной по теме исследования литературы выявлено, что в ювелирном

деле довольно часто серебряные изделия покрываются тонкими узорами [12], [17].

Помимо вышеперечисленных видов узоров, следует выделить основные направления орнамента в декоративно-прикладном искусстве: *цветочные* [12] и *растительные мотивы* [10, с. 51] (англ. *floral motifs* [1, с. 90] и *plant motifs* [Там же, с. 96]). Данные виды мотивов могут быть представлены как полилексемными, так и монолексемными единицами:

– однокомпонентные термины: *arabesque* [Там же, с. 101] (рус. «арабеска» [8, с. 106]). В рассматриваемом нами виде искусства данный термин обозначает не только растительные орнаменты из стилизованных листьев, цветов и плодов, но и силуэтов животных, а также геометрические узоры [12]: *palmette* [1, с. 58] (рус. «пальметта» [7, с. 69]), характеризующийся как лист пальмового дерева [12]; *fleur-de-lis* [1, с. 80] (рус. «геральдическая лилия» [18, с. 12]);

– трехкомпонентные термины: *drooping leaves ornament* [1, с. 158] (рус. «орнамент из поникших листьев» [8, с. 117]); *drooping stalks ornament* [1, с. 22] (рус. «орнамент из поникших стеблей» [8, с. 119]).

Научный труд Р. Розенталя и Х. Ратцки содержит большое количество двухкомпонентных терминов стекольного дела, описывающих разную цветовую гамму стекла. В качестве примера приведем некоторые из них:

smoky glass [1, с. 39] / *smoked glass* [Там же, с. 103] – «дымчатое стекло» [10, с. 30];

dull green glass [1, с. 39] – «болотное стекло» [9, с. 45];

purple glass [1, с. 39] – «пурпурное стекло» [9, с. 51];

blue glass [1, с. 39] – «голубое стекло» [10, с. 42], [9, с. 49] (В разделе про искусство Италии Р. Розенталя и Х. Ратцка также приводят четырехкомпонентный термин *blue glass engraved in silver* [1, с. 65], в русском языке имеющий значение «голубое стекло с серебряной гравировкой» [9, с. 87]);

stained glass [1, с. 91] – «цветное стекло» / «витражное стекло» [10, с. 14], [9, с. 50].

Сопоставительный анализ показывает распространенность двухкомпонентной структуры терминов, описывающих оттенки стекла, в обоих исследуемых языках. Исключением является английский термин *dull green glass*, поскольку он относится к трехкомпонентным словосочетаниям, но его значение в русском языке – к двухкомпонентным.

Помимо лексических единиц, обозначающих оттенки, выявлены двухкомпонентные и трехкомпонентные термины, описывающие техники

при работе со стеклом [1, с. 91]: *glass painting* (рус. 'роспись по стеклу' [10]) и *glass firing* (рус. 'обжиг стеклянного изделия' [12]).

Сравнив работы других исследователей в области декоративно-прикладного искусства, следует установить частотность употребления термина *glass painting* в 90% случаях. Намного реже используется *painting on a glass* [17], несмотря на то что с синтаксической стороны этот вариант ближе к его переводческому соответствию – 'росписи по стеклу' [9, с. 295]. Соблюдается абсолютно идентичная последовательность слов: *painting* → *роспись* → *on* → *по* → *a glass* → *стеклу*. Однако, согласно узусу английского языка, более верным и общеупотребительным вариантом считается *glass painting*.

Говоря о двухкомпонентном термине *обжиг стекла* [12], важно упомянуть близкий ему по звучанию термин *отжиг стекла* [Там же]. На самом деле их сходство заключается только в фонетическом плане и в том, что они обозначают термический процесс обработки стекла, но выполняемый с различными целями в зависимости от предъявляемых условий. В отличие от русского языка в английском языке данные понятия совершенно не идентичны (англ. *flashing* – рус. 'отжиг'). Кроме того, если два предыдущих термина представляют собой словосочетание с обязательным включением слова *glass*, то требования к лексической единице *flashing* не предъявляются. Но при работе с этим термином следует акцентировать внимание на его контекстном употреблении, поскольку в общеупотребительной лексике он приобретает значение «мигание», «сверкание» [9, с. 58].

В ходе исследования выявлены многокомпонентные словосочетания терминологического характера, обозначающие некоторые разновидности стекла и стеклянных изделий. К ним относятся семи- и шестикомпонентные термины *heavy type of glass with bold engraving* [1, с. 103] (рус. 'тяжелое стекло, украшенное богатой гравировкой' [7, с. 34]) и *delicate blown glass covered with filigree* [1, с. 103] (рус. 'тонкое выдувное стекло, покрытое филигранью' [7, с. 36]), а также четырехкомпонентный термин *humorous impressionistic glass animals* [1, с. 103] (рус. 'комичные стеклянные фигурки животных' [9, с. 108]). В русском языке последнему термину обнаружен еще один эквивалент, имеющий пятикомпонентную структуру: 'полные юмора стеклянные фигурки животных' [12].

Из вышеописанного видно, что не только русскоязычные термины довольно часто являются полилексемными, но и для английских искусствоведческих терминов многокомпонентность

также не является исключением. Так, посредством метода сплошной выборки обнаружен шестнадцатикомпонентный термин-словосочетание: *subtle color gradations in cool blue, gray and violet tones with accents of gold and black* [1, с. 110]. Проведенный анализ позволяет заключить, что данный термин относится к самым многокомпонентным сочетаниям в рассматриваемом учебнике, русским эквивалентным соответствием которого является пятнадцатикомпонентный термин 'нежные цветовые переходы оттенков холодной лазури, серых и фиолетовых тонов с акцентами черного и золотого'. Необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на достаточное количество лексических единиц в данном примере, при переводе порядок слов остается неизменным, поскольку здесь не наблюдаются существенные различия в синтаксических функциях частей речи английского и русского языков.

Несомненно, заслуживают внимания и другие термины, связанные с разновидностями оттенков и цветов, которые занимают особое место на страницах практически каждой главы «Истории прикладного искусства нового времени». Разберем наиболее интересные для нашего исследования сочетания: одним из них является шестикомпонентный термин *shaded areas in light gay colors* [1, с. 62]. Прилагательное *gay* может доставить трудности при передаче на русский язык по той причине, что часто оно переводится не только как 'веселый' [10, с. 48], но и как 'яркий' [16, с. 285]. Однако в рассматриваемом нами англоязычном примере при переводе используется именно первый вариант в соответствии с контекстом: 'мягкие цветовые переходы легких, веселых тонов'.

Следующий двухкомпонентный термин *primary colors* [1, с. 90] или, как сейчас его называют многие зарубежные художники *RYB (red, yellow, blue)* [14], в русском языке приобретает значение «основные цвета» [9, с. 98] или «чистые цвета» [11, с. 101]. Чистыми данные оттенки называются в силу того, что они не смешиваются с другими цветами и не содержат никаких примесей [16, с. 168].

В заключение разбора лексических единиц цветовой гаммы нельзя не отметить еще один достойный внимания термин-словосочетание *intense colors* [1, с. 143], в переводе на русский язык, приобретающий значение «кричащие цвета» [9, с. 128]. В современных журналах об искусствоведении данное значение указывает на насыщенность, интенсивность цвета [13].

Следующей категорией терминов, представляющих интерес для исследования, являются глаголы, которые используются в англоязычных

терминах декоративно-прикладного искусства и встречаются в сочетании с другими частями речи, порождая новые полилексемные искусствоведческие словосочетания. Например:

– *to cast* (рус. ‘отлить’ [9, с. 87]). В учебнике термин приводится семикомпонентным термином в сочетании с другими частями речи: *cast three over life-sized sculptures in aluminum* [1, с. 176]. При переводе на русский язык количество компонентов увеличивается до двенадцати в соответствии с нормами синтаксиса: ‘отлить три скульптуры по высоте в три раза превышающие человеческий рост в алюминий’;

– *to fringe* (рус. ‘окаймлять бахромой’ [9, с. 90]). Р. Розенталь и Х. Ратцка используют этот термин при описании украшения изделий промышленного дизайна: *fringe armchairs* – ‘окаймлять бахромой кресла’;

– *to cover* (рус. ‘обтягивать’ [Там же, с. 86]). Часто как в общеупотребительной, так и в специальной лексике русского языка основным значением глагола *cover* является «покрывать» [Там же, с. 110]. Но в выявленном примере следует подобрать более подходящее по смыслу значение, чтобы предотвратить его искажение. Соответственно, корректным переводом трехкомпонентному англоязычному термину *cover with fur* будет двухкомпонентное русскоязычное сочетание *обтягивать мехом*;

– *to produce* (рус. ‘выделывать’ [Там же, с. 39]). Глагол *to produce* в английском языке охватывает широкий спектр деятельности и имеет множество значений в зависимости от контекста. В декоративно-прикладном искусстве в большинстве случаев он означает «производить» [7, с. 157], «создавать» [Там же, с. 158] и «выпускать» [Там же, с. 157]. В случае с примером *he produced a series of animal sculptors* [1, с. 126], делается акцент на том, что мастер не просто создавал, ‘он выделывал группы статуэток животных’;

– *to sprout* (рус. ‘змейтись’ [12]). Термин встречается в рассматриваемом материале не единожды, в основном в сочетании с названиями орнаментов и различными фигурами, как в следующем примере: *branches and blossoms were “sprouting”*... [1, с. 61] – ‘ветви и цветы «змейлись»’.

Перед подведением итогов рассмотрим еще несколько терминов по различным тематическим группам декоративно-прикладного искусства. Одним из них является двухкомпонентный термин *splashy designs* [Там же, с. 143], в русском языке имеющий эквивалент *аляповатые рисунки* [12], что означает «сделанное безвкусно или оскорбительно с точки зрения хорошего вкуса» [8,

с. 178]. Помимо *splashy*, следует выделить прилагательное *fanciful* [1, с. 61], которое в сочетании со словом *designs* приобретает значение «причудливые узоры» [7, с. 92].

В 1901 году в европейское искусство пришла новая техника исполнения, а вместе с ней и нововведенный термин Укиё-э (яп. 浮世絵) [19, с. 41], который в английском языке имеет эквивалент *Japanese woodcut* (термин Р. Розенталя и Х. Ратцки) [1, с. 41]. На русский язык этот термин переводится четырехкомпонентным словосочетанием ‘японская гравюра по дереву’ [10, с. 54].

Следующей двухкомпонентной лексической единицей, которая в последнее десятилетие употребляется все реже, является *goldsmith work* [1, с. 68], обозначающая самый изысканный вид декоративно-прикладного искусства – ювелирное дело [9, с. 457]. Проведенный анализ предоставляет возможность выделить более распространенный термин словосочетанию *goldsmith work*, применяющийся в 85% искусствоведческих текстах и повседневной жизни. Им является однокомпонентная лексическая единица *jewelry* или двухкомпонентный термин *jewelry art*, имеющие одно и то же значение: «ювелирное дело» или «ювелирное искусство».

Следует также упомянуть двухкомпонентный термин итальянского происхождения – *masso bastardo* [1, с. 96]. Как показывает практика, несмотря на многовековое существование данного термина, до сих пор не зафиксирован его точный и верный эквивалент в русском языке. В связи с этим при упоминании *masso bastardo* в русских текстах, необходимо добавлять примечание, что данное понятие представляет собой *гончарную массу*, которую производили на основе китайского каолина, о чем также отмечают в своей работе Р. Розенталь и Х. Ратцка [Там же]. Важно отметить, что в английском языке у термина, как и в русском, отсутствует переводческое соответствие, поскольку он является названием, заимствованным из итальянского языка. Однако исследование показывает, что в 3% случаях этот термин может быть передан на русский язык со значением «ненастоящая масса» [12]. Это обусловлено тем, что первые изделия, сделанные из данной массы, при обжиге покрывались большим количеством микротрещин, а также имели непривлекательный сероватый оттенок, снижавшие ее качество и внешний вид [11, с. 59].

В ходе исследования был проведен статистический анализ англоязычных терминов декоративно-прикладного искусства. Нами обнаружено превалирование полилексемных терминов над монолексемными в рассматриваемом материале. Опираясь на результаты проведенного анализа,

следует отметить, что наибольшее количество искусствоведческих лексических единиц в рассматриваемом материале составляют двухкомпонентные термины с показателем 132 единицы, а наименьшее – семи- и шестнадцатикомпонентные термины с показателем 2 и 1 единицы, а также были выявлены наиболее продуктивные синтаксические модели словообразования многокомпонентных терминов:

1) В группе двухкомпонентных терминов выявлены следующие более продуктивные синтаксические модели: Adj + N: *transparent coating* (61 единица) и N + N: *glass firing* (42 единицы) и менее продуктивная модель: V + N: *fringe arm-chairs* (19 единиц) и др.

2) В группе трехкомпонентных терминов выявлены следующие продуктивные синтаксические модели: Adj + Adj + N: *dull green glass* (18 единиц), Adj + N + N: *dropping stalks ornament* (14 единиц), а также менее используемые модели V + Prep + N: *cover with fur* (6 единиц) и N + Prep + N: *painting on a glass* (3 единицы) и др.

3) В группе четырехкомпонентных терминов наиболее продуктивной синтаксической моделью, словообразующей все терминологические единицы в исследуемом научном материале Р. Розенталя и Х. Ратцки, является Adj + Adj + Adj + N: *humorous impressionistic glass animals* (22 единицы).

4) В группе пятикомпонентных терминов выявлены следующие продуктивные синтаксические модели: V + N + Prep + N + N: *produce a series of animal sculptors* (3 единицы), Adj + N + Part + Prep + N: *blue glass engraved in silver* (2 единицы). Иные модели, например, Adj + N + Prep + Adj + N: *bright emeralds with a subtle iridescence* (1 единица), мало продуктивны.

5) В группе шестикомпонентных терминов распространена следующая синтаксическая модель: Adj + Adj + N + Part + Prep + N: *delicate blown glass covered with filigree* (3 единицы) и др.

6) В группе семикомпонентных терминов выявлены две синтаксические модели: Adj + N + Prep + N + Prep + Adj + N: *heavy type of glass with bold engraving* (1 единица) и V + N + Part + Adj + Prep + N: *cast three over life-sized sculptures in aluminum* (1 единица).

7) В группе шестнадцатикомпонентных терминов выявлена единственная синтаксическая модель: Adj + N + N + Prep + Adj + Adj + Adj + Conj + Adj + N + Prep + N + Prep + Adj + Conj + Adj: *subtle color gradations in cool blue, gray and violet tones with accents of gold and black* (1 единица).

Опираясь на вышеизложенное, мы приходим к заключению, что выявленные основные струк-

турные особенности и синтаксические словообразовательные модели соответствуют основным тенденциям терминообразования многокомпонентных терминов в английском языке. Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать вывод, что при переводе с английского языка на русский компонентность термина может быть сохранена или изменена в соответствии с нормами языка перевода. Так, например, двухкомпонентный англоязычный термин на русский язык может передаваться трехкомпонентным словосочетанием: *glass painting* (N + N) – *роспись по стеклу* (Сущ + Пред + Сущ). Настоящая работа закладывает основу для дальнейшего изучения моделей терминообразования в сравнительно-сопоставительном аспекте, ориентированного на подбор правильных вариантов перевода лексики декоративно-прикладного искусства как с английского языка на русский, так и с русского языка на английский.

Список источников

1. Rozental, R., Ratzka, H. L. The story of modern applied art. (1948). USA. Harper & Brothers. 207 p.
2. Гринев-Гриневиц С. В. Основы лексикографического описания терминосистем: дис...д-ра филол. наук: М., 1990. 318 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
4. Попова М. Теория и терминология. Велико-Турново: ИК «Знак'94», 2012. 687 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учебник для студентов филолог. спец. высш. пед. учеб. заведений. М.: Аспект Пресс, 2014. 537 с.
6. Герд А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 96 с.
7. Власов В. Г. Художественные ремёсла // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. СПб.: Азбука-Классика, 2010. Т. 8. 363 с.
8. Будкевич Л. Н. История орнамента: учебное пособие для студ. Высш. Пед. Учеб. Заведений, обучающихся по спец. «Изобразительное искусство». М.: Гуманитар. Изд. Центр. ВЛАДОС, 2008. 312 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 2010. 501 с.
10. Ворончихин Н. С. Орнаменты. Стили. Мотивы, Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 90 с. URL: <https://cat-a.livejournal.com/31347.html> (дата обращения: 02.11.2024).
11. Рунге В. Ф. История дизайна, науки и техники. М.: Архитектура-С, 2007. 119 с.
12. Орнаменты и декоративные мотивы. URL: <https://www.gessostar.ru/ornamenty-i-motivy/> (дата обращения: 09.11.2024).
13. Власов В. Г. Объект, предмет, вещь: Симулякры предметного творчества и беспредметного искус-

ства. Исследование соотношения понятий. Часть II. Вещный мир и его проекция в дизайне // Архитектон: Известия вузов. 2019. №4 (68). URL: http://archvuz.ru/2019_4/20 (дата обращения: 03.11.2024).

14. Hameed, U. (2022). The Arts and Crafts Movement. URL: https://www.researchgate.net/publication/359506938_The_Arts_and_Crafts_Movement (дата обращения: 31.10.2024).

15. Аронов В. Р. Дизайн в культуре XX века: Анализ теоретических концепций: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: М., 1995. 29 с.

16. Папанек В. Дизайн для реального мира. М.: Издатель Д. Аронов, 2004. 416 с.

17. Yusifova, N. (2011). The structure of geometrical ornaments in decorative and applied art. URL: <https://www.academia.edu/41860310> (дата обращения: 14.11.2024).

18. Власов В. Г. Основы теории и истории декоративно-прикладного искусства. Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2012. С. 11–14.

19. Савельева А. Мировое искусство. Мастера японской гравюры. М.: «Кристалл», 2007. 208 с.

References

1. Rozental, R., Ratzka, H. L. (1948). *The Story of Modern Applied Art*. 207 p. USA, Harper & Brothers. (In English)

2. Grinev-Grinevich, S. V. (1990). *Osnovy leksikograficheskogo opisaniya terminosistem: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04* [Fundamentals of the Lexicographic Description of Terminological Systems: Doctoral Thesis]. S. V. Grinev-Grinevich. 318 p. Moscow. (In Russian)

3. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology Studies]. 304 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)

4. Popova, M. (2012). *Teoriya i terminologiya* [Theory and Terminology]. 687 p. Veliko-Tyрноvo, IK "Znak'94". (In Russian)

5. Reformatskii, A. A. (2014). *Vvedenie v yazykovedenie: uchebnik dlya studentov filolog. spets. vyssh. ped. ucheb. zavedenii* [Introduction to Linguistics: A Textbook for Students of Philological Specialties of Higher Pedagogical Educational Institutions]. 537 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)

6. Gerđ, A. S. (1981). *Formirovanie terminologicheskoi struktury russkogo biologicheskogo teksta* [Formation of the Terminological Structure of the Russian Biological Text]. 96 p. Leningrad, izd-vo LGU. (In Russian)

7. Vlasov, V. G. (2010). *Khudozhestvennye remyosla* [Artistic Crafts]. *Novyyi entsiklopedicheskii slovar' izobrazitel'nogo iskusstva*. V 10 t. T. 8. 363 p. St. Petersburg, Azbuka-Klassika. (In Russian)

8. Budkevich, L. N. (2008). *Istoriya ornamenta: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii,*

obuchayushhikhsya po spets. "Izobrazitel'noe iskusstvo" [History of Ornament: A Teaching Aid for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions Majoring in Fine Arts]. 312 p. Moscow, Gumanitar. izd. Centr. VLADOS. (In Russian)

9. Ozhegov, S. I., Shvedova N. Yu. (2010). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Russian Dictionary: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 501 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

10. Runge, V. F. (2007). *Istoriya dizaina, nauki i tekhniki* [History of Design, Science and Technology]. 119 p. Moscow, Arhitektura-S. (In Russian)

11. Voronchikhin, N. S. (2009). *Ornamenty. Stili. Motivы* [Ornaments, Styles, Motifs]. Izhevsk, izd-vo "Udmurtskii universitet". URL: <https://cata.livejournal.com/31347.html> (accessed: 02.11.2024). (In Russian)

12. *Ornamenty i dekorativnye motivы* [Ornaments and Decorative Motifs]. URL: <https://www.gessostar.ru/ornamenty-i-motivy/> (accessed: 09.11.2024). (In Russian)

13. Vlasov, V. G. (2019). *Obyekt, predmet, veshch': Simulyakry predmetnogo tvorchestva i bespredmetnogo iskusstva. Issledovanie sootnosheniya ponyatii. Chast' II. Veshchnyi mir i ego proektsiya v dizaine* [Object, Subject, Thing: Simulacra of Object Creativity and Non-Objective Art. Research into the Relationship of Concepts. Part II. The Material World and Its Projection in Design]. No. 4 (68), *Arhitekon, Izvestiya vuzov*. URL: http://archvuz.ru/2019_4/20 (accessed: 03.11.2024). (In Russian)

14. Hameed, U. (2022). *The Arts and Crafts Movement*. URL: https://www.researchgate.net/publication/359506938_The_Arts_and_Crafts_Movement (accessed: 31.10.2024). (In English)

15. Aronov, V. R. (1995). *Dizain v kul'ture XX veka: Analiz teoreticheskikh kontseptsii: avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedeniya* [Design in the Culture of the 20th Century: Analyzing Theoretical Concepts: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 29 p. (In Russian)

16. Papanek, V. (2004). *Dizain dlya real'nogo mira* [Design for the Real World]. 416 p. Moscow, izdatel' D. Aronov. (In Russian)

17. Yusifova, N. (2011). *The Structure of Geometrical Ornaments in Decorative and Applied Art*. URL: <https://www.academia.edu/41860310> (accessed: 14.11.2024). (In English)

18. Vlasov, V. G. (2012). *Osnovy teorii i istorii dekorativno-prikladnogo iskusstva. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Fundamentals of the Theory and History of Decorative and Applied Arts. A Teaching Aid]. Pp. 11–14. St. Petersburg, izd-vo S-Peterb. un-ta. (In Russian)

19. Savel'eva, A. (2007). *Mirovoe iskusstvo. Mastera yaponskoi gravyury* [World Art. Masters of Japanese Prints]. 208 p. Moscow, "Kristall". (In Russian)

The article was submitted on 13.01.2025
Поступила в редакцию 13.01.2025

Имамбердыева Сельби,

аспирант,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
imamberdyevaselbi@yandex.ru

Тарасова Фануза Харисовна,

доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fhtarasova@yandex.ru

Imamberdyeva Selbi,

graduate student,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
imamberdyevaselbi@yandex.ru

Tarasova Fanuza Kharisovna,

Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fhtarasova@yandex.ru

УДК 81

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-66-74

ВЫБОР ПРОМТА ДЛЯ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ: ДЕЛОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

© Елена Комарова

PROMPT CHOICE FOR LARGE LANGUAGE MODELS: BUSINESS COMMUNICATIONS

Elena Komarova

The given article highlights the role of LLM in natural language processing and the possibilities of its use for various tasks, in particular in the field of business communications. It is essential to formulate prompts correctly for effective interaction with neural networks. Prompt engineering is becoming not only a technical, but also a creative process for a user to be able to effectively build communication with a neural network. The article outlines various methods for classifying prompt patterns depending on tasks and situational contexts, and provides specific prompt templates. The latest studies have revealed new ways of using LLM in business communication, for example, to create pitches or imitate the styles of famous CEOs to make up business content. We analyze the use of large language models as a tool for generating and adapting business communication texts. We have established that the choice of language means in AI-generated text affects the effectiveness of the content presentation and the result of the business project as a whole. As a result, the proper use of generative AI, including the ability to construct queries, is an important part of digital competence which affects the success of business communication and other fields of human activity.

Keywords: Large Language Models (LLM), prompt-engineering, prompt, ChatGPT, neural networks, business communications

В данной статье рассматривается роль LLM в обработке естественного языка, а также возможности их использования для различных задач, в частности в области деловых коммуникаций. Отмечается важность правильной формулировки запросов для эффективного взаимодействия с нейросетями. Промт-инжиниринг становится не только техническим, но и креативным процессом, который требует от пользователя способности грамотно построить диалог с нейросетью. В статье рассматриваются различные методы классификации типов промтов в зависимости от задач и ситуативного контекста, а также приводятся конкретные шаблоны промтов, направленные на настройку эффективного взаимодействия между человеком и LLM. Последние исследования раскрывают возможности применения LLM в деловых коммуникациях, например для создания презентаций или имитации стилей знаменитых CEO для формирования бизнес-контента. Анализируются возможности применения больших языковых моделей в качестве инструмента для генерации и адаптации текста деловой коммуникации. Установлено, что выбор языковых средств, представленных в генерируемом ИИ тексте, оказывает влияние на эффективность подачи материала и результат бизнес-проекта в целом. В результате отмечается, что грамотное использование генеративного ИИ, включая умение строить запросы, является важной частью цифровой компетентности, наличие которой напрямую влияет на успешность деловой коммуникации и других сфер деятельности.

Ключевые слова: большие языковые модели (LLM), промт-инжиниринг, промт, ChatGPT, деловые коммуникации

Для цитирования: Комарова Е. Выбор промта для больших языковых моделей: деловые коммуникации // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 66–74. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-66-74

Появление больших языковых моделей (LLM) обусловило последующий прогресс в обработке естественного языка и исследованиях

искусственного интеллекта [1]. Эти модели значительно расширили возможности машин понимать и создавать язык, похожий на человеческий

[2]. Благодаря глубокому обучению и использованию больших данных LLM способны успешно решать различные языковые задачи, такие как генерация текста, перевод, реферирование, ответы на вопросы, и выполнять sentiment анализ [3]. LLM активно используются в деловых коммуникациях, поскольку обладают потенциалом для решения разнообразных задач, таких как обработка и анализ больших объемов информации, краткосрочное и долгосрочное прогнозирование и планирование, объективная оценка информации, перевод с одного языка на другой и др. Такие возможности LLM позволяют повысить производительность труда без увеличения затрат на человеческие ресурсы.

Чтобы эффективно использовать возможности LLM, необходимо правильно построить процесс взаимодействия между человеком и искусственным интеллектом для того, чтобы оба участника этого процесса достигли взаимопонимания. Адресант (в данном случае – человек) – правильно сформулировал сообщение нейросети, а реципиент (в данном случае – нейросеть) – правильно отреагировал на отправленное сообщение и сгенерировал желаемый адресантом ответ. При правильно выстроенном диалоге человек может легко получить нужную информацию или запрошенный текст, сгенерированный нейросетью в считанные секунды. Сообщение, отправленное адресантом нейросети, называется промптом или запросом. Сам процесс построения промта для эффективного диалога между человеком и нейросетью с целью получения первым необходимой информации в виде текста, видео или изображения называется промт-инжинирингом.

Выбор правильного промта имеет ключевое значение не только для извлечения необходимой информации, но и построения дальнейшего взаимодействия между человеком и нейросетью. Например, промты способны к самоадаптации, то есть созданию других подсказок для сбора дополнительной информации или генерации относящихся к данной теме артефактов [4]. Такого рода дополнительные возможности промтов, выходящие за рамки генерации простого текста или кода, еще раз подчеркивают важность их дальнейшей разработки. Соответственно, вопрос промт-инжиниринга входит в интересы разных ученых, что подтверждают многочисленные исследования последних лет (см. E. A. van Dis, L. Reynolds and K. McDonell, J. Wei, Y. Zhou, T. Shin, A. Radford, D. Zhou, J. Jung, S. Arora) [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14].

Различают два основных вида промтов: промты, вводимые вручную, и промты, генерируемые автоматизированно [15, с. 12]. Промты,

вводимые вручную (или hard prompts), создаются людьми при зондировании PLM. Например, AwesomeChatGpt github-репозиторий предлагает шаблоны промтов, которые сгруппированы по категориям, таким как маркетинг, рейтинг, музыка, здоровье, гейминг, бизнес, коддинг, развлечение, образование, кулинария и другое (<https://www.awesomegptprompts.com/categories>). Существует несколько подходов к настройке промта: промт-инструкция (instruction prompting), промт-роль или «выступи в роли...» (role prompting), промт-подсказка (few-shot prompting). Последний дает более точные результаты по сравнению с «нулевым» промптом (zero-shot prompting) [16]. Второй вид промтов – автоматизированно генерируемые промты – является наиболее оптимальным промптом, который автоматически находится с помощью алгоритма. Путем обучения модели с помощью глобального промта (global prompt) для каждого отдельного вида задачи автоматизированно генерируемые промты могут справиться с недостатками промтов, созданных вручную.

Интересным представляется одно из последних исследований, где предпринимается попытка классификации промтов в зависимости от вида вопроса [17]. Авторы предлагают «Библиотеку вопросов/промтов» (IPL), которая поможет оптимизировать качество работы с данными генеративного искусственного интеллекта, такими как ChatGPT. Они обнаружили, что качество ответов ChatGPT сильно зависит от того, как сформулированы вопросы.

В работе описывается двухэтапный подход к построению IPL. Этап 1 включает разработку вопросительной типологии, изучение различных вопросительных местоимений, типов вопросов (15 типов вопросов) и положительных/отрицательных вариантов (см. рис 1).

Положительные	Отрицательные
Два плюс два равно пяти?	Почему два плюс два не равно пяти?
Ты любишь классическую музыку?	Ты не любишь кофе?
Они вчера гуляли или смотрели телевизор?	Почему они не сделали эту работу?
Когда мы пойдем в театр?	Почему они еще не были на Сатурне?
Как долго он работает учителем?	Разве они не прожили в браке восемь лет?

Рис. 1. Примеры положительных и отрицательных вариантов вопросов

Этап 2 предполагает непосредственно промт-инжиниринг и определение основных компонентов: задача, инструкции и роль / точку зрения исследователя. Каждой комбинации из вышеперечисленных компонентов будет соответствовать определенная формула промта (см. рис. 2). Авторы предлагают таблицу стилей подсказок, которые сочетают в себе указанные компоненты: ролевые подсказки, стандартные подсказки, «нулевые» подсказки, подсказки на основе одного или нескольких примеров, «Давай подумаем об этом» подсказка, стиль самосогласованности [17, с. 19].

Prompt Style	Task	Instructions	Role	Prompt Formula
Role Prompting	Generate responses to user enquiry/specific requirement	Generate (task) as a (role)	Named role e.g. lawyer, accountant etc.	Generate a legal document as a lawyer
Standard prompts	Generate a (task) e.g. a newsletter	e.g. write as an objective statement of less than 100 words	Journalist, tech expert etc. (specific function/ title)	Generate a summary or precis of this news item
Zero, One & Few Shot Prompting	Write review of a new e-reader	Compare a hybrid to a PHEV vehicle	In the style of magazine reviewer	Generate text based on (number) examples
"Let's think about this" prompt	Pair-wise choice? Is this (item 1) consistent with (item 5)	Decide whether the response should be yes/no or possible	Objective analyst	Let's think about whether it is logical to match item 1 with item 4
Self-consistency prompt	Generate a product review	The review should be consistent with the product information provided	Review journalist	Generate a product review that is consistent with the following product information

		in the input		(insert product information)
--	--	--------------	--	------------------------------

Рис. 2. Таблица стилей подсказок

По мнению авторов, предлагаемая IPL может служить мостом между платформами Gen-AI и моделями поддержки принятия решений, что позволит получать более надежные и конкретные данные. Это обеспечит основу для создания эффективных промтов, адаптированных к методу поддержки принятия решений. Данная работа еще раз доказывает, что формулировка вопросов может сильно повлиять на качество ответов ChatGPT.

Ибрагим Джон разработал еще более широкий список стилей промтов, который включает в себя 22 различные техники инженерии запросов: ролевые промты, стандартные промты, промты на основе одного или нескольких примеров, «давай подумаем об этом» промт, стиль самосогласованности, промт мнемонических слов (seed-words), промт генерации знаний, промт интеграции знаний, интерпретируемые программные промты, промты на управляемую генерацию, промт множественного выбора, вопросно-ответный промт, промт-суммаризация, промт-диалог, состязательный промт, промт на кластеризацию, промт для обучения с подкреплением, промт обучения по программе, промт на анализ тональности, промт на выделение и классификацию именованных сущностей, промт на классификацию текста, промт на генерацию текста [18] (см. рис. 3).

Prompt styles	Prompt styles
Role Prompting	Question-answering prompts
Standard prompts	Summarization prompts
Zero, One & Few Shot Prompting	Dialogue prompts
"Let's think about this" prompt	Adversarial prompts
Self-consistency prompt	Clustering prompts
Seed-word prompt	Reinforcement learning prompts
Knowledge generation prompt	Curriculum learning prompts
Knowledge integration prompt	Sentiment analysis prompts
Multiple choice prompts	Named entity & recognition prompts
Interpretable soft prompts	Text classification prompts

Controlled generation prompts	Text generation prompts
-------------------------------	-------------------------

Рис. 3. Техники инженерии запросов по Джону

Другое исследование направлено на изучение того, что могут предложить системы генеративного искусственного интеллекта (Gen-AI) ChatGPT4 от OpenAI и Bard от Google на каждом этапе процесса анализа стратегических вариантов (SOA) [19]. В работе использовался промт-инжиниринг и выполнялась серия параллельных тестов для сравнения результатов и выводов.

Системам Gen-AI была поставлена задача сформулировать вопрос, определяющий основную идею текста, на основе предоставленного исходного материала. Ответы ChatGPT4 и Bard были более простыми и менее детальными по сравнению с результатами, полученными людьми-экспертами вручную. Результаты, полученные экспертами, были более надежными, в то время как ответы чат-ботов значительно различались в зависимости от разных запросов и даже дней работы. Также было установлено, что процесс построения запроса, необходимого для того, чтобы чат-боты сформулировали детальный, удовлетворительный вопрос, занимает больше времени, чем ручной подход.

В целом были отмечены проблемы, связанные с непоследовательностью, отсутствием возможности повторения и необходимостью подробных и длинных подсказок для получения полезных результатов. Предлагается дальнейшее изучение способов использования генеративного ИИ в качестве «помощника», а не «эксперта», а также подчеркивается важность человеческого опыта, креативности и аспектов этики, которые необходимо учитывать в процессах принятия решений. Кроме того, были сделаны выводы о целесообразности дальнейшей проверки результатов Gen-AI и правильной оценки источников с учетом потенциальной возможности чат-ботов «галлюцинировать» информацию.

Jules White и др. описывает каталог методов промт-инжиниринга, представленных в форме шаблонов, которые применялись для решения распространенных проблем при взаимодействии с большими языковыми моделями (LLMs) [4].

Приводятся 16 шаблонов промтов, которые классифицированы в соответствии с определенными категориями, такими как семантика ввода, настройка выходных данных, выявление ошибок, улучшение подсказок, взаимодействие и контроль контекста [4, с. 4] (см. рис. 4).

Pattern Category	Prompt Pattern
Input Semantics	Meta Language Creation

Output Customization	Output Automater Persona Visualization Generator Recipe Template
Error Identification	Fact Check List Reflection
Prompt Improvement	Question Refinement Alternative Approaches Cognitive Verifier Refusal Breaker
Interaction	Flipped Interaction Game Play Infinite Generation
Context Control	Context Manager

Рис. 4. Шаблоны промтов по категориям

Категория «семантика ввода» означает то, как LLM понимает входные данные и как она их преобразует в то, что можно применить для генерации выходных данных. К категории «настройка выходных данных» относятся промты для ограничения или индивидуализации типов, форматов, структуры или других характеристик выходных данных, которые генерирует LLM. Категория «выявление ошибок» представляет промт для выявления и устранения ошибок в ответе, генерируемом LLM. «Улучшение подсказок» содержит шаблоны для улучшения качества входных и выходных данных. Категория «взаимодействие» направлена на настройку взаимодействия между пользователем и LLM. В категорию «контроль контекста» входят промты, нацеленные на управление контекстной информацией, с которой работает LLM.

Далее даются примеры для каждого шаблона, иллюстрирующие, как их можно использовать для программирования LLMs с целью установки правил, автоматизации процессов и индивидуальной настройки результатов взаимодействия. Например, Шаблон для создания метаязыка может быть использован для создания такого языка пользователя, который бы понимала LLM. Этот шаблон может применяться, когда язык ввода данных по какой-то причине не может в полной мере передать идеи пользователя LLM. В основе этого шаблона лежит объяснение значения одного или нескольких символов, слов или утверждений, чтобы впоследствии LLM использовала указанный набор слов. Этот шаблон может иметь форму простого перевода: например, «X» означает «Y». Отмечается, что данный шаблон целесообразно использовать в тех случаях, когда описываются понятия, которые трудно точно и емко описать по-другому. Поэтому подсказки та-

кого типа рекомендованы к применению в новых сессиях разговора с ИИ.

К другим шаблонам относятся «автоматизатор выходных данных», который генерирует исполняемые сценарии для автоматизации рекомендуемых действий, и шаблон «перевернутое взаимодействие», при котором LLM управляет разговором, задавая пользователю вопросы и др.

Исследователи также отмечают важность разработки алгоритмов применения больших языковых моделей для деловых коммуникаций. Например, в статье «Предприниматель с искусственным интеллектом...» рассматривается роль ИИ и генеративных моделей в развитии деловой риторики [20]. Авторы считают, что эффективная деловая коммуникация является одним из решающих факторов, влияющих на успех бизнес-проекта. Исследования последних лет, посвященные анализу лингвистических особенностей деловой коммуникации, подчеркивают актуальность изучения данной проблемы. Ученые изучают влияние выбора языковых средств на результаты краудфандинговых кампаний [21], на степень вовлечения и участие заинтересованных сторон в социальных сетях [22], эффективность подачи материала в популярных шоу [23] и пр. Целью таких исследований является поиск способов построения повествовательного контента для достижения желаемого результата.

Инструменты на основе глубокого обучения предоставляют новые возможности для анализа или копирования речевых паттернов известных предпринимателей и их адаптации для определенных целей [24], [25]. ChatGPT способен генерировать подобный контент благодаря использованию больших данных и обучению в процессе взаимодействия с пользователем [26]. Например, Microsoft использует технологию, лежащую в основе ChatGPT, для Microsoft 365 Copilot – умного помощника, который объединяет возможности LLM с данными приложений компании.

Авторы статьи использовали ChatGPT для генерации эффективного текста деловой коммуникации, включая презентации, общение в социальных сетях и ответы на кризисы. Для этого была предпринята попытка использования ChatGPT для имитации четырех архетипов знаменитого CEO: создателя (Илон Маск), трансформатора (Индра Нуй), бунтаря (Тони Шей) и спасителя (Лиза Су).

Одним из самых популярных шаблонов деловой коммуникации является так называемая elevator pitch или речь в лифте, получившая свое название вслед за короткой поездкой на лифте, которая длится обычно не больше минуты. Благодаря лаконичному формату такая презентация

позволяет передавать сложные идеи в сжатой форме [27]. В статье делается запрос ChatGPT построить такую речь для всех четырех архетипов CEO и используется шаблон «Write an elevator pitch in the style of [CEO Name]» («Напиши речь в лифте в стиле [имя]») с последующим запросом «Rewrite this pitch to include more storytelling» («Перепиши эту речь и включи больше сторителлинга») [20].

Полученный ответ в стиле Илона Маска состоял из 81 слова и освещал тему того, как компания «создает» продукт с помощью «передовых технологий». Несмотря на то что этот сгенерированный текст был обобщенным и не делал упор на миссию, видение, ценности или ключевые компетенции конкретной организации, он успешно имитировал дальновидные и ориентированные на инновации качества генерального директора-создателя Илона Маска.

При ответе по запросу на включение сторителлинга сгенерированный текст содержал три основных структурных компонента, присущих данному приему передачи информации: «субъект повествования в поисках объекта» (например, читатель, который надеется попасть на встречу), «внетекстовая сила, источник идеологии субъекта» (например, важно приехать вовремя), и «силы, которые помогают или мешают субъекту» (например, огорчение из-за того, что вы застряли в пробке, когда опаздываете) [28], [20]. Проанализировав таким образом следующие три архетипа CEO, авторы статьи приходят к выводу о том, что эффективность сгенерированного текста зависит от того, как построен запрос для нейросети.

Другое исследование направлено на изучение роли ChatGPT в повышении эффективности деловой коммуникации в управленческой науке [29]. Под наукой управления авторы статьи понимают дисциплину, которая изучает, как планировать, организовывать, направлять и контролировать ресурсы и деятельность организации для достижения конкретных целей [30]. Наука управления – это междисциплинарное направление, которое может применяться в различных отраслях экономики, в бизнесе, некоммерческих организациях, управлении, образовании, здравоохранении, технологиях и пр. Качественное исследование, предложенное в статье, было выполнено методом исследования литературы, а именно сетевых СМИ и баз данных порталов журналов, по ключевым словам, которые относятся к роли ChatGPT в повышении эффективности деловой коммуникации в управленческой науке. В результате было установлено, что ChatGPT обладает рядом преимуществ в различных сферах

деятельности, таких как повышение оперативности и доступности связи, возможности анализа данных, помощь в разработке стратегии и планировании, а также упрощение процесса сотрудничества, развития и внедрения инноваций.

Полученные результаты позволили исследователям сделать следующие предложения:

- 1) интегрировать ChatGPT в систему деловых коммуникаций;
- 2) расширить область применения ChatGPT в процессе принятия решений;
- 3) использовать ChatGPT для обучения и развития сотрудников;
- 4) внедрить ChatGPT в процесс обслуживания клиентов;
- 5) применять ChatGPT для исследования и выявления инновационных решений.

При этом отмечается необходимость обучения и контроля сотрудников при работе с ChatGPT, а также сохранение внимания к человеческому ресурсу. Важно не забывать о ценности человеческого взаимодействия в деловой среде.

Исходя из результатов последних исследований, можно сделать вывод о том, что умение грамотно построить запрос для генеративного ИИ становится важной цифровой компетенцией, от которой зависит, насколько успешной будет деловая коммуникация и многие другие виды деятельности. В последнее время было разработано большое количество моделей для изучения и понимания цифровой компетентности [31]. Рамки цифровой компетентности DigComp включают в себя пять основных категорий компетенций: информационную грамотность и грамотность в отношении данных, коммуникацию и сотрудничество, создание цифрового контента, безопасность и решение проблем [32]. Соответственно, умение грамотно построить запрос для генеративной ИИ пересекается практически со всеми цифровыми компетенциями DigComp, кроме категории «безопасность». Очевидно, что умение работать с LLM и грамотно формулировать промты становятся важной частью цифровой компетентности, которая является неотъемлемой частью современной деловой коммуникации. Она включает в себя не только технические навыки, но и понимание того, как построить и адаптировать запросы под конкретные задачи и аудиторию.

В результате рассмотрения множества исследований и подходов к использованию больших языковых моделей (LLM) в различных сферах деятельности можно сделать несколько выводов. Прежде всего, создание эффективных запросов (промтов) и использование промт-инжиниринга

становятся важной частью взаимодействия между человеком и искусственным интеллектом, поскольку оно не только улучшает качество генерируемых ответов, но и способствует повышению эффективности деловых коммуникаций, процесса принятия решений и пр.

Развитие инструментов генеративного ИИ, таких как ChatGPT, открывает новые возможности для решения множества задач, от создания контента до анализа данных и прогнозирования. Однако для достижения наилучших результатов важно понимать, как правильно формулировать запросы, чтобы ИИ мог выдавать точные и полезные ответы. Важным аспектом является также внимание к этическим и социальным последствиям использования таких технологий, включая необходимость контроля и проверки информации.

Будущее использования больших языковых моделей в бизнесе и других сферах зависит от того, как будут развиваться навыки работы с ними, а также от того, как люди будут адаптировать и интегрировать эти технологии в свою профессиональную деятельность. Несмотря на то что навыки построения эффективных запросов становятся важной частью цифровой компетентности, человеческий опыт и креативность продолжают играть ключевую роль в процессе использования инструментов генеративного ИИ.

Таким образом, умение грамотно взаимодействовать с искусственным интеллектом посредством правильно сформулированного запроса имеет не только практическое, но и стратегическое значение для достижения успеха в современном цифровом мире. В дальнейшем необходимо продолжать исследовать и разрабатывать новые методы и подходы к промт-инжинирингу, чтобы максимально эффективно использовать потенциал LLM и других технологий искусственного интеллекта.

Список источников

1. Hochreiter S., Schmidhuber J. Long short-term memory // *Neural computation*. 1997. Vol. 9. No. 8. P. 1735–1780.
2. Huang J., Chang K. C.-C. Towards reasoning in large language models: A survey // *arXiv preprint arXiv:2212.10403*, 2022.
3. Muhammad Usman Hadi, Qasem Al Tashi, Rizwan Qureshi, et al. A Survey on Large Language Models: Applications, Challenges, Limitations, and Practical Usage // *TechRxiv*. 2023. July 10.
4. White J. et al. A prompt pattern catalog to enhance prompt engineering with chatgpt // *arXiv preprint arXiv:2302.11382*. 2023.

5. van Dis E. A., Bollen J., Zuidema W., van Rooij R., Bockting C. L. Chatgpt: five priorities for research // *Nature*. 2023. Vol. 614. No. 7947. P. 224–226.
6. Reynolds L., McDonnell K. Prompt programming for large language models: Beyond the few-shot paradigm // *CoRR*. 2021. Vol. abs/2102.07350. [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2102.07350> (дата обращения: 02.02.2025).
7. Wei J., Wang X., Schuurmans D., Bosma M., Chi E. H., Le Q., Zhou D. Chain of thought prompting elicits reasoning in large language models // *CoRR*. 2022. Vol. abs/2201.11903. [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2201.11903> (дата обращения: 02.02.2025).
8. Wei J., Tay Y., Bommasani R., Raffel C., Zoph B., Borgeaud S., Yogatama D., Bosma M., Zhou D., Metzler D., Chi E. H., Hashimoto T., Vinyals O., Liang P., Dean J., Fedus W. Emergent abilities of large language models. 2022. [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2206.07682> (дата обращения: 02.02.2025).
9. Zhou Y., Muresanu A. I., Han Z., Paster K., Pitit S., Chan H., Ba J. Large language models are human-level prompt engineers. 2022. [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2211.01910> (дата обращения: 02.02.2025).
10. Shin T., Razeghi Y., Logan IV R. L., Wallace E., Singh S. Autoprompt: Eliciting knowledge from language models with automatically generated prompts // *CoRR*. 2020. Vol. abs/2010.15980 [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2010.15980> (дата обращения: 02.02.2025).
11. Radford A., Wu J., Child R., Luan D., Amodei D., Sutskever I. Language models are unsupervised multitask learners. 2019.
12. Zhou D., Schärli N., Hou L., Wei J., Scales N., Wang X., Schuurmans D., Cui C., Bousquet O., Le Q., Chi E. Least-to-most prompting enables complex reasoning in large language models. 2022. [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.10625> (дата обращения: 02.02.2025).
13. Jung J., Qin L., Welleck S., Brahman F., Bhagavatula C., Bras R. L., Choi Y. Maieutic prompting: Logically consistent reasoning with recursive explanations. 2022. [Online]. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.11822> (дата обращения: 02.02.2025).
14. Arora S., Narayan A., Chen M. F., Orr L., Guha N., Bhatia K., Chami I., Re C. Ask me anything: A simple strategy for prompting language models // *International Conference on Learning Representations*. 2023. [Online]. URL: <https://openreview.net/forum?id=bhUPJnS2g0X> (дата обращения: 02.02.2025).
15. Frincu I. In Search of the Perfect Prompt. 2023.
16. Zhao Z. et al. Calibrate before use: Improving few-shot performance of language models // *International conference on machine learning*. PMLR, 2021. C. 12697–12706.
17. Svendsen A., Garvey B. An Outline for an Interrogative/Prompt Library to help improve output quality from Generative-AI Datasets. May 2023. URL: <https://ssrn.com/abstract=4495319> (дата обращения: 02.02.2025). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4495319>
18. Ibrahim J. The Art of Asking ChatGPT for High-Quality Answers (Nzunda Technologies Ltd: January 2023).
19. Svendsen A., Garvey B. Prompt-engineering testing ChatGPT4 and Bard for assessing Generative-AI efficacy to support decision-making // Available at SSRN 4495320. 2023.
20. Short C. E., Short J. C. The artificially intelligent entrepreneur: ChatGPT, prompt engineering, and entrepreneurial rhetoric creation // *Journal of Business Venturing Insights*. 2023. T. 19. C. e00388.
21. Anglin A. H. et al. Role theory perspectives: Past, present, and future applications of role theories in management research // *Journal of Management*. 2022. T. 48. №. 6. C. 1469–1502.
22. Roccapiore A. Y., Pollock T. G. I don't need a degree, I've got abs: influencer warmth and competence, communication mode, and stakeholder engagement on social media // *Academy of Management Journal*. 2023. T. 66. №. 3. C. 979–1006.
23. Lavanchy M., Reichert P., Joshi A. Blood in the water: An abductive approach to startup valuation on ABC's Shark Tank // *Journal of Business Venturing Insights*. 2022. T. 17. C. e00305.
24. Short C. E., Hubbard T. D. Do boards and the media recognize quality? An assessment of CEO contextual quality using pay, dismissal, awards, and linguistics // *Academy of Management Discoveries*. 2023. T. 9. №. 4. C. 525–548.
25. Ouyang L. et al. Training language models to follow instructions with human feedback // *Advances in neural information processing systems*. 2022. T. 35. C. 27730–27744.
26. Radford A. Improving language understanding by generative pre-training. 2018.
27. Jha A. et al. How to Construct and Deliver an Elevator Pitch: A Recipe for the Research Scientist. 2023.
28. Lounsbury M., Glynn M. A. Cultural entrepreneurship: Stories, legitimacy, and the acquisition of resources // *Strategic management journal*. 2001. T. 22. № 6–7. C. 545–564.
29. Nugroho S. et al. The role of ChatGPT in improving the efficiency of business communication in management science // *Jurnal Minfo Polgan*. 2023. T. 12. №. 1. C. 1482–1491.
30. Abubakar A. M. et al. Knowledge management, decision-making style and organizational performance // *Journal of Innovation & Knowledge*. 2019. T. 4. №. 2. C. 104–114.
31. Korzynski P. et al. Artificial intelligence prompt engineering as a new digital competence: Analysis of generative AI technologies such as ChatGPT // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2023. T. 11. № 3. C. 25–37.
32. Riina V., Stefano K., Yves P. DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens-With new examples of knowledge, skills and attitudes. Joint Research Centre, 2022. №. JRC128415.

References

1. Hochreiter S., Schmidhuber J. (1997). *Long Short-Term Memory*. Neural Computation. Vol. 9, No. 8, pp. 1735–1780. (In English)
2. Huang, J. and Chang, K. C.-C. (2022). *Towards Reasoning in Large Language Models: A Survey*. arXiv preprint arXiv: 2212.10403. (In English)
3. Muhammad Usman Hadi, Qasem Al Tashi, Rizwan Qureshi, et al. (2023). *A Survey on Large Language Models: Applications, Challenges, Limitations, and Practical Usage*. TechRxiv. July 10. (In English)
4. White, J. et al. (2023). *A Prompt Pattern Catalog to Enhance Prompt Engineering with Chatgpt*. arXiv preprint arXiv:2302.11382. (In English)
5. van Dis E. A., Bollen J., Zuidema W., van Rooij R., Bockting C. L. (2023). *Chatgpt: Five Priorities for Research*. Nature, Vol. 614, No. 7947, pp. 224–226. (In English)
6. Reynolds, L. and McDonell, K. (2021). *Prompt Programming for Large Language Models: Beyond the Few-Shot Paradigm*. CoRR, Vol. abs/2102.07350. URL: <https://arxiv.org/abs/2102.07350> (accessed: 02.02.2025). (In English)
7. Wei, J., Wang, X., Schuurmans, D., Bosma, M., Chi, E. H., Le, Q., Zhou, D. (2022). *Chain of Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models*. CoRR, Vol. abs/2201.11903. URL: <https://arxiv.org/abs/2201.11903> (accessed: 02.02.2025). (In English)
8. Wei, J., Tay, Y., Bommasani, R., Raffel, C., Zoph, B., Borgeaud, S., Yogatama, D., Bosma, M., Zhou, D., Metzler, D., Chi, E. H., Hashimoto, T., Vinyals, O., Liang, P., Dean, J., Fedus, W. (2022). *Emergent Abilities of Large Language Models*. URL: <https://arxiv.org/abs/2206.07682> (accessed: 02.02.2025). (In English)
9. Zhou, Y., Muresanu, A. I., Han, Z., Paster, K., Pitis, S., Chan, H., Ba, J. (2022). *Large Language Models Are Human-Level Prompt Engineers*. URL: <https://arxiv.org/abs/2211.01910> (accessed: 02.02.2025). (In English)
10. Shin, T., Razeghi, Y., Logan IV, R. L., Wallace, E., Singh, S. (2020). *Autoprompt: Eliciting Knowledge from Language Models with Automatically Generated Prompts*. CoRR, Vol. abs/2010.15980. URL: <https://arxiv.org/abs/2010.15980> (accessed: 02.02.2025). (In English)
11. Radford, A., Wu, J., Child, R., Luan, D., Amodei, D., Sutskever, I. (2019). *Language Models Are Unsupervised Multitask Learners*. (In English)
12. Zhou, D., Schärli, N., Hou, L., Wei, J., Scales, N., Wang, X., Schuurmans, D., Cui, C., Bousquet, O., Le, Q., Chi, E. (2022). *Least-to-most Prompting Enables Complex Reasoning in Large Language Models*. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.10625> (accessed: 02.02.2025). (In English)
13. Jung, J., Qin, L., Welleck, S., Brahman, F., Bhagavatula, C., Bras, R. L., Choi, Y. (2022). *Maieutic Prompting: Logically Consistent Reasoning with Recursive Explanations*. URL: <https://arxiv.org/abs/2205.11822> (accessed: 02.02.2025). (In English)
14. S. Arora, A. Narayan, M. F. Chen, L. Orr, N. Guha, K. Bhatia, I. Chami, and C. Re. (2023). *Ask Me Anything: A Simple Strategy for Prompting Language Models*. International Conference on Learning Representations. URL: <https://openreview.net/forum?id=bhUPJnS2g0X> (accessed: 02.02.2025). (In English)
15. Frincu, I. (2023). *In Search of the Perfect Prompt*. (In English)
16. Zhao, Z. et al. (2021). *Calibrate before Use: Improving Few-Shot Performance of Language Models*. International conference on machine learning. Pp. 12697–12706. PMLR. (In English)
17. Svendsen, Adam and Garvey, Bruce. (2023). *An Outline for an Interrogative/Prompt Library to help improve output quality from Generative-AI Datasets (May 2023)*. URL: <https://ssrn.com/abstract=4495319> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4495319> (accessed: 02.02.2025). (In English)
18. Ibrahim, John. (2023). *The Art of Asking ChatGPT for High-Quality Answers* (Nzunda Technologies Ltd: January 2023). (In English)
19. Svendsen, A., Garvey, B. (2023). *Prompt-Engineering Testing ChatGPT4 and Bard for Assessing Generative-AI Efficacy to Support Decision-Making*. Available at SSRN 4495320. (In English)
20. Short, C. E., Short, J. C. (2023). *The Artificially Intelligent Entrepreneur: ChatGPT, Prompt Engineering, and Entrepreneurial Rhetoric Creation*. Journal of Business Venturing Insights. T. 19, p. e00388. (In English)
21. Anglin, A. H. et al. (2022). *Role Theory Perspectives: Past, Present, and Future Applications of Role Theories in Management Research*. Journal of Management. T. 48. No. 6, pp. 1469–1502. (In English)
22. Roccapiore, A. Y., Pollock, T. G. (2023). *I Don't Need a Degree, I've Got Abs: Influencer Warmth and Competence, Communication Mode, and Stakeholder Engagement on Social Media*. Academy of Management Journal. T. 66. No. 3, pp. 979–1006. (In English)
23. Lavanchy, M., Reichert, P., Joshi, A. (2022). *Blood in the Water: An Abductive Approach to Startup Valuation on ABC's Shark Tank*. Journal of Business Venturing Insights. T. 17, p. e00305. (In English)
24. Short, C. E., Hubbard, T. D. (2023). *Do Boards and the Media Recognize Quality? An Assessment of CEO Contextual Quality Using Pay, Dismissal, Awards, and Linguistics*. Academy of Management Discoveries. T. 9. No. 4, pp. 525–548. (In English)
25. Ouyang, L. et al. (2022). *Training Language Models to Follow Instructions with Human Feedback*. Advances in neural information processing systems. T. 35, pp. 27730–27744. (In English)
26. Radford, A. (2018). *Improving Language Understanding by Generative Pre-Training*. (In English)
27. Jha, A. et al. (2023). *How to Construct and Deliver an Elevator Pitch: A Recipe for the Research Scientist*. (In English)
28. Lounsbury, M., Glynn, M. A. (2001). *Cultural Entrepreneurship: Stories, Legitimacy, and the Acquisition of Resources*. Strategic management journal. T. 22. No. 6–7, pp. 545–564. (In English)
29. Nugroho, S. et al. (2023). *The Role of ChatGPT in Improving the Efficiency of Business Communication in Management Science*. Jurnal Minfo Polgan. T. 12. No. 1, pp. 1482–1491. (In English)

30. Abubakar, A. M. et al. (2019). *Knowledge Management, Decision-Making Style and Organizational Performance*. Journal of Innovation & Knowledge. T. 4. No. 2, pp. 104–114. (In English)

31. Korzynski, P. et al. (2023). *Artificial Intelligence Prompt Engineering as a New Digital Competence: Analysis of Generative AI Technologies such as ChatGPT*. En-

trepreneurial Business and Economics Review. T. 11. No. 3, pp. 25–37. (In English)

32. Riina, V., Stefano, K., Yves, P. (2022). *DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens-With New Examples of Knowledge, Skills and Attitudes*. Joint Research Centre, No. JRC128415. (In English)

The article was submitted on 05.03.2025

Поступила в редакцию 05.03.2025

Комарова Елена Валерьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России,
119454, Россия, Москва,
пр. Вернадского, 76.
elvakom@rambler.ru

Komarova Elena Valerievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow State Institute of International Relations (University),
76 Vernadskiy Prospect,
Moscow, 119454, Russian Federation.
elvakom@rambler.ru

УДК 81-112.2

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-75-81

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ФЭНТЕЗИ-ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ ИДИОМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ВИДЕОИГР 2000–2020-Х ГГ.)

© Милана Красоцкая

VERBALIZATION OF VALUES IN FANTASY DISCOURSE THROUGH IDIOMS (BASED ON ENGLISH VIDEOGAMES OF THE 2000–2020'S)

Milana Krasotskaya

The article investigates an axiological aspect of fantasy discourse in such computer videogames as WarCraft III (2002–2003), Disco Elysium (2019) and Hades (2020) as well as its verbalization through idiomatic expressions. Values and ideals, expressed by idioms, play an important role in creating sense representations of alternative worlds, despite functional and structural differences between videogames and traditional literary works. Videogames, featuring interactivity and organized in a form of a hypertext, create a unique discursive space where the players can choose their own ways of interacting with a fantasy world. Systematization of idiomatic expressions allows assessing the axiological content dynamics in the periods under consideration. The objective of the research is to conduct a diachronic analysis of idioms from the 2000's until 2020's. The article offers methodology, based on the analysis of idiomatic expressions within a hybrid axiological hierarchy, established on the systems by L. K. Bairamova and Sh. H. Schwartz, comprised of seven values. As a result, we detected significant similarities in value hierarchies for the period under consideration. The place of the values in the hierarchy is determined both by external (i.e. culture and political state of affairs in the country of a game's development) and in-game factors (plot and game mechanics).

Keywords: idiomatic expression, fantasy-discourse, value, hypertext, value system

В статье исследуется аксиологический аспект фэнтези-дискурса в таких компьютерных видеоиграх, как WarCraft III (2002–2003), Disco Elysium (2019) и Hades (2020), и его вербализация посредством идиоматических выражений. Ценности и идеалы, выраженные идиомами, играют ключевую роль в создании смысловых репрезентаций альтернативных миров, несмотря на функциональные и структурные различия видеоигр и традиционных литературных произведений. Видеоигры, обладающие интерактивностью и организованные по принципу гипертекста, создают уникальное дискурсивное пространство, в котором игроки могут выбрать собственные пути взаимодействия с миром фэнтези. Систематизация идиоматических выражений позволяет оценить динамику аксиологического содержания за рассматриваемые периоды. Целью исследования выступает проведение диахронического анализа идиом за период с 2000-х по 2020-е гг. В статье предлагается методология, основанная на анализе идиоматических выражений в рамках гибридной аксиологической иерархии, базирующейся на системах Л. К. Байрамовой и Ш. Х. Шварца и состоящей из семи ориентиров. В результате исследования обнаружены существенные сходства между ценностными иерархиями за рассматриваемый период. Место аксиологических ориентиров в иерархии обусловлено как внеигровыми (культурой и политической обстановкой в стране создания игры), так и игровыми (сюжетом, механиками игры) факторами.

Ключевые слова: идиоматическое выражение, фэнтези-дискурс, ценность, гипертекст, система ценностей

Для цитирования: Красоцкая М. Вербализация ценностей в фэнтези-дискурсе посредством идиом (на материале англоязычных компьютерных видеоигр 2000–2020-х гг.) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 75–81. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-75-81

В настоящее время наблюдается растущая популярность компьютерных видеоигр как раз-
влекательного медиаконтента среди всех возра-
стов игроков. Зачастую сюжет видеоигр происхо-

дит в условиях мира фэнтези. Поэтому актуальным является исследование аксиологического аспекта и его вербализации в фэнтези-дискурсе, обычно рассматриваемом на материале литературных произведений, а не видеоигр. Предположительно, такой подход связан с нетекстовым характером видеоигр: в отличие от текста, характеризующегося такими свойствами, как линейность, непрерывность и стабильность [1, с. 19], сценарий компьютерных игр организован по принципу гипертекста и обладает такими функциями, как фрагментарность (возможность начать читать гипертекст с любого момента) и нелинейность восприятия (текст читается не в ограниченном, а в трехмерном информационном пространстве) [2, с. 5]. Стоит также отметить, что роль текстовых описаний действительности литературы в видеоиграх выполняют визуальные средства. В отличие от киносценариев, которые также отличаются от обычного текста, сценарий видеоигры интерактивен, то есть игрок сам выбирает последовательность своих взаимодействий с окружающей его виртуальной реальностью [Там же, с. 6]. Ряд игр располагают внутренним механизмом выбора случайного сценария, при котором некоторые явления могут иметь место в одном прохождении, но будут отсутствовать в другом, что также делает игровой гипертекст нестабильным по сравнению с литературным текстом.

Ввиду отсутствия единого терминологического аппарата, понятие дискурса может трактоваться широко – как процесс и результат языковой деятельности, то есть как родовое понятие в соотношении с текстом и речью [3, с. 14], и узко – как язык текстов с особыми грамматикой, лексиконом, синтаксисом, семантикой и своим миром, то есть в связи с функциональным стилем [Там же, с. 15]. Дискурс может выделяться на основе стилистической специфики, возраста участников, индивидуального языка и т. д. [Там же, с. 16]. Дискурсивное пространство является посредником между литературой, языком и реальностью; в нем формируется знаковая (семиотическая) среда, необходимая для осуществления коммуникативной функции. Дискурсивное пространство может трактоваться как среда, в которой существуют дискурсы и происходит реальное речепроизводство, и как коммуникативное событие в тексте, осмысленное языковой личностью и актуализированное как фрагмент художественной коммуникации. Также дискурсивное пространство считается частью языковой картины мира – системы вербализованных образов, интерпретирующих опыт носителей данного языка [4], [5, с. 187].

Фэнтези-дискурс входит в художественный дискурс, характеризующийся созданием автором воображаемого мира и реальности на основе художественного вымысла. При этом воображаемая реальность может как совпадать с окружающей действительностью, так и отличаться от нее, но использовать элементы действительности для создания возможного мира [6, с. 134]. Интерес к фэнтези обусловлен, в частности, потребностью общества в ценностных ориентирах, не обусловленных господствующей идеологией или религией. Значима и авторская позиция, свободная от внешнего авторитетного давления [7, с. 50]. Фэнтези как жанр обладает следующим рядом характеристик:

1) смешением жанров – фэнтези объединяет в себе черты жанров волшебной сказки, мифа, рыцарского романа, национального фольклора и др. [6, с. 134];

2) детальной разработанностью вторичного мира, то есть закономерностей альтернативной реальности, созданной фантазией автора [8]. В зависимости от приближенности или отдаленности вторичного мира выделяется первичная (художественный вымысел) и вторичная (авторский способ воспроизведения реальности: изменение законов логики, непривычные сочетания реальных и т. д.) художественная условность [6, с. 134];

3) основной темой произведения, выстроенной на основе поднимаемых вопросов этического характера, при этом принятия решений персонажа не связаны с теологией, а принимаются им самостоятельно [7, с. 50];

4) основной сюжетной линией, заключающейся в сценарии квеста;

5) высокой степенью национальной обусловленности, связанной с эволюцией жанра;

6) интертекстуальностью – связью между текстами, реализацией в речевой деятельности когнитивного процесса, в котором отражается мышление; присутствием одного текста в другом [9, с. 98, 106].

Ценности играют основополагающую роль в дискурсе. Оценочные суждения и отношения между ними устанавливают ценностные парадигмы, а совокупность культурных доминант – наиболее значимых культурных смыслов – образует определенный тип культуры. Эти факторы входят в ценностную картину мира [5, с. 117–118]. Под ценностью понимается любой из трех элементов ситуации оценивания: идеал в основе оценки, предмет оценивания или соответствие между идеальным и реальным предметами [10, с. 34].

В статье идиоматические выражения определены как эмоционально окрашенные устойчивые

словосочетания, обладающие идиоматичностью (то есть невозможностью выведения общего значения выражения из суммы значений элементов) [11, с. 124], подверженностью деформациям [12, с. 24] и принадлежностью определенной языковой картине мира [13, с. 229–230]. Идиомы связаны с ценностями посредством этнокультурного сознания – мировосприятия в связи с содержательными контурами той или иной культуры [14, с. 144]. Стоит отметить, что употребление идиом в фэнтези ограничено. Это обусловлено наличием вторичного мира, где существование многих культурных реалий окружающей действительности невозможно [15].

Целью исследования является диахронический анализ ценностных ориентиров, выраженных идиоматическими выражениями в речи персонажей трех видеоигр: WarCraft III: Reign of Chaos (2002) и дополнения к ней WarCraft III: Frozen Throne (2003); Disco Elysium Final Cut (2019); Hades (2020). Материал исследования выбран на основе культурной значимости игр: все они получили награды «игра года» (WarCraft III – от Академии интерактивных искусств и наук; Disco Elysium была номинирована BAFTA, NAVGTR, SXSW Gaming Awards; Hades получила награды BAFTA, AIAS DICE, NAVGTR и др. [16]) и имеют широкие фанатские базы. Методом сплошной выборки из сценариев рассматриваемых компьютерных игр выделено 364 идиоматических выражения. С помощью метода словарных дефиниций идиомы сопоставлены с гибридной ценностной иерархией, основанной на системах Л. К. Байрамовой и Ш. Х. Шварца.

Иерархия Л. К. Байрамовой охватывает наибольшее количество видов общепринятых ценностей (гедонистические, религиозные, эмоциональные и др.), а также вводит дихотомическую структуру благодаря рассмотрению как ценностей, так и антиценностей – ценностных ориентиров, обладающих отрицательным аксиологическим вектором. В систему входят такие дихотомии, как правда – ложь, смех – плач, рай – ад, счастье – несчастье, богатство – бедность, жизнь – смерть, здоровье – болезнь, ум – глупость [17, с. 121].

Культурная ценностная система социального психолога Ш. Х. Шварца создана с целью решения ряда социальных проблем: группа и личность, равноправие и иерархия, защита окружающей среды от чрезмерного преобразования человеком [18, с. 39–40]. Система представлена ученым в виде круговой диаграммы, где полярные ориентиры находятся напротив друг друга, а смежные обладают общими положениями: например, Равноправие и Интеллектуальная авто-

номия подразумевают необходимость индивидуальной ответственности человека за свои действия [Там же, с. 41–42]. В нее входят такие ценности, как Принадлежность (социальный порядок, уважение традиций), Интеллектуальная автономия (любопытность), Аффективная автономия (увлекательная жизнь и получение от нее удовольствия), Равноправие (равенство), Иерархия (власть), Гармония (единство с природой), Мастерство (честолюбие) [Там же, с. 41]. Целесообразность выбора данной иерархии представляется в ее социальной составляющей и необходимости рассмотрения аксиологического аспекта с точки зрения не только лингвистики, но и смежных наук.

При создании авторской системы ценностей использована более поздняя иерархия Ш. Х. Шварца, состоящая из десяти ориентиров (2012), впоследствии расширенная до 19 (2017). Однако добавленные ценности представляются слишком узконаправленными при их практическом применении, из-за чего в рамках исследования уместнее использовать концепцию 2012 г. В отличие от культурной системы 2008 г., системы 2012 и 2017 гг. направлены не на социальный аспект, а на индивидуальный; они раскрывают базовые ценности отдельных респондентов, в совокупности составляющие базовые ценностные ориентации культур. Иерархия состоит из следующих ориентиров: Саморегуляции (свобода идей и действий), Стимуляции (волнение перед новизной и жизненными испытаниями), Гедонизма (чувственное удовольствие), Достижения (компетентность и личный успех), Силы (социальный статус, доминирование), Безопасности (личная и общественная безопасность), Соответствия (сдерживания деструктивных импульсов), Традиции (уважения или принятия обычаев и идей культуры или религии), Доброжелательности (межличностные отношения), Универсализма (понимание, терпимость, защита всех людей и природы) [19, с. 55–59]. Так же, как и культурная аксиологическая система, иерархия базовых ценностей Ш. Х. Шварца представляет собой круговую диаграмму. Необходимость в ее использовании для создания авторской системы мотивируется тем, что в исследовании общая ценностная картина мира основывается на совокупности употреблений идиоматических выражений отдельными персонажами. Поэтому в данном контексте важно рассматривать идиолект, то есть речевой инструмент отражения языковой картины мира личности [20, с. 270].

Таким образом, предлагается гибридная система, состоящая из следующих ценностей, элементы которой находятся в дихотомиях:

Автономия: независимость действий, исследование – навязывание действий, нарушение автономии;

Гедонизм: получение удовольствия в любом его виде (материальное или чувственное) – несчастье;

Безопасность: соблюдение социальных норм, справедливость – нарушение социальных норм, беспорядок;

Достижение: проявление компетентности в своей работе – неадекватность навыков;

Власть: богатство, социальный статус – бедность, рабство;

Гармония: здоровье, жизнь, единство с природой – болезнь, смерть, отдаление от природы;

Духовные ценности: соблюдение и уважение культурных и религиозных традиций, пространственно-временной континуум – несоблюдение традиций.

Стоит отметить, что при соотнесении с аксиологическими ориентирами некоторые идиоматические выражения относились к двум ценностным ориентирам ввиду либо смежности некоторых элементов ценности, например в идиоме *to lose one's mind* ‘терять рассудок’ (здесь и далее перевод наш. – М. Д.), которую можно отнести к Достижению с отрицательным вектором и к Гармонии с отрицательным вектором, так как неадекватность навыков оцениваемого субъекта метафорически или буквально связана с ухудшением психического здоровья; либо на основе двоякости трактовки идиомы, например *to keep one's head down* ‘не появляться на публике’, ‘активно избегать конфликта’, может быть отнесена как к Безопасности с положительным вектором (попытка субъекта обезопасить себя), так и к Автономии с отрицательным (ущемление свободы передвижения).

Из 364 идиоматических выражений, выделенных в сценариях рассматриваемых игр, на обе части WarCraft III приходится 88 идиом, на Disco Elysium – 131 идиома, на Hades – 195 идиом. Можно предположить, что усиливается размывание границ некогда изолированного фэнтезидискурса, так как этимологически многие идиомы не связаны с примерной хронологией действия в фэнтези (например, Античностью или Средневековьем). Также наблюдается проникновение в него реалий окружающей действительности. Например, в видеоигре Hades, действие которой происходит в Тартаре, Асфоделе и Элизии, то есть значимых местах древнегреческой культуры, употреблена такая идиома, как *a calling card* ‘визитная карточка’; предмет, оставленный в качестве ориентира, что некто находился в определенной локации, в контексте слов Персе-

фоны о Хароне: «*Oh, why... he gave me his calling card after he graciously helped get me out of here the first time*». – «О, ну почему... он дал мне свою визитку, после того как любезно помог мне выбраться отсюда в первый раз»). Также идиома *in a jiffy* ‘немедленно’ употреблена в WarCraft III, действие которой происходит в Средневековье, хотя само выражение относится к 1776 г. [21]. В той же игре находим *when hell freezes over* ‘после дождика в четверг’, хотя религиозных понятий Ада и Рая в WarCraft III не существует.

Выделено шесть универсальных идиом, употребленных во всех трех играх: *to take/pay heed* (‘соблюдать осторожность’; Безопасность), *to lose one's mind* (Достижение (–), Гармония (–)), *at hand* (‘рядом, неизбежно’; Духовные ценности), *to get the better/best of someone/something* (‘перехитрить, обмануть’; Гедонизм (–)), *to keep an eye on* (‘присмотреть за кем-либо или чем-либо’; Безопасность), *to have one's word* (‘взять слово’; Духовные ценности). Это может быть связано со схожими элементами повествования во всех рассматриваемых играх: необходимость обратить внимание на чьи-либо слова игроку (или протагонисту, в роли которого он выступает); потеря рассудка одним из персонажей или сомнение в адекватности принятых решений; близость опасности; временное превосходство антагониста; квест по слежке за другим персонажем; данная кому-либо клятва.

Отмечается, что большинство идиом в рамках ориентира Духовные ценности выражают не соблюдение традиций, а пространственно-временной континуум: *at hand*, *at bay* ‘на расстоянии’, *in broad daylight* ‘при свете дня’, *in a blink of an eye* ‘в мгновение ока’, *in a jiffy* и т. д. По-видимому, выбор идиоматических выражений обусловлен отстранением реалий игр от религий и традиций окружающей действительности.

Самыми частотными идиомами за 2000-е гг. являются *once and for all* (‘раз и навсегда’; 7 раз) и *at hand* (5 раз). В 2010-е гг. чаще всего использовались выражения *to change one's mind* (‘изменить решение’; 44 раза), *to make up one's mind* (‘принять решение’; 19 раз), *to keep an eye on* (18 раз). В 2020-х гг. часто употреблялись идиомы *to give a shot* (‘попробовать’; 9 раз), *to keep an eye on* (8 раз), *to change one's mind* (8 раз). Отмечается, что в WarCraft III и Hades большинство идиом имеют единичное употребление. Частотность использования выделенных выражений обусловлена внутриигровыми факторами, такими как сюжет и механика игры с множественностью выбора.

Ценностные ориентиры за 2000-е гг. составляют следующую иерархию: Безопасность – 37 идиом, из них 20 положительных (*to hold one's ground* ‘не сдавать позиций’), 17 отрицательных (*to snuff out* ‘разрушать, подавлять’); Достижение – 16 идиом, из них 12 положительных (*to take up a cup* ‘взвалить бремя’) и 4 отрицательных (*to run/drive into the ground* ‘развалить дело, разорить’); Автономия – 14 идиом, из них 8 положительных (*to be on the move* ‘двигаться’) и 6 отрицательных (*to haul off* ‘уклоняться’); Духовные ценности – 10 идиом, из них 9 положительных (*for the time being* ‘на некоторое время’) и 1 отрицательная (*when hell freezes over*); Гедонизм – 9 идиом, из них 4 положительных (*weight off one's shoulders* ‘как гора с плеч’) и 5 отрицательных (*to put someone on edge* ‘заставлять кого-либо нервничать’); Власть – 5 идиом, из них 4 положительных (*out of one's league* ‘быть лучше кого-либо’) и 1 отрицательная (*for the birds* ‘бесполезный’); Гармония – 2 идиомы, из них 1 положительная (*to hold fast* ‘держаться’) и 1 отрицательная (*to lose one's mind*).

Для 2010-х гг. характерна следующая ценностная иерархия: Достижение – 34 идиомы, из них 22 положительных (*worth one's salt* ‘компетентный’) и 12 отрицательных (*under one's nose* ‘под чьим-либо носом’); Безопасность – 32 идиомы, из них 14 положительных (*to cordon off* ‘оцепить’) и 18 отрицательных (*to keep someone in the dark* ‘держат в неведении’); Автономия – 18 идиом, из них 13 положительных (*to mull over* ‘долго обдумывать’) и 5 отрицательных (*to sod off* ‘отвалить’); Гедонизм – 17 идиом, из них 10 положительных (*to take/have a breather* ‘перевести дух’) и 7 отрицательных (*in for a bumpy ride* ‘тяжелое время’); Власть – 13 идиом, из них 10 положительных (*to run circles around someone* ‘справляться с работой лучше прочих’) и 3 отрицательные (*to go out of the window* ‘быть бесполезным и забытым’); Гармония – 12 идиом, из них 4 положительные (*to air out* ‘проветрить’) и 8 отрицательных (*at death's door* ‘на пороге смерти’); Духовные ценности – 10 положительных идиом (*down the road* ‘в будущем’, *in the blink of an eye*).

Ценностными ориентирами 2020-х гг. выступают Безопасность – 53 идиомы, из них 23 положительных (*the coast is clear* ‘горизонт чист’) и 30 отрицательных (*to get the horns* ‘разозлить кого-либо и получить соответствующую эмоциональную реакцию’); Гедонизм – 36 идиом, из них 22 положительных (*to spruce up* ‘приукрасить’) и 14 отрицательных (*a low blow* ‘удар исподтишка’); Автономия – 35 идиом, из них 25 положительных (*to get to the bottom* ‘разобраться’) и

10 отрицательных (*to be set in one's ways* ‘не хотеть меняться’); Достижение – 34 идиомы, из них 23 положительных (*to dredge up* ‘заполучить после долгих поисков’) и 11 отрицательных (*to slip one's mind* ‘запамятовать’); Власть – 22 идиомы, из них 15 положительных (*a calling card*) и 7 отрицательных (*at one's beck and call* ‘служить кому-либо’); Гармония – 18 идиом, из них 7 положительных (*to take it in stride* ‘не пасовать перед трудностями’) и 11 отрицательных (*to shrivel up* ‘вянуть’); Духовные ценности – 12 идиом, из них 11 положительных (*to run in the family* ‘быть в крови, в роду’) и 1 отрицательная (*to turn one's back on* ‘отвернуться от кого-либо’).

Таким образом, ценностные иерархии за каждый рассматриваемый период отличаются незначительно. Место ориентиров обусловлено как внеигровыми (культура и политическая обстановка стран создания игр), так и внутриигровыми (сюжет, механика игры) аспектами. Ведущей ценностью выступает Безопасность, при этом превалируют идиомы, выражающие антиценности, что может быть связано с сюжетной линией игр – необходимостью победить «зло» (антагониста). В каждой игре третье место занимает ориентир Автономия, внутри которого большинство идиом обладают положительным аксиологическим вектором. Предполагается, что это связано с имплицитным побуждением игроков к исследованию элементов игры (сюжета, территорий, возможностей персонажа, общения с неигровыми персонажами и др.). В играх 2000-х и 2010-х гг. одним из ведущих ориентиров выступает Достижение, также содержащий значительное количество идиом с положительным аксиологическим вектором, что можно соотнести с имплицитным поощрением игрока. Стоит отметить, что в игре 2020-х гг. второе место занимает Гедонизм, что может служить отсылкой к культуре Древней Греции, по мотивам которой построен сюжет. Наименее значимыми во всех трех играх являются ценности Власть и Гармония. Во-первых, потому что конечной целью протагониста является завершение квеста, а не повышение социального статуса. В WarCraft III практически все протагонисты являются либо богами, либо потомками королевских или богатых семей; в Disco Elysium протагонист – полицейский, при этом его власть не признается другими жителями города; в Hades протагонист – полубог. Во-вторых, Гармония не играет важной роли, так как ни один персонаж не умирает по-настоящему, у игрока всегда есть возможность возродиться, начать заново. Интересно, что ориентир Духовные ценности сместился в конец иерархий в 2010-х и 2020-х гг., хотя религии и традициям отводятся

не последние места в играх (ср. сюжетную арку в Церкви и объяснение Энциклопедии о Долорес Дэй (местной святой) в Disco Elysium и божественный мотив в Hades). Свою вербализацию Духовные ценности находят в других лексических единицах.

Список источников

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ленанд, 2019. 144 с.
2. Лутовинова О. В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 4–7.
3. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. М.: Изд. дом ЯСК, 2020. 313 с.
4. Лушников Г. И., Медведева Е. В. Дискурсивное пространство фэнтези (на материале произведений А. Нортон) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11573&ysclid=m2rg5bpjj448237901> (дата обращения: 27.10.2024).
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
6. Медведева Е. В. Интертекстуальность как дискурсообразующая категория пространства жанра фэнтези // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). С. 133–137.
7. Павлухина О. В. Литература фэнтези в контексте современной культуры: предпосылки, особенности жанра, читательская аудитория // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 4 (14). С. 49–57.
8. Агапитова Е. К. Создание фантастического мира как внутренняя цель писателя-фантаста // Филологические исследования. 2016. URL: <https://academy.petsru.ru/journal/article.php?id=3004> (дата обращения: 27.10.2024).
9. Ревзина О. Г. Язык и текст. М.: МАКС Пресс, 2020. 561 с.
10. Бабаянц В. В. Ценности как объект лингвокультурологической рефлексии // Грамота. 2013. № 6 (24). С. 32–35.
11. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
12. Чиненова Л. А. Английская фразеология в языке и речи. М.: Либроком, 2009. 101 с.
13. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008. 269 с.
14. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, Наука, 2010. 224 с.
15. Ali N. Addressing The Elephant In The Room: Everyday Idioms In Fantasy Worlds. 2019. URL: <https://bookriot.com/everyday-idioms-in-fantasy-worlds/> (дата обращения: 31.10.2024).

16. IMDb: Ratings, Reviews, and Where to Watch the Best Movies and TV Shows. 2024. URL: https://www.imdb.com/?ref_=nv_home (дата обращения: 31.10.2024).

17. Байрамова Л. К. «Аксиологический фразеологический словарь английского языка» как одно из новых средств в языковой подготовке специалистов-международников // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. 2013. Т. 2. С. 120–127.

18. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 37–67.

19. Schwartz Sh. H. The Refined Theory of Basic Values // Values and Behavior: Taking a cross-cultural perspective. Springer, 2017. P. 51–85.

20. Корниенко Е. В. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 265–271.

21. Etymonline – Online Etymology Dictionary. 2024. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 03.11.2024).

References

1. Galperin, I. R. (2019). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. 144 p. Moscow, Lenand. (In Russian)
2. Lutovinova, O. V. (2009). *Gipertekst: ponyatie, osnovnye kharakteristiki, vozmozhnye podkhody k lingvisticheskomu analizu* [Hypertext: Its Concept, General Characteristics and Possible Approaches to Linguistic Analysis]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 5, pp. 4–7. (In Russian)
3. Skrebtsova, T. G. (2020). *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika* [Discourse Linguistics: Structure, Semantics, Pragmatics]. 313 p. Moscow, YaSK Publishing house. (In Russian)
4. Lushnikova, G. I., Medvedeva, Ye. V. (2013). *Diskursivnoe prostranstvo fentezi (na materiale proizvedenii A. Norton)* [Discursive Space of Fantasy (based on A. Norton's works)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11573&ysclid=m2rg5bpjj448237901> (accessed: 27.10.2024). (In Russian)
5. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Individuality, Concepts, Discourse]. 331 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)
6. Medvedeva, Ye. V. (2015). *Intertekstual'nost' kak diskursoobrazuyushchaya kategoriya prostranstva zhanra fentezi* [Intertextuality as a Discourse Forming Category of Fantasy Genre Space]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (64), pp. 133–137. (In Russian)
7. Pavlukhina, O. V. (2013). *Literatura fentezi v kontekste sovremennoi kul'tury: predposylki, osobennosti zhanra, chitatel'skaya auditoriya* [Fantasy Literature in the Shadow of Contemporary Culture: Background, Spe-

cific Nature of the Genre, Readership]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. No. 4 (14), pp. 49–57. (In Russian)

8. Agapitova, Ye. K. (2016). *Sozdanie fantasticheskogo mira kak vnutrennyaya tsel' pisatelya-fantasta* [Creation of Fiction World as a Goal of Fiction Writer]. *Filologicheskie issledovaniya*. URL: <https://academy.petrus.ru/journal/article.php?id=3004> (accessed: 27.10.2024). (In Russian)

9. Revzina, O. G. (2020). *Yazyk i tekst* [Language and Text]. 561 p. Moscow, MAKS Press. (In Russian)

10. Babayants, V. V. (2013). *Tsennosti kak ob'ekt lingvokulturologicheskoi refleksii* [Values as Object of Linguo-Culturological Reflection]. *Gramota*. No. 6 (24), pp. 32–35. (In Russian)

11. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. 312 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

12. Chinenova, L. A. (2009). *Angliiskaya frazeologiya v yazyke i rechi* [English Phraseology in Language and Speech]. 101 p. Moscow, Librokom. (In Russian)

13. Alefirenko, N. F. (2008). *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the Light of Contemporary Linguistic Paradigms]. 269 p. Moscow, ELNIS. (In Russian)

14. Alefirenko, N. F. (2010). *Lingvokulturologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. Value-sense Language Space]. 224 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

15. Ali N. (2019). *Addressing the Elephant in the Room: Everyday Idioms in Fantasy Worlds*. URL: <https://bookriot.com/everyday-idioms-in-fantasy-worlds/> (accessed: 31.10.2024). (In English)

16. *IMDb: Ratings, Reviews, and Where to Watch the Best Movies and TV Shows* (2024). URL: https://www.imdb.com/?ref_=nv_home (accessed: 31.10.2024). (In English)

17. Bairamova, L. K. (2013). *“Aksiologicheskii frazeologicheskii slovar' angliiskogo yazyka” kak odno iz novykh sredstv v yazykovo podgotovke spetsialistov-mezhdunarodnikov* [“The Axiological Dictionary of Phraseological Units of the English Language” as One of the New Means of Language Training of Specialists in Foreign Affairs]. *Magiya INNO: novye tekhnologii v yazykovo podgotovke spetsialistov-mezhdunarodnikov*. Vol. 2, pp. 120–127. (In Russian)

18. Schwartz, Sh. (2008). *Kul'turnye tsennostnye orientatsii: priroda i sledstviya natsional'nykh razlichii* [Cultural Value Orientations: Nature and Consequences of National Differences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. No. 2, pp. 37–67. (In Russian)

19. Schwartz, Sh. H. (2017). *The Refined Theory of Basic Values. Values and Behavior: Taking a Cross-Cultural Perspective*. Pp. 51–85. Springer. (In English)

20. Kornienko, Ye. V. (2019). *Idiolekt i idiosil': k voprosu o sootnesenii ponyatii* [Idiolect and Idiosyle: On the Correlation of Notions]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 1, pp. 265–271. (In Russian)

21. *Etymonline – Online Etymology Dictionary* (2024). URL: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 03.11.2024). (In English)

The article was submitted on 15.11.2024

Поступила в редакцию 15.11.2024

Красоцкая Милана Денисовна,
аспирант,
педагог дополнительного образования,
Российский университет дружбы народов
им. П. Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
Milana19971@yandex.ru

Krasotskaya Milana Denisovna,
graduate student,
supplementary education teacher,
People's Friendship University of Russia
named after P. Lumumba,
6 Miklukho-Maklaya Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
Milana19971@yandex.ru

УДК 811.161.11

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-82-91

О НЕСТАБИЛЬНОСТИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СФЕРЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВИДЫ ЧТЕНИЯ)

© Евгения Кузьмина

ON INSTABILITY OF FLT TERMINOLOGY SYSTEM IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES (BASED ON TERMS DENOTING TYPES OF READING)

Evgeniya Kuzminova

The article discusses the issues of instability of the terminology system utilized in the methodology of teaching foreign languages as a result of the large-scale terminological borrowings from the English language. Due to the high rate of circulating, English terms do not undergo the processes of adaptation and systematization in the Russian language, which causes difficulties in unifying the terminology in English and Russian. The article examines how the terminology denoting different types or strategies of reading correlates in both languages. We analyze Russian equivalents to the original English terms, exemplified by scientific texts in the Russian and English languages. The obtained data illustrate no precise correlation between English and Russian terms, which leads to the instability of the terminology system. This requires seeking new ways of systematizing terminology to eliminate errors in the usage of English and Russian terms in scientific contexts.

Keywords: term system, terminological borrowings/loanwords, translation equivalent, instability of term system, systematization and unification of terms

Данная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме неустойчивости терминосистемы сферы методики преподавания иностранных языков, что является прямым последствием масштабных терминологических заимствований из английского языка в русский. В силу высоких темпов распространения терминов они не подвергаются процессам адаптации и систематизации в языке, из-за чего возникают трудности в унификации терминологии в английском и русском языках. В статье эта проблема раскрывается на примере соотношения терминов сферы методики преподавания иностранных языков, обозначающих разные виды и стратегии чтения в английском и русском языках. Подробно рассматриваются существующие переводные эквиваленты оригинальных английских терминов и адекватность их использования с примерами употребления русских и английских терминов в контекстах научных и учебно-методических работ. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проиллюстрированные несоответствия в использовании терминов приводят к неустойчивости терминосистемы. Данная проблема нуждается в дальнейшем изучении, и вопрос систематизации терминов остается актуальным для исключения терминологических ошибок в научном контексте и наиболее полного и точного использования как оригинальных английских терминов, так и существующих русских терминологических эквивалентов.

Ключевые слова: терминосистема, терминологические заимствования, переводной эквивалент, неустойчивость терминосистемы, систематизация и унификация терминов

Для цитирования: Кузьмина Е. О неустойчивости терминосистемы сферы методики преподавания иностранных языков в русском и английском языках (на примере терминов, обозначающих виды чтения) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 82–91. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-82-91

Большое количество терминологических работ в настоящее время посвящено проблемам заимствования терминов из одного языка в другой и сопутствующим этому процессу трудностям

[1], [2], [3]. Основные сложности, возникающее при переводе терминов, обусловлены небывало быстрыми темпами заимствования и увеличением количества заимствованных терминов, чему непосредственно способствует Интернет и возможности международного языкового и научного обмена, превосходящие по скорости терминологическую адаптацию конкретных терминов и стабилизацию терминологической системы. Другой проблемой, тесно связанной с предыдущей, оказывается трудоемкость процесса перевода терминов: согласно некоторым исследованиям по изучению процесса работы над переводом научных текстов и возможностей ее автоматизации, на перевод терминов в рамках научного текста может уходить 30-70 % от всего времени работы с материалом, что в нынешних реалиях значительно затрудняет работу лингвистов [1], [4]. Параллельно с этим, в силу того что в данный момент лексикографическая работа со словарями не поспевает за появлением новых терминов, «распространение терминологических заимствований в опубликованных русских текстах неконтролируемо, а выбор автора для представления нового заимствованного термина является абсолютно произвольным», как утверждают Беляева и Камшилова [1, с. 110], при переводе научных текстов может встречаться большое количество ошибок или неточностей в передаче понятий с одного языка на другой. Многочисленные заимствования терминов в различных сферах расшатывают терминосистему, делают ее неустойчивой, что затем приводит к ошибкам в понимании и интерпретации текстов и терминологической путанице. Термины сферы образования и, в частности, преподавания иностранных языков не являются исключением. В данной статье будет проиллюстрирована проблема нестабильности терминосистемы сферы методики преподавания иностранных языков на примере терминов, обозначающих виды чтения в английском и русском языках.

В зарубежной методике преподавания выделяются несколько типов чтения: *extensive*, *intensive reading*, *skimming*, *scanning*. Некоторые авторы выделяют эти четыре как равноправно существующие, однако другие представляют эту классификацию иначе: *intensive reading*, *extensive* – *skimming*, *scanning*. Согласно словарю «*Longman dictionary of language teaching and applied linguistics*», все четыре вида определяются следующим образом:

1) «*extensive reading* – in language teaching, means reading in quantity and in order to gain a general understanding of what is read. It is intended to develop good reading habits, to build up

knowledge of vocabulary and structure, and to encourage a liking for reading» [5, с. 212]. – «экстенсивное чтение – в преподавании языка означает чтение в большом количестве с целью того, чтобы получить общее представление о прочитанном. Оно предназначено для развития привычки читать, пополнения словарного запаса, а также для поощрения любви к чтению» (здесь и далее перевод мой. – Е. К.);

2) «*intensive reading* – is generally at a lower speed, and requires a higher degree of understanding than extensive reading» [Там же]. – «интенсивное чтение – в отличие от экстенсивного происходит медленнее и требует более высокой степени понимания»;

3) «*scanning* – a type of reading strategy which is used when the reader wants to locate a particular piece of information without necessarily understanding the rest of a text or passage» [Там же, с. 508–509]. – «поисковое чтение – стратегия чтения, которая используется, когда читатель хочет найти определенную часть информации, не обязательно понимая остальную часть текста или отрывка»;

4) «*skimming* – a type of rapid reading which is used when a reader wants to get the main idea from a passage» [Там же]. – «просмотровое чтение – стратегия быстрого чтения, которая используется, когда читатель хочет получить основную идею отрывка».

В отечественной методике вопрос классификации видов чтения отмечается как актуальный, и на данный момент можно выделить несколько классификаций типов чтения. Так, методисты разработали собственные классификации типов чтения, основываясь на аспектах процесса чтения и обучения ему:

– «на основе психологической установки – аналитическое и синтетическое чтение <...>;

– по количеству материала и глубине проработки – интенсивное и экстенсивное;

– по целевой направленности и характеру протекания процесса – изучающее, поисковое, ознакомительное, просмотровое» [6, с. 72].

Для определения возможных соответствий между английскими и русскими терминами, обозначающими разные виды чтения, приведем трактовки, которые предлагают С. К. Фоломкина и Н. Д. Гальскова:

1) «Просмотровое чтение является „беглым, выборочным чтением по блокам, для более подробного ознакомления с его деталями и частями“;

2) при ознакомительном чтении необходимо „в результате быстрого прочтения всего текста

извлечь содержащуюся (в нем) основную информацию“;

3) изучающее чтение предусматривает максимально полное и точное понимание всей информации и критическое осмысление;

4) при поисковом чтении главным является быстрое “нахождение в тексте конкретной информации“» [7, с. 42–44];

5) «интенсивное чтение – это чтение с глубоким проникновением в содержание;

6) экстенсивное – беглое, поверхностное чтение» [8, с. 156].

Исходя из приведенных дефиниций можно сделать вывод, что приближенными по своему значению являются пары:

- extensive – экстенсивное чтение ИЛИ ознакомительное (общее представление о тексте),
- intensive – интенсивное чтение ИЛИ изучающее (100% понимание),
- scanning – поисковое (нахождение конкретной информации),
- skimming – просмотрное ИЛИ ознакомительное (понимание основной идеи текста).

Для того чтобы наиболее верно определить переводные эквиваленты, которые полностью совпадают семантически, необходимо проанализировать существующие двуязычные словари и справочники, которые содержат термины, относящиеся к сфере образования или методике преподавания иностранных языков. Одним из таких является «Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков» И. Л. Колесниковой и О. А. Долгиной [9].

В справочнике авторы подчеркивают, что «интенсивное и экстенсивное виды чтения, соответствующие английским „intensive“ и „extensive“, выделяются по способу и характеру учебной работы с текстом. Они отмечают, что в русской методике преподавания, наряду с более часто употребляемыми „интенсивное и экстенсивное чтение“, верными эквивалентами будут являться „дискурсивное“ и „курсовое“ чтение, а также „аналитическое“ и „синтетическое“ чтение, так как последние связаны с детализирующим или целостным восприятием текста» [Там же, с. 96–97]. Однако в ходе анализа контекстов употребления англоязычных терминов в качестве соответствий русским терминам вариантов «дискурсивное» и «курсовое» чтение обнаружено не было. Аналогичная ситуация наблюдается с использованием терминов «аналитическое» и «синтетическое» чтение вместо английских «intensive» и «extensive».

Сами авторы справочника определяют интенсивное чтение (intensive reading) как «вид учеб-

ного чтения, (которое) предполагает умение полно и точно понимать текст, самостоятельно преодолевать трудности при извлечении необходимой информации с помощью аналитических действий и операций, с использованием двуязычных и толковых словарей» [Там же, с. 97].

Экстенсивное чтение (extensive reading) – «вид учебного чтения, которое предполагает развитие умений читать большие по объему тексты с большой скоростью, с общим охватом содержания и в основном самостоятельно» [Там же].

Также авторы, ссылаясь на зарубежных исследователей, выделяют еще один «тип чтения – „reading for detailed comprehension“, которому приводит русское соответствие „чтение с полным пониманием текста“ или „изучающее чтение“ – вид коммуникативного чтения с установкой на полное и точное понимание всех основных и второстепенных фактов, содержащихся в тексте, их осмысление и запоминание» [Там же, с. 100–101].

Другим видом чтения, иногда называемым также стратегией чтения, является «scanning» (англ.) и определяется составителями справочника как «чтение с выборочным извлечением информации – вид коммуникативного чтения, направленный на нахождение в тексте специфической информации для ее последующего использования в определенных целях» [Там же, с. 99]. Авторы не используют русскоязычные термины «поисковое» и «просмотровое» чтение в качестве эквивалентов данному термину, однако раскрывают это как два возможных вида «чтения с выборочным извлечением информации» в зависимости от учебной задачи с запросом на нахождение конкретной информации или же в целом о релевантности текста и полезности представленной в нем информации [Там же, с. 101].

Еще одной стратегией или виду чтения «skimming» (англ.) – «чтение с пониманием основного содержания, с извлечением основной информации – вид коммуникативного чтения с общим охватом содержания и установкой на понимание главного, наиболее существенного – приводится русское соответствие „ознакомительное чтение“» [Там же].

В силу того что для английских терминов, обозначающих разные типы чтения, не существует однозначных русских эквивалентов, возникают множественные ошибки в их употреблении, что впоследствии приводит к их ошибочному пониманию и заблуждениям. Для поиска и анализа терминологических соответствий указанных выше терминов были взяты статьи из электронной научной базы eLibrary.ru. Поиск необходимых соответствий осуществлялся с помощью

фильтра по ключевым словам. Рассмотрим основные варианты употребления терминов и их переводных эквивалентов в русскоязычных контекстах для иллюстрации того, что на данный момент система терминов нестабильна и нуждается в доработке.

При поиске статей с использованием термина «extensive reading» было найдено 128 соответствий. Из них русскому термину соответствуют:

1) «экстенсивное чтение» – 74 совпадения в публикациях. Данный вариант передачи термина является преобладающим. Приведем несколько примеров употребления.

«Но говорить мы будем не о чтении вообще, а лишь об одной из его разновидностей – экстенсивном чтении (extensive reading). Под этим термином обычно понимается самостоятельное чтение большого количества неадаптированных текстов на изучаемом языке с хорошей скоростью с целью охвата их общего содержания» [10, с. 122];

«Экстенсивное чтение (extensive reading) – это чтение для удовольствия или с целью получения интересующей учащихся информации, оно способствует погружению в язык» [11, с. 40];

2) «ознакомительное чтение» – 13 совпадений в публикациях; также является популярным вариантом употребления:

«Ознакомительное чтение (Extensive reading) не требует глубокого анализа текста или запоминания деталей. Ознакомительное чтение позволяет читателю быстро просмотреть текст и определить, насколько он ему интересен или полезен, оно помогает читателю получить общее представление о теме и основных идеях текста без проведения детального анализа и способствует развитию лексических навыков и расширению словарного запаса» [12, с. 273];

3) в некоторых публикациях встречается вариант «просмотровое чтение», к примеру, *«На первый план выходит так называемое просмотровое чтение (англ. Extensive reading), основная цель которого – развить умение/навык аналитической работы с информацией»* [13, с. 59];

4) любопытен вариант «чтение для удовольствия», который встретился всего в одной публикации: *«Что сравнительно легко организовать, что практически не требует дополнительных ресурсов, что приносит неоспоримый и почти мгновенный результат? Это, конечно же, чтение. Так называемое чтение для удовольствия (extensive reading)»* [14, с. 219].

Несмотря на то что наиболее частотным является термин «экстенсивное чтение», который и в русской трактовке является близким по значению к оригинальному «extensive reading», присутствует большое количество примеров ошибочного употребления англоязычного термина, что было выяснено в ходе анализа контекстов и представлено выше.

Далее был осуществлен поиск терминологических соответствий в электронной библиотеке для англоязычного «intensive reading»; всего оказалось 77 соответствий.

1) Из них «интенсивное чтение» встретилось в 44 публикациях. Приведем некоторые контексты употребления:

«Интенсивное чтение (intensive reading) подразумевает достижение детального понимания текста и предполагает мало текста, который соответствует уровню владения иностранным языком или является повышенной сложности» [15, с. 36];

«Просмотровое (skimming) и поисковое (scanning) виды чтения относят к интенсивному чтению (intensive reading), имеющему целью привлечение внимания к вокабуляру и грамматике в контексте» [11, с. 40];

2) «изучающее чтение» является вторым по частотности употребления – 21 совпадение в публикациях:

«Ключевая задача изучающего чтения (Intensive reading) – углубленное понимание текста и обогащение словарного запаса, а также развитие навыков анализа и критического мышления» [12, с. 273]. В данном случае присутствует меньший разброс в выборе соответствий, в основном используются только 2 варианта термина. Однако что касается «изучающего чтения», как отмечают Колесникова и Долгина, в английской системе присутствует другой вид чтения, называемый «reading for detailed comprehension» или «detailed reading», которое оказывается ближе по значению к русскому термину, чем оригинальное «intensive reading».

Далее будут рассмотрены примеры употребления англоязычных терминов «scanning» и «skimming». Проведенный анализ показал, что в употреблении русских эквивалентов этих двух терминов отсутствуют значительные разногласия, но все же присутствует вариативность в передаче англоязычных терминов в русскоязычных контекстах. В ходе анализа термина «scanning» было обнаружено, что он имеет следующие русские терминологические соответствия:

1) самое частое упоминание имеет термин «поисковое чтение» – 33 совпадения в публикациях.

«Поисковое чтение используется тогда, когда мы ищем конкретный факт, информацию, изложенную в тексте. Термин «сканирование» (*scanning*) наилучшим образом раскрывает его суть: при таком виде работы с текстом читающий быстро просматривает весь текст с целью обнаружить необходимые ему сведения, найдя которые, он приступает к их прицельному изучению» [16, с. 33].

«Поисковое чтение *Scanning* направлено на поиск информации, которая достоверна и актуальна для проводимого научного исследования» [17, с. 99];

2) однако единично были выявлены случаи употребления «просмотрового чтения» или «ознакомительного чтения» в качестве эквивалентов термину «*scanning*».

«Преобладающим видом чтения является *skimming* (ознакомительное чтение). *Scanning* (просмотровое чтение), *reading for detail* (изучающее чтение) занимают подчиненное место в системе обучения профессионально ориентированному чтению» [18, с. 100].

«В данном случае *skimming* сходно с просмотровым чтением, *scanning* – с ознакомительным, а *intensive reading* – с изучающим чтением по ее классификации» [19, с. 81].

В одной из публикаций автор использовал отнюдь не популярный вариант термина – «поисково-просмотровое чтение»:

«Целью поисково-просмотрового чтения (*scanning*) является получение самого общего представления об информации, содержащейся в тексте, на основании чего можно сделать вывод о дальнейшей целесообразности чтения данного текста, о его информационной пользе» [20, с. 131].

В некоторых публикациях авторы используют оба термина «*scanning*» и «*skimming*» относительно русского эквивалента «просмотровое чтение».

«В проведенном исследовании было обосновано, что навык просмотрового чтения, приобретенный студентами-первокурсниками неязыковых специальностей на занятиях по иностранному языку в процессе обучения просмотровому чтению (*skimming and scanning*), является одной из предпосылок активного вовлечения студентов <...>» [17, с. 102].

Следующий пример демонстрирует аналогичное употребление «поискового чтения»: «Так, в англоязычной терминологии поисковое чтение носит название *skimming and scanning reading*, где *skimming* означает понимание структуры текста, его основной

идеи, а *scanning* – умение находить в нем нужную информацию» [21].

Также возможен обратный вариант – использование двух русских терминов «поисковое» и «просмотровое чтение» в отношении английского «*scanning*»:

«Под поисковым или просмотровым чтением понимается выделение достаточного количества информации, необходимой для выполнения определенных заданий. В английском языке данный вид чтения называется „*scanning*“ (от англ. беглый просмотр текста)» [22, с. 35].

Приведенные контексты, взятые из существующих в электронной базе статей, доказывают тот факт, что существует проблема в систематизации терминов и унификации терминосистем в английском и русском языках.

Англоязычный термин *skimming* находит следующие варианты употребления в русскоязычных контекстах: всего – 54 публикации, из них наиболее часто встречается вариант «просмотровое чтение» – 34 совпадения в публикациях.

«Просмотровое чтение (*skimming*), как и поисковое, представляет собой беглый тип чтения. Однако в отличие от поискового в данном случае основной задачей является „получение общего представления о читаемом материале, о теме и круге вопросов, рассматриваемых в тексте“» [16, с. 33].

«Просмотровое чтение или английский термин *skimming* означает быстрое чтение текста для получения представления об информации» [23, с. 115].

Вторым по частотности использования оказался вариант «ознакомительное чтение» – 23 совпадения в публикациях.

«Ознакомительное чтение (*skimming*) состоит в умении бегло прочитать материал с целью общего ознакомления с его содержанием» [20, с. 132].

«Для того, чтобы определить основную идею текста, читателю необходимо применить умение ознакомительного чтения (*skimming*)» [24, с. 14].

В некоторых публикациях все же встречается вариант «поисковое чтение»:

«Поисковое (*skimming reading*), направленное на оценку и отбор материала с точки зрения нужд и интересов читающего» [25, с. 49].

В употреблении терминов «*scanning*», «*skimming*», «поисковое чтение», «просмотровое чтение» наблюдаются самые различные и порой неожиданные варианты соответствий, что также

свидетельствует о нестабильности терминосистемы в отдельно взятых терминах.

Для наглядности и демонстрации того, что в использовании терминов, которые были рассмотрены выше, присутствует определенная беспорядочность и запутанность, существующие и наиболее популярные варианты соответствий английских и русских терминов, обозначающих виды чтения и используемых в статьях, содержащих в себе обзор сразу нескольких видов или стратегий чтения, встречающихся в электронной научной базе «eLibrary», можно представить в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Соотношение эквивалентов терминов
в английском и русском языках

Английские термины	Русские термины соответствия	Ссылка на источник
Intensive reading Extensive reading Scanning Skimming	Изучающее чтение Ознакомительное чтение Поисковое чтение Просмотровое чтение	[11], [26], [27]
Intensive reading Extensive reading Scanning Skimming	Интенсивное чтение Экстенсивное чтение Поисковое чтение Просмотровое чтение	[7]
Intensive reading Extensive reading Scanning Skimming	Интенсивное чтение Экстенсивное чтение Просмотровое/поисковое чтение Ознакомительное чтение	[28]
Intensive reading Extensive reading Scanning Skimming	Изучающее чтение Чтение для себя/удовольствия Ознакомительное чтение Просмотровое чтение	[22]

Таблица 2

Соотношение эквивалентов терминов
в русском и английском языках

Русские термины	Английские термины соответствия	Ссылка на источник
Изучающее чтение Ознакомительное чтение Поисковое чтение Просмотровое чтение	Detail reading Reading for the main idea Scanning Skimming	[29]

Изучающее чтение Поисковое чтение Просмотровое чтение	Reading for detail Scanning Skimming	[9]
Изучающее чтение Просмотровое чтение Ознакомительное чтение	Reading for detail Scanning Skimming	[18]
Поисково-просмотровое чтение Ознакомительное чтение Изучающее чтение	Scanning Skimming Reading for detail	[20]
Ознакомительное чтение Изучающее чтение Поисковое чтение	Fluent reading Close reading Skimming reading	[25]

В ходе анализа существующих дефиниций и контекстов употребления терминов, обозначающих виды чтения на английском и русском языках, было выяснено, что существуют определенные разногласия в нахождении соответствующих терминологических пар и, как следствие, ошибочное употребление некоторых терминов в статьях научного и учебно-методического характера. Была предпринята попытка систематизировать существующие классификации в отечественной и зарубежной методике с определением семантических соответствий между терминами, однако, как было продемонстрировано с помощью контекстов, взятых из электронной библиотеки, данная терминологическая работа не нашла большого практического отклика у педагогов и методистов. Проведенное исследование еще раз доказывает то, что предложенная лингвистами работа над терминами требует дальнейшего изучения, систематизации и унификации терминосистемы. На данный момент практически отсутствует единая общепринятая унифицированная система терминов в паре английский-русский в сфере образования или методики преподавания иностранных языков.

Очевидно, что классификации видов или стратегий чтения в отечественной и зарубежной методике преподавания являются авторскими и основываются на разных аспектах. Однако при установлении соответствий между употребляемыми терминами в обоих языках русскоязычные методисты и педагоги сталкиваются с актуальной проблемой отсутствия унифицированных терминов, оттого и происходит ошибочное употребление терминов и подмена понятий, приво-

дящая к неправильной интерпретации научного текста.

Работа по унификации и систематизации терминологии является необходимой в том числе для того, чтобы исключить существующую произвольность в использовании и передаче английских терминов в русских текстах.

Список источников

1. *Беляева Л. Н., Камишилова О. Н.* Сетевое пространство и научный стиль: терминологические неологизмы // *Общество. Коммуникация. Образование.* 2020. Т. 11. № 2. С. 108–116.
2. *Мурдускина О. В., Ведерникова Ю. В.* Проблема передачи терминов-неологизмов при переводе специальных текстов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017. № 10-2 (76). С. 124–127.
3. *Тененёва И. В., Тененёва Н. В.* Заимствование как инструмент терминообразования: проблемы и перспективы // *Известия Юго-Западного государственного университета.* Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 3. С. 63–72.
4. *Vasiljevs A., Pinnis M., Gornostay T.* Service model for semi-automatic generation of multilingual terminology resources // *Terminology and Knowledge Engineering.* 2014. P. 67–76.
5. *Richards J. C., Schmidt R.* Longman dictionary of language teaching and applied linguistics. England: Routledge, 2013. 656 p.
6. *Бредихина И. А.* Методика преподавания иностранных языков: Обучение основным видам речевой деятельности: учеб. пособие. М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 104 с.
7. *Фоломкина С. К.* Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 2005. 185 с.
8. *Гальскова Н. Д.* Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. М.: АРКТИ, 2003. С. 153–162.
9. *Колесникова И. Л., Долгина О. А.* Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001. 224 с.
10. *Морозова Е. В.* О ценности экстенсивного чтения в процессе обучения иностранным языкам // *Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства: Сборник статей и материалов / Сост. С. С. Наседкина, общ. ред. Е. А. Куштым.* Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, 2023. С. 121–126.
11. *Цветкова М. В.* Вопросы обучения различным видам чтения на уроках английского языка // *Фундаментальные научно-практические исследования: актуальные тенденции и инновации: сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции, Анапа, 31 мая 2021 года.* Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2021. С. 38–42.
12. *Плисов Е. В., Белова Е. Е., Ворохобов А. В.* Использование англоязычных текстов из области туриндустрии при обучении чтению // *Проблемы современного педагогического образования.* 2023. № 80–2. С. 272–274.
13. *Коротких Е. Г., Носенко Н. В.* Семантико-прагматическая компрессия текста в обучении английскому языку для специальных целей // *Современные проблемы науки и образования.* 2021. № 2. С. 57.
14. *Сиверцева К. М.* Роль «чтения для удовольствия» в непрерывном самообразовании и книжные клубы // *Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: Сборник научных статей.* СПб: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2023. С. 216–222.
15. *Кириллович Н. Н., Костоусова Э. Т.* Экстенсивное и интенсивное чтение в обучении иностранному языку в техническом вузе // *Теория и практика преподавания иностранных языков (по материалам «Недели иностранных языков УГЛУТУ – 2020»)* / Составитель и научный редактор С. Ф. Масленникова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный лесотехнический университет. Екатеринбург: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный лесотехнический университет», 2020. С. 34–37.
16. *Пуляевская М. А., Горбаренко Е. А., Ермолаева С. А., Сахарова Т. Е.* Стратегический подход в обучении чтению на английском языке студентов вузов // *Перспективы науки.* 2021. № 2 (137). С. 32–35.
17. *Хамова С. Н.* Приобретение навыков просмотрового чтения – необходимое условие для привлечения студентов на первом этапе их обучения в высшей школе к научно-исследовательской деятельности // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики.* Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 02. С. 98–103.
18. *Захарьева Л. В., Сысова Н. В.* Skimming в системе обучения студентов профессионально ориентированному чтению // *Лингвокультурная среда иноязычного профессионально ориентированного образования: материалы III Республиканской научно-практической конференции.* Минск: ВА РБ, 2023. С. 100–103.
19. *Атакицзева И. В., Азиатцева Т. В.* Применение технологии blended learning с адаптацией стратегий и программ обучения различным видам речевой деятельности студентов неязыковых отделений вузов // *Известия Юго-Западного государственного университета.* Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 4 (17). С. 79–84.
20. *Малова Н. В.* Особенности обучения чтению текстов научного стиля речи // *Преподаватель как субъект и объект современного образовательного процесса: Материалы XLIV научно-методической конференции преподавателей, аспирантов и сотрудников, Самара, 03 февраля 2017 года / Под редакцией*

М. Н. Мысина. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2017. С. 130–135.

21. *Нуждова Е. Н.* Место и роль поискового чтения в обучении французскому языку // Наука и Образование. 2023. Т. 6. № 2. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5619> (дата обращения: 11.10.2024).

22. *Рогачева Ю. В.* Чтение иноязычной литературы как универсальный инструмент формирования ключевых компетенций студентов неязыковых вузов // Синергия. 2015. № 2. С. 34–39.

23. *Лепешкина Г. Г., Семенова Е. Г.* Просмотровое и поисковое чтение при обучении иностранному языку // Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языка: материалы VIII международной научно-практической Интернет-конференции, Орел, 08–18 декабря 2015 года. Орел: Орловский государственный университет экономики и торговли, 2016. С. 114–120.

24. *Ощепкова Т. В., Пролыгина М. М., Старкова Д. А.* Приемы обучения различным видам чтения // Иностранные языки в школе. 2005. № 3. С. 14–21.

25. *Чеславская И. И.* Формирование умений поискового чтения как одно из средств подготовки учащихся к обязательному выпускному экзамену по предмету «Английский язык» по завершении обучения и воспитания на III ступени обучения // Преподаватель года 2019: сборник статей Международного научно-методического конкурса, Петрозаводск, 29 декабря 2019 года. Том Часть 1. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 47–54.

26. *Гузикова В. В., Нестерова В. Е.* Формирование навыков чтения текстов по специальности с учетом принципа проблемного обучения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4 (102). С. 137–144.

27. *Иванова Л. А., Лукомская Е. Л.* Технология обучения чтению иноязычных текстов студентов нефилологических специальностей // Профессиональное лингвообразование: Материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 05 октября 2022 года. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022. С. 164–174.

28. *Демиденко В. В.* Формирование умений поискового чтения при подготовке к единому государственному экзамену по английскому языку // Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Саранск, 02 ноября 2016 года / Редколлегия: Л. А. Лазутова (отв. ред.). Саранск: Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, 2016. С. 74–79.

29. *Проскурякова М. П., Соловьева И. А.* Чтение и его виды // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты.

Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: Материалы VII Международной научно-методической конференции, Омск, 21 мая 2021 года / ОАБИИ. Омск: Филиал федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске, 2021. С. 326–329.

References

1. Belyaeva, L. N., Kamshilova O. N. (2020). *Setevoe prostranstvo i nauchnyi stil': terminologicheskie neologizmy* [Network Space and Academic Style: Terminological Neologisms]. Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie. Vol. 11. No. 2, pp. 108–116. (In Russian)
2. Murduskina, O. V., Vedernikova, Yu. V. (2017). *Problema peredachi terminov-neologizmov pri perevode spetsial'nykh tekstov* [The Problem of Transferring Terms-Neologisms When Translating Special Texts]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 10–2 (76), pp. 124–127. (In Russian)
3. Teneneva, I. V., Teneneva, N. V. (2019). *Zaimstvovanie kak instrument terminoobrazovaniya: problemy i perspektivy* [Borrowing as a Tool of Term Formation: Problems and Perspectives]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i pedagogika Vol. 9, No. 3, pp. 63–72. (In Russian)
4. Vasiljevs, A., Pinnis, M., Gornostay, T. (2014). *Service Model for Semi-Automatic Generation of Multilingual Terminology Resources*. Terminology and Knowledge Engineering. Pp. 67–76. (In English)
5. Richards, J. C., Schmidt, R. (2013). *Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics*. 656 p. England, Routledge. (In English)
6. Bredikhina, I. A. (2018). *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: Obuchenie osnovnym vidam rechevoi deyatel'nosti: ucheb.posobie* [Methods of Teaching Foreign Languages: Teaching Basic Types of Speech Production]. M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Ural. feder. un-t. 104 p. Ekaterinburg, izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)
7. Folomkina, S. K. (2022). *Obuchenie chteniyu na inostrannom yazyke v neyazykovom vuze* [Teaching Reading in a Foreign Language in a Non-Language Institution]. 185 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)
8. Gal'skova, N. D. (2003). *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam: posobie dlya uchitelya* [Modern Methods of Teaching Foreign Languages: A Handbook for Teachers]. Pp. 153–162. Moscow, ARKTI. (In Russian)
9. Kolesnikova, I. L., Dolgina, O. A. (2001). *Anglorusskii terminologicheskii spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [A Handbook of English-Russian Terminology for Language Teaching]. 224 p. St. Petersburg, izd-vo Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr "BLITS". (In Russian)
10. Morozova, E. V. (2023). *O tsennosti ekstensivnogo chteniya v protsesse obucheniya inostrannym yazykam* [On the Value of Extensive Read-

ing in Teaching Foreign Languages]. Smysly, tsennosti, normy v bytii cheloveka, obshchestva, gosudarstva: Chornik statei i materialov. Pp. 121–126. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi institut iskusstv im. P. I. Chaikovskogo. (In Russian)

11. Tsvetkova, M. V. (2021). *Voprosy obucheniya razlichnym vidam chteniya na urokakh angliiskogo yazyka* [Issues of Teaching Different Types of Reading in English Classes]. Fundamental'nye nauchno-prakticheskie issledovaniya: aktual'nye tendentsii i innovatsii: sbornik nauchnykh trudov po materialam XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Anapa, 31 May 2021, pp. 38–42. Anapa, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Nauchno-issledovatel'skii tsentr ekonomicheskikh i sotsial'nykh protsessov" v Yuzhnom Federal'nom okruge. (In Russian)

12. Plisov, E. V. (2023). *Ispolzovanie angloyazychnykh tekstov iz oblasti turindustrii pri obuchenii chteniyu* [The Use of English-Language Texts from the Tourism Industry in Teaching Reading]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. No. 80–2, pp. 272–274. (In Russian)

13. Korotkikh, E. G. (2021). *Semantiko-pragmaticheskaya kompressiya teksta v obuchenii angliiskomu yazyku dlya spetsial'nykh tselei* [Semantic and Pragmatic Text Compression in Teaching English for Special Purposes]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. No. 2, pp. 57–64. (In Russian)

14. Sivertseva, K. M. (2023). *Rol' "chteniya dlya udovol'stviya" v nepreryvnom samoobrazovanii i knizhnye kluby* [The Role of Reading for Pleasure in Teachers' Life-Long Learning and Reading Clubs]. Informatsionnaya epokha: novye paradigmy kul'tury i obrazovaniya: Sbornik nauchnykh statei, pp. 216–222. St. Petersburg, Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologii "Asterion". (In Russian)

15. Kirillovich, N. N. (2020). *Ekstensivnoe i intensivnoe chtenie v obuchenii inostrannomu yazyku v tekhnicheskoy vuzov* [Extensive and Intensive Reading in Teaching Foreign Languages at a Technical University]. Teoriya i praktika prepodavaniya inostrannykh yazykov (po materialam "Nedeli inostrannykh yazykov UGLTU – 2020"), pp. 34–37. Ekaterinburg, federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Ural'skii gosudarstvennyi lesotekhnicheskii universitet". (In Russian)

16. Pulyaevskaya, M. A., Gorbarenko E. A., Ermolaeva S. A., Sakharova T. E. (2021). *Strategicheskii podkhod v obuchenii chteniyu na angliiskom yazyke studentov vuzov* [A Strategic Approach to Teaching Reading in English to University Students]. Perspektivy nauki. No. 2 (137), pp. 32–35. (In Russian)

17. Khamova, S. N. (2022). *Priobretenie navykov prosmotrovogo chteniya – neobkhodimoe uslovie dlya privlecheniya studentov na pervom etape ikh obucheniya v vysshei shkole k nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti* [Acquiring of Skimming and Scanning Skills by Undergraduate Students Is the Prerequisite of Their Involvement in Research]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki. No. 02, pp. 98–103. (In Russian)

18. Zakhar'eva, L. V. (2023). *Skimming v sisteme obucheniya studentov professional'no orientirovannomu chteniyu* [Skimming in the System of Teaching Students Professionally Oriented Reading]. Lingvokul'turnaya sreda inoyazychnogo professional'no orientirovannogo obrazovaniya: materialy III Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, pp. 100–103. Minsk, VA RB. (In Russian)

19. Atakishcheva, I. V. (2015). *Primenenie tekhnologii blended learning s adaptatsiei strategii i programm obucheniya razlichnym vidam rechevoi deyatel'nosti studentov neyazykovykh otdelenii vuzov* [Using Technology Blended Learning with Adaptation of Strategies and Programs for Teaching Various Kinds of Speech Activity of Students of Non-Language Departments of Universities]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i pedagogika. No. 4(17), pp. 79–84. (In Russian)

20. Malova, N. V. (2017). *Osobennosti obucheniya chteniyu tekstov nauchnogo stilya rechi* [Features of Teaching Reading Texts in Scientific Speech Style]. Prepodavatel' kak sub'ekt i ob'ekt sovremennogo obrazovatel'nogo protsessa: Materialy XLIV nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov i sotrudnikov, Samara, 3 February 2017, pp. 130–135. Samara, Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (In Russian)

21. Nuzhdova, E. N. (2023). *Mesto i rol' poiskovogo chteniya v obuchenii frantsuzskomu yazyku* [Place and Role of Reading for Specific Information in French Teaching]. Nauka i Obrazovanie. Vol. 6. No. 2. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5619> (accessed: 11.10.2024). (In Russian)

22. Rogacheva, Yu. V. (2015). *Chtenie inoyazychnoi literatury kak universal'nyi instrument formirovaniya klyuchevykh kompetentsii studentov neyazykovykh vuzov* [Reading Foreign Literature as a Universal Instrument Establishing a Key Competence of Students of Not Language High Schools]. Sinergiya. No. 2, pp. 34–39. (In Russian)

23. Lepeshkina, G. G. (2016). *Prosmotrovoye i poiskovoye chtenie pri obuchenii inostrannomu yazyku* [Skimming and Scanning in Teaching a Foreign Language]. Aktual'nye problemy sovremennoi filologii i metodiki prepodavaniya yazyka: materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii, Orel, 08–18 December 2015, pp. 114–120. Orel, Orlovskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i torgovli. (In Russian)

24. Oshchepkova, T. V. (2005). *Priemy obucheniya razlichnym vidam chteniya* [Techniques for Teaching Different Types of Reading]. Inostrannye yazyki v shkole. No. 3, pp. 14–21. (In Russian)

25. Cheslavskaya, I. I. (2019). *Formirovanie umenii poiskovogo chteniya kak odno iz sredstv podgotovki uchashchikhsya k obyazatel'nomu vypusknomu ekzameni po predmetu "Angliiskii yazyk" po zavershenii obucheniya i vospitaniya na III stupeni obucheniya* [The Development of Searching Reading Skills as One of the Means of Preparing Students to Mandatory Final Exams on the Subject – English Language at the Final Stage at the 3rd Level of Secondary Education]. Prepodavatel'

goda 2019: sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo konkursa, Petrozavodsk, 29 December 2019. Vol. 1, pp. 47–54. Petrozavodsk, Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva “Novaya Nauka”. (In Russian)

26. Guzikova, V. V. (2023). *Formirovanie navykov chteniya tekстов po spetsial'nosti s uchetom printsipa problemnogo obucheniya* [Formation of Reading Skills in the Specialty Taking into Account the Principle of Problem-Based Learning]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. No. 4(102), pp. 137–144. (In Russian)

27. Ivanova, L. A. (2022). *Tehnologiya obucheniya chteniyu inoyazychnykh tekстов studentov nefilologicheskikh spetsial'nostei* [Teaching Reading Foreign Language Texts to Students at Non-Linguistic Universities]. *Professional'noe lingvoobrazovanie: Materialy shestnadsatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Nizhnii Novgorod, 05 oktyabrya 2022 goda, pp. 164–174. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii institut upravleniya - filial federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya “Rossiiskaya akademiya narodnogo hozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii”. (In Russian)

28. Demidenko, V. V. (2016). *Formirovanie umenii poiskovogo chteniya pri podgotovke k edinomu gosudarstvennomu ekzaminu po angliiskomu yazyku* [Developing Scanning Skills in Preparation for State Exams in English]. *Aktual'nye problemy germanistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: Sbornik nauchnykh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Saransk, 02 noyabrya 2016 goda, pp. 74–79. Redkollegiya: L. A. Lazutova (otv. red.) [i dr.]. Saransk, Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. E. Evsev'eva. (In Russian)

29. Proskuryakova, M. P. (2021). *Chtenie i ego vidy* [Reading. Types of Reading]. *Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty. Lingvometodicheskie problemy i tendentsii prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*, Omsk, 21 maya 2021 goda, pp. 326–329. OABII. Omsk, Filial federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo voennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya “Voennaya akademiya material'no-tehnicheskogo obespecheniya imeni A. V. Khruleva” Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii v g. Omske. (In Russian)

The article was submitted on 04.02.2025

Поступила в редакцию 04.02.2025

Кузьмина Евгения Александровна,
преподаватель,
Воронежский государственный университет,
394018, Россия, Воронеж,
Университетская площадь, 1.
kuzminova1604@gmail.com

Kuzminova Evgeniya Aleksandrovna,
Assistant Professor,
Voronezh State University,
1 Universitetskaya Ploschad',
Voronezh, 394018, Russian Federation.
kuzminova1604@gmail.com

УДК 398.91

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-92-97

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЦВЕТЫ» В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

© Анастасия Мубаракшина, Юнься Чжэн

ASSOCIATIVE-SEMANTIC FIELD “FLOWERS” IN RUSSIAN PAROEMIA

Anastasiya Mubarakshina, Yunxia Zheng

Paremmas are linguistic units that represent the result of the folk wisdom crystallization, in verbal and semantic predicative complexes, widespread due to their concise form and deep semantic content. Flowers are closely related to the life of people. The names of flowers in many languages and cultures have become part of the national cultural code. In this regard, the appeal to paroemias, as the most stable formations in the language, makes it possible to clarify some features of the formation mechanisms of ideas about the world around a person in the aspect of Russian national identity. This fact determines the relevance of our research. The object of the research is the paremiological units of the Russian language, containing the vocabulary of flower names. The leading research method was the method of associative-semantic field, which is an analysis of associative and symbolic meanings assigned to colors in a fixed semantic context. Our analysis of more than 300 paremiological units has shown that the most frequent names of flowers in Russian proverbs and sayings are: chamomile, cornflower, Ivan-da-Marya, poppy and rose. These names of flowers are endowed with various symbolic meanings by the Russian people through the associations with their use in different semantic contexts.

Keywords: Russian language, linguacultural studies, Russian linguoculture, paremiology, paremia, associative-semantic field, symbol

Паремии – это языковые единицы, представляющие собой результат кристаллизации народной мудрости, репрезентированной в вербально-смысловых предикативных комплексах, которые получили широкое распространение благодаря своей краткой форме и глубокому семантическому наполнению. Цветы тесно связаны с жизнедеятельностью людей. Наименования цветов во многих языках и культурах стали частью национального культурного кода. Обращение в этой связи к паремиям, как к наиболее устойчивым образованиям в языке, способно уточнить некоторые особенности механизмов формирования представлений об окружающем человека мире в аспекте русской национальной идентичности. Данный факт обуславливает актуальность предпринятого нами исследования, где объектом являются паремиологические единицы русского языка, содержащие лексику названий цветов. Ведущим методом исследования стал метод ассоциативно-семантического поля, который представляет собой анализ ассоциативных и символических значений, закреплённых за цветами в фиксированном семантическом контексте. Анализ более 300 паремиологических единиц показал, что наиболее частотными наименованиями цветов в русских паремиях являются ромашка, василек, Иван-да-Марья, мак, роза. Данные названия цветов наделяются русским народом различными символическими значениями через ассоциации с их появлением в разных семантических контекстах.

Ключевые слова: русский язык, лингвокультурология, русская лингвокультура, паремиология, паремия, ассоциативно-семантическое поле, символ

Для цитирования: Мубаракшина А., Чжэн Юнься. Ассоциативно-семантическое поле «цветы» в русских паремиях // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 92–97. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-92-97

Взаимосвязь и взаимовлияние различных культур являются одним из необходимых условий прогресса современной цивилизации, в то же время каждая культура имеет свою языковую систему, и язык в определенной степени отража-

ет чувство принадлежности человека к той или иной культуре, а коллективные и индивидуальные мысли, воплощенные в языковых выражениях, выполняют функцию носителя культуры.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения лингвокультурных концептов посредством конструирования их ассоциативно-семантических полей, которые имеют выход на национально-языковую картину мира, поскольку ассоциативно-семантическое поле – это не только своеобразный лингвистический феномен, но и способ мышления человека, который может помочь людям выработать базовое понимание окружающего мира [1, с. 8].

Обзор лингвистической литературы показал, что одним из наименее рассмотренных концептов в тематической группе «растительный мир» в русском языке является концепт ЦВЕТЫ, который, однако, достаточно широко представлен в паремиологическом фонде всех языков. Существуют некоторые аспектные работы по данной проблематике: в статье Н. С. Котовой анализируются особенности лингвокультурного выражения концепта ЦВЕТОК в русском языке [2], в работе А. В. Уразметовой и Н. И. Рябцовой рассматриваются символические особенности растений во фразеологических выражениях [3]. Можно встретить также исследования китайских лингвистов. Так, Ван Чэнхуэй в своей работе обнаруживает различия в репрезентации культурного кода русского и китайского народов на материале общераспространенных наименований деревьев и цветов, анализируя их семантические вариации в легендах и сказках [4]. В статье У Луцянь рассматриваются семантические характеристики концепта ЦВЕТОК в художественных текстах [5]. В то же время в русском языке ЦВЕТЫ как автономный значимый концепт, на наш взгляд, требует более детального изучения.

Таким образом, методом сплошной выборки мы составили картотеку из 300 фразеологических единиц русского языка, вербализующих ассоциативно-семантическое поле «цветы» с учетом национального культурного контекста.

Изучение русских паремий показало, что наиболее популярными в русской лингвокультуре являются такие цветы, как роза, мак, ромашка, василек и Иван-да-Марья.

Роза представляет собой распространенный и популярный во всем мире цветок, обладающий богатым символическим значением в культурном контексте языковой картины мира. В традиционной западной культуре роза считается сердцем, центром вселенной, божественной, романтической и чувственной любовью; белая роза символизирует целомудрие и невинность, а красная – страсть, желание и безудержную любовь; для христиан красная роза и ее шипы являются символом распятия Христа [6]. В древней китайской

культуре роза впервые появилась в представлении людей не как символ любви, а как благоприятный знак, означающий счастье и богатство; в индийской культуре роза является символом любви и нежности.

В России розу называют «королевой цветов». Она символизирует настоящую любовь, причем в глазах русских красные розы означают истинную любовь к другому человеку, а белые – чистоту и невинность, поэтому, когда играют свадьбу, приглашенные гости часто дарят невесте белые розы.

В русской фразеологии роза ассоциируется с красотой и женским началом: *девушка/женщина красивая, как роза; девушка как роза; сиять, как майская роза; распустилась, как майская роза; цветет и пахнет, как майская роза*. Кроме того, роза в качестве находки может наделять ее владельца высоким статусом: *если ворона розу найдёт, возмнит себя соловьем*.

В некоторых паремиологических единицах русского языка роза символизирует что-то, что может сделать жизнь счастливой и красивой: *застилать путь розами, усеять (усыпать) чей-нибудь путь розами*. Производными от исходного корня стали многочисленные атрибутивы со схожей семантикой: *розовое утро, жизнь раскрашена в розовые тона* («красивое утро», «красивая жизнь»), *розовые мечты/надежды* («прекрасные мечты/надежды»), *видеть/представлять в розовом цвете* («идеализировать увиденное или представленное»), *смотреть на что-либо сквозь розовые очки/стекла* («смотреть на что-либо с оптимизмом и восхищением, не замечая плохого»), *окрашивать что-либо в розовый цвет* («давать чему-либо неоправданно положительную оценку, не замечая недостатков»), *рисовать розовыми красками* («красноречиво и положительно описывать что-то») [7, с. 264].

Кроме того, роза является символом любви в ряде устойчивых выражений русского языка: *«Любовь – это состояние, когда в душе расцветают огромные розы»; «Розы дороже и стоят дольше, когда душа вложена в букет и подарок»* [8]. Паремии и фразеологизмы могут сообщить многое о характере народа [9]. Общеизвестно, что русский человек любит так, что *в омут с головой*. Часто его любовь сопряжена с разочарованием и болью, поэтому в русской лингвокультуре любовь ассоциируют не только с красотой розы, но и ее шипами: *любишь розу, так терпи шипы*.

В то же время в некоторых русских пословицах и поговорках, таких как *нет розы без шипов; у роз нет плодов; где розы, там и тернии – таков закон судьбы; чем красивее роза, тем длин-*

нее у нее шипы и т. д., репрезентируется семантика обманчивости внешней красоты: совершенство снаружи скрывает несовершенство внутри.

В контексте всеобщей культурной картины мира мак имеет чрезвычайно широкое символическое значение. В греческой мифологии мак – атрибут бога сна и сновидений, поэтому он символизирует сон и ночь; вследствие связи с богиней земледелия он считается символом зимнего сна природы, а у верующих христиан мак считается символом самопожертвования и смерти Христа [6].

В русской лингвокультурной картине мира мак имеет собственное символическое значение. Мак часто встречается в паремиологических единицах русского языка, например, в загадках:

*«Маленький,
Удаленький,
В землю ушел,
Красну шапочку нашел»* [10, с. 128].

В данной эксплицируются важные признаки внешнего вида мака – маленький и красный. Подобным образом во многих фразеологических единицах, связанных с маком, семантика диминутивности является доминирующей: *маковое (маково) зернышко (семечко), маковая (макова) росинка, маковой росинки во рту не было у кого-либо* [11, с. 563]; *ни маковой росинки, на маковую росинку, маковое зерно; все сам скажешь, до маковой росинки* [12, с. 835]. Слова «мак» и «маковый» обозначают что-то маленькое и незначительное, что в некоторых выражениях гипертрофируется до значения «совсем ничего», «то, что ни на что не влияет»: *семь лет маку не родило, а голоду не бывало*. Именно в связи с малым размером макового зерна цветок этого растения ассоциируется у русского народа с символами «маленького» и «незначительного».

Аналогично с розой, мак также считается символом красоты у русского народа по причине своего привлекательного внешнего вида. В некоторых выражениях, например: *девка не мак, в один день не облетит; краснее маку; что мак красна; сидит маком; красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде; расцветает, что маков цвет* [13, с. 291] – доминирует семантика красного цвета, следовательно, красоты. В то же время выражения *красен, как маков цвет, а ума нет; этот свет, что маков цвет: днем цветет, а ночью опадает* также доказывают, что в русском языковом сознании внешние признаки объекта не являются основополагающими при его характеристике.

Нами также были отмечены некоторые устойчивые выражения, где семантика мака не имеет символического оттенка, а наименование

цветка служит приемом языковой игры в пословицах и поговорках и с трудом поддается трактованию: *рад Яков, что пирог с маком; ешь, дурак, с маком; Яков лаком, съел кошку с маком*.

Цветок Иван-да-Марья, также известный как «анютины глазки, фиалка трехцветная», в западной культуре имеет символическое значение «воспоминание о любви» благодаря количеству и форме лепестков [6]. В русском языке символика значения связана со славянской мифологией. Полюбившие друг друга молодые люди оказались братом и сестрой. Не желая терпеть боль расставания, Иван и Мария превратились в цветок с синими и желтыми лепестками. В русской лингвокультуре он стал ассоциироваться с безусловной верностью.

Кроме того, в некоторых народных сказаниях имя «Марья» ассоциируется с Девой Марией, а имя «Иван» – с Иоанном Крестителем; в современном русском языке имена «Иван» и «Марья» в названии цветка «Иван-да-Марья» означают просто «некий мужчина» и «некая женщина» [14, с. 140–141].

В некоторых русских пословицах и поговорках, например *«Иван был в Орде, а Марья вести сказывает»* [15, с. 179], *«В одном кармане Иван тощий (или: постный), в другом Марья легишина»* [16, с. 74], *«Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает»* [Там же, с. 225], *«На каждого Ивана своя Марья найдется»* [17, с. 83], под словами «Иван» и «Марья» подразумеваются просто русский мужчина и русская женщина в общем смысле. В то же время в паремиях репрезентируются фоновые культурные знания о сложной судьбе русской женщины.

Ромашка в России относится к классу рас пространенных растений, как результат – в лингвокультуре русского народа цветок ромашки также приобрел свою уникальную символику. В первую очередь он использовался как средство от недугов, чему свидетельствуют распространенные загадки: *«Белая корзинка, / Золотое донце. / В ней лежит росинка / И сверкает солнце. / Мы домой ее возьмем / И на стол поставим. / Если вдруг мы прихворнем – / Мы ее заварим; Растет, но не дитя. Белая, но не снег. Лечит, но не врач»*.

Символика лекарственного средства подтверждается многочисленными устойчивыми выражениями: *пить (перед едой) ромашку, ромашковый чай (или чай с ромашкой, чай ромашки), заварить ромашку, сушеная ромашка, полоскать горло ромашкой, горячие примочки из ромашки, крем с ромашкой, посыпать постель ромашкой* [18, с. 1128–1129] и т.п. Даже названия пестицидов в русском языке связаны со сло-

вом «ромашка», например *немецкая ромашка, персидская ромашка*, поскольку их основной ингредиент внешне похож на данный цветок.

Ромашка – единственный цветок, репрезентирующий семантику судьбы. Проявляется это в старославянских обрядах плетения венков из ромашки, а также в обряде отрывания лепестков с произнесением своеобразного заклинания «любит – не любит». Подобные традиции эксплицированы в языке посредством устойчивых выражений: *делать/плести венки из ромашки/ромашек (на голову / в волосы), венок 2 (веночек) из ромашки/ромашек, гадать (гадание) на ромашке*. Кроме того, это отражено и в детских загадках: *«Любит иль не любит / Меня мальчик Саиша, / Это точно знает / Лишь одна...»*; *«Предсказатели судьбы, / Ну уж очень хороши. / Желтый глазик и реснички, / Погадаем от души»*.

В русском языке ромашка ассоциируется с красотой, чистотой и нежностью: *ромашковая девушка* или *девочка-ромашка* означают скромную и чувственную девушку; *с виду кактус – внутри ромашка* или *кактус с душою ромашки* означают, что человек способен демонстрировать свою силу и агрессивность в трудных ситуациях, сохраняя красоту и нежность внутри [3, с. 4]. Также в истории новой России цветок ромашки стал негласным символом Дня семьи, любви и верности, который с недавних пор отмечается 8 июля.

Кроме ромашки любимым цветком русского народа по праву считается василек. Васильки имеют красивые синие соцветия, поэтому доминирующей семантикой в трактовке выражений с данным цветком является семантика цвета: *(у кого) глаза как васильки, глаза-васильки, васильковые глаза, среди ржи ярко синюют васильки*. Часто для обозначения ярко-голубого цвета используют колороним «*васильковый*». Он, как ромашка, в русском быту используется как лекарство для лечения простуды, гриппа, водянки и других заболеваний, отсюда и выражения *заварить василек* и *купить василек в аптеке*.

Произрастает данный цветок преимущественно в злаковых, в особенности ржи, что часто упоминается в загадках о васильке: *«Как зовут меня, скажи. / Часто прячусь я во ржи, / Скромный полевой цветок, / Синеглазый ...»*; *«Я сын голубого неба, / Расту среди трав и хлеба. / Не беда, что от неба далек, / Нежно-синий цветок...»*.

Название анализируемого цветка этимологически связано с именем Василий, поэтому многие славянские традиции можно упомянуть при трактовке символики данного растения. В уни-

кальной славянской культуре есть несколько народных праздников или обрядов, связанных со словом «василек». В день *Василия-капельника*, когда снег и лед на домах начинают таять, по капанию воды с ледяных призм можно предсказать урожай года: *ты посеи рожь, васильки сами вырастут*. В *Васильев вечер*, ночь перед Новым годом, люди молятся о хорошем урожае, обмазывая хозяев жиром, или проводят различные гадания, в результате чего и возникли эти пословицы и поговорки: *свинку да боровка для Васильева вечерка; в Васильев вечер свиную голову на стол; Васильева ночь звездиста – к урожаю ягод* [19, с. 169].

Кроме того, в русской паремиологии присутствуют приметы, связанные с васильками и Святим Василием – покровителем земледелия. Отметим, что приметы, связанные с метеорологией и земледелием, были результатом длительных наблюдений за предметами, вещами и отношениями между людьми (своими и чужими) в окружении древних людей [20, с. 117], например: *на Василия теплого (22 марта) солнце в кругах – к урожаю, на Василия Парийского (12 апреля) весна землю парит, на Василиска (мая 22) не паирут, не сеют, а то уродаются одни васильки* [19, с. 169].

Таким образом, проведя анализ паремиологических единиц, вербализующих ассоциативно-семантическое поле «цветы» в русском языке, можно сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, данный концепт в русской лингвокультуре имеет преимущественно символический смысл, раскрывающийся благодаря контексту и имплицитным культурным знаниям носителей языка.

Во-вторых, за каждым цветком в сознании носителей языка закрепился ведущий метафорический символ. Так, роза – это символ любви и красоты, ромашка – чистоты и судьбы, мак – символ чего-то малого и яркого, Иван-да-Марья – верности, а василек – символ урожая и небесного цвета. Существует спектр дополнительных ассоциаций: например, ромашка и василек – лекарственные средства, мак – нечто незначительное, что не стоит учитывать совсем, ромашка – оберег семьи и т. д. Кроме того, можно отметить, что фразеологизмы, в которых употребляются наименования роз и маков (внешне очень красивых цветов), зачастую вербализуют тезис о том, что в сознании русского народа внешняя красота может быть обманчива, поэтому о предмете или объекте нельзя судить исходя только из отдельных признаков (сравните: *по одежке встречают, по уму провожают; не суди о книге по ее обложке*).

Главным источником символических смыслов наименований цветов является славянская мифология, которая оказала значительное влияние на семантическую систему современного русского языка. Проведенный анализ также доказывает, что ассоциативно-семантические особенности лексики названий цветов являются одним из существенных фрагментов языковой картины мира русского народа и служат основой для изучения этих слов в других лексических комплексах.

Список источников

1. Бубенова А. Ассоциативное поле концептов HARM и UTILITY в сознании носителей английского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 3. С. 7–12.
2. Котова Н. С. Лингвокультурологический анализ концептосферы «цветы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Челябинск, 2007. 21 с.
3. Уразметова А. В., Рябцова Н. И. Символические фитофразеологизмы как результат репрезентации языковой картины мира // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №. 9 (45). С. 1–13.
4. 汪成慧. 论俄汉语言中植物象征意义的文化特 // 内江师范学院学报. 2011. № 5. С. 49–52. (Ван Чэньхуэй. О культурных особенностях символики растений в русском и китайском языках // Журнал Нэйцзянского педагогического колледжа. 2011. № 5. С. 49–52.)
5. Луцянь У. Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века (на материале произведений И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 27 с.
6. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001. URL: <https://lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents> (дата обращения: 27.08.2024).
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. Т. 2. / Под ред. проф. А. Н. Тихонова, сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
8. Стихи. Ру – Российский литературный портал. 2000–2025. URL: <https://stihi.ru/> (дата обращения: 26.08.2024).
9. Мубаракшина А. М. Фразеологизмы как проявление русской ментальности в современном городском пространстве // Когнитивные исследования языка, 2024. № 1–2 (57). С. 199–202.
10. Загадки русского народа: Сб. загадок, вопр., притч и задач / Сост. Д. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 397 с.
11. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. Т. 1. / Под ред. проф. А. Н. Тихонова, Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.

12. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.; М., 1881. 809 с.
14. Березович Е. Л. Две семантические реконструкции: I. Иван да Марья: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда, II. Вороного коня в поле не видать // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 124–151.
15. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. / Редактор: Т. Беднякова; Послесл. В. П. Аникина; Худож. Г. А. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 447 с.
16. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. / Редактор: Т. Беднякова; Послесл. В. П. Аникина; Худож. Г. А. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.
17. Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь / Авт. В. И. Зшин, С. Д. Ашурова и др. М: Школа-Пресс, 1994. 320 с.
18. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
19. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М., 1880. 807 с.
20. Фаттахова Н. Н. Стратегия понимания суеверных примет в телевизионном дискурсе // Филология и культура. Philology and Culture. 2022. № 1 (67). С. 116–120.

References

1. Bubenova, A. (2022). *Assotsiativnoe pole kontseptov HARM i UTILITY v soznanii nositelei angliiskogo yazyka* [The Associative Field of the Concepts HARM and UTILITY in the Consciousness of Native Speakers of English]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 3, pp. 7–12. (In Russian)
2. Kotova, N. S. (2007). *Lingvokul'turologicheskii analiz kontseptosfery "tsvety": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguocultural Analysis of the Conceptosphere 'Flowers': Ph.D. Thesis Abstract]. Chelyabinsk, 21 p. (In Russian)
3. Urazmetova, A. V., Ryabtsova, N. I. (2023). *Simvolicheskie fitofrazeologizmy kak rezul'tat reprezentatsii yazykovoi kartiny mira* [Symbolic Phytphraseologisms as a Result of Representation of the Language Picture of the World]. *Russian Linguistic Bulletin*. No. 9(45), pp 1–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskie-fitofrazeologizmy-kak-rezultat-reprezentatsii-yazykovoy-kartiny-mira> (accessed: 08.09.2024). (In Russian)
4. 汪成慧. 论俄汉语言中植物象征意义的文化特 // 内江师范学院学报 (2011) [Wang Chenghui. On Cultural Peculiarities of Plant Symbolism in Russian and Chinese Languages]. *Journal of Neijiang Pedagogical College*. No. 5, pp. 49–52. (In Chinese)
5. Lucjan', U. (2015). *Semanticheskoe pole "tsvetok" v yazykerusskoi khudozhestvennoi prozy vtoroi poloviny XIX veka (na materiale proizvedenii I. A. Goncharova, I. S. Turgenyeva, A. P. Chekhova): avtoref.*

dis. ... kand. filol. nauk [Semantic Field 'Flower' in the Language of Russian Fiction Prose of the Second Half of the 19th Century (based on the works by I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 27 p. (In Russian)

6. Tresidder, D. (2001). *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow, Fair-Press. URL: <https://lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents> (accessed: 27.08.2024). (In Russian)

7. *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t. T. 2* (2004) [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 2 Vol. Vol. 2]. Pod red. prof. A. N. Tikhonova. Sost. A. N. Tikhonov, A. G. Lomov, A. V. Korol'kova. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

8. *Stikhi. Ru* – rossiiskii literaturnyi portal. (2000–2025). URL: <https://stihi.ru/> (accessed: 26.08.2024). (In Russian)

9. Mubarakshina, A. M. (2024). *Frazeologizmy kak proyavlenie russkoi mental'nosti v sovremennom goroskope* [Phraseological Expressions as a Manifestation of Russian Mentality in the Modern Horoscope]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 1–2 (57), pp. 199–202. (In Russian)

10. *Zagadki russkogo naroda: Sb. zagadok, vopr., pritch i zadach* (1995) [Riddles of the Russian people: Collection of Riddles, Questions, Parables and Problems]. Sost. D. Sadovnikov. 397 p. Moscow, Sovremen. pisatel'. (In Russian)

11. *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t. T. 1* (2004) [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 2 Vol. Vol. 1]. Pod red. prof. A. N. Tikhonova. Sost.: A. N. Tikhonov, A. G. Lomov, A. V. Korol'kova. 832 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

12. Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: About 13,000 Phraseological Units]. 878 p. Moscow, Astrel', ACT. (In Russian)

13. Dal', V. I. (1881). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 2* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 2]. 809 p. St. Petersburg; Moscow. (In Russian)

14. Berezovich, E. L. (1996). *Dve semanticheskie rekonstrutsii: I. Ivan da Mar'ja: k interpretatsii obrazov severnorusskogo dozhinal'nogo obryada, II. Voronogo konya v pole ne vidat'* [Two Semantic Reconstructions: I. Ivan da Marya: On the Interpretation of the Images of the Northern Russian Dojinal Rite, II. You Can't See a Crow Horse in the Field]. *Etimologicheskie issledovaniya*. Ekaterinburg. No. 6, pp. 124–151. (In Russian)

15. *Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V. Dalya. V 2-kh t. T. 2* (1989) [Proverbs of the Russian People: Collection by V. Dahl. In 2 Vol. Vol. 2]. Redaktor: T. Bednyakova, Poslesl. V. P. Anikina. Khudozh. G. A. Klodt. 447 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

16. *Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V. Dalya. V 2-kh t. T. 1* (1989) [Proverbs of the Russian People: Collection by V. Dahl. In 2 Vol. Vol. 1]. Redaktor: T. Bednyakova, Poslesl. V. P. Anikina. Khudozh. G. A. Klodt. 431 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

17. *Russkie poslovitsy i pogovorki: Uchebnyi slovar'* (1994) [Russian Proverbs and Sayings: Educational Dictionary]. Avt. V. I. Zhiin, S. D. Ashurovaidr. 320 p. Moscow, Shkola-Press. (In Russian)

18. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (2000) [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S. A. Kuznetsov. 1536 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)

19. Dal', V. I. (1880). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 1* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1]. 807 p. St. Petersburg, Moscow. (In Russian)

20. Fattakhova, N. N. (2022). *Strategiya ponimaniya suevernykh primet v televizionnom diskurse* [Strategy of Understanding Superstitious Omens in Television Discourse]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 1 (67), pp. 116–120. (In Russian)

The article was submitted on 15.12.2024

Поступила в редакцию 15.12.2024

Мубаракшина Анастасия Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
blondy010888@mail.ru

Чжэн Юнься,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
15269658605@163.com

Mubarakshina Anastasiya Mikhailovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
blondy010888@mail.ru

Zheng Yunxia,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
15269658605@163.com

УДК 81.3(073)

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-98-101

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© Татьяна Писаревская, Наталья Вертянкина

PRAGMATIC POTENTIAL OF EVALUATIVE ADJECTIVES IN MILITARY-POLITICAL DISCOURSE

Tatyana Pisarevskaya, Natalia Vertyankina

The article studies evaluative adjectives in military-political discourse through the pragmatic approach. The focus is on the mechanisms of cognitive, emotional, and contextual impact that these linguistic units have on the audience. The article aims to explore the pragmatic potential of evaluative adjectives in the context of military-political discourse. The research objectives include the analysis of the features characterizing the way evaluative adjectives are used by Western and Russian politicians, the study of the mechanisms of their influence on the audience, and the role of context in the interpretation of such statements. The study demonstrates that evaluative adjectives both describe events and play a significant role in manipulating public opinion, enhancing emotional responses, reinforcing social norms, and adapt to the specific communication context. By analyzing both Western and Russian politicians' statements regarding the Special Military Operation (SMO), the article examines how evaluative language constructs cognitive frames, reinforces social norms, triggers emotional reactions, and shapes audience perceptions. The conclusions of the article emphasize the significant manipulative potential of evaluative adjectives in modern military-political discourse. The pragmatic component of their use requires further study.

Keywords: pragmatics, evaluative statements, media discourse, military-political discourse, manipulation, cognitive frameworks, emotional impact

Статья посвящена изучению оценочных прилагательных в военно-политическом дискурсе через призму прагматического подхода. Основное внимание уделяется механизмам когнитивного, эмоционального и контекстуального воздействия этих языковых единиц на аудиторию. Цель статьи заключается в исследовании прагматического потенциала оценочных прилагательных в условиях военно-политического дискурса. Задачи исследования включают анализ особенностей использования оценочных прилагательных западными и российскими политиками, изучение механизмов их воздействия на аудиторию и определение роли контекста в интерпретации таких высказываний. В рамках исследования показано, что оценочные прилагательные не только описывают события, но и играют значительную роль в манипуляции общественным мнением, усиливают эмоциональную реакцию и способствуют закреплению социальных норм, адаптируются под конкретный контекст коммуникации. На основе анализа высказываний западных и российских политиков о Специальной военной операции (СВО) рассматривается, как использование оценочной лексики позволяет создавать когнитивные рамки, закреплять социальные нормы, активировать эмоциональные реакции и воздействовать на восприятие аудитории. Выводы статьи подчеркивают значительный манипулятивный потенциал оценочных прилагательных в современном военно-политическом дискурсе. Прагматический компонент их использования требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: прагматика, оценочные высказывания, медийный дискурс, военно-политический дискурс, манипуляция, когнитивные схемы, эмоциональное воздействие

Для цитирования: Писаревская Т., Вертянкина Н. Прагматический потенциал оценочных прилагательных в военно-политическом дискурсе // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 98–101. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-98-101

Понятие прагматики в лингвистике основывается на исследовании того, как язык используется в реальных ситуациях общения. Г. Г. Мат-

веева определяет прагматику как ветвь языкознания, в которой ситуативно обусловленное речевое взаимодействие коммуникантов определя-

ет специфику функционирования речевых единиц [1, с. 114]. Согласно Д. Личу, прагматика фокусируется на отношениях между говорящим и аудиторией, а не на объективных значениях слов [2, с. 187]. Это позволяет выявить скрытые интенции говорящего и то, как именно слова используются для воздействия на эмоции и поведение слушателя. В контексте оценочных высказываний прагматика играет основополагающую роль, так как оценка напрямую зависит не только от значения слова, но и от намерений говорящего, контекста, а также восприятия слушателя.

Оценочные высказывания, будучи тесно связанными с эмоциями, модальностью и экспрессивностью, могут нести мощный манипулятивный и убеждающий потенциал, особенно в политическом, медийном и военно-политическом дискурсах. Ряд исследований показывают, что оценочные слова могут активировать определенные когнитивные схемы у аудитории, подчеркивая их эмоциональные и социальные аспекты. Это особенно актуально в политической риторике, где оценочные конструкции используются для создания определенных идеологических установок.

В медийном дискурсе, а военно-политический дискурс является его частью, оценочные выражения часто используются для воздействия на общественное мнение. Н. Фэрклоу подчеркивает, что оценочные суждения влияют на восприятие аудитории, особенно в общественно-политических текстах, где прагматический компонент является определяющим [4, с. 123].

М. А. Алишов отмечает, что средства массовой информации выступают инструментом управления обществом, активно формируя восприятие реальности [5, с. 18].

Мы выделяем три основных механизма воздействия оценочных прилагательных – когнитивный, эмоциональный и контекстуальный, которые реализуются следующим образом:

1) когнитивный: оценочные слова активируют определенные концепты в сознании, направляя внимание аудитории в нужное русло;

2) эмоциональный: использование эмоционально окрашенных выражений (например, «опасный», «трагичный») вызывает сильные переживания, что усиливает эффект высказывания и его запоминаемость;

3) контекстуальный: значение оценочных слов усиливается или изменяется в зависимости от ситуации, в которой они употребляются.

Каждый из них реализует различные аспекты восприятия информации. В рамках исследования эти механизмы будут рассмотрены на примере

высказываний западных и российских политиков о Специальной военной операции (СВО).

1. Когнитивный эффект.

Оценочные прилагательные формируют установки и стереотипы, влияя на когнитивные процессы аудитории.

Формирование когнитивных рамок. Оценочная лексика задает определенный контекст восприятия, встраивая явление в уже существующие рамки сознания. Например, такие слова, как «агрессивный» или «справедливый» создают соответствующие ассоциации, укрепляющие или разрушающие доверие к описываемому явлению. Ниже представлены примеры из выступлений В. В. Путина.

1. «*Справедливый военный ответ*» – нейтрализует критику и создает позитивный образ.

2. «*Агрессивная политика государства*» – формирует негативное отношение к оппоненту.

3. «Мы знаем ваш *лукавый* и не раз *скомпрометированный* нарратив о том, что Украина, дескать – жертва, а Россия – агрессор».

Джо Байден применяет термины «*неспровоцированное нападение*» и «*варварские действия*» для описания действий России, закрепляя ее как агрессора для своей аудитории (*Russia's barbaric and unprovoked invasion of Ukraine is an attack on democracy*). Дональд Трамп, обсуждая конфликт, акцентировал внимание на необходимости проведения «*сильной*» политики, которая, по его словам, способна защитить американские интересы от «катастрофических» последствий. Использование таких оценочных прилагательных, как «*сильная*» и «*катастрофические*», не только подчеркивает серьезность ситуации, но и формирует в сознании аудитории четкое разделение на правильные и ошибочные подходы к ее решению (*We need strong leadership to handle the disastrous consequences of this conflict*).

Внедрение норм и ценностей. Оценочные прилагательные закрепляют в сознании аудитории определенные стандарты оценки событий и явлений. Это особенно актуально в военно-политическом дискурсе, где формируются представления о «правильности» или «ошибочности» действий различных сторон. Использование выражений «*блестящая победа*» или «*позорное поражение*» не только описывает факт, но и формирует у аудитории отношение к этому событию. В. Небензя применил ряд отрицательных оценочных прилагательных в своем высказывании: «Буча, Краматорск, Мариупольский драмтеатр, Спасо-Преображенский собор в Одессе – все это *откровенное вранье*», распространяемое с целью очернить российские вооруженные силы, войдет „золотыми буквами“ в учебники по де-

зинформации и пропаганде, так же как они уже стали нарицательными для *топорных и необидительных провокаций* Запада, осуществляемых в попытке скрыть преступления своих подельников в Киеве». «Откровенное вранье» акцентирует абсолютную ложность заявлений, создавая у аудитории впечатление о полной недостоверности противоположной стороны. «Топорные и необидительные провокации» подчеркивает низкое качество действий оппонента. Этот текст демонстрирует попытку утвердить следующие нормы: российские вооруженные силы действуют справедливо, тогда как противоположная сторона прибегает к ложным и дискредитирующим приемам.

2. Эмоциональный эффект.

Эмоционально насыщенные оценочные прилагательные вызывают сильные чувства у аудитории, что повышает восприимчивость к информации.

Эмоциональная активация. Слова с яркой эмоциональной окраской пробуждают такие чувства, как тревогу, страх, гнев и т. д. Это позволяет авторам текста не только донести информацию, но и закрепить ее через эмоциональное переживание. Примеры из выступлений В. В. Путина («Мы подошли к *опасной* черте», «Но теперь последствия для возможных интервентов будут *гораздо более трагичными*», «Ну послушайте, эта формула *очень опасная*. Потому что и у нас, и во многих странах мира есть такая поговорка: как аукнется, так и откликнется») ярко демонстрируют, как оценочные прилагательные могут применяться с целью вызвать чувство тревоги и акцентировать внимание на критической ситуации, побуждая слушателя осознать ее серьезность.

Джо Байден часто применяет такие выражения, как «*моральная обязанность*» и «*великая нация*», вызывая гордость и патриотизм (*It is our moral duty to protect this great nation*). Дональд Трамп же акцентирует внимание на страхе или гневе, говоря о «*катастрофических последствиях*» или «*фейковых новостях*» (*The fake media is causing catastrophic damage to our country*). Камала Харрис в своих речах уделяет внимание вдохновляющим прилагательным, таким как «*героический*» (по отношению к врачам или активистам), усиливая чувство поддержки (*Healthcare workers are the heroic frontline of this battle*).

Усиление эмпатии. Положительные или отрицательные прилагательные способствуют созданию эмоциональной близости между аудиторией и описываемым объектом. Примеры из выступлений В. В. Путина:

1) «...решающая роль в этой *праведной* борьбе принадлежит именно нашим гражданам, нашей сплоченности, преданности родной стране, ответственности за ее судьбу»;

2) «Повторю, такая помощь *бесценна* – это вклад каждого в общую победу».

Оба примера усиливают у аудитории чувство сопереживания, патриотизма и единения граждан.

3. Контекстуальный эффект.

Контекст использования оценочных прилагательных усиливает их воздействие, позволяя адаптировать значение слов под конкретные условия.

Учет коммуникативной ситуации. Одно и то же прилагательное может быть воспринято по-разному в зависимости от контекста. Например, Д. Байден использует слово «*решительный*» для описания лидерства в международной политике, что в этом контексте воспринимается положительно. Д. Трамп, напротив, может использовать то же слово в критическом ключе, говоря о «*решительных, но глупых действиях*» оппонентов.

Манипуляция через противопоставление. Контекст позволяет акцентировать внимание аудитории на значимости или незначительности определенных аспектов.

Дональд Трамп:

“Under my administration, the world was *strong and stable*. Now, we see chaos and weakness” – противопоставление стабильности при Трампе и нестабильности при Байдене.

Джо Байден:

“Russia’s actions are *an unprovoked aggression*, while Ukraine fights for its survival and democracy” – противопоставление «*неспровоцированной агрессии*» России и борьбы за выживание Украины. Такие противопоставления помогают выделить моральное превосходство своей стороны и осудить действия оппонента.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что оценочные высказывания, а именно прилагательные, будучи неотъемлемой частью военно-политического и медийного дискурсов, обладают значительным воздействующим потенциалом. Их прагматическая функция заключается не только в передаче информации, но и в формировании определенных эмоциональных и идеологических установок у аудитории.

В будущем исследование прагматических механизмов языка может открыть новые возможности для понимания того, как оценочные высказывания воздействуют на социальное поведение и мышление в условиях современной коммуникации.

Список источников

1. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики. М.: Флинта, 2013. 230 с.
2. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
3. Wodak R. Discourse and Theory: How Language Shapes Society. London: Logos, 2015. 320 p.
4. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. 270 p.
5. Алишов М. А., Коваленко Е. В. Языковые средства выражения оценочного суждения (на материале газетной лексики) // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях: сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 18–22.
6. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>. (дата обращения: 15.11.2024).
7. Speeches and Remarks. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/> (дата обращения: 16.11.2024).
8. Выступление Постоянного представителя В. А. Небензи на заседании СБ ООН по Украине. URL: https://russiaun.ru/ru/news/nebenzia_unsc_ukraine_301024 (дата обращения: 16.11.2024).

References

1. Matveeva, G. G. (2013). *Osnovy pragmalingvistiki* [Fundamentals of Pragmalinguistics]. 230 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

2. Leech, G. (1983). *Principles of Pragmatics*. 250 p. London, Longman. (In English)
3. Wodak, R. (2015). *Discourse and Theory: How Language Shapes Society*. 320 p. London, Logos. (In English)
4. Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. 270 p. London, Longman. (In English)
5. Alishov, M. A., Kovalenko, E. V. (2017). *Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenochного suzhdeniya (na materiale gazetnoy leksiki)* [Linguistic Means of Expressing Evaluative Judgments (based on newspaper vocabulary)]. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennykh usloviyakh: sbornik nauchnykh statey mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, pp.18–22. Novosibirsk. (In Russian)
6. *Zasedanie diskussionnogo kluba "Valdai"* [Meeting of the Valdai Discussion Club]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>. (accessed: 15.11.2024). (In Russian)
7. *Speeches and Remarks*. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/> (accessed: 16.11.2024). (In English)
8. *Vystuplenie Postoyannogo predstavatelya V. A. Nebenzi na zasedanii SB OON po Ukraine* [Permanent Representative V. A. Nebenzia's Speech at the UN Security Council Meeting on Ukraine]. URL: https://russiaun.ru/ru/news/nebenzia_unsc_ukraine_301024 (accessed: 16.11.2024). (In Russian)

The article was submitted on 17.02.2025

Поступила в редакцию 17.02.2025

Писаревская Татьяна Ивановна,
преподаватель,
Тюменское высшее военно-инженерное
командное ордена Кутузова училище
им. маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова,
625001, Россия, Тюмень,
Л. Толстого, 1.
pissarevskaya.t@mail.ru

Вертянкина Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой иностранных языков,
Тюменское высшее военно-инженерное
командное ордена Кутузова училище
им. маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова,
625001, Россия, Тюмень,
Л. Толстого, 1.
ver-natalya@yandex.ru

Pisarevskaya Tatyana Ivanovna,
Assistant Professor,
Tyumen Higher Military Engineer Command
School named after Marshal of Engineering
Troops A. I. Proshlyakov,

1 L. Tolstoy Str.,
Tyumen, 625001, Russian Federation.
pissarevskaya.t@mail.ru

Vertyankina Natalia Viktorovna,
Ph.D. in Philology,
Head of the Department of Foreign Languages,
Tyumen Higher Military Engineer Command
School named after Marshal of Engineering
Troops A. I. Proshlyakov,

1 L. Tolstoy Str.,
Tyumen, 625001, Russian Federation.
ver-natalya@yandex.ru

ГЛАГОЛЫ ДЕЛАТЬ / СДЕЛАТЬ В ТЕКСТАХ ПРИКАЗОВ И УКАЗОВ XVIII В.: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

© Оксана Русанова

VERBS *DELAT'* / *SDELAT'* IN 18TH-CENTURY TEXTS OF ORDERS AND DECREES: A CORPUS STUDY IN THE FUNCTIONAL ASPECT

Oksana Rusanova

The article analyzes the functions of the verbs *delat'* / *sdelat'* in 18th-century texts of decrees and orders contained in the Russian National Corpus. The research explores the specifics of these genres of organizational and administrative documentation. The article describes in detail the ways of using the tools of the Russian National Corpus to analyze the functions of the verbs *delat'* / *sdelat'* in selected official texts. During the study, we tested several methods of searching for language material ("Search for exact forms", "Search for collocations" and "Lexico-grammatical search"), as a result, we found that the optimal way to perform our tasks is "Lexico-grammatical search". Special attention is paid to the problem of using verbal-nominal combinations with the key components *delat'* / *sdelat'*. The article gives the definition of the term 'stable verbal-nominal combinations' and indicates some of the most characteristic features of such combinations. The analysis of the material, presented in the corpus, allowed us to conclude that in the 18th-century texts of orders and decrees, such combinations as *vspomozhen'e* (*pomogi*, *pomoshh'*), *batareja*, *napadenie*, *predostorozhnost'*, *ostanovka*, *rasporjazhenie*, *polozhenie*, *signal*, *uchrezhdenie* were used. Many of the discovered combinations are not used in modern Russian, some have been replaced by synonymous ones. Over time, the status of stable ones acquired the combinations *delat'* / *sdelat'* *rasporyazhenie*, *ostanovku*, which are now actively used in formal styles of the Russian literary language.

Keywords: verb, combination, corpus, order, decree, formal style

Исследование посвящено анализу употребления глаголов *делать* / *сделать* в текстах указов и приказов XVIII в., содержащихся в Национальном корпусе русского языка. В статье говорится о специфике рассматриваемых деловых текстов, подробно описываются способы применения инструментов Национального корпуса русского языка для анализа функционирования глаголов *делать* / *сделать* в этих текстах. В ходе исследования было апробировано несколько способов поиска языкового материала («Поиск точных форм», «Поиск коллокаций» и «Лексико-грамматический поиск»), в результате установлено, что оптимальным для выполнения поставленных задач является «Лексико-грамматический поиск». Особое внимание уделяется проблеме использования глагольно-именных сочетаний с ключевыми компонентами *делать* / *сделать*. Дается определение термину устойчивые глагольно-именные сочетания, указываются некоторые наиболее характерные черты таких сочетаний. Анализ материала, представленного в корпусе, позволил сделать вывод о том, что в текстах приказов и указов XVIII в. употреблялись сочетания рассматриваемых глаголов с существительными *вспоможенье* (*помоги*, *помощь*), *батарея*, *нападение*, *предосторожность*, *остановка*, *распоряжение*, *положение*, *сигнал*, *учреждение*. Многие из обнаруженных сочетаний в современном русском языке не используются, некоторые заменились синонимичными. Статус устойчивых со временем приобрели сочетания *делать* / *сделать* *остановку*, *распоряжение*, которые сегодня активно употребляются в книжных стилях русского литературного языка.

Ключевые слова: глагол, сочетание, корпус, приказ, указ, официально-деловой стиль

Для цитирования: Русанова О. Глаголы *делать* / *сделать* в текстах приказов и указов XVIII в.: корпусное исследование в функциональном аспекте // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 102–108. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-102-108

В современном русском литературном языке часто используются глаголы с обобщенной семантикой (*производить / произвести, совершать / совершить, давать / дать* и т. д.), которые в контексте обычно конкретизируются, образуя сочетания с существительными. Эти сочетания могут приобретать статус устойчивых¹, в первую очередь в текстах официально-делового стиля, спецификой которых является высокая степень стандартизации. Значение сочетания в подобных случаях определяется по значению существительного: *оказать помощь – помочь, нанести удар – ударить, достичь успеха – преуспеть* и др. Особенности употребления глагольно-именных сочетаний в текстах можно изучать и в синхроническом, и в диахроническом аспекте, так как, по словам М. В. Пименовой, «важной составляющей словарного состава языка в его изменениях во времени являются состоящие из двух и более лексем устойчивые лексико-семантические единицы, которые фиксируются в исторических словарях полного типа» [1, с. 439].

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что предметом анализа являются глаголы *делать / сделать*² и их сочетания с существительными, функционирующие в приказах и указах. Эти документы сегодня создаются в соответствии с традициями и требованиями официально-делового стиля, в истории которого был один переломный момент, когда произошло достаточно много изменений, обусловленных различными реформами в политической системе, армии и т. д. Речь идет о XVIII веке – времени формирования более стройной (в отличие от XVII в.) системы жанров делопроизводства: те жанры, которые существовали раньше, трансформировались, возникли новые, старая однородная система разрушилась, благодаря чему появились разные виды документов – законодательные, судные и распорядительные [2, с. 93]. Кроме того, была проведена реформа орфографии, в результате которой были созданы различные справочники, закрепляющие правила русского языка [3, с. 442]. В деловом языке также произошли большие изменения: М. Л. Магницкий утверждает, что деловая письменность в этот период переходит со старого приказного слога на новый классический

деловой, характерными чертами которого становятся правильность языка, точность, краткость, простота, систематичность, деловой тон [2, с. 91–92]. Следовательно, именно в указанный период в деловом языке формируются те особенности, которые присущи современному официально-деловому стилю.

Новизна исследования заключается в том, что в качестве материала были выбраны тексты указов и приказов XVIII в., представленные в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) [4]. Сегодня лингвисты очень активно используют данный информационный ресурс, «в настоящее время корпус – это не просто дань техническому прогрессу или более удобный инструмент для поиска примеров; это именно примета новой идеологии изучения языка, для которой язык – вообще говоря, и есть корпус, как бы вызываяще это ни звучало по отношению к предшествующей теоретической традиции» [5, с. 12]. Мы же при выборе именно этого ресурса руководствовались следующими факторами: с помощью инструментов, встроенных в данную систему, можно проводить различные исследовательские операции, так как корпус представляет собой огромную базу филологически размеченных текстов разных жанров и времени создания общим объемом более 2 млрд слов³, что значительно сокращает время на выборку единиц для исследований; внутри НКРЯ есть деление на разные корпуса в зависимости от типа текста: исторические, газетные, параллельные и др.

Известно, что исследуемые глагольные компоненты употреблялись в интересующий нас период довольно широко. Так, в «Словаре русского языка XVIII в.» под ред. Ю. С. Сорокина данные глаголы представлены со следующими значениями: «изготавливать, производить»; «строить, сооружать»; «составлять, сочинять»; «работать, трудиться»; «о занятиях каким-либо ремеслом»; «возделывать, обрабатывать (землю)»; «исполнять какие-л. обязанности, заниматься каким-л. делом»; «совершать (с отвлеченными именами, преимущ. отглагольными)»; «с некоторыми отглагол. именами означает действие по знач. сущ. (делать крик – кричать, делать нападение – нападать и т. п.)»; «исполнять, осуществлять»; «доставлять, приносить, оказывать»; «создавать, производить»; «составлять, образовывать» и др. [6]. Согласно данным словарей, уже в XVIII в. эти глаголы имели большое количество значений, однако нуждались в конкретизации. В современном русском языке у глаголов *делать / сделать*

¹ Под устойчивыми сочетаниями мы понимаем частотные, частично воспроизводимые словосочетания, которые употребляются в текстах разных жанров в одном и том же лексическом составе.

² Отметим, что мы рассматриваем видовую пару глаголов, практически не имеющих различий в семантике, поэтому для нас не имеет принципиального значения определение каких-либо особенностей функционирования каждого из глаголов.

³ Здесь и далее будут использованы данные корпуса на 27.08.2024.

выделяется, как правило, еще больше значений, многие из которых сохраняются в течение столетий, но остаются такими же размытыми: «создавать / создать, изготовлять / изготовить, производить / произвести что-л.»; «совершать / совершить, выполнять / выполнить что-л.»; «оказывать / оказать, причинять / причинить» и др. [7].

Как мы уже говорили выше, подобные глаголы достаточно часто встречаются в деловых текстах разных жанров. В современной системе делопроизводства важнейшую роль играют организационно-распорядительные документы (ОРД), основной функцией которых является регламентация системы управления. Согласно Государственному стандарту РФ, к ОРД относятся уставы, положения, правила, инструкции, регламенты, постановления, распоряжения, приказы, решения, протоколы, договоры, акты, письма, справки и др. [8, с. 1]. Среди документов этой подгруппы можно выделить такие, которые существуют уже не одно столетие (акты, договоры, письма), а также относительно новые (приказ, устав и др.).

В работе О. Н. Гауч «Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII века (на материале ТФГАТО)» говорится о том, что ОРД «представляют собой документы, определяющие правовое положение и основные задачи деятельности органов государственного управления» [9, с. 223]. По мнению ученого, «жанры данной группы объединены общей коммуникативной направленностью – добиться от адресата совершения каких-либо действий – и имеют ярко выраженный социальный контекст: отношения между адресантом и адресатом определяются движением „сверху – вниз“» [Там же].

К наиболее распространенным жанрам данной группы деловой документации того времени относится указ, который можно считать одним из основных жанров деловой письменности XVIII в., поскольку он использовался повсеместно [10, с. 111]. Жанр указа зародился еще в XVI в., но именно в XVIII в. приобрел особенное значение и стал универсальным распорядительным документом [11, с. 225]. По словам А. П. Майорова, «указ представлял собой письменное предписание, исходившее от учреждений местной власти (магистрат, губернское правление, ратуша, канцелярия и пр.), по конкретным вопросам, основанием для которого являлся какой-либо инициативный документ, также включавшийся в текст указа» [12, с. 50]. В современной системе делопроизводства предназначение данного документа фактически не изменилось. «Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации» фиксирует следующее

определение термина указ: «правовой акт, издаваемый единолично Президентом Российской Федерации, главой субъекта Российской Федерации по вопросам реализации полномочий, закрепленных за ними законодательством, и обязательный к исполнению, соответственно, на территории Российской Федерации, субъекта Российской Федерации» [13, с. 77].

Еще одним часто функционирующим жанром в делопроизводстве XVIII в. является приказ, который понимается как «письменное распоряжение государственного учреждения или должностного лица, предписывающее принудительное исполнение какого-либо решения», от указа приказ отличается тем, что в нем «обычно отсутствуют ссылки на инициативный документ» [9, с. 225]. А. П. Майоров отмечает еще одну отличительную черту приказов и указов: первый документ, как правило, адресовался конкретному лицу [12, с. 51], а О. Н. Гауч говорит о том, что «главная цель приказа – побудить адресата к выполнению распоряжений, содержащихся в данном акте» [9, с. 225–226].

Таким образом, можно сказать, что при составлении указов и приказов актуализируется одна и та же коммуникативная задача – добиться выполнения определенного рода действий, но указы имеют более высокий статус в документационной иерархии.

Далее рассмотрим, как мы использовали инструменты НКРЯ при выявлении особенностей употребления указанных глаголов. Сначала с помощью функции «Задать подкорпус» были установлены следующие параметры: 1) сфера функционирования: нехудожественные тексты, официально-деловая; 2) тип текста: указы и приказы; 3) дата создания: 1701 – 1799 гг. В итоге мы получили следующие данные по подкорпусу: 90 текстов (101640 слов). Так как получившийся подкорпус сравнительно небольшой⁴, то, вероятнее всего, выборка тоже будет небольшой. Еще до начала работы непосредственно с языковым материалом можно получить определенные сведения о созданном подкорпусе: перечень текстов, вошедших в подкорпус; статистику, которая отражает объем и состав подкорпуса в виде таблиц, графиков и диаграмм и позволяет сопоставить данные о подкорпусе и корпусе. Кроме того, сюда добавлен статистический словарь, с помощью которого можно сравнить употребле-

⁴ Если сравнить количество текстов официально-делового стиля и художественного или публицистического стилей, то последних будет гораздо больше: 3534 текста (5 092 368 слов) в ОДС и 10 910 текстов (150 820 022 слова) в художественном стиле.

ние тех или иных слов по пользовательскому подкорпусу и по всему корпусу в целом. Так, было обнаружено, что глаголы *делать* и *сделать* употребляются достаточно часто: *делать* на 11 месте в пользовательском подкорпусе (в Основном корпусе – на 15), *сделать* – на 7 месте (в Основном корпусе – на 14).

После создания подкорпуса можно осуществлять поиск определенных языковых единиц, воспользовавшись одной из следующих функций: «Поиск точных форм»; «Поиск коллокаций»; «Лексико-грамматический поиск». Мы воспользовались функцией «Лексико-грамматический поиск», так как, на наш взгляд, этот способ является наиболее эффективным. Осуществив поиск по леммам *делать* и *сделать*, мы установили, что данные глаголы⁵ встречаются 174 раза в 20 текстах и 259 раз в 25 текстах соответственно. После чего мы увидели конкорданс – все контексты, в которых встречаются глаголы. Проанализировав полученную нами выборку, мы выяснили, что в исследуемых текстах глаголы функционируют в составе следующих сочетаний: *делать / сделать вспоможенья (помоги, помощь), батарею, нападение, предосторожность, остановку, распоряжение, положение, сигналы, учреждение* и др. Данные сочетания используются для фиксации одной и той же ситуации, в которой адресант пытается побудить адресата к выполнению определенных действий.

Так, при необходимости выдать распоряжение об оказании какой-либо помощи используется сочетание *делать / сделать вспоможенья (помоги, помощь)*, которое является одним из наиболее употребительных в изучаемых текстах:

(1) По случившемуся в Оренбургской губернии от бежавшего у вас из-под караула бездельника, казака Пугачева мятежу, заблагорассудили мы отправить туда г. генерал-майора Кара, которому вы имеете всевозможное *делать вспоможение*. (Екатерина II. Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту (1773) [4] (здесь и далее разрядка наша – О. Р.).

Существительное *вспоможение* в современном русском языке является устаревшим и используется в значении «оказание помощи, поддержки (преимущественно денежной)» [7], в XVIII в. оно употреблялось в значении «помощь; то, что служит для оказания помощи» [6]. Следует обратить внимание на то, что в исследуемых текстах встречаются такие варианты сочетаний, как *делать / сделать помощи, помощь*:

(2) ... о чем узнав, он приказал взять в свой дом, и если бы не *сделана* была ему сия *помощь* ... (Ф. Ф. Ушаков. Приказ о принятии мер против пьянства среди личного состава Флота (1792) [4].

Примечателен тот факт, что «Словарь русского языка XVIII в.» содержит и глаголы *вспомогать / вспомочь* в значении «оказать помощь, помочь» [6], но в исследуемых нами текстах данный глагол встречается намного реже, чем словосочетание с однокоренным существительным. В современном русском языке сочетание *делать / сделать вспоможение* не функционирует, вместо него употребляются либо формы глаголов *помогать / помочь*, либо устойчивое словосочетание *оказывать / оказать помощь*.

Среди приказов и указов XVIII в. часто встречается предписание, запрещающее препятствие передвижению, как правило, различным торговым обозам. В таких случаях в текстах употребляется сочетание *делать / сделать остановку*:

(3) ... то по сей причинѣ Правительствующій Сенатъ, раздѣля всѣ такія мѣста по сортамъ, и назнача для каждаго такіе карантены, которые бы, не *дѣлая* дальней *остановки* проѣзжающимъ и проходящимъ ... (О прибавкѣ шестинедѣльнаго карантена изъ Москвы до Петербурга (1772) [4].

В приведенных примерах сочетание *делать / сделать остановку* употребляется в значении «задерживать, препятствовать передвижению». У существительного *остановка* в XVIII в. следующие значения: «действ. по гл. остановить-останавливать, останавливать и остановиться-останавливаться, останавливаться»; «то, что мешает чему-л., не дает нормально осуществляться»; «помеха, препятствие»; «замедление, задержка» [6]. В современном русском языке некоторые значения отсутствуют, но в значении «остановиться» довольно часто встречается устойчивое сочетание *делать / сделать остановку*.

В ситуации, когда приказ или указ содержит различные указания, распоряжения и инструкции, встречаем сочетание *делать / сделать распоряжение*:

(4) Воронежскому Губернатору съ своей стороны по смежности его Губерній съ крѣпостью Святаго Димитрія, и другими тамошними мѣстами, къ недопущенію внутрь Россіи злой опасной болѣзни, *здѣлать распоряженіе* со всею строгостію, и учредить гдѣ можно, естли оныхъ не *здѣлано*, карантены... (О принятіи новыхъ мѣръ, до предосторожности отъ моровой язвы касающихся (1772) [4].

⁵ В выборку вошли не только сами глаголы, но и глагольные формы: причастие и деепричастие.

В приведенном контексте сочетание *делать распоряжение* имеет значение «давать указания, инструкции». К сожалению, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» существительное *распоряжение* не встречается, исходя из чего можем предположить, что оно появилось достаточно поздно. В современных же толковых словарях находим следующее определение: «называет деятельность по знач. глаг. распоряжаться – распорядиться»; «указывает на исполнение чего-л.»; «распоряжение»; «предписание» [7]. Слово-сочетание *делать / сделать распоряжение* также используется, причем оно закреплено в словарях устойчивых сочетаний [14, с. 232]. Кроме того, в текстах НКРЯ данное сочетание активно функционирует: мы обнаружили более 1400 вхождений, это свидетельствует о том, что формирование сочетания *делать / сделать распоряжение* как устойчивого уже завершилось:

(5) Батайский староста обратился к начальнику Ростовского округа с просьбой *сделать распоряжение* об удалении цыган (В. Малыгин. Новости столетней давности, 2004) [4].

Однако стоит сказать, что с данным существительным могут употребляться и другие глаголы: *отдавать, издавать, давать* и др. На наш взгляд, в этом случае значения существительного *распоряжение* несколько различаются: если речь идёт о неких указаниях, приказах, инструкциях в устной форме, обычно используются глаголы *делать, давать, отдавать*:

(6) Неподалеку стоял важный человек в белом халате и громким раздраженным голосом *отдавал распоряжения*: надо сообщить в милицию, связаться с его женой (Николай Крупин. Головная боль // «Дальний Восток», 2019) [Там же].

В том случае, если речь идёт о распоряжении как о документе, употребляются глаголы *издать / издавать* (в НКРЯ встречается чаще – более 200 примеров):

(7) Паспортно-визовым управлением МВД России *издано распоряжение* о приостановлении оформления и выдачи загранпаспортов гражданам Российской Федерации, покинувшим Чеченскую Республику и снятым с регистрационного учета на территории Чеченской Республики... (Дискриминация по признаку места жительства и этническому признаку в Москве и Московской области (1999) [Там же].

Приказы и указы также могли содержать приказание о создании зданий или общественных организаций, в этом случае часто использовалось сочетание *делать / сделать учреждение*:

(8) Она смотря вообще, чтобъ въ городѣ все предписываемое и учреждаемое отъ Коммисіи предохраненія и врачеванія, и всѣ для пользы народа и города сверхъ того здѣланныя и *дѣлаемыя учрежденія* самымъ дѣломъ исполняемы были; наказываетъ тотчасъ преступающихъ по мѣрѣ вины и причиненнаго ближнему своему и обществу вреда: наблюдаетъ порядокъ, тишину и благосостояніе города (Объ учрежденіи двухъ Коммиссій для прекращенія моровой язвы (1771) [Там же].

(9) ...Въ дополненіе манифеста публикованнаго 3 Генваря, прошлаго 1771 года, о запрещеніи вывозить въ Имперію ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА сомнительныхъ вещей, *здѣлать* вновь такое *учрежденіе* и во всей публикѣ обнародовать, дабы, подѣ опасеніемъ жестокаго наказанія изображеннаго въ помянутомъ манифестѣ, никто не дерзалъ въѣзжать въ здѣшнія границы иными мѣстами, кромѣ учрежденныхъ карантенныхъ заставъ... (О пропускѣ товаровъ изъ Польши и Туреціи (1772) [Там же].

Данные примеры показывают, что сочетание *делать / сделать учреждение* употребляется в значении «создавать какие-либо общественные организации». Вообще существительное *учреждение* в деловых текстах НКРЯ встречается уже в XVII в., но в исторических словарях оно отсутствует, поэтому мы можем лишь предполагать, что значение осталось неизменным: «называет деятельность по знач. глаг. учреждать – учредить»; «предприятие, созданное для осуществления разного рода деятельности»; «общественное указание, разновидность общественных норм и правил» (*офиц.*) [7]. В современном русском языке сочетание *делать / сделать учреждение* не функционирует, вместо него используется *создавать / создать учреждение*.

Подводя итоги, следует сказать о том, что приказы и указы уже в XVIII в. активно использовались в системе делопроизводства и создавались с целью добиться выполнения определенных действий от адресата, однако указ обладал более высоким статусом (как и сейчас). Именно такая целевая установка обуславливает частотное употребление в рассматриваемых текстах глаголов *делать / сделать*, имевших обобщенную семантику, а потому нуждавшихся в конкретизации. Таким образом, появились сочетания с существительными, в которых основная семантическая нагрузка была на именном компоненте. Некоторые из таких сочетаний со временем перестали употребляться и заменились синонимичными, что могло быть связано в том числе с утратой именного компонента. Например, так произошло с сочетанием *делать / сделать вспоможение*, на смену которому пришла другая еди-

ница – оказывать / оказать помощь. Однако есть такие сочетания, которые стали устойчивыми и используются до сих пор, например, *делать / сделать распоряжение, делать / сделать постановку*.

Список источников

1. Пименова М. В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2013. №2. С. 439–449.
2. Никитин О. В. М. Л. Магницкий и его «Краткое руководство к деловой и государственной словесности» // *Русская речь*. 2006. Выпуск № 5. С. 88–98.
3. Чистяков А. В. Развитие государственности в России XVIII века и формирование нового типа деловой письменности // *Вестник Удмуртского университета. История и филология*, 2021. Т. 31, вып. 3. С. 438–448.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora> (дата обращения: 24.08.2024).
5. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (16). 2008 С. 7–20.
6. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 24.08.2024).
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 24.08.2024).
8. ГОСТ Р 7.0.97–2016. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. Москва: Стандартинформ, 2018. 15 с.
9. Гауч О. Н. Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII века (на материале ТФГАТО) // *Научный диалог*. 2013. №5 (17). С. 221–233.
10. Меженина (Тюлькина) Т. Н. Модальные конструкции как элементы структуры указов Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII в. // *Вестник Бурятского государственного университета* 10/2014. С. 110–113.
11. Глотова С. А. Указ как основной распорядительный документ в высших органах власти XVIII в. // *История и архивы*. 2011. №18 (80). С. 225–238.
12. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века: по памятникам Забайкалья : дис... д-ра филол. наук: Москва, 2006. 471 с.
13. Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации. Москва, 2014. 81 с.
14. Дерibas В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: «Русский язык», 1979. 256 с.

References

1. Pimenova, M. V. (2013). *Ustoichivye leksiko-semanticheskie edinitsy i ikh fiksatsiya v istoricheskikh slovaryakh* [Stable Lexical and Semantic Units and Their Fixation in Historical Dictionaries]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. No. 2, pp. 439–449. (In Russian)
2. Nikitin, O. V. (2006). *M. L. Magnitskii i ego "Kratkoe rukovodstvo k delovoi i gosudarstvennoi slovesnosti"* [Magnitsky and His "Short Guide to Official and Government Literature"]. *Russkaya rech'*. Vypusk No. 5, pp. 88–98. (In Russian)
3. Chistyakov, A. V. (2021). *Razvitie gosudarstvennosti v Rossii XVIII veka i formirovanie novogo tipa delovoi pis'mennosti* [The Development of Statehood in Russia of the 18th Century and the Formation of a New Type of Official Writing]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. T. 31, vyp. 3, pp. 438–448. (In Russian)
4. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora> (accessed: 24.08.2024). (In Russian)
5. Plungyan, V. A. (2008). *Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki* [Corpus as a Tool and as an Ideology: Some Lessons of Modern Corpus linguistics]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshhenii*. No. 2 (16), pp. 7–20. (In Russian)
6. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* (1984–1991) [Dictionary of the 18th-Century Russian Language]. AN SSSR. In-t rus. yaz.; Gl. red.: Yu. S. Sorokin. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie, 1984–1991. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (accessed: 24.08.2024). (In Russian)
7. *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* (1999) [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols.]. RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A. P. Evgen'evoi. 4-e izd., ster. Moscow, Rus. yaz.; Poligrafresursy. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 24.08.2024). (In Russian)
8. *GOST R 7.0.97–2016. Organizatsionno-rasporyaditel'naya dokumentatsiya. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov* (2018) [Organizational and Administrative Documentation. Requirements for Registration of Documents]. 15 p. Moscow, Standartinform. (In Russian)
9. Gauch, O. N. (2013). *Zhanrovое своеобразие organizatsionno-rasporyaditel'nykh dokumentov delovoi pis'mennosti XVIII veka (na materiale TFGATO)* [Genre Originality of Organizational and Administrative Documents of Business Writing in the 18th Century (based on TFGATO)]. *Nauchnyi dialog*. No. 5 (17), pp. 221–233. (In Russian)
10. Mezhenina (Tyul'kina), T. N. (2014). *Modal'nye konstruksii kak elementy struktury ukazov Troitskogo Selenginskogo monastyr'a pervoi poloviny XVIII v.* [Modal Constructions as Elements of the Decree Structure of the Trinity Selenginsky Monastery in the First Half of the 18th Century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No.10, pp. 110–113. (In Russian)

11. Glotova, S. A. (2011). *Ukaz kak osnovnoi rasporyaditel'nyi dokument v vysshkikh organakh vlasti XVIII v.* [The Decree as the Main Administrative Document in the Highest Authorities of the 18th Century]. *Istoriya i arkhivy*. No. 18 (80), pp. 225–238. (In Russian)

12. Maiorov, A. P. (2006). *Regional'nyi uzus delovoi pis'mennosti XVIII veka: po pamyatnikam Zabaikal'ya: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk* [Regional Usage of Official Writing of the 18th Century: On the

Monuments of Transbaikalia]. 471 p. Moscow. (In Russian)

13. *Slovar' vidov i raznovidnostei sovremennoi upravlencheskoi dokumentatsii* (2014) [Dictionary of Types and Varieties of Modern Management Documentation]. 81 p. Moscow. (In Russian)

14. Deribas, V. M. (1979). *Ustoichivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka* [Stable Verbal-Nominal Phrases of the Russian Language]. 256 p. Moscow, "Russkii yazyk". (In Russian)

The article was submitted on 20.02.2025

Поступила в редакцию 20.02.2025

Русанова Оксана Сергеевна,

старший преподаватель,

Удмуртский государственный университет,

426034, Россия, Ижевск,

Университетская, 1 (корп. 2).

o.s.rusanova@yandex.ru

Rusanova Oksana Sergeevna,

Assistant Professor,

Udmurt State University,

1/2 Universitetskaya Str.,

Kazan, 426034, Russian Federation.

o.s.rusanova@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ *ОТНОШЕНИЯ* В ИТАЛЬЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

© Ирина Савватеева

AXIOLOGICAL ASPECT OF THE CATEGORY OF RELATIONS IN THE ITALIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Irina Savvateeva

The study examines the expression of personality evaluation and personal attractiveness in behavior and relations in the field of the Italian and English languages. The novelty of the linguistic axiological analysis devoted to the expression of assessment in the behavioral aspect is due to the lack of comparative studies based on the Italian and English languages. The concept of “an observer” is used in order to study the expression of the linguistic axiological aspect. The reactions of observers in the form of personality assessments influence the choice of actions by the subjects of behavior, reflected in the pragmatics of the compared languages. The selected nouns and phrases are related to the common theme of assessing personality and perceptions of attractiveness. The words *Personal / Personale* and *Attraction / Attrazione* represent concepts associated with evaluating individuality and attractiveness. The phrases *Make an appearance / Fare un'apparizione* and *Personal interest / Interessi personali* emphasize actions and motivations that may be assessed by observers, as the evaluation of attractiveness can depend on personal interests and the way people present themselves in society. As a result of the analysis, we have found that the dictionary definitions of the Italian and English languages contain components that determine different axiological potential when expressing a complex of purposeful behavioral actions for evaluation by observers as subjects perceiving behavior and form relations, based on the interpretation of these actions. The analyzed words and phrases convey varying degrees of meaning related to the assessment of behavior in relations and develop their potential evaluative significance in contexts. The analysis of evaluative judgments about behavioral actions allows for the identification of linguistic-cognitive and linguistic-cultural foundations of the perception and evaluation of behavior and relations, as well as the uniqueness and linguistic-cultural potential of axiological approaches to understanding the complex phenomena of the world around us.

Keywords: category of relations, behavior, linguistic culture, axiology, assessment

Исследование посвящено изучению выражения оценки личности и личной привлекательности в поведении и отношениях на материале итальянского и английского языков. Новизна лингвистического анализа выражения оценки в аксиологических пространствах национальных культур в поведенческом аспекте обусловлена отсутствием сопоставительных исследований по данной проблематике на материале итальянского и английского языков. Понятие «наблюдатель» привлекается для анализа языкового аксиологического аспекта, поскольку реакции наблюдателей в виде оценки личности влияют на выбор действий субъектами поведения, что отражается в отношениях и в поведении в прагматике сопоставленных языков. Выбранные существительные и словосочетания связаны общей темой оценки личности и восприятия привлекательности. Слова *Personal / Personale* и *Attraction / Attrazione* представляют собой понятия, связанные с оценкой индивидуальности и привлекательности. Словосочетания *Make an appearance / Fare un'apparizione* и *Personal interest / Interessi personali* акцентируют внимание на действиях и мотивах, которые могут быть оценены наблюдателями, так как оценка привлекательности может зависеть от личных интересов и того, как человек проявляет себя в обществе. В результате анализа выявлено, что в словарных статьях итальянского и английского языков при описании представленных лексем присутствуют компоненты, предопределяющие различный аксиологический потенциал при выражении комплекса целенаправленных поведенческих действий для их оценки наблюдателями как субъектами восприятия поведения и формирующие отношения между ними на основе интерпретации этих действий. Проанализированные лексемы в разной степени передают значение оценки поведения в отношениях и развивают свое потенциальное оценочное значение в контекстах. Анализ оценочных суждений о поведенческих действиях дает возможность выявить лингвокогнитивные и лингво-

культурные основания формирования восприятия и оценки поведения и отношений, а также увидеть своеобразие и лингвокультурный потенциал аксиологического подхода к постижению сложных феноменов окружающего нас мира.

Ключевые слова: категория *отношения*, поведение, лингвокультура, аксиология, оценка

Для цитирования: Савватеева И. Аксиологический аспект категории *отношения* в итальянском и английском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 109–117. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-109-117

Введение

Актуальность исследования мотивируется необходимостью выявления лингвокогнитивных и лингвокультурных факторов, влияющих на сходное или различное языковое оценочное выражение, формирующее категорию *отношения* применительно к такому аспекту ее проявления, как поведение.

Целью сопоставительного исследования является анализ факторов, влияющих на особенности отражения аксиологических смыслов в поведенческом аспекте, в итальянской и английской лингвокультурах.

Объектом анализа выбраны лексемы итальянского и английского языков, содержащие аксиологическую интерпретацию поведенческих действий при выражении категории *отношения*, в семантическую структуру которых входят аксиологические и эмотивные элементы, выражающие понятия «поведение» и «отношения». *Предметом* анализа являются языковые средства интерпретации когнитивно-перцептивных и лингвокультурных аксиологических смыслов выражения категории *отношения* в поведенческом аспекте в сопоставляемых неблизкородственных языках.

В соответствии с поставленной целью в исследовании решаются следующие *задачи*:

- проанализировать дефиниции лексем, содержащие в семантике лингвокогнитивные смыслы оценки поведения и отношений;
- проанализировать поведенческие контексты с данными лексемами;
- на основе сопоставительного исследования охарактеризовать сходства, различия в способах выражения оценки поведенческих отношений в сопоставляемых языках.

Методом анализа эмпирического материала является исследование метаязыка словарных дефиниций: компонентный и концептуальный анализ послужил для выявления особенностей аксиологических смыслов при интерпретации поведения и отношений в сопоставляемых языках. В работе использован сопоставительный метод для выявления сходства и различия в дефинициях лексем и контекстах как маркеров выражения поведения и их дальнейшей интерпретации вы-

ражения оценки в контекстах. Контекстуальный анализ использовался при рассмотрении структурно-семантических и функциональных особенностей лексем в контекстах их употребления, в ходе которого полученные языковые данные подвергаются лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретации.

Практическая значимость исследования заключается в использовании полученных результатов в лингводидактических целях, в области лингвокультурологических исследований, дальнейшей разработке метаязыка методологии когнитивно-семантических и аксиологических исследований.

Анализируемые примеры взяты из иллюстративного материала к соответствующим словарным статьям рассматриваемых лексем в сопоставляемых языках, а также из образцов предложений и текстовых фрагментов, предлагаемых электронными словарями и тезаурусами.

Базовые теоретические предпосылки для анализа составили лингвоаксиологические научные подходы (Арутюнова 1984, 1998, 1999, 2000; Вольф 1986, 2002; Ивин 1970, 2004; Малинович 2011; Серебренникова 2011; Телия 1986; Деррида 2000 и др.), поскольку «ряд базовых научных подходов к описанию ценностей в современной лингвистике подтверждает факт того, что лингвоаксиология и аксиологическая лингвистика важны, так как они помогают нам понять роль языка в формировании культуры, коммуникации и человеческого взаимодействия» [1, с. 118]. В свою очередь, «современные исследования по лингвоаксиологии и аксиологической лингвистике отражают процессы новых современных этапов в становлении лингвоаксиологической парадигмы гуманитарного знания» [2, с. 645]. Базовые теоретические предпосылки для анализа составляют также фундаментальные научные подходы в трудах по лингвистике, касающиеся познания языка и поведения (Maturana, 1970; 1978; Varela, Thompson, Rosch, 1991; Stewart, Gapenne, Di Paolo, 2011 и др.).

Теоретической основой анализа стали следующие аргументы в области аксиологии: 1. «Оценка в той же мере относится к области реакций, как и к области стимулов. Она столь же

неуловима, сколь и вездесуща» [3, с. 183]; 2. Аксиологический аспект поведения рассматривался на основе теории наблюдателя, где аксиологический потенциал концепта поведения становился объектом анализа с позиции наблюдателя-перцептора как субъекта восприятия поведения (Наблюдатель_п), который воспринимает, интерпретирует и оценивает знаковый потенциал действий субъекта поведения по самым различным параметрам [4, с. 41]. Язык открывает окно в сознание, и если существуют различия в индивидуальном сознании в результате различий в культурах, которые формируют это сознание, то язык также откроет окно в познание, специфичное для конкретной культуры [5], что аргументирует необходимость изучения аксиологического аспекта поведения при выражении отношений в исследованиях поведения в соотношении с культурой. В области межкультурной коммуникации: «человек структурирует окружающую его действительность исходя из особенностей менталитета, имеющегося опыта, сложившихся традиций, т. е. языковая картина мира всегда национально-культурно обусловлена. Именно поэтому проблема лексических соответствий всегда будет актуальной, ведь помимо собственно языкового значения слово несет еще и национально-культурную информацию. Особый интерес вызывают лексические соответствия в неблизкородственных языках в случае передачи универсальных понятий, поскольку в таких случаях во многом выбор эквивалента будет определять этнокультурная специфика исходного языка» [6, с. 453]. Теоретическая база для данного анализа в области познания языка резюмируется следующими утверждениями: 1. «Знание конструируется в ходе языковых взаимодействий между людьми как структурно детерминированными организмами в консенсуальной области. Консенсуальные процессы определяют социальный характер и ориентирующую природу языка как координацию поведения, которое зависит от предоставляемых средой возможностей в виде описаний, производимых нами в языке: языковое поведение как часть динамической системы „организм-среда“ налагает ограничения на наше интерактивное поведение как когнитивных систем в консенсуальной области» [7, с. 10]. 2. «Системный подход к человеку как живому организму основан на понимании того, что язык – это биологически, социально и экологически регулируемое интерактивное поведение как способ существования, эволюционно обуславливающий появление и развитие человеческого интеллекта» [Там же, с. 14].

Исследование данной категории в целях выявления лингвокогнитивных и лингвокультурных факторов, влияющих на сходное или различное языковое оценочное выражение, формирующее *отношения* в поведенческом аспекте, базируется на необходимости применения совокупности разных лингвистических подходов. Так, когнитивная лингвистика сегодня является многоязычным направлением деятельности. Поэтому неудивительно, что лингвисты проявляют все больший интерес к разнообразным культурным моделям и схемам, которые мотивируют семантику и грамматику разных языков [1, с. 21].

Современные исследования понятий «поведение» и «отношения» ([8], [9], [10], [11] и др.) в целом показывают развитие процесса их рассмотрения в аспекте оценки. Изучение языковых отношений в XX веке в значительной степени сводилось к изучению оценочных убеждений [11]. Отношения как оценочные реакции на что-либо остаются объектом изучения в современных гуманитарных дисциплинах, например, в социальной психологии [9]. Языковые отношения (*attitudes*) также изучаются как оценочные реакции, которые являются функцией основных убеждений людей об объекте отношения (например, итальянский – красивый) и оценки этих убеждений (например, красивый – это хорошо) [11].

В обзоре социолингвистических исследований [10] отмечается, что эмоциональная реакция на конкретных людей является доминирующей чертой отношений. Отношение предсказывает не только поведенческие паттерны, но и вызывает специфические поведенческие проявления. Когнитивный компонент данного понятия связан со знаниями, идеями, которые используются в процессе мышления. Аффективный компонент касается вопроса о том, нравится или не нравится что-либо. Волевой компонент касается поведения или выступает в качестве окончательного решения. С помощью этого компонента люди обычно пытаются угадать, как человек относится к обстоятельствам, с которыми он столкнулся. Эти три компонента обычно тесно связаны друг с другом [10, с. 28]. В исследовании по нейропсихологии и поведенческим наукам [12], где отношения (*attitudes*) изучаются как информационные процессы, также прослеживается существенная роль оценочной реакции. Оценочное отношение относится к воспринимаемым объектам и допускает их быструю, спонтанную оценку, но отношение к целям, связанным с планированием, зависит от более длительного количества времени. Отношение может быть определено фактически в общих чертах как автоматическая или во-

левая реакция человеческого организма, основанная на принятии решений на внутренние или внешние цели, либо созерцательная, оценивающая мотивация. Отношение является процессом оценки воспринимаемого объекта, ситуации, созерцания и вовлечения себя в операционный процесс, когда он соотносится с предлагаемой мысленной целью. Поведение – это концепция, сходная с отношением, но не идентичная ему, принимая во внимание, что при определенных обстоятельствах искреннее отношение не может быть выражено напрямую [12, с. 15–16]. Совокупность представленных исследований, на наш взгляд, отражает актуальность лингвоаксиологических и лингвокультурных сопоставительных исследований, способствующих научному объяснению сложных языковых феноменов в процессах становления новых современных подходов в гуманитарном знании.

Результаты исследования

В данной работе лингвокультурная специфика категории *отношения* интерпретируется как способность репрезентировать семиотические и аксиологические и культурные смыслы. Теоретическая предпосылка сопоставительного анализа основана на предположении о том, что проявления отношений в поведенческом аспекте во многом обусловлены различиями аксиологических ориентиров той или иной культуры. Аксиологический анализ поведенческих контекстов, основанный на лингвокогнитивном и лингвокультурном подходах, аргументируется следующим:

Во-первых, категория *отношения* аксиологична и связана с миром национальной культуры: она транспонирует ценностные смыслы, характерные для определенной культуры.

Во-вторых, отношения способны продуцировать культурные смыслы и ценности, благодаря чему являются моделями поведения и нравственными ориентирами.

В-третьих, отношения способны насыщаться новыми ценностными смыслами, в результате чего могут приобретать новую трактовку.

Выбор лексем обусловлен их значимостью в контексте аксиологических пространств и культурных различий между сопоставляемыми языками. Сопоставительный анализ этих лексем в контексте аксиологических пространств позволяет выявить различия и сходства в оценочных системах двух культур. Это может помочь в понимании того, как культурные нормы и ценности формируют восприятие и оценку поведения.

Слова *Personal / Personale* и *Attraction / Attrazione* представляют собой понятия, связан-

ные с оценкой индивидуальности и привлекательности. Словосочетания *Make an appearance / Fare un'apparizione* и *Personal interest / Interessi personali* акцентируют внимание на действиях и мотивах, которые могут быть оценены наблюдателями, поскольку оценка привлекательности может зависеть от личных интересов и того, как человек проявляет себя в обществе.

1. Оценка личное обаяние, привлекательность (personal attractiveness / attractive personali)

В семантике данных лексем обнаруживаются аксиологические и эмотивные элементы, указывающие на возможность их интерпретации как поведения и отношений, о чем свидетельствует наличие в их толкованиях компонентов *behaviour, to draw interest, manner: personal attractiveness – having qualities that delight the eye; the ability to draw interest or admiration from others based on one's personality, behavior, or charisma. personality traits* [13]; *providing pleasure or delight, esp. in appearance or manner; charming; alluring; having qualities that delight the eye* [14]. В примере 1) субъект поведения обуславливает свое поведение влиянием своей личной привлекательности: 1) *I was cheerful at finding Bill wasn't indifferent to my personal attractions, such as they were* [15]. – Я порадовалась, обнаружив, что Билл не остался равнодушным к моему очарованию, каким бы оно ни было (здесь и далее перевод наш – И.С.). Оценка поведения выражается в том, что словосочетание *personal attractions* описывает действия субъекта поведения, которые направлены на то, чтобы произвести совершенно конкретное впечатление на наблюдателей – показать свои лучшие качества, продемонстрировать что-либо. В примере 2) субъект поведения оценивает свою привлекательность и положительное отношение к нему дружелюбным характером: 2) *I have a friendly personality that attracts women, it's as simple as that* [Там же]. – У меня дружелюбный характер, что привлекает женщин, все просто. В примере 3) субъект поведения оценивает свое поведение по впечатлению, которое он производит на других наблюдателей: 3) *He noticed at the railroad station that here, too, his person attracted attention* [Там же]. – На вокзале он убедился, что и здесь особа его производит впечатление. В следующем примере показаны влияние совокупности личных качеств одного из субъектов поведения на развитие их отношений (влюбился и оценил по достоинству): 4) *The fact that he was not only personally attracted to her but also appreciated her clever nature had simplified matters* [Там же]. – Тот факт, что он не только влюбил-

ся в нее, но и по достоинству оценил ее ум и способности, только упростил дело.

В итальянском языке глагол *привлекать* (*attrarre*) трактуется как *притягивать*, *тянуть к себе*: *tirare, tirare a sé*; *заставить прийти, побудить хитростью или обманом*: *far venire, indurre con astuzia o con inganno*. Второе значение глагола «соблазнять, влюблять»: *allettare, invaghiare, sedurre* [16]. Пример 5) показывает оценку взаимоотношений между субъектами как попытку одного из них нивелировать выдающиеся достоинства и продемонстрировать недостатки, то есть произвести на других потенциальных наблюдателей совсем не то впечатление, на которое рассчитывает сам субъект поведения. Оценка своего собственного поведения первого субъекта отношений высокая: 5) *Tuttavia insistete nell'evidenziare i miei difetti, tralasciando le mie ottime qualità e le mie molteplici attrattive* [15]. – Но вы нацелены на то, чтобы выставить напоказ мои недостатки и затенить мои выдающиеся достоинства и обаяние. В примере 6) оценивается совокупность качеств, выраженных в поведении, как привлекающих внимание и создающих положительное отношение: *E penso che fosse questo, unito alla gentilezza di Lissa, ciò che riusciva ad attrarre le persone verso di lei* [Там же]. – И мне кажется, именно это, наряду с добротой Лиссы, привлекало к ней людей. Примеры 7) и 8) демонстрируют словарное понимание поведенческих действий в значении «притягивать», а поведение субъектов, обладающих, по оценке толпы, личной притягательностью, – как искусные намеренные поведенческие действия: 7) *E quanto più mi allontanavo da Leonardo e dai confratelli, tanto più riuscivo ad attrarre le folle* [Там же]. – И чем более отдалялся я от Леонарда и братьев, тем искуснее притягивал к себе толпу. 8) *La gente si girava a guardarci e pensava: "Cos'avrà di speciale quello lì per attrarre una come lei?"* [Там же] – Люди смотрели на нас и думали: «Что же в нем такого, что эта девушка приходит к нему?»

2. Оценка *make an appearance* / *apparizione*

Проанализируем оценку с ключевым словом *внешность* (*make an appearance* / *apparizione*). Словосочетание *make an appearance* с ключевым словом *внешность* означает «появляться где-либо»: *to go to an event, gathering, etc., usually for a short period of time* [17]; *to put in an appearance*; *to appear publicly* [18]. В поведенческом контексте появление на публике может означать совокупность действий с целью произвести впечатление, создать определенное отношение: 9) *If you're going to make an appearance, she had once*

told Jennifer, make it a real statement [15]. – Если уж ты куда-нибудь собралась, наставляла она как-то Дженифер, сделай из своего появления настоящее событие и 10) *I make an appearance, shake hands, say the right things, and make friends for the paper* [Там же]. – Я появляюсь, пожимаю руки, говорю все полагающиеся слова и приобретаю друзей для газеты.

В итальянском языке эквивалентным английскому *make an appearance* является словосочетание *fare apparizione*, которое означает «появление», чаще всего внезапное или неожиданное: *l'apparire, per lo più improvviso o inatteso* [16]; *появление*: *comparsa, comparizione* [19]. В кинематографии *fare apparizione* означает трюк, с помощью которого люди или предметы внезапно появляются на сцене: *nel linguaggio cinem., trucco col quale si fanno apparire improvvisamente sulla scena* [16]; *видение сверхъестественного или фантастического существа*: *visione di un essere soprannaturale o fantastico*; *выделиться, показать свои качества*: *mettersi in vista, mostrando i propri pregi* [19]. В примере 11) словосочетание *fare un'apparizione* (появиться на публике) также предполагает наличие наблюдателей поведения (публики): *Che mi ritenessero una leggenda vivente o una carogna, avevo l'obbligo di fare un'apparizione in tivù* [15]. – Кем бы меня ни считали, живой легендой или подонком, мне надлежало явиться на публике.

3. Оценка *personal interest* (личный интерес)

Сочетание *Personal interest* имеет значение «относящийся или принадлежащий к одному или конкретному человеку, а не к группе людей»: *relating or belonging to a single or particular person rather than to a group*; «забота о собственных интересах или выгоде, особенно с пренебрежением к другим»: *regard for one's own interest or advantage, especially with disregard for other* [20]. В экономике словосочетание трактуется как «действия в собственных интересах или выгоде могут также принести пользу обществу в целом (уважение собственных интересов или выгоды, особенно с пренебрежением к другим)»: *economics. the doctrine that acting to one's own benefit or advantage can also result in a benefit for society at large (regard for one's own interest or advantage, especially with disregard for others* [21]. В контексте следующего примера словосочетание *personal interest* передает значение искренней заинтересованности в создании и развитии отношений: 12) *Such modesty and personal interest may move the householder to invite you to return* [15]. – Человек, видя твою скромность и искренний интерес к нему, возможно, согласится встретиться с то-

бой снова. В примере отражается неуверенность и сомнения в оценке этих отношений: модальный глагол *may* в контексте *to invite you to return*. В примере 13) поведение субъекта (*поигрывала равнодушно веером*), напротив, передает значение незаинтересованности в развитии отношений: 13) *Fanny toyed indifferently with her fan; not one of all these persons interested her in the least*. [Там же]. – Фанни поигрывала равнодушно веером, никто из них ее не интересовал.

В итальянском языке *interesse* означает: «особое внимание обращено на что-то или кого-то»: particolare attenzione rivolta verso qulco. o qlcu; «способность возбуждать внимание, привлекать»: capacità di una persona o di una cosa di destare attenzione, di attrarre fascino, richiamo [19]. Значение лексемы *interesse* в итальянском языке представлено обширными словарными дефинициями. Лексема имеет латинские семы *inter* (между) и *esse* (быть) в значении «быть посередине; участвовать», а также *import*: dal verbo lat. *interesse* «essere in mezzo; partecipare; importare», comp. di *inter* «tra» e *esse* «essere». Первое значение данной лексемы – «цена, уплаченная или которая должна быть уплачена должником за использование предоставленного ему кредита»: il prezzo pagato, o che dev'essere pagato, dal debitore per l'uso del credito concessogli [19]. Другое ее значение – «любая деятельность, касающаяся надлежащего ведения бизнеса, управления своими активами, решения вопросов, влияющих на экономическое положение»: partecipazione agli utili e all'attività di una azienda; qualsiasi attività riguardante il buon andamento dei propri affari [Там же]. Кроме того, лексема означает *желание или жадность к выгоде, чувство, которое толкает человека на поиск собственной выгоды: над ним доминирует «я»; брак по интересу (в отличие от брака по любви), заключаемый главным образом по экономическим причинам: guadagno, utilità materiale, tornaconto individuale: il desiderio o l'avidità del guadagno, il sentimento che spinge a cercare il proprio tornaconto; matrimonio d'interesse (in contrapp. a matrimonio d'amore), contratto per motivi prevalentemente economici [Там же]. В более общем смысле лексема означает полезность, преимущество, удобство не только в материальном и экономическом смысле, но также в духовном и моральном смысле; с более субъективной точки зрения, самая потребность в том, что кажется способным удовлетворить наши потребности, рассмотрение того, что может способствовать нашему благополучию или быть полезным, выгодным: più genericam., utilità, vantaggio, convenienza in senso non solo materiale ed economico ma anche spirituale, morale; da un*

punto di vista più soggettivo, l'esigenza stessa di ciò che appare atto a soddisfare i nostri bisogni, la considerazione di ciò che può contribuire al nostro benessere o esserci utile, vantaggioso [Там же]. Используется применительно к проблемам, возникающим в области права, к потребности во благе, в чем-то, пригодном для удовлетворения человеческой и индивидуальной потребности и, следовательно, имеющем не только экономическое, но и моральное, религиозное, научное, сентиментальное, гуманитарное содержание: in partic. con riferimento ai problemi che ne emergono nel campo del diritto e spec. del diritto soggettivo, l'esigenza di un bene, cioè di cosa atta alla soddisfazione di un bisogno umano e individuale e quindi a contenuto non solo economico, ma anche morale, religioso, scientifico, sentimentale, umanitario [Там же]. В словарных дефинициях обнаруживаются также следующие значения: *желание удовлетворить естественную, врожденную потребность: con riferimento all'avidità di guadagno, alla ricerca egoistica del proprio materiale tornaconto [Там же]; забота о человеке, обеспечивающая то, что мы с любовью участвуем во всем, что его касается, желая ему добра, а также стремясь к нему (это может быть чувство человеческого сочувствия или даже принцип любви): Sollecitudine, premura per una persona, che fa sì che si partecipi affettuosamente a tutto ciò che la riguarda, desiderando il suo bene e adoperandosi anche per esso (può essere un sentimento di umana simpatia o anche un principio d'amore) [16]; преимущество, удобство, полезность: non economico, convenienza, utilità [22]; внимание, влечение, любопытство к чему-л.: avere, provare, брать, проявлять интерес к чему-либо; пробудить чей-либо интерес, внимание, забота о ком-либо; проявление интереса к другим; любовное влечение: интерес к девушке: attenzione, attrazione, curiosità nei confronti di qcs.; avere, provare, prendere, mostrare interesse per qcs., leggere, ascoltare qcs. con grande interesse, risvegliare l'interesse di qcn. attenzione, sollecitudine nei confronti di qcn.: mostrare interesse per il prossimo; attrazione amorosa: provare interesse per una ragazza. В психоанализе означает собственный импульс самосохранения эго: psic. in psicoanalisi, impulso di autoconservazione proprio dell'Io [Там же].*

Анализ примеров употребления словосочетания *interesse personale* показывает преимущественно оценку поведения и отношений в контексте выгоды: 14) *Significa che la gente ha fatto il primo passo, ovvero sta andando oltre il proprio interesse personale [15]. – Это означает, что люди начинают делать первый шаг к поведению в*

рамках своей личной выгоды. Пример 15) демонстрирует отрицательную оценку отношения в значении «отсутствие личного интереса»: 15) *Non ho interessi personali* [Там же]. – Я лично к нему не привязана. В следующем примере отношения оцениваются словосочетанием *interessi personali* как возможно необъективные, поскольку предполагают личную субъективную выгоду: 16) *Tu vedi ogni cosa dal punto di vista dei tuoi interessi personali, padre* [Там же]. – Вы смотрите на все с точки зрения ваших собственных интересов, отец.

Выводы

Таким образом, поведение и отношения как знаковые системы включают в себя внутренние когнитивные реакции субъектов поведения, что может служить основой для выявления особенностей контекстуального расширения словарных значений лексем, выражающих их оценку в сопоставляемых неблизкородственных языках.

В словарных статьях итальянского и английского языков, касающихся оценки личной привлекательности, появления на публике и личного обаяния, присутствуют компоненты, предопределяющие различный аксиологический потенциал при выражении комплекса целенаправленных поведенческих действий, что влияет на оценку этих действий наблюдателями как субъектами восприятия и формирует отношения между ними на основе интерпретации этих действий. Различия заключаются в смысловом объеме дефиниций. В итальянском языке в словарных толкованиях глагола *attrarre* как маркера *личная привлекательность* (*attrazione personale*) содержатся компоненты *притягивать, тянуть к себе; заставить прийти, побудить хитростью или обманом, соблазнять, влюблять*. В английском языке в словарных толкованиях лексем, выражающих оценку *личная привлекательность*, присутствуют аксиологические и эмотивные элементы *радовать глаз, шарм, харизма* и компоненты, выражающие поведение и отношения *behaviour, to draw interest, manner*. Словарные дефиниции и контексты употребления словосочетаний *make an appearance* и *fare apparizione* в целом схожи: в поведенческом контексте появление на публике может означать совокупность действий с целью произвести впечатление, создать определенное отношение. Однако *fare apparizione* означает *появление*, чаще всего внезапное или неожиданное; *трюк, с помощью которого люди или предметы внезапно появляются на сцене; видение сверхъестественного или фантастического существа; желание выделиться, показать свои качества*. Значение эф-

фектность появления также предполагает наличие наблюдателей поведения (публики). Анализ дефиниций и примеров оценки *personal interest* и *interesse personale* показывает преимущественно оценку поведения и отношений в контексте выгоды в итальянском языке. В английском языке в контексте выгоды поведенческие действия с данной оценкой могут означать действия в собственных интересах (уважение собственных интересов или выгоды, особенно с пренебрежением к другим), которые могут также принести пользу обществу в целом. Таким образом, сопоставив два языка, мы видим, что проанализированные лексемы в разной степени передают значение оценки поведения в отношениях и развивают свое потенциальное оценочное значение в контекстах. Реакции наблюдателей в виде оценки личности влияют на выбор поведенческих действий субъектами поведения, что отражается в прагматике сопоставленных языков. В контекстах приведенных примеров оценка поведения описывает совокупность внутренних ненаблюдаемых качеств, которые можно проследить по поведению и которые направлены на то, чтобы произвести совершенно конкретное впечатление на наблюдателей – показать свои лучшие качества, продемонстрировать что-либо. Лингвокультурная специфика подчеркивается зависимостью категории *отношения* от динамики ценностных ориентиров в сопоставляемых лингвокультурах.

Список источников

1. Терехова А. А. Подходы к изучению ценностей в современной лингвоаксиологии и аксиологической лингвистике // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2024. № 17 – 1. С. 112–120.
2. Радбиль Т. Б. Рецензия на коллективную монографию «Общая и русская лингвоаксиология» (отв. ред. М. С. Милованова). М.: Ярославль: канцлер, 2022. 390 с.) // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 643–649.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Верхотурова Т. Л., Савватеева И. А. Глагольные сочетания с наречным маркером семиотической значимости поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание и литературоведение. 2015. Вып. 10 (721). С. 40–51.
5. Sinha, C. (2021). Chapter 37. Culture in language and cognition. The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics / eds. Xu Wen, J. R. Taylor. New York: Routledge. Pp. 387 – 407.
6. Шамне Н. Л., Милованова М. В. Отдельные аспекты вариативности лексических соответствий в русском и немецком языках // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 453–455.

7. Кравченко А. В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 3. С. 7–24.

8. Fleck, C. (2015). *Attitude: History of concept*. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: in 25 vols., 2nd ed. Oxford: Elsevier, vol. 2. Pp. 175–177.

9. Albarracin, D., Shavitt, S. (2018). Attitudes and attitude change. *Annual Review of Psychology*, no. 69. Pp. 299–327.

10. Amin, A. (2020). Attitude towards language in sociolinguistic settings: A brief overview. *Journal of Research and Innovation in Language*, vol. 2, no. 1. Pp. 27–30.

11. Dragojevic, M., Fasoli, F., Cramer, J., Rakić, T. (2021). Toward a century of language attitudes research: Looking back and moving forward. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 40, no. 1. Pp. 60–79.

12. Gaiseanu, F. (2020). Attitude as an expressible info-operational reaction to a perceived/purposed object/objective. *International Journal on Neuropsychology and Behavioural Sciences*, vol. 1, no. 1. Pp. 12–16.

13. FineSentence. URL: <https://finesentence.com/meaning> (дата обращения: 12.09.24).

14. The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 13.09.24).

15. Glosbe. URL: <https://glosbe.com> (дата обращения 15.09.24).

16. Treccani. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario> (дата обращения: 16.09.24).

17. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 18.09.24).

18. Collins. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 20.09.24).

19. Dizionari di Italiano. URL: https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano (дата обращения 22.09.24).

20. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 30.09.24).

21. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 01.10.24).

22. Dizionario Italiano di Mauro. URL: <https://dizionario.internazionale.it> (дата обращения: 02.10.24).

References

1. Terekhova, A. A. (2024). *Podkhody k izucheniyu tsennosti v sovremennoi lingvoaksiologii i aksiologicheskoi lingvistike* [Approaches to the Study of Values in Modern Linguoaxiological Linguistics]. *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, No. 17–1, pp. 112–120. (In Russian)

2. Radbil', T. B. (2022). *Retsenziya na kolektivnuyu monografiyu "Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya"* (otv. red. M. S. Milovanova) [Review of the Collective Monograph "General and Russian Linguoaxiology"]. *Kommunikativnye issledovaniya*, Vol.

9, No. 3, pp. 643–649. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3). (In Russian)

3. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. 896 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

4. Verkhoturova, T. L., Savvateeva, I. A. (2015). *Glagol'nye sochetaniya s narechnym markerom semioticheskoi znachimosti povedeniya* [Verb Phrases with Adverbial Markers of Behavioral Semiotics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, ser. Yazykoznanie i literaturovedenie, vyp. 10 (721), pp. 40–51. (In Russian)

5. Sinha, C. (2021). *Chapter 37. Culture in Language and Cognition*. The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics / eds. Xu Wen, J. R. Taylor. Pp. 387–407. New York, Routledge. (In English)

6. Shamne, N. L., Milovanova, M. V. (2024). *Otdel'nye aspekty variativnosti leksicheskikh sootvetstviy v russkom i nemetskom yazykakh* [Certain Aspects of Variability of Lexical Correspondences in the Russian and German Languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, No. 3(106), pp. 453–455. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-453-455. (In Russian)

7. Kravchenko, A. V. (2022). *Yazyk i priroda chelovechnosti (priglasenie k diskussii)* [Language and the Nature of Humanness (Invitation to a Discussion)]. *Slovo.ru: Baltic Accent*, Vol. 13, No. 3, pp. 7–24. DOI: 10.5922/2225-53462022-3-1. (In Russian)

8. Fleck, C. (2015). *Attitude: History of Concept*. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences: in 25 vols., 2nd ed. Oxford, Elsevier, Vol. 2, pp. 175–177. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.03146-9. (In English)

9. Albarracin, D., Shavitt, S. (2018). *Attitudes and Attitude Change*. *Annual Review of Psychology*, No. 69, pp. 299–327. (In English)

10. Amin, A. (2020). *Attitude towards Language in Sociolinguistic Settings: A Brief Overview*. *Journal of Research and Innovation in Language*, Vol. 2, No. 1, pp. 27–30. DOI: <https://doi.org/10.31849/reila.v2i1.3758>. (In English)

11. Dragojevic, M., Fasoli, F., Cramer, J., Rakić, T. (2021). *Toward a Century of Language Attitudes Research: Looking Back and Moving Forward*. *Journal of Language and Social Psychology*, Vol. 40, No. 1, pp. 60–79. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X20966714>. (In English)

12. Gaiseanu, F. (2020). *Attitude as an Expressible Info-Operational Reaction to a Perceived/Purposed Object/Objective*. *International Journal on Neuropsychology and Behavioural Sciences*, Vol. 1, No. 1, pp. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.51626/ijnbs.2020.01.00002>. (In English)

13. FineSentence. URL: <https://finesentence.com/meaning> (accessed: 12.09.24). (In English)

14. The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (accessed: 13.09.24). (In English)

15. Glosbe. URL: <https://glosbe.com> (accessed: 15.09.24).

16. Treccani. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario> (accessed: 16.09.24). (In Italian)

17. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 18.09.24). (In English)

18. *Collins*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed: 20.09.24). (In English)

19. *Dizionario di Italiano*. URL: https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano (accessed: 22.09.24). (In Italian)

20. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 30.09.24). (In English)

21. *Dictionary.com*. URL: <https://www.dictionary.com> (accessed: 01.10.24). (In English)

22. *Dizionario Italiano di Mauro*. URL: <https://dizionario.internazionale.it> (accessed: 02.10.24). (In Italian)

The article was submitted on 10.02.2025

Поступила в редакцию 10.02.2025

Савватеева Ирина Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной
коммуникации,
664074, Россия, Иркутск,
Лермонтова, 83.
savvrina@mail.ru

Savvateeva Irina Anatolyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University,
Institute of Linguistics and Intercultural
Communication,
83 Lermontov Str.,
Irkutsk, 664074, Russian Federation.
savvrina@mail.ru

УДК 811.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-118-124

СУБСТАНТИВЫ И АДЪЕКТИВЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В БУКВАРЕ ТАТАРСКОГО И АРАБСКОГО ПИСЬМА 1802 ГОДА

© Лиана Саттарова, Айрат Юсупов

NOUNS AND ADJECTIVES CHARACTERIZING A PERSON IN THE PRIMER OF TATAR AND ARABIC SCRIPT IN 1802

Liana Sattarova, Ayrat Yusupov

This article presents a lexicothematic study of nouns and adjectives that characterize a person, based on the Primer of Tatar and Arabic script, published in 1802 by Bukhara native Niyaz Baki Atnometyev. These lexical units represent one of the main thematic groups in any language. The introduction of lexemes that functioned in the speech of Tatars in the Tobolsk Province at the turn of the 18th and 19th centuries provides insights into the formation of norms of the Tatar language within a specific region. This article examines four lexicothematic groups: 1) a person as a living being; 2) a person as a sensing and desiring being; 3) a person as a thinking and speaking being; and 4) a person as a social being. We have established that the majority of the lexemes are part of the vocabulary of modern literary Tatar. Besides lexical dialectisms, constituting 23.8% of the total number of units, phonetic dialectisms are recorded (e.g., devoicing: *зур* – *сур*, *таз* – *тас*; *б* → *м*: *мукру* – *бокре*). The Primer of Tatar and Arabic script represents a unique linguistic source. It preserves a valuable layer of vocabulary that refers to ancient Turkic roots (e.g., *эпиэм* – *abīt*, *исең* – *isrīm*, *юрчу* – *jurč*). The scientific perspective lies in the study of nouns, adjectives and verbs in a comparative-historical aspect.

Keywords: Tatar language, linguistic source studies, Tobolsk Province, Niyaz Baki Atnometyev, primer, noun, adjective, person

Статья посвящена лексико-тематическому исследованию субстантивов и адъективов, характеризующих человека, на материале Букваря татарского и арабского письма бухарца Нияз Баки Атнометева, изданного в 1802 году. Данные лексические единицы составляют одну из основных тематических групп любого языка. Введение в научный оборот лексем, функционировавших в речи татар Тобольской губернии на рубеже XVIII–XIX вв., дает понимание складывания норм татарского языка в рамках определенного региона. В данной статье авторы рассматривают 4 лексико-тематические группы: 1) человек как живое существо; 2) человек как чувствующее, желающее существо; 3) человек как мыслящее и говорящее существо и 4) человек как общественное существо. Установлено, что основная часть лексем входит в словарный фонд современного татарского литературного языка, при этом помимо лексических диалектизмов, составляющих 23,8 % от общего количества единиц, зафиксированы фонетические диалектизмы (оглушение: *зур* – *сур*, *таз* – *тас*; *б* → *м*: *мукру* – *бокре*). Букварь татарского и арабского письма представляет собой уникальный лингвистический источник. В нем сохраняется ценнейший пласт лексики, отсылающий к древнетюркским корням (*эпиэм* – *abīt*, *исең* – *isrīm*, *юрчу* – *jurč*). Научная перспектива заключается в исследовании имен существительных, прилагательных и глаголов в сравнительно-историческом аспекте.

Ключевые слова: татарский язык, лингвистическое источниковедение, Тобольская губерния, Нияз Баки Атнометев, Букварь, субстантив, адъектив, человек

Для цитирования: Саттарова Л., Юсупов А. Субстантивы и адъективы, характеризующие человека, в букваре татарского и арабского письма 1802 года // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 118–124. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-118-124

Введение

Начало XIX в. ознаменовалось выходом в свет книг, предназначенных для изучения «наре-

чия татар Тобольской губернии», в издательстве Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге. Работа по сбору, систематизации и

изучению регионального материала велась в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка Иосифом Гигановым (≈1764–1800). Преподавание татарского языка началось в училище И. Гигановым с 1793 г. и продолжалось вплоть до его смерти [1, с. 32]. Более 1000 страниц составляют лингвистическое наследие известного исследователя. В 1801 г. издается «Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная» (190 стр.) [2] со «Словами коренными, нужнейшими к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе» (75 стр.) [3], в 1802 г. – «Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в Тобольском главном народном училище бухарцом Ният Бакою Атнометевым (1768–1841), под руководством татарского языка учителя, соборного священника Иосифа Гиганова» (66 стр.) [4], в 1804 г. – «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище, учителем татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный» (678 стр.) [5].

В конце грамматики имеется надпись на арабской графике. В ней содержится информация об именах деятелей мусульманского культа, которые принимали участие при корректировке и переводе татарских слов, а также свидетельствовали перед императором Павлом I о том, что в книге отсутствуют ошибки: *Төркале Салманче Язмөхәммәд углы* ‘Туркали Салманчы Язмухаммеда сын’, *Тубылы Сартнит Бакый Итнамәт углы* ‘бухарец Тобольска Баки Итнамета сын’, *Дубул округының Саусаган аулының Мөхәммәд бакый Сөйдек углы* ‘Мухаммед Суйдека сын из деревни Саусканские Тобольского округа’, *Тубулының сартларының ыстаршинасы Дусбакый шәйх углы* *Мөхәммәдшаһ шәйх* ‘Старшина бухарцев Тобольска Дусбаки шейх Мухаммедшах шейха сын’, *Шадрин иске өязенә Эчкен йортының Эчкенче кантун иске ыстаршинасы Әмир Сорматау камандасының Таглы (Таулы) аулының мулла Әмир Морат углы* ‘Мулла деревни Таулы Амир Мурата сын из команды старшины Амира Сорматау юрт Эчкен Шадринского старого уезда’ [2].

Перечисленные книги представляют собой не только уникальный учебный материал для овладения местным наречием конца XVIII – начала XIX в., но и ценнейший источник для изучения

языка татар Тобольской губернии. В качестве объекта исследования выбран «Букварь татарского и арабского письма» ввиду малоизученности представленного языкового материала. В отличие от вышеперечисленных источников, в букваре примеры на татарском языке приводятся только в одном варианте написания – на арабской графике, что говорит о малодоступности материала для широкой исследовательской аудитории. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот языкового материала рубежа XVIII–XIX вв.

Цель нашего исследования состоит в транслитерации, систематизации, лексико-тематическом анализе субстантивов и адъективов, характеризующих человека (155 единиц), на материале Букваря татарского и арабского письма 1802 г. Букварь Ният Бакия Атнометева исследован такими известными историками, как С. Н. Замахаев, Г. А. Цветаев [1], Х. З. Зияев [6], Ф. Т. Валеев, С. М. Исхакова [7]. В лингвистических исследованиях Букварь достаточно часто упоминается, но не становится объектом отдельных научных изысканий.

Исследование основывается на сочетании общенаучных и лингвистических методов: описательно-аналитический и количественно-статистический методы, лексико-тематический анализ, прием сравнения дефиниций, сравнительно-исторический метод, источниковедческий анализ. В статье для установления происхождения, семантики и сферы бытования лексических единиц использованы лексикографические источники: этимологические [8], [9], [10] и диалектологический [11]. При систематизации лексических единиц применяются принципы, положенные в основу «Тематического русско-татарского словаря» [12].

Букварь как лингвистический источник

Книга использовалась в 1 классе для «познания букв и складов, чтения по таблицам, состоящим из самоупотребительных слов» [1, с. 32]. Издание состоит из двух основных частей: 1) Букваря арабского и татарского письма (стр. 2–13), в который вошли 5 таблиц с описанием графики и особенностей письма на арабице: «Татары пишут и читают от правой руки к левой; своих букв не имеют, а употребляют арабские, коих считается двадцать восемь» [4, с. 2], автор пишет о том, что сверх арабских букв вводятся шесть персидских, среди которых имеет место *ج*, читаемая как *ц* или *ч*, гласных букв три – *а*, *у*, *и*, остальные – согласные; 2) слов для чтения – иностранных (стр. 14–15) и татарских (стр. 16–66). Глава, посвященная татарским лек-

семам, занимает большую часть книги (76 % от общего объема). Она представляет собой перечень татарских слов ($\approx 2\,400$), написанных арабской графикой, и их перевод на русский язык. Слова даются в три колонки по частям речи в алфавитном порядке. Рассматриваются такие части речи, как имена существительные, прилагательные, глаголы, имена числительные и местоимения.

Имена существительные составляют большинство – 42 %. С точки зрения тематики имена существительные разнообразны:

– лексемы, обозначающие части тела, органы: *агыз* ‘уста’, *убка* ‘легкое’, *уч* ‘ладонь’, *урт* ‘щека’, *үткәч* ‘гортань’, *эчак* ‘кишки, черева’, *ирин* ‘губа’, *баш* ‘голова’, *баур* ‘печень’, *бут* ‘лопатка’, *бурун* ‘нос’, *бугаз* ‘горло’, *бугун* ‘член, колено’, *бугак* ‘зоб’, *бушун* ‘шея’, *бит* ‘щека’, *бармак* ‘палец’, *бил* ‘поясница’, *талак* ‘селезенка’, *тән* ‘тело’, *тырнак* ‘ноготь’, *теш* // *деш* ‘зуб’, *тел* ‘язык’, *тиин* ‘белка’, *суяк* ‘кость’, *тубук* ‘колено’, *кабурга* ‘ребро’, *кул* ‘рука’, *колак* ‘ухо’, *курсак* ‘брюхо’, *иурак* ‘сердце’, *иутурук* ‘кулак’;

– зоонимы: *ат* ‘конь’, *айгыр* ‘жеребец’, *айу* ‘медведь’, *убту* ‘язь’, *агуун* ‘куропатка’, *осан* ‘тетерев’, *укуз* ‘бык’, *ишак* ‘осел’, *багчар* ‘скворец’, *балык* ‘рыба’, *баидал* ‘кобылица’, *бутана* ‘перепелка’, *бөрчә* ‘блоха’, *бузау* ‘теленка’, *былбыл* ‘соловей’, *бет* ‘вошь’, *бия* ‘кобыла’, *таук* ‘курица’, *тай* ‘молодые лошади’, *тугу* ‘осетр’, *тулку* ‘лисица’, *тиу* ‘верблюд’, *чарлак* ‘чайка’, *чурдан* ‘щука’, *чулчан* ‘красный червь’, *чибин* ‘комар’, *чил* ‘рябчик’, *суир* ‘глухарь’, *каз* ‘гусь’, *куй* ‘овца’, *куиан* ‘заец’, *кузгун* ‘ворон’, *куш* ‘птица’, *кулун* ‘жеребенок’, *карга* ‘ворона’, *кучкар* ‘баран’, *корт* ‘червь’, *кузы* ‘ягненок’, *кундуз* ‘бобер’, *куныз* ‘жук’, *юше* ‘олень’;

– фитонимы: *агач* ‘дерево’, *ут* ‘трава’, *үлән* ‘трава’, *башак* ‘колос’, *буруч* ‘перец’, *бугдай* ‘пшеница’, *чырмаун* ‘травя сплетающаяся’, *сарымсак* ‘чеснок’, *карагай* ‘сосна’, *тирак* ‘ива’, *каун* ‘дыня’, *каин* ‘береза’, *карагат* ‘смородина’, *кыяр* ‘огурец’, *мычыр* ‘рябина’, *юка агач* ‘липа’;

– лексемы, обозначающие названия еды, блюд, хлебобулочных изделий: *аши* ‘пища’, *иртник* ‘пирог с рыбой’, *балич* ‘пирог круглый’, *буза* ‘брага’, *буламак* ‘каша из муки’, *шурба* ‘уха’, *сумса* ‘пирожок’, *каймак* ‘сметана’;

– слова, обозначающие названия одежды, обуви: *ату* ‘ичиги’, *бурук* ‘шапка’, *билбау* ‘опояска’, *чабата* ‘лапти’, *чурга* ‘носок’, *чулкау* ‘онучки’, *тун* ‘одежда, шуба’, *каши* ‘ремень’;

– лексемы, обозначающие географические наименования: *урун* ‘место’, *уба* ‘гора’, *утрау*

‘остров’, *урман* ‘ельник’, *ил* ‘селение’, *баг* ‘сад’, *багча* ‘огород’, *бустан* ‘сад’, *чукат* ‘озеро’, *чул* ‘степь’ и т. д.

Имена прилагательные (21 %) имеют разнообразную тематику, особо выделяется группа адъективов, характеризующих человека: *ач* ‘голодный’, *алаша* ‘низкий’, *учаи* ‘спорливый’, *усал*, *яуз* ‘злой’, *угай* ‘не родной’, *ирка* ‘нежный’, *иркен* ‘вольный’, *ирмак* ‘забавный’, *бай* ‘богатый’ и т. д. Интерес представляют имена прилагательные, обозначающие цвет, оттенки: *ак* ‘белый’, *ал* ‘алый’, *ала* ‘пестрый, пегий’, *кара* ‘черный’, *буз* ‘серый’, *сары* ‘желтый’, *кизыл* ‘красный’, *кук* ‘синий’, *яшел* ‘зеленый’, *аксу* ‘беловат’, *карасу* ‘черноват’, *куксу* ‘синеват’, *аксал* ‘беловатый’, *карасал* ‘черноватый’, *яшелсы-мал* ‘зеленоватый’ и др.

Глаголы (24 %) даются в форме 1 лица: *атамын* ‘стреляю’, *ачамын* ‘отворяю’, *үбәмен* ‘целую’, *басамын* ‘давлю’, *букамын* ‘гну’, *тикамын* ‘шью’, *чабамын* ‘рублю’, *саламын* ‘кладу’, *сауамын* ‘дою’, *кучамын* ‘обнимаю’, *йарамын* ‘колю’ и др. К средним глаголам относятся: *артамын* ‘превосхожу’, *учамын* ‘летаю’, *йузамын* ‘ползу’, *усамын* ‘прохожу мимо’, *уламын* ‘умираю’; к действительным – *асраимын* ‘воспитываю’, *ашиимын* ‘ем, кушаю’, *алдаимын* ‘обманываю’, *ураимын* ‘обматываю’ и т. д.

Лексико-тематический анализ единиц, характеризующих человека

В статье анализируется лексика (62 субстантива и 93 адъектива), характеризующая человека с разных сторон, в лексико-тематическом аспекте.

1. Человек как живое существо.

В данную группу входят лексемы, номинирующие человека (*кеше*) по половозрастному признаку: *бала* (< древнеиндийск. *bāla* «маленький; молодой; ребенок») ‘дитя’; *бика* ‘госпожа’; *карт* ‘старик’; *кыз* ‘девица’. Адъективы *тере*, *терик* ‘живой’ и *уле* ‘мертвый’ составляют антонимическую пару.

Выделяется группа лексем, характеризующая здорового/нездорового человека: *аксак* ‘хромой’; *дилдең* (< перс. *дил* ‘настроение; сердце; ум’) ‘слабосердечный’; *кашак* (литер. *ак күзле; қашақ* ‘одноглазый, кривой’ [11, с. 125]) ‘белоглазый’; *кылый* ‘косой’; *маип* (< араб. *мә'йб* ‘имеющий увечья’) ‘калека’; *саг* (литер. *сау*) ‘здоровый’; *санрау* ‘глухой’; *сукыр* ‘слепой’; *шәбкер* (< перс. *шәбкүр* ‘куриная слепота’; литер. *ерактан начар күрүче; шәпкүр* ‘близорукий’ [Там же, с. 250]) ‘близорукий’.

Внешние качества и физиологические особенности человека обозначают следующие лексические единицы: **акйүзле** ‘белолицый’; **алаша** (литер. *тәбәнәк*; *алаша* ‘низко, низкий’ [Там же, с. 22]) ‘низкий’; **калын, йуан** ‘тостый’; **йуга** ‘тонкий’; **каракашлы** ‘чернобровый’; **каракүзле** ‘черноглазый’; **кашка** (литер. *пеләш*; *кашка* ‘лысый’ [Там же, с. 126]) ‘лысый’; **ку** (литер. *төссез, агарынган, нурсыз*; ср.: *қыу* ‘светлосерый; худой, нежирный’ [Там же, с. 143]), **куба** (литер. *аксыл*; *куба* ‘бледный; желтый, пожелтевший от зноя’ [Там же, с. 132]) ‘бледный’; **көяз** ‘приятного вида’; **куркам, сулу, зибә** (< перс. *зиба* ‘красивый’) ‘видный, красивый’; **куза** (литер. *күсә*; *күзә* ‘безбородый; человек с редкой бородой’ [Там же, с. 106]) ‘скудобродый’; **мар** (литер. *нык*; *мар* ‘здоровый, крепкий’ [Там же, с. 148]) ‘крепкий сложением’; **мукру** (литер. *бөкре*; *мөкөрәйү* ‘сгорбиться, согнуться’ [Там же, с. 154]) ‘горбатый’; **сур** (литер. *зур*) ‘крепкий, силою большой’; **тарбагай** (литер. *көяз*; *тарбагай* ‘шеголь’ [Там же, с. 203]) ‘шеголь’; **тас** (литер. *таз*) ‘плешивый’; **чал** ‘седой’; **ялангач** ‘голый, нагой’; **яшь** ‘молодой’.

Лексемы, характеризующие человека с точки зрения питания: **абса** ‘обжора’; **ач** ‘голодный’; **исрук** (литер. *исерек*) ‘пьяный’; **сау** ‘трезвый’; **тук** ‘сытый’.

2. Человек как чувствующее, желающее существо.

Выделяются две подгруппы лексических единиц, обозначающие следующее:

– характер человека: **әпиәм** (ср.: *abit* ‘успокаивать, утешать, радовать’ [10, с. 2]) ‘веселый, приятный’; **бәрсә** (< араб. *му‘тәбәр* ‘уважаемый, видный’) ‘благочестивый’; **бушаң** (литер. *бушак* ‘слабый’) ‘слабый’; **дилжәм** (литер. *тыныч*; *тыйылцам* ‘спокойно’ [11, с. 222]) ‘спокойный’; **диндар** (< перс. *диндар*) ‘благочестивый’; **дорбай** (< перс. *турфә* ‘удивительно’; *торбайы* ‘грубый’ [Там же, с. 213]) ‘непоровный’; **дүң** (возможно, от *туң* ‘замерзший’ в переносном значении) ‘суровый’; **ирамсу** (*ирәмсү* ‘кичливый, гордый’ [Там же, с. 58]) ‘гордый’; **ирмак, ирмакчил** (литер. *кызык*; *ирмак* ‘веселый, интересный’ [Там же, с. 59]) ‘забавный’; **ирсәк** (литер. *йөрәмсәк* ‘любящий много ходить (ездить), непоседливый’) ‘похотливый’; **исең** (литер. *кире*; ср.: *isrit* ‘сердитый, насупившийся’ [10, с. 220]) ‘упрямый’; **кор** (литер. *хәр* ‘свободный, вольный’; *көр* ‘крепкий, упитанный; радостный, возвышенный’ [11, с. 102]) ‘бодрый, храбрый’; **куркак** ‘боязливый’; **кыргыша** (литер. *кире*; ср.: *қырышқы* ‘упрямый’ [Там же, с. 142])

‘упорствующий’; **кышаң** (*қышаң* ‘упрямый’ [Там же, с. 144]) ‘упрямый’; **лувлы** (вероятно, < рус. *лу[ка]в* + -лы), **кулкир** (литер. *хәйләкәр*) ‘лукавый’; **мицәкәй** (литер. *комсыз*; *мәцкәй* ‘обжора’ [Там же, с. 151]) ‘алчный’; **рөстани, рөстәм** (< перс. *рәушан, рушан* ‘светлый, ясный, сияющий, лучезарный’) ‘мужиковатый’; **саран** ‘скупой’; **сәбил** (ср.: *сәвәләй* ‘ряженный (под Новый год); потешник’ [9, с. 150]) ‘веселый, приятный’; **сәктә** (истор. *сахтә* ‘поддельный, фальшивый’; < перс. *sāxtā* ‘искусственный’; *сәктә* ‘непредвиденный’ [11, с. 188]) ‘наглый’; **сыкна** (литер. *саран*; *сыкна* ‘скупой’ [Там же, с. 196]) ‘скряга’; **сытык** (литер. *караңгы чырайлы*; *сытык* ‘плаксивый’ [Там же, с. 198]) ‘угрюмый’; **үлтерәк** (литер. *хәлсез*; ср.: в современном вагайском говоре *үлтерү* ‘убивать’) ‘слабый, дряхлый’; **угир** (возможно, *яугир* ‘воин, солдат’) ‘смелый’; **усал, язү** ‘злой’; **хира** (*қыйра* ‘ленивый’ [Там же, с. 138]) ‘ленивый’; **чалба** (литер. *әдәпсез*; *чалба* ‘похабный’ [5, с. 432]) ‘похабный’; **чарыс** (литер. *рәхимсез*; *чарыс* ‘упрямый; свирепый’ [11, с. 235]) ‘свирепый’; **чая** ‘упрямый’; **чумард** (литер. *юмарт*) ‘щедрый’; **шад** (< перс. *шād*) ‘веселый’; **шук** ‘резвый’; **ялкау** ‘ленивый’;

– чувства и эмоции человека: **кәфи** (< араб. *кайф* ‘настроение’) ‘довольный’; **оялчаң** (литер. *оялчан*) ‘стыдливый’.

3. Человек как мыслящее и говорящее существо.

Интеллектуальные качества человека обозначают следующие лексические единицы: **аңра** (литер. *ачык авыз*; в современном тобольском говоре *аңыру* ‘удивляться’) ‘ротозей’; **сакыллы** (< араб. *‘ақл*; литер. *акыллы*) ‘умный’; **зирәк** ‘разумный’; **дивана** (< перс. *dīvānā, девона* ‘как див’) ‘юродивый’; **дилбә** (литер. *ахмак*; *тилбә* ‘дурак, глупый’ [Там же, с. 210]) ‘глупый, дурак’.

Лексика, обозначающие речевые характеристики человека (имена прилагательные), называющие речевые особенности (имена существительные): **капчил** (литер. *сүзчән*; *кәпцел* [Там же, с. 95] ‘разговорчивый’) ‘говорливый’; **телдәк** (литер. *тотлыга торган кеше*; *тылтык* ‘тот, кто не выговаривает звуков «л», «р»; картавый, косноязычный; заика’ [Там же, с. 222]) ‘заика’; **учат, учаш** (литер. *бәхәсче*; *үңәш* ‘упрямый; спорщик’ [Там же, с. 231]) ‘спорливый’; **шибаң** (литер. *буш сүзле кеше*, истор. *шыфаң*; *шыбаң* ‘пустомеля’ [Там же, с. 252]) ‘пустомеля’.

4. Человек как общественное существо.

Лексика, характеризующая отношения между людьми: **белеш** ‘приятель’; **биянә** ‘неприятель’ (литер. *биянә* ‘чужой, посторонний,

незнакомый); *дөрөст* ‘верный’; *дуст* ‘друг’; *душман* (< перс. *душмān*) ‘враг’; *ирка* ‘нежный’; *казгыр* ‘коварный’; *каллаб* (< араб. *қаллаб* ‘изменчивый; лстивый сказочник’) ‘плут’; *карим* (< араб. *карим* ‘благородный, милостивый’) ‘милостливый’; *кержәк* (литер. *эчкерсез*; *керцәк* ‘искренний’ [5, с. 214]) ‘искренний’; *көнүче* (литер. *көнчел*) ‘ревнитель’; *танук, куаһ / гувак* (< персид. *гуаһ*) ‘свидетель’; *ялан* (литер. *ялагай*) ‘лстивый’.

Особую группу лексем составляют единицы, описывающие человека в семье: *үксуз* ‘сирота’; *тол* ‘вдовый’. Здесь выделяются термины родства: *ага* (литер. *абый*; *ага* ‘старший брат, дядя’ [11, с. 15]) ‘дядя, брат большой’; *ата* ‘отец’; *әбә, әбтә* (литер. *апа*; *әбә, әбетә, әпә, әптә, әптә, әвә* ‘старшая сестра’ [Там же, с. 35]) ‘тетка и большая сестра’; *баба* ‘дед’; *балтыс* (литер. *балтыз*) ‘свояченица’; *бача* (литер. *бәжә*) ‘свояк’; *бичә* (литер. *хатын*; *пицә, бичә* ‘жена, женщина’ [Там же, с. 175]) ‘жена’; *ир* ‘муж’; *каин ага* ‘шурин’; *каин ина* (литер. *каенана*; *инә* ‘мать, мама’ [Там же, с. 55]) ‘теща’; *киау* ‘жених’; *килен* ‘невеста’; *кода* (< древнемонг. *qida*) ‘сват’; *нәбрә* (*нәүәрә* ‘внук, внучка’ [Там же, с. 158]) ‘внучек’; *угул* ‘сын’, *юрчу* (*jurč* ‘младший родственник жены’ [10, с. 282]) ‘шурин’; *яңкә / иңкә* (литер. *жиңги*) ‘сноха, сваха’.

Слова *алучы* ‘покупщик’; *аулдаш* ‘одной деревни’; *бәк* ‘дворянин’; *бирүче* ‘податель’; *ирдаш* ‘земляк’; *иркен* ‘вольный’; *күң* (литер. *кәнизәк*; *көң, күң, куңчук* ‘рабыня; служанка’ [11, с. 118]) ‘раба’; *сарт* (< санск. *sarthavaha* ‘торговец, караванщик’) ‘бухарец’; *хан* (< монг. *хан*) ‘царь’, *шах* (< перс. *шаһ*) ‘царь’ и *юлдаш* ‘спутник’ характеризуют человека в общественной жизни.

Лексемы, номинирующие человека по роду деятельности и профессии, следующие: *бакырчы* ‘медник’, *идекче* ‘сапожник’; *илче* ‘посол’; *кол* ‘слуга’; *кемүшче* (литер. *көмешче*) ‘серебреник’; *мәркән* ‘охотник, стрелок’; *мулла* (< араб. *мәвлә* ‘управляющий’; *мулла* ‘образованный’ [Там же, с. 155]) ‘учитель’; *остад* (< араб. *устәз*; литер. *оста*) ‘мастер’; *текүче* ‘швец’; *түрә* (литер. *түрә* ‘начальник, чиновник’) ‘судья’; *чабул* (литер. *чабавыл*; *чабул* ‘почтальон, курьер’ [Там же, с. 232]) ‘гонiec, почтарь’.

Характеристика человека по отношению к собственности представлена единицами *бай* ‘богатый’; *кыдай* (литер. *гидай* ‘бедный, обездоленный’; < перс. *гәдәй* ‘бедный’) ‘убогий’; *сук* (литер. *алдакчы*; *суқ* ‘вороватый’ [Там же, с. 193]) ‘вороватый’ и *ярлы* ‘бедный’.

Человек и религия: *дәрвиш* (< перс. *дарвеш*) ‘дервиш’; *мөфти* (< араб. *муфтий*) ‘архиерей’; *суфи* (литер. *суфи* ‘набожный, благочестивый; суфий; аскет, мистик’) ‘монах’.

Заключение

В ходе анализа субъективов и адъективов, характеризующих человека, мы пришли к следующим умозаключениям.

1. Выявлены 4 лексико-тематические группы:

1) человек как живое существо (28 %); 2) человек как чувствующее, желающее существо (26 %); 3) человек как мыслящее и говорящее существо (6 %) и 4) человек как общественное существо (40 %). Одна из причин преобладания четвертой группы, на наш взгляд, кроется и в самом предназначении Букваря – обучение татарскому языку «как понятным для торгующих на границах Тобольской губернии киргиз-кайсаков, хивинцев и бухарцев, а также полезным для внутреннего обращения по значительному числу татарского населения в Тобольской губернии» [1, с. 32].

2. Установлено, что более 75 % лексем входят в фонд современного татарского литературного языка. Региональная лексика, которая ныне входит в группу диалектной, составляет 23,8 %. Некоторые фонетические признаки тобольского говора видим на таких примерах, как *мукру* – *бөкре*, *сур* – *зур*, *тас* – *таз*, *кор* – *хөр*. Необходимо отметить, что особенности арабской графики не дают возможность проследить некоторые региональные отличия, а именно цоканье (**ц** и **ч** передаются одной графемой) и оглушение **б** (отсутствие графемы для передачи **п**, напр., *убка* ‘легкое’).

3. Анализируемая лексика в генетическом плане неоднородна: она включает в свой состав лексемы разного происхождения. С генетической точки зрения можно выделить два основных лексических пласта – исконно тюрко-татарская (тюркская) лексика и заимствования (в основном арабского и персидского происхождения).

4. В Букваре имеет место синонимия и вариативность: *исең, кыргыша, кышаң, чарыс, чая* ‘упрямый’; *калын, йуан* ‘тостый’; *куркам, сулу, зиба* ‘видный, красивый’; *бәрсә, диндар* ‘благочестивый’; *усал, яуз* ‘злой’; *учат, учаи* ‘спорливый’; *танук, куаһ/гувак* ‘свидетель’; *каин ага, юрчу* ‘шурин’, *тере, терик* ‘живой’; *хира, ялкау* ‘ленивый’ и т. д.

Список источников

1. Замахеев С. И., Цветаев Г. А. Тобольская губернская гимназия: историческая записка о состоянии

Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск, 1889. 321 с.

2. Гиганов И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. СПб.: имп. Академия наук, 1801. 190 с.

3. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные. СПб: Императорская Академия Наук, 1801. 75 с.

4. Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в Тобольском главном народном училище бухарцом Ният Бакою Атнометевым, под руководством татарского языка учителя, соборного священника Иосифа Гиганова. СПб.: Императорская Академия Наук, 1802. 66 с.

5. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище, учителем татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. СПб.: Императорская Академия Наук, 1804. 677 с.

6. Зияев Х. З. Этому букварю 160 лет // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 3. С. 70–71.

7. Валеев Ф. Т., Исхакова С. М. Ният Бака (Бакы) Атнометев – педагог, ученый, общественный деятель // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Зап. Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 131–135.

8. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологиялык сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 543 б.

9. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологиялык сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 567 б.

10. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1969. 677 с.

11. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. 255 с.

12. Сафиуллина Ф. С., Галиуллин К. Р. Тематический русско-татарский словарь. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. 287 с.

References

1. Zamakhaev, S. I., Tsvetaev, G. A. (1889). *Tobol'skaya gubernskaya gimnaziya: istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tobol'skoi gimnazii za 100 let ee sushchestvovaniya. 1789–1889* [Tobolsk Provincial Gymnasium: A Historical Note on the State of the Tobolsk Gymnasium over the 100 Years of Its Existence. 1789–1889]. 321 p. Tobol'sk. (In Russian)

2. Giganov, I. (1801). *Grammatika tatarskogo yazyka, sochinennaya v Tobol'skoi glavnoi shkole uchitelem tatarskogo yazyka Sofiiskogo sobora svyashchennikom Iosifom Giganovym i mullami yurtovskimi svidetel'stvovannaya* [Grammar of the Tatar Language, Composed in the Tobolsk Main School by the

Tatar Language Teacher of St. Sophia Cathedral, Witnessed by Priest Joseph Giganov and the Mullahs of Yurtovsky]. 190 p. St. Petersburg, Imp. Akademiya Nauk. (In Russian)

3. *Slova korennye, nuzhneishie k svedeniyu dlya obucheniya tatarskomu yazyku, sobrannye v Tobol'skoi glavnoi shkole uchitelem tatarskogo yazyka, Sofiiskogo sobora svyashchennikom Iosifom Giganovym i yurtovskimi mullami svidetel'stvovannye* (1801) [The Indigenous Words that Are Necessary for Learning the Tatar Language, Collected in the Tobolsk Main School by the Teacher of the Tatar Language, St. Sophia Cathedral, Priest Joseph Giganov and Witnessed by the Yurt Mullahs]. 75 p. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian)

4. *Bukvar' tatarskogo i arabskogo pis'ma s prilozheniem slov so znakami, pokazyvayushchimi ikh vygovor, sochinennyi v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche bukhartsom Niyat Bakoyu Atnometevym, pod rukovodstvom tatarskogo yazyka uchitelya, sobornogo svyashchennika Iosifa Giganova* (1802) [A Primer of Tatar and Arabic Writing with an Appendix of Words with Signs Showing Their Pronunciation, Composed at the Tobolsk Main National School by Bukharian Niyat Bakoy Atnometev, under the Guidance of a Tatar Language Teacher, Cathedral Priest Joseph Giganov]. 66 p. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian)

5. *Slovar' rossiisko-tatarskii, sobrannyi v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche, uchitelem tatarskogo yazyka svyashchennikom Iosifom Giganovym i mullami yurtovskimi svidetel'stvovannyi* (1804) [The Russian-Tatar Dictionary, Collected at the Tobolsk Main National School, by the Tatar Language Teacher, Priest Joseph Giganov and Attested by the Mullahs of Yurtovsky]. 677 p. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian)

6. Ziyaev, Kh. Z. (1961) *Etomu bukvaryu 160 let* [This Primer Is 160 Years Old]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. No. 3, pp. 70–71. (In Russian)

7. Valeev, F. T., Iskhakova S. M. (2002) *Niyat Baka (Baky) Atnometev – pedagog, uchenyi, obshchestvennyi deyatel'* [Niyat Baka (Baky) Atnometev – Teacher, Scientist and Public Figure]. *Tyurskie narody: materialy V Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zap. Sibiri"*, pp. 131–135. Tobol'sk, Omsk. (In Russian)

8. Әхмәтъянов, Р. Г. (2015) *Tatar teleneң etimologik syzlege: Ike tomda. I tom (A–L)* [Etymological Dictionary of the Tatar Language: In Two Volumes. Volume I (A–L)]. 543 p. Kazan, Məgarif-Vakyt. (In Tatar)

9. Әхмәтъянов, Р. Г. (2015) *Tatar teleneң etimologik syzlege: Ike tomda. II tom (M–Ya)* [Etymological Dictionary of the Tatar Language: In Two Volumes. Volume II (M–I)]. 567 p. Kazan, Məgarif-Vakyt. (In Tatar)

10. Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (1969). *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. 677 p. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian)

11. Tumasheva, D. G. (1992). *Slovar' dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of Dialects of the Siberian Ta-

tars]. 255 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Russian)

12. Safiullina, F. S., Galiullin, K. R. (1989). *Tematicheskii russko-tatarskii slovar'* [Thematic Russian-

Tatar Dictionary]. 287 p. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

The article was submitted on 24.02.2025

Поступила в редакцию 24.02.2025

Саттарова Лиана Сибатовна,
старший преподаватель,
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО
«Уфимский университет науки
и технологий»,
453120, Россия, Стерлитамак,
Пр. Ленина, 49
l.s.sattarova@struust.ru

Юсупов Айрат Фаикович,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Sattarova Liana Sibagatovna,
Assistant Professor,
Sterlitamak Branch of Ufa University
of Science and Technology,

Lenin Avenue 49
Sterlitamak, 453120, Russian Federation.
l.s.sattarova@struust.ru

Yusupov Ayrat Faikovich,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

УДК 81'22

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-125-132

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ЧУЖДОСТЬ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ

© Елена Суворова

LINGUISTIC VERBALIZATION MEANS OF THE CONCEPT “FOREIGNNESS” IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUACULTURAL MEANINGS

Elena Suvorova

The article presents a comparative analysis of linguistic verbalization means of the concept “foreignness” in the Russian and English languages, with the purpose to identify the common (lexicographic) and occasional (implicit and associative) meanings underlying the linguistic and cultural binary opposition *ours* - *theirs*. Within the framework of the lexicographic and psycholinguistic approaches, the article studies the data from Russian and English interlingual, synonymous, explanatory and associative dictionaries and national corpora. The investigation is aimed at revealing the synonymous cores objectifying the concept of “foreignness” in both languages. It also determines the explicit and implicit meanings, which fulfill the given concept and characterizes the major linguocultural peculiarities of the concept “foreignness” reflected in the linguistic consciousnesses of both ethnic groups. The paper concludes that, firstly, there is a discrepancy between the connotations of the key English synonyms’ common meanings given in the explanatory dictionaries and the connotations of the responses to these synonyms taken as stimuli (in contrast, the Russian key synonyms generally possess neutral connotation); secondly, we identify the main meanings forming the concept of “foreignness” and later, through the prism of their key linguocultural features, we provide an interpretative characteristic of those believed to be *foreign* by the Russian and British ethnic groups.

Keywords: linguistic picture of the world, binary opposition, concept “foreign”, interpretative analysis, psycholinguistic approach

Статья представляет собой сравнительный анализ языковых средств вербализации концепта ЧУЖДОСТЬ в русском и английском языках, цель которого выявить узусальные (лексикографические) и имплицитные (ассоциативные) смыслы, лежащие в основе бинарной оппозиции свой – чужой. В рамках лексикографического и психолингвистического подходов, с помощью комплекса методов, изучаются данные русских и английских переводных, синонимических, толковых и ассоциативных словарей, а также национальных корпусов, на предмет выявления ключевого ряда синонимов, репрезентирующих концепт ЧУЖДОСТЬ; определяются эксплицитные (узусальные) и имплицитные (оказиональные, ассоциативные) смыслы, лежащие в основе этого концепта, а также дается характеристика основных лингвокультурных особенностей отражения чуждости в языковом сознании обоих этносов. Делается вывод о том, что, во-первых, существует расхождение между нейтральной коннотацией узусальных значений ключевых английских синонимов, приводимых в толковых словарях, и отрицательной коннотацией слов-реакций, образующих с ними ассоциативные пары (русские ключевые синонимы, объективирующие концепт ЧУЖДОСТЬ, имеют, как правило, нейтральную коннотацию и в случае узусальных значений, и в случае ассоциативных реакций на рассматриваемые синонимы-стимулы); во-вторых, обозначаются основные смыслы, лежащие в основе данного концепта, и через призму их ключевых лингвокультурных различий дается интерпретативная характеристика восприятия иного как чуждого русским и британским этносами.

Ключевые слова: языковая картина мира, бинарная оппозиция, концепт ЧУЖДОСТЬ, интерпретативный анализ, психолингвистический подход

Для цитирования: Суворова Е. Языковые средства вербализации концепта *чуждость* в русском и английском языках: сравнительный анализ лингвокультурных смыслов // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 125–132. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-125-132

Введение

Вызовы, которые в последнее время стоят перед обществом, носят экзистенциальный характер: диалог между нациями становится все более сложным вследствие расширения культурных лакун, препятствующих взаимопониманию. Одной из детерминант, обуславливающих эффективное межкультурное взаимодействие, является бинарная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ как дешифратор иного культурного кода, заложенного в ходе социализации. Понимание того, что приемлемо – неприемлемо в той или иной культуре, служит определенной гарантией закладки правильного фундамента для межкультурного диалога. Как следствие, актуальность представленного исследования оказывается тесно связанной с определением лингвокультурного тождества и различия этносов, обусловленного когнитивными детерминантами типа СВОЙ – ЧУЖОЙ. А. Ф. Лосев так определял тождество и различие: «Всякое диалектическое определение совершается через противопоставление ИНОМУ и последующий синтез с ним» [1, с.13–16]. Свой тезис он объяснял на примере двух точек, которые с одной стороны, тождественны, а с другой – различны. Если бы они были только различны, они не могли бы быть сопоставлены, если бы они были тождественны, они были бы неразличимы [Там же]. Следуя данной философской логике, поиск и определение лежащих за подобными детерминантами смыслов позволяет через призму своей культуры найти ключи к иной культуре и, как следствие, общие точки соприкосновения. Цель настоящего исследования – выявить и обозначить ключевые лингвокультурные смыслы, лежащие за пониманием чуждости, в языковом сознании русского и британского этносов через призму вербализующих их языковых средств. В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи: 1) выделить ключевые синонимические ряды, объективирующие концепт ЧУЖДОСТЬ в русском и английском языках; 2) определить узуальные, эксплицитно выраженные, семантические смыслы, определяющие понимание чуждости в рамках названных культур; 3) выявить имплицитные смыслы, наполняющие концепт ЧУЖДОСТЬ (на материале русского и английского ассоциативных тезаурусов); 4) провести сравнительный анализ русских и британских лингвокультурных особенностей концепта ЧУЖДОСТЬ на материале репрезентирующих его языковых средств.

Основной точкой доступа к смыслам, детерминирующим культуру этноса, оказывается язык – инструмент познания окружающего мира [2] и его семантического членения [3]. Тесная связь языка, мышления и культуры, проявленная в речевой деятельности человека, обусловила основные подходы к исследованию концептуального поля ЧУЖДОСТЬ в языковом сознании таких сложно сопоставимых в плане культуры этносов, как русский и британский: лексикографический и психолингвистический. Первый подход позволял выявить и сопоставить узуальный семантический состав ключевых синонимов, репрезентирующих концепт ЧУЖДОСТЬ в русском и английском языках, второй – изучить скрытые смыслы, не отраженные в словарных дефинициях. В качестве методов исследования использовались: метод сплошной выборки – для определения синонимического ядра, объективирующего концепт ЧУЖДОСТЬ в русских и английских языках; метод словарных дефиниций, применяемый для теоретического анализа семантического состава выделенных синонимов; метод концептуального анализа, нацеленный на выявление и описание основных лингвокультурных особенностей, скрытых в ассоциативных парах, образуемых с ключевыми синонимами в качестве стимулов; а также метод сравнительно-сопоставительного анализа – для интерпретации полученных результатов и описания особенностей концептуальных представлений о ЧУЖДОСТИ, отраженных в языковом сознании рассматриваемых культурных групп.

Материалом исследования послужили данные русских и английских словарей: переводных (Оксфордского русско-английского словаря под ред. М. Уилера; англо-русского словаря под ред. В. К. Мюллера), синонимических (под редакциями А. П. Евгеньевой, Л. Г. Бабенко, З. Е. Александровой, Ю. Д. Апресяна), толковых (The Oxford English dictionary (в 12 томах) – далее OED; Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby – далее OALDCE; Oxford Advanced Learner's Dictionary – далее OALD; Cambridge dictionary: Essential British English Dictionary – далее CD) и русских толковых словарей (под редакциями В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, Т. Ф. Ефремовой), ассоциативных (Русский ассоциативный словарь под ред. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой и др.; проект Small World of Words (SWOW)).

Обсуждение и результаты исследования

Работа по изучению концептологических представлений о чуждости в русской и британской языковых картинах мира началась с выделения ключевых синонимических рядов, объективирующих концепт ЧУЖДОСТЬ. Отметим, что выделить синонимический ряд существительных, репрезентирующих данный концепт, не удалось. Во-первых, частотность существительного *чуждость* оказалась значительно ниже, чем в случае с прилагательным *чуждый* (ср. 229 примеров на 13 960 примеров соответственно, согласно данным национального корпуса русского языка) [4]. Во-вторых, изучение русских синонимических словарей (указаны в материалах исследования) показало, что синонимические гнезда со словом *чуждость* авторами словарей не выделялись, в отличие от синонимических гнезд с прилагательным *чуждый*. Поэтому в ходе исследования стало понятно, что только синонимический ряд прилагательных может наиболее полно охарактеризовать весь объем смыслов, закладываемых в основу концепта ЧУЖДОСТЬ. Тем не менее, мы оставили абстрактное существительное *чуждость* как ключевую языковую единицу, вербализующую одноименный концепт, с целью обобщить все анализируемые смыслы.

Русский синонимический ряд прилагательных, вербализующих концепт ЧУЖДОСТЬ, выявлялся посредством анализа философских, антропологических, лингвокультурологических, этнопсихолингвистических работ (Дж. Мида, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, Ф. Боаса, Л. Леви-Брюля, Ю. М. Лотмана и других), а также материалов словарей синонимов русского языка (указаны в материалах исследования) и представил собой парадигму *иной – другой – чужой – дальний (далекий) – чуждый*. В свою очередь, определение английского синонимического ряда вызвало ряд трудностей, связанных, в первую очередь, с несовпадением семантических составов русских синонимов и их английских эквивалентов. На основе Оксфордского русско-английского словаря под ред. М. Уилера были найдены английские эквиваленты выделенным русским синонимам: 1) *иной*, adj. 1. *different*; *other*. 2. *some*; 2) *другой*, adj. 1. *other*, *another*; *different*. 2. (coll.) *the odd*; 3) *чужой*, adj. 1. *someone else's*, *another's*, *others*. 2. *strange*, *alien*; *foreign*; 4) *далекий*, adj. (in var. senses) *distant*, *remote*; *far (away)*; 5) *чуждый*, adj. 1. *alien*; *extraneous*. 2. *free (from, devoid of)* [5, с. 182, 262, 896]. Однако при обратном переводе полученного ряда слов с помощью англо-русского словаря под ред.

В. К. Мюллера [6], а затем более широкого сопоставления их семантических значений на материале русских и английских токовых словарей мы выяснили, что выделенные пары эквивалентов по семантическому объему не совпадают. Например, *чужой* и *someone else's, another's, others; strange, alien; foreign* отличались по: а) принадлежности семье, роду (в русском) и принадлежности индивиду, другой стране (в английском); б) личным «незнакомством» с кем-либо, чем-либо (*strange*) в английском и духовной, ментальной чуждости в русском (*чужой*). Или, например, *чуждый* и *alien; extraneous; free (from, devoid of)*: данные эквиваленты также не совпадали. В семантическом составе русского *чуждый* имелись значения: а) принадлежащий кому-либо другому; б) не обладающий чем-либо; в) не связанный родственными отношениями; г) тот, с кем нет подлинной близости; д) отрешенный от чего-либо [7]. Английские эквиваленты *alien* и *extraneous* имели совершенно иной семантический объем. *Alien*: 1) *frightening, strange, different from what you are used to* – ‘пугающий или странный, отличный от привычного’ (здесь и далее перевод наш – Е. С.); 2) *foreign (from another society/ country)* – (неодобр.) ‘иностранный, из другого общества /страны’; 3) *(disapproving) unusual or unacceptable* – (неодобр.) ‘неприемлемый, необычный’; 4) *related to creatures from unhuman world* – ‘относящийся к существам из другого мира’ [8, с. 37]. *Extraneous*: *not directly related to the particular situation you are in or the subject you are having a deal with* – ‘не относящийся напрямую к конкретной ситуации или предмету, с которым вы имеете дело’ [Там же, с. 541]. Очевидно, что лексема *alien* связана с принадлежностью другому обществу, стране или внеземным существам, но не семье или роду, как в русском; *extraneous* предполагает принадлежность к ситуации или предмету. Если лексема *чуждый* определяет что-либо как чуждое духовно, то *alien* – незнакомое, неизведанное, непривычное, внеземное и, следовательно, опасное.

Несовпадение семантических объемов заставило нас обратиться к The Oxford Thesaurus [9], на основе которого были отобраны все синонимы, относящиеся к английским эквивалентам: *different, other, strange, alien, foreign, distant, remote, extraneous, devoid* (на этом этапе было получено 204 синонима), определена частотность их появления в качестве синонимов и определен круг синонимов, частотность которых была выше или равна двум. В результате были получены 23 частотных синонима, вербализующих концепт ЧУЖДОСТЬ в английском языке: *different, unfamiliar, strange, dissimilar, separate, peculiar, bi-*

zarre, alien, exotic, distinct, foreign, outlandish, odd, unique, distinguishable, unusual, diverse, divergent, singular, extraordinary, unlike, unlike, weird. Далее работа велась с данными синонимами.

На следующем этапе был проанализирован и сопоставлен семантический состав русских ключевых синонимов: *иной – другой – чужой – дальний (далекий) – чуждый* и семантический состав выделенных выше 23 английских синонимов. В качестве материала для анализа послужили русские и английские толковые словари и национальные корпуса русского и английского языков. Подбор словарей учитывал период их выхода, что позволяло проследить динамику изменений в семантическом составе выделенных слов.

Итак, наиболее удаленными по времени толковыми словарями оказались словари В. И. Даля (впервые вышел в 1903 г.) [10] и Т. Ф. Ефремовой (2000 г. в.) [7], поэтому сравнение проводилось, в первую очередь, на их словарном фонде (словарь под ред. Д. И. Ушакова [11] послужил дополнительным источником, поскольку, например, слово *чуждый* в словаре В. И. Даля отсутствовало). Результаты анализа семантического состава синонимов *иной – другой – чужой – дальний (далекий) – чуждый* со всей очевидностью указали на значительные семантические изменения представленных слов. В частности, лексема *чужой* приобретает значение «отрешенный, отчужденный» [7]; указанное в словаре В. И. Даля значение слова *чужой* – «неродной» получает дополнительное значение «посторонний, не состоящий в близких отношениях»; *другой* – сему «один из неизвестных»; *чуждый* – «отчужденный, отрешенный» [10], [7]. Все значения лексемы *чуждый* в словаре Т. Ф. Ефремовой получают пометы либо «устар.», либо «перен.» (ср. 1. (устар.) принадлежащий другим; 2. (перен.) не обладающий чем-л.; 3. (устар.) не связанный родственными отношениями; 4. (перен.) далекий по духу; 4. (перен.) отчужденный, отрешенный) [7]; *другой* теряет сему «такой же, почти тождественный» и приобретает семантические значения: а) «отличный от прежнего»; б) «посторонний»; в) «не этот» [10], [7]; слово *дальний* приобретает значение «восходящий к общему предку не ближе, чем в третьем колене» [11], но уже в словаре Т. Ф. Ефремовой эта сема получает новое переосмысление – «имеющий мало общего с кем-либо или с чем-либо, чуждый кому-либо или чему-либо» [7], таким образом семантически сближаясь с лексемами *чужой* и *чуждый*.

Изменения со словом *чуждый* подтверждаются данными о тенденции к снижению его частотности в современном русском языке (согласно

национальному корпусу текстов); снижается частотность употребления слова *иной*, оно замещается словом *другой*; слова *иной* и *другой* чаще используются при перечислении и тяготеют к классу числительных. Анализ толковых словарей и национального корпуса русского языка позволил также прийти к выводу, что в современном русском языке концепт ЧУЖДОСТЬ наиболее полно вербализуется группой синонимов *чужой – дальний – чуждый*.

Следующим шагом стал анализ английских толковых словарей и национального корпуса английского языка. Как и в случае с русским словарным фондом, анализ проводился с учетом временного разрыва между словарями. В частности, данные OED [12] сравнивались с более современным материалом словарей: OALD [8], OALDCE [13] и CD [14]. По данным OED, наиболее совпадающими с семами русского языка, выделенными на основе анализа русских синонимов: *иной – другой – чужой – дальний (далекий) – чуждый*, оказались семы: 1) отнесенности к другой стране или месту (*foreign, strange, exotic, outlandish, alien*); 2) отнесенности по праву владения, собственности (*strange, peculiar, unfamiliar, odd, outlandish*); 3) отличия по форме, степени, характеру (*different, strange, peculiar, alien, bizarre, distinct, odd, unique, distinguishable, divergent, diverse, extraordinary, singular, unlike, weird*); 4) сравнение с чем-либо неизвестным, непривычным (*strange, unfamiliar, unusual, singular, weird*); 5) сопоставление с чем-либо отдаленным, взятым отдельно от других (*separate, foreign, outlandish*) [12].

Если проводить сравнение семантических составов русских и английских синонимических рядов, семами, отличными от выделенных русских сем, оказались: 1) избыточный объем признака (*strange – exceptionally great (in amount, degree, intensity)*); странный – чрезвычайно большой (по объему, степени, интенсивности); *extraordinary – exceeding something (in extent, amount, degree, size, etc.*; необычный – превосходящий что-либо (по степени, объему, размеру и т. п.); *singular – more than usual (in extent, amount, value)*; единственный (в своем роде) – больше обычного (по степени, объему, ценности); 2) то, что хорошо воспринимается органами чувств: (*distinct – clearly perceptible by the senses*; отличный (от) – отчетливо воспринимаемый органами чувств; *distinguishable – something perceived by the senses or the mind*; различимый – ясно воспринимаемый органами чувств); 3) отторгаемый вследствие отрицательных черт характера (*strange – unfriendly, distant, cold; reserved, not affable, or encouraging* (странный – недружелюб-

ный, отстраненный, холодный; сдержанный, неприветливый или не обнадёживающий); *peculiar* – odd, strange, queer (своеобразный – странный, необычный, чудаковатый); *alien* – adverse, opposed to, unsympathetic, unkind (чужой – враждебный, противостоящий, несимпатичный, недобрый); *bizarre* – extravagant, eccentric, whimsical, odd, strange (причудливый – экстравагантный, эксцентричный, причудливый, необычный, странный); *exotic* – strange, barbarous, uncouth (экзотический – странный, варварский, неотесанный); *foreign* – dissimilar, inappropriate (иностранный – непохожий, неуместный); *odd* – conformable, strange (странный – соответствующий, необычный); *outlandish* – odd, bizarre (иноземный, из другой страны – необычный, причудливый); *diverse* – adverse, perverse (разнообразный – враждебный, извращённый); *extraordinary* – admirable, astonishing (необычный – достойный восхищения, удивительный); *weird* – uncanny, strange, odd or fantastic (странный – сверхъестественный, странный, необычный, фантастический); 4) отличный во мнении: *singular* – differing from others in opinion (исключительный – отличающийся во мнении) [7], [8].

Согласно словарям OALDCE [13] и OALD [8], у рассматриваемых синонимов появляются новые значения: а) *different* получает сему «отдельно взятый»; б) у *strange* теряется сема «принадлежности к другой стране, месту или людям» и появляется сема «непривычный»; в) у *unfamiliar* отсутствует сема «принадлежности семье или дому», но появляется значение «недостаточно известный»; г) у *dissimilar* сравнение с несхожим приобретает обобщенный характер; д) *peculiar* теряет значение «имеющий особый характер» и получает сему «необычный, странный, неприятный»; е) у *separate* исчезают значения «отлученный от церкви» и «особенный для кого-то, что не может быть отнесено к другим», но возникает сема «существующий или происходящий независимо от других в ином физическом пространстве»; ж) *alien*: семы «принадлежащий другому человеку, семье, месту» и «странный, иностранный, не свой» исчезают; сема «другой природы, не сопоставимый» трансформируется в «странный, незнакомый»; при этом первой в списке становится сема «относящийся к существам с другой планеты, внеземной»; з) у *bizarre* коннотация смягчается: вместо «эксцентричный, причудливый, гротескный» появляется сема «очень странный, необычный»; и) *distinct* приобретает еще одно значение «то, что нельзя игнорировать, реальное»; к) *exotic* теряет сему «иноземный, дикий, странный, грубый»; л) *foreign*: сема «враждебный по характеру» меняется на «неестествен-

ный», а затем на «что-либо, что может быть приписано конкретному человеку», то есть становится ближе по значению к слову *чуждый*, чем *alien*; м) у *odd* первой в списке оказывается сема «странный, неожиданный», а сема «не способный делиться на два» становится последней; н) *outlandish* теряет значения: «иноземный»; «незнакомый, странный, чудной» и приобретает – «странный; такой, который сложно принять» [8], [12], [13].

Согласно проведенному анализу 13 из 23 синонимов претерпевают серьезные изменения в семантическом составе. В частности, отсутствуют семантические значения «принадлежности другой стране, семье, людям», а коннотация приобретает более нейтральный характер. Важно отметить, что эквивалентом слову *чуждый* становится слово *foreign*, а не *alien* или *extraneous*, как указывается в англо-русском словаре [6], так как у *alien* первой по значимости становится сема «relating to creatures from another planet, extra-terrestrial» ('относящийся к существам с другой планеты, внеземной') [14].

На следующем этапе проводился анализ имплицитных смыслов у выделенных синонимических рядов слов на материалах русского и английского ассоциативных словарей (далее данные приводятся относительно прямого и обратного словарей, обозначенных как ПС и ОС). Как показали исследования (здесь и далее мы говорим об ассоциативных парах, образованных с выделенными английскими и русскими ключевыми синонимами (указаны выше), объективирующими концепт ЧУЖДОСТЬ), в ассоциативном тезаурусе английского языка полностью отсутствуют ассоциативные пары между выделенными синонимами и любыми глаголами-реакциями [15] (в отличие от русского ассоциативного тезауруса, в котором в ассоциативные пары с *иной* – *другой* – *чужой* – *дальний* (*далекий*) – *чуждый* вступают не только глаголы (ср. *чужой* – *пришел* 2, *не брать* 1 (ПС), *чужое* – *брать* 4 (ПС) и т. п.), но и существительные, ассоциативно связанные с движением, например, *другой* – *путь* 4 (ПС), *чужой* – *странник* 2 (ПС)). Имеется множество ассоциативных пар: а) со словами-реакциями *equal*, *unequal*, *uneven* (равный, неравный, неравномерный), например, *different* – *unequal* 15 (ОС), 'отличный – неравномерный'; б) со словом-реакцией *separate* (отдельный) (ср. *different* – *separate* 10 (ПС), 'отличный – отдельный'); в) со словами-реакциями, имеющими префикс *out*, например, *outlandish*, *outlaw* (ср. *foreign* – *outside* 2 (ПС), 'иностранный – снаружи'. Приведенные примеры в русских ассоциативных реакциях не наблюдаются [16].

В английском тезаурусе много ассоциативных пар со словами-реакциями *individual* (индивид / индивидуальный), *person* (личность), *others* (другие), *people* (люди). Сравним: *different – individual* 2 (ПС), *separate – individual* 4 (ПС), *distinct – individual* 7 (ПС), *different – others* 6 (ОС), *peculiar – people* 2 (ПС), *separate – people* 2 (ПС); *foreign – people* 3 (ПС), *unusual – people* 2 (ПС); *diverse – people* 8 (ОС). Единственной ассоциативной парой со словом-реакцией *family* стал синоним *unfamiliar* (ср. *unfamiliar – family* 2 (ПС)) [15]. В то время как в русском ассоциативном тезаурусе мы наблюдаем такие слова-реакции, как *род*, *родной*, *дом* (ср. *чужой – дом* 5 (ПС), *другой – дом* 10 (ПС), *дальний – родственник* 5 (ПС), *иной – род* 1 (ПС)), если речь идет о людях, то наблюдаются ассоциативные пары не с обезличенным – *люди*, *индивид*, *личность*, а с конкретными представителями семьи или рода (ср. *чужой – муж* 5 (ПС), *друг*, *дядя*, *ребенок*, *студент* 1 (ПС); *другой – муж* (7), *мужчина*, *начальник* 1 (ПС) и т.п.) [16].

Часто встречаются английские ассоциативные пары со словом *foreign* или *race* (ср. *different – race* 3, *racism* 3 (ПС), *foreign* 20 (ОС); *strange – foreign* 2 (ПС), *foreign* 10 (ОС); *unfamiliar – foreign* 16 (ПС), *outlandish* 2 (ОС); *alien – foreign* 34 (ПС)) [15]; в русском ассоциативном тезаурусе их частотность гораздо ниже: *чуждый – иностранный* 1 (ОС), *чужой – иностранец* 1 (ПС), *другой – Англичанин* 1 (ПС), *иностранный* 2 (ОС) [16].

В русском ассоциативном тезаурусе большое количество ассоциативных пар образуется: а) со словами-реакциями, обозначающими предметы и явления (ср. *чужой – голос* 8, *берег* 3, *карман* 3 (ОС); б) с такими словами-реакциями, как *внешний / близкий* (ср. *чужой – внешний* 2 (ОС), *близкий* 1 (ПС)) [16]. В английском много ассоциативных пар со словами-реакциями *мутант*, *киборг*, *внеземной* и т. п. (ср. *strange – mutant* 3 (ОС), *mutation* 3 (ОС), *alien – space* 20 (ПС); *weird – mutant* 4 (ОС)) [15].

В английских ассоциативных парах можно повсеместно встретить огромное количество слов-реакций с ругательной коннотацией (ср. *queer*, *weirdo*, *freaky*, *quirky*, *wacky*, *eerie*, *wacko*, *wonky*, *fishy*, *quark*, *dorky*, *kinky*, *warped*, *goofy* и др. – ‘странный, чудаковатый, причудливый, изворотливый, сумасшедший, жуткий, чокнутый, подозрительный, тупой, извращенный’) [15]. В русском языке наиболее отрицательные реакции вызвало слово-стимул *чужой* (ср. *страшный* 2 (ПС), *пугающий* 1 (ПС)). Данный стимул также образовывал ассоциативные пары со словами,

имеющими идеологическую и враждебную коннотацию, например *буржуазный* 2 (ОС) [16].

Анализ английского ассоциативного тезауруса, в первую очередь, показал несовпадение нейтральной коннотации у узуальных значений рассматриваемых синонимов и ярко выраженной негативной коннотации у слов-реакций на выделенные синонимы-стимулы (ср. *different* 1. Having characters or qualities which diverge from one another; having unlike or distinguishing attributes; not of the same kind; not alike; of other nature, form or quality. 2. In a weaker sense used as a synonym for other, as denying identity, but without any implication of dissimilarity; not the same, not identical, distinct [12]; и такие слова-реакции как *freak* (‘чудак’) 22 (ОС), *black sheep* (‘паршивая овца’) 17 (ОС), *weirdo* (‘отморозок’) 13 (ОС), *misfit* (‘неудачник’) 12 (ОС), *queer* (‘странный, подозрительный’) 10 (ОС), *weird* (‘странный, сверхъестественный’) 10 (ОС), *quirky* (‘ушлый, ловкий’), *oddball* (‘чудак, сумасброд’) 9 (ОС), *quirk* (‘причуда’) 7 (ОС), *alien* (‘инопланетянин’) 6 (ОС) [15].

При сравнении ассоциативных пар с выделенными английскими и русскими синонимами в качестве стимульных слов оказалось, что основными имплицитными смыслами, закладываемыми в понимание чуждости в английской культуре стали консервативность, крайняя непримиримость к иному образу жизни, индивидуализм, обезличенность того, что отнесено к чуждому (чужому), отсутствие связи между своим – чужим и семьей, родом; ЧУЖДОСТЬ устойчиво ассоциируется с внеземным, инопланетным, непонятым, непознанным, в том числе иностранным. В то же время в русском языковом сознании ЧУЖДОСТЬ ассоциируется с конкретным человеком (мужем, студентом, преподавателем) или предметом (карман, дорога, автобус); реакция на иной, чужой, чуждый образ жизни, культуру, язык чаще нейтральная; ЧУЖДОСТЬ тесно связана с идеологией, религией.

Заключение

Согласно проведенному сопоставительному анализу, узуальные и имплицитные смыслы, обуславливающие понимание чуждости русским и английским этносами, оказываются часто противоположными. Если в русском языковом сознании чуждость оценивается и осознается с позиции духовности, соборности, при этом чуждое воспринимается нейтрально, то в английском языковом сознании оценка по принципу свой – чужой строится на рациональном подходе, при котором личное, индивидуальное, обособленное противопоставлено в равной мере внеземному,

непонятому и иностранному, иноземному; то, что не соответствует привычному, знакомому, то есть своему, воспринимается крайне негативно. Понимание и замена культурных лакун осмысленным подходом к иной культуре неизбежно снижает негативное восприятие чужого / чуждо-го.

Список источников

1. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.
2. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2019. 509 с.
3. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.10.2024).
5. Оксфордский русско-английский словарь под ред. М. Уилера. Москва: Баркалая и К0, 1994. 913 с.
6. Мюллер В. К. Полный англо-русский словарь. URL: https://gufo.me/dict/enru_muller?ysclid=m2rjfhxrr5714524136 (дата обращения: 03.10.2024).
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova?ysclid=m2px608qrk609314565> (дата обращения: 26.10.2024).
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2020. 936 pp.
9. The Oxford Thesaurus. 2nd edition. Oxford University Press, 1997. 1078 pp.
10. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: в 4 т. URL: <https://www.slovardalja.net/?ysclid=m2pxiuooyz306156021> (дата обращения: 26.10.2024).
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата обращения: 27.02.2024).
12. The Oxford English Dictionary. URL: https://archive.org/details/the-oxford-english-dictionary-all-volumes_202208 (дата обращения: 03.10.2024).
13. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1998. 1430 pp.
14. Cambridge dictionary: Essential British English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/основной-британский-английский/> (дата обращения: 03.10.2024).
15. Small World of Words (SWOW) [<https://smallworldofwords.org/ru/project/explore>] The Oxford English Dictionary. URL: https://archive.org/details/the-oxford-english-dictionary-all-volumes_202208 (дата обращения: 03.10.2024).
16. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. Москва: АСТ, 2002. 1776 с.

References

1. Losev, A. F. (1995). *Forma – Stil' – Vyrazhenie* [Form – Style – Expression]. 944 p. Moscow, Mysl. (In Russian)
2. Leont'ev, A. N. (2019). *Leksii po obshhei psikhologii* [Lectures on General Psychology]. 509 p. Moscow, Smysl. (In Russian)
3. Teliya, V. N. (1988). *Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoï kartiny mira* [Metaphorization and Its Role in Creating a Linguistic Picture of the World]. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. 216 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 03.10.2024). (In Russian)
5. *Oksfordskii russko-angliiskii slovar'* (1994) [The Oxford Russian-English Dictionary]. 913 p. Moscow, Barkalaya i Ko. (In Russian, in English)
6. Muller, V. K. *Polnyi anglo-russkii slovar'* [Complete English-Russian Dictionary]. URL: https://gufo.me/dict/enru_muller?ysclid=m2rjfhxrr5714524136 (accessed: 03.10.2024). (In English)
7. Efremova, T. F. (2006). *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1084 p. Moscow, AST. (In Russian)
8. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. 2020. 936 p. Oxford University Press. (In English)
9. *The Oxford Thesaurus*. 1997. 2nd edition. 1078 p. Oxford University Press. (In English)
10. *Tolkovi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V. I. Dallya* (1989) [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. I. Dal]. 699 p. URL: <https://www.slovardalja.net/?ysclid=m2pxiuooyz306156021> (accessed: 26.10.2024). (In Russian)
11. Ushakov, D. N. *Tolkovi slovar'* [Explanatory Dictionary]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (accessed: 02/27/2024). (In Russian)
12. *The Oxford English Dictionary*. URL: https://archive.org/details/the-oxford-english-dictionary-all-volumes_202208 (accessed: 03.10.2024). (In English)
13. Hornby, A. S. (1998). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 1430 p. Oxford University Press. (In English)
14. *Cambridge Dictionary: Essential British English Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/основной-британский-английский/> (accessed: 03.10.2024). (In English)
15. *Small World of Words (SWOW)* [<https://smallworldofwords.org/ru/project/explore>] The Oxford English Dictionary. URL: https://archive.org/details/the-oxford-english-dictionary-all-volumes_202208 (accessed: 03.10.2024). (In English)
16. *Russkii assotsiativnyi slovar'* (2002) [Russian Associative Dictionary]. 1776 p. Moscow, AST. (In Russian)

The article was submitted on 22.10.2024
Поступила в редакцию 22.10.2024

Суворова Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
РГУ нефти и газа (НИУ)
имени И. М. Губкина,
аспирант филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
проспект Ленинский, 65, корп. 1.
suvorlen@yandex.ru

Suvorova Elena Vladimirovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
National University of Oil and Gas
“Gubkin University”,
graduate student of the Philological Faculty of
Lomonosov Moscow State University,
65-1 Leninsky Propect,
Moscow, 119991, Russian Federation.
suvorlen@yandex.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-133-139

ЗООНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В НАРОДНО-ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ *КОНЬ*)

© Лилия Усманова, Ли Фэн

ZOONYMIC VOCABULARY IN FOLK SONG DISCOURSE (BASED ON THE LEXEME *HORSE*)

Liliya Usmanova, Li Feng

The article examines the functional and semantic features of the zoonym “horse” in the context of Russian lyrical songs and reveals the semantic volume and synonymous series of this word, actualizing various semantic features of the nomination object and indicating a functionally oriented view of a person on a horse as a means of transport, draft force, comrade in arms or a mystical animal associated with the other world. The article describes the ethnic originality of the song verbalization of this nominative, presented at the level of contextual environment and symbolic understanding. We reveal the stereotypes associated with national-cultural and mythological views of the Russian ethnos, characterizing the typical compatibility of this lexeme in the texts of Russian folk songs. Along with the semantic aspect of the analysis, we make observations on the specifics of syntactic constructions, in which the object of observation appears. The article indicates the most frequent constructions with this lexeme and determines their pragmatic focus taking into account the specifics of the song genre. We have come to the conclusion about the uniqueness of the textual implementation of the nominative “horse” in folk song discourse and the anthropocentric orientation of its representations, since through the prism of descriptions, addresses, etc. within the framework of folklore, the personal axiological picture of the world is revealed.

Keywords: ethnic identity, folklore, folk song discourse, Russian song, zoonyms

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности зоонима «конь» в контексте русских лирических песен, выявляется семантический объем и синонимический ряд данного слова, актуализирующие различные семантические признаки объекта номинации и указывающие на функционально ориентированный взгляд человека на коня как транспортное средство, тяговую силу, боевого товарища или мистическое животное, связанное с потусторонним миром. Описывается этническое своеобразие песенной вербализации данного номинатива, представленное на уровне контекстного окружения и символического осмысления. Выявляются стереотипные образы, связанные с национально-культурными и мифологическими воззрениями русского этноса и дается характеристика типичной сочетаемости данной лексемы в текстах русских народных песен. Наряду с семантическим аспектом анализа приводятся наблюдения над спецификой синтаксических конструкций, в которых фигурирует объект наблюдений. Отмечаются наиболее частотные конструкции с данной лексемой и определяется их прагматическая направленность с учетом специфики песенного жанра.

Авторы приходят к выводу о своеобразии текстовой реализации номинатива «конь» в народно-песенном дискурсе и антропоцентрической направленности его репрезентаций, поскольку сквозь призму описаний, обращений и т. п. в рамках фольклора проявляется ценностная картина мира самого человека.

Ключевые слова: этническое своеобразие, фольклор, народно-песенный дискурс, русская песня, зоонимы

Для цитирования: Усманова Л., Ли Фэн. Зоонимическая лексика в народно-песенном дискурсе (на примере лексемы *конь*) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 133–139. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-133-139

Важнейший предмет исследования лингвокультурологии – единицы языка, имеющие символическое, образно-метафорическое значение в

культуре. В связи с этим интерес представляют тексты, которые имеют особенно тесную связь с

культурой народа, например, такие, как народные песни.

Актуальность нашего исследования объясняется тем, что в песенном творчестве как продукте коллективного народного и индивидуального творчества в наиболее яркой, образной форме запечатлены традиционные, прошедшие испытание временем суждения, оценки, взгляды носителей языка, отражены особенности их мировидения и мировосприятия. Заметное место в составе русских песен занимают сюжеты о животных, которые формируют в значительной степени зооморфный код русской культуры и ментальности. В них метафорически (через образы животных) характеризуются те или иные индивидуальные, личностные качества человека.

Русская народная песня, являя собой текст с национальной системой ценностей, некий код к Космо-Психо-Логосу этноса [1], выполняет интегративную нагрузку, с одной стороны, сохраняя и транслируя накопленный опыт следующим поколениям, а с другой – «способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая возможность единения живших и живущих» [2, с. 11]. И большой пласт слов-наименований животных, иерархически организованный и представляющий собой множество названий млекопитающих, птиц, земноводных, пресмыкающихся, рыб и других животных, в том числе сказочных, мифологических чудовищ, фантастических животных-персонажей и др. [3, с. 396], является отражением национально-культурных представлений об окружающем мире на разных этапах развития человеческого знания: начиная от самых древних с доминированием мифологических воззрений, тотемных культов, обрядов, ритуалов, разных исторических событий в те или иные периоды существования народа и заканчивая современными представлениями человека о мире и себя в нем.

В современной лингвистике до сих пор нет однозначности по поводу статуса данных слов. А. И. Киприянова отмечает, что как объекты первичной номинации они тяготеют к сфере терминологии, но в переносном значении «эти зоонимные единицы получают „заряд“ образности и эмоциональности, тем самым становясь широкоупотребительными <...>, придавая языку идиоматичность» [4, с. 94].

Возможность слова соотноситься с денотатом-неживотным дает основание некоторым ученым выделять среди зоонимов «зоолексемы», «зоосемизмы» (прямое наименование животного), «зооморфизмы», «зоометафоры» (метафоризированные зоонимы), «зоонимосодержащие» лексемы (лексико-семантический вариант зоо-

нима) и др. Данные факты говорят о тенденции усиления антропоморфичности семантической структуры зоонимов, что является отражением бытовавших и бытующих стереотипов, символов, эталонов, составляющих зооморфный код культуры. Их изучение может выявить культурно значимый смысл образа того или иного животного, а через него описать аксиологию русской культуры, актуальные для мировосприятия аспекты бытия.

Исследование зоонимов в русском народно-песенном дискурсе как модели, интегрирующей «господствующие ценностные идеалы и нормы посредством бинарных вербальных концептов: слова и звука» [5, с. 10], открывает широкие возможности для характеристики их образно-семиотической природы и выявления языковых особенностей данных номинативов.

В свою очередь, народная песня как синкретичное явление способна интегрировать в себе современные и архаичные языковые формы, присущие литературному языку и диалектным разновидностям национального языка, а также явления урегулированной и спонтанной речи, что делает данный тип коммуникации интересным объектом для изучения лингво- и социокультурных аспектов и принципов языкового оформления феномена песни.

Таким образом, рассмотрение зоонимической лексики в контексте русской народной песни, с одной стороны, способствует более глубокому пониманию духовного и практического опыта народа, с другой – поможет описать доминантные черты языковых явлений народно-песенного дискурса и выявить особенности речевого поведения данной группы слов.

В данной работе мы опирались на сборник «Русские народные песни» А. Широкова [6]. Было проанализировано порядка 1200 текстов песен и частушек, в которых было выделено 240 зоонимов.

Проведенный анализ эмпирического материала показал, что наиболее частотной в нашем материале среди всех наименований домашних животных является лексема *конь*. Это и оправданно, поскольку данное животное издревле имело особый статус: в контексте русского фольклора конь как культурный символ выступает в образе боевого товарища, помощника, вещего животного и других культурно-значимых понятий.

В русском языке существует целый ряд лексем, включающих различные семантические признаки наименований данного животного: средство передвижения, назначение, скорость, физиологические характеристики (масть, пол,

порода) и др. Так, в словаре Н. Абрамова дается следующий синонимический ряд к лексеме *лошадь*: *лошадь* (*верховая, выездженная, вьючная, доброезжая, упряжная*), *конь* (*битюк, рысак, скакун, коренник* (*коренная*), *пристяжная; жеребец, жеребенок, кляча, кобыла, мерин, пони, иноходец*), *буцефал, пегас, россинант; одер* [7, с. 173]. Кличка животному часто дается по его масти: *бурка, гнедко, савраска, сивко, серко* и т. п. [Там же]. Как видно из приведенного списка наименований, большинство из них соотносится с функцией коня как транспортного средства или же тягловой силы, что является указанием на реалии конца XIX – начала XX веков – время сбора материала и издания упомянутого словаря.

Ретроспективную картину мира русского народа можем также составить, опираясь на словарь В. Даля, где приводятся названия, относящиеся к данному животному, с точки зрения возраста: *лоншак* – годовалый жеребенок, *стригун* – трехлетний (так как остригают гриву в этом возрасте); степени обьеженности: *дикая лошадь* имеет названия *тарпан, джигетай, кулан*; отношения человека: *комонь* – лошадь добрая, не кляча; особ. верховая лошадь» [8, с. 336].

По замечанию В. Даля, значимость этого животного как транспорта выявляется в таких характеристиках, как *скакун, скаковой*, то есть предназначенный для скачки, легкий и скорый на скаку; *беговой* – у которого сильная побегка, *рысь* или *иноходь, рысак* и *иноходец*; *конь шагистый* – с крупным шагом; *конь с ходою* – у которого шаг частый, близкий к рыси [Там же]. Широкий спектр наименований этого животного – индикатор «высокой номинативной плотности концепта конь / лошадь, обусловленной значимостью денотата в действительности XIX века» [9, с. 224].

В словаре В. Даля лексема *лошадь* получает широкое толкование: «вообще конь; особ. не жеребец и не кобыла, мерин» [8, с. 374], без указания на пол животного. Также данный источник указывает на характеристики лошади, демонстрирующие возможные способы ее эксплуатации: *упряжная, верховая, вьючная*, а первая: *коренная, пристяжная, дышельная, выносная (подседельная и подручная)* [8], что подтверждает факт широкого применения данного животного в жизни человека.

Помимо указанных аспектов, в словаре синонимов А. Ю. Кожевникова содержатся аксиологические характеристики данного животного, демонстрирующие отношение человека к нему как к эмоциональному, так и к материально ценностному объекту: крестьянская: *коняга* (прост.), *коник* (прост.), *коняшка* (прост.), *саврас* (разг.),

савраска (разг.), *сивка* (разг.), *сивко* (разг.); плохая: *кляча* (разг.), *лошаденка* (разг.), *одер* (разг.), *шкапа* (прост.) и также приводятся народно-поэтические наименования данного животного: *сивка-бурка* (народ.-поэт.), ~ *борзый конь* (народ.-поэт.), *сивка-бурка веющая каурка* (народ.-поэт.) [10, с. 331].

Знаменательно, что необычная, смешанная масть сивки-бурки вещей каурки (сочетание сивого (седого), бурого и каурого (рыжего, коричневого)), которую в реальной жизни никогда не встретить, и его способности предвидеть будущее актуализируют данные о коне как «одном из наиболее мифологизированных животных, воплощавшем в народном сознании связь с миром сверхъестественного, „тем светом“, соотносясь «одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом» [11, с. 590].

В контексте русских народных песен адъективы, указывающие на цвет шерсти коня, представлены достаточно широко, что указывает на значимость визуального восприятия данного животного в русском языковом сознании. Эпитеты, обозначающие масть коня, представлены в нашем материале прилагательными: *карь* (*карий*), *серый, вороной* (*вороновыи*), *гнедой, буланый, белогривый* (последнее можно воспринимать как косвенное указание на масть коня): *Как во поле дороженька, там карь конь пасся* («Как на дубе позолоченном»); *Ой, конь мой, конь, мой серый конь, / Что стоишь печален?»* («Ой, конь мой, конь»); *Конь вороной, копыта звенят, / Сам по полю гарцует* («Ах, ты, степь широкая»); *По двору ходила / Коника водила, / Коня вороного Милого своёго* («По двору ходила...»); *Едет милый с Дону, голубчик домой, / Под конь вороновыи – черкесский убор* («Едет милый с Дону»); *Не морозь меня, моего коня, / Моего коня белогривого* («Ой, мороз-мороз»); *Ох, как лошадушки у них, / Э...ой да, всё буланые, / Э...ой да, всё буланые* («Звонит звонок, и тройка мчится») [6] (здесь и далее разрядка наша – Л. У., Л. Ф.).

Песня, будучи источником информации об образе жизни, ценностях и установках носителей языка, передает в том числе сведения о важности коня / лошади как главного транспортного и тяглового животного для людей. Конь в дореволюционной России был показателем достатка в доме, символом мужской силы, и, соответственно, его отсутствие расценивалось как слабость, ущербность хозяина. В нашем материале есть факты, свидетельствующие о равноценности коня и жены хозяина: *У мово мужа, эх, коня не было, / Коня не было да.. ах, ехать не на чем. / - Уж ты милый мой, эх, друг – душа моя, / Ты заложи*

меня, да ты... ты купи коня, / Ты заложи меня, эх, ты купи коня, / Службу выслужишь, да ме... ах, меня выкупишь («Над Москвой заря занималась»); Дам коня, дам кинжал, / Дам винтовку свою, / А за это за все / Ты отдай мне жену («Хас-Булат удалой») [Там же].

В качестве транспортного средства конь рассматривался с древнейших времен. Такие значимые для человека качества коня, как скорость, быстрота, реализуются в нашем материале на уровне контактной и дистантной (контекстной) сочетаемости, при этом семантические связи слов ориентируются на все лексико-грамматические разряды слов, перекрывая их частеречную принадлежность. Семантическим «партнером» лексемы *конь* могут быть не только адъективы, субстантивы и глагольные лексемы, но и адвербиальные, призванные комплексно и целостно передавать идею движения, устремленности, выходящую за рамки словосочетания в более широкий контекст: *Люблю сани с подрезами, / А коня – за быстроту* («Зашумели в саду ели»); *Лишь вздрогнувши от удара, / Конь быстрее поскакал* («Подуй, подуй, непогодушка»); *Конь ретивый меня понес, / Через лес, через поля* («Ой, да ты, калинушка»); *Звонок замолк, и пар клубится / С коней ретивых, удалых* («Звенит звонок, и тройка мчится») [Там же].

Характерно, что семантика быстрого движения наряду с эпитетами *ретивый, борзый*, глаголами *летит, мчится, несется / понес, торопится*, наречием *быстро*, может передаваться посредством сравнительных оборотов, отсылающих к древним представлениям славян о коне как животном, связанном с воздушной стихией: *Верный конь, скачи скорей / И как вихорь мчися...* («Кончен, кончен дальний путь»); *Я принял пакет – и скорей на коня, / И по полю вихрем помчался* («Когда я на почте служил ямщиком») [Там же].

А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» указывает на этимологическую связь древних названий этого животного с природными стихиями и явлениями природы: «названия, данные человеком этому животному, указывают на скорый бег: санскр. *aśva* (муж. рода), *aśvā* (жен.) – лошадь имеют корнем *aś* – *penetrate*, *penetrate*; в Ведах *aśu* – быстрый; *aśuga* – ветер и стрела <...> кобыла ... санскр. *śarala* – быстрый – от корня *śar*, *śamr* и *kar*, *kamr* <...> буйные ветры, ходячие облака, гроззовые тучи, быстромелькающая молния – все эти различные явления на поэтическом языке назывались небесными конями <...> скорый, стремительный бег коня сближается с полетом стрелы» [12, с.

592; 611]. При этом автор отмечает, что данные древние названия не сохранились у славянских племен и были заменены заимствованиями от татар, «которые славились в старину своими конями» [Там же, с. 592].

Идея быстрого движения позволила в народном сознании сблизить коня не только с природными стихиями, но и с птицами. В нашем материале достаточно примеров, где глагол *летать* употребляется в отношении коня: *Ты лети, лети, мой конь, / Лети, торопись* («Уж ты зоренька, заря»); *Тройка, тройка, птица-тройка, / Конь ретивый, лети-лети!* («Тройка») [6]. Идея связи с небом через олицетворение коня с воздушной стихией и ее обитателями соседствует в народном сознании с противоположной характеристикой – восприятием его как хтонического существа, связанного со смертью и потусторонним миром. Коня могут представлять в образе лихих (злых, опасных) зверей или движимых нечистой силой: *Кони быстро неслись, словно звери лихи, / Иль несли их нелегкая сила* («Рассказ ямщика») [Там же]. Здесь прилагательное *лихой* употреблено в значении «приносящий беду, злой, тяжкий». В содержании таких эмоционально-экспрессивных лексем наряду с указанием на предметно-понятийную соотнесенность дается информация об отношении человека к животному, что в целом призвано усиливать воздействие на слушателя.

Следует отметить, что лексема *тройка*, достаточно частотная в нашей картотеке примеров, являясь вербализатором потенциальных свойств коня, эксплицирует способ упряжки трех лошадей в ряд, предназначенной для быстрой езды на длинные расстояния и доставки почты в дореволюционной России. Известно, что с развитием железных дорог и появлением автомобилей тройка утратила свою лидирующую роль в перевозках.

В русских народных песнях образ тройки приобретает особую поэтичность и символическое значение. Тройка олицетворяет не только саму упряжку, но и характер русского народа, его особое восприятие мира и жизни. С описанием тройки всегда связана динамичность движения, представленная разнообразным контекстуальным окружением рассматриваемой лексемы: *Ах, тройка, тройка, пристяжная, / Куда несешь меня, родная?* («Не бушуйте вы, ветры буйные»); *Тройка, тройка, бубенцы звенят, / Кони мчат, снег под полозьями* («Ух ты, зимушка-зима») [Там же]. Ощущение стремительного движения, полета,

порыва и удали создается за счет соответствующих «партнеров» исследуемой лексемы.

Актуализация семы «рабочая лошадь», которая реализуется при употреблении данного наименования, часто совмещается в рассматриваемых контекстах с интенсификацией движения за счет слов, содержащих сему «высокая скорость»: адъективов *бешеная, лихая*; глаголов *мчится, несется, скачет*; сравнительных оборотов *вихрем мчится*, а также выходом в более расширенный контекст с описанием результата быстрого движения – *вьется пыль из-под копыт; несется пыль по столбовой* и т. п.: *Вот мчится тройка почтовая / По Волге-матушке зимой <...> Вот мчится тройка удалая / Вдоль по дороге столбовой* («Вот мчится тройка удалая»); *Звонит звонок, и тройка мчится / Несется пыль по столбовой; / На крыльях радости стремится / В дом кровных воин молодой. / «Звени, звени, звонок, громче! / Лихая тройка, вихрем мчись* («Звонит звонок, и тройка мчится»); *Тройка мчится, тройка скачет, / Вьется пыль из-под копыт* («Тройка мчится, тройка скачет») [Там же].

Высокая скорость русской тройки – отличительная черта, выделяющая ее среди других способов упряжки необыкновенной скоростью, выносливостью лошадей, высокой грузоподъемностью, что делало ее поистине уникальной и не имеющей аналогов в мире. Успех тройки заключался в числе прочих в хорошем состоянии коней, предполагающем их психофизиологические характеристики, что может выражаться в нашем материале прилагательными *крепкий, здоровый, сытый, бойкий, веселый* и т. п.: *Не нагнать тебе бешеной тройки: / Кони крепки, и сыты, и бойки* («Что ты жадно глядишь на дорогу»); *Мой конь болезни не боится, / Здоров и весел смотрит он; / Ему на месте не стоит, / Копытом грозно землю бьет* («О чем задумался, служивый?») [Там же]. Выход в расширенный контекст позволяет составить более цельное представление о животных на уровне имплицитных смыслов и ассоциативных связей: тройку не догнать, потому что кони в хорошей физической форме; нетерпеливая готовность тронуться в дорогу вследствие избытка жизненных сил у коня и т. д. В каждой представленной ситуации лексема *конь* является неким центром, отправной точкой, от которой расходятся смысловые линии, актуализируя потенциальные семы и скрытые возможности языка.

Другим важным качеством коня являются смелость и отвага. Из-за его бесстрашия, стойкости и выносливости конь издревле считался символом физической и психической силы. В нашем

материале данные качества нашли отражение в сочетаемости с прилагательными *удалой, лихой*. При этом адъектив *лихой* в этих контекстах несет в себе смысловую нагрузку, противоположную представленной выше: «молодецкий, удалой», демонстрируя результат развития полярных семантических оттенков у слова – энантиосемию: *Потом соскочил с удалого коня* («Когда я на почте служил ямщиком»); *Сел на коня лихого, / Уехал в дальний край* («По Муромской дорожке»); *Молодые, эх, удалые, / Эх, гривачи мои!* («Что так скучно, что так грустно») [Там же]. Отметим здесь употребление перифразы *гривачи* для номинации коня, что указывает на важность не только масти животного в песенном дискурсе, но и других характерных особенностей его внешности, а именно, гривы как воплощения красоты и грации.

Стереотипные представления о коне и связанные с ним ассоциации отражаются также через такие понятия, как «верность» и «преданность». В нашем материале данная ассоциативная линия разворачивается благодаря употреблению с прилагательным *верный*, номинативов *дружок, товарищ* и т. п.: *Верный конь, скачи скорей / И как вихорь мчися* («Кончен, кончен дальний путь»); *Выйди, мериночек, на лужок, / Побегай, мой дружок. / Дам тебе я сена-овса, / Будешь сыт, мой дружок* («Поехал казак на чужбину»); *Уж ты, конь, ты мой конь, ты товарищ мой* («Уж ты, поле мое») [Там же].

Особенности рассматриваемой лексемы прослеживаются не только на семантико-функциональном уровне, но также ярко представлены на уровне синтаксиса. Так, обращает на себя внимание принцип повтора, являющийся важнейшим приемом организации народных лирических песен. Данный принцип «всецело и вполне согласуется с особенностями ее синтаксиса и мелодической структуры» [13, с. 63]. Кроме лексико-стилистических повторов, представленных выше (*конь, ты мой конь* и др.), наблюдаются разные виды синтаксического параллелизма, усиленного лексическим повтором: *Оседлавши коня, / Коня вороного, / Оседлавши коня, / Коня вороного, / Со двора съезжает* («Сизый голубочек сидел на дубочке») или основанного на одинаковом синтаксическом построении предложений: *О чем задумался служивый? / О чем тоскуешь, удалой? / Иль служба-матка надоела? / Иль захворал твой конь гнедой? (О чем задумался, служивый)* [6].

Принципы синтаксического повтора и синтаксического параллелизма тесно связаны с поэтическим параллелизмом, основанном на тесной и ус-

тойчивой связи мира природы с внутренним миром человека, его эмоциями и переживаниями. А. Н. Веселовский описал общую схему психологической параллели, отметив, что при сопоставлении двух мотивов «один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием» [14, с. 144]. Образ коня выступает вестником смерти лирического героя, подтверждая фольклорную связь коня с загробным миром: *Уж ты, конь, ты мой конь, ты товарищ мой, / Ты беги, беги по дорожке вдоль, / К отцу, к матери, к молодой жене. / Ты скажи жене, что женился я, / Что женила меня пуля быстрая, / Обвенчала меня сабля вострая* («Уж ты, поле мое») [6].

Итак, специфика текстовой репрезентации рассматриваемой лексики представлена в нашем материале на уровне контекстного окружения, актуализирующего значимые для человека признаки коня как транспортного средства, рабочей силы, боевого товарища или как хтонического существа. Подобная функциональная направленность восприятия человеком этого животного выявляет антропоцентрический подход в вербализации зоонимов в русском песенном жанре, так как описания животных являются «окном» во внутренний мир человека.

Список источников

1. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
2. Сиссе Кумба. Антропоцентрический потенциал зооморфного кода названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора: дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2021. 153 с.
3. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / [Н. Ю. Шведова и др.]; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2014. 442 с.
4. Киприянова А. А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремологии русского, английского, французского и новогреческого языков): дис. ... канд. филол. наук: Краснодар, 1999. 218 с.
5. Алексеева О. И. Русская народная песня как этнокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Белгород, 2006. 25 с.
6. Русские народные песни и частушки / составитель А. Широков. М.: «Композитор». 2002. 608 с.
7. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Печатное издание. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
8. Даль В. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2013. 736 с.
9. Исаева Л. А., Енатко Т. А. Лексико-семантическое поле вербализаторов концепта КОНЬ / ЛОШАДЬ: общекультурная и региональная специфика // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 221–233.
10. Кожеевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. В 2-х тт. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. Т. 1. 448 с.
11. Славянские древности: этнолингвистический словарь в пяти томах, Том 2 / Толстой Н., Агапкина Т. А. М.: Международные отношения, 1995. 697 с.
12. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М.: «Индрик», 1994. 800 с.
13. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 221 с.
14. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Ин-т лит. Акад. наук СССР. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.

References

1. Gachev, G. D. (2007). *Kosmo-Psikho-Logos: Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World]. 511 p. Moscow, Akademicheskii projekt. (In Russian)
2. Sisse Kumba. (2021). *Antropotsentricheskii potentsial zoomorfnoogo koda nazvaniy zhivotnykh v dukhovnom krugozore nositelei russkogo fol'klora: dis. ... kand. filol. nauk* [The Anthropocentric Potential of the Zoomorphic Code of Animal Names in the Spiritual Horizons of Russian Folklore Bearers: Ph.D. Thesis]. Voronezh, 153 p. (In Russian)
3. *Russkii semanticheskii slovar': Tolkovyi slovar' sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* (2014) [Russian Semantic Dictionary: Explanatory Dictionary Systematized by Word Classes and Meanings]. N. Yu. Shvedova i dr.; pod obshh. red. N. Yu. Shvedovoi. 442 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
4. Kipriyanova, A. A. (1999). *Funktsional'nye osobennosti zoomorfizmov (na materiale frazeologii i paremiologii russkogo, angliiskogo, frantsuzskogo i novogrecheskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Functional Features of Zoomorphisms (based on phraseology and paremiology of Russian, English, French and Modern Greek): Ph.D. Thesis]. Krasnodar, 218 p. (In Russian)
5. Alekseeva, O. I. (2006). *Russkaya narodnaya pesnya kak etnokul'turnyi kontsept: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk* [Russian Folk Song as an Ethnocultural Concept: Ph.D. Thesis Abstract]. Belgorod, 25 p. (In Russian)
6. *Russkie narodnye pesni i chastushki* (2002) [Russian Folk Songs and Ditties]. Sostavitel' A. Shirokov. 608 p. Moscow, Kompozitor. (In Russian)
7. Abramov, N. (1999). *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii* [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions]. Pechatnoe izdanie. 431 p. Moscow, Russkie slovni. (In Russian)
8. Dal' V. (2013). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: A Modern Version]. 736 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

9. Isaeva, L. A., Epatko, T. A. (2022). *Leksiko-semanticeskoe pole verbalizatorov kontsepta KON' "LOShAD'": obshhekul'turnaya i regional'naya spetsifika* [Lexical-Semantic Field of Verbalizers of the Concept HORSE: General Cultural and Regional Specificity]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. T. 65, pp. 221–233. (In Russian)
10. Kozhevnikov, A. Yu. (2003). *Bol'shoi sinonimicheskii slovar' russkogo yazyka. Rechevye ekvivalenty: prakticheskii spravochnik* [Large Synonymous Dictionary of the Russian Language. Speech Equivalents: A Practical Handbook]. V 2 tomakh. T. 1. 448 p. St. Petersburg, Izdatel'skii Dom Neva. (In Russian)
11. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* (1995) [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. V 5 tomakh. T. 2. N. Tolstoi, T. Agapkina. 697 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)
12. Afanas'ev, A. I. (1994). *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of the Slavs on Nature]. V 3 tomakh. T. 1. 800 p. Moscow, Indrik. (In Russian)
13. Lazutin, S. G. (1981). *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian Folklore]. Ucheb. posobie dlya filol. fak. un-tov. 221 p. Moscow, Vyssh. Shkola. (In Russian)
14. Veselovskii, A. N. (1940). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. In-t lit. Akad. nauk SSSR. 648 p. Leningrad, Goslitizdat. (In Russian)

The article was submitted on 04.12.2024
Поступила в редакцию 04.12.2024

Усманова Лилия Аббаровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
usmanova77@rambler.ru

Ли Фэн,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
f3n1i@yandex.ru

Usmanova Liliya Abrarovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
usmanova77@rambler.ru

Li Feng,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
f3n1i@yandex.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-140-146

КОНЦЕПТ КУХНИ В СУЕВЕРНЫХ ПРИМЕТАХ

© Наиля Фаттахова

THE CONCEPT OF *KITCHEN* IN SUPERSTITION SIGNS

Nailya Fattakhova

The article considers the function specifics of the *kitchen* concept in the television series “The Blind” and “The Fortune Teller”, focused on the ritualization and sacralization of familiar and everyday objects and foodstuffs. The main purpose of the work is to identify the general patterns of formation and the concept functions of *kitchen* in television discourse, to establish the core and periphery of the conceptual field. To this end we should take into account the strategies and tactics of using superstition signs in television discourse. New, television, signs are formed according to the basic models of traditional signs, based on such principles as prediction, similarity and conditional-consequential semantics. Their specificity lies in the fact that they are focused on modern norms of everyday behavior. The analysis of television discourse makes it possible to identify a number of functions of modern superstition signs, such as prognostic, regulatory and identifying, which contribute to understanding why they underlie TV series. A superstition sign is considered as a script of the TV series based on everyday life situations, whose prediction actualizes the conceptual space of the *kitchen* token, enabling us to identify certain discrepancies with the traditional scheme of folk signs. We have found that the same sign can highlight different scenarios, schemes, frames through the prism of cultural, mental and social perception. The study is based on superstition signs (more than two hundred units), related to the concept of *kitchen*.

Keywords: television discourse, concept *kitchen*, superstition signs, block diagram, principle of analogy

Статья посвящена рассмотрению специфики функционирования концепта *кухня* в телевизионных сериалах «Слепая» и «Гадалка», ориентированных на ритуализацию и сакрализацию привычных и обыденных предметов и пищевых продуктов. Основная цель работы – выявить общие закономерности формирования и функционирования концепта *кухня* в телевизионном дискурсе, установить ядро и периферию концептуального поля. Особенность реализации данной цели связана с необходимостью учета стратегий и тактик использования суеверных примет в телевизионном дискурсе. Новые, телевизионные, приметы формируются по основным моделям традиционных примет с учетом таких принципов, как предсказательность, аналогичность и условно-следственная семантика. Специфичность их состоит в том, что они ориентированы на современные нормы бытового поведения. Установлено, что анализ телевизионного дискурса позволяет выявить ряд функций современных суеверных примет, таких как прогностическая, регуляторная, идентифицирующая, способствующих пониманию того, почему суеверные приметы лежат в основе сериалов. Суеверная примета рассматривается как сценарий сериала, основанный на бытовых, жизненных ситуациях, прогнозирование которых актуализирует концептуальное пространство лексемы *кухня*, помогая выявить определенные расхождения с традиционной схемой народной приметы. Выявлено, что одна и та же примета способна высвечивать различные сценарии, схемы, фреймы сквозь призму культурного, ментального и социального восприятия. Материалом для исследования послужили суеверные приметы (более двухсот единиц), соотнесенные с концептом *кухня*.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, концепт *кухня*, суеверные приметы, структурная схема, принцип аналогии

Для цитирования: Фаттахова Н. Концепт *кухня* в суеверных приметах // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 140–146. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-140-146

Интерес к кулинарно-гастрономическому, или пищевому, коду культуры становится устойчиво актуальным как в одном конкретном языке

(М. Л. Ковшова, М. В. Добровольская, Е. Л. Березович, В. Н. Топоров, М. В. Гаврилова и др.), так и в сопоставительно-типологическом аспекте

(Ф. Х. Тарасова, О. А. Дормидонтова, М. В. Ундритова и др.), поскольку данный код может рассматриваться как базовый, основной, код культуры. Обсуждение проблемы его репрезентации вне контекста суеверных примет представляется невозможным, поскольку *голод / еда* являются самыми древними инстинктами человека, нашедшими первоначально вербализацию именно в приметах. Анализ работ, посвященных пищевому коду культуры, свидетельствует о том, что суеверные приметы привлекали и привлекают внимание лингвистов, антропологов, фольклористов, социологов, психологов, однако новые, телевизионные, приметы практически не исследованы и не описаны.

Идентификация пищевого кода предполагает учет соотношения энциклопедических и языковых знаний, с одной стороны, и исследование имплицитных смыслов, передающих определенную национально-культурную информацию, поскольку пресуппозиции способны высветить закодированную, древнюю, информацию, с другой стороны.

Слово, репрезентирующее концепт *кухня*, в своем основном значении определяется как «отдельное помещение (в доме, квартире) с печью, плитой для приготовления пищи» [1, с. 316], включающей дифференциальные значения: «комплект мебели для такого помещения»; «подбор кушаний» [Там же, с. 316]. Кухня – это «повседневная бытовая реальность» [2, с. 259], поэтому не случайно появляются нормы и правила бытового поведения на кухне, которые касаются прежде всего взаимоотношений членов семьи, действий и манипуляций с предметами и едой, которые находятся на кухне.

Стратегия пищевого поведения человека на кухне в телевизионном дискурсе, с одной стороны, имплицитно ориентирована на мифологическое представление о взаимосвязи еды и человека, с другой – на базовые характеристики народных примет, включающие такие семантические признаки, как условно-следственное значение, предсказательность, аналогичность, обобщенность. Предполагается, что любая примета базируется на определенной модели или схеме, отражающей представление о мире, что позволяет формировать социальное поведение субъекта в определенном пространстве. Специфика становления наивной этики поведения на кухне отражена в суеверных приметах, зафиксированных в месяцесловах, календарях примет, сборниках пословиц, поговорок и примет. Несмотря на то, что приметы и суеверия в подобных сборниках часто рассматриваются как разные фольклорные единицы, четкой границы между ними нет, поскольку

ку в основе и примет, и суеверий лежит одна и та же схема «Если А, то предсказывает В». Собственно, приметы основаны на долгосрочных наблюдениях, к ним мы относим метеорологические и сельскохозяйственные приметы, в которых в целом отражается объективная картина условно-следственных отношений. Специфика функционирования подобных примет в разнотипных языках рассмотрена в работах Н. Н. Фаттаховой, М. А. Кульковой, К. Р. Вагнер, Н. И. Федоровой и др., ориентированных на изучение семантики, синтаксиса и прагматики «объективных» примет. Приметы определяются как «устойчивые конструкции, в которых запечатлен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [3, с. 40]. Анализ суеверных, бытовых примет требует учета не только эксплицитной, внешней, структуры, но и имплицитной, сохраняющей отсылку к древним традициям, верованиям, ритуалам и обычаям. Подобный подход предполагает использование, кроме концептуального анализа, таких методов, как ассоциативный, оппозитивный и прототипический.

Суеверные приметы (как правило, бытовые или профессиональные) предполагают слепую веру в то, что разного рода предметы, вещи или действия самого человека могут привести к удаче / неудаче, счастью / несчастью, успеху / неудаче, богатству / бедности и пр., если не соблюдать правила поведения в определенном пространстве или во взаимоотношениях с другими людьми. Основной для них выступает схема «Нельзя А, иначе предвещает В», ориентированная на семантику запрета, тем не менее данная вариативная схема входит в общую, интегральную, схему «Если А, то предсказывает В», сравните: *Нельзя за внуком еду доедать – силу у него отберешь / Если за внуком еду доедать, силу у него отберешь* [4]; *Нельзя молоко на ночь пить – плохая примета, к обману / Тот, кто молоко на ночь пьет, всегда обманут будет / Если молоко на ночь пить, обманутым будешь* [5]. Специфична правая часть конструкций, поскольку, в отличие от традиционных примет, прошедших проверку временем, в таких «псевдоприметах» следствие индивидуализируется, оно привязано к конкретному субъекту, герою определенного телевизионного сериала. При этом нет оснований для того, чтобы примета приобрела семантику обобщенности, поскольку мы ориентируемся только на знания одного конкретного человека, транслятора имплицитных знаний. Тем не менее, новые, телевизионные, приметы акцентируют

наше внимание на современных представлениях о нормах поведения на кухне.

Ядерное пространство концепта формируется ключевым словом *кухня*, репрезентирующим в приметах центральную оппозицию мужское / женское. Как известно, пространство в доме было четко разделено на мужскую и женскую территорию, в частности, кухня — это место, где господствует женщина. Ее поведение на кухне, включающее приготовление пищи, взаимодействие с членами семьи и чужими, было способно стимулировать как хорошие, так и плохие последствия правильного / неправильного поведения. Одним из основных постулатов деятельности женщины на кухне был тот, что запрещал допуск туда чужих женщин, поскольку они способны разрушить семью, украсть женское счастье, потому что, как утверждает пословица: «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок» [6, с. 210]: *Плохо, когда чужая женщина на кухне хозяйничает, так хозяйка всего лишиться может (Если чужая женщина на кухне хозяйничает — это плохая примета: хозяйка всего лишиться может / Нельзя чужой женщине на кухне хозяйничать, так хозяйка всего лишиться может)* [4]. На кухне нет места и мужчине, поскольку мужское пространство за пределами дома: *Нельзя мужчине самому капусту квасить — навсегда одиноким остаться может (Если мужчина сам капусту квасит, навсегда одиноким остаться может); Если мужчина сам посуду моет — от этого разные несчастья случаться будут* [Там же].

Очень важен был ритуал приготовления и потребления пищи. Анализ толковых словарей свидетельствует, что слова *еда* и *пища* рассматриваются как синонимы, однако в русской ментальности *пища* характеризуется как «необходимое для поддержания жизни и духа питание» [7, с. 21]. Для поддержания благополучия в семье женщина должна была сама готовить еду и кормить мужа: *Женщина должна еду дома готовить и кормить мужа хотя бы раз в день — тогда семья счастлива будет (Если женщина сама еду дома готовит и кормит мужа хотя бы раз в день, семья счастливой будет); Чтобы семья крепкой была, жена должна сама мужу еду накладывать — примета такая есть; Нельзя, чтобы чужая женщина еду солила, иначе чужая место в доме займет вместо жены (Если чужая женщина еду солит, она место жены в доме займет); Нельзя, чтобы одна женщина за другой готовку заканчивала, иначе их жизнь разрушится* [4]. Умение готовить рассматривается как одно из основных, фундаментальных способностей женщины, поскольку «традиционно женскими в

русской культуре считаются те сферы деятельности, которые связаны с... приготовлением пищи» [8, с. 120]. Если же женщина не умеет готовить или вместо нее готовит чужая женщина, то она обречена на одиночество, не сможет выйти замуж, или она обманывает мужа, в любом случае все предсказания негативные: *Если женщина сама не готовит, мужчины не будут ее замечать; Если в доме вместо жены еду посторонняя женщина готовит, значит, жена мужа обмануть хочет* [4].

В фокусе внимания пищевого кода разного рода бинарные оппозиции, моделирующие семантику запрета, предостережения, предсказания, например, *свой / чужой, правда / ложь, полный / пустой, сладкий / горький, одинаковый / разный, горячий / холодный* и др. Как правило, подобного рода приметы формируются с учетом принципа аналогии, когда «определенная вещь, предмет, поведение являются условием для возникновения определенной ситуации, как правило, негативной в жизни героев сериала» [9, с. 126]: *Нельзя недопитый чай в чашке оставлять, иначе жизнь будет неполной (недопитый / неполный); Если хранить столовые предметы вперемешку, а не разобранными, то и в жизни все перемешаться может (вперемешку / перемешаться); Нельзя готовить впрок — это может разрушить отношения (свежая еда — свежие отношения)* [4]. При этом смысловой ряд приметы может содержать рекомендацию того, как избежать негативных последствий неправильных действий, например: *Если неполный набор столовых предметов заменить на полный, то вся семья соберется вместе* [Там же].

Ритуал принятия пищи в суеверных приметах отражает прежде всего регуляторную функцию, поскольку фиксирует представление о том, что *правильно / неправильно* в поведении индивида: *Пока ужинать не начнешь, все тебя обманывать будут* [Там же]. Умение вести себя за столом, соблюдать правила приличия способствовало удаче / неудаче в семейной и личной жизни: *Нельзя за едой проблемы обсуждать — это может привести к проблемам в жизни; Кто громко ест, тот всей правды о себе не узнает* [Там же]; *Кофе на себя пролить — плохая примета, к денежным потерям и несчастьем* [5]. Чтобы сохранить отношения между мужем и женой, нужно было соблюдать правила принятия пищи, в основе которых часто лежали гигиенические требования: *Нельзя с любимым из одной тарелки есть, иначе расстанетесь; Нельзя чай допивать друг за другом (мужу за женой, жене за мужем) — это к обману; У мужчины своя ложка должна быть, иначе жить ему в обмане* [4].

Успех, удача, спокойная и счастливая семейная жизнь регламентируются не только взаимоотношениями между членами семьи, но и отношением к кухонной утвари. Существует возможность предсказать определенные поступки индивида, если придерживаться некоторых правил поведения на кухне: *Нельзя оставлять грязную пустую посуду – это к ссоре и разладу в семье // Там, где копится много грязной посуды, счастье из дома уходит; Нельзя сор со стола рукой сметать, иначе одна останешься; Чтобы между супругами мир был, у них должны быть одинаковые чашки* [Там же]. Некоторые столовые приборы требовали особого отношения, это касается в первую очередь ножей, поскольку нож – это режущий, колющий, рубящий инструмент: *Тупые ножи в доме плохая примета – рано или поздно чувства одного или другого могут притупиться; Если острый нож точить, из-за всякого пустяка ссоры в доме будут ; Нельзя уносить ножи из дома – это плохая примета, к беде; Если во время еды нож не использовать, а только вилкой пользоваться, одной можно остаться* [Там же]. Часть примет носит иррациональный характер, не объяснимый с точки зрения современной логики, например, в примете типа: *Если в доме чашки есть, на которых синим нарисовано, не будет у женщины счастья и любви* [Там же] – функция предсказания и предостережения связана с синим цветом, который, как правило, трактуется как символ благородства, преданности, мира [10, с. 181]. Видимо, здесь проявилось индивидуальное неприятие синего цвета у авторов сериала.

Периферийный слой концепта создается словами *еда / пища*. В суеверных приметах отражаются скрытые ментальные представления о пищевых продуктах, об их особой символической роли в национальной кухне. Хотя телевизионные герои проживают в определенном предметном мире, сложно выявить символическое значение *еды / пищи*, поскольку первичным является утилитарное, практическое значение еды. Символическое значение связано с умением просчитать, предвидеть последствия *правильного / неправильного* обращения с пищевыми продуктами, оно отражается в суеверных приметах, в которых интерпретируются те или иные действия индивида. Определенные продукты, специи, плоды растений рекомендуются держать дома, использовать во время приготовления пищи: *Дома нужно орехи держать – в доме будет мир и покой; В доме обязательно должен быть лавровый лист – к счастью и благополучию; В доме держать четыре сливы – к достатку и удаче* [5].

Если такие продукты, как *хлеб, соль, чай*, виды пищи (*каша*) нашли отражение в традиционных суеверных приметах, основанных на древнейших представлениях и мифах о еде, то телевизионные приметы основаны на продуктах, близких современному человеку. Основным принципом их формирования выступает принцип аналогии, когда учитывается скрытое, свернутое представление о том или ином предмете. К таким пищевым продуктам относятся *конфеты, сахар, апельсин, помидоры, огурцы, чеснок, виноград, вишня, груша*, к видам пищи относятся *пирог, торт, пирожные* и т. п.

Самыми частотными являются телевизионные приметы с традиционными компонентами *соль, хлеб, чай*, которые получают новое прочтение с учетом не только функции предсказания, но и регуляторной, нормативной функции, учитывающей оппозиции: *польза / вред, норма / не норма*: *Если в вашем доме соль в открытой посуде стоит – к обману; Нельзя чай холодной водой разбавлять / Ведь чай водой разбавлять – счастья в любви не знать; Чай на стол пролить – про близких нечаянно правду узнать / Тот, кто чай на стол проливает, скоро узнает правду о близком человеке; Тот, кто от хлеба отказывается, самое главное в жизни теряет; Недоеденный хлеб выбрасывать – плохая примета, к набору веса; Птиц или зерном, или черствым хлебом кормить надо / Кто свежим хлебом кормит, тот несчастье на себя навлечет* [4]. Определенные продукты могут выступать как маркеры отношений между мужчиной и женщиной, они способны предсказать будущее: *Если в пятницу мужчине пирогом накормить и пирог мужчине понравится, судьба тебе с ним быть; Если мужчина у женщины суп ест в гостях и суп ему нравится, они могут счастливо прожить вместе* [Там же].

Особого отношения требуют не только продукты, но и предметы, которые используются в процессе чаепития: *Дарить чайник (заварник) – плохая примета / Нельзя дарить супругам заварочный чайник – это к разладу в семье; Если в доме чашки и блюда от разных пар, хозяева во лжи жить будут; Если ложку из чашки, когда пьешь, не вынимаешь, главное в своей жизни не замечаешь; Если гость чашку любимую разобьет, нечистые помыслы у него могут быть; Если дно чашки после гостя потемнело, против тебя у него злые помыслы* [Там же].

Практически любой пищевой продукт может приобрести знаковую функцию в суеверных приметах, если он соответствует требованиям аналогии или выполняет символическую функцию. Одним из самых востребованных вербаль-

ных знаков суеверных примет выступает сладкий вкус, свойственный конфетам, тортам, пирожным и пр. Бинарная оппозиция *сладкий / горький* проецируется на жизненные проблемы индивида: если он отказывается от сладкого в жизни, то ждут его только горькое разочарование, неудача, несчастье или ссора с родными и близкими. Прогностическая функция приметы реализуется в таком сценарии, когда сладкое рассматривается как оберег, защита, символ благополучной жизни и успешной профессиональной деятельности, поскольку, по мнению ясновидящей, *сахар раскрывает все тайны: Когда в доме сладкого нет, ждет того человека только горькая правда; Нельзя девушку горьким шоколадом угощать – отношения не сложатся; Если человек несладкий чай пьет, ему есть что скрывать* [4]; *Для того чтобы дела в гору шли, надо клиентов сладким угощать* [5]. Частотны приметы с лексемой *конфета*, поскольку это символ сладкой, то есть успешной, жизни как личной, так и профессиональной: *Если рассыпать конфеты из кульки на пол – это к решению всех проблем; Чтобы наладить отношения, нужно угостить конфетой* [4]. При этом фантики от конфет могли принести неудачу в жизни, поскольку они были пустыми, лишь оболочкой от символа сладкой, успешной жизни: *Нельзя фантики с собой носить – это приводит к неудачам / Фантики хранить – все потерять / Если фантики от конфет с собой носить, то многое в жизни можно потерять* [Там же].

Сладкий продукт нужно хранить дома, нельзя его переносить за порог, отдавать чужим людям: *Если сахар из дома отдавать, это приведет к ссорам* [4]. Компонент *сладкий* эксплицирует не только стратегии, направленные на успех: *Если женщина хочет мужчину к себе привязать, ей при первой встрече нужно его сладким угостить*, но отражает и противоположное значение – возможность обмана: *Если женщина мужчину сладостями с руки кормит, то легко обмануть его может* [Там же]. Чтобы избежать обмана, несчастья, неудачи в жизни, нужно, чтобы сахарница всегда была полной: *Если сахарница пустая, то и жизнь будет пустой (Вижу сахарница у тебя пустая часто стоит, поэтому и жизнь у тебя пустая, безрадостная)* [Там же]. Указание на горький вкус как символ неудачи, неуспеха в жизни может быть имплицировано, семантику запрета индивид должен восстановить самостоятельно: *Если на завтрак только кофе пьешь, тебя легко обмануть можно* [Там же]. Не только горький, но и острый вкус способен привести к неприятностям: *Тот, кто сильно острит еду, сам на себя неприятности навлекает* [Там

же]. Снять негативную энергию помогает лавровый лист, поскольку он символизирует «...мир, очищение, защиту...» [11, с. 743]: *Если держать дома лавровый лист, то трудно вас обмануть*. Горький продукт может выступать и в роли оберега: *Если хотите отложить визит нежеланного гостя, насыпьте под порог черного перца* [5]. Для достижения противоположного эффекта следует использовать сладкий вкус: *Если сахарный песок перед дверью рассыпать, можно привлечь много хороших и щедрых гостей* [4].

Следует помнить, что содержащееся в примете предсказание может быть восстановлено индивидом только в том случае, если есть отсылка к предшествующему опыту, имеющему определенную культурную интерпретацию. Как нужно воспринимать примету, прочитывать ее скрытый смысл? Насколько культурная семантика того или иного предмета, продукта соответствует пониманию индивида? Как правило, телевизионные приметы строятся с учетом значения, актуального лишь для создателей телевизионного сериала. При этом учитываются все структурные признаки суеверных примет, прежде всего, принципы аналогичности: *Никогда не ешьте остывшую еду, иначе встретите холодное сердце и всю жизнь проживете без любви (остывшая еда / холодное сердце)* [4]; или бинарности: *Если женщина мужчине чеснок чистит, вместе им не быть, надо сладкий пирог испечь (горький / сладкий)* [Там же], однако есть и противоположное утверждение: *Кто торты, пирожные утром ест, тот в нищете живет* [Там же], когда отсылка к сладкому не работает, хотя, казалось бы, тот, кто может позволить себе есть сладкое с утра, должен быть богатым. Здесь, видимо, есть отсылка к нормам правильного питания, так популярного в настоящее время.

Прототипический мир суеверной картины мира ориентируется на сложившиеся символические значения определенных пищевых продуктов, восстанавливая часто забытую семантику. Часть пищевых продуктов, таких как фрукты и овощи, например, *яблоко, апельсин*, имеют определенное символическое значение: «Яблоко олицетворяет любовь, брак, молодость плодородие, долголетие или бессмертие» [11, с. 756]. «Апельсин ассоциируется с великолепием и любовью, символ брака» [Там же, с. 730], поэтому существование примет с данными фруктами мотивировано символической семантикой: *Если девушке яблоко спелое снится, значит, ее скоро любовь ждет* [5]; *Чтобы у человека тайну узнать, яблоком угостить надо; Если надкусанное яблок оказалось червивым, значит, много вокруг тебя обмана; Если яблоки рассыпать – удача ждет*

Апельсин удачу приносит, но если сам его чистишь. Если апельсин чистит другой, удачу свою ему отдаешь и несчастье можешь накликать [4].

Таким образом, телевизионные приметы, связанные с пищевым кодом культуры и формирующие концепт *кухня*, базируются на основной модели народной приметы «Если А, то предсказывает В», что позволяет рассматривать их особую разновидность, формально сохраняющую все признаки традиционных примет. С другой стороны, для выявления специфики телевизионных примет необходимо выявить те стратегии и тактики, которые позволяют новым приметам стать центром телевизионного сериала, который, как правило, отражает определенную жизненную ситуацию. Идентификация приметы в составе сериала формируется через обращение к индивидуальному опыту конкретного индивидуума, который обобщается и транслируется как реальный факт жизни для любого зрителя. Все приметы интерпретируются через традиционные знания, позволяющие включить «псевдоприметы» в уже существующую систему. Такие приметы создают иллюзию, что можно предвидеть последствия определенных поступков, если знать знаки, скоординированные с наивной этикой поведения на кухне.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. дополненное. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2002. 768 с.
3. Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Народные приметы в разноструктурных языках: монография М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 248 с.
4. Телесериал «Слепая». URL: <https://rutube.ru/metainfo/tv/2237/> (дата обращения: 01.12. 2024). (Идея создания данного проекта принадлежит актрисе и продюсеру Татьяне Мартыановой, режиссерами же выступает целая команда создателей).
5. Телесериал «Гадалка». URL: <https://dzen.ru/a/YECF1UtMdTcmgD70> (дата обращения: 01.12. 2024). (Режиссёрами являются Елена Кузнецова и Найчук (она же и автор сценария)).
6. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2012. 736 с.
7. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т.1. Петербург: Златоуст, 2014. 505 с.

8. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М. В. Пименова. Изд. 3-е, доп. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. (Серия «Концептуальные исследования. Вып.14»). 136 с.

9. Фаттахова Н. Н. Бытовые приметы в телевизионном дискурсе // Филология и культура. Philology and Culture. 2021, №4 (66). С.125–129.

10. Панкеев И. Тайны русских суеверий. М.: Яуза, 1997. 200 с.

11. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Сова, 2007. 1007 с.

References

1. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 944p. 4-e izd. dopolnennoe. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)
2. Lotman, Yu. M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. 768 p. St. Petersburg, "Iskusstvo – SPB". (In Russian)
3. Fattakhova, N. N., Kul'kova, M. A. (2013). *Narodnye primety v raznostrukturnykh yazykakh: monografiya* [Folk Signs in Languages of Different Structures: A Monograph]. 248 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)
4. *Slepaya* [The Blind]. URL: <https://rutube.ru/metainfo/tv/2237/> (accessed: 01.12. 2024). (In Russian)
5. *Gadalka* [The Fortune Teller]. URL: <https://dzen.ru/a/YECF1UtMdTcmgD70> (accessed: 01.12. 2024). (In Russian)
6. *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii* (2012) [A Thesaurus Dictionary of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions]. 736 p. Moscow, AST-PRESS. (In Russian)
7. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Haritonov A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. 505 p. V 2-kh t. T. 1. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
8. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. (2011). *Yazykovye osnovy russkoi mental'nosti: uchebnoe posobie* [Linguistic Foundations of Russian Mentality: A Study Guide]. Otv. red. M. V. Pimenova. 136 p. Izd. 3-e, dop. St. Petersburg, SPbGU (Seriya "Kontseptual'nye issledovaniya". Vyp. 14). (In Russian)
9. Fattakhova, N. N. (2021) *Bytovye primety v televizionnom diskurse* [Omens of Everyday Life in Television Discourse]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (66), pp. 125–129. (In Russian)
10. Pankeev, I. (1997). *Tainy russkikh sueverii* [Secrets of Russian Superstitions]. 200 p. Moscow, Yauza. (In Russian)
11. *Enstiklopediya simvolov* (2007) [Encyclopedia of Symbols]. Sost. V. M. Roshal'. 1007 p. Moscow, AST; St. Petersburg, Sova. (In Russian)

The article was submitted on 13.01.2025
Поступила в редакцию 13.01.2025

Фаттахова Наиля Нурийхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

УДК 811.161.11

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-147-154

ПОСЛОВИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ИХТИОНИМОМ В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

© Цзяци Цао, Елена Зиновьева

COMPARATIVE COGNITIVE LINGUOCULTUROLOGY: PROVERBS WITH AN ICHTHYONYM COMPONENT (BASED ON THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

Jiaqi Cao, Elena Zinovieva

The article examines proverbs in Russian and Chinese that contain a component referring to fish. The analysis is conducted at two levels: the level of the internal form of the proverbs and the level of their meaning. The study of the internal form of proverbs reveals stereotypical representations of fish existing in the folk linguistic consciousness. The analysis of the proverb meanings provides an opportunity to identify the cultural attitudes of the language-speaking community. The sample includes 215 Russian and 520 Chinese proverbs recorded in lexicographic sources. The study results show that the proverbial portrayal of fish coincides in both languages, and the representation of the animal, recorded in the proverbs, is confirmed by the associations of native speakers. In the proverbs of both languages, the article highlights common cultural attitudes, such as the recognition of the need to make efforts in any endeavor and the importance of being content with having little. Differing cultural attitudes are determined by the mentality features reflected in the proverbs. Compared to Chinese proverbs, Russian cultural attitudes such as the hope for the best, the need to be vigilant, and the condemnation of the desire to present oneself as an expert in everything are lacunary. In contrast, Chinese cultural attitudes reflecting social differentiation, the need to rely on one's own strength, and the consideration of behavioral consequences are lacunary relative to Russian proverbs. Differences in the expressed cultural attitudes determine the difference in figurative oppositions in the structure of the proverbs. Binary oppositions are more characteristic of Russian proverbs, while gradational oppositions are more typical of Chinese proverbs. The cognitive model "a Fish – a Human" has an intersection zone in the two proverbial spaces and distinct zones that characterize the features of ethnic mentality.

Keywords: comparative cognitive linguoculturology, proverb, cultural attitude, association, ichthyonym / fish name

Статья посвящена рассмотрению пословиц русского и китайского языков с компонентом-названием рыбы. Анализ проводится на двух уровнях – на уровне внутренней формы пословиц и уровне их значения. Исследование внутренней формы пословицы позволяет выявить стереотипное представление о рыбе, существующее в народном языковом сознании. Анализ значений пословиц предоставляет возможность выделить установки культуры народа-носителя языка. Выборка включала 215 русских и 520 китайских пословиц, зафиксированных в лексикографических источниках. В результате исследования можно констатировать, что пословичный портрет рыбы совпадает в двух языках, зафиксированное пословицами представление о животном подтверждается ассоциациями носителей языка. В пословицах обоих языков выделяются общие установки культуры, такие как признание необходимости прикладывать усилия в любом деле и важность умения довольствоваться малым. Различающиеся установки культуры обусловлены особенностями менталитета, находящими отражение в пословицах. Лакунарными относительно китайских пословиц являются такие русские культурные установки, как надежда на лучшее, необходимость быть бдительным, порицание стремления выставлять себя знатоком во всем. Лакунарными относительно русских пословиц являются китайские установки, отражающие социальную дифференциацию, необходимость полагаться на собственные силы и думать о последствиях поведения. Различия в выражаемых установках культуры обуславливают и разницу в образных оппозициях в структуре пословиц. Для русских пословиц более характерны бинарные противопоставления, для китайских пословиц

– градуальные. Когнитивная модель «Рыба – Человек» имеет зону пересечения двух провербиальных пространств и отличающиеся зоны, характеризующие особенности этнического менталитета.

Ключевые слова: сопоставительная когнитивная лингвокультурология, пословица, установка культуры, ассоциация, ихтионим / наименование рыбы

Для цитирования: Цао Цзяци, Зиновьева Е. Пословицы с компонентом-ихтионимом в аспекте сопоставительной когнитивной лингвокультурологии (на материале русского и китайского языков) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 147–154. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-147-154

Антропоцентрическая направленность современной научной парадигмы в языкознании способствует интеграции различных направлений лингвистики и других наук, их взаимодействию, взаимодополнению и взаимообогащению. Процесс интеграции проявляется в использовании в рамках различных направлений «зонтиковой» терминологии (концепт, фрейм, установка культуры и др.), а также междисциплинарных методов исследования (когнитивный тест, ассоциативный эксперимент, фреймирование данных и др.). В этой связи представляются нерелевантными попытки решения вопроса о самостоятельности такой научной дисциплины, как лингвокультурология, или отнесения ее к когнитивной лингвистике ввиду использования в лингвокультурологических исследованиях терминологического аппарата и некоторых методов когнитивной лингвистики. В настоящее время происходит активное становление нового интегративного направления в языкознании, объединяющего когнитивную лингвистику и лингвокультурологию в одно целое. По аналогии с такими сравнительно молодыми науками синтезирующего типа, как этнопсихолингвистика, психолингвокультурология, социопсихолингвистика, появилась и развивается когнитивная лингвокультурология. С учетом многочисленных сопоставительных исследований в этой области Н. А. Сергиенко предложила, на наш взгляд, удачный термин для названия нового лингвистического направления – «сопоставительная когнитивная лингвокультурология». Сопоставительная когнитивная лингвокультурология – «это новое научное направление, возникшее как результат интеграции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, которое изучает процессы взаимодействия и взаимосвязи национальных языков и национальных культур как целостных лингвоментальных структур в единстве их языковых и внеязыковых (культурных) содержаний сквозь призму когнитивного анализа их формирования, развития и функционирования, с ориентацией на системы национально-культурных ценностей и особенности человеческого мышления» [1, с. 40–41].

Под пословицей в данной статье понимается краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное, образное изречение назидательного или предостерегающего характера. Пословица выражает суждение и обладает буквальным и переносным смыслом.

Изучение пословиц приобретает в рамках сопоставительной когнитивной лингвокультурологии особую актуальность, поскольку, с одной стороны, за ними стоят общечеловеческие механизмы познания, находят языковое воплощение универсальные когнитивные структуры, а с другой – пословицы вербализуют многовековой социально-исторический опыт конкретного народа, национальный менталитет, житейскую философию и житейскую психологию, в лаконичной форме фиксируют ценностные ориентации, предписывают носителям языка определенное поведение в той или иной ситуации.

Пословицы с компонентом-зоонимом присутствуют практически в любой лингвокультуре, поскольку они обладают номинативной плотностью в паремиипространстве многих национальных языков, реализуют наиболее частотную когнитивную метафору, связывающую две концептуальные области, осуществляющую перенос «Животное – Человек», то вызывают постоянный интерес лингвистов. Изучению пословиц с компонентом-зоонимом посвящены многочисленные диссертационные исследования, монографии и научные статьи как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте, например, Л. Г. Юсуповой 2014 [2], О. Бичер 2016 [3], Д. Лю 2018 [4], Э. В. Браташовой 2019 [5], С. Чжао 2020 [6], Ц. Цао 2024 [7] и др.

Пословицы с компонентом-ихтионимом также становились объектом анализа. Так, оценочные признаки образа «рыба», репрезентированные в поговорках русского, английского и немецкого языков, рассматриваются в статье А. И. Лызова [8]. Н. А. Скитина и В. П. Шабанова анализируют пословицы с компонентом-ихтионимом также на материале русского, английского и немецкого языков с позиции сопоставительной лингвистики, анализу подвергается когнитивная семантика и форма единиц [9].

Источником материала для исследования послужили словари двух языков. Из «Большого словаря русских пословиц» [10] и «Большого словаря китайских пословиц» [11] приемом сплошной выборки языкового материала было отобрано 215 русских и 520 китайских пословиц с компонентом-названием рыбы. Разница в количестве единиц, на наш взгляд, объясняется тем, что паремиографический источник русского языка включает около 70 000 единиц, в словаре китайских пословиц же зафиксировано около 130 000 единиц.

Отобранные паремии были ранжированы по частотности использования компонента-названия рыбы: в русских пословицах *рыба* (83 пословиц-единицы), *рыбка* (56), *щука* (46), *лещ* (9), *карась* (7), *сом* (6), *лещ* (3), *кап* (2), *окунь* (2), *плотва* (1), *угорь* (1); а в китайских пословицах: *рыба* (427), *кап* (30), *толстолобик* (17), *карась* (8), *рыба Ао* (8), *сом* (5), *угорь* (5), *смур* (5), *акула* (5), *желтый горбыль* (5), *осетр* (1), *треска* (1), *амурский выюн* (1), *черный амур* (1). В русских пословицах присутствуют компоненты *щука*, *лещ*, *лещ*, *лещ*, *лещ*, *лещ* как названия рыб, широко распространенных в пресных водоемах России. В китайских пословицах присутствуют компоненты-названия рыб *толстолобик*, *смур*, *акула*, *желтый горбыль*, *осетр*, *треска*, *амурский выюн*, *черный амур*, *Ао*, часто встречающихся на территории Китая. Рыба *Ао* – это сказочная гигантская рыба. Согласно легенде, в древние времена золотые и серебряные карпы хотели перепрыгнуть через драконьи ворота, взлететь в облака, подняться на небо, чтобы стать драконами, но они тайком проглотили жемчужины дракона, поэтому превратились в рыб с драконьей головой и рыбьим телом. Ср. китайскую пословицу: *Рыба Ао сорвалась с золотого крючка, помахала хвостом, покачала головой, больше не вернулась* [11, с. 6].

Двуплановость пословицы позволяет рассмотреть ее с точки зрения внутренней формы, то есть «буквального значения пословицы, непосредственно выводимого из значений составляющих ее компонентов и связей между ними» [12, с. 33] и переносного значения пословицы, формирующего культурные установки носителя языка, закрепленные в этих изречениях. Таким образом, можно, с одной стороны, сформировать стереотипное представление о рыбе, выделить наиболее актуальные характеристики рыбы, нашедшие отражение в провербиальном пространстве, а с другой стороны – выявить важные концептуальные признаки когнитивной модели «Рыба – Человек», нашедшие отражение

в вербализуемых в пословицах установках культуры.

Рыба в пословицах обоих языков предстает, прежде всего, как пища для человека. В русском языке находим, например: *На всякую рыбу еда найдется* [10, с. 777]; *Щука с огурцами – кушать с молодцами* [Там же, с. 1009]; *Карасева ущица да гороховая лапшица – гостиная еда* [Там же, с. 401] (здесь и далее разрядка наша – Ц. Ц., Е. З.). Русские пословицы конкретизируют блюда, которые традиционно готовят из рыбы, и способ приготовления рыбы: *Ерш бы в ухе, да лец (да сиз) в пироге* [Там же, с. 329]; *Рыба мелка, да уха сладка* [Там же, с. 776]; *У охотников дым густой, да живот пустой, а у рыбака рубаша грязна, да уха жирна (горяча)* [Там же, с. 938]; *Кто ловит рыбу, тот ее и варит* [Там же, с. 777]. Аналогично в китайском языке: *Белый рис вкусный, но его трудно выращивать; суп из свежей рыбы вкусный, но сетку трудно открывать* [11, с. 16] (здесь и далее перевод Цао Цзяци); *Хочешь есть свежую рыбу, сначала сплети сеть; хочешь есть белый рис, сначала посади рассадку* [Там же, с. 1154]; *Разводишь шелкопрядов и рыб, будет пища и одежда* [Там же]; *Без курицы и рыбы банкет не состоится* [Там же, с. 1044]; *Те, кто любит кататься на лошадах, не ездят на ослах, а те, кто любит есть черепах, не едят угрей* [Там же, с. 5].

Рыба – дорогая еда: *Карасева ущица – гостиная еда* (рус.) [10, с. 401]; *Если хочешь разорить семью, ешь только рыбу, мясо и креветку* (кит.) [11, с. 1086]; *Богатые люди покупают рыбу и мясо, а бедные люди готовят кашу* (кит.) [Там же, с. 1249]. В китайских пословицах четко расставляются приоритеты – на первом месте по ценности рыба, потом креветки: *Если у человека рыба, то он не ест креветок; если у человека тофу, то он не ест гушу* [Там же, с. 1254].

Для ловли рыбы человек использует специальные снасти. В русских пословицах это *удочка* (*уда*), *верша*, *невод*, *бредень*: *Была бы уда, а рыба будет* [10, с. 401]; *Не думай, щука, как в бредень влезть: думай, как вылезть* [Там же, с. 1009]; *Не беда бы щуке в вершу влезть, беда, что вон не вылезет* [Там же]; *Карась с удочки сорвется – щука навернется* [Там же, с. 401]; *В чужой прудок не кидай неводок* [Там же, с. 728]. Ср. в китайских пословицах: *сеть, гарпун, бамбуковый шест, удочка: Те, кто поднимает топор, получают дрова; те, кто раскидывает сеть, получают рыбу и креветок* [11, с. 459]; *На канале рыбы издают звуки, пришлось лишь смотреть без гарпуна в руках* [Там же, с. 24]; *При ловле крупной рыбы невозможно оторвать*

ся от длинного бамбукового шеста [Там же, с. 201]; *Лови рыбу сетями, не отходя от носа судна; лови рыбу удочкой, не отходя от берега* [Там же, с. 42].

Рыба в народном языковом сознании по умолчанию (как само собой разумеющееся) относится к животным. Но если в русских пословицах противопоставляются чаще всего разные виды рыб – по размеру, по способу питания, например, щука – хищная рыба, противопоставляется пескарю, карасю: *Щука постится, а пескарь, не дремлет; Не поймал карася, поймаешь щуку* [10, с. 1009], то в китайских пословицах рыба выступает наряду и с животными других классов: *Убивая змею, сначала бьют по голове; убивая курицу, сначала режут горло; при ловле рыбы, цепляют ее за рот* [11, с. 163].

Рыба ассоциируется с водой, местом ее обитания. В русском языке: *Рыбам – вода, птицам – воздух, а человеку – вся земля* [10, с. 777]; *Рыба – вода, репа – земля, а ягода – трава* [Там же, с. 776]; в китайском: *Дерево полагается на почву, рыба на воду* [11, с. 933]; *Без зерна человек умрет, без воды рыба погибнет* [Там же, с. 776]. Типичные водоемы, в которых живут рыбы, – пруд, море, река: *И карасей из пруда не выловишь без труда* (рус.) [10, с. 401]; *В чужой прудок не кидай неводок* (рус.) [Там же]; *В море десятки миллионов рыб, не забросив рыболовные сети, не поймаешь рыбу* (кит.) [11, с. 168]; *Если в реке нет рыбы, то креветка дорога; если дома нет сына, то дочь дорога* (кит.) [Там же, с. 354]; *В большом пруду рыбы жирны* (кит.) [Там же, с. 973]. Китайские пословицы специально указывают, в какой воде рыба жить не может: *В колодезной воде нет рыбы, на мертвом дереве нет листьев* [Там же, с. 446]; *В холодной воде рыба не растет* [Там же, с. 947]; *Чужой дом не является твоим настоящим домом, бурлящая вода не подходит для разведения рыбы* [Там же, с. 1023].

Пословицы обоих языков описывают внешний вид рыбы, отмечается наличие хвоста, плавника, жабр, усов, зубов, костей: *Уснула щука, да зубы не спят* (рус.) [10, с. 1009]; *Ус соминый, да разум псинный* (рус.) [Там же, с. 856]; *Рыбы без костей не бывает* (рус.) [Там же, с. 776]; *При проглатывании рыбы остерегайся застревания кости в гортани* (кит.) [11, с. 1020]; *Чтобы вытащить корову, нужно держать ее за нос; чтобы поймать рыбу, нужно взять за жабры* (кит.) [Там же, с. 701]; *Когда рыба окажется без воды, ее чешуя подсохнет* (кит.) [Там же, с. 1258]; *Съел чужой акулий плавник, придется помогать тащить корабль в течение трех лет* (кит.) [Там же, с. 112].

Ассоциаты, зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре» [13], подтверждают актуальность выделенных характеристик «портрета» рыбы в языковом сознании: наиболее частотными являются такие ассоциаты, как *жареная, мясо, свежая, соленая, уха*, подтверждающие, что рыба, прежде всего, воспринимается как еда; из названий видов рыб наибольшей частотностью отличаются *окунь, щука и карась*. Частотными являются также ассоциаты *в воде, плывет*, наименования водоемов, части рыбы – *кости, чешуя, хвост*.

В связи с отсутствием китайского ассоциативного словаря нами был проведен свободный цепочечный ассоциативный эксперимент. От 50 китайских респондентов в возрасте от 18 до 65 лет, разного пола и образования требовалось написать ассоциации на стимул «рыба». Количество реакций не ограничивалось, на выполнение задания отводилось 10 минут. По результатам эксперимента стереотипное представление о рыбе в китайском языковом сознании выглядит следующим образом: рыбы воспринимаются как животные, постоянно живущие в воде; обычно имеют чешую, плавники, кости, хвост; дышат жабрами, существует множество их видов, большинство из которых пригодно для употребления в пищу или для приготовления рыбьего клея. Наиболее распространенными пресноводными рыбами, перечисленными информантами в качестве ассоциатов, в Китае являются *карась, карп, толстолобик, сом, черный амур, угорь, желтый горбыль, лосось, сабля-рыба, треска* – это самые частотные ассоциаты-виды морских рыб.

Таким образом, стереотипное представление о рыбе в целом совпадает в языковом сознании носителей русского и китайского языков, как и в пословичной картине мира носителей обоих языков: оно в большой степени отличается рациональным характером – рыба рассматривается носителями языка преимущественно как продукт питания; национально-культурным своеобразием отличаются наименования реалий-приспособлений для ловли рыбы: *верша, невод, бредень* в русских пословицах и *гарпун, бамбуковый шест* в китайских.

Общими установками культуры, вербализованными в русских и китайских пословицах, являются следующие:

1. Необходимо приложить усилия, потрудиться для достижения результата. Например, русские пословицы: *Рыба в реке – не в руке* [10, с. 776]; *Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть* [Там же, с. 777]; *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* [Там же, с. 778]; *И карасей из пруда*

не выловишь без труда [Там же, с. 401] и др. Китайские пословицы: *Вишня вкусна, но вишневое дерево трудно сажать; суп из рыбы вкусен, но сетку трудно поднимать* [11, с. 1227]; *Не замочив ноги, не поймаешь рыбу* [Там же, с. 64]; *В море десятки миллионов рыб, не забросив рыболовные сети, не поймаешь рыбу* [Там же, с. 168] и др. Акцентируется, что праздность приводит к бедности, трудолюбие – к достатку: *Щуке дремать – добычи не поймать* (рус.) [10, с. 1009]; *Трудолюбивый человек ест рыбу и мясо при каждом приеме пищи; ленивый человек терпит голод* (кит.) [11, с. 720].

2. Нужно довольствоваться малым. Русские пословицы: *На безрыбье и рак рыба* [10, с. 748]; *Маленькая рыбка лучше, чем большой таракан* [Там же, с. 778]; *Рыба мелка, да уха сладка* [Там же, с. 776] и др. Китайские пословицы: *Не можешь взобраться на сосну, взберись на каштановое дерево; не можешь поймать фазана, поймай белого амура* [11, с. 861]; *Не поймал рыбу, поймай креветку; не ел тофу, съешь гушу* [Там же, с. 490] и др.

3. Проблемы в коллективе часто начинаются с поведения и решений руководства. Русская пословица *Рыба гниет с головы* [10, с. 776] имеет полный эквивалент в китайском языке (как и в европейских языках – немецком, английском).

Эквивалентность данной пословицы в разных языках, на наш взгляд, обусловлена общим источником ее происхождения. Считается, что выражение пришло из латинского языка *Piscis primum a capite foetat* (буквально: ‘Рыба начинает пахнуть с головы’. В этой форме оно впервые встречается в сочинениях Плутарха [14, с. 672].

Пословица частотна в русском языке, в «Национальном корпусе русского языка» [15] пословица встречается в разных типах дискурса: в художественной литературе, в общественно-политическом, а также разговорном дискурсе. Человек, использующий пословицу, обычно присоединяется к общему мнению, народной мудрости, употребляя для этого вводные выражения: *как известно, как говорят, не зря говорят, как принято говорить, в России говорят* и подобные. Например, *Как принято говорить: рыба гниет с головы* (Вопрос национальной безопасности: чиновников поставили перед выбором // Vesti.ru, 12.02.2013) [15]. Метафорическая модель пословицы раскрывается в контекстах использования, трансформируясь в эксплицитное сравнение: *футбол, как рыба, гниет с головы; армия, как рыба, гниет с головы; общество, как рыба, гниет с головы* и др.

В устной китайской речи эквивалент пословицы также употребляется часто.

Только в русских пословицах выражены такие установки культуры, как:

1. Необходимо надеяться на лучшее, случившаяся неудача может в будущем привести к успеху: *Не поймав карася, Не поймаешь щуку; Карась сорвется – щука навернется* [15]; *Карась с удочки сорвется – щука навернется* [10, с. 1009] и др.

2. Не нужно выставлять себя знатоком всего, не стоит учить человека тому, что он и сам знает: *Не учи рыбу плавать* [Там же, с. 778]; *Не учи плавать щуку, щука знает свою науку; Не учи щуку плавать* [Там же, с. 1009] и др.

3. Всегда нужно сохранять бдительность: *На то и щука в море, чтобы карась не дремал; Утопили щуку, да зубы остались; Щука умерла, а зубы остались; Щука умирает, а зубы оголяет; Постится щука, а пискарь не дремлет; Сонная на вид щука иногда еще больно кусается* [Там же] и др.

Только в китайских пословицах находим следующие установки культуры:

1. Подавление слабого: *Большая рыба пожирает мелкую рыбу, мелкая рыба пожирает креветку, креветка пожирает грязь; Большая рыба пожирает мелкую рыбу, мелкая рыба пожирает креветку, креветка пожирает головастика, головастик пожирает грязь* [11, с. 177]; *Кит глотает рыбу, рыба ест креветку* [Там же, с. 445]; *Крупная рыба ест креветку, крупная креветка ест рыбу* [Там же, с. 177] и др. В пословицах данного разряда выстраивается образная иерархия: большая рыба – мелкая рыба – креветка – грязь или большая рыба – мелкая рыба – креветка – головастик – грязь и т. п. Установка вербализуется в том числе через оппозицию «большой (крупный) – мелкий».

2. Необходимо рассчитывать на собственные силы: *Чтобы пахать поле, приходится самому держать плуг; чтобы писать, приходится самому брать ручку; чтобы ловить рыбу, приходится самому забрасывать сеть; чтобы молоть муку, приходится самому управлять ослом* [Там же, с. 283]; *Хочешь есть сладкие персики, собери их сам; хочешь есть свежую рыбу, поймай ее сам* [Там же, с. 1153].

3. Нужно быть предусмотрительным, думать о последствиях своих поступков: *На рыбалке следует выпускать мелкую рыбешку, чтобы мелкая рыбешка могла вырасти в крупную рыбу* [Там же, с. 165]; *Сжечь лес, чтобы охотиться, в следующем году зверей не будет; осушить пруд, чтобы выудить рыбу, в следующем году рыбы не будет* [Там же, с. 250].

Отличаются оппозиции и пословичные биномы, присутствующие в русских и китайских

пословицах. В русских пословицах это видовое противопоставление: *щука* и *пескарь*, бином *щука – зубы*, а в китайских пословицах противопоставляются или сопоставляются мифологема *дракон* и *рыба*: *Если у тебя есть деньги, ты – дракон; если у тебя нет денег, ты – рыба* [Там же, с. 1235]; *Без облаков дракон не летает, без воды рыба не живет* [Там же, с. 542].

В результате проведенного анализа можно прийти к следующему заключению.

Стереотипное представление о рыбе и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: рыба – животное, живущее в воде, водоемы (море, река, озеро, пруд) служат местами ее обитания; для ловли рыбы необходимо приложить усилия; рыба рассматривается в пословичной картине мира, прежде всего, как добыча и еда для человека.

Русские и китайские пословицы с компонентом-названием рыбы вербализуют как общие, так и различные установки культуры. Общими являются те, которые отсылают к традиционным ценностям – трудолюбию, умению довольствоваться малым. Обнаруженные национально-культурные различия заключаются в том, что в русских пословицах выделяются те установки культуры, в которых подчеркивается надежда на лучшее, осторожность и бдительность, необходимые человеку. В китайских пословицах шире представлена социальная иерархия в человеческом обществе (сильный – вышестоящий в социуме и слабый – нижестоящий), присутствует установка о необходимости полагаться на собственные силы и думать о последствиях своих поступков.

Различия в отмеченных установках культуры обуславливают и отличия оппозиций и пословичных биномов в составе пословиц двух языков. Русским пословицам в большей степени свойственно противопоставление двух компонентов (*щука – карась*), тогда как в китайских присутствует градуальность (*рыба – креветка – головастик – грязь*).

Таким образом, при сопоставлении стереотипного представления о рыбе в двух языках наблюдаются как сходства, так и различия при осуществлении когнитивной модели переноса «Рыба – Человек» в русских и китайских пословицах. Можно сделать вывод о наличии общей части этой когнитивной модели, репрезентируемой пословицами двух языков, выражающими общие культурные установки. Лакунарные относительно каждого из сопоставляемых языков установки свидетельствуют об акцентировании особенностей этнического менталитета, сформиро-

ванного под влиянием исторических, культурных и социальных факторов жизни народа.

Полученные результаты и выводы могут быть использованы в вузовском преподавании, в переводческой деятельности, а также в лексикографической практике при составлении учебных словарей.

Список источников

1. Сергиенко Н. А. Сопоставительная когнитивная лингвокультурология как новое научное направление в современной лингвистике // Политическая лингвистика. 2019. № 6. С. 37–43.
2. Юсупова Л. Г. Мелиоративная составляющая семантики паремиологических единиц (на примере пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом русского, немецкого и татарского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. С. 210–213.
3. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Смоленск, 2016. 24 с.
4. Ло Д. Пословицы и поговорки с компонентами-зоонимами «кошка» и «собака» в русском, английском, и китайском языках // Личность в природе и обществе: научные труды молодых ученых: материалы межвузовских психолого-педагогических чтений. Москва, РУДН. 2018. С. 136–137.
5. Браташова Э. В. Лингвокультурологическая специфика пословиц с компонентом зоонимом в английском и русском языках // Современные исследования социальных проблем. 2019. № 5. С. 54–70.
6. Чжао С. Русские пословицы с компонентом-зоонимом, вербализующие концепт «лукавство» // Славянская фразеология и паремиология в языке и речи: сборник научных статей. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины. 2020. С. 189–195.
7. Цао Ц. Пословицы с компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира (на фоне китайской): лингвокультурологический аспект. СПб.: Нестор-История, 2024. 208 с.
8. Лызлов А. И. Об образе «рыба» в русских, английских и немецких паремиях // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. №77. С. 117–120.
9. Скитина Н. А., Шабанова В. П. Лингвокогнитивный аспект исследования пословиц с компонентом-ихтионимом в русском, английском и немецком языках // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 4. С. 131–143.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма медиа групп, 2010. 1024 с.
11. 温端政 中国谚语大辞典 上海 上海辞书出版社. 2011. 1307 с. (Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Словарное издательство, 2011. 1307 с.) (In Chinese)

12. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 280 с.

13. Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. и др. Русский ассоциативный словарь. М.: Изд-во АСТ, 2002. 784 с.

14. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

15. Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora> (дата обращения: 07.12.2024)

References

1. I. Sergienko, N. A. (2019). *Sopostavitel'naya kognitivnaya lingvokul'turologiya kak novoe nauchnoe napravlenie v sovremennoi lingvistike* [Comparative Cognitive Linguoculturology as a New Scientific Area in Modern Linguistics]. *Politicheskaya lingvistika*. No. 6, pp. 37–43. (In Russian)

2. Yusupova, L. G. (2014). *Meliorativnaya sostavlyayushchaya semantiki paremiologicheskikh edinits (na primere poslovits i pogovorok s komponentom-zoonimom russkogo, nemetskogo i tatarskogo yazykov)* [The Meliorative Component of Paremiological Units Semantics (by the example of proverbs and sayings with component-zoonym in the Russian, German and Tatar languages)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12, pp. 210–213. (In Russian)

3. Bicher, O. (2016). *Zoomorfnye obrazy v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh: lingvokul'turologicheskii i leksikograficheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Zoomorphic Images in Russian Proverbs and Sayings: Linguocultural and Lexicographical Aspects: Ph.D. Thesis Abstract]. Smolensk, 24 p. (In Russian)

4. Lo, D. (2018). *Poslovitsy i pogovorki s komponentami-zoonimami "koshka" i "sobaka" v russkom, angliiskom, i kitaiskom yazykakh* [Proverbs and Sayings with Zoonym Components "Cat" and "Dog" in the Russian, English, and Chinese Languages]. *Lichnost' v prirode i obshchestve: nauchnye trudy molodykh uchenykh: materialy mezhvuzovskikh psikhologo-pedagogicheskikh chtenii*, pp. 136–137. Moscow, RUDN. (In Russian)

5. Bratashova, E. V. (2019). *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika poslovits s komponentom-zoonimom v angliiskom i russkom yazykakh* [The Linguocultural Specificity of Proverbs Containing Zoonym Components in the English and Russian Languages]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. No. 5, pp. 54–70. (In Russian)

6. Chzhao, S. (2020). *Russkie poslovitsy s komponentom-zoonimom, verbalizuyushchie kontsept 22.02.25. "lukavstvo"* [Russian Proverbs with Zoonym Components Verbalizing the Concept of "Cunning"]. *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya v yazyke i rechi: sbornik nauchnykh statei*, pp. 189–195. Gomel', GGU im. F. Skoriny. (In Russian)

7. Tsao, Ts. (2024). *Poslovitsy s komponentom-nazvaniem nasekomo v russkoi yazykovoi kartine mira (na fone kitaiskoi): lingvokul'turograficheskii aspekt* [Proverbs with Insect-Related Components in the Russian Linguistic Worldview (Against the Background of Chinese): A Linguocultural Aspect]. 208 p. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. (In Russian)

8. Lyzlov, A. I. (2014). *Ob obraze "ryba" v russkikh, angliiskikh i nemetskikh paremiyakh* [On the Image of the "Fish" in Russian, English, and German Proverbs]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 77, pp. 117–120. (In Russian)

9. Skitina, N., Shabanova, V. (2019). *Lingvokognitivnyi aspekt issledovaniya poslovits s komponentom-ikhtionimom v russkom, angliiskom i nemetskom yazykakh* [Proverbs with Component 'Fish' in the Russian, English, and German Languages: Linguocognitive Aspect of the Research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 4, pp. 131–143. (In Russian)

10. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits* [The Big Dictionary of Russian Proverbs]. 1024 p. Moscow, Olma media grupp. (In Russian)

11. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社 (2011). [Wen Duanzheng. The Great Dictionary of Chinese Proverbs]. 1307 p. Shanghai Lexicographical Publishing House. (In Chinese)

12. Ivanova, E. V. (2006). *Mir v angliiskikh i russkikh poslovitsakh: uchebnoe posobie* [The World in English and Russian Proverbs: A Study Guide]. 280 p. St. Petersburg, izd-vo SPbGU. (In Russian)

13. Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V. et al. (2002). *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]. 784 p. Moscow, izd-vo AST. (In Russian)

14. Serov, V. (2005). *Entsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii*. [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. 880 p. Moscow, Lokid-Press. (In Russian)

15. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora> (accessed: 07.12.2024). (In Russian)

The article was submitted on 22.02.2025
Поступила в редакцию 22.02.2025

Цао Цзяци,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Северо-западный университет сельского и
лесного хозяйства,

Cao Jiaqi,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Northwest A&F University,

712100, КНР, Янлин,
улица Синун, 22.
lycj1990@163.com

Зиновьева Елена Иннокентьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7-9.
e.i.zinovieva@spbu.ru

22 Xinong Road,
Yangling, 712100, China.
lycj1990@163.com

Zinovieva Elena Innokentievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Saint Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Embankment,
Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.
e.i.zinovieva@spbu.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-155-159

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

© Чжан Сяофэй

PECULIARITIES OF COMPOUND WORDS IN BELLA AKHMADULINA'S LYRICAL POETRY

Zhang Xiaofei

Bella Akhmadulina's poetry is characterized by unique language, richness of emotions and intensive use of compound words. As a linguistic phenomenon, the role of compound words in Bella Akhmadulina's poetry has not been sufficiently studied so far, especially in terms of their emotional expressiveness and artistic impact. Therefore, the article studies the features of compound words in Bella Akhmadulina's lyrical poetry. To achieve this goal, by conducting a systematic structural and semantic analysis of compound words in the poetry of Bella Akhmadulina, this paper explores the diverse role of compound words in conveying emotions, building cultural symbols and artistic images, thereby revealing their unique artistic value in poetry. The abundant use of compound words in Bella Akhmadulina's poetry allows the poetess to demonstrate her unique power in interweaving emotions and language, which becomes an important tool for the poet to express personal experience, cultural identity and emotional fluctuations. Bella Akhmadulina's poetry is characterized by the use of metaphorical images, sound painting, color painting, antithesis and other tropes, figures and rhetorical devices, resulting in giving her poetry a richer layering and expressiveness, increasing the artistic attractiveness of her works.

Keywords: Russian language, language of poetry, word formation, addition, composite

Сложение является одним из продуктивных способов образования слов в современном русском языке. Активно изучаются динамические процессы в сфере словосложения, узуальное и окказиональное композитное словообразование, в том числе в поэтическом дискурсе. Несмотря на это, особенности сложных слов в поэзии Беллы Ахмадулиной остались за пределами научного интереса, особенно в плане их эмоциональной выразительности и художественного воздействия. Статья посвящена исследованию особенностей образования и функционирования сложных слов в лирике Беллы Ахмадулиной. Цель работы – рассмотреть роль сложных слов в передаче эмоций, в отражении культурных символов, в создании художественных образов; раскрыть уникальную художественную ценность сложных слов в поэзии. На основе структурно-семантического подхода и методов описания и компонентного анализа выявляются особенности организации художественного пространства лирики поэта и значимая роль в этом пространстве сложных субстантивных и адъективных образований. Материалом исследования послужили сложные слова, встречающиеся в поэзии Беллы Ахмадулиной 1954–1996 гг. Новизна работы заключается в описании текстообразующей функции сложных слов в лирике поэтессы, в выявлении особенностей валентности основ при композитном словообразовании. Многообразие сложных слов в поэзии Беллы Ахмадулиной позволяет автору продемонстрировать уникальную силу в передаче эмоций и настроений, отразить личный опыт женщины-поэта, показать амплитуды эмоциональных колебаний, выразить культурную идентичность. Для Беллы Ахмадулиной характерно использование метафорических образов, звукописи, цветописи, приема антитезы и других тропов, фигур и стилистических приемов, в результате чего поэзия приобретает богатую многослойность и выразительность, усиливается ее художественная экспрессия.

Ключевые слова: русский язык, язык поэзии, словообразование, сложение, композит

Для цитирования: Чжан Сяофэй. Особенности сложных слов в лирике Беллы Ахмадулиной // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 155–159. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-155-159

Словосложение как один из наиболее продуктивных способов русского словообразования достаточно хорошо изучен в диахроническом и синхронном аспектах. Сложные слова рассматриваются в структурно-семантическом, функциональном и лингвокультурологическом планах. В меньшей степени изучены сложные слова в языке русской поэзии. Поэтический язык стремится к компрессии мысли при сжатости формы, что коррелирует с особенностями семантики и структуры сложных производных слов. Сложные слова по самой своей природе приспособлены для образной репрезентации мира: наличие двух или более основ предполагает соотнесенность с двумя или более референтами, их сопоставление, сравнение и связи. Таким образом, само сложное слово уже представляет минимальный контекст, в котором может реализоваться образное видение мира [1, с. 422].

В поэтической речи сжатые семантические единицы, воплощенные в художественные приемы и несущие определенный эмоциональный заряд, играют немаловажную роль в формировании идиостиля поэта. Стихи Беллы Ахмадулиной насыщены сложными словами. Их исследование способствует более глубокой интерпретации богатых коннотаций лирических произведений, пониманию своеобразного творческого стиля и внутреннего мира поэта.

Белла Ахмадулина – одна из самых самобытных поэтесс в русской литературе XX в. Лирические строки поэта наполнены богатством эмоций и глубокими философскими размышлениями, отражающими уникальное восприятие жизни, любви, природы и искусства. О поэтическом даровании Беллы Ахмадулиной Б. Ш. Окуджава отзывался так: «Как дышит, так и пишет. Это редкое качество, оно говорит о подлинности горения» [2, с. 264]. Емкость и выразительность языка поэзии Беллы Ахмадулиной тесно связаны с точным и образным использованием возможностей русского композитного словообразования. Материалом исследования послужили сложные слова, встречающиеся в поэзии Беллы Ахмадулиной 1954–1996 гг. [3], [4], [5]. Выявленные нами композитные образования в стихотворениях Беллы Ахмадулиной насчитывают более 700 сложных слов, в том числе около 380 сложных существительных и 280 сложных прилагательных (без учета повтора).

Первую группу композитов составляют существительные, образованные с помощью трансфикса *-о-ноль* и имеющие значения наименования предмета (*самовар, ледокол, водосбор* и др.), действующего лица (*птицелов, скалолаз, коновод, рыболов* и др.), отвлеченного действия

(*водопад, сенокос, листопад* и др.). К этой же группе отнесем композиты, имеющие в структуре другие разнообразные суффиксальные элементы со значением действующего лица (*чужеземец, судомойка, конькобежец* и др.) или со значением отвлеченного действия (*звукорождение, кровопролитие, песнопение, чаепитие* и др.).

Ко второй группе композитов относятся разнообразные сложные прилагательные: 1) прежде всего сложения и сращения с именным опорным компонентом (*благообразных, бледнолицый, всевластный, злосчастный* и др.), в том числе с первым словоэлементом – обозначением количества или степени, часто образованным основой числительного/наречия (*второстепенный, четырехколесный, многозначительный* и др.), 2) с глагольным опорным компонентом (*всевидающий, огнедышащий, дикорастущих, медопролитный, странноприимный* и др.), 3) с цветовыми компонентами (*бело-розовый, бледно-зеленый, зелено-серый* и др.).

Самая значительная группа, составляющая 43 % от всех исследованных сложных слов, включает окказиональные (индивидуально-авторские) сложные слова. Окказиональные слова являются необычными словами, существующими лишь в определенном, породившем их контексте, не вошедшими в язык, и отличаются своей новизной, свежестью независимо от реального времени их создания [6, с. 239]. Процесс создания окказиональных слов представляет собой процесс означивания определенных содержательных структур сознания и подсознания автора, означивание индивидуально-авторских концептов и превращения их в языковые знаки [7, с. 60]. В результате окказионализмы становятся непосредственной языковой данностью, в которой «закодированы» многообразные имплицитные смыслы [Там же].

Большинство сложных новообразований в поэзии Беллы Ахмадулиной построено по продуктивным словообразовательным моделям, в частности на основе аппозитивных сочетаний двух существительных, что корректнее назвать сложно-составными словами: 1. «*Нянчит детство и застит аллею, / грузный траур часовни-вдовы*» (здесь и далее выделено нами. – Ч. С.) («Памяти Лены Д.»). 2. «*Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет, / от соседства-родства упасенный отшибом*» («Ночь перед выступлением»). Для лирики Беллы Ахмадулиной характерны аппозитивные новообразования, выражающие оттенки характера людей или характера предметов, обозначенных компонентами сложных слов. Отношения между производящими словами сложных слов в одних случаях могут

быть соотносительны с сочинительными отношениями синтаксически равноправных единиц (*посох-опора, соседство-родство, родина-чужбина* и др.), в других соотносимы с подчинительными отношениями синтаксически неравноправных единиц, носящих характер определения или дополнения (*гигант-репетир, волокита-рыцарь, ботаник-переулок* и др.).

Окказиональные сложные слова в поэтических текстах Беллы Ахмадулиной несут скрытый символический подтекст. Так, например, в стихотворении «*Это дрег – только бред двух схватившихся зорь*» два противоположных по смыслу глагола, *пролетал* и *докучал*, подчеркивают противоречие между легкостью и раздражением: «*Пролетал-докучал светлячок-изумруд. / Усмехнулся историк, заплакал ботаник, / и философ решал, как потом назовут, / спор фатальных предчувствий и действий батальных*». Этот же словесный оборот приобретает глубинный смысл, символизируя течение времени и краткость жизни, намекая на то, что прекрасные явления часто сопровождаются неприятностями и беспокойством. В конструкции *светлячок-изумруд* заложена уникальная образность: мимолетная надежда и красота мерцания светлячка в сочетании с ценностью и вечностью изумруда символизирует мимолетные, но драгоценные моменты жизни. В целом уникальная образность, заключенная в таких окказиональных сложных словах, формирует основу для философских размышлений и эмоциональных конфликтов в стихотворении.

Расположение сложных слов в стихотворной строфе также является заметной приметой идиостиля Беллы Ахмадулиной. Сложные слова, как правило, находятся в сильной позиции конца строки, что придает стихотворению многослойность эмоций и настроений. Например, «*вплетаюсь утром в водопад*» («Грузинских женщин имена»); «*там, где исток звездопада*» («Сад еще не облетал»); «*поблажки небес: то прилив, то отлив снегопада*» («За что мне все это? Февральской теплоты подарки...»); «*и словно, и не надо новшеств, / новей, чем сад и листопад*» («Надпись на книге: 19 октября»). Так, элемент «*пад*» в этих строках передает направленное вниз действие, подчеркивая тем самым внезапное падение возвышенного настроения поэта и глубокое разочарование. Также в стихах Беллы Ахмадулиной отмечается краткая форма сложных прилагательных, которая нередко фиксируется в конце строки: «*а Божий День – всезнающ и всевидящ*» («День: 12 марта 1981 года»); «*и голос чайки душераздирающ*» («Гряды камней»); «*и белый день туманен, белонощен*» («Ночное»). В

отдельных случаях краткая форма сложных прилагательных появляется в начале строки: «*быстроревелик оползень поля*» («Поздней весны польза-обнова...»).

Сложные слова в текстах Беллы Ахмадулиной нередко являются средством создания метафорических образов, звукописи, цветописи, антитезы и других тропов, фигур и стилистических приемов. Особое внимание следует уделить метафоре – одному из наиболее часто используемых поэтической тропов. Белла Ахмадулина объединяет неодушевленные и одушевленные имена существительные в новое сложное слово, в результате чего это слово приобретает жизненность и образность: 1. «*Я погубитель лун и солнц. Прости. / Ты в этом неповинна, печь-сообщник*» («Род занятий»). 2. «*Все это, что жадно вспоминаю я после, / заранее известно столбуконфиденту*» («Друг столб»). 3. «*Столсумасброд, что потчевал невроз... <...> ... и родственно вращался в лад со всеми*» («Наслаждения в Куоккале»).

Белла Ахмадулина тонко улавливает длину, ударение и паузы в слогах сложных слов и использует рифмы, ритмические подъемы и спады для выражения эмоциональных колебаний, создавая у читателя ощущение музыкального потока. Рассмотрим подробно следующие строки: «*О всадник родитель, дай тьмы и теплоты! / Вернемся в отчизну обрыва-отишиба! / С хвостом и в короне смеется: – Толпы ли, / твои ли то речи, избранник-ошибка?*» («Сад всадник»). В этом тексте ритм предложения «*вернемся в отчизну обрыва-отишиба!*» постепенно ускоряется от *вернемся* к *обрыва-отишиба*, пауза (графически дефис) между двумя компонентами сложного слова *обрыва-отишиба* соединяет и в то же время разделяет их, тем самым усиливая звуковое воздействие и напряжение слогов. Во-вторых, в произведениях поэта часто используются гармоничные рифмы, чтобы усилить мелодичность поэзии за счет повторов и симметрии между слогами сложных слов. Например: 1. «*Не по прописке – для разбора, / чтоб в розных куцах не пропасть, / есть Роза-прима, Роза-втора, / а мелкий соименник вздора, / зовется: Розкин непролаз... <...> ... Шутит ботаник-переулок, / любитель роз и тишины, / две улицы и переулок, / (он – к новостройке первоуток), / – растенью грез посвящены*» («Пригород: названия улиц»). 2. «*Он полюбил чужбины второзданность, / чащобудом, дом-волю, дом-овраг*» («Сверканье блесен, жалобы уклочин...»).

Цвет в поэзии Беллы Ахмадулиной не ограничивается передачей визуального восприятия образов, но выполняет роль символа эмоцио-

нального и психологического состояния лирического героя. Во многих стихотворениях Беллы Ахмадулиной присутствуют «цветные» сложные слова, а обозначение цвета почти всегда оригинально и исключительно интересно [8, с. 141]. Так, для обозначения некоего тусклого и неясного цвета в дополнение к традиционному *темный* в стихах автора используется группа сложных слов с экспрессивно-эмоциональной окраской: 1. «И *мглистая* цветочная берлога, / *душно-лилово*, как медвежья пасть» («Вошла в лиловом в логово и в лоно...»). 2. «Немедленно луна *меняет цвет*, / на *мутно-серебристый* и *особый*» («Автомат с газированной водой»). 3. «*Предадимся любви и влечению*, / *взять на время и на времена*, / *голос Нани: серебряный с чернью*, / *мрачно-алый*, как старость вина» («Посвящения Нани»). Белла Ахмадулина также склонна использовать цветные сложные слова на основе антитезы: «*Пораньше встав*, пока *темно-светло*, / *открыв тетрадь*... <...> ... *Меж тем в окне уже светло-темно*...» («Так, значит, как вы делаете, други?...»).

Аналогичным образом антитеза в сложных словах проявляется не только в цветовом контрасте, но и в контрастном изображении пространства (*родина-чужбина*), погоды (*солнце-морозный*, *холодно-теплый* и др.), результата (*триумф-провал*, *улада-расплата* и др.), состояния (*лениво-зорко*, *неусыпно-слепо* и др.), фигуры (*громоздко-стройный*) и т. д. Очевидно, что Белла Ахмадулина предпочитает использовать сложные слова для создания контрастных эффектов, суть которых заключается в передаче сложности и противоречивости эмоций, что не только усиливает эмоциональное напряжение, но и обогащает коннотацию произведения.

Следует особо отметить, что в нашем исследовании мы нашли отражение контраста не только в семантике компонентов и стилистических приемах сложных слов, но и в существенных различиях в частотности употребления сложных слов и их эмоциональной окраске на раннем и позднем этапах творчества поэта. Из 355 проанализированных поэтических текстов 195 датируются периодом с 1954 по 1979 г. (в них встречается 261 сложное слово), тогда как оставшиеся 160 относятся к 1980–1996 гг. и содержат 438 сложных слов. Так, среднее количество сложных слов в 1954–1979 гг., используемых в каждом стихотворении, удвоилось по сравнению с 1980–1996 гг. Анализ этих данных подтверждает, что пик творчества поэта пришелся на 1950–1970-е гг. [9, с. 3], а пик использования сложных слов пришелся на 1980–2000-е гг. Это свидетельствует о том, жизненный опыт и контекст време-

ни приводят к изменению стиля и темы творчества Беллы Ахмадулиной.

Темы ранней поэзии Беллы Ахмадулиной в основном сосредоточены на эмоциональном мире личности и внутренних монологах, которые были наполнены размышлениям о любви, природе, идеалах и свободе. Сложные слова в это время используются для создания нежных, лиричных и романтических образов: *нежно-угловатый*, *величественно-деликатный*, *душа-колокольчик*, *округо-любовный* и др. Так, например, в строках: «*Деньга за щекою, раскосый башимак*, / *в садочке, в калине-малине*. / *И вдруг ни с того ни с сего, просто так*, / *в ресницах — слеза по Марине*...» («Москва ночью при снегопаде»), в контексте стихотворения интересно сложное слово *калина-малина*, состоящее из основ существительных *калина* и *малина*, обозначающих две русские традиционные ягоды и имеющие глубокую культурную символику в русских народных песнях, поэзии и фольклоре. В ассоциации с народной песней «Каринка-Малинка» сложное слово *калина-малина* символизирует вечную любовь, красоту природы и силу жизни. В частности, строка «*в садочке, в калине-малине*» сочетает в себе элементы природы, создавая богатую русскую сельскую атмосферу, наполненную идиллической романтической красотой. Однако поэт соединяет эту фразу, полную прекрасных символов, со следующими строками – «*И вдруг ни с того ни с сего, просто так*, / *в ресницах — слеза по Марине*...», в результате чего произвести мощный разворот эмоций. Такой поворот глубоко отражает личный эмоциональный путь поэта в то время (развод). На этом фоне слово *калина-малина*, изначально символизировавшее счастье и гармонию, по мере развития лирической темы стихотворения приобретает оттенок грусти и печали, подразумевая ностальгию поэта по добрым временам прошлого и глубокую скорбь по утраченной любви.

По мере углубления творчества Беллы Ахмадулиной, особенно после распада Советского Союза, социальных потрясений и перемен в личной жизни, поэтесса перестает довольствоваться только лирическим самовыражением, а начинает размышлять о переменах, о времени и выживании человечества посредством поэзии. В поэзии отразилось использование большего количества символизма и абстракции, поэтому язык стал сложнее и глубже, чем в предыдущий период: *вредоносно-сильный*, *чудак-изгой*, *растенье-нелюдим*, *прихвостень-звезда*, *лакомка-упырь*, *звук-подкидыш*, *вещи-попрошайки* и др. Кроме того, на поздних этапах поэт ориентирован на использование многих сложных слов с пейора-

тивной оценкой: *предместье-прихвостье, прихвостень-звезда, вертихвостка-тварь, хворь-прихвостень* и др.

Таким образом, сложные слова в поэзии Беллы Ахмадулиной являются не только своеобразным стилистическим инструментом, но и важным средством передачи эмоционального и идеологического содержания, формируя уникальный стиль и глубокую содержательную наполненность произведений. Пластичность образования сложных слов позволяет поэту создавать многослойность образов, добиваться точности и яркости выражений, музыкальности произведений. Рассмотрение особенностей композитного словообразования в поэтических текстах Беллы Ахмадулиной представляется значимым для углубления понимания особенностей образования сложных слов, синкретизма их семантики в контексте лирического произведения и отражения в их образности философских и эстетических идей.

Список источников

1. Орлова Н. А. Сложные слова как способ создания образности в художественных произведениях. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2010. С. 422–425.
2. Окуджова Б. Ш. Надежды маленький оркестрик: Лирика (50е–70е). Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 320 с.
3. Ахмадулина Б. А. Сочинения в трех томах. Том 1 / авт.-сост. Б. А. Мессерер, О. П. Грушников. М.: ООО «Издательство ПАН», 1997. 630 с.
4. Ахмадулина Б. А. Сочинения в трех томах. Том 2 / авт.-сост. Б. А. Мессерер, О. П. Грушников. М.: ООО «Издательство ПАН», 1997. 638 с.
5. Ахмадулина Б. А. Сочинения в трех томах. Том 3 / авт.-сост. Б. А. Мессерер, О. П. Грушников. М.: ООО «Издательство ПАН», 1997. 614 с.
6. Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М.: ФЛИНТА, 2011. 328 с.
7. Муратова Е. Ю. Художественная роль окказиональной лексики в творчестве Е. Евтушенко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2014. № 2 (55). С. 59–63.
8. Плужникова Д. М. Косвенно-производные номинации в лирике Беллы Ахмадулиной (на материале слов-соматизмов) // Символ науки. 2016. № 3-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosvenno-proizvodnye-nominatsii-v-lirike-belly-ahmadulinoi-na-materiale-slov-somatizmov>

nominatsii-v-lirike-belly-ahmadulinoi-na-materiale-slov-somatizmov (дата обращения: 20.10.2024).

9. Михайлова М. С. Поэзия Беллы Ахмадулиной: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Красноярск, 2008. 21 с.

References

1. Orlova, N. A. (2010). *Slozhnye slova kak sposob sozdaniya obraznosti v khudozhestvennykh proizvedeniyakh* [Complex Words as a Way of Creating Imagery in Artistic Works]. Pp. 422–425. Samara, Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet. (In Russian)
2. Okudzhava, B. Sh. (2002). *Nadezhdy malen'kii orkestrik: Lirika (50e–70e)* [Little Orchestra of Hopes: Lyrical Poetry (the 1950s–1970s)]. 320 p. Ekaterinburg, U-Faktoriya Okudzhava. (In Russian)
3. Akhmadulina, B. A. (1997). *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Volume 1 / avt.-sost. B. A. Messerer, O. P. Grushnikov. 630 p. Moscow, ООО “Izdatel'stvo PAN”. (In Russian)
4. Akhmadulina, B. A. (1997). *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Volume 2 / avt.-sost. B. A. Messerer, O. P. Grushnikov. 638 p. Moscow, ООО “Izdatel'stvo PAN”. (In Russian)
5. Akhmadulina, B. A. (1997). *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Volume 3 / avt.-sost. B. A. Messerer, O. P. Grushnikov. 614 p. Moscow, ООО “Izdatel'stvo PAN”. (In Russian)
6. Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyi russkii yazyk: Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language: Word Formation]. 328 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)
7. Muratova, E. Yu. (2014). *Khudozhestvennaya rol' okkazional'noi leksiki v tvorchestve E. Evtushenko* [The Artistic Role of Occasional Vocabulary in the Work of E. Yevtushenko]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (55), pp. 59–63. (In Russian)
8. Pluzhnikova, D. M. (2016). *Kosvenno-proizvodnye nominatsii v lirike Belly Akhmadulinoi (na materiale slov-somatizmov)* [Indirect-Derivative Nominations in the Lyrical Poetry of Bella Akhmadulina (based on words-somatisms)]. *Simvol nauki*. No. 3-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosvenno-proizvodnye-nominatsii-v-lirike-belly-ahmadulinoi-na-materiale-slov-somatizmov> (accessed: 20.10.2024). (In Russian)
9. Mikhailova, M. S. (2008). *Poeziya Belly Akhmadulinoi* [The Poetry of Bella Akhmadulina: Doctoral Thesis Abstract]. Krasnoyarsk, 21 p. (In Russian)

The article was submitted on 15.12.2024
Поступила в редакцию 15.12.2024

Чжан Сяофэй,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
TrojanLisa@outlook.com

Zhang Xiaofei,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
TrojanLisa@outlook.com

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-160-166

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС В ЗАГОЛОВКАХ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ (ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

© Чжао Чуньлин, Татьяна Корнеева

THE FIRST HUMAN SPACEFLIGHT IN THE HEADLINES OF SOVIET NEWSPAPERS (A LINGUOCULTURAL ASPECT)

Zhao Chunling, Tatyana Korneyeva

The article studies the linguocultural features of the Soviet newspaper articles' headlines about the events of April 12, 1961 and the following days. The flight into space of the first cosmonaut, the citizen of the Union of Soviet Socialist Republics Yuri Alekseyevich Gagarin, became a world event and had an enormous ideological, political, scientific, technical, cultural and universal influence. Newspaper headlines expressed the people's joy and their attempts to understand the importance of this flight. The research material is based on the headlines of articles published in central Soviet newspapers between April 12 and 20, 1961 (The Pravda, The Izvestiya, The Trud, The Komsomolskaya Pravda, The Sovetsky Sport). The choice of sources is determined by their significant circulation and popularity with different audiences. Using the structural and semantic approach, the methods of contextual analysis and description, we identify lexemes that reflect the main values of the Soviet period. The combination of expression and standard in newspaper articles and their headlines allows us to highlight the special modality of publications. The first articles about the space flight are an informational message and an emotional reaction to the epochal event, so the first headlines are *a headline-address, a headline-report, a headline-motto, a headline-interview, a headline-congratulation and a headline-gratitude*. According to stylistic peculiarities, the first headlines should be determined as *headlines-hyperboles, headlines-epithets, headlines-metaphors and headlines-oxymorons*, there are also headlines based on *synonymous or antonymous varieties*, and on *precedent texts*. The headlines contain an assessment of the event (space flight) and express admiration for the first cosmonaut of the Earth, Yuri Gagarin. The key words in the article titles are *victory, feat, triumph*; in the description of the first cosmonaut of the Earth – *hero, son (of the people, party, Fatherland), Soviet man*, etc. are used. The newspaper headlines reflected the key values of the "country of victorious socialism", which are similar to universal human values.

Keywords: linguoculturology, axiology, newspaper style, newspaper headline, main values of the time, space flight

В статье рассматриваются лингвокультурные особенности заголовков статей советских газет, освещавших события 12 апреля 1961 г. и нескольких последующих дней. Полет в космос первого космонавта – советского гражданина Юрия Алексеевича Гагарина – стал событием мирового масштаба и, безусловно, имел большое значение в идеологическом, политическом, научно-техническом, культурном и общечеловеческом планах. В заголовках газет отражены экспрессия народного ликования и первые попытки осмысления свершившегося. Материалом исследования послужили заголовки статей, опубликованных в центральных советских газетах в период с 12 по 20 апреля 1961 года («Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Советский спорт»). Выбор источников обусловлен их значительным тиражом и обращенностью к разной читающей аудитории. На основе структурно-семантического подхода, методов контекстуального анализа и описания выявляются лексемы, отражающие ключевые ценности советской эпохи. Сочетание в газетных статьях и в их заголовках экспрессии и стандарта позволяет выявить особую модальность публикаций. По содержанию первые статьи о полете человека в космос – это информационное сообщение и эмоциональная реакция на эпохальное событие, в связи с чем первые заголовки – это *заголовок-обращение, заголовок-сообщение, заголовок-лозунг, заголовок-интервью, заголовок-поздравление, заголовок-благодарность*. По стилистическим особенностям следует выделить *заголовки-гиперболы, заголовки-эпитеты, заголовки-метафоры, заголовок-оксюморон, заголовки, построенные на основе синонимических или антонимических рядов и заголовки на основе прецедентных текстов*. В заголовки выносятся оценка события (полет в космос) и выражается восхищение первым космонавтом Земли Ю. А. Гагариным. Ключевыми словами заголовков статей

стали слова *победа, подвиг, триумф*; в описании первого космонавта Земли – наименования *герой, сын (народа, партии, Отчизны), советский человек* и др. В заголовках газет исследуемого периода отразились ключевые ценности «страны победившего социализма», тесно переплетенные с общечеловеческими ценностями.

Ключевые слова: лингвокультурология, аксиология, публицистический стиль, заголовок, ключевые ценности эпохи, полет в космос

Для цитирования: Чжао Чуньлин, Корнеева Т. Первый полет человека в космос в заголовках советских газет (лингвокультурный аспект) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 160–166. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-160-166

Одним из главных событий второй половины XX в. стал полет человека в космическое пространство. Масштаб и важность события можно проследить по его освещению на страницах советской и зарубежной периодической печати [1, с. 22]. Немаловажную роль в передаче настроения общества играют заголовки статей. По замечанию И. Р. Гальперина, «название – это компрессированное, нераскрытое содержание текста <...> Название можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе разворачивания» [2, с. 133]. Заголовки газет выполняют несколько основных функций: информативную, коммуникативную, аттрактивную, экспрессивно-оценочную, выразительную, побудительную и др. [3], [4], [5] и др. Существуют различные подходы к классификации заголовков газет: по степени информативности, по степени сложности, по степени воздействия на аудиторию; различают номинативные (назывные), аттрактивные, оценочные и другие виды заголовков; активно исследуется заголовочный комплекс [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13]. Рассматриваются структурно-семантические, прагматические, стилистические и другие особенности заголовков средств массовой информации. Наше внимание привлекли лингвокультурные особенности заголовков первых публикаций, посвященных полету в космос на корабле «Восток» первого советского космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Именно в них, с нашей точки зрения, наиболее полно отразились ключевые ценности советской эпохи и значимость события для всего советского народа. Материалом исследования послужили статьи, опубликованные в центральных советских газетах в период с 12 по 20 апреля 1961 года: в газетах «Правда» [14] (печатный орган ЦК КПСС), «Известия» [15] (официальный орган руководящих органов Советской власти, Верховного Совета СССР), «Труд» [16] (печатный орган Центрального комитета профсоюзов), «Комсомольская правда» [17] (всесоюзная молодежная газета и официальный печатный орган ЦК ВЛКСМ) и «Советский спорт» [18] (первая спор-

тивная газета СССР, официальный печатный орган Государственного комитета СССР по физической культуре и спорту). Выбор источников обусловлен их значительным тиражом и обращенностью к разным группам читающей аудитории.

По содержанию первые статьи о полете человека в космос – это информационное сообщение и эмоциональная реакция на данное эпохальное событие, в связи с чем первые заголовки – это заголовки-обращения («Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза. К коммунистической партии и народам Советского Союза! К народам и правительствам всех стран! Ко всему прогрессивному человечеству!» [14, № 103, с. 1]), заголовки-сообщения («Сообщение ТАСС. О первом в мире полете человека в космическое пространство» [Там же, с. 2]) и заголовки-лозунги («Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим — покорителям космоса!») [Там же, с. 2].

Синтаксический строй заголовка-обращения, включающий одновременно риторические приемы повтора, анафоры и парцелляции и усиленный экспрессией восклицательных знаков, подчеркивает невиданный масштаб новости и накал эмоций. Тональность «Обращения...» [Там же, с. 1] можно охарактеризовать как «сдержанное ликование». В первых двух предложениях текста обращения отмечается значимость произошедшего: «Свершилось великое событие. Впервые в истории человек осуществил полет в космос». Характерно, что сам факт первого полета человека в космическое пространство дается достаточно коротко и четко: «12 апреля 1961 года в 9 часов 7 минут по московскому времени космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту поднялся в космос и, совершив полет вокруг земного шара, благополучно вернулся на священную землю нашей Родины – Страны Советов». Имя первого космонавта – Юрия Алексеевича Гагарина – появляется только в середине второй части статьи. Фактически все «Обраще-

ние...» — это прославление подвига народа-труженика, народа-победителя. Все языковые средства выражения патетики направлены на реализацию этой цели: 1) многократный повтор прилагательного *первый* (*первый человек, первый искусственный спутник, первым направил* и т. п.) и наречия *впервые*; 2) использование прилагательных *великий, величайший (великое событие, величайшее завоевание науки)*; 3) экспрессивно-эмоциональные эпитеты (*священная земля, беспримерная победа, триумфальный полет, безграничные возможности, могучая сила* и др.), эмотивы (*радость, гордость*); 4) высокая книжная лексика: *подвиг, победа, гений, человечество, новая эра, торжество разума*; 5) метафора: *победа человека над силами природы*. Подвиг осмысливается как результат самоотверженного труда всего советского народа. Притяжательное местоимение *наш*, наряду с личным местоимением *мы*, подчеркивает эту идею (*наши победы, наши достижения, наша страна, нам выпала честь* и др.). Анафорический повтор призыва «честь и слава» подчеркивает единство народа: рабочего класса, советского крестьянства, советских ученых, инженеров, техников, чей труд привел к полету первого космонавта — Ю. А. Гагарина. И образ самого Ю. А. Гагарина, пионера освоения космоса, также неотделим от образа народа. Лейтмотивом обращения является идея преимущества социалистического строя, благодаря которому могло осуществиться эпохальное событие — полет человека в космос. Ключевую роль играют фразы: *страна победившего социализма, могущественная социалистическая держава, коммунистическая партия, партия коммунистов, строящим коммунизм*. Не случайно после сообщения о событии в обращении подчеркивается, что «*Первый человек, проникший в космос, — советский человек, гражданин Союза Советских Социалистических Республик!*». Одним из стилистических приемов, использованных в «Обращении...», является контрастное упоминание «отсталой царской России» и скрытое сравнение с «более развитыми в технико-экономическом отношении странами», которые выбрали другой, не социалистический, путь развития. Вместе с тем подчеркивается, что достижения Советского Союза в освоении космоса — это и достижение человечества. Пафос «Обращения...» — призыв к миру, к разоружению, «к новым победам во имя мира, прогресса, счастья человечества». В «Обращении...» прозвучала ключевая идея: подвиг Ю. А. Гагарина — полет первого человека в космическое пространство — это подвиг всего советского народа, народа-труженика, народа-победителя, вдохновляемого

коммунистической партией и советским правительством, подобное возможно только в стране победившего социализма. Эта мысль прямо или косвенно прослеживается в заголовках дальнейших публикаций.

Характерно, что только незначительная часть заголовков статей отражает хронологию событий: «*Беседа Н. С. Хрущева с первым космонавтом Ю. А. Гагариным*» [14, № 103, с. 2], «*Репортаж с места приземления*» [15, № 88, с. 2], «*Родина чествует героя*» [Там же], «*Москва ликующая*» [Там же, с. 5], «*В эти незабываемые часы*» [16, № 88, с. 4], «*Ю. А. Гагарин чувствует себя очень хорошо*» [Там же, № 89, с. 1], «*Прием в Большом Кремлевском дворце*» [Там же, № 90, с. 1], «*Первые минуты*» [17, № 90, с. 2], «*Прием в Кремле*» [Там же]. Практически во всех статьях в название вынесена экспрессивно-эмоциональная оценка события: «*Новость прекрасная и счастливая*» [14, № 103, с. 4], «*Наше восхищение безгранично*» [Там же, № 105, с. 5], «*Самое замечательное научное достижение*» [Там же, № 104, с. 5], «*Блистательный полет*» [17, № 88, с. 2], «*Самое фантастическое событие в жизни поколения*» [Там же, с. 3], «*Космос покорен!*» [18, № 88, с. 4] и др. Как правило, в заголовках дается оценка событию (полет в космос) и выражается восхищение первым космонавтом Земли Ю. А. Гагариным.

Ключевыми словами заголовков статей о первом полете человека в космическое пространство стали слова *победа, подвиг, триумф*: «*Поздравления с великой победой*» [14, № 104, с. 2], «*Победа труда*» [15, № 88, с. 3], «*Наша победа!*» [17, № 88, с. 3], «*Еще одна победа*» [18, № 89, с. 5]. Лексическое значение слова *победа* (*побежденье*) в словаре В. И. Даля трактуется как действие по значению глагола *побеждать* (*победить*) «осиливать, одолевать, превозмогать, поборо́ть, сми́рять, покоря́ть, подчиня́ть себе, одержать верх, совладать; быть первым при состязании» [19, с. 139]. В современном толковом словаре акцент смещается на сему *успех*: «успех в бою..., в соревновании..., в борьбе за что-л., достижение в результате борьбы, преодоления чего-л.» [20]. В заголовках статей победа рассматривается не только в аспекте космической гонки с Западом (ср.: «*Русские идут первыми*» [14, № 107, с. 3], «*Россия выиграла соревнование*» [15, № 88, с. 6], «*Знамя первенства*» [Там же]), но прежде всего как преодоление последствий второй мировой войны. Страна, понесшая страшные людские потери во время Великой Отечественной войны, фактически обескровленная, с разрушенными городами, деревнями, селами, только восстанавливающая промышлен-

ность и сельское хозяйство, осталась не сломленной. Так же слово *подвиг* в «Словаре...» В. И. Даля трактуется как «доблестный поступок, дело, или важное, славное деяние» [19, с. 164], в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова значение уточняется: «героический, самоотверженный поступок, совершенный в опасных условиях, связанный с риском» [20]. Совершение подвига связано с высочайшим напряжением всех духовных и физических сил человека, поэтому в лексеме уже содержится коннотация высокого стиля, не требующая уточнения. Однако описываемое событие является настолько неординарным, что в заголовках статей очень часто звучит словосочетание *великий подвиг* («Труд и подвиг миллионов» [14, № 106, с. 1], «Великий подвиг будет жить в веках» [Там же, № 105, с. 2], «В честь великого подвига» [Там же, № 106, с. 5], «Подвиг поколения» [17, № 89, с. 4]). Как уже отмечено в упомянутом «Обращении...», осуществленный первый полет человека в космос – это победа и подвиг всего советского народа под руководством Коммунистической партии, а также достижение всего человечества (ср.: «Подлинный триумф» [14, № 105, с. 5], «Свершение века» [15, № 88, с. 4], «Триумф человечества» [17, № 88, с. 3]).

Экспрессивно-эмоциональная лексика преобладает и в заголовках статей, посвященных Ю. А. Гагарину. Ключевыми в описании первого космонавта Земли являются наименования: 1) по гражданству (*советский человек* (лейтмотив многих заголовков), *человек Советского Союза*, *Гражданин СССР*); 2) по родству (*сын народа*, *сын великой партии Ленина*; *твой сын*, *Отчизна!*); 3) по профессии (в прямом значении: *парень в спецовке литейщика*, *космонавт*, *капитан звездолета*; в метафорическом значении: *лоцман Вселенной*); 4) по аналогии с Х. Колумбом (*первооткрыватель*, *космический Колумб*, *Колумб современности*, *Колумб космоса*, *Колумб двадцатого века*, *советский Колумб во Вселенной*); 5) по другим ассоциациям (*хозяин космоса*, *посланец земли*); 6) прецедентное наименование (*Герой нашего времени*); 7) наименование по имени (*Юрий Гагарин*; *Юрий* с достаточно редким *ты-обращением*); 8) по отличительным качествам («*Сильный*, *волевой*, *мужественный*» [18, № 89, с. 5], *человек-титан*, *Человек* (с большой буквы)); 9) наименование *герой* (*герой*, *герой СССР*, *герой человечества*, *Родина чествует героя*, *подлинный герой*, *герой космоса*, *герой страны космонавтов*, *Героизм*, *помноженный на мощь державы!*); 10) наименования подвига: *богатырский*, *БЕССМЕРТНЫЙ*, *подвиг во имя мира и прогресса*, *подвиг человека-титана*.

Лингвокультурную суть образа Ю. А. Гагарина в центральной советской печати отразил писатель Юрий Яковлев в статье «Простой советский человек» [21, с. 3]. В ней на основе стилистического приема контраста прослеживается «мысль народная»: подвиги совершают *простые советские люди*, таких большинство, каждый, приложив старание и усердие, может стать таким.

Аксиологическая специфика заголовков советских газет данного периода реализуется во всех типах названий статей.

Заголовки-поздравления: «*Поздравляют друзья*» [14, № 103, с. 4], «*Говорят наши гости*» [Там же], «*Поздравления с великой победой*» [Там же, № 104, с. 3], «*Мир приветствует нашу победу*» [15, № 90, с. 4], «*Финский народ поздравляет*» [16, № 89, с. 3], «*Немеркнущая победа. Телеграммы Хрущеву и Брежневу от государственных деятелей братских стран*» [17, № 89, с. 2], «*Эввива Гагарин!*» [18, № 90, с. 6] и др.

Заголовки-интервью: «*Ю. Гагарин: Горячий привет и читателям «Правды» и «Известий»*» [14, № 103, с. 3], «*Репортаж с улицы Циолковского*» [Там же, с. 6], «*Рассказывает Юрий Гагарин*» [Там же, № 105, с. 6], «*Первый космонавт рассказывает*» [16, № 89, с. 2], «*Дорога к звездам. Репортаж из дома первого космонавта*» [17, № 88, с. 4].

Заголовки-благодарности: «*Уральский поклон*» [16, № 89, с. 1], «*Горняцкое спасибо*» [Там же], «*Колхозное спасибо*» [17, № 89, с. 1].

Заголовки-лозунги: «*Да здравствует разум!*» [15, № 88, с. 3], «*Во имя мира и прогресса*» [Там же, № 89, с. 1], «*Творцам «Востока» – слава!*» [Там же, № 91, с. 1], «*Во имя мира и счастья*» [16, № 89, с. 1], «*Во имя родины*» [Там же, № 91, с. 1].

По использованным стилистическим средствам частотны следующие виды заголовков.

Заголовки-гиперболы: «*День, который войдет в века*» [15, № 90, с. 1], «*Великое чудо всех веков*» [16, № 88, с. 3], «*Мечта человечества осуществлена*» [Там же, № 89, с. 4], «*Мировое достижение советской науки*» [Там же, № 91, с. 1], «*Буря восторгов*» [17, № 88, с. 3], «*Самое фантастическое событие в жизни поколения*» [Там же], «*Не выразить словами*» [18, № 88, с. 4], «*Выдающиеся события*» [Там же], «*Безгранично рады*» [Там же, с. 5], «*Великий подвиг во имя мира и счастья человечества*» [Там же, № 89, с. 1].

Заголовки-метафоры: «*Путь в космос*» [14, № 104, с. 4], «*Вестник мира*» [Там же, с. 6], «*Прыжок в небо*» [Там же, № 106, с. 3],

«Весна человечества» [16, № 89, с. 3]. Нередко в заголовках представлена метафоризация грамматического элемента высказывания (грамматический символизм): «К звездам!» [14, №104, с. 4], «Самая счастливая» (в статье говорится о матери первого космонавта) [Там же, с. 5], «Будет!» (о космических полетах на планеты других миров) [16, № 88, с. 3], «Как дома» [Там же, № 91, с. 3], «От всего сердца!» [18, № 89, с. 5].

Заголовок-оксюморон: «Долгожданная неожиданность» [18, № 88, с. 7].

Заголовки-эпитеты: «Блистательный старт» [15, № 88, с. 3], «Праздничный Невский» [Там же, с. 5], «Эпохальное достижение» [Там же, с. 6], «Богатырский подвиг» [15, № 91, с. 3], «Чудесные эксперименты» [Там же], «Сказочный полет» [16, № 91, с. 3], «Радостная весть» [17, № 89, с. 2].

Заголовки-антонимы: «Небо и земля» [14, № 103, с. 4], «Запад и Восток» [16, № 89, с. 3], «Запад восхищен Востоком» [18, № 88, с. 7].

Заголовки-синонимы: «Слава и гордость народа» [14, № 104, с. 3], «Честь и хвала русским» [Там же, с. 5], «Честь и слава!» [Там же, № 107, с. 3].

Заголовки – прецедентные тексты: «Человек – это звучит гордо» [14, № 104, с. 5], «Герой нашего времени» [Там же, с. 6], «Нам придется снять шляпы перед русскими» [Там же, №105, с. 5], «Родина слышит, Родина славит» [Там же, № 107, с. 6], «Американцы снимают шляпы» [15, № 89, с. 3], «...Горит Восток» зарею новой!» [16, № 89, с. 3], «А всё-таки она вертится!» [18, № 88, с. 7].

Заголовки газет отражают информационную специфику советских изданий и особенности освещения ими эпохального события. В газете «Правда», помимо описания хроники полета Ю. А. Гагарина и репортажей с места приземления космонавта, большое внимание уделяется мировой реакции на достижение Советского Союза. Значительная часть статей – это отклики на событие мировых лидеров, зарубежных деятелей науки и искусства, простых людей («Мир слушает, мир аплодирует» [14, № 105, с. 5], «Мы восхищены» [Там же, №104, с. 5], «Америка потрясена» [Там же] «Победная песнь социализма» [Там же, № 106, с. 5], «Русские идут первыми» [Там же, № 107, с. 3] и др.). В газете «Известия» также большое внимание уделяется реакции мировой прессы, однако основной акцент публикаций сделан на описании народного ликования и личности первого космонавта («В семье героя» [15, №88, с. 2], «Рождение профессии» [Там же, с. 3], «Москва ликующая» [Там же, с. 5], «Праздничный Невский» [Там же], «Гражданин СССР –

герой планеты Земля» [Там же], «Родина честует героя» [там же, № 90, с. 1]). Тема труда и людей труда освещается в газете «Труд», здесь основное внимание уделяется становлению будущего космонавта («Говорят Герои социального труда» [16, № 89, с. 1], «Парень в спецовке литейщика» [Там же, с. 2], «Так готовился Гагарин» [16, № 89, с. 2], «Всегда показывал пример» [Там же, с. 4], «Летопись штурма Вселенной» [Там же], «Простой советский человек» [Там же, № 90, с. 3]). Заголовки молодежной газеты «Комсомольская правда» отличаются краткостью, метафоричностью, эмоциональностью, задором («Гордость, радость, восхищение» [17, № 88, с. 2], «Об этом мечтал Циолковский» [Там же], «Обнимаем капитана звездолета» [Там же], «Это – как песня» [Там же], «Наша победа!» [Там же, с. 3], «Дорога к звездам» [Там же, с. 4], «Глядя в лицо Земли» [Там же, № 89, с. 1], «Вокруг шарика» (приводится цитата из высказывания В. Чкалова) [Там же, с. 2], «Подвиг поколения» [Там же, с. 4], «Здравствуй, Юрий!» [Там же, № 90, с. 1], «Небо стало выше» [Там же, №91, с. 4] и др.). Тема поколения прослеживается в газете «Советский спорт» («Герои неба – герою космоса» [18, № 88, с. 4], «Мечтаем, дерзаем!» [Там же], «Свидетель триумфа – наше поколение» [там же, с. 5], «Говорят однофамильцы героя» [Там же], «Мы люди большого полета» [Там же], «Космос говорит по-русски» [Там же], «Покоряем вселенную» [Там же], «Горжусь тобой, друг!» [Там же, № 92, с. 2]). Данная тема реализуется и на грамматическом уровне – использованы формы первого лица единственного и множественного числа местоимений и глаголов.

Центральные советские газеты, помимо информационной и воздействующей функций, выполняли функцию агитации и пропаганды, поэтому в заголовках газет исследуемого периода отразились не только основные события времени, но и ключевые ценности «страны победившего социализма», тесно переплетенные с общечеловеческими ценностями.

Список источников

1. Карасик В. И. Сюжетная символика повествования о полетах в космос // Язык и культура. 2022. № 60. С. 22–37.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига. 2007. 144 с.
3. Богданова О. Ю. Заголовок как элемент текста // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13, №1. С. 116–119.
4. Вомперский В. А. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публици-

стики (проблемы теории и мастерства): тез. докл. на республикан. науч. конф.-семинаре. Алма-Ата: Length, 1966. С. 82–85.

5. Мужев В. С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. 1970. Вып. 55. Вопросы романо-германской филологии. С. 86–94.

6. Добросклонская Т. Г. Медиа́тэкст: теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 28–34.

7. Кожина Н. А. Способы выражения заглавия в заглавиях художественных текстов. Проблемы экспрессивной стилистики: учебное пособие. Ростов н/Д, 1987. С. 21–30.

8. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Изв. Урал. гос. унта. 2006. № 40. С. 161–166.

9. Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2008. 98 с.

10. Незговоров С. В. Структурно-семантические особенности заголовков газетных очерков (на материале газеты «Правда Севера» 70-х годов XX века) // Развитие Северо-Арктического региона: вопросы сохранения культурного наследия народов Арктики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Архангельск, 28-29 апреля 2022 года. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2022. С. 294–298.

11. Сафонов А. А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров / под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1981. С. 205–227.

12. Тertychnyi A. A. Заголовок – слово главное // Журналист. 2004. №1. С. 80–82.

13. Шостак М. А. Сочиняем заголовок // Журналист. 1998. № 3. 59 с.

14. Правда. 1961, 13 апр. № 103; 14 апр. № 104; 15 апр. № 105; 16 апр. № 106; 17 апр. № 107.

15. Известия. 1961, 13 апр. № 88; 14 апр. № 89; 15 апр. № 90; 16 апр. № 91.

16. Труд. 1961, 13 апр. № 88; 14 апр. № 89; 15 апр. № 90; 16 апр. № 91.

17. Комсомольская правда. 1961, 13 апр. № 88; 14 апр. № 89; 15 апр. № 90; 16 апр. № 91.

18. Советский спорт. 1961, 13 апр. № 88; 14 апр. № 89; 15 апр. № 90; 16 апр. № 91; 17 апр. № 92.

19. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х. М.: Рус. яз., 1999. Т.3: П. 1999. 555 с.

20. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (дата обращения: 20.12.2024).

21. Яковлев Ю. Простой советский человек // Труд. 1961, 15 апр. № 96 (12262). С. 3.

2. Gal'perin, I. R. (2007). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. 144 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)

3. Bogdanova, O. Yu. (2007). *Zagolovok kak element teksta* [A Headline as a Text Element]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 13, No. 1, pp. 116–119. Kostroma. (In Russian)

4. Vomperskii, V. A. (1966). *K izucheniyu sintaksicheskoi struktury gazetnogo zagolovka* [On the Study of the Syntactic Structure of a Newspaper Headline]. Alma-Ata. Iskustvo publitsistiki (problemy teorii i masterstva): tez. dokl. na respublikan. nauch.konf.-seminare, pp. 82–85. (In Russian)

5. Muzhev, V. S. (1970). *O funktsiyakh zagolovkov* [On Headline Functions]. Uchenye zapiski MGPIIIa im. M. Toreza. Vyp. 55. Voprosy romano-germanskoj filologii, pp. 86–94. Moscow. (In Russian)

6. Dobrosklonskaya, T. G. (2005). *Mediatekst: teoriya i metody izucheniya* [Media Text: Theory and Methods of Study]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika. No 2, pp. 28–34. Moscow. (In Russian)

7. Kozhina, N. A. (1987). *Sposoby vyrazheniya zaglaviya v zaglaviyakh khudozhestvennykh tekstov* [Methods of Expressing the Headline in the Titles of Fiction Texts]. Rostov on Don. Problemy ekspressivnoi stilistiki: uchebnoe posobie. Pp. 21–330. Rostov n/D. (In Russian)

8. Lazareva, E. A. (2006). *Zagolovochnyi kompleks teksta – sredstvo organizatsii i optimizatsii vospriyatiya* [The Headline Complex of the Text as a Means of Organizing and Optimizing Perception]. Ural. Izv. Ural. gos. unta. No. 40, pp. 161–166. (In Russian)

9. Mel'nik, G. S., Tepliashina, A. N. (2008). *Osnovy tvorcheskoi deiatel'nosti zhurnalista* [The Headline Complex of the Text as a Means of Organizing and Optimizing Perception]. 98 p. St. Petersburg. Piter. (In Russian)

10. Nezgovorov, S. V. (2022). *Strukturno-semanticheskie osobennosti zagolovkov gazetnykh ocherkov (na materiale gazety "Pravda Severa" 70-kh godov XX veka)* [Structural and Semantic Features of Newspaper Essay Headlines (based on the newspaper "The Pravda Severa" of the 1970s)]. Razvitie Severo-Arkticheskogo regiona: voprosy sokhraneniya kul'turnogo naslediya narodov Arktiki: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Arkhangel'sk, 28–29 aprelya 2022 goda. Arkhangel'sk, Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M. V. Lomonosova, pp. 294–298. Arkhangel'sk. (In Russian)

11. Safonov, A. A. (1981). *Stilistika gazetnykh zagolovkov* [Stylistics of Newspaper Headlines]. Pp. 205–227. Moscow. (In Russian)

12. Tertychnyi, A. A. (2004). *Zagolovok – slovo glavnoe* [The Title is the Main Word]. Zhurnalists. No. 1, pp. 80–82. (In Russian)

13. Shostak, M. A. (1998). *Sochinyaem zagolovok* [Creating a Headline]. Zhurnalists. No. 3, p. 59. (In Russian)

14. Pravda (1961) [The Pravda]. 13 apr. No. 103 (15593); 14 apr. No. 104 (15594); 15 apr. No. 105

References

1. Karasik, V. I. (2022). *Siuzhetnaya simbolika povestvovaniya o poletakh v kosmos* [Plot Symbolism of the Narrative of Space Flights]. No. 60, pp. 22–37. Moscow. Yazyk i kul'tura. (In Russian)

(15595); 16 apr. No. 106 (15596); 17 apr. No. 107 (15597). (In Russian)

15. *Izvestiya* (1961) [The Izvestiya]. 13 apr. No. 88 (13634); 14 apr. No. 89 (13635); 15 apr. No. 90 (13636); 16 apr. No. 91 (13637). (In Russian)

16. *Trud* (1961) [The Trud]. 13 apr. No. 88 (12260); 14 apr. No. 89 (12261); 15 apr. No. 90 (12262); 16 apr. No. 91 (12263). (In Russian)

17. *Komsomol'skaya Pravda* (1961) [The Komsomolskaya Pravda]. 13 apr. No. 88 (11028); 14 apr. No. 89 (11029); 15 apr. No. 90 (11030); 16 apr. No. 91 (11031). (In Russian)

18. *Sovetskii sport* (1961) [The Sovetsky Sport]. 13 apr. No. 88 (3979); 14 apr. No. 89 (3980); 15 apr. No. 90

(3981); 16 apr. No. 91 (3982); 17 apr. No. 92 (3983). Moscow. (In Russian)

19. Dal', V. (1999). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. T.3, 555 p. Moscow. Rus. yaz. (In Russian)

20. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: A-Ya* (1998) [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: A-Z] 1534 p. St. Petersburg. Norint. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (accessed: 20.12.2024). (In Russian)

21. Yakovlev, Yu. (1961). *Prostoi sovetskii chelovek* [A Simple Soviet Man]. Trud. 15 apr. No. 96 (12262), p. 3. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 13.01.2025

Поступила в редакцию 13.01.2025

Чжао Чуньлин,

аспирант,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

18545241852@163.com

Zhao Chunling,

graduate student,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

18545241852@163.com

Корнеева Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук,

доцент,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

tatyana.tak1110@gmail.com

Korneyeva Tatyana Alexandrovna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

tatyana.tak1110@gmail.com

УДК 81'255.4

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-167-172

ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО *ВОТ*: ФУНКЦИИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

© Мань Шао

THE DISCOURSE WORD *VOT*: FUNCTIONS AND DIFFICULTIES OF TRANSLATION INTO CHINESE

Man Shao

Discourse words play an important role in structuring speech, creating text coherence and conveying modality. This article studies the functions of the Russian discourse word “*вот*” and the analysis of ways to translate it into Chinese. The focus is the versatility of the discourse word “*вот*”, its syntactic and semantic features. The paper considers the functions of the discourse word “*вот*”, analyzing the data of the National Corpus of the Russian language. These functions include: pointing to an object, person, or event; transmitting a sequence of actions or events; enhancing emotions (for example, irony), emphasizing attention; organizing discourse through highlighting information or attracting attention; using it as a parasite word in colloquial speech. There are no direct analogues of the discourse word “*вот*” in the Chinese language. The article analyzes examples including the discourse word “*вот*” from the Russian corpus, and conducts their comparison with equivalents in the Russian-Chinese parallel corpus of the National Corpus of the Russian language. The comparative analysis revealed eleven Chinese equivalents, however, each of them expresses only certain aspects of the meaning of the Russian word “*вот*”, which leads to possible semantic losses. Translation difficulties are associated with differences in grammatical and lexical ways of expressing time, pointing to objects and emotional shades in these languages. The article emphasizes that the versatility and polysemy of the discourse word “*вот*” require special attention when translating from Russian into Chinese. Translation often leads to a loss of speech expressiveness, which underlines the need for further research.

Keywords: discourse words, Chinese language, Russian language, corpus analysis, translation

Дискурсивные слова играют важную роль в структурировании речи, создании связности текста и передаче модальности. Настоящее исследование посвящено изучению функций русского дискурсивного слова *вот* и анализу способов его перевода на китайский язык. Основное внимание уделяется многофункциональности этого слова, его синтаксическим и семантическим особенностям. В работе рассмотрены функции дискурсивного слова *вот*, выявленные с помощью анализа данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Эти функции включают: указание на объект, лицо или событие; передачу последовательности действий или событий; усиление эмоций (например, иронии), акцентирование внимания; организацию дискурса через выделение информации или привлечение внимания; использование как слова-паразита в разговорной речи. Выясняется также, что прямые аналоги дискурсивного слова *вот* в китайском языке отсутствуют. Проведен корпусный анализ примеров, включающих дискурсивное слово *вот*, и сопоставление с эквивалентами в русско-китайском параллельном корпусе НКРЯ. Сопоставительный анализ, выполненный на его базе, выявил одиннадцать китайских эквивалентов, однако каждый из них выражает лишь отдельные аспекты значения русского слова *вот*, что приводит к возможным смысловым потерям. Трудности перевода связаны с различиями в грамматических и лексических способах выражения времени, указания на предметы и эмоциональных оттенков в указанных языках. Выводы исследования подчеркивают, что многофункциональность и полисемия дискурсивного слова *вот* требуют особого внимания при переводе с русского языка на китайский. Перевод нередко приводит к утрате выразительности речи, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований.

Ключевые слова: дискурсивные слова, китайский язык, русский язык, корпусный анализ, перевод

Для цитирования: ШАО Мань. Дискурсивное слово *вот*: функции и трудности перевода на китайский язык // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 167–172. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-167-172

Введение

Дискурсивные слова (далее – ДС) играют важную роль в организации речи, создании связности текста и выражении модальности. Трудность научного описания ДС связана с тем, что «в отличие от полнзначных слов, лексико-грамматический и синтаксический статус ДС в разных их употреблениях не очевиден (в силу их неизменяемости и способности занимать самые разные позиции)» [1, с. 250]. Для носителей русского языка ДС кажутся естественными и не требуют осмысления, однако перевод этих слов на китайский язык, языковая система которого существенно отличается, вызывает трудности.

В предыдущих исследованиях мы пришли к выводу, что у ДС есть «основные и периферийные прагматические функции» [2, с. 36]. При этом, если ДС выполняет свою основную функцию, его перевод характеризуется меньшей вариативностью, чем в случае выполнения периферийных функций, реализация которых в большей степени зависит от контекста и общего смысла высказывания [Там же].

Основные трудности перевода связаны с различиями в синтаксических структурах и значениях лексических единиц русского и китайского языков. Так, в китайском языке второстепенные члены предложения и служебные части речи не несут столь большой семантической нагрузки, они не способны передавать оттенки значения всего предложения. Это ведет к неправильному использованию ДС при переводе на китайский язык.

Методология

Целью данного исследования является выявление и анализ трудностей, которые возникают при переводе русского ДС *вот* на китайский язык. В статье исследуются различные функции и значения слова *вот* в русском языке и рассматриваются возможные эквиваленты и способы передачи этих значений на китайский язык.

Для анализа контекстов с ДС *вот* был использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Были отобраны примеры реализаций значений этого слова в разных жанрах (газетные тексты, художественная литература, разговорная речь). Корпусный анализ помог выявить основные функции его. Затем был проведен анализ способов перевода предложений с данным ДС с русского языка на китайский в русско-китайском параллельном корпусе НКРЯ.

На основе примеров из корпуса с помощью Русско-китайского учебного словаря мы выполнили сопоставительный анализ функций ДС *вот* в русском языке и возможных аналогов его в китайском. Рассматривались такие аспекты, как синтаксическая позиция, семантика слова и наличие / отсутствие дискурсивных аналогов в китайском языке.

Результаты исследования

Русское ДС *вот* является многозначным и может использоваться в различных синтаксических и прагматических функциях. Оно, как и другие ДС, характеризуется функциональной полисемией, связанной с реализацией множества частных значений [3].

В толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой выделяется четыре значения данного ДС [4]:

1. Указание на человека или предмет. Если при этом сочетается со словами *какой* или *как*, то подчеркивается качественно-количественная характеристика объекта. Также в этом значении может выражать удивление.
2. Выделение главного в сообщении.
3. Выражение истинности (соответствует *вот именно*).
4. Связка в именном сказуемом.

Морфологически ДС *вот* относится к разряду частиц. Однако оно может выступать в роли указательного местоимения, вводного слова и выполнять дискурсивные функции, которые связывают единицы и выражают различные оттенки значения в зависимости от контекста. Далее рассмотрим реализацию функций ДС *вот* на примерах из НКРЯ [5].

Выполняя роль указательного местоимения, ДС *вот* обозначает конкретный объект или событие, привлекая к нему внимание собеседника. Оно служит для указания на предметы, лица или явления, находящиеся в непосредственной близости или только что произошедшие:

(1) *Вот оно, единение двух родственных душ – сцена, когда они изображают американскую семью, принимающую гостей* (Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008–2011) [5] (здесь и далее разрядка наша – М. Ш.))

Частица *вот* выполняет различные модальные и экспрессивные функции. Она может использоваться для усиления утверждения, выделения или акцентирования:

(2) *Вот и закончилось наше путешествие по стране Агрос* (Л. И. Шустова. Путешествие по стране Агрос (2003) // «Биология», 01.07.2003) [Там же].

(3) *4 апреля 1995 года. Вот это да! Просто нет слов* (Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)) [Там же].

В примере (2) частица *вот* подчеркивает завершение события, а в (3) – усиливает удивление или эмоциональную реакцию на ситуацию.

Выполняя функцию вводного слова, *вот* часто используется в разговорной речи для организации дискурса, привлечения внимания или структурирования текста. Оно может служить для введения «кванта новой, но логически связанной с предыдущим отрезком дискурса информации» [6, с. 171]:

(4) *И вот однажды он говорит: у меня тут музыка есть, но для песен не годится — куда ее пристроить?* (Валерий Кичин. Москва у стен Нотр-Дам // «Известия», 2002.05.21) [5].

В дискурсе слово *вот* часто используется для установления связи между частями текста, выполняя роль маркера перехода от одной мысли к другой. В таких случаях оно может обозначать переход к важной информации или логическому продолжению предыдущей мысли:

(5) *И вот результат – в ближайшее время в Барановичах наладят ремонт вертолетов Ми-29-24 и Ми-29-8 МТ, причем как российских, так*

и белорусских (Новости месяца // «Воздушно-космическая оборона», 2002) [Там же].

В данном примере *вот* служит маркером перехода от описания усилий к итогам, создавая связь между действиями и их результатом.

Прямые аналоги ДС *вот* в китайском языке отсутствуют, что усложняет его перевод и понимание. Так, в Большом китайско-русском словаре [7] к русскому слову *вот* зафиксировано 11 непрямых эквивалентов в китайском языке:

- 1) 这就是zhè jiù shì (вот так);
- 2) 刚...又...gāng ... yòu ... (только что... опять...);
- 3) 真是zhēn shì (правда);
- 4) 太tài (очень);
- 5) 正是zhèng shì (верно);
- 6) 来lái (появление);
- 7) 也就这样yě jiù zhè yàng (и всё);
- 8) 希望xī wàng (мечты);
- 9) 马上就mǎ shàng jiù (срочно);
- 10) 走着瞧吧zǒu zhuó qiáo bā (видно);
- 11) 看吧kàn bā (посмотрим).

Затем был проведен анализ способов перевода ДС *вот* в русско-китайском параллельном корпусе НКРЯ. Результаты анализа сведены в табл. 1. Материалы, содержащие ДС *вот*, включают 69 текстов и 2969 примеров.

Таблица 1

ДС *вот* в русско-китайском параллельном корпусе НКРЯ

№ примера	Эквивалент в китайском языке	Примеры из НКРЯ
(1)	就有jiù yǒu (есть)	<i>Вот</i> есть же сорта, от которых не плачешь. 就有那种 不会让你哭泣的品种。
(2)	这里zhè lǐ (здесь)	Когда Исаак видит, что Авраам не взял с собой жертвенное животное, он спрашивает отца: « <i>Вот</i> огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» 当依撒格看到亚巴郎并没有带献祭的羔羊, 就问父亲看, 这里 有火有柴, 但是哪里有作全燔祭的羔羊?
(3)	忽然hū rán (вдруг)	<i>И вот</i> , явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. 忽然 , 梅瑟和厄里亚也显现给他们, 正在同耶稣谈论。
(4)	这就是zhè jiù shì (вот так)	<i>Вот</i> почему христианское богословие не отделяет вечного Сына Божия от родившегося во времени Человека Иисуса. 这就是 基督神学不会把永恒上帝之子, 从于时间中诞生的人耶稣中分开的原因。
(5)	看/看到kàn / kàn dào (видно)	Ещё немного – и <i>вот</i> они, залитые моей кровью, поменявшие цвет голыши под мостом. 一会儿我就 看到了 桥下那些因沾满我的血肉而改变了颜色的卵石。
(6)	就是jiù shì (верно)	<i>Вот</i> так обстояли дела, когда я нашёл перед храмом и принёс домой замёрзшего и еле дышавшего Лань Ляня. 就是在 这样的情景之下, 我从关帝庙前, 把冻得只有一口游气的蓝脸抱了回来。
(7)	真想zhēn xiǎng (мечты)	У Лао Цуя защищало в носу, он расплакался: – Эх, брат, <i>вот</i> бы и мне с тобой, играли бы вместе на барабанах. 不知怎么, 老崔鼻子一酸, 竟哭了: “哥, 真想 跟你去打鼓。”
(8)	正/正是zhèng/zhèng	Так <i>вот</i> , он прошел от вашего присутствия, совершенно без последствий.

	èng shì (верно)	正因为有您在身边，我这次犯病很快就过去了，没有造成任何后果。
(9)	瞧qiáo (посмотрим)	Вот улица видна и братья-лопухи на ней, вот собака подходит к забору задрать лапку. 瞧, 街道清晰可见, 街道上是一对傻瓜兄弟, 瞧, 一条狗走近栅栏, 抬起爪子。
(10)	喏nuò (ну)	«А дети?» «Вот все дети». «Кто же в лавке остался?!» “孩子们呢?” “喏, 全都在。” “那, 谁留下照看店铺呀?!”
(11)	现在xiàn zài (сейчас)	И вот в эту роковую минуту его с невероятной силой потянуло к тем самым кустам. 现在也是一念之差, 身体里像有一股热辣在涌动, 人竟不由自主凑了上去。
(12)	实在shí zài (правда)	Я вот проголодался очень — приготовь-ка мне лучше курицу с перцем, да поживей, а еще возьми цзиней пять муки и напеки лепешек, чтоб я заснул на сытый желудок. 我实在饿极了, 还是赶快去做一盘辣子鸡, 烙五斤饼来, 给我吃了好睡觉。
(13)	Нулевой перевод	С начала 2004 года Пресс-канцелярия Госсовета КНР вот уже 16 лет подряд публикует эти данные. 自2004年起, 国新办/连续16年公布新闻发言人名录。

Проанализируем, какие проблемы могут возникнуть при переводе различных оттенков значений ДС *вот* на китайский язык. Примеры и перевод взяты из Русско-китайского учебного словаря [8, с. 96–97].

1. Указание на предмет.

Пример: *Вот дом, в котором я живу.*

Китайский перевод: 这就是我住的房子。

Здесь *вот* используется для указания на предмет, находящийся рядом. В китайском языке для перевода используется выражение 这就是 (zhè jiùshì), дословный перевод – *именно это*. Однако в данном варианте перевода отсутствует аналогичная степень вовлеченности, которая характерна для русского языка.

2. Последовательность действий, событий.

Пример: *Вот был дождь, а вот теперь идет снег.*

Китайский

перевод:

这里刚下过雨, 现在又下雪了。

В этом контексте *вот* показывает хронологическую последовательность действий. В китайском языке подобные конструкции могут быть переведены через временные указания, такие как «только» (gāng – ‘только что’) и «теперь» (xiànzài – ‘сейчас’).

3. Усиление эмоций.

Пример: *Вот я идиот!*

Китайский перевод: 我真是个白痴!

Здесь *вот* усиливает эмоциональность высказывания. В китайском языке усиление эмоций передается через такое выражение, как «真是» (zhēnshì), что примерно соответствует русскому *я, действительно...*

4. Слово-паразит в живой разговорной речи.

Пример: *Я, вот, если честно, не помню, о чем была книга.*

Китайский

перевод:

老实说, 我不记得这本书讲了什么。

Здесь *вот* используется как слово-паразит для заполнения паузы. В китайском варианте перевода ДС *вот* опущено.

5. Реакция на ожидаемое событие.

Пример: *Вот и пришла зима.*

Китайский перевод: 冬天来了。

В китайском языке подобное значение передается через стандартное выражение с указанием на наступление события (来, lái – ‘приходить’), но отсутствует эмоциональный оттенок, который есть в русском языке.

6. Усиление иронии.

Пример: *Вот тебе и пикник...*

Китайский перевод: 野餐就这么结束了...

В китайском языке такой иронический оттенок может быть сложным для передачи, так как китайская риторическая традиция менее склонна к использованию иронии в таких контекстах.

7. Усиление желания.

Пример: *Вот бы сейчас борща поесть!*

Китайский

перевод:

真希望我现在就能喝到红菜汤!

Здесь *вот* выражает пожелание, что в китайском языке передается через фразу 真希望 (zhēn xīwàng – ‘я действительно надеюсь’).

8. Акцентирование внимания.

Пример: *Вот, я же говорил, что надо было взять зонтик.*

Китайский

перевод:

看吧, 我就说应该带把伞的。

В китайском языке уверенность или подтверждение выражается фразой 看吧, kàn ba – ‘видеть’, то есть акцентирование строится несколько иначе, чем в русском.

Обсуждение результатов

На основе проведенного анализа можно выделить следующие трудности перевода русского ДС *вот* на китайский язык. Прежде всего, ДС

вот не имеет прямого аналога в китайском языке. Во-вторых, при указании на объект или событие в китайском переводе используется фраза 这就是 (*zhè jiù shì*), которая приближена к значению русского ДС, но не в полной мере передает оттенок вовлеченности, характерный для русского языка при использовании данного ДС в таком контексте (пример 1). Значение неявного временного маркера (пример 2) затрудняет понимание функций ДС, так как в китайском языке обычно ориентируются только на явные временные маркеры. Также китайцам трудно различать тонкие эмоциональные оттенки, характерные для русской речи, добавляемые за счет ДС *вот* (пример 3, 5, 6, 7). Отдельно следует отметить трудности с переводом слов-паразитов (пример 4). В таких случаях ДС часто опускается.

В проанализированных примерах в случаях, когда ДС *вот* используется для усиления иронии, желания и акцентирования внимания в русском языке, при переводе на китайский язык данные оттенки значения выражаются иначе. Ни один из китайских эквивалентов при этом не способен полностью передать стилистические и прагматические функции ДС *вот*.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что многофункциональность и полисемия ДС *вот* позволяют ему выполнять номинативную, модальную и эмоциональную функции, которые тесно связаны с интонацией и контекстом в русском языке. В китайском языке аналогичное ДС отсутствует, что затрудняет передачу оттенков значения.

Анализ приемов показывает, что перевод ДС *вот* часто требует переводческих опущений в китайском языке – пропуск единиц, которые присутствуют в русском языке, при сохранении семантической эквивалентности. Такие трансформации нередко приводят к утрате стилистических и эмоциональных аспектов, заложенных в оригинале. Эти особенности подчеркивают важность учета прагматических функций ДС при переводе, а также необходимость дальнейших исследований для разработки методики, которая могла бы минимизировать потери смысла и сохранить выразительные свойства русского языка в китайском переводе.

Список источников

1. Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар.

конф. «Диалог'2007». (Бекасово, 30 мая - 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 250–256.

2. Белов В. А., Белова В. М., Шао Мань. Проблема обучения переводу дискурсивных слов русского языка // Бархударовские чтения, РАУ, 2024. С. 34–38.

3. Жильцова Н. В. Функции дискурсивного слова «вот» и их реализация в корпусе тюркско-русских билингвов // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции (15-17 апреля 2021 г.). Выпуск 22. С. 143–146.

4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 12.10.2024).

5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).

6. Рачева А. А. Употребление маркеров *вот* и *вон* как дискурсивный выбор говорящего // Сибирский филологический журнал, 2016. С. 164–176.

7. Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkr.info/search.php> (дата обращения: 09.10.2024).

8. Лу Муцяо и др., составлено Российским отделением Пекинского университета иностранных языков. Русско-китайский учебный словарь // Пекинская коммерческая пресса. Пекин, 1997. С. 96–97.

References

1. Kobozeva, I. M. (2007). *Polisemiya diskursivnykh slov i vozmozhnosti ee razresheniya v kontekste predlozheniya (na primere slova vot)* [Polysemy of Discursive Words and the Possibility of Its Resolution in the Context of a Sentence (using the Example of the word *vot*)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*: Tr. mezhdunar. konf. "Dialog'2007". (Bekasovo, 30 maya - 3 iyunya 2007 g.). Pod red. L. L. Iomdina, N. I. Laufer, A. S. Narin'yani, V. P. Selegeya. Pp. 250–256. Moscow. (In Russian)

2. Belov, V. A., Belova, V. M., Shao Man. (2024). *Problema obucheniya perevodu diskursivnykh slov russkogo yazyka* [The Problem of Teaching Translation of Russian Discourse Words]. *Barhudarovskie chteniya*, RAU, pp. 34–38. (In Russian)

3. Zhil'tsova, N. V. (2021). *Funktsii diskursivnogo slova "vot" i ikh realizatsiya v korpusе tyurksko-russkikh bilingvov* [The Functions of the Discursive Word "Bot" and Their Implementation in the Corpus of Turkic-Russian Bilinguals]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya. Sbornik materialov VIII (XXII) Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (15–17 aprelya 2021 g.). No. 22, pp. 143–146. (In Russian)

4. Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [A New Explanatory and Word-Formation Dictionary of the Russian Language]. Moscow. URL: <https://www.efremova.info/> (accessed: 12.10.2024). (In Russian)

5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 12.10.2024). (In Russian)

6. Racheva, A. A. (2016). *Upotreblenie markerov vot i von kak diskursivnyi vybor govoryashchego* [The Use of Markers *Bom* and *Bon* as a Discourse Choice of the Speaker]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, pp. 164–176. (In Russian)

7. *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Large Chinese-Russian Dictionary]. URL: <https://bkrs.info/search.php> (accessed: 09.10.2024). (In Russian)

8. Lu Mutsyao i dr. (1997). *Russko-kitaiskii uchebnyi slovar'* [Russian-Chinese Educational Dictionary]. Sostavleno Rossiiskim otdeleniem Pekinskogo universiteta inostrannykh yazykov. Pekinskaya kommercheskaya pressa. Pp. 96–97. Pekin. (In Russian)

The article was submitted on 27.01.2025
Поступила в редакцию 27.01.2025

ШАО Мань,
аспирант,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого (СПбПУ),
194021, Россия, Санкт-Петербург,
Хлопина, 13, к1.
shao.man@yandex.ru

Shao Man,
graduate student,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University (SPbPU),
13 k1 Khlopina Str.,
St. Petersburg, 194021, Russian Federation.
shao.man@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-173-178

«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НЕРАЗБЕРИХИ»: ПЕРЕПИСКА СТИВЕНА МАККЕННЫ СО СТИВЕНОМ МАККЕННОЙ ПО ПОВОДУ ПОСЕЩЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

© Мария Асташенкова

“THIRTY YEARS OF CONFUSION”: THE CORRESPONDENCE BETWEEN STEPHEN MCKENNA AND STEPHEN MCKENNA ON THE OCCASION OF HIS VISIT TO LEO TOLSTOY

Maria Astashenkova

This article examines the history of the Irish-born journalist S. McKenna's visits to Leo Tolstoy. He first visited Yasnaya Polyana in 1905 to interview the writer about the Bloody Sunday. Having studied McKenna's letters, I clearly understand that he visited Tolstoy twice (the second time was presumably in 1907). In 1927, against the wishes of the journalist himself, the story about his visit to the Russian writer reached the Irish press, in which Tolstoy was presented as a “muzhik” (a peasant, a kerne) sitting behind a dirty tablecloth. Such an image aroused indignation among British Tolstoyans, E. Mood in particular. By an ironic coincidence, Mood was preparing to avenge such an image of Tolstoy not on McKenna himself, whose description was the basis for the article in the Irish magazine, but on his British namesake, the novelist S. McKenna. This article provides an analysis of the correspondence between the two namesakes from October 1927; it discusses the figure of Tolstoy and the history of the journalist McKenna's visits to Yasnaya Polyana. McKenna's figure is of great interest both in the context of a more global topic about Tolstoy's relationship with Ireland and in terms of biographical issues.

Keywords: Leo Tolstoy, S. McKenna, Bloody Sunday, Irish press, E. Mood

В статье рассматривается история посещений Л. Н. Толстого журналистом ирландского происхождения С. Маккенной. Впервые он посетил «Ясную Поляну» в 1905 году, чтобы взять у писателя интервью по поводу Кровавого воскресенья. Как стало ясно после изучения писем Маккенны, в гостях у Толстого он бывал дважды (второй раз – предположительно в 1907 году). В 1927 году в ирландскую прессу, против желания самого журналиста, просочился его рассказ о посещении русского писателя, в котором Толстой был представлен как «мужик». Подобный образ вызвал негодование у британских толстовцев, в частности у Э. Моода. По иронии судьбы Моод готовился «отомстить» за подобное изображение Толстого не самому Маккенне, со слов которого и была написана заметка в ирландском журнале, а его тезке, британскому романисту С. Маккенне. В статье анализируется переписка этих однофамильцев от октября 1927 года, в которой обсуждается фигура Толстого и история посещений Маккенной-журналистом Ясной Поляны. Фигура Маккенны представляет большой интерес как в контексте более глобальной темы о взаимосвязях Толстого с Ирландией, так и с точки зрения вопросов биографических.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, С. Маккенна, Кровавое воскресенье, ирландская пресса, Э. Моод

Для цитирования: Асташенкова М. «Тридцать лет неразберихи»: переписка Стивена Маккенны со Стивеном Маккенной по поводу посещения Л. Н. Толстого // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 173–178. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-173-178

В конце жизни Л. Н. Толстого Ясная Поляна стала своеобразным местом паломничества тех, кто хотел прочувствовать его философию или получить совет. Репутация писателя как одного из ярчайших религиозных и общественно-политических деятелей своей эпохи не только

способствовала интересу к его личности, но и вынуждала его реагировать на последние события в стране. Корреспондент Гарольд Вильямс (Harold Williams) практически сразу после событий 9 января 1905 г., вошедших в историю как Кровавое воскресенье, писал в немецкой газете «Manchester Guardian»:

«Нам важно знать, что Толстой думает о великих событиях сегодняшнего дня. И когда насилие поднимает голову, как это произошло недавно в Петербурге, то естественно обращаешься к величайшему из всех живущих русских людей за объяснением трагедии» [1].

Сам Толстой в это время, как известно, много размышлял о непротivлении злу, о насилии и необходимости его искоренения, о возможности свержения правительства и возможности революции.

В 1905 г. имение писателя посетили ряд иностранных гостей. Многие из них были командированы в Россию с целью взять интервью у Толстого. 19 января 1905 г. Д. П. Маковицкий сделал следующую запись:

«Утром приехал Davitt, вождь ирландцев, и корреспондент „New York World“ Mackenna. Пробыли всего час. Вопросы были у них заготовлены, ответы стенографировали, обо всем спросили и успели вернуться к поезду, который приходит в Тулу после 12 часов» [2, с. 139].

Фигура М. Дэвитта, главного борца за свободу Ирландии и предводителя земельного движения в своей стране, а также история его знакомства с Толстым могут стать темой отдельного исследования. В этой же статье мы сфокусируемся на втором посетителе – ирландце Стивенне Маккенне.

Маккена был уроженцем Ливерпуля. Он прославился как писатель и – в большей степени – как переводчик. Наибольшую популярность он получил благодаря английскому переводу трудов древнегреческого философа Платона. Литературный стиль Маккенны вызывал всеобщее восхищение; он оказал влияние на многих своих современников, включая У. Б. Йейтса [3, с. 230], У. Б. Стэнфорда [4, с. 97] и Дж. М. Синджа [5, с. 131].

Что касается его гражданской деятельности, то Маккена был ярким ирландским националистом и членом Гэльской лиги [6, с. 190–206]; выступал за полную независимость Ирландии от Англии, за сохранение и распространение ирландского языка. Он представлял себе будущее, в

котором Ирландия будет полностью освобождена от всего английского:

«Я не знаю, как освободить или обустроить Ирландию <...>; все, что я знаю, это то, что я не могу представить себя счастливым на небесах или в аду, если Ирландия <...> всегда будет английской» [7, с. 131] (здесь и далее перевод наш. – М. А.).

Вследствие такого видения будущего Ирландии Маккена выступал против англо-ирландского договора, завершившего ирландскую войну за независимость [6, с. 198]. Маккена был противником насильственных способов решения политических конфликтов; начало Первой мировой войны в 1914 г. он воспринял как катастрофу для всех сторон. Так же он отреагировал на знаменитое Пасхальное восстание 1916 г., организованное воинствующими ирландскими националистами в Дублине: несмотря на свои довольно радикальные взгляды на англо-ирландский вопрос, такие методы решения проблемы он не одобрял.

В 1903 г. Маккена стал штатным журналистом американской газеты «The New York Word». В ноябре 1904 г. он был отправлен в Россию для изучения внутривосточной ситуации, породившей первую русскую революцию. В период своего пребывания в России он взял интервью у ряда высокопоставленных чиновников, в том числе у генерал-губернатора Санкт-Петербурга Д. Ф. Трепова; у князя П. Д. Долгорукова, графа Хейдена и др. Он был одним из немногих иностранцев, допущенных на исторический земский съезд в Москве; он выяснил прискорбные детали потемкинского мятежа и его ужасные последствия [7, с. 23–24]. Маккена был глубоко тронут событиями российской истории, свидетелем которых он стал. Он понимал, что они имеют огромное значение для развития западной цивилизации, в июле 1905 г. он писал:

«Япония и Россия, по-видимому, хранят в себе большую часть секретов будущего мира, и Россия в большей степени, чем Япония <...>. Пробуждение России – это самый интересный факт наших дней <...>. В мире появится новая сила, которая начнет действовать, <...> произойдут ответные изменения, как прямые, так и в виде реакции, подобные тем, которые были вызваны великими освободительными движениями столетней давности» [Там же, с. 25].

К 19 января 1905 г., когда Толстой лично познакомился с Маккенной, первый уже начал работу над статьей «Об общественном движении в России». По свидетельству Маковицкого, ответ Толстого ирландским журналистам практически дублировал тезисы статьи [2, с. 139–140]. О са-

мом разговоре в дневниках Маковицкого сохранилась лишь небольшая заметка. Из нее мы узнаем, что в ходе беседы Толстой поинтересовался, какой веры придерживаются его гости. Девиэт назвал себя «свободным католиком, не признающим ни папы, ни священников» [Там же, с. 140]; Маккенна ответил, что родился католиком, теперь же «ближе всего к Эмерсону и, пожалуй, к вам (к Толстому. – М. А.)» [Там же, с. 140].

Имя американского философа Р. Эмерсона в этом диалоге упомянуто неслучайно. У себя на родине, в США, он возглавлял трансценденталистское движение середины XIX в. Речь 1837 г., вошедшую в историю под названием «Американский ученый», называли «интеллектуальной декларацией независимости» [8, с. 263] всей Америки. Самыми показательными из его трудов считаются сборники 1841 и 1844 гг. (без названия, первая и вторая серия), в которых Эмерсон призывает людей быть оригинальными и не бояться выражать свои идеи и убеждения, даже если те противоречат общественным нормам; говорит о важности принятия риска и отказа от конформизма; утверждает, что только тот, кто решается смело идти против течения, может достичь успеха и духовного освобождения; подчеркивает, что истинная самодостаточность требует смело-сти принимать решения и отказываться от стереотипов. Кроме того, в эссе Эмерсон утверждает, что наблюдение за природой и самообразование могут быть источниками мудрости и вдохновения.

Диалог Толстого с американскими трансценденталистами конца XIX – начала XX вв. уже становился предметом рассмотрения (см. напр.: [9]). Объединяет их влияние философии Платона, классического немецкого идеализма, а также философии Востока. В годы, характеризующиеся общим охлаждением к религии как в России, так и на Западе, Толстой и трансценденталисты утверждали веру в божественное начало в душе человека. Сам Толстой так высказывался об американских учениках:

«Эта плеяда удивительная была: за освобождение рабов; унитарство – отрицание божества Христа, требование разумной религии, вот прекрасная тема для писателя: написать об этом книжку. Я постоянно говорю об этом американцам. Это были удивительные писатели, но аудитория плоха» [2, с. 216];

«У американцев была плеяда замечательных писателей, начиная с Чаннинга, основателя унитаризма, – Баллу, Торо, Эмерсон... Не могу простить Тургеневу, что он просмотрел (это движение. – М. А.)» [Там же, с. 227].

Но, несмотря на очевидную связь Толстого и американских мыслителей, а также на то, что Маккенна действительно интересовался Эмерсоном и даже выписывал его цитаты в записную книжку наравне с цитатами Шопенгауэра, Ницше, Платона и Марка Аврелия и других [7, с. 20–21], реплика его в разговоре с Толстым, как кажется, скорее показывает желание поддержать разговор и, возможно, получить расположение Толстого, завоевать его доверие упоминанием Эмерсона. Однако, как будет показано, отношение к нему Толстого было далеко от дружелюбного.

Вскоре после визита ирландских гостей в газете «The New York World» (№от 3 февраля) была опубликована телеграмма специального корреспондента Маккенны, передающая его разговор с Толстым о событиях 9 января. Ее приводит в записи от 24 февраля Маковицкий:

«Преступление, совершенное в Петербурге, ужасно. Оно тройне отвратительно: тем, что правительство предписывает убивать народ, тем, что солдаты стреляли в своих. Вы помните, что, когда женщины из народа нахлобучили на голову Людовика XVI шапку свободы и пригласили его взяться с ними за руки и танцевать, он не согласился. Точно так же народ в Петербурге не мог ожидать, чтобы царь появился перед ними, и агитаторы это прекрасно знали» [2, с. 188].

В ответ на вопрос о том, что будет, если народ увидит, что царь не оправдал его надежд, – поднимется ли он тогда, – Толстой ответил:

«Как он (народ. – М. А.) может? Как он может работать план борьбы? Как вести сношения для организованного восстания? Как устоять безоружным против организованной военной силы, которая ставит дисциплину выше совести и не останавливается перед многочисленными братоубийствами? Никогда не будет в России вооруженной, всенародной революции. Сознательно или бессознательно, народ знает, что к добру ведет не оружие и убийство, но духовное просвещение; знает, что единственный допустимый и целесообразный способ действия есть пассивное сопротивление и борьба путем воспитания» [Там же, с. 189].

Заметка, опубликованная Маккенной по итогам посещения Ясной Поляны, конечно, не дает исчерпывающих сведений о том, как складывались отношения его с Толстым. Не вошла в нее и история, которая тем не менее распространилась среди знакомых Маккенны и позже стала предметом споров в британских кругах. Эту историю приводит британский филолог и биограф Маккенны Эрик Доддс в своих воспоминаниях о нем, причем передает ее со слов самого Маккенны:

«Однажды зимой в начале этого столетия Майкл Дэвитт и я отправились в Ясную Поляну, увидели графа Толстого, который выглядел в высшей степени по-деревенски, прогуливаясь по его лесам, долго стучались в его дверь, и, наконец, нас впустил мужик Толстой, такой же мужественный, как на любой из современных фотографий, он сидел за столом, накрытым по-крестьянски, на скатерти, испачканной пятнами от яиц и кофе, – и, я думаю, никогда больше ни один из нас не чувствовал себя так спокойно от доктрины, провозглашаемой из этого сценического святилища. Конечно, хочется верить, что душа этого человека <...> была благороднее, чем его занятия; конечно, его смерть – опять же с оттенком театральности? – была трогательной» [7, с. 24].

Рассказ этот позднее, уже в конце 1920-х гг., был опубликован в журнале «The Irish Statesman» и вызвал негодование со стороны британских последователей Толстого. Одним из тех, кто оказался вовлечен в эту историю, был полный тезка журналиста, взявшего в январе 1905 г. у Толстого интервью, – британский писатель Стивен Маккенна.

Дело в том, что в британских литературных кругах в конце XIX – начале XX в. с ирландской фамилией «Маккенна» была связана комичная история. Носителем ее был также еще один известный в высшем обществе писатель по имени Стивен Маккенна, полный тезка знакомого Толстого. Второй Маккенна (1888–1967) прославился как английский писатель, автор романов о высшем английском обществе. Круг общения однофамильцев, так или иначе связанных с британскими литературными кругами, был схожим. История двух литераторов с одним, не самым популярным, сочетанием имени и фамилии стала поводом для бесчисленных курьезных ситуаций. Маккенн постоянно путали [Там же, с. 246]. В письме к некоей Грейз Тернбулл Маккенна-переводчик рассказывал о «тридцати годах неразберихи» [Там же, с. 320] из-за полного совпадения имен его и Маккенны-писателя, который был вынужден отвечать за все «неблагоразумные действия» своего тезки. В частности, в письме упоминается история о том, как жену Маккенны однажды чуть не депортировали из Вены за то, что она якобы выдавала себя за жену неженатого человека – холостого британского писателя Маккенны [Там же, с. 320]. Его незадачливому тезке-переводчику неоднократно приходилось извиняться перед однофамильцем за то, что тень его «прегрешений» падает на честного человека. По его словам, писатель всегда благородно извинял его.

К моменту распространения истории о Толстом они уже были знакомы. В 1927 г. Толстой

стал предметом их обсуждения. Эта эпистолярная история началась с того, что Маккенна в очередной раз извинялся перед тезкой за то, что у того могут быть из-за него проблемы. По его словам, история, опубликованная в «The Irish Statesman», очень разозлила одного из главных английских сторонников и последователей Толстого Эйлмера Моода; он даже готовил «возмездие» Маккенне за то, что рассказанная им история получила огласку [Там же, с. 245]. По всей вероятности, Моода глубоко оскорбило то, что Толстой описывается карикатурно и предстает перед публикой в крайне невыгодном свете. Курьез ситуации состоял в том, что из-за полного совпадения имен Моод ошибочно собирался «наказать» британского писателя, не имевшего к истории с Толстым никакого отношения, и готовился к «серьезному разговору» с ним на заседании комитета Сообщества писателей (the Authors' Society. – М. А.) Незадачливый тезка обещал «прояснить этот вопрос», то есть разъяснить Мооду, что британский писатель Маккенна ни в чем не виноват, но честно признавался в письме, что, возможно, «не найдет в себе на это смелости» [Там же].

Интересно, что своим письме Маккенна, подготавливая тезку к возможным неприятностям, среди прочего пишет:

«Очень странная вещь – не относящаяся к делу, но, безусловно, очень странная – это то, что Толстой сказал мне во время второго визита примерно через два года после резни в Зимнем дворце, что вы навещали его незадолго до этого» [Там же].

Этот пассаж допускает сразу два предположения: первое – Маккенна-интервьюер был в Ясной Поляне минимум дважды; в письме он прямо упоминает «второе посещение» спустя два года после «the massacre at the Winter Palace» – «резни в Зимнем дворце», как завуалированно он назвал Кровавое воскресенье. Это значит, что Маккенна мог быть в гостях у Толстого не только в январе 1905 г., но и предположительно в 1907 г.

Второе предположение – в Ясную Поляну мог приезжать и британский писатель Стивен Маккенна, причем, судя по всему, также около 1907 г. Однако предположение Маккенны, конечно, было ошибочным: британец никогда не бывал в России и уж тем более не был знаком с Толстым. Путаница, как и всегда, произошла из-за их имен. Так, Маккенна-писатель в ответном письме иронизирует:

«Увы, вы не сообщаете мне никаких подробностей о моем визите к Толстому! Если бы я знал, какую роль

сыграл, я бы повторил это для Моода. Полагаю, вы свободно владеете русским языком?» [Там же, с. 247].

Он очень дружелюбно и без доли обиды воспринял историю с готовившейся «мстью» Моода и даже писал тезке о том, что сам поговорит с ним и постарается уладить ситуацию [Там же]. Однако непрекращающаяся путаница с именами и в истории с Толстым сыграла свою роль. В следующем письме Маккенна-переводчик, поняв по ироничному комментарию тезки, что тот никогда не бывал в Ясной Поляне, писал:

«Таков итог этого нескончаемого фарса – что-то вроде 50-летней китайской пьесы – Т., очевидно, принял меня за меня, а я принял себя за вас» [Там же].

Наконец, в заключительном из дошедших до нас писем, относящемся к октябрю 1927 г., сам Маккенна-переводчик рассказывает о втором визите в Ясную Поляну:

«Во время второго визита мне сначала отказали в приглашении, а потом из-за чистой наглости и вульгарной неучтивости я увидел сына (как мне кажется, Леву) и узнал от него, что Т. сильно невзлюбил некоего Стивена Маккенну, газетчика, который навестил его за несколько месяцев до этого: поскольку мой предыдущий визит состоялся гораздо раньше и поскольку я рассудил, что никто не может испытывать ко мне неприязни, я пришел к выводу, что это были вы. Конечно, я не предавал вас: просто убедил сына, что это, должно быть, был какой-то подонок из Чикаго Маккенна; и провел 2 или 3 часа в торжествующей беседе с * * * (Толстым. – М. А.)» [Там же, с. 249].

Как можно понять из отрывка, Маккенна действительно дважды посещал Ясную Поляну, но второй раз – по стечению обстоятельств – остался неузнанным Толстым и его семьей, что удивительно, если учесть, что сам Толстой, очевидно, невзлюбил ирландского журналиста – за что, прояснить бы.

Упоминает Маккенна и первое посещение Толстого:

«Я отправился туда с Майклом Дэвиттом, который хорошо знал Т. по предыдущим визитам, когда Т. и М. оба были не в себе из-за какого-то таинственного „Единого налога“, пропагандируемого каким-то „Джорджем“¹» [Там же].

Очевидно, в то время как Толстой и Дэвитт довольно увлеченно обсуждали земельный вопрос в Ирландии и России, Маккенна не понимал предмета их разговора и тем более не мог оценить степень влияния трудов Генри Джорджа на Толстого.

В заключение Маккенна выражает надежду, что инцидент для его тезки исчерпан, и умоляет не выдавать никому его адреса и контактов: «Тол. общество в ярости, и оно отправит в поход целые армии, чтобы устроить мне заговор» [Там же, с. 250], – завершает ирландец свое письмо, и на этом «толстовская переписка» октября 1927 г. была окончена.

Подведем итоги. Фигура Стивена Маккенны представляет большой интерес как в контексте более глобальной темы о взаимосвязях Толстого с Ирландией, так и с точки зрения вопросов биографических: о его посещении Толстого в 1905 г. свидетельств в русскоязычном пространстве сохранилось крайне мало, а о втором посещении – предположительно 1907 г. – не сохранилось вообще. По этой причине восстановить, как сложилось их знакомство и как воспринял ирландского журналиста Толстой, почему он впоследствии испытывал к нему неприязнь, практически невозможно без опоры на иностранные источники. Остается еще много вопросов, связанных с литературной позицией самого Маккенны, с тем, с какими произведениями и статьями Толстого он мог быть знаком к январю 1905 г., а также с тем, какое впечатление произвел ирландец на домочадцев Толстого, какая реакция была за границей на публикацию Маккенны в 1905 г. Эти вопросы могут стать предметом дальнейших исследований.

Список источников

1. Williams H. A. Visit to Count Tolstoy. Views on the crisis. Some interesting Table-Talk // Manchester Guardian. 1905. February 9.
2. Маковицкий Д. П. [Дневник] 1905 // Маковицкий. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1979–1981. Кн. 1: 1904–1905. М., 1979. С. 121–482.
3. Yeats W. B. The Collected Works of W. B. Yeats Vol. III: Autobiographies. New York, 1999. 560 p.

¹ Генри Джордж, американский политэконом и публицист, развивал в своих трудах идею о том, что каждый владеет созданным им продуктом, однако все природные блага (прежде всего земля) принадлежат в равной степени всему человечеству. Джорджизм зачастую ассоциируется с идеей единого налога. Толстой зачитывался главным трудом Джорджа – «Про-

грессом и бедностью» («Progress and Poverty») и в письме к Николаю II прямо писал о том, что ему необходимо реализовать в России идеи Джорджа. Во время визита в январе 1905 г. Толстой активно обсуждал идеи Джорджа с Майклом Дэвиттом, который был лично знаком с американским публицистом и в целом тоже разделял его идеи.

4. Deane S. The Field Day Anthology of Irish Writing. Vol. 3. Derry, 1991. 1483 p.
5. Lynch A. Synge // The Irish Statesman. Dublin, 1928. 11 (7).
6. Murray J. Stephen MacKenna and Plotinus // An Irish Quarterly Review. No. 102. 1937. С. 190–206. URL: <http://www.jstor.org/stable/30097402>. (дата обращения: 24.12.2024).
7. Mackenna S. Journal and letters of Stephen Mackenna. London, 1936. 354 p.
8. Richardson R. D. Emerson: The Mind on Fire. Berkeley, 1995. 671 p.
9. Алексеева Г. В. Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки Л. Н. Толстого). Тула, 2010. 253 с.

References

1. Williams, H. A. (1905). *Visit to Count Tolstoy. Views on the crisis. Some interesting Table-Talk*. Manchester Guardian. February 9. (In English)
2. Makovitskii, D. P. (Dnevnik) 1905. (1979). *Makovitskii. U Tolstogo, 1904—1910* [Makovitsky. Visiting Tolstoy]. “Yasnopolyanskies zapiski”: V 5 kn. AN

SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow, Nauka, 1979—1981. Kn. 1: 1904—1905. Pp. 121—482. Moscow. (In Russian)

3. Yeats, W. B. (1999). *Collected Works of W. B. Yeats* Vol. III: Autobiographies. 560 p. New York. (In English)

4. Deane, S. (1991). *The Field Day. Anthology of Irish Writing*. Vol. 3. 1483 p. Derry. (In English)

5. Lynch, A. (1928). *Synge. The Irish Statesman*. Dublin. 11 (7). (In English)

6. Murray, J. (1937). *Stephen MacKenna and Plotinus*. An Irish Quarterly Review. No. 102, pp. 190—206. <http://www.jstor.org/stable/30097402> (accessed: 24.12.2024). (In English)

7. Mackenna, S. (1936). *Journal and Letters of Stephen Mackenna*. 354 p. London. (In English)

8. Richardson, R. D. (1995). *Emerson: The Mind on Fire*. 671 p. Berkeley. (In English)

9. Alekseeva, G. V. (2010). *Amerikanskies dialogi L'va Tolstogo (po materialam lichnoj biblioteki L. N. Tolstogo)* [American Dialogues of Leo Tolstoy (based on the personal library of Leo Tolstoy)]. 253 p. Tula. (In Russian)

The article was submitted on 15.01.2025

Поступила в редакцию 15.01.2025

Асташенкова Мария Фрэнковна,
аспирант,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
mariastash@yandex.ru

Astashenkova Maria Frankovna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
mariastash@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-179-185

ПУШКИНСКИЙ СЛЕД В МИФЕ О БРОДСКОМ

© Ирина Баландина

PUSHKIN'S TRACE IN THE MYTH OF JOSEPH BRODSKY

Irina Balandina

The article examines the influence of stable elements inherent in Pushkin's myth on the ways the myth of Brodsky is constructed. Proceeding from the fact that the space of mythmaking is primarily those literary genres, in which the author's subjective position is most expressed, the study focuses on memoir literature, interviews, as well as multi-genre texts of journalistic and literary-critical nature. The comparative analysis shows the main lines of convergence in the myths about the two poets, which is possible due to their orientation towards the traditional cultural myth about the "Russian ideal poet". The article shows that the myths about the poets of two centuries are built on the following similar subjects: the peculiarity of national positioning; fundamental alienation from their direct dependence on society; fatality of poetic service; unprecedented contribution to culture; unquestionable genius. The article concludes that the myth about Pushkin, which is a sample of the Russian variation of the "ideal poet" myth, became in demand as early as at the time of Brodsky's contemporaries as an opportunity to justify the continuity of the Russian poetry development "from Pushkin to Brodsky".

Keywords: Joseph Brodsky, Pushkin and Brodsky, Pushkin's trace, myth about the poet, myth constructing

В статье рассматривается влияние устойчивых элементов, свойственных пушкинскому мифу, на способы конструирования мифа о Бродском. Исходя из того, что пространством мифотворчества являются прежде всего те литературные жанры, в которых в большей мере выражена авторская субъективная позиция, исследование сосредоточено на мемуарной литературе, интервью, а также разножанровых текстах публицистического и литературно-критического характера. В ходе сопоставительного анализа показаны основные сближения между мифами о двух поэтах, ставших возможными благодаря ориентации на традиционный культурный миф об «идеальном поэте России». Выявлено, что мифы о поэтах двух веков строятся по следующим схожим сюжетам: особенность национального позиционирования; принципиальная отчужденность от прямой зависимости от общества; гибельность поэтического служения; беспрецедентность вклада в культуру; неоспоримая гениальность. Делается вывод о том, что миф о Пушкине, являющийся образцом русской вариации мифа «об идеальном поэте», стал востребован уже современниками Бродского как возможность оправдания проведения прямой линии преемственности развития отечественной поэзии «от Пушкина до Бродского».

Ключевые слова: И. Бродский, Пушкин и Бродский, пушкинский след, миф о поэте, конструирование мифа

Для цитирования: Баландина И. Пушкинский след в мифе о Бродском // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 179–185. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-179-185

В посвященных Иосифу Бродскому воспоминаниях его современники часто сходятся в одном: Бродский – последний классический поэт, значительно расширивший рамки русской (и мировой) литературы. Это приводит к ставшему уже привычным в бродсковедении сопоставлению его с Пушкиным, революционером в русской литературе, с которого началась новая поэзия и проза, не подчиняющаяся существующему канону. В. Полухина отмечает: «Сегодня Брод-

ский – единственный из русских поэтов, кого многие из его собратьев по перу, чистосердечно или сквозь зубы, называют гением <...>. Обще-принятым стало сравнивать его не только с Мандельштамом, Цветаевой и Ахматовой, но и с самим Пушкиным <...>» [1, с. 300].

В формировании мифа о поэте большую роль играет традиция: поэтическая мифология присуща многим знаковым поэтам, достаточно назвать имена Ахматовой, Мандельштама, Пастернака,

М. Цветаевой. Миф о поэте как культурный феномен включает в себя устоявшиеся в обществе стереотипы о происхождении его гения, творческом поведении, художественных особенностях письма и культурной значимости. В случае с Бродским становится важным и жанровое поле, в котором функционирует и формируется миф о нем. Это в первую очередь жанры, несущие в себе существенный след субъективного авторского видения: мемуаристика, интервью о поэте и литературно-критические труды публицистического характера о его творчестве. В научном дискурсе уровень мифотворчества, что естественно, стремится к нулю. Материалом данной статьи становятся тексты «субъективной» группы жанров, а ее целью – реконструкция и исследование основных проблемно-тематических групп и существующих формул, создающих мифологичный образ поэта в глазах его современников.

Знаковым для мифа о Бродском, как и его автимифа, является культурный миф об идеальном поэте. Именно он ставит его в один смысловой ряд с Горацием, Данте и Пушкиным, сопоставление с которым укрепляет положение поэта в русском литературном пространстве. Существующая в литературоведении и критике привычка очерчивать границы русской классической литературы «от Пушкина до Бродского» в том числе поддерживает тенденцию их сопоставления как «первого и последнего классического поэта». Разумеется, подобное разграничение – это попытка упростить и выпрямить литературную хронологию, однако данная формула стала довольно устойчивой в широком обиходе благодаря своей простоте и емкости.

Биографический миф о Пушкине – первый в русской культуре образец мифа о поэте, сформировавшегося из традиции как архаических мифов, так и христианского жизнеописания святых – агиографии. Т. Г. Шеметова определяет это явление культуры и литературы как миф нового времени, который формируется коллективным сознанием [2], что позволило исследовательнице в своей статье «Персонификация исторической памяти в мифах о Пушкине и Бродском» [3] подробно рассматривает социокультурные аспекты формирования мифа о Бродском, предпосылки и последствия его появления.

«Пушкинский миф» начинает складываться еще в середине XIX в. и формируется на протяжении жизни поэта, окончательно утверждаясь в культурном коде русской литературы к XX в. В пушкинистике выделяются следующие, связанные с биографией и личностью поэта мифологемы: «Потомок негров», «Чудо-ребенок», «Сверчок», «Няня», «Пророк», мифологема «Я вас лю-

бил» или «Утаенная любовь», «Дантес» [4]. Устойчивость пушкинского мифа и его всеобъемлющая значимость подтверждаются как попыткой футуристов «сбросить Пушкина с корабля современности», так и стремлением создать контрмиф, «развенчать» Пушкина как довлеющий над искусством идол (критика Д. И. Писарева, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца (А. Д. Синявский), «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина» П. К. Губера). Впрочем, развенчивая классический миф, авторы создают новый и вновь утверждают укорененность пушкинского кода в русском сознании.

Иосиф Бродский оказался еще одним знаковым поэтом русской культуры, о котором так ярко и еще при жизни начала формироваться мифология. Уже в 1960-е гг. об уникальном даровании молодого поэта начинают говорить его коллеги по цеху. Томас Венцлова так вспоминает их знакомство: «Когда я встретился с Бродским в 1966 году, я знал, что он гений, но непосредственное ощущение этого возникло не сразу. Было очевидно, что он человек трудный, закомплексованный, очень живой, умный и оригинальный. Но гений? Сразу не скажешь. Репутация Бродского слилась с прямым ощущением его личности через год-полтора» [5, с. 147]. В дальнейшем восприятие Бродского как «живого классика» начинает культивироваться в обществе сначала во время судебного процесса в 1960-е гг., а затем и в эмиграции.

«Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял», – восхищалась «прописанностью» его судьбы Анна Ахматова. Пожалуй, «пиар-стратегия» у Бродского и тех, кто ее неосознанно/осознанно выстраивал, была действительно одной из лучших для своего времени. Но во фразе Ахматовой слышна и ирония: кто еще, как не она, так талантливо строил свой собственный образ и миф? Именно у нее Бродский, по мнению Владимира Соловьева, и научился автомифотворчеству: «Чему еще научился ИБ у АА, так это ее *modus vivendi* – имперскому и императивному стилю, культу собственной личности, перформансу (вдобавок, а иногда и взамен стихов), жизнетворчеству, стратегии успеха, самопиару и самомифологизации, но, само собой, куда с большим размахом и куда в более крупном, мировом масштабе» [6].

Ахматовская формульная фраза фактически сделала Бродскому «биографию», стала символом искусственно сотворенной шумихи вокруг деятелей искусства: запрет и критика – лучшая реклама. Она же, Ахматова, заложила в свое время основы связи Пушкин – Бродский, сыграв на известном культурном сюжете: как Жуков-

ский подарил Пушкину свой портрет с подписью «Победителю ученику от побежденного учителя», так и Ахматова дарит Бродскому в 1963 г. свою книгу стихов с подписью «Иосифу Бродскому, чьи стихи мне кажутся волшебными» [7, с. 92]. Их взаимоотношения критики и биографы неоднократно будут сопоставлять с отношениями Пушкина и Жуковского, подпитывая тем самым эту связь.

Формульные характеристики предлагает и Лев Лосев в «Опыте литературной биографии»: Петербуржец, Разнорабочий, Ученик, Тунеядец, Посвященный, Поэт, Не-философ, Американец, Лауреат, Невозвращенец. Параллельно формируются другие, не менее устойчивые: поэт-бухгалтер (определение Э. Лимонова), живой классик, изгнанник. Складывающийся в кругах советской и русскоязычной интеллигенции «культ Бродского» вызывает яркое противодействие, и, как и о Пушкине, о Бродском параллельно с утверждением его величия создаются труды, призванные «понизить градус», на что направлены как критические статьи А. Солженицына и «Непредсказуемый Бродский» Аси Пекуровской, так и, например, книга «Апофеоз одиночества» Владимира Соловьева.

Представляется возможным выделить три значимые точки соприкосновения мифов о Пушкине и Бродском в культурном пространстве третьей трети XX в.: принадлежность их творчества, нахождение вне существующих социокультурных систем и значение для русской и мировой литературы.

В мифе как о Пушкине, так и о Бродском особое место занимает принадлежность их творчества к русскому культурному пространству. Речь идет далеко не о происхождении самих поэтов: они оба оказываются несколько отдалены от «русского» и «русскости», что оказывается еще одной точкой их сближения. Западные исследователи любят акцентировать внимание на «американской» поэзии Бродского, влиянии английской и американской литературы на его творчество, порой его пытаются назвать еврейским или американским поэтом, забывая о его самоопределении, которое выражается одной емкой фразой: «Я еврей, русский поэт и американский гражданин» [8, с. 61]. Бродский не отказывается от своих корней, но достаточно категорично разделяет гражданство, национальность и культурную принадлежность своего творчества — и его поэзия, несмотря на выраженное влияние английской метафизики, все же глубоко своими корнями лежит именно в русской литературе от его «Подражания сатирам, сочиненным Кантемиром» до объявления Е. А. Баратынского вели-

ким в Нобелевской лекции в обход Пушкина. Свою прозу Бродский принципиально пишет на английском, считая его структуру более подходящей, но поэзия — исключительно русская, и любому англоязычному стихотворению почти всегда в случае Бродского предшествует русскоязычный оригинал.

По мнению современников поэта, значимость и Пушкина, и Бродского для русской и российской литературы определяется даже не языком их письма, а, как подчеркивает М. Хейфец, идеальным адресатом их стихов: «Пушкин не африканский писатель, а российский, потому что обращался ко всем читателям Российской империи. <...> С этой позиции Бродский никогда не был еврейским писателем и не собирался им становиться — потому что мысленно обращался к читателям Российской империи (Советского Союза)» [9, с. 49].

Именно адресованность творчества, вклад в русскую литературу делает поэтов теми, кто они есть: Пушкин был первым, по словам Аполлона Григорьева, «нашим всем», а Бродский, значительно расширивший границы поэзии и утвердивший как норму литературности, по мнению Виктора Куллэ, то, что Пушкин когда-то ввел, рискуя пошатнуть и разрушить весь литературный язык, становится в глазах его современников «нашим всем».

Одним из характерных для мифа о поэте признаков становится «выламывание» гения из сложившейся системы, будь то собственно литературный канон эпохи, или политические и философские взгляды. Яркой чертой «гения» становится его инаковость, отказ от принадлежности к какой-либо группе, отличие от его современников. В мемуарной литературе о Пушкине нередко акцентирование внимания на его земном, бытовом поведении поэта: необузданность, взрывчатость, склонность к эпатажу. И. В. Немировский о творческом поведении молодого Пушкина говорит так: «для самого поэта важны были все три составляющие его творческого мировоззрения, а именно: подчеркнутый эротизм, религиозное вольномыслие и политический либерализм» [10, с. 120]. За связь с декабристами и революционные взгляды в молодом возрасте Пушкин оказался сослан на Кавказ. Однако в рядах декабристов он все же не был, а образ его мысли и творчества не вписывался ни в классицистический, ни в романтический канон: эпатаж и свободомыслие, интерес к физической стороне жизни выделяют Пушкина из существующих литературно-культурных моделей эпохи. Своими политическими взглядами он противоречит классицизму, физическими проявлениями — возвышенному и

внеземному образу идеального поэта романтиков, и именно эта невозможность загнать его в рамки литературного направления или политического течения делает образ Пушкина в восприятии окружающих чем-то уникальным.

Лев Лосев, говоря о сложностях интерпретации Бродского, признавал: «Иосиф по природе своей был человеком необычным. Как я уже сказал, таким уж он уродился – с повышенной интенсивностью чувств, скоростью мысли. <...> У нас просто-напросто нет и не может быть сравнимого собственного опыта, чтобы вполне понять ход мысли и чувства гения. Даже Лотман или Гаспаров, когда имеют дело, скажем, с Пушкиным или Мандельштамом, это меньшее, пытающееся осознать большее» [11, с. 72]. Образ мысли человека, нарекаемого гением, понять человеку нормальному если не невозможно, то крайне сложно. Бродский, по воспоминаниям его друзей и коллег, всегда выделялся из толпы: невротическим, по Лосеву, складом характера, несуразностью образа. Олег Целков [12] вспоминает свой шок от облика Бродского на выставке в Турине, когда тот вышел на сцену читать лекцию с порванной и торчащей из-под «рыжеватого пыльного» пиджака подкладкой кармана, что указывало и на отчужденность, и цинизм. Он перенимал кошачьи повадки и имел кошачий характер: свободолобивый и отстраненный, скрывающий за маской холодности и темным слогом стихов бурю происходящих внутри эмоций.

В то время, когда нужно было писать для власти о власти, Бродский писал о любви и, кажется, искренне не понимал, почему оказывается за это под судом. С. Довлатов вспоминает: «Разумеется, он не был советским человеком. Любопытно, что и антисоветским не был. Он был где-то вне... В нем поражало глубокое отсутствие интереса к советским делам. Совершенное в этом плане невежество» [13]. Аполитичность Бродского в восприятии его современников подкрепляется его поведением в эмиграции: вопреки ожидаемой от него западными СМИ и достаточно характерной для того времени позиции относительно советской власти, он отказывается открыто комментировать в интервью и свой судебный процесс, и причины высылки, и свое отношение к советскому политическому строю. Маской поэта и его главной особенностью, выделяющей его из ряда не менее одаренных современников, стала та самая отчужденность, пыльный пиджак в роскошном театре.

Но неизменным и единым как в мифе о поэтах, так и в собственной их идентичности было то, что в своем творческом поведении они в первую очередь были Поэтами, осознающими свое

превосходство над публикой и отличие от «толпы»: не зря мотив непонимания обществом появляется у Пушкина в его стихотворении «Поэт и толпа», а у Бродского особенно ярко воплощается в «вороньем профиле» его стихов – для его раннего творчества довольно частотным становится образ «белой вороны». Само неблагозвучие его лирики, воронье карканье вместо соловьиного пения, является отражением самооощущения поэта как чужеродного сложившейся системе.

В мировой культуре гением в первую очередь считается тот, кто способен создать что-то уникальное. Именно подобные личности – Гораций, Вергилий, Леонардо Да Винчи, Данте, Моцарт, Микеланджело, Шекспир – утверждаются как бессмертные для человечества. Подобным образом в русской культуре воспринимается фигура Пушкина, а затем, в определенной части гуманитарного сознания, Бродского.

«Пушкин есть явление чрезвычайное...» [14, с. 50], с Гоголем, как и с продолжившим эту мысль Достоевским, спорить сложно, как и невозможно отрицать всеобъемлющий характер пушкинского слова. Гений Пушкина в том, что он в эпоху канона смог разрушить старые жанровые устои и пересоздать всю систему русского языка, впервые заговорил на нем, как на родном, как Данте когда-то на итальянском, создавая «Божественную комедию».

Сложно переоценить вклад Пушкина в дальнейшее развитие русской литературы: все поэты и писатели, творившие после, своими корнями выходят «из Пушкина», и его влияние, как интертекстуальное, так и прямое, ощутимо до сих пор. Александр Жолковский в исчерпывающей в настоящий момент статье «Интертекстуальное потомство „Я вас любил...“ Пушкина» выделяет более 60 текстов, созданных под влиянием этого стихотворения.

Т. Щербина так определяет вклад Бродского в литературу: «Бродский отправил русский язык <...> в космос, в пространство, где на одно измерение больше, он пытался поставить автора <...> в позицию всевидящего ока, он разрабатывал оптику, запуская себя как телескоп на орбиту, он конструировал машину времени» [15, с. 353], за что в 1987 г. присуждают Нобелевскую премию, признавая его значение для мировой культуры: «за всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью» [16]. Как и Пушкин, Бродский оказывает большое влияние на дальнейшее развитие русской литературы, его «гены» проявляются во многих текстах XXI в. Разумеется, численность метатекстовых сближений, не-

посредственно связанных с творчеством Бродского, значительно меньше, но даже в коротком временном промежутке (1960–2000-е против двух веков пушкинской эпохи), его влияние в русской литературе проявляется на разных уровнях: от прямого цитирования его строк при рецепции иными видами искусств (Диана Арбенина, Светлана Сурганова, Иван Алексеев, Екатерина Гопенко, Елизавета Иванцов и т. д.) до выраженного внутритекстового отражения мотивов его лирики в стихах поэтов XXI в., например в текстах Бориса Рыжего, Александра Вавилова и Константина Потапова. Помимо этого, существует множество художественных произведений, посвященных Бродскому или написанных «не без мысли о нем». В сборнике интервью «Бродский глазами современников» 1997 г. представлены с прямым посвящением стихи Томаса Венцлова, Чеслава Милоша, Юрия Кублановского, Владимира Уфлянда, Якова Гордина и Анатолия Наймана, и это только сотая часть созданных для Бродского и под его влиянием текстов.

Одной из центральных мыслей Марины Цветаевой в эссе «Мой Пушкин» становится мысль о всезначимости его для всех истинных поэтов. Стихи Пушкину посвящает и Бродский, но пишет собственно не о нем, а о судьбе Поэта, и своей в том числе: «*Свои стихи доканчивая кровью, / они на землю глухо опускались*» [17, с. 33]. Размышляя о гибели Пушкина, он употребляет местоимения множественного числа, создает глобальный образ поэта, жертвующего собой.

Образ Пушкина становится неотъемлемой частью мифа о Бродском, тесно связывается с ним, подкрепляемый множеством смысловых сближений, которые находят в их образах критики и современники поэта. Симптоматична точка зрения Беллы Ахмадуллиной, которая, справедливо отказываясь сравнивать гениев, называет Бродского новым явлением Пушкина: «Совершенство и совершенство. <...> Его язык невиданный, несслуханный. Это совершенное его открытие» [18, с. 80].

Итак, мифы о поэтах двух веков строятся по следующим схожим сюжетам: особенность национального позиционирования; принципиальная отчужденность от прямой зависимости от общества; гибельность поэтического служения; беспрецедентность вклада в культуру; неоспоримая гениальность. Делается вывод о том, что миф о Пушкине, являющийся образцом русской вариации мифа «об идеальном поэте», стал востребован уже современниками Бродского как возможность оправдания проведения прямой линии преемственности развития отечественной поэзии «от Пушкина до Бродского».

«В какой-то степени все поэты – мифологизированные фигуры. <...> То, что мы о них знаем, не имеет отношения к реальности» [19, с. 208], – констатировала Елена Шварц. Бродский начал ощущать это довольно быстро, и параллельно с мифом о себе создавал свой собственный. В мифе о Бродском и автомифе Бродского есть некоторые сближения: отстраненность, образ изгнанника и первичность в самоопределении образа Поэта, но это принципиально самостоятельные смысловые системы, которые конструируются отдельно друг от друга, хотя и испытывая некоторое взаимовлияние. Образ Пушкина находит место в обоих случаях, и в автомифе Бродского он работает именно как русское воплощение мифа об идеальном поэте. В 1962 г. в стихотворении «Я памятник себе воздвиг иной» двадцатидвухлетний поэт примеривает пушкинскую судьбу к своей: «*Пушай меня низвергнут и снесут...*» [20]. Для Пушкина «Памятник» – поэтическое завещание, для Бродского – предсказание собственного будущего.

Так, образ Пушкина как идеального поэта становится одной из знаковых вех в конструировании не только мифа о Бродском, но и его автомифа.

Список источников

1. Полухина В. П. Больше самого себя. О Бродском. Томск: ИД СК-С, 2009. 413 с.
2. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 47 с.
3. Шеметова Т. Г. Персонификация исторической памяти в мифах о Пушкине и Бродском // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 18 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-istoricheskoy-pamyati-v-mifah-o-pushkine-i-brodskom-1> (дата обращения: 05.10.2024).
4. Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник БГУ. 2010. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskiy-mif-funktsionirovanie-v-sovremennoy-literature> (дата обращения: 18.11.2024).
5. Венцлова Т. Интервью // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 140–150.
6. Соловьев В. Ахматова, Бродский и сэр Исайя: история тонких отношений // Московский Комсомолец. № 28491, 5 марта 2021. URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/03/04/akhmatova-brodskiy-i-ser-isayya-istoriya-tonkikh-otnosheniy.html?ysclid=m290gq2m8r675932588> (дата обращения: 18.11.2024).
7. Ахапкин Д. Н. Иосиф Бродский и Анна Ахматова. В глухонемой вселенной. М.: АСТ, 2021. 228 с.

8. Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. СПб.: Вита Нова; М.: Молодая гвардия, 2010. 544 с.
9. Хейфец М. Июль 2004, Москва // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 19–56.
10. Немировский И. Либералисты и либертены: Случай Пушкина // НЛЮ. М., 2011. № 111. С. 113–129.
11. Лосев Л. Август 2004 // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Журнал Звезда, 2006. С. 57–74.
12. Целков О. Июнь 2004, Париж // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 130–139.
13. Довлатов С. Партия – наш рулевой! / Речь без повода..., или Колонки редактора. М.: Махаон, 2006. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/my-sovetskie-ludi.html> (дата обращения: 20.10.2024).
14. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений: В 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 50–55. URL: <https://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-050.htm> (дата обращения: 20.10.2024).
15. Щербина Т. 10 марта 2004, Лондон // В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). Сборник интервью. СПб.: Звезда, 2006. С. 343–365.
16. Писатель, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский // Информационное агентство ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/info/1988394> (дата обращения: 16.11.2024).
17. Бродский И. Стихотворения и поэмы. Нью-Йорк: Inter-Language Literary Associates, 1965. 236 с.
18. Ахмадулина Б. Гармонию уничтожить невозможно // В. Полухина. Бродский глазами современников. Сборник интервью. СПб.: Звезда, 1997. С. 75–86.
19. Шварц Е. Холодность и рациональность // В. Полухина. Бродский глазами современников. Сборник интервью. СПб.: Звезда, 1997. С. 199–216.
20. Бродский И. Стихотворения и поэмы (основное собрание). URL: https://lib.ru/BRODSKI/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 10.10.2024).
- Literaturovedenie, Yazykovedenie, Kul'turologiya, No. 18 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personifikatsiya-istoricheskoy-pamyati-v-mifakh-o-pushkine-i-brodskom-1> (accessed: 05.10.2024). (In Russian)
4. Shemetova, T. G. (2010). *Pushkinskii mif: funktsionirovanie v sovremennoi literature* [Pushkin Myth: Functioning in Modern Literature]. Vestnik BGU, No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkinskiy-mif-funktsionirovanie-v-sovremennoy-literature> (accessed: 18.11.2024). (In Russian)
5. Ventslova, T. (2006). *Interv'yu V. Polukhina. Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya* (1996–2005) [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Vol. Two (1996–2005)]. Pp. 140–150. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
6. Solovyov, V. (2021). *Akhmatova, Brodskiy i ser Isayya: istoriya tonkikh otnoshenii* [Akhmatova, Brodsky and Sir Isaiah: A History of Delicate Relations]. Moskovskii Komsomolets, No. 28491, March 5. URL: <https://www.mk.ru/culture/2021/03/04/akhmatova-brodskiy-i-ser-isayya-istoriya-tonkikh-otnosheniy.html?ysclid=m290gq2m8r675932588> (accessed: 18.11.2024). (In Russian)
7. Akharkin, D. N. (2021). *Iosif Brodskiy i Anna Akhmatova. V glukhonemoi vselennoi* [Joseph Brodsky and Anna Akhmatova. In the Deaf-Mute Universe]. 228 p. Moscow, Izdatelstvo AST. (In Russian)
8. Losev, L. V. (2010). *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: A Literary Biography]. 541 p. St. Petersburg, Vita Nova. (In Russian)
9. Heyfets, M. (2006). *Iyul' 2004, Moskva* [July 2004, Moscow]. V. Polukhina. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Volume Two (1996–2005)]. Pp. 19–56. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
10. Nemirovskii, I. (2011). *Liberalisty i liberteny: Sluchai Pushkina* [Liberals and Libertines: The Case of Pushkin]. NLO, No. 111, pp. 113–129. (In Russian)
11. Losev, L. V. (2006). *Avgust 2004* [August 2004]. V. Polukhina. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Volume Two (1996–2005)]. Pp. 57–74. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
12. Tselkov, O. (2006). *Iyun' 2004, Parizh* [June 2004, Paris]. V. Polukhina. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky Through the Eyes of Contemporaries. Book Two (1996–2005)]. Pp. 130–139. St. Petersburg, "Zvezda". (In Russian)
13. Dovlatov, S. (2006). *Partiya – nash rulevoi! Rech' bez povoda..., ili Kolonki redaktora* [The Party is Our Helmsman!]. *Rech' bez povoda..., ili Kolonki redaktora* [Speech Without Occasion..., or Editor's Columns]. Moscow, Machaon. URL: <http://sergeidovlatov.com/books/my-sovetskie-ludi.html> (accessed: 20.10.2024). (In Russian)
14. Gogol, N. V. (1952). *Neskolko slov o Pushkine* [Several Words about Pushkin]. N. V. Gogol. *Polnoye sobranie sochinenii v 14 t., pp. 50–55*. Moscow, Leningrad, USSR SA. (Pushkinskii dom). T. 8. Stat'yi. URL:

References

1. Polukhina, V. (2009). *Bol'she samogo sebya. O Brodskom* [More than Himself. About Brodsky]. 413 p. Tomsk, ID SK-S. (In Russian)
2. Shemetova, T. G. (2011). *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov* [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of Soviet and Post-Soviet Periods: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 47 p. (In Russian)
3. Shemetova, T. G. (2012). *Personifikatsiya istoricheskoi pamyati v mifakh o Pushkine i Brodskom* [Personification of Historical Memory in Myths about Pushkin and Brodsky]. Vestnik RGGU. Seriya:

<https://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-050-.htm> (accessed: 20.10.2024). (In Russian)

15. Shcherbina, T. (2006). *10 marta 2004, London* [March 10, 2004, London]. V. Polukhina. *Iosif Brodskiy glazami sovremennikov. Kniga vtoraya* (1996–2005) [Joseph Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. Vol. Two (1996–2005)]. Pp. 343–365. St. Petersburg, “Zvezda”. (In Russian)

16. *Pisatel, laureate Nobelevskoi premii Iosif Brodskii* [Writer, Nobel Prize Winner Joseph Brodsky]. Informatsionnoe agentstvo TASS: sait. URL: <https://tass.ru/info/1988394> (accessed: 16.11.2024). (In Russian)

17. Brodsky, J. (1965). *Stikhotvoreniya i poemi* [Verses and Poems]. 236 p. NY, Inter-Language Literary Associates. (In Russian)

18. Akhmadullina, B. (1997). *Garmoniyu unichtozhit' nevozmozhno* [Harmony Cannot Be Destroyed]. V. Polukhina, V. (Ed.), *Brodskii glazami sovremennikov* [Brodsky through the Eyes of His Contemporaries]. Pp. 75–86. St. Petersburg, “Zvezda”. (In Russian)

19. Shvarts, E. (2006). *Kholodnost' i ratsional'nost'* [Coldness and Rationality]. V. Polukhina. *Brodskii glazami sovremennikov* [Brodsky through the Eyes of His Contemporaries]. Pp. 199–216. St. Petersburg, “Zvezda”. (In Russian)

20. Brodsky, J. *Stikhotvoreniya i poemi. Osnovnoe sobranie* [Verses and Poems. Main Collection]. URL: https://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (accessed: 10.10.2024). (In Russian)

The article was submitted on 18.12.2024

Поступила в редакцию 18.12.2024

Баландина Ирина Александровна,
аспирант,
Уральский федеральный университет,
620062, Россия, Екатеринбург,
Мира, 19.
i.a.balandina@urfu.ru

Balandina Irina Alexandrovna,
graduate student,
Ural Federal University,
19 Mira Str.,
Ekaterinburg, 620062, Russian Federation.
i.a.balandina@urfu.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-186-193

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП НЕПРЯМОГО ВЫРАЖЕНИЯ У ИГОРЯ МЕЛАМЕДА

© Руслан Берестнев, Артём Скворцов

IGOR MELAMED'S POETIC PRINCIPLE OF INDIRECT EXPRESSION

Ruslan Berestnev, Artem Skvortsov

The article studies the work of the modern poet Igor Melamed (1961–2014). Among the writers of his time, he stands out for his creative uniqueness and clarity of aesthetic and historical-cultural convictions. The corpus of Igor Melamed's texts has been almost completely published by now, representing three separate editions. The purpose of this study is to consider the poet's aesthetic position in terms of the methods of working with subtext and the principle of indirect expression of meaning. Working with a quotation fund is one of the difficult poetic techniques that is aesthetically convincing when implemented in Igor Melamed's work, it differs from the technique used by his contemporaries in its complexity and versification daintiness. The article analyzes the poet's poem, which is most indicative in this regard: "Snow clogs the darkness, oppresses vision..." (1987), containing a rather rare example of handling a classical (Pushkin's) original source. The theoretical basis for this principle can be found in various traditions, it is widely used in ancient Indian poetry (vakrokti). The use of indirect expression is also found in other texts by Igor Melamed, but in the poem "Snow clogs the darkness, oppresses vision...", the principle of vakrokti is the most fully implemented.

Keywords: Melamed, subtext, quotation fund, aesthetic position, vakrokti

Статья посвящена изучению творчества современного поэта Игоря Меламеда (1961–2014). На фоне литераторов своего времени он выделяется творческой уникальностью и четкостью эстетических и историко-культурных убеждений. Корпус текстов Игоря Меламеда к настоящему времени практически полностью опубликован и представляет собой три отдельных издания. Целью настоящего исследования является рассмотрение эстетической позиции поэта с точки зрения способов работы с подтекстом и принципом непрямого выражения смысла. Работа с цитатным фондом – одна из непростых поэтических техник, которая эстетически убедительно реализуется в творчестве Игоря Меламеда и отличается от использования данного приема его современниками сложностью и версификационной изысканностью. В статье анализируется наиболее показательное в этом отношении стихотворение поэта «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» (1987), где имеется довольно редкий пример обращения с классическим (пушкинским) первоисточником. Теоретическое обоснование данного принципа можно усмотреть в разных традициях, а широкое обращение к нему имеется в древнеиндийской поэзии (вакрокти). Обращение к непрямому выражению встречается и в других текстах Игоря Меламеда, но в стихотворении «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» поэт реализует принцип вакрокти наиболее полно.

Ключевые слова: Меламед, подтекст, цитатный фонд, эстетическая позиция, вакрокти

Для цитирования: Берестнев Р., Скворцов А. Поэтический принцип непрямого выражения у Игоря Меламеда // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 186–193. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-186-193

Настоящая статья является частью общего исследования поэтики и эстетики И. С. Меламеда [1], [2], [3]. В данном случае нас интересуют принципы работы поэта с подтекстом и то, как они реализуются в некоторых его стихотворениях.

Игорь Сунерович Меламед (1961–2014) – поэт, переводчик, пародист, эссеист. Свой творческий путь Меламед начинал в конце 1970-х – начале 1980-х гг., известность обрел в 1990-е гг.

В контексте русской поэзии последней четверти XX – начала XXI в. Меламед заметно выделялся благодаря сознательному отстранению

от основных тенденций времени, в первую очередь – от некоторых модернистских и особенно постмодернистских, в том числе от наиболее влиятельной в 1970–90-е гг. поэзии «новой волны» (Ю. Н. Арабов, Е. А. Бунимович, С. М. Гандлевский, В. Я. Друк, А. В. Ерёменко, И. Ф. Жданов, И. М. Иртенев, Д. Г. Новиков, Н. Ю. Искренко, Т. Ю. Кибиров, В. С. Коваль, В. П. Коркия, А. Ш. Левин, А. М. Парщиков, Д. А. Пригов, Л. С. Рубинштейн, В. И. Салимон, В. Я. Строчков, В. Я. Тучков, А. П. Цветков, М. А. Шатуновский и др.).

Как литератор Меламед отличался четко структурированным мышлением, твердыми историко-культурными убеждениями, уходящими корнями в эпоху «золотого века», вызывающей анахроничностью своей эстетической позиции и литературным универсализмом. Основным художественным модусом в андеграундной поэзии 1970–80-х был иронический, а эстетические задачи во многом определялись противостоянием советскому культурному официозу. Именно эти тенденции в значительной мере определили лицо русской поэзии в эпоху перестройки, когда неподцензурная словесность пришла к широкому читателю и продолжали быть влиятельными все девяностые годы. При этом большинство представителей новой волны в качестве эстетического канона и основного ориентира рассматривали эпоху модернизма.

В отличие от своих коллег Меламед принадлежал к немногочисленным и разрозненным представителям иной традиции – авторов, опиравшихся преимущественно на опыт классической поэзии XVIII–XIX вв. В своей лирике поэт не боролся с советским канонам и не занимался его карнавальными похоронами, а сознательно его игнорировал, обращаясь к до- и внесоветским культурным пластам. Перечисленные особенности приводили к тому, что фигура Меламеда оказывалась в стороне от большинства веяний эпохи, что отнюдь не мешало поэту активно творчески участвовать в современном ему контексте.

Несмотря на неизменно высокую оценку поэзии Меламеда в литературной среде, критических материалов о нем, прижизненных и посмертных, не так много [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20], а филологическая рецепция его художественного наследия, по сути, только начинается. Немногочисленные работы о его поэзии посвящены главным образом анализу отдельных стихотворений, образов и мотивов [21], [22], [23], [24].

Творческое наследие Меламеда не столь велико и к настоящему времени практически полностью опубликовано – три издания, последовательно представившие его эссеистику и критику, затем лирику и переводы и, наконец, пародически-эпиграмматическую часть его корпуса текстов, позволяют воспринимать поэта целостно [25], [26], [27].

Максимально полное посмертное собрание стихотворений и переводов Меламеда с демонстративно «классическим» названием «Арфа серафима» (2015) вышло через год после публикации собрания его концептуальных теоретических и критических работ (2014). Название книги стихов аллюзивно отсылает к пушкинскому «Пророку», но буквально это автоцитата о разъединении тела и души: «<...> чтоб не так невыносимо / в смертный миг, в бессмертный час / пела арфа серафима, / разлучающая нас» [26, с. 110].

В первом по времени выхода томе содержится шесть работ по эстетике изящной словесности и еще восемь публикаций, связанных с конкретными личностями и литературными поводами. Только два текста, принципиально важных для эстетических взглядов автора, «Отравленный источник» и «Совершенство и самовыражение», были опубликованы при его жизни в составе книги «В черном раю» [28, с. 137–227].

Хорошо продуманная концепция творчества, подробно изложенная в названных статьях, едва ли не предвзяла авторскую лирику, эссе и литературно-критические статьи Меламеда, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Как уже было отмечено, по отношению к проблеме выраженности эстетических взглядов русских поэтов рубежа тысячелетий можно разделить на следующие группы:

- 1) авторы, не имеющие ясной эстетической позиции;
- 2) авторы, обладающие такой позицией, однако открыто не проявляющие ее;
- 3) авторы, редко демонстрирующие свои взгляды и сознательно избегающие полемики;
- 4) авторы, обладающие индивидуальной эстетикой и последовательно отстаивающие ее [10, с. 190].

Меламед относится к последней категории. Один из важных постулатов меламедовской эстетики, наиболее развернуто представленной в самой объемной его теоретической работе «Совершенство и самовыражение» (1997), гласит, что истинная поэзия – не результат рациональных усилий автора, а плод творческой благодати: «Чувство, неизменно сопутствующее чтению иных шедевров Пушкина, Лермонтова или Фета: стихи вовсе не написаны в привычном смысле

этого слова. Безотчетная уверенность, что такое совершенство не могло быть достигнуто только человеческим, сколь угодно гениальным, порывом. Что стихи как-то угаданы, продиктованы свыше. Что в процесс их создания вмешались чудесные благодатные силы. В этом нисколько не сомневались сами поэты. У Пушкина „божественный глагол“, касающийся „до слуха чуткого поэта“ – не совсем метафора» [25, с. 31].

Филолог Е. А. Иванова, знавшая поэта в последние годы его жизни, отмечает, что представление о творческом акте как благодати не было для Меламеда абстрактной гипотезой: «Игорь Меламед считал поэзию даром Божиим в буквальном смысле слова. Мне кажется, он искренне не понимал, за что ему дарована возможность писать стихи, как они вообще получаются. И он был абсолютно уверен, что в его причастности к чуду поэзии нет никакой его личной заслуги» [12, с. 114].

Это убеждение Меламеда, которое без преувеличения следует считать фундаментальным, восходит к целому ряду пушкинских произведений: «Поэт и толпа», «Пророк», «Поэту», к неоконченной поэме «Езерский» и другим. В итоговом «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» ключевой эпитет *нерукотворный* – в первую очередь означает «божественного происхождения» [29, с. 350].

В цитированной работе Меламеда находим обоснования актуальности для него пушкинских взглядов на поэтическое творчество. В соответствии с ними настоящая поэзия – вдохновение, даруемое свыше, но поэт не отвергает идеи труда литератора, редактур и не исключает существование черновиков, поскольку «Благодать не снисходит на поэта в „готовом виде“» [25, с. 32].

Подобные взгляды на предназначение поэта и поэзии нашли отражение не только в эссеистике Меламеда, но и в его лирике. В то же время идея благодатности поэзии как таковой не входит у автора в противоречие с изучением стиховой техники, подчас сколь угодно изощренной. Об этом ясно свидетельствуют его лирика и переводы, неизменно отличающиеся высокой стиховой культурой. Но в не меньшей степени мастерское владение стихом и слогом проявилось у Меламеда в его деятельности пародиста, стилизатора и эпиграмматиста (почти полностью скрытой при жизни от широкой публики).

Корпус сатирических, иронических, бурлескных и шуточных текстов, по объему сопоставимый с авторской лирикой [27], стилистически исполнен контрастно по отношению к его стихам. Тем не менее и «серьезные» лирические, и «несерьезные» комические тексты автора – его,

говоря в бахтинской терминологии, абсолютный верх и абсолютный низ – находятся в комплементарных, взаимодополнительных отношениях как части единого художественного целого. По сути, в обоих внешне контрастных видах литературной деятельности Меламед отстаивал одну и ту же эстетическую программу: в лирике он показывал, как, с его точки зрения, надо писать стихи поэту на рубеже XX–XXI вв., а в комической части – приводил различные примеры того, как это делать не следует. Таким образом, разоблачительно-пародийная деятельность автора есть не что иное как одна из форм литературной полемики, идейно смыкающаяся с некоторыми его резкими инвективами и критическими положениями, открыто изложенными в эссеистике и статьях.

В этом смысле литературное наследие Меламеда в сравнении с современным ему поэтическим окружением вновь демонстрирует уникальность. Единственная близкая ему по времени аналогия – творчество его старшего современника Ю. Д. Левитанского, тонкого лирика, работающего преимущественно в элегическом модуле, который, тем не менее, неожиданно для многих коллег и читателей единожды выступил в роли талантливой поэта-пародиста в книге «Сюжет с вариантами» (1978). Ситуации резкого и в то же время эстетически убедительного жанрового и стилистического переключения автора – свидетельство художественной зрелости творца, демонстрация полного владения разными техниками, практиками и методами.

По Меламеду, мастерская версификация лишь инструмент, который всегда должен быть у поэта под рукой, – и особенно в те моменты, когда на него изливается благодать: именно полное и свободное овладение механизмом стиха дает автору шанс передать продиктованный свыше «божественный глагол» с наименьшими искажениями.

Одна из наиболее сложных поэтических техник – создание подтекста и вообще работа с цитатным фондом. Здесь вновь уместно обратиться к поэзии новой волны. Представители этого направления сделали цитатность и даже центонность характерными приемами своей эстетики. У Арабова, Бунимовича, Гандлевского, Друка, Ерёмченко, Иртеньева, Кибирова, Коркия, Левина, Строчкова и других авторов чужое слово неизменно увязывается с иронией по поводу штампов и в широком смысле с литературной игрой, которая носит «санитарный» характер – это культурная гигиена, способ преодолеть разнообразные литературные и ментальные стереотипы. Для Меламеда же цитатность в лирике, сколь

угодно сложная и версификационно изысканная, с подобной иронической функцией не связана.

В этом отношении показательно стихотворение Меламеда «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» (1987). Оно представляет собой специфический случай переосмысления претекста (вновь пушкинского).

«Снег засоряет мрак, угнетает зренье.
Явь убивает сон и окурки множит.
Как упоительно это его сомнение,
это его смирение: *еще быть может...*

Спи же, дитя мое, – *не совсем угасла.*
Только совсем замерзла, и так ей плохо...
Яви не хватит ночи, лампаде – масла,
сердцу – тепла, пересохшей гортани – вдоха,

чтобы я вас – продолжить, и комом к горлу
что-то подступит тяжело, немилосердно...
Видно, не нужно время тому глаголу,
если не повторить нам его посмертно.

Если метель такая – не то что бесы –
даже и ангел взвояет: темно и снежно.
Только и хочешь выжить, и то лишь, если
будет совсем *безмолвно и безнадежно...*»
[26, с. 75] (курсив авт. – Р. Б., А. С.).

Эпиграф к этому стихотворению Меламеда – самое начало хрестоматийной пушкинской элегии: «Я Вас любил...». Кроме того, в разных строфах встречаются цитатные выражения «*еще быть может*», «*не совсем угасла*», «я вас», «*безмолвно и безнадежно*», выделенные курсивом.

Меламед обращается к Пушкину, используя популярный постмодернистский инструментарий (явная и на первый взгляд странная горько-саркастическая цитатность хрестоматийной классики), в то же время споря с постмодернизмом по сути.

Стихотворение уже привлекало внимание филологов. В статье В. П. Иванюка оно трактуется как пример современного развития пушкинской любовной тематики: «По эпиграфической подсказке предметом лирической рефлексии анализируемого стихотворения является любовь» [24, с. 204]. Исследователь обращает внимание на любовное чувство лирического героя и приходит к выводу о различно устроенной временной организации двух произведений [Там же, с. 207].

На наш взгляд, эпиграф здесь – лукавый авторский ход, призванный пустить читателя по «боковой тропе». Стихотворение Меламеда повествует вовсе не об изменчивости любовного чувства и посвящено другой теме.

Д. П. Бак, один из немногих филологов и критиков, лично знавших Меламеда с юности, в предисловии к собранию стихов «Арфа серафима» отмечает: «Уже в это время (в 80-е годы XX в. – Р. Б., А. С.) складывается универсальная топология меламедовского стихотворения: бессонница в морозную ночь, снегопад, боль одиночества, оставленности, теплое объятие родного человека на мировом холоде, которое обречено на умирание» [30, с. 11].

Именно темы фатального человеческого одиночества, оставленности и, скажем определеннее, богооставленности – ведущие у Меламеда, в то время как тема любовная носит у него подчиненный характер, зачастую выступая не более чем метонимическим заместителем основной тематики.

В «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» перед нами довольно редкий пример сложного поэтического приема – непрямого выражения и сознательной авторской подмены на первый взгляд очевидного для читателя объекта.

Прием непрямого выражения относится к одному из самых древних поэтических ходов и, по своей сути, устроен подобно метафоре. Но если в конвенционально используемой метафоре «сквозь призму» одного предмета видится другой и метафора обычно является элементом чего-то большего (причем нередко элементом орнаментальным), то принцип непрямого выражения влияет на семантику всего произведения.

Теоретическое обоснование данного принципа находим в разных традициях, но наиболее полно он нашел свое выражение в древнеиндийской (в западноевропейских ему отчасти соответствует принцип развернутой метафоры). У индусов он назывался вакрокти и выполнял такую функцию: «Когда, имея в виду одну вещь, говорят о другой, с нею схожей <...>» [31, с. 130].

В отечественном литературоведении объем понятия вакрокти описывается следующим образом: «<...> в обобщенном виде принцип „непрямого выражения“ может быть представлен как описание (выражение) одной вещи (предмета описания) посредством или даже чаще под видом другой вещи (объекта описания). Под „вещью“ в том и другом случае следует понимать не только некий вещественный предмет (либо лицо или явление), качество или действие, но и намерение, чувство и т.п.» [32, с. 79].

Именно этот эффект наблюдается в стихотворении Меламеда. Принцип вакрокти воплощается здесь так. Демонстративно взяв один из самых «затертых» пушкинских текстов, который неоднократно становился предметом поэтиче-

ских переосмыслений, в том числе иронических (см. «Я вас любил. Любовь еще...» И. А. Бродского), современный поэт радикально меняет то, что является отправной точкой для рефлексий лирического героя. Объектом у обоих поэтов выступает чувство, но подразумеваемые чувства у них различны.

У Пушкина инициатором рефлексий выступает женщина, анонимная и в пространстве стихотворения полностью лишенная индивидуальных черт. У Меламеда тема диалектики любовного чувства (в данном случае – как можно предполагать, чувства мужчины к тяжело больной женщине), то есть горизонтальная оппозиция «человек / другой человек», по ходу развития композиции изящно и почти незаметно меняется на тему веры – и здесь возникает уже вертикальная оппозиция «человек/Бог».

На первый взгляд, подобный тезис представляется малообоснованным. Но медленное чтение стихотворения позволяет увидеть, что стилистически оно «аранжировано» заметно иначе, чем у Пушкина. В нем, в отличие от претекста, где нет ни единого упоминания конкретного предмета или реалии, есть вполне определенные и связанные с религиозной и церковной тематикой образы – «масло», «лампада», «бесы», «ангел». Они возникают здесь отнюдь не случайно. Важно и другое: многозначные и эмоционально богатые существительные «сердце» и «глагол», включенные в такой определенный ассоциативный контекст, также не окрашены в тона любовной лирики. Столь же закономерно автором вводится наречие «немилосердно», вызывающее мрачные ассоциации и трагически отвергающее важнейшую христианскую идею прощения и милосердия. Обращает на себя внимание и неожиданно возникающий во второй строфе мотив колыбельной («Спи же, дитя мое...»), и дальнейший грамматический переход от единственного числа ко множественному: «если не повторить нам его посмертно». Кто же это дитя? В данном случае – явно не ребенок (очевидно, такой образ никак не вязался бы с пушкинским первоисточником), а дитя Бога, то есть обобщенный образ человека. В таком случае грамматическое «мы» – это не только лирический герой вместе с кем-то (видимо, с любимой и тяжело больной женщиной), но и все люди вместе взятые, все страдающее человечество. Но от чего же оно страдает и что подразумевается под введенным курсивом пушкинским выражением «не совсем угасла»? Представляется, что речь идет не столько об угасании земной любви или завершении чьей-то жизни, сколько о небесном, о вере.

Послание Меламеда можно трактовать так: вера «замерзла», почти исчезла, причем не у конкретного лирического героя, а у современного человека вообще.

Интересно, что связанные друг с другом образы «метели», «бесов» и «ангела» могут быть легко возведены к пушкинским источникам («Метель», «Капитанская дочка», «Бесы», «Пророк» и др.), и это вновь указывает отнюдь не на любовную, а на духовную тематику – Меламед словно дает в руки читателю ключи к семантике своего стихотворения: да, аллюзивность здесь пушкинская, но общая тема не совпадает с посылом «Я вас любил...».

Религиозная тема – одна из ведущих в лирике поэта, и хронологически ближайший к стихотворению контекст его творчества свидетельствует об этом со всей определенностью: во всех стихах 1987 г., созданных незадолго до «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» и сразу после него («Больница», «„Не отнимай ее, Господи!..“ – Но...», «Прижимаясь к стеклу, говорю...», «Разбуди меня в душную ночь...» и др.), явны соответствующие мотивы и образы.

Обращение к непрямому выражению встречается и в других сочинениях Меламеда. Так, «Колыбельная» (1995) строится на ироническом контрасте между декларируемым и подразумеваемым, «И лед на полыхающем виске...» (1999) – на противопоставлении «игрушечности» распадающегося микрокосма отдельного человека и всевластия Творца, «Псалом» (2005) – на сюжетно-композиционном твисте, когда эмоционально убедительно развиваемая тема метафизического отчаянья неожиданно оборачивается в финале темой Господней любви. Однако лишь в «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» поэт реализует принцип вакрокти в полном соответствии с заветами древних – когда скрытый объект выступает под маской явленного, постепенно возникая перед читателем по ходу развертывания поэтического целого.

Список источников

1. Берестнев Р. Б. Образ железной дороги в творчестве Игоря Меламеда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 7. С. 2001–2005.
2. Берестнев Р. Б. Поезд как символ судьбы в творчестве И. Меламеда // // Татьяна день: Сборник статей и материалов XX Всероссийской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвященной памяти Т. А. Геллер (25–27 января 2023 года, г. Казань). Казань: РИЦ Школа, 2024. Вып. 20. С. 19–22.
3. Берестнев Р. Б. Эстетическая позиция Игоря Меламеда в контексте современной русской поэзии (о

пушкинских традициях в творчестве) // XXXIII ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ (Москва, Институт им. А. С. Пушкина, 16–17 ноября 2023). М., 2024 (статья РИНЦ, в печати).

4. *Абдуллаев Е. В.* Псалмы утешения. О книге Игоря Меламера «Воздаяние» // Интерпоэзия. 2010. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2010/3/psalmy-utesheniya.html> (дата обращения: 19.11.2024).

5. *Амелин М. А.* Игорь Меламед и его гетеронимы // И. С. Меламед. Литературные маски: Друзья и родственники Сёмы Штапского. М.: ОГИ, 2020. С. 5–8.

6. *Бак Д. П.* Игорь Меламед, или «...я, маленький мальчик, в бессонных ночах...» // Д. П. Бак. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. С. 328–331.

7. *Басинский П. В.* «Душа моя, со мной ли ты еще?..» (О книге Игоря Меламера) // И. С. Меламед. В черном раю: Стихи, переводы, статьи. М.: Книжный сад, 1998. С. 229–235.

8. *Басинский П. В.* Памяти друга // И. С. Меламед. О поэзии и поэтах: Эссе и статьи. М.: ОГИ, 2014. С. 5–8.

9. *Данилова Д.* Две бабочки: Волшебный сачок Игоря Меламера // Ex Libris НГ. 2008. 19 июня. URL: https://nvo.ng.ru/poetry/2008-06-19/5_melamed.html (дата обращения: 19.11.2024).

10. *Скворцов А. Э.* Нетолерантная эстетика. <Рец. на кн.: Игорь Меламед. О поэзии и поэтах: Эссе и статьи. М.: ОГИ, 2014. 204 с.> // Новый Мир. 2015. № 5. С. 190–193.

11. *Иванова Е. А.* Опыт преодоления боли. Игорь Меламед // Вопросы литературы. 2010. № 1. С. 69–83.

12. *Иванова Е. А.* Поэт катастрофического сознания. Памяти Игоря Меламера // Prosōdia. 2015. № 3. С. 106–114.

13. *Иванова Е. А.* «Волшебное моцарство...» (Игорь Меламед. Арфа серафима: Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015) // Октябрь. 2017. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2017/8/volshebnoe-moczarstvo.html> (дата обращения: 10.11.2024).

14. *Карпенко А. Н.* К юбилею Игоря Меламера. «Статьи о русской поэзии». 2011. URL: <https://web.archive.org/web/20150704124922/http://www.poezia.ru/article.php?sid=90091> (дата обращения: 19.11.2024).

15. *Кравцов К. П.* Уроки Игоря Меламера // Литература – Электронный литературный журнал. 2023. № 206. URL: <https://litteratura.org/criticism/701-konstantinkravcov-uroki-igorya-melamed.html> (дата обращения: 19.11.2024).

16. *Крючков П. М.* Скончался российский поэт, переводчик и эссеист Игорь Меламед // Фома. 2014. 16 апреля. URL: <https://foma.ru/skonchalsya-rossijskij-poet-perevodchik-i-esseist-igor-melamed.html> (дата обращения: 19.11.2024).

17. *Куллэ В. А.* Существо поэзии (Игорь Меламед. В черном раю) // Октябрь. 2000. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2000/1/sushhestvo-poezii-igor-melamed-v-chernom-rayu.html> (дата обращения: 19.11.2024).

18. *Нестеренко М. А.* Слово и дело Игоря Меламера // RaraAvis. Открытая критика. 2016. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/slovo_i_delo_igorya_melamed (дата обращения: 10.11.2024).

19. *Шкловский Е. А.* Игорь Меламед. В черном раю // Знамя. 1999. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/igor-melamed-v-chernom-rayu.html> (дата обращения: 19.11.2024).

20. *Ямпольский В. Н.* Об одном стихотворении Игоря Меламера // Литература. 2014. № 16. URL: <http://litteratura.org/427-vadim-yampolskiy-ob-odnom-stihotvorenii-igorya-melamed.html> (дата обращения: 10.11.2024).

21. *Скворцов А. Э.* Поэтическая зрелость: бесконечное приближение // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 81–93.

22. *Сёмина А. А.* Георгий Иванов и русские поэты второй половины XX века (С. Чудаков, И. Меламед, Д. Новиков, Б. Рыжий): дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 257 с.

23. *Сёмина А. А.* Личность и творчество Георгия Иванова в рецепции Игоря Меламера // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 59–69.

24. *Иванюк Б. П.* «Снег засоряет мрак, угнетает зренье» И. Меламера: диалог с прототекстом («Я вас любил, любовь еще быть может...») А. Пушкина // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 198–211.

25. *Меламед И. С.* О поэзии и поэтах: Эссе и статьи. М.: ОГИ, 2014. 204 с.

26. *Меламед И. С.* Арфа серафима. Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015. 380 с.

27. *Меламед И. С.* Литературные маски: Друзья и родственники Сёмы Штапского. М.: ОГИ, 2020. 254 с.

28. *Меламед И. С.* В черном раю: Стихи, переводы, статьи. М.: Книжный сад, 1998. 240 с.

29. Полный церковнославянский словарь Г. М. Дьяченко. М., 1899. 1120 с.

30. *Бак Д. П.* «Пожизненное детство». Поэзия и правда Игоря Меламера // И. С. Меламед. Арфа серафима: Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015. С. 5–27.

31. Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 342 с.

32. *Цветкова С. О.* Словесные фигуры и принцип непрямого выражения (вакрокти) в санскритской классической поэтике // Зографский сборник. Вып. 3 / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Я. В. Васильков]. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 78–87.

References

1. Berestnev, R. B. (2023). *Obraz zheleznoi dorogi v tvorchestve Igorya Melamed* [The Image of the Railway in the Works of Igor Melamed]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 7, pp. 2001–2005. (In Russian)

2. Berestnev, R. B. (2024). *Poezd kak simbol sud'by v tvorchestve I. Melameda* [Train as a Symbol of Fate in the Works of I. Melamed]. *Tat'yanin den': Sbornik statei i materialov XX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Literaturovedenie i estetika v XXI veke"* ("Tat'yanin den'"), posvyashchennoi pamyati T. A. Geller (25-27 yanvarya 2023 goda, g. Kazan'). No. 20, pp. 19–22. (In Russian)
3. Berestnev, R. B. (2024). *Esteticheskaya pozitsiya Igorya Melameda v kontekste sovremennoi russkoi poezii (o pushkinskikh traditsiyakh v tvorchestve)* [Igor Melamed's Aesthetic Position in the Context of Contemporary Russian Poetry (On Pushkin's Traditions in Creativity)]. XXXIII PUSHKINSKIE CHTENIYA (Moskva, Institut im. A. S. Pushkina, 16–17 noyabrya 2023) (stat'ya RINC, v pechati). (In Russian)
4. Abdullaev, E. V. (2010). *Psalmu uteshenii. O knige Igorya Melameda "Vozdayanie"* [Psalms of Consolation. About the Book "Retribution" by Igor Melamed]. *Interpoeziya*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2010/3/psalmy-utesheniya.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
5. Amelin, M. A. (2020). *Igor' Melamed i ego geteronimy* [Igor Melamed and His Heteronyms]. I. S. Melamed. *Literaturnye maski: Druz'ya i rodstvenniki Syomy Shtapskogo*. Pp. 5–8. Moscow, OGI. (In Russian)
6. Bak, D. P. (2015). *Igor' Melamed, ili "...ya, malen'kii mal'chik, v bessonnnykh nochakh..."* [Igor Melamed, or "...I Am, a Little Boy, in Sleepless Nights..."]. *Sto poetov nachala stoletiya: Posobie po sovremennoi russkoi poezii*. Pp. 328–331. Moscow, Vremya. (In Russian)
7. Basinskii, P. V. (1998). *"Dusha moya, so mnoi li ty eshchyo?..." (O knige Igorya Melameda)* ["My Soul, Are You Still with Me?..." (About the Book by Igor Melamed)]. I. S. Melamed. *V chyornom rayu: Stihi, perevody, stat'i*. Pp. 229–235. Moscow, Knizhnyi sad. (In Russian)
8. Basinskii, P. V. (2014). *Pamyati druga* [In Memory of a Friend]. I. S. Melamed. *O poezii i poetakh: Esse i stat'i*. Pp. 5–8. Moscow, OGI. (In Russian)
9. Danilova, D. (2008). *Dve babochki: Volshebnyi sachok Igorya Melameda* [Two Butterflies: Igor Melamed's Magical Net]. *Ex Libris NG*. 19 iyunya. URL: https://nvo.ng.ru/poetry/2008-06-19/5_melamed.html (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
10. Skvortsov, A. E. (2015). *Netolerantnaya estetika* [Intolerant Aesthetics]. *Rec. na kn.: Igor' Melamed. O poezii i poetakh: Esse i stat'i*. M.: OGI, 2014. 204 s. *Novyi Mir*. No. 5, pp. 190–193. (In Russian)
11. Ivanova, E. A. (2010). *Opyt preodoleniya boli. Igor' Melamed* [Experience of Overcoming Pain. Igor Melamed]. *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 69–83. (In Russian)
12. Ivanova, E. A. (2015). *Poet katastroficheskogo soznaniya. Pamyati Igorya Melameda* [The Poet of Catastrophic Consciousness. In Memory of Igor Melamed]. *Prosodia*. No. 3, pp. 106–114. (In Russian)
13. Ivanova, E. A. (2017). *"Volshebnoe motsartstvo..." (Igor' Melamed. Arfa serafima: Stikhotvoreniya i perevody. M.: OGI, 2015)* ["Magical Mozartism..." (Igor Melamed. Harp of the Seraphim: Poems and Translations. Moscow: OGI, 2015)]. *Oktyabr'*. No. 8. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2017/8/volshebnoe-mozartstvo.html> (accessed: 10.11.2024). (In Russian)
14. Karpenko, A. N. (2011). *K yubileyu Igorya Melameda. "Stat'i o russkoi poezii"* [On the Anniversary of Igor Melamed. "Articles on Russian Poetry"]. URL: <https://web.archive.org/web/20150704124922/http://www.poezia.ru/article.php?sid=90091> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
15. Kravtsov, K. P. (2023). *Uroki Igorya Melameda* [Lessons by Igor Melamed]. *Litteratura. Elektronnyi literaturnyi zhurnal*. No. 206. URL: <https://litteratura.org/criticism/701-konstantinkravcov-uroki-igorya-melameda.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
16. Kr'uchkov, P. M. (2014). *Skonchalsya rossiyskii poet, perevodchik i esseist Igor' Melamed* [Russian Poet, Translator and Essayist Igor Melamed Has Died]. *Foma*. 16 aprel'ya. URL: <https://foma.ru/skonchalsya-rossijskij-poet-perevodchik-i-esseist-igor-melamed.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
17. Kulle, V. A. (2000). *Suschestvo poezii (Igor' Melamed. V chyornom rayu)* [The Creature of Poetry (Igor Melamed. In the Black Paradise)]. *Oktyabr'*. No. 1. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2000/1/sushestvo-poezii-igor-melamed-v-chnom-rayu.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
18. Nesterenko, M. A. (2016). *Slovo i delo Igorya Melameda* [The Word and Deed of Igor Melamed]. *RaraAvis. Otkrytaya kritika*. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/slovo_i_delo_igorya_melameda (accessed: 10.11.2024). (In Russian)
19. Shklovskii, E. A. (1999). *Igor' Melamed. V chernom rayu* [Igor Melamed. In the Black Paradise]. *Znanya*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znania/1999/3/igor-melamed-v-chnom-rayu.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
20. Yampol'skii, V. N. (2014). *Ob odnom stikhotvorenii Igorya Melameda* [About One Poem by Igor Melamed]. *Litteratura*. No. 16. URL: <http://litteratura.org/427-vadim-yampolskii-ob-odnom-stikhotvorenii-igorya-melameda.html> (accessed: 10.11.2024). (In Russian)
21. Skvortsov, A. E. (2006). *Poeticheskaya zrelost': beskonechnoe priblizhenie* [Poetic Maturity: An Infinite Approach]. *Voprosy literatury*. No. 5, pp. 81–93. (In Russian)
22. Syomina, A. A. (2018). *Georgii Ivanov i russkie poety vtoroi poloviny XX veka (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, B. Ryzhii): diss. ... k. filol. n.* [Georgy Ivanov and Russian poets of the Second Half of the 20th Century (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, V. Ryzhiy): Ph.D. Thesis]. 257 p. Moscow. (In Russian)
23. Syomina, A. A. (2019). *Lichnost' i tvorchestvo Georgiya Ivanova v retseptsii Igorya Melameda* [The Personality and Creativity of Georgy Ivanov in the Reception of Igor Melamed]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. T. 78, No. 5, pp. 59–69. (In Russian)
24. Ivanyuk, B. P. (2023). *"Sneg zasoryaet mrak, ugnetaet zren'e" I. Melameda: dialog s prototekstom ("Ya vas lyubil, lyubov' eshchyo byt' mozhet..." A. Pushkina*

["Snow Clutters the Darkness, Depresses Vision" by I. Melamed: A Dialogue with the Prototext ("I Loved You, Love May Still Be...") by A. Pushkin]. *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 4 (67), pp. 198–211. (In Russian)

25. Melamed, I. S. (2014). *O poezii i poetah: Esse i stat'i* [About Poetry and Poets: Essays and Articles]. 204 p. Moscow, OGI. (In Russian)

26. Melamed, I. S. (2015). *Arfa serafima. Stihotvoreniya i perevody* [Seraphim's Harp. Poems and Translations]. 380 p. Moscow, OGI. (In Russian)

27. Melamed, I. S. (2020). *Literaturnye maski: Druz'ya i rodstvenniki Syomy Shtapskogo* [Literary Masks: Friends and Relatives of the Shtapsky Family]. 254 p. Moscow, OGI. (In Russian)

28. Melamed, I. S. (1998). *V chyornom rayu: stikhi, perevody, stat'i* [In the Black Paradise: Poems, Translations, Articles]. 240 p. Moscow, Knizhnyi sad. (In Russian)

29. *Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar'* G. M. D'yachenko (1899) [Complete Church Slavonic

Dictionary by G. M. Dyachenko]. 1120 p. Moscow. (In Russian)

30. Bak, D. P. (2015). *"Pozhiznennoe detstvo". Poeziya i pravda Igorya Melameda* ["Lifelong Childhood". Igor Melamed's Poetry and Truth]. I. S. Melamed. *Arfa serafima: Stihotvoreniya i perevody*. Pp. 5–27. Moscow, OGI. (In Russian)

31. *Vostochnaya poetika: Teksty. Issledovaniya. Kommentarii* (1996) [Eastern Poetics: Texts. Research. Comments]. 342 p. Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura", RAN. (In Russian)

32. Tsvetkova, S. O. (2013). *Slovesnye figury i printsip nepryamogo vyrazheniya (vakrokti) v sanskritskoi klassicheskoi poetike* [Verbal Figures and the Principle of Indirect Expression (Vakrokti) in Classical Sanskrit Poetics]. *Zografskii sbornik*. Vyp. 3, pp. 78–87. Rossiiskaya akademiya nauk, Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera). St. Petersburg, MAE RAN. (In Russian)

The article was submitted on 16.12.2024

Поступила в редакцию 16.12.2024

Берестнев Руслан Балабекович,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Ruslanber@mail.ru

Скворцов Артём Эдуардович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bireli@inbox.ru

Berestnev Ruslan Balabekovich,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Ruslanber@mail.ru

Skvortsov Artem Eduardovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bireli@inbox.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-194-200

СМЫСЛОВАЯ ПЕРЕВЕРНУТОСТЬ БИБЛЕЙСКИХ МИФОЛОГЕМ В РОМАНЕ Л. Н. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»

© Эльза Радь

SEMANTIC INVERSION OF BIBLICAL MYTHOLOGEMES IN LEONID ANDREEV'S NOVEL "THE DIARY OF SATAN"

Elsa Rad

For the first time, the novel "The Diary of Satan" by L. Andreev has been considered in the context of biblical mythology. The focus of our scientific research is the process of semantic re-construction of biblical mythologemes, with the preservation of their symbolic nature, aimed at recreating a true reality, characterized by a world outlook without Christ. Andreev appears as a thinker who represents his concepts of man and Satan's nature. In the work, the paradigmatic exchange with biblical symbolic images and motifs demonstrates the author's pessimism and is of an accusatory nature. The article defines the functions of mythologemes, analyzes the images in the system of relations "Vandergud (Satan) - Mary - Magnus" and shows the result of the transformation of the biblical concept of the Word. Satan, whose destiny is to tempt people, to disunite them and to be the bearer of evil, is himself exposed to temptation in the status of "incarnate". Thomas Magnus, under the guise of lies, displays base diversity. Both Magnus and the cardinal appear before the reader as "satanned". In the image of the "beautiful" Mary, a "terrible" emptiness is hidden. The biblical meaning of the Word in the novel is devalued, for it performs the function of a "service", hiding the "lie of the game", reflecting the state of affairs in the world in which the truth has been distorted. The Word-Truth is transformed into the Word-Lie. In Andreev's concept, the eternal theme of human life and the human soul as the field of the incessant struggle between God and Satan receives a new artistic embodiment for Russian literature, which allows us to speak of him as a writer-thinker, philosopher and experimenter. The research is based on the methodological principles of mythopoetic, structural-semiotic and comparative analysis of the text.

Keywords: biblical mythologeme, paradigmatic change, author's concept, inversion, word-truth, word-lie, man, God, Satan

Роман Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны» впервые подробно рассмотрен в контексте библейской мифологии в обозначенных новых аспектах. Предметом научного внимания стал процесс смыслового переконструирования библейских мифологем с сохранением их символической природы, направленный на воссоздание подлинной реальности, характеризующейся мироощущением без Христа. Андреев предстает как мыслитель, выражающий собственные концепции природы человека и Сатаны. Парадигматическая мена в работе с библейскими символическими образами и мотивами демонстрирует авторский пессимизм и носит обличительный характер. В статье определены функции использования мифологем, проанализированы образы в системе отношений «Вандергуд (Сатана) – Мария – Магнус», показан результат трансформации библейской концепции Слова. Сатана, чье предназначение – искушать человека, разъединять и быть носителем зла, в статусе «вочеловечившегося» сам подвергается искушению. Фома Магнус под маской лжи проявляет низменную многоликость. «Осатаневшими» предстают перед читателем и Магнус, и кардинал. В образе «прекрасной» Марии сокрыта «страшная» пустота. Библейское значение Слова в романе обесценивается, ибо выполняет функцию «услуги», скрывая «ложь игры» и отражая положение дел в мире, в котором произошло искажение истины. Слово-Истина трансформируется в Слово-Ложь. Вечная тема человеческой жизни и человеческой души как поля непрекращающейся борьбы Бога и Сатаны получила в концепции Андреева новое для русской литературы художественное воплощение, что позволяет говорить о нем как о писателе-мыслителе, философе и экспериментаторе. Исследование опирается на методологические принципы мифопоэтического, структурно-семиотического и сопоставительного анализа текста.

Ключевые слова: библейская мифологема, парадигматическая мена, авторская концепция, перевернутость, Слово-Истина, Слово-Ложь, человек, Бог, Сатана

Для цитирования: Радь Э. Смысловая перевернутость библейских мифологем в романе Л. Н. Андреева «Дневник сатаны» // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 194–200. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-194-200

Один из крупнейших представителей русского «ренессанса», типичный импрессионист и символист XX века, Леонид Андреев был наделен весьма большим даром – даром провидения, прозрения, тайнозрения. Еще 1 августа 1891 г. 19-летний Андреев сделал следующую запись, из которой приведем лишь несколько строк: «Я хочу показать, что на свете нет истины, нет счастья, основанного на истине, нет свободы, равенства, – нет и не будет. Я хочу показать, что вся жизнь человека с начала до конца лишь сплошной бессмысленный самообман, нечто чудовищное, понять которое – значит убить себя. <...> Мне хочется потешиться над человечеством, хочется вволю посмеяться над его глупостью, эгоизмом, над его легковерием <...>» [1]. А в 1914 г. он рассмотрел то, что надвигалось на Россию. «Сделав все, что можно было, собрав все остатки своих догорающих энергий, „больной Россией“ писатель бросил их на костер, на котором сгорала Россия, и сам вслед за этим сгорел. Россию он любил всеми силами своей души...» [2, с. 515]. В 1919 г. в период работы над романом «Дневник Сатаны» для автора были очевидны первые роковые ошибки революции 1917 г.: насилие, продолжающая расти бездуховность, падение нравственности, разгул низменных инстинктов. Общество пребывало в состоянии пессимизма и обреченности, глубокого понимания глобальной переоценки ценностей, поиска нового Бога, так как существующий бог, опошленный церковью и религиозными войнами, отрицался. В «Дневнике Сатаны» нашла свое конкретное и яркое освещение вечная тема человеческой жизни и человеческой души как поля непрекращающейся борьбы Бога и сатаны, тема, отсылающая напрямую к библейским текстам со своей системой мифологем. Для творчества Леонида Андреева в целом характерна сознательная и подсознательная обращенность к библейско-евангельским образам, а в данном контексте библейские реминисценции обнажают психологическое состояние трагической безысходности и отчаяния [3, с. 165].

Как и многие другие писатели рубежа XIX–XX вв., Л. Н. Андреев активно использовал миф в своих художественных системах, расширяя границы произведений до пределов мироздания и с помощью его переосмысления выходя на разрешение «проклятых» вопросов бытия. «Неомифологизм» [4, с. 458] Л. Н. Андреева и символи-

стов стал одной из главных особенностей художественной системы, в которой миф выполняет функцию объяснения мира. Однако мифы символистов при этом несут в себе созидательное начало, мифы и символы в текстах Л. Н. Андреева выступают взаимоотражением разрушающегося мира. Использование мифов в художественном мире Л. Н. Андреева отличается процессом смыслового переконструирования с сохранением символической природы архетипических мифологем, отражающим воссоздание подлинной реальности: мироощущение эпохи без Христа представлено Андреевым в смысловой перевернутости мифов.

Мифосуггестивное поле романа «Дневник Сатаны» со сложными неомифологическими контекстами отличается многофункциональностью. Обозначая функции использования мифологем – объяснение мира и человека, репрезентация истины и лжи, света и тьмы, добра и зла, остановимся на концепции природы человека и образе Марии в системе отношений «Вандергуд (Сатана) – Мария – Магнус».

Библейская концепция природы человека, созданного по образу Божию, соединяет в себе трагизм и оптимизм. За ясным видением Зла стоит вера во всепобедность Добра, в то, что каждому человеку Бог открывает пути к Себе, а духовное единение с Богом – вершина и обязательная составляющая мироздания, что история человечества не является чем-то напрасным или случайным. Э. Фромм так объясняет библейского человека: «ставший как Бог, он не есть Бог», а приближен к Богу. «О человек! сказано тебе, что – добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудро ходить с Богом твоим» (Мих. 6:8) – в этом определении представлена одна из картин взаимоотношений Бога и человека. «Человек – не Бог, но если он приобретает качества Бога, то оказывается не „под Богом“, а „ходит с Ним“» [5].

Л. Н. Андреев предлагает читателю концепцию природы человека, противоположную библейской. Пропущенная сквозь призму индивидуально-авторского сознания протообразная информация библейского текста, многомерно осознанная писателем, породила в нем образ-замысел, воплощенный в новый, авторский образ мира и человека. Отношение автора к человеку в произведении претерпевает эволюцию: и герой,

и автор постепенно утрачивают веру в него. Роман несет погибельную и скептическую идею: Л. Н. Андреев воплощает, по словам А. С. Акбашиевой, «эксперимент, цель которого – исследовать человека глазами того, кто человеком не является. Перед нами, по существу, „очеловеченный Сатана“ (в тексте: *вочеловечившийся*) и „осатанившийся человек“. Сам Сатана, дьявол, оказался чем-то ничтожным и слабым по сравнению с тем злом, которое утвердили на земле люди. Человек Фома Магнус (обратим внимание на имя, обретающее особый смысл в контексте самоутверждения героя) посрамил Сатану, опережая его во зле, как бы говоря: если ты Сатана, то ты и здесь опоздал» [6, с. 78]. Образ Сатаны, выступающий в Библии вечным искусителем, воплощающим в себе принцип зла, в мире андреевского романа переосмыслен. Он несет в себе более сложное представление, наполненное философско-этическим значением. Тоска и скука от его пребывания в аду обусловлены рядом причин, проистекающих из взглядов Л. Н. Андреева на природу зла и человеческой экзистенции. Ад, согласно авторской концепции, не является лишь местом наказания, ад – символ внутренней пустоты, отчуждения и безысходности. Поэтому Сатана пришел на Землю: вочеловечившийся Сатана репрезентирован перед читателем с яркой человеческой душой и силой индивидуального начала. Но его ожидания («Я пришел на землю, чтобы лгать и играть. <...> мне надоел ад, где все эти волосатые и рогатые мошенники играют и лгут почти не хуже, чем Я...» [7, т. 6, с. 120]) и желание играть в «вечном» городе Риме и восхитить читателя дневника в конце повествования «уперлись» в стену прагматизма, цинизма, равнодушия, жестокости, бесчеловечности как характерных черт человеческого мира. Если изначально Сатана воспринимает свою роль носителя зла в контексте борьбы, то со временем эта борьба оборачивается бездействием. Он начинает осознавать, что злоба сама по себе не приносит удовлетворения, и без возможности испытывать радость или страсть его существование становится бессмысленным. Теперь скука и тоска Сатаны от ада человеческого мира – отражение глубоких философских вопросов, связанных с экзистенцией, свободой, страданием и смыслом жизни.

Парадигматическая мена демонстрирует авторский пессимизм, достигший своего максимального развития: высокомерная холодность («В твоём разуме так мало понятий. Твой разум, как нищенская сума, в которой только куски черствого хлеба» [Там же, с. 118]) – снисходительно-рассеянный

интерес («Я слышал, что ты умен, довольно честен, в меру недоверчив, чуток к вопросам вечного искусства и настолько скверно играешь и лжешь сам, что способен высоко оценить чужую игру» [Там же, с. 120]) – снисходительно-пристальное внимание (он выделяет в абстрактном термине «человек» конкретное понятие «индивид», а затем и «личность») – равноправие с человеком – человек опередил Сатану в области зла. По мысли художника, человек обречен «не быть с Ним» в силу расчеловечивания, бездуховности. И эта мысль подкрепляется смыслообразующей функцией второго главного героя произведения – образа Фомы Магнуса.

Согласно библейской мифопоэтической традиции, имя Фома толкуется как «близнец» – брат-близнец Христа. В апокрифических «Деяниях Фомы» подчеркивается сходство между Фомой и Христом. Согласно легенде, Фома проповедовал слово Божье в Эдессе, Персии и Индии, занимался зодчеством [8, с. 443].

Фома Магнус в романе – близнец Сатаны, с претензией быть выше его (магнус – лат. ‘большой’, ‘старший’). Структурообразующий в романе мотив близнечности, предполагающий зеркальное сосуществование образов, реализован по-новому. Так, Т. К. Гусева указывает на дуальность человечества в изображении Л. Н. Андреева, раздваивание и тенденцию к развоплощению, свойственную в целом его образам, объясняет природу каждого из них через сравнения и параллели, при этом обращая внимание на глубинное сходство. Но в случае с человеком эффект к развоплощению и расчеловечиванию ужасает: Сатана – «отвратительная помесь Сатаны с американским медведем», Магнус – «помесь кролика и... Сатаны», это гений с «сатанинским умом, знавшим в мире только себя и *свою волю*», презирующий человечество, пренебрегающий идеей как божественного, так и сатанинского. Воля и честолюбие Магнуса – более сатанинские, нежели у самого Сатаны [9, с. 51].

В «Дневнике Сатаны» образ, который мог бы выполнить функцию реабилитации и заступника человека перед Богом, – образ Марии (один из центральных в образной системе произведения), ассоциативно отсылающий читателя к протообразу библейской Марии, «Мадонны». Однако он подвергается разделению на два направления, чувственное и ментальное, и становится воплощением лжи и глубочайшего порока. Символизм этого образа, сопровождающегося иконописной цветовой палитрой, раскрывает позицию автора, чье мировосприятие определено исследователями как биполярное: «Кого я встречал на земле,

кто был бы также *прекрасен и страшен* – страшен и недоступен земному?...» (курсив наш. – Э. Р.) [7, т. 6, с. 303]. Подчеркивая «чистоту» Марии и «безмятежный покой», окутывающий ее, автор в комбинации «Мария – Генри Вандергуд (Сатана)» через любовь к Марии дает Сатане, испытывающему двойственное внутреннее состояние, возможность одухотворения.

В образе андреевской Марии, воплотившей в себе «ложь игры», внешнее божественное совершенство и внутреннюю порочность и духовную пустоту, функционально соединились библейские образы Мадонны и блудницы Марии Магдалины, от которых взяты лишь поверхностные характеристики (андреевская Мария максимально далека как от Мадонны, так и от Марии Магдалины, в которых божественное начало и торжество света над тьмой – органичная и обязательная составляющая). Помним, что Христос прощает грешницу и дает ей возможность исправиться («...прощаются грехи ее многие за то, что возлюбила она много» (Лк 7: 47)). В романе в концепции образа Марии авторская мысль однолинейно движется от внешнего к внутреннему. В комбинации «Магнус – Мария» психологические состояния размышлений и сомнений Фомы Магнуса, готовность взять на себя совершенный Марией грех, свидетельствуют о прощении и непростении одновременно – двойственности переживаний Магнуса и понимании им бездуховного состояния Марии, чья душа лишена божественной составляющей:

«И какую известную вам пустоту... вы ни вообразите себе, она не может сравниться с тем почти абсолютным *васиш*, что составляет ядро моей прекрасной, светоносной звезды» [Там же, с. 319].

Границы символизма образа Марии, «прекрасного» в своем внешнем представлении и «страшного» в своей внутренней пустоте, согласно миропониманию и мировидению Л. Н. Андреева, тревожащегося за нецелостное, негармоничное в своем безверии развитие человека рубежа XIX–XX вв., раздвигаются на все человечество, способное к поверхностному восприятию, украшающее себя внешней атрибутикой, но таящее в себе «*черную глубину*» [Там же, с. 163]. Сатана в чужом теле, поначалу играющий роль человека («*наполовину принял человека. Как в чужую стихию Я вошел в человечность, но не погрузился в нее весь...*» [Там же, с. 187]), проходит путь от нелюбви людей («*Я еще не люблю тебя, человеке*» [Там же, с. 189]), через «испытание человеком» и искушение любовью переживший внутреннюю трансформацию духовного вочеловечивания («*всем владела моя*

новая человеческая душа. Я человек!») [Там же, с. 197]), – к любви, обретению человеческих качеств (вседоверия, доброты, глупости) и глубокому разочарованию.

В паре «Вандергуд – Мария» как эстетической оппозиции автором также используется мотив испытания по отношению к героине. Ставя ее в ситуацию испытания человеком и возможности духовного возрождения, внутреннего очищения, Л. Н. Андреев укрепляет мысль о неизменности ее природы и безнадежности переживания. Двойная смена ролей отражает понимание символической природы архетипических образов как художественно воссозданной объективной реальности: 1) противоположная перестановка функций человека и Сатаны: Мария искушает Вандергуда; сохраняя в себе ложь игры, Мария подводит миллиардера к гибели; 2) перестановка позиций человека и Сатаны в нравственно-этическом аспекте: низменной природой Марии, в которой бездна греха в личине идеальной, божественной красоты, определяется ее место в небесной иерархии на порядок ниже автора дневника, избравшего амплуа «спасителя», человека доброй воли, альтруиста.

Мифосуггестивное поле произведения расширяется и углубляется за счет философского контекста. На языке мифа говорят автор романа и автор дневника. На языке мифа говорит Фома Магнус, сравнивая Марию с орлом, терзающим печень Прометея, заплатившего жизнью за свою любовь к людям. Магнус, также в прошлом испытывающий сентиментальные чувства к людям, в лице искусительницы Марии получает наказание как испытание, не пройдя которое становится носителем и служителем зла. Перевернутость положений в паре «Сатана (Вандергуд) – Фома Магнус», в которой воплощенное в лице Сатаны зло практически уничтожено, а сознательно принятое человеком служение злу возведено в норму жизни, подводит к пониманию, что творимое человеком на земле зло сильнее и страшнее зла космического. Магнус выступает в роли дьявола, так презирает человека, что готов взорвать его, уничтожив веру в человеческую порядочность, в любовь, в божественность женской красоты [10, с. 255]. Используя Марию как приманку, Магнус манипулирует человечностью Вандергуда как слабостью, захватив в психологическую ловушку, обещает чудо любви взамен на абсолютное доверие. Вера в человека («*я вам верю и всюду следую за вами <...> залогом служит мне Мария и ее любовь*» [7, т. 6, с. 199]) ведет по жизни Вандергуда, одухотворенного мыслями о своей Мадонне.

В символ высшего зла, царящего на земле, перерастает образ Марии, оказавшейся человеком без прошлого, почти равной вечности.

«Никогда я не мог узнать точно и полно ее прошлого... Я не знаю ее возраста, и на моих глазах она не меняется: отчего не допустить, что ей не двадцать, а две тысячи лет?» [Там же, с. 320].

Закономерность ее встречи с вечным Сатаной связана с наступившим в истории человечества периодом безбожия.

Касаясь проблемы конструирования персонажей как «персонифицированных концепций», отметим, что и Сатана, и Мария в силе своего воздействия традиционно способствуют созданию выбора пути, в ситуации которого всегда пребывает человечество. Функция библейского Сатаны – искусить и погубить человека, а библейской Марии – спасти. В структуре романа Л. Н. Андреева отмечается противоположная ситуативная расстановка ролей: Мария, выступая олицетворением высшего зла, губит человека, Сатана же в теле коммерсанта, потенциально имеющий возможность спасти человечество, пытается открыть человеку глаза на истинное положение вещей, однако сам приходит к состоянию отрицания мира.

В новой концепции человека, Сатаны и Марии Л. Н. Андреев предлагает читателю меню смысловых полюсов через трансформацию библейских образов. В писательской позиции заключен отказ от примирения с существующим миропорядком, его неприемлемость. Устойчивое и транслируемое мнение о мире репрезентировано автором как видение, экзистенциальный опыт мысли, воплощенный посредством устойчивых мифологем и мифопоэтической глубины слова. Это видение вписывается в общую мифопоэтическую концепцию Серебряного века выставлять на передний план эстетику истины. В романе продемонстрировано аморальное состояние бытующего общественного мнения относительно абсолютных основ бытия, человека и космоса, а также проведена реанимация архаических моральных норм и их космогонической целенаправленности и действенности (см. о этом: [11, с. 58–59]).

Изменению в романе подверглась и библейская концепция Слова. Библия построена на осознании силы и вечности слова («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1.1)). Все земные реалии, сотворенные Богом и названные человеком, соотносятся с небесным. Слово в Библии предстает как жизненная необходимость, как «орудие» Божьего творения и одновременно как «орудие» челове-

ческого созидания и творчества. Мысль о созидании составляет существо каждого слова. В слове, мыслительной и речевой способности человека выражается образ его ума [12, с. 14]. Слово как Логос было извечно. Бог не обязал человека мыслить узко направленно и ограниченно, слово, по Божьей воле, должно было стать и стало результатом свободы творчества человека созидającego. Энергия библейского мудрого слова ведет человека к истине. Р. Папаян отмечает: «...Свобода слова в Библии понимается как право на истину – на ее поиск и знание, на ее обретение и свободную передачу другим» [13, с. 73].

В «Дневнике Сатаны» Слово, воспринятое вочеловечившимся Сатаной, в его мировосприятии сохраняет свое библейское значение. Сначала истинное слово Сатаны теряется в бездонности одиночества:

«<...> мое одиночество очень велико, очень глубоко, – боюсь, что оно не имеет дна совсем! Я становлюсь на край пропасти и бросаю туда слова, множество тяжелых слов, но они падают без звука» [7, т. 6, с. 149]).

Затем слово многоговорящего вочеловечившегося героя, испытывающего родственность внутренней природы только с Топпи, которому покровительствует и которого держит в поле духовного братства («Я целую в темя тех, кого люблю» [Там же, с. 167]), обретает на земле собеседников и расширяет круг общения. В его слове воссоздается образ ума человека обожествленного, устремленного к чистому, светлому – к истине. Новая ипостась быть человеком, человечность как маска, костюм и как суть предоставляют возможность обретения родственных душ и связей. Вочеловечившегося Сатану искушает словом осатаневший человек, Фома Магнус, когда обещает Вандергуду любовь Марии:

«Но еще с минуту молчал Магнус, пока следующие слова не прозвучали в воздухе и не сбросили Меня с места: – Но Мария любит вас» [Там же, с. 176].

Человечность одинокого Сатаны, искушаемого любовью, в которой глубоко нуждался, наталкивается на стену зла, коварства, душевную пустоту и темноту, безверия земного человека, искушаемого миллиардами Вандергуда, тем, что больше всего манит. В Библии говорится: «Забота века сего и обольщение богатства заглушает слово» (Матф. 13: 22). Сатанинское обольщение и одержимость материальным богатством обнуляет значение Слова в жизни человека.

В устах других персонажей «Дневника» библейское значение Слова обесценивается, ибо вы-

ражает положение дел на земле, где человек пребывает «не с Ним», а в мире с искаженными истиной, первичной сущностью слова. «Слово обрело возможность стать орудием лжи, а значит, и зла» [13, с. 73].

«В каком тумане мы живем! Послушай все слова, какие сказал человек со дня своего творения, и ты подумаешь: это Бог! Взгляни на все дела человека с его первых дней, и ты воскликнешь с отвращением: это скот! Так тысячи лет бесплодно борется с собою человек, и печаль души его безысходна, и томление плененного духа ужасно и страшно, а последний Судья все медлит своим приходом...» [7, т. 6, с. 189].

Назначение слова, передающего истину и созидательную мысль, меняется на функцию обертки, «услуги» [Там же, с. 191]. В устах Магнуса, Марии, кардинала оно – лишь маска мыслей, за которыми стоит смерть. Искажение истины на земле, согласно андреевской концепции, выражено в бессловесности Марии как свидетельстве ее внутреннего состояния, характеризующегося душевным мраком и пустотой, и в словесной маске Магнуса, преследующего через «свободное творчество» и изобретательность мысли страшную цель разрушения мира. Так библейское Слово-Истина индивидуально-авторским сознанием в «Дневнике Сатаны» трансформируется в Слово-Ложь.

В философском обращении автора к библейским мифологемам и их художественной трансформации выражены результаты поиска смысла жизни, нового постижения и объяснения современного мира. В смысловой перевернутости мифологем утверждается мысль об объективном состоянии человеческого общества начала XX в.

Список источников

1. Андреев Л. Н. Дневник. 15.05.1891–17.08.1891 // РАЛ (Русский архив в Лидсе). MS. 606 / Ед. хр. 4. Л. 47–47об.
2. Ильин В. Н. Вавилон и Иерусалим: демоническое и святое в литературе. СПб: Русский Мир, 2011. 720 с.
3. Руднев А., Чуваков В., Козьменко М. Андреев Л. Спасите наши души! (Статья и письма) // Вопросы литературы. 1991. № 7. С. 165–198.
4. Болдырева Т. В. Типология культурных кодов в драматургии Л. Андреева // Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования: Всероссийская научная конференция языковедов и литературоведов (5–7 мая 2005 года). Самара: Изд-во СГПУ, 2005. С. 456–460.
5. Фромм Э. Библейская концепция человека. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Article/From_biblKon.php (дата обращения: 05.01.2024).

6. Акбашева А. С. Серебряный век: художественное и читательское творчество: Монография. Стерлитамак, 2011. 201 с.

7. Андреев Л. Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6. Рассказы; Повести; Дневник Сатаны; 1916–1919; Пьесы 1916; Статьи / Редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; Сост. и подгот текста В. Александрова и В. Чувакова; Коммент. Ю. Чирвы и В. Чувакова. М.: Худ. Лит. 1996. 720 с.

8. Большой путеводитель по Библии: Пер с нем. М.: Республика, 1993. 479 с.

9. Гусева Т. К. «Дневник Сатаны» Л. Андреева как сращение интимного и художественного дневников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 49–55.

10. Арсентьева Н. Н. Концепция утопического сознания в творчестве Леонида Андреева // Н. Н. Арсентьева. Становление утопического жанра в русской литературе. М.: Изд-во МПГУ им. В. И. Ленина, 1993. С. 221–271.

11. Кребель И. А. Мифопоэтика Серебряного века: Опыт топологической рефлексии. СПб.: Алетейя, 2010. 592 с.

12. Михайлов Г. Наша душа: Онтология психической реальности. СПб., 1999. 64 с.

13. Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М.: Издательство НОРМА, 2002. 416 с.

References

1. Andreev, L. N. *Dnevnik*. 15.05.1891–17.08.1891 [The Diary]. RAL (Russkii arkhiv v Lidse). MS. 606 / Ed. khr. 4. L. 47–47ob. (In Russian)
2. Ilyin, V. N. (2011). *Vavilon i Ierusalim: demonicheskoe i svyatoe v literature* [Babylon and Jerusalem: Demoniac and Sacred in Literature]. 720 p. St. Petersburg, "Russkiy Mir". (In Russian)
3. Rudnev, A., Chuvakov, V., Kozmenko, M. Andreev L. *Spasite nashi dushi! (Stat'ya i pis'ma)* [Andreev L. (1991) Save Our Souls! (Article and Letters)]. *Voprosy literatury*. No. 7, pp.165–198. (In Russian)
4. Boldyreva, T. V. (2005). *Tipologiya kul'turnykh kodov v dramaturgii L. Andreeva* [Typology of Cultural Codes in the Drama by L. Andreev]. *Russkii yazyk i literatura rubezha XX–XXI vekov: spetsifika funktsionirovaniya: Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya yazykovedov i literaturovedov* (5–7 maya 2005 goda), pp. 456–460. Samara, izdatelstvo SGPU. (In Russian)
5. Fromm, E. *Bibleiskaya kontseptsiya cheloveka* [The Biblical Concept of Man]. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Article/From_biblKon.php (accessed: 05.01.2024). (In Russian)
6. Akbasheva, A. S. (2011). *Serebryanyi vek: khudozhestvennoe i chitatel'skoe tvorchestvo: Monografiya* [The Silver Age: Artistic and Reading Creativity: A Monograph]. 201 p. Sterlitamak. (In Russian)
7. Andreev, L. N. (1996). *Sobranie sochinenii*. V 6-ti t. T. 6. *Rasskazy; Povesti; Dnevnik Satany; 1916–1919; P'esy 1916; Stat'i* [Collected Works. In 6 volumes. T. 6.

Stories; Stories; Diary of Satan; 1916–1919; Plays 1916; Articles]. Redkol.: I. Andreeva, Yu. Verchenko, V. Chuvakov; sost. i podgot. V. Aleksandrov i V. Chuvakov; Komment. Yu. Chirva i V. Chuvakov. 720 p. Moscow, Khud. lit. (In Russian)

8. *Bol'shoi putevoditel' po Biblii* (1993) [The Great Guide to the Bible]. Per s nem. 479 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

9. Guseva, T. K. (2012). “*Dnevnik Satany*” L. Andreeva kak srashchenie intimnogo i khudozhestvennogo dnevnikov [L. Andreev’s “Satan’s Diary” as a Fusion of Intimate and Artistic Diaries]. T. K. Guseva. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. No. 5 (19). Chast II, pp. 49–55. Tambov, Gramota. (In Russian)

10. Arsentieva, N. N. (1993). *Kontseptsiya utopicheskogo soznaniya v tvorchestve Leonida Andreeva* [The Concept of Utopian Consciousness in the Work of Leonid Andreev]. N. N. Arsent'eva. Stanovlenie utopicheskogo zhanra v russkoi literature. Pp. 221–271. Moscow, izd-vo MPGU im. V. I. Lenina. (In Russian)

11. Krebel, I. A. (2010). *Mifopoehtika Serebryanogo veka: Opyt topologicheskoi refleksii* [Mythopoehtics of the Silver Age: An Experience of Topological Reflection]. 592 p. St. Petersburg, Aleteya. (In Russian)

12. Mikhailov, G. (1999). *Nasha dusha: Ontologiya psikhicheskoi real'nosti* [Our Soul: Ontology of Psychic Reality]. 64 p. St. Petersburg. (In Russian)

13. Papayan, R. A. (2002). *Khristianskie korni sovremennogo prava* [Christian Roots of Modern Law]. 416 p. Moscow, izdatelstvo NORMA. (In Russian)

The article was submitted on 05.12.2024

Поступила в редакцию 05.12.2024

Радь Эльза Анисовна,
доктор филологических наук,
доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
Стерлитамакский филиал,
453103, Россия, Стерлитамак,
проспект Ленина, 49.
elza_rad@mail.ru

Rad' Elsa Anisovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Sterlitamak branch,
49 Lenin Avenue,
Sterlitamak, 453103, Russian Federation.
elza_rad@mail.ru

УДК 882.09-1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-201-205

ОБРАЗ ПЕКИНА В ТРАВЕЛОГАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1920-Х ГГ.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

© Чжу Синьжун

THE IMAGE OF BEIJING IN TRAVELOGUES OF RUSSIAN LITERATURE IN THE 1920S: A GENDER ASPECT

Zhu Xinrong

This article examines Russian travelogues of the 1920s about China in the context of the gender aspect in literary studies. The study is based on two travelogues written by women writers - '7000 Kilometres by Air' (1926) by Z. V. Richter and 'Sketches of China' (1927) by G. I. Serebryakova. The article analyses in detail the writers' understanding of the conflict between the traditional way of life in China and modern trends in Beijing during the period of serious historical changes, the descriptions of traditional customs, social problems in the process of modernization and the women's social status development. Comparing these travelogues with the works of male writers, the researcher concludes that Z. V. Richter and G. I. Serebryakova pay more attention to the fate and status of women in Beijing society than male writers do. They note that upper-class women follow European fashions, while the fate of women from the lower strata of society remained unchanged; at the same time, the movement for women's emancipation became more vigorous due to the emergence of women revolutionaries. The description of the Beijing society modernization by female writers is more subjective, emotional and plot-oriented than the narrative of male writers.

Keywords: Russian literature, travelogue, image of Beijing, Z. V. Richter, G. I. Serebryakova, gender aspect

В данной статье рассматривается русский травелог 1920-х гг. о Китае в контексте гендерного аспекта изучения литературы. Материалом исследования оказались два травелога, написанных писательницами-женщинами – «7000 километров по воздуху» (1926) З. В. Рихтер и «Зарисовки Китая» (1927) Г. И. Серебряковой. Автор статьи подробно анализирует понимание писательницами конфликта между традиционным образом жизни в Китае и современными тенденциями в Пекине в период серьезных исторических перемен, описание традиционных обычаев, социальных проблем в процессе модернизации и развития социального статуса женщин. Сопоставляя данные травелоги с произведениями писателей-мужчин, исследователь приходит к выводам, что З. В. Рихтер и Г. И. Серебрякова уделяют больше внимания судьбе и положению женщин в пекинском обществе. Они отмечают, что женщины высшего класса гонятся за европейской модой, а судьба женщин из низов общества остается неизменной, и в то же время движение за эмансипацию женщин становится более энергичным благодаря появлению женщин-революционеров. Описание модернизации пекинского общества женщинами-писательницами более субъективно, эмоционально и сюжетно по сравнению с повествованием писателей-мужчин.

Ключевые слова: русская литература, травелог, образ Пекина, З. В. Рихтер, Г. И. Серебрякова, гендерный аспект

Для цитирования: Чжу Синьжун. Образ Пекина в травелогах русской литературы 1920-х гг.: гендерный аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 201–205. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-201-205

История взаимодействия России и Китая насчитывает не одно столетие. С XVII в., когда Россия начала посылать в Китай миссионеров, образ Китая начал формироваться в отчетах и путевых заметках посланников и церковников. На протяжении XVIII и XIX вв. российско-

китайские обмены становились все более частыми: многие русские дипломаты, миссионеры и купцы совершали поездки в Китай. Впоследствии некоторые из них стали синологами и написали книги, основанные на увиденном и услышанном в Китае. К примеру, выдающийся китае-

вед XIX в. В. П. Васильев (1799–1837) работал в Российской духовной миссии в Пекине на протяжении 1840–1850-х гг. и опубликовал большое количество трудов о Китае: «Китайская грамматика», «Китайская хрестоматия», «История Китая» и др. [1 с. 111]. Важное место в его научном наследии занимает «Очерк истории китайской литературы», опубликованный в серии «Всеобщая история литературы» в 1880 г. В нем он рассматривает китайскую литературу как обособленное культурное образование, не пытаясь подогнать китайскую традицию под европейские шаблоны [2, с. 111].

В первые три десятилетия XX в. в Китае произошли большие изменения в мировоззрении и общественном сознании, вызванные чередой революций, войн, появлением и развитием новых идей. Многие русские дипломаты, ученые, деятели культуры, писатели (В. Немирович-Данченко, В. М. Алексеев, А. Е. Ферсман, Ю. Галич, Б. А. Пильняк, А. А. Ивин, М. Г. Андреев, З. В. Рихтер, Г. Серебрякова и т. д.) жили или работали в Пекине в этот период, они были свидетелями социальных изменений в Китае и в какой-то степени участвовали в них. Их принадлежность к разным слоям общества, разные социальный статус, пол и возраст дают возможность с разных точек зрения и с разным отношением записать увиденное и услышанное во время пребывания в Китае.

Как столица Китая и место многих важнейших событий эпохи перемен и социальных преобразований исторический, политический и культурный образ Пекина стал олицетворением восприятия и формирования всего Китая в русской травелогической литературе этого периода. В частности, ряд писателей-мужчин в 1920-е гг. описывали жизнь в Пекине в своих трудах и статьях. К примеру, с 1917 по 1927 г. известный китаевед А. А. Иванов (псевдоним – А. Ивин, 1888–1942) в качестве профессора Пекинского университета и корреспондента московской газеты «Правда» работал в Китае. Являясь непосредственным свидетелем перемен, происходивших в Пекине в 1920-е гг., он в своей книге «Письма из Китая» представляет образ Пекина в период перехода от старой к новой цивилизации.

Другой китаевед и экономист М. Г. Андреев (1888–1945) учился в Китае в 1913 г. и работал там в 1925–1927 гг. Его статья «В Пекине» посвящена описанию больших перемен, произошедших в этой древней столице за 14 лет. Он рассказал об историческом наследии Пекина, его географии, быте, культуре и проанализировал экономическую структуру Пекина. Следует отметить, что писатели-мужчины демонстрируют

более широкое и объективное изображение Пекина в целом, между тем как две женщины-писательницы того же периода передают особенности образа Пекина 1920-х гг. с особой точкой зрения и с более тонким подходом.

Зинаида Владимировна Рихтер (1890–1967) – русская советская писательница и журналистка. В качестве корреспондента «Известий» она участвовала в первом воздушном полете по маршруту Москва – Монголия – Пекин и посетила Пекин в 1925 г., а затем выпустила книгу «7000 километров по воздуху».

Ее повествование делится на три части: прилет в Пекин, посещение чаепития для дипломатов и посещение банкета. В первой части повествования о полете в Пекин З. В. Рихтер использует большое количество слов, обозначающих цвета и характеризующих смену времени и места действия, например *«пески мертвой пустыни»*, что *«под нами сменились зелеными»*, *«близну китайских одежд»*, *«желто-смуглые лица»*, *«красные розетки»*, *«золотые и серебряные галуны»*, *«красные стяги»* [3, с. 294] и т. д. Эти слова отражают первое впечатление автора о Пекине в виде самобытного, яркого и активного города. Одновременно Рихтер подчеркивает, что *«китайская молодежь сделала все, чтобы дать нам почувствовать искреннюю симпатию к СССР»* [Там же]. Стоит отметить, что первое впечатление З. В. Рихтер о Китае более позитивно по сравнению, например, с Б. А. Пильняком, где в начале его «Китайской повести» можно встретить следующее наблюдение: *«В желтой воде, похожей на перепрелый чай, около берега плывет труп китайца»* [4, с. 5].

Описывая чаепитие дипломатов и банкет, З. В. Рихтер показала две стороны Пекина: с одной стороны, он консервативен и традиционен, с другой – он движется в сторону европеизации. Эта особенность отражается как в описаниях сцен, так и в диалогах персонажей. Например, писательница показывает читателю, что перед дверью большого роскошного китайского дома, где проходит чаепитие, стоит каменная стена, чтобы отгородиться от нечистых предметов; двор оформлен в традиционном китайском стиле, а гостиная декорирована в полувосточном стиле. В беседе З. В. Рихтер узнала, что *«в семейном китайском быту произошли коренные перемены, но кое-что сохранилось еще от старины»* [3, с. 298]. Безусловно, европейская культура стала модной в Пекине с начала XX в., а женщины из высших слоев общества начали подражать европейским женщинам, изменив национальную одежду и прически. Однако изменения в образе жизни высших классов, свидетелем

которых стала автор, не распространились на всю страну, и некоторые традиции и обычаи остались в повседневной жизни.

Особое внимание уделяет автор положению женщин в Китае и их судьбе. З. В. Рихтер отмечает, что в Пекине постепенно отменяются такие обычаи, как уродование ног девочкам, брак по расчету и полигамия. Однако статус и судьба китайских женщин не одинаковы на разных социальных уровнях. Женщины высшего класса следовали европейским тенденциям и были одержимы красотой, но, по сути, являлись компаньонками для своих официальных мужей, в то время как некоторые женщины продолжали наследие своих мужей и занимались общественной работой. Например, вдова Сунь Ятсена во время пребывания З. В. Рихтер была *«на юге по делам стачечного комитета»* [Там же] и не смогла встретиться со автором. Вместе с тем подавляющее большинство женщин из низших слоев общества все еще не освободились от своей традиционной участи быть орудием деторождения, то есть женами или наложницами, и враждовать друг с другом на заднем дворе. По мнению автора, китайские женщины начали постепенно «раскрепощать» свой разум, а некоторые даже заинтересовались полетами: *«Едва научившись ходить и перестав уродовать ноги, китаянки уже мечтают летать...»* [Там же].

Кроме того, автор также кратко упоминала о рикшах, русских эмигрантах, банкетном этикете и кухне, старой императорской системе экзаменов и широком спектре традиционных семейных отношений в Китае. Согласно мнению автора, униженный труд рикши должен быть отменен, а громоздкий китайский этикет вызывает у нее недоумение. З. В. Рихтер описала свои встречи с эмигрантами, которые не хотят признавать себя русскими и отрицают существование их собственной страны. Автор тонко выразила свою позицию и утверждение Октябрьской революции и политической системы СССР через косвенную речь кинорежиссеров: *«<...> в России давно нет голода; наоборот, кондитерские и пирожные даже лучше, чем в Пекине»* [Там же, с. 300].

З. В. Рихтер воссоздала свой визит в Пекин от лица журналиста в виде описания сцен и диалогов, дала представление о жизни и обществе Пекина в 1920-е гг., формируя образ города Пекина в процессе европеизации и модернизации. Изложение З. В. Рихтер более субъективно и сфокусировано на положении женщин, нежели у мужчин-китаеведов А. Ивина и М. Г. Андреева, которые также характеризуют европеизацию пекинского общества. В противовес женскому взгляду писатели-мужчины не только оценивают

процесс модернизации Пекина с точки зрения наблюдателя, но и объясняют особенности пекинского общества того времени с разных точек зрения (исторической, политической, экономической, культурной), но при этом ничего не упоминают о судьбе женщин.

Другая писательница и журналистка, Г. И. Серебрякова (1905–1980), в 1926–1927 гг. жила в Китае с мужем Л. П. Серебряковым. В книге *«Зарисовки Китая»* она описывает социальные условия, традиционные обычаи и образ жизни в Пекине, а также положение китайских женщин с точки зрения наблюдателя от третьего лица.

Г. И. Серебрякова начала с описания своего общего впечатления от Пекина в эмоциональном ключе. По ее первому впечатлению, Пекин не похож на большой китайский город, и у нее даже возникла мысль: *«Где же Китай?»* [5, с. 308], когда увидела европеизированный пекинский вокзал. Она описала Пекин как город, в котором сосуществуют традиционные и современные элементы. Г. И. Серебрякова подчеркнула сочетание европейских архитектурных стилей с древними китайскими стенами, сближение Запретного города с иностранными посольствами, контраст между широкими главными дорогами и узкими кварталами, а также сосуществование зажиточных иностранных поселений и менее благополучных китайских общин. Повествование автора представляет собой не объективный, а скорее эмоциональный рассказ. Например, *«нелепо и покорно торчит грязная пекинская стена», «загадочно и угрожающе тянутся здания иностранных посольств», «нищета, ни с чем не сравнимая, в быту тех, на чьих костях вырос Пекин с его прекрасными дворцами и тихими европейскими кварталами»* [Там же, с. 309]. Из приведенного описания видно, что автор с симпатией и пониманием относится к Китаю.

Г. И. Серебрякова изобразила некоторые суеверия и обычаи жителей Пекина, особенности их погребения и брака. Автор уверена, что, хотя большинство населения все еще сохраняет старые обычаи, появление нового образа жизни повлияет на экономическую структуру, и в конце концов старые обычаи будут отброшены. Однако возникнут новые проблемы, такие как конфликты между низшими слоями китайского общества и формирующейся экономической структурой, между водителями рикш и трамваев.

С гендерной точки зрения представляется интересным сопоставить *«Зарисовки Китая»* Г. И. Серебряковой со статьей М. Г. Андреева, который в то же время работал в Пекине. Он достаточно объективно описывает изменения,

происходящие с городом, и отношение к ним: открытие прохода в Запретный город, смену владельца Императорского дворца, появление трамваев, системы водоснабжения и канализации. Анализируя индустрию рикш, экономист сначала изучил функции рикш и условия, в которых они возникли, затем он использовал значительный массив объективных данных для изучения состава заработной платы водителей рикш, состава рабочей силы и текущего экономического положения отрасли. Андреев отмечает, что *«большинство рикш все-таки элемент случайный, немного среди них найдется таких, которые бы постоянно занимались этим тяжелым промыслом»* [6, с. 274]. Г. И. Серебрякова же прямо назвала рикшу формой эксплуатации человека, особенно выделяя детей в возрасте от 9 до 12 лет. Кроме того, она подчеркивала широко распространенную традицию: *«...пассажир, едущий на рикше, „издыхающем“ на его глазах, должен класть на мертвое тело имеющиеся при нем деньги „на похороны“»* [5, с. 311].

Как отмечает Н. А. Вялых, «гендерное поведение анализируется отечественными авторами в социальной, экономической и политической плоскостях, но обычно изучаются не само поведение как реакция „человека действующего“ и социальные последствия этой реакции в духе концепций акционизма, а особенности когнитивной и эмоциональной сфер мужского и женского» [7, с. 64]. Вслед за А. С. Афанасьевым мы понимаем «деление всей совокупности художественных произведений, написанных авторами-женщинами, на *гендерно-маркированную литературу* и тексты, созданные *рамках большого канона*» [8]. И хотя ни один из представленных женских травелогов не является примером гендерно-маркированной литературы, расхождения между двумя рассмотренными писателями можно объяснить не только социальным статусом, но и влиянием гендера. Как писатель-мужчина, М. Г. Андреев подробно рассказывает о преобразованиях, происходящих в Пекине, и его экономической структуре. Он предлагает взгляды с точки зрения синолога и экономиста, тем самым обосновывая продолжающийся процесс модернизации города. При этом Г. И. Серебрякова с позиции женщины-революционера и врача взглянула на положение Пекина и стоящие перед ним проблемы с гуманистической точки зрения.

О китайских женщинах Г. И. Серебрякова дала исчерпывающий и подробный рассказ. Она описывала положение простых женщин в старом китайском обществе. Женщине с ранних лет прививалось представление о красоте: *«быть тонкой, с изогнутой спиной»* [5, с. 315], как ло-

тос – слабой, беспомощной. Китайские женщины должны быть абсолютно послушными с рождения до смерти, жить в рабстве и послушании отцам, мужьям и сыновьям. Г. И. Серебрякова также отметила, что традиционно к китайским женщинам относятся как к репродуктивным инструментам, товарам, и они часто становятся жертвами власти, денег и сделок с властью: *«„купля“ и „продажа“ женщин, как и все случаи жизни китайцев, обставлены сложными церемониями»* [Там же, с. 317]. Кроме того, Г. И. Серебрякова выделяла двух женщин в истории Китая начала XX в. – императрицу Ци и революционерку Цю Дзинь. Эти две женщины представляют разные классы: первая – представитель древней феодально-имперской системы Китая, а вторая – многочисленных революционеров, восставших против феодально-имперской системы, и женщин, освободивших свое мышление. Цю Цзинь является первой женщиной-революционером в современном Китае, она присоединилась к революционному движению в раннем возрасте и в итоге пожертвовала своей жизнью ради революции: *«В годы царствования императрицы Ци впервые в истории Китая была казнена женщина-революционерка, учительница Цю Дзинь, во многом сходная с Софьей Перовской, первой русской казненной революционеркой»* [Там же, с. 318]. Серебрякова подчеркивала, что, *«Цю Цзинь называли „равная мужчине“ – наибольшее признание для китайки»* [Там же]. Очевидно, что положение женщин в Китае по-прежнему поработано патриархальной системой. Об этом свидетельствует не только участие революционных мучениц, но и общий низкий статус женщин по сравнению с мужчинами. К счастью, автор стал свидетелем подъема женского освободительного движения и появления все большего числа женщин-революционеров.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русский травелог 1920-х гг. о Китае имеет свой гендерный ракурс. Изображая Пекин, русские писательницы З. В. Рихтер и Г. И. Серебрякова уделяют больше внимания судьбе и положению женщин в пекинском обществе, чем писатели-мужчины. Они отмечают, что женщины высшего класса гонятся за европейской модой, а судьба женщин из низов общества остается неизменной, и в то же время движение за эмансипацию женщин становится более энергичным благодаря появлению женщин-революционеров. Описание модернизации пекинского общества женщинами-писательницами более субъективно, эмоционально и сюжетно по сравнению с повествованием писателей-мужчин.

Список источников

1. Романенко А. Д. Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.
2. Успенский В. Л. Жизнь и труды академика Василия Павловича Васильева: размышления по поводу 200-летнего юбилея // Новый исторический вестник. 2019. № 2 (60). С. 108–120.
3. Рихтер З. В. 7000 километров по воздуху // Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 293–307.
4. Пильняк Б. А. Китайская повесть // Новый мир. 1927. № 6. С. 5–29.
5. Серебрякова Г. И. Зарисовки Китая // Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 308–319.
6. Андреев М. Г. В Пекине // Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 267–292.
7. Вялых Н. А. Гендерное поведение в российском обществе как предмет научных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 55–64.
8. Афанасьев А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980–2010-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 399 с.

References

1. Romanenko, A. D. (2008). *Kitai u russkikh pisatelei* [China by Russian Writers]. 528 p. Moscow, Algorithm. (In Russian)

2. Uspensky, V. L. (2019). *Zhizn' i trudy akademika Vasiliya Pavlovicha Vasil'eva: razmyshleniya po povodu 200-letnego yubileya* [Life and Works of Academician Vasily Pavlovich Vasiliev: Reflections on His 200th Anniversary]. *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 2(60), pp. 108–120. (In Russian)
3. Richter, Z. V. (2008). *7000 kilometrov po vozdukh* [7000 Kilometres by Air]. *Kitai u russkikh pisatelei*. Pp. 293–307. Moscow, Algorithm. (In Russian)
4. Pilnyak, B. A. (1927). *Kitaiskaya povest'* [A Chinese Story]. *Novyi mir*. No. 6, pp. 5–29. (In Russian)
5. Serebryakova, G. I. (2008). *Zarisovki Kitaya* [Sketches of China]. *Kitai u russkikh pisatelei*. Pp. 308–319. Moscow, Algorithm. (In Russian)
6. Andreev, M. G. (2008). *V Pekine* [In Beijing]. *Kitai u russkikh pisatelei*. Pp. 267–292. Moscow, Algorithm. (In Russian)
7. Vyalykh, N. A. (2016). *Gendernoe povedenie v rossiiskom obshchestve kak predmet nauchnykh issledovaniy* [Gender Behaviour in Russian Society as a Subject of Scientific Research]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*. No. 11, pp. 55–64. (In Russian)
8. Afanas'ev A. S. (2022). *Strategii gendernykh reprezentatsii v russkoi zhenskoi literature 1980-2010-kh gg.: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk* [Strategies of Gender Representations in Russian Women's Literature of the 1980s-2010s: Doctoral Thesis]. Kazan, 399 p. (In Russian)

The article was submitted on 05.01.2025
Поступила в редакцию 05.01.2025

Чжу Синьжун,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhuxinrong77@163.com

Zhu Xinrong,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhuxinrong77@163.com

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-206-212

КОММУНИКАТИВНЫЙ ТРЕНИНГ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА

© Юлия Агеева, Сабина Марданова

COMMUNICATIVE TRAINING AS A WAY TO OVERCOME LANGUAGE BARRIER

Yuliya Ageeva, Sabina Mardanova

The article addresses the issue of the language barrier, influenced by both linguistic and psychological factors. This language barrier poses a significant obstacle in teaching Russian to non-native speakers and to their subsequent communication in a foreign language. Particular attention is given to the negative impact of the language barrier to intercultural communication, which can lead to misunderstandings and conflicts in academic and professional environments. As a solution to this problem, a new educational tool is proposed—communication training, which aims to develop intercultural communication skills and overcome language difficulties. The article focuses on the advantages of incorporating such training into the educational process, highlighting its effectiveness in creating a favorable learning environment that enhances the engagement of international students in communication and fosters a comfortable environment for active verbal interaction. We present the structure of communication training, which includes the following components: introduction, immersion in the topic, group work (scenario-based activities), and reflection. The article demonstrates that the development and implementation of communication training can significantly improve the educational process. In conclusion, the necessity for further research in this field is emphasized, which will allow for a deeper understanding of the interaction between linguistic and cultural factors in the communication process and the proposal is made to implement new innovative approaches to overcome the language barriers.

Keywords: Russian as a foreign language, communication training, communication barrier, teaching methodology, learning difficulties

В статье рассматривается проблема языкового барьера, который обусловлен как лингвистическими, так и психологическими причинами. Языковой барьер становится значительным препятствием в процессе обучения студентов-инофонов русскому языку и последующего общения на иностранном языке. Особое внимание уделяется негативному воздействию языкового барьера на процесс межкультурной коммуникации, приводящему к недопониманию и конфликтам как в учебной, так и в профессиональной среде. В качестве решения данной проблемы предложено новое интерактивное средство обучения – коммуникативный тренинг, который направлен на развитие навыков межкультурного общения и преодоление языковых трудностей. Показаны преимущества использования тренингов в учебном процессе, отмечена их эффективность в формировании благоприятной образовательной среды, что способствует повышению вовлеченности иностранных студентов в процесс коммуникации и созданию комфортных условий для активного речевого взаимодействия. Авторы представляют структуру коммуникативного тренинга, которая включает в себя следующие составляющие – введение, погружение в тему, обсуждение ключевых моментов, работу в группах (работу по сценариям), рефлексии. В статье показано, что разработка основ и внедрение коммуникативных тренингов способны значительно улучшить образовательный процесс. В заключение подчеркивается необходимость дальнейших исследований в этой области, что позволит более глубоко изучить специфику взаимодействия языковых и культурных факторов в процессе коммуникации и предложить инновационные подходы к преодолению языкового барьера.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативный барьер, коммуникативный тренинг, методика преподавания, трудности в обучении

Для цитирования: Агеева Ю., Марданова С. Коммуникативный тренинг как средство преодоления языкового барьера // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 206–212. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-206-212

Современное общество характеризуется интенсивным межкультурным взаимодействием, что делает изучение иностранных языков и развитие коммуникативных навыков особенно актуальными. Одним из главных препятствий на пути эффективной коммуникации является языковой барьер (далее – ЯБ), возникающий как по причине недостаточного уровня владения языком, так и в результате влияния психологических и социокультурных факторов, в связи с чем возникает необходимость разработки и реализации эффективных методик, направленных на системное преодоление этих трудностей. Кроме того, интеграция современных технологий в образовательный процесс открывает новые горизонты для практического применения языка. Использование инновационных форм и средств обучения значительно расширяет возможности преподавателей для вовлечения студентов в языковую практику, способствует совершенствованию их навыков общения и их скорейшей социализации в межкультурной среде.

В данном контексте важным шагом при подготовке иностранцев становится развитие их коммуникативной компетенции. Обучающиеся должны не только освоить лексику, грамматику и синтаксис языка, но и понять принципы сочетаемости слов и условия их функционирования, отличные от норм и принципов их родного языка. Студентам как будущим специалистам необходимо развивать навыки вербального взаимодействия и достижения целей общения, чтобы эффективно работать в команде. Уверенное владение как монологической, так и диалогической формой речи позволит им беспрепятственно обмениваться идеями и мнениями на иностранном языке, что является важной составляющей профессиональной подготовки будущих специалистов [1, с. 192].

Следует учитывать и психологические аспекты, которые могут значительно влиять на учебный процесс, поскольку инофоны сталкиваются с определенным барьером, который оказывает разрушительное действие на их психоэмоциональное состояние, что в итоге сказывается на их самооценке и способно усложнить процесс обучения. В данном случае первостепенное значение имеет психологическая готовность к применению изучаемого языка, и, конечно, специалистам, решающим эту задачу, следует «разработать методику и алгоритмы, помогающие устранить неизбежные трудности. Рост интереса к

этому вопросу увеличивается с ростом интереса к изучению иностранных языков» [2, с. 104].

Стоит отметить, что в процессе преподавания русского языка как иностранного целесообразно использовать разнообразные интерактивные формы обучения. Одной из подобных прогрессивных форм является коммуникативный тренинг (далее – КТ), благодаря которому у преподавателя появляется возможность адаптировать учебный материал согласно потребностям студентов и уровню их подготовки, что способствует более глубокому изучению языка и развитию навыков свободной коммуникации. Тренинги помогают обучающимся преодолеть языковой барьер, создавая комфортную атмосферу для общения. Они могут включать в себя ролевые игры, групповые дискуссии, парные задания и другие виды активных методов обучения.

Все вышесказанное обуславливает своевременность и важность исследования проблемы языкового барьера в сфере РКИ и разработки основ коммуникативного тренинга в аспекте совершенствования коммуникативно-речевой компетенции иностранных студентов [3, с. 7]. Целью статьи является выявление педагогического потенциала КТ в качестве эффективного средства, способствующего снижению языкового барьера и улучшению навыков общения студентов-инофонов при обучении РКИ.

Прежде чем рассматривать проблему «снятия» языкового барьера, необходимо определить само понятие «языковой барьер», суть которого объясняет возникающие у студентов препятствия при изучении и практическом применении иностранного языка. Инофоны сталкиваются с трудностями, связанными с лингвистическими причинами – отличиями изучаемого языка от родного языка студентов (например, различия в грамматических структурах, фонетических или лексических средствах). Особенностью такого лингвистического барьера являются и различия в культурном контексте, в котором функционирует язык.

Помимо причин, связанных непосредственно с особенностями изучаемого языка, преподавателю как организатору учебного процесса необходимо обратить внимание и на другие трудности – психологические и коммуникативные, так как языковой барьер представляет собой прежде всего барьер психологический – «психическое состояние, проявляющееся в неадекватной пассивности субъекта, что препятствует выполнению

им тех или иных действий ... (например, страх публичных выступлений...)» [4, с. 62].

Таким образом, языковой барьер – это «не-способность человека, абсолютно не владеющего или владеющего определенным лексическим и грамматическим материалом, воспринимать и продуцировать спонтанную речь в любой иноязычной среде вследствие неуверенности в своих знаниях» [5, с. 383]. Его возникновение может быть обусловлено и другими внеязыковыми факторами – помимо личностных психологических проблем могут быть отмечены обстоятельства, связанные с «пробелами» в самой образовательной системе (например, невозможность или недостаточность спонтанного общения на занятиях по РКИ), что приводит к «отсутствию навыков постоянного практического „задействования“ имеющихся знаний и умений с использованием вербальных и невербальных средств общения с учетом психологических и социокультурных факторов» [Там же]. Следовательно, выделяются две стороны языкового барьера: 1) лингвистическая, связанная (в широком понимании) с низким уровнем владения иностранным языком, и 2) психологическая, обусловленная личностными психологическими проблемами и недостатками процесса обучения.

Без сомнения, вербальное общение имеет первостепенное значение для жизнедеятельности и функционирования отдельного индивида, а также целых обществ и наций, а язык представляет собой самое распространенное средство коммуникации, поэтому возникновение языкового барьера является серьезной проблемой в контексте изучения иностранных языков, отражающей личные и социальные стороны взаимодействия носителей языка и инофонов при общении. Как уже было отмечено, данное понятие охватывает не только лексические и грамматические трудности, но и внутренние «страхи», связанные в том числе и с оценкой окружающих. Даже если человек, не являющийся носителем языка, имеет высокий уровень языковых компетенций, ему может быть сложно преодолеть сомнения и неуверенность в себе, что помешает эффективному применению этих знаний на практике.

Языковой барьер становится преградой, усложняющей усвоение иностранного языка. Можно обозначить четыре аспекта данной проблемы. Первый связан с трудностями в понимании разговорной речи на другом языке. Это зависит от потребности воспринимать не только формулировку слов, но и аллюзии. Причиной непонимания зачастую становится недостаточно развитый навык восприятия информации – иностранные студенты понимают только отдельные слова и

фразы, не «улавливая» весь смысл текста. Вторым аспектом, заключающимся в неумении говорить на иностранном языке, связан, как правило, с недостаточным знанием языка, так как важно также уметь четко формулировать и излагать свои мысли. Третья проблема возникает из-за культурных различий. То, что может быть недопустимым в одной культуре, в другой может быть признано нормой. Четвертый момент связан со страхом ошибиться при разговоре на иностранном языке, что может привести к избеганию общения и снижению уверенности в своих языковых навыках.

Каждый обучающийся по-своему воспринимает и преодолевает языковой барьер. Чаще всего позитивный опыт общения с носителями языка может значительно помочь в его преодолении, например участие в языковых клубах. Таким образом, суть данного феномена следует рассматривать не только как лингвистическую проблему, но и как комплексное психологическое явление, требующее интегративного подхода к его преодолению, поскольку языковой барьер может вызывать не только затруднения в коммуникации, но и негативные эмоциональные реакции, стресс и даже чувство изоляции у неносителей языка.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что языковой барьер затрудняет не только изучение иностранного языка, но и эффективное взаимодействие и понимание между людьми с позиции межкультурной коммуникации. В этой связи актуальным инструментом, способствующим успешному развитию навыков общения, является коммуникативный тренинг, представляющий собой «систему обучающихся и экспериментальных технологий, основанных на структурированной активности участников и совместном приобретении опыта» [6, с. 161].

В рамках исследования «коммуникативный тренинг» был определен как «интерактивная форма обучения, основанная на методах групповой работы, в ходе которой закрепляются и формируются коммуникативные навыки на иностранном языке, а также развивается способность прогнозировать социальное взаимодействие с носителями языка» [7, с. 390]. Данная форма тренинга ориентирована на совершенствование компетенций в области речевой коммуникации, а также на формирование у иностранных студентов способности к быстрой адаптации в условиях новой лингвокультурной среды, что создаст предпосылки для успешной интеграции инофонов в иноязычное общество и, как результат, обеспечит комфортное пребывание в стране

изучаемого языка. Включение КТ в ход учебного процесса имеет ряд преимуществ [8, с. 21–22]:

- участники КТ получают возможность улучшить вербальные и невербальные коммуникативные навыки, а также развить «продуктивные и социально приемлемые формы поведения в процессе коммуникации»;

- использование КТ позволяет преодолеть психологический барьер в изучении языка, снизить негативные проявления в эмоциональной сфере обучающихся, препятствующие получению высоких результатов, – тревогу, напряжение, враждебность [Там же].

Коммуникативный тренинг как средство обучения прежде всего направлен на развитие навыков устной речи, что является важным элементом процесса совершенствования коммуникативной компетенции инофонов. В ходе тренинга происходит не только активизация лексического и грамматического материала, студенты также получают возможность ориентироваться в реальных сценариях общения. Показателем эффективности коммуникативных тренингов является также индивидуализация подходов к обучению, позволяющая учитывать как различные уровни языковой подготовки студентов, их личные интересы и профессиональные цели, так и их психологические особенности. Применение дифференцированных методов обучения способствует созданию более инклюзивной и значимой для обучаемых среды, где каждый студент может совершенствоваться в своем собственном темпе, что, в свою очередь, мотивирует обучающихся к более активному участию на занятиях. Коммуникативные тренинги сосредоточены на практическом применении языка, что помогает студентам преодолевать языковой барьер и активно использовать русский язык в различных коммуникативных ситуациях.

Основная цель КТ – не только развить речевые навыки участников, но и повысить их уверенность в использовании иностранного языка. Мы понимаем, что многие испытывают страх или неуверенность при общении на иностранном языке, что может ограничивать их возможности, поэтому в программе КТ акцент сделан на создании комфортной и поддерживающей атмосферы, где каждый сможет попробовать себя в различных речевых ситуациях без боязни совершить ошибку. К тому же участники тренинга научатся использовать всевозможные стратегии эффективного диалога (вступать в коммуникацию, инициировать и поддерживать беседу и т. д.), что включает в себя помимо реализации необходимых интенций [3, с. 7–9] развитие навыков активного слушания, анализа контекста общения, а

также понимания культурных различий, которые могут повлиять на восприятие и интерпретацию информации.

В качестве иллюстрации представим пример КТ на тему «Город, в котором я учусь». Данный тренинг направлен на обучение студентов, владеющих русским языком на уровне В1, независимо от того, находятся ли они в своей стране или в стране носителей языка. КТ создаст условия для активного взаимодействия между участниками, что поможет им преодолеть языковой барьер. В последующем они смогут использовать полученные знания и навыки в реальной жизни, и это значительно повысит их уверенность в себе и готовность взаимодействовать с носителями языка, а также обогатит их личный и профессиональный опыт.

Тренинг рассчитан на две объединенные пары продолжительностью 180 минут и состоит из нескольких блоков – вступительной части, практических заданий и рефлексии, обеспечивающих всесторонний подход к изучению языка. Важным условием, которое должен учитывать преподаватель, выступающий в роли ведущего тренинга, является создание благоприятной и позитивной обстановки, способствующей свободному обмену мыслями и мнениями.

Далее рассмотрим упражнения, ролевые игры и интерактивные задания, которые являются составляющими КТ, с их помощью студенты – участники тренинга – смогут повысить уровень своей иноязычной коммуникативной компетенции и развить умение эффективно взаимодействовать с другими участниками коммуникации.

Структура тренинга:

Введение (30 минут): Приветствие. Представление ведущего тренинга, знакомство участников друг с другом (если они не были знакомы ранее). Определение цели занятия, формы проведения. Обсуждение правил.

Погружение в тему (40 минут): Просмотр видеоролика о городе с акцентом на ключевых местах и событиях. После просмотра видеотрейнера студентам дается следующее задание:

Обсуждение ключевых моментов.

Попросите участников рассказать, о чем они узнали из видеоролика. Каждый студент должен выделить одно или два ключевых места или события и объяснить, почему он их запомнил. Например: «В историческом центре города можно увидеть красивые здания и посетить музей».

Групповая работа (80 минут).

На данном этапе участники делятся на мини-группы по 2–3 человека, что способствует активному вовлечению всех инофонов в процесс обсуждения. Основная задача – развитие навыков

речевого взаимодействия в рамках заданной темы. Группы получают конкретные задания, направленные на активизацию речевых умений, таких как аргументация, сравнение, выражение мнения и оценка.

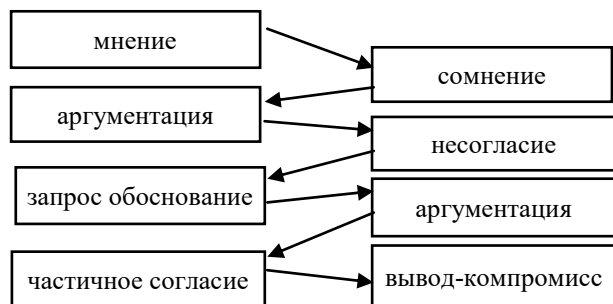
Работа по сценариям.

Надо отметить, что проблема поиска эффективных способов совершенствования речевой компетенции (в составе коммуникативной) до сих пор остается актуальной. Одним из возможных решений может стать применение сценариев речевого взаимодействия. Е. И. Пассов, формулируя требования к речевым упражнениям, направленным на отработку взаимодействия, подчеркивает, что они должны имитировать общение и представлять его организованную модификацию, которая «обеспечивает управляемый выбор стратегии говорящего, актуализирует взаимоотношения участников общения, вызывает их активность и естественную мотивированность речевой деятельности, воспитывает самостоятельность и продуктивность речевого умения» [9, с. 202].

Работа по сценариям как важная часть КТ предполагает взаимодействие участников в группах с использованием заранее подготовленных речевых ситуаций. Каждая группа получает сценарий, включающий «стандартный набор речевых действий» и последовательность их реализации [10, с. 13]. Например, студентам предлагается сравнить свой родной город с городом, в котором они учатся, обсудить культурные и бытовые различия, а также поделиться личными впечатлениями. Такой подход позволяет не только развивать навыки общения, но и обеспечивает структурированное и целенаправленное формирование необходимой компетенции.

Ниже представлены этапы работы.

1. Работа в мини-группах: участники отрабатывают сценарии с помощью функциональных схем (см.: [11, с. 111]):

В схемах могут быть представлены различные речевые интенции, указанные в требованиях к содержанию коммуникативно-речевой компетенции II второго сертификационного уровня

общего владения русским языком, такие как: выражение согласия или несогласия («Я согласен с вами, но...» или «На мой взгляд...»); побуждение собеседника к совершению действия («Давайте попробуем ...!»); «Не могли бы вы помочь мне ...?»; «Может быть, вы сможете показать мне...?»); выражение и выяснение эмоциональной оценки («Мне кажется, это очень интересно! А как вы к этому относитесь?»; «Я в восторге от этой идеи! А вы?»; «Это вызывает у меня сомнения. Что вы думаете по этому поводу?»).

2. Проигрывание сценариев: каждая группа представляет свой сценарий перед другими участниками. После выступления члены других групп задают вопросы, что способствует развитию навыков спонтанной речи.

3. Обратная связь: преподаватель комментирует каждое выступление, выделяя успешные моменты и аспекты, требующие улучшения. Акцент делается на правильность использования речевых конструкций, логичность высказываний и культурную адекватность.

Рефлексия (30 минут):

Завершающий этап является отличительной особенностью КТ как средства обучения и представляет собой уникальный момент, когда участники осмысливают полученный опыт, анализируют свои достижения и ошибки, а также формулируют рекомендации с целью дальнейшего развития навыков общения. В процессе рефлексии студенты обсуждают, какие техники и стратегии оказались наиболее эффективными, выявляют нюансы взаимодействия в групповой динамике и исследуют свои эмоциональные реакции на различные ситуации. На данном этапе отрабатывают языковые конструкции, предназначенные для осуществления рефлексии («Сегодня на уроке я узнал(а)...»; «Мне было интересно(трудно), потому что...»). Кроме того, важно акцентировать внимание студентов на недопустимости использования односложных ответов («да» или «нет») в процессе рефлексии, что создаст условия для более полного анализа и осмысления полученного опыта.

Данный этап обеспечивает глубокую саморефлексию, повышает уровень осознания и способствует интеграции новых знаний и умений в практическую деятельность, что, в свою очередь, приведет к эффективному и гармоничному коммуникативному взаимодействию в будущем. И, что особенно важно, все это происходит на изучаемом языке.

В заключение можно сказать, что коммуникативный тренинг представляет собой эффективный инструмент для преодоления языкового

барьера. Подобный формат тренинга, в котором делается акцент на активном участии каждого студента, создает условия для безопасного и эффективного общения. Студенты учатся лучше понимать собеседника, выражать свои мысли и чувства, а также активно слушать и воспринимать обратную связь на иностранном языке. КТ позволяет создать образовательную среду, в которой обучающиеся могут развивать практические навыки, преодолевая языковой барьер и снижая уровень тревожности.

Дальнейшие исследования в этой области могут помочь усовершенствовать методики тренинга и адаптировать их к различным языковым и культурным контекстам с опорой на инклюзивные и эффективные методы обучения, способствующие преодолению языкового барьера у студентов-инофонов.

Список источников

1. Зубанова С. Г. О повышении языковой культуры и риторических компетенций студенчества. Анализ риторического наследия прошлого и задачи современной практики обучения // Роль и место иностранных языков и связей с общественностью в развитии аэрокосмической сферы Российской Федерации. Сб. докладов VII Международной научной конференции ФИЯ МАИ (НИУ), посвященной 85-летию МАИ и Дню Космонавтики. 2015. С. 191–200.
2. Вазиева Г. Ф. Психологические барьеры при изучении иностранного языка: Сб. статей международной научно-практической конференции «Научная дискуссия молодежи: педагогика и психология». Пенза: Наука и Просвещение, 2016. С. 103–105.
3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Т. А. Иванова [и др.]. М.; СПб.: Златоуст, 1999. 40 с.
4. Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко; Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 62.
5. Макаев Х. Ф., Макаева Л. Х. Преодоление языкового барьера как главная проблема иноязычной подготовки // В мире научных открытий. 2014. № 5.1 (53). С. 382–391.
6. Шабалина С. Д. Коммуникативный тренинг как форма интерактивного обучения / С. Д. Шабалина // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1. С. 158–161.
7. Агеева Ю. В., Марданова С. Р. Современные формы обучения РКИ с учетом регионального компонента (на примере коммуникативного тренинга) // XV конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в меняющемся мире». 2023. С. 389–394.
8. Тренинг развития коммуникативных навыков у больных, страдающих шизофренией: Методические рекомендации / В. С. Ястребов и др. М.: МАКС Пресс, 2012. 44 с.

9. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

10. Агеева Ю. В. Собеседование-интервью: сценарии речевого взаимодействия // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение: Материалы III Международной научно-практической конференции, Казань, 19–21 ноября 2014 года / Под общ. ред. Р. Р. Замалетдинова, отв. ред.: Т. Г. Бочина, А. Ш. Юсупова. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. С. 12–15.

11. Бочина Т. Г., Агеева Ю. В. Обсуждаем, разговариваем, спорим: учебное пособие. Казань: КФУ, 2014. 144 с.

References

1. Zubanova, S. G. (2015). *O povyshenii yazykovoi kul'tury i ritoricheskikh kompetentsii studenchestva. Analiz ritoricheskogo naslediya proshlogo i zadachi sovremennoi praktiki obucheniya* [On Improving the Language Culture and Rhetorical Competencies of Students. Analysis of the Rhetorical Heritage of the Past and the Tasks of Modern Teaching Practice]. V sbornike: Rol' i mesto inostrannykh yazykov i svyazei s obshchestvennost'yu v razvitii aerokosmicheskoi sfery Rossiiskoi Federatsii/ Sbornik dokladov VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii FIYA MAI (NIU), posviashchennoi 85-letiiu MAI i Dniu Kosmonavtiki, pp. 191–200. (In Russian)
2. Vazieva, G. F. (2016). *Psikhologicheskie bar'ery pri izuchenii inostrannogo yazyka* [Psychological Barriers to Learning a Foreign Language]. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauchnaia diskussia molodezhi: pedagogika i psikhologiya". Pp. 103–105. Penza, Nauka i Prosveshchenie. (In Russian)
3. *Gosudarstvennyi obrazovatel'nyy standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Vtoroy uroven'. Obshchee vladenie* [State Educational Standard for Russian as a Foreign Language. Second Level. General Proficiency]. 40 p. Moscow - St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
4. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* (1985) [A Short Psychological Dictionary]. Sostavlen L. A. Karpenko; pod obshch. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Yaroshevskogo. P. 62. Moscow, Politizdat. (In Russian)
5. Makaev, Kh. F., Makaeva, L. Kh. (2014) *Preodolenie yazykovogo bar'era kak glavnyaya problema inoyazychnoi podgotovki* [Overcoming the Language Barrier as the Main Problem of Foreign Language Training]. V mire nauchnykh otkrytii. No. 5.1 (53), pp. 382–391. (In Russian)
6. Shabalina, S. D. (2016.) *Kommunikativnyi trening kak forma interaktivnogo obucheniya* [Communicative Training as a Form of Interactive Learning]. Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta. No 1, pp. 158–161. (In Russian)
7. Ageeva, J. V., Mardanova, S. R. (2023). *Sovremennye formy obucheniya RKI s uchetom regional'nogo komponenta (na primere*

kommunikativnogo treninga) [Modern Forms of Teaching Russian as a Foreign Language with a Regional Component (based on communicative training)]. XV kongress MAPRYAL "Russkii yazyk i literatura v menyaiushchemsya mire", pp. 389–394. (In Russian).

8. *Trening razvitiya kommunikativnykh navykov u bol'nykh, stradayushchikh shizofreniei: Metodicheskie rekomendatsii* (2012) [Training for the Development of Communication Skills in Patients Suffering from Schizophrenia: Methodological Recommendations]. V. S. Yastrebov i dr. 44 p. Moscow, MAKS Press. (In Russian)

9. Passov, E. I. (1991). *Kommunikativnyi metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu* [Communicative Method of Teaching Foreign Language Speaking]. (2nd ed.). 223 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

10. Ageeva, J. V. (2014). *Sobesedovanie-interv'iu: stsennarii rechevogo vzaimodeistviia*. [A Job Interview: Scenarios of Speech Interaction]. Yazyki Rossii i stran blizhnego zarubezh'ya kak inostrannye: prepodavanie i izuchenie: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 19–21 noiabrya 2014 goda. Pod obshchei redaktsiei R. R. Zamaletdinova. Otvetstvennye redaktory: T. G. Bochina, A. Sh. Yusupova. Pp. 12–15. Kazan', Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet. (In Russian)

11. Bochina, T. G., & Ageeva, J. V. (2014). *Obsuzhdaem, razgovarivaem, sporim: uchebnoe posobie* [Discussing, Talking, Arguing: A Textbook]. 144 p. Kazan, KFU. (In Russian)

The article was submitted on 10.03.2023

Поступила в редакцию 10.03.2025

Агеева Юлия Викторовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
jageeva@yandex.ru

Ageeva Yuliya Victorovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
jageeva@yandex.ru

Марданова Сабина Равилевна,
аспирант,
преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sabina255@yandex.ru

Mardanova Sabina Ravilevna,
graduate student,
teacher,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sabina255@yandex.ru

УДК 372.882

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-213-220

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ИМЕН ЗАГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

© Елена Колышева, Мария Соколова

STUDYING PRECEDENT NAMES IN LITERATURE LESSONS (BASED ON THE NAMES OF THE TITLE CHARACTERS IN M. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA")

Elena Kolysheva, Maria Sokolova

This article presents the relevance of working with precedent linguistic phenomena in modern school philological education. The article comes to the conclusion about the role of literature as one of the main sources of precedent phenomena. Accordingly, this study analyzes the methodology of working with precedent names in literature lessons and demonstrates it using the title characters of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita", a fictional text of high cultural and historical significance. We propose a step-by-step system, arranging the study of the analyzed lexical units in a literature class. Being based on the developed system, this study demonstrates a system of tasks, aimed to analyze the way the characters' relationships are described, which is a key to understanding the text, and to further conscious use of the precedent name in everyday speech. The proposed methodological materials were used in teaching practice in the State Budgetary Educational Institution "School No. 1540" among 11th grade students as part of the implementation of additional profile education. The result of the conducted work is a detailed analysis of the answers provided by students. This system of tasks can be used in literature lessons of the 11th grade, while analyzing the title characters of Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The article concludes that the implemented methodology and the developed system of tasks are effective: in the course of this work, students expanded their associative memory, supplementing it with the precedent name "The Master and Margarita", uniformly used in modern discourse according to the conducted experiment.

Keywords: precedent phenomenon, precedent name, M. Bulgakov, "The Master and Margarita", literature lesson

В статье обосновывается актуальность работы с прецедентными феноменами как языковым материалом в контексте современного школьного литературного образования. В статье сделан вывод о роли литературы как одного из главных источников прецедентных феноменов. Методика работы с прецедентными именами на уроках литературы продемонстрирована на примере заглавных персонажей романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» – художественного текста, обладающего высокой культурной и исторической значимостью. Авторами предложена поэтапная система, по которой строится изучение прецедентных имен на уроке литературы. На основе разработанной системы продемонстрирована система заданий, которая направлена на анализ характеристики взаимоотношений героев как ключа к пониманию текста и на дальнейшее осознанное употребление прецедентного имени в повседневной речи. Предложенные в рамках данного исследования методические материалы были апробированы в ГБОУ «Школа № 1540» среди обучающихся 11-х классов в рамках реализации дополнительного профильного образования. Результатом проведенной работы является подробный анализ ответов, представленных учащимися. Предложенная система заданий может быть реализована на уроке литературы в 11 классе при анализе заглавных героев романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Авторами сделаны выводы об эффективности реализуемой методики изучения прецедентных феноменов на уроках литературы и разработанной системы заданий. В ходе работы учащиеся расширили ассоциативную память, дополнив ее прецедентным именем «Мастер и Маргарита», употребляемым в современном дискурсе согласно проведенной апробации единообразно.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», урок литературы

Для цитирования: Колышева Е., Соколова М. Изучение прецедентных имен на уроках литературы (на примере имен заглавных героев романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 213–220. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-213-220

Введение

Явление прецедентности как языковой феномен стало формироваться в отечественной лингвистической науке, начиная с 1980-х гг. после того, как исследователь Ю. Н. Караулов впервые упомянул само это понятие. Под этим языковым материалом он определял те тексты, которые имеют «сверхличностный» характер, то есть известные не только языковой личности и ее широкому окружению, но и всем предшественникам. Помимо этого, сверхличностный характер предполагает обращение к рассматриваемым текстам в повседневном дискурсе [1, с. 219]. Следовательно, говоря о прецедентных феноменах, мы имеем в виду большой пласт культурно значимых элементов, играющих роль в жизни языковой личности. Они образуют перечень важнейших кодов, не только отражающих интеллектуальный кругозор человека, но и указывающих на национальную принадлежность.

На сегодняшний день исследователи среди прецедентных феноменов выделяют прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания, а также прецедентные ситуации. На современном этапе развития этого вопроса проводят исследования О. А. Муллинова, Т. А. Муллинова [2], Р. В. Попадинец [3], Хуэй Ли [4], Н. П. Пешкова, Я. А. Давлетова [5], А. В. Дмитриева [6], О. П. Семенец [7], Г. Г. Слышкин [8].

В контексте методики преподавания филологических дисциплин прецедентные феномены становятся для учителя своеобразным инструментом для развития национального и культурного самосознания учащихся. Это во многом продиктовано усилением роли текста как цели обучения [9]. Во-первых, прецедентные феномены неотъемлемы от анализа многочисленных исторических явлений, событий и процессов, находящихся творческое отражение в художественном тексте. Во-вторых, прецедентные феномены следует назвать истинным кладом отечественной культуры: они напрямую транслируют те непреложные нормы и ценности, актуальные для современного школьника. В-третьих, рассматриваемые лексические единицы формируют у подрастающего поколения особенности восприятия мира с учетом национальной специфики. Более того, считается аксиомой, что наличие прецедентных феноменов в тексте способствует усво-

рению усвоения содержания за счет использования дополнительных ассоциаций [10].

Все это позволяет сделать вывод о том, что работа с прецедентными феноменами на уроках литературы является актуальной частью процесса современного школьного филологического образования.

Более того, изучая и анализируя прецедентные феномены, подрастающее поколение формирует и расширяет, по мнению профессора Н. Л. Мишатиной, «прецедентное поле» собственных языковых личностей [11]. «Прецедентное поле», являя собой определенный набор универсальных лексических единиц, находящихся в зоне активного словарного запаса, становится частью самосознания.

Мы полагаем, что данный вопрос следует рассматривать как актуальный аспект для методической работы на уроках литературы, поскольку одной из важнейших задач для учителя становится не только работа со словом в рамках учебного занятия, но и работа с тем, чтобы художественный текст стал для учащихся важным жизненным ориентиром.

Н. Л. Мишатиная в монографии «Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход» отмечает, что работа с прецедентными феноменами «повышает эффективность речевого развития школьников» [Там же, с. 45]. Безусловно, взаимодействуя с культурно значимыми лексическими единицами, учащиеся получают возможность расширять то самое «прецедентное поле» путем их закрепления в ассоциативной памяти. Это напрямую влияет в том числе и на расширение словарного запаса.

Таким образом, получается расширить и углубить речевой портрет современного школьника, в чьей ассоциативной памяти находятся ментальные образы в форме прецедентных феноменов: это думающий и анализирующий факты окружающей действительности человек, прежде всего имеющий расширенное и многогранное представление о важнейших культурных кодах.

Литература является одним из важнейших источников прецедентных феноменов, в связи с этим систематическая работа с ними на уроках литературы может стать одним из направлений изучения художественного произведения.

В рамках данного исследования мы остановимся на изучении прецедентных имен. Обратимся к точке зрения исследователей И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Д. В. Бакаевой, которые убеждены в том, что указанная лексическая единица, являясь персонифицированным именем, связана со следующими источниками:

1) известный культурно значимый текст (например, Василий Теркин или Илья Ильич Обломов – герои одноименных произведений А. Т. Твардовского и И. А. Гончарова);

2) прецедентная ситуация (например, отмеченный в русской истории подвиг Ивана Сусанина, чье имя стало нарицательным благодаря мужественному поступку) [12, с. 83].

Исследователи справедливо отмечают, что употребление прецедентных имен встречается гораздо реже, поскольку они являют собой «своего рода сложный знак» [Там же]. По их мнению, это происходит прежде всего из-за того, что апелляция к прецедентному имени в дискурсе предполагает не только уместную ситуацию, но и конкретный набор тех признаков, которые его составляют. К примеру, человеку недостаточно просто понимать контекст обстановки, чтобы озвучить прецедентное имя «Обломов» или «Печорин»: следует при этом учитывать особенности характеров персонажей, легшие в основу прецедентного ядра.

Действительно, прецедентные имена в связи со своей семантически более сложной структурой реже функционируют в активном словарном запасе человека. Это дополнительно указывает на то, что владение ими подчеркивает не только культурологический уровень, но и широту и глубину интеллектуального поля языковой личности (знание характеров литературных героев, исторических событий, искусствоведческих фактов).

Результаты исследования

В рамках настоящего исследования мы рассмотрим методику работы с прецедентными именами на уроках литературы на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», изучаемого в 11 классе, и прецедентного имени заглавных героев.

С нашей точки зрения, рассматриваемое произведение, безусловно, является одним из знаковых культурологических текстов, в котором заложен круг ключевых нравственных и философских проблем. А союз заглавных героев позволяет открыть для себя тему вечной любви. Здесь мы не можем не обратиться к точке зрения исследователя В. И. Сахарова, считающего, что «... главный „приз жизни“ Булгакова, вершина

его пути и вместе с тем духовное завещание – роман „Мастер и Маргарита“» [13, с. 176]. Того же мнения придерживается и литературовед Б. М. Гаспаров: «... роман „Мастер и Маргарита“ явился кульминацией длительного процесса, охватывавшего практически все творчество Булгакова» [14, с. 83].

Разработанная нами система заданий применима на этапе анализа художественного произведения при рассмотрении образов заглавных героев.

По нашему мнению, работа с прецедентными именами на уроках литературы в 11 классе может выйти на принципиально новый уровень: учащиеся, уже имея базу «прецедентного поля» языковой личности (это обусловлено уже описанной нами выше спецификой употребления данных лексических единиц в повседневном дискурсе), с помощью разработанных нами методических материалов смогут не только обогатить его, но и, что не менее важно, углубить и расширить представление о художественном замысле писателя и об оставленных автобиографических «следах».

В соответствии с этим мы предлагаем следующие этапы работы с прецедентным именем на уроке литературы:

1) создание и анализ ассоциативного ряда, который формируется при упоминании данной дискурсивной единицы;

2) рассмотрение семантического поля прецедентного имени для более глубокого понимания и рассмотрения особенностей употребления;

3) моделирование ситуаций, ориентированных на употребление прецедентного имени в повседневной речи;

4) этап, рассматриваемый нами как эталонный, – осознанное включение данной дискурсивной единицы в словарный запас школьников.

Предложенная нами система заданий была апробирована среди восьми учащихся 11 классов в ГБОУ города Москвы «Школа № 1540» в рамках реализации дополнительного профильного образования.

Рассмотрим первый этап работы, предполагающий формирование ассоциативного ряда. Мы предложили учащимся обратиться именно к заглавным персонажам романа, чей союз, безусловно, нельзя не назвать судьбоносным. Мастер и Маргарита – это не просто герои, чьи жизни словно сплелись воедино в трудный период: со временем они стали символом настоящей любви, способной преодолеть любые препятствия.

Первое задание звучит следующим образом: напишите несколько ассоциаций, связанных с

именем Мастера и Маргариты (это могут быть и слова, и словосочетания). Так, мы попросили учащихся привести ментальные знаки, связанные с прецедентными именами заглавных персонажей. Данное задание необходимо для того, чтобы сформировать и закрепить «оттенки» образа в ассоциативном поле школьников. Здесь важно обратить внимание на то, что ответы участников работы можно тематически разделить на следующие категории:

1) художественные детали текста («желтые тюльпаны», «золотая буква „М“», «королева», «ведьма», «рукописный текст»);

2) восприятие персонажей («темный макияж» (о Маргарите), «Булгаков» и «красные розы» (о Мастере));

3) эмоциональность читательской реакции («любовная боль», «душевный крик», «отсутствие преград»);

4) характеристика персонажей («бедность», «честность», «идеализм»).

Для нас является ценным то, что представленные ответы идейно многообразны. Это указывает на широту восприятия школьниками заглавных героев. Вызывая эмоциональный отклик, образы не могут быть единообразными в ассоциативной памяти.

Также мы предлагаем в качестве примера рассмотреть ассоциативный ряд, принадлежащий ученице 11 класса Софье П.: «чувства, вызывающие физическую боль; лезвие ножа, грань, осколки бокалов». На наш взгляд, это не только нестандартные, но и очень интересные и глубокие суждения, показывающие понимание того, что Мастер и Маргарита неотделимо друг от друга символизируют любовь, находящуюся на грани созидания и разрушения, на пределе «сердечных» возможностей.

Далее в рамках второго этапа рассмотрим особенности употребления прецедентных имен заглавных героев. Для этого мы предлагаем следующие аналитические вопросы:

1. Как вы думаете, можно ли при упоминании заглавных героев романа говорить о них по отдельности?

2. Может ли Мастер существовать без Маргариты?

Данные вопросы направлены на рассуждение об особенностях употребления прецедентных имен по отдельности. Здесь мы считаем необходимым обратить внимание на то, что семь из восьми учащихся отметили, что с точки зрения не только идейного содержания романа, но и бытования в повседневном дискурсе Мастер не существует без своей музы.

В качестве примера приведем наиболее подробные и аргументированные ответы.

1. «Как символ любви Мастер не может существовать без Маргариты, так как только вместе они порождают эту любовь» (Софья П.).

2. «Мастер и Маргарита не могут быть восприняты в сознании по отдельности, это символ бесконечной любви» (Софья Х.).

3. «Нет, образ Мастера полностью раскрывается исключительно через образ Маргариты» (Алина М.).

4. «Думаю, могут, но без той глубины, которая есть в романе» (Ольга К.).

По нашему мнению, это достаточно интересные и важные суждения, которые всецело демонстрируют следующее: в «прецедентном поле» языковых личностей современных школьников существует конкретное и вполне обособленное прецедентное имя «Мастер и Маргарита».

Мы полагаем, что данное задание в результате не только формирует представление учащихся об «эталонности» союза художника и его музы, но и позволяет объединить образы в единое целое. Воспроизведение одного имени сразу же подразумевает обращение и ко второму, будучи его важной, неделимой частью: «Божественные пары, божественные влюбленные, чьи имена звучат союзно, будто принадлежат одному существу» [15, с. 54].

Здесь мы также хотим обратиться к точке зрения исследователя Ю. В. Кондаковой. В работе «Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени» она отмечает: «Перемена названия с включением в него символического имени творца и имени его возлюбленной свидетельствует о важных изменениях замысла романа» [16]. Становится очевидно, что и творческая воля самого Булгакова во многом ориентирована на мысль о безусловном единении любящих сердец.

Более того, можно утверждать, что писатель питал трепетные чувства к образу заглавной героини и попросту не мог замыслить ее существование отдельно от Мастера. Для этого обратимся к словам самого Булгакова от 26 июня 1934 г.: «Ох, много у меня работы! Но в голове бродит моя Маргарита...» [17, с. 111].

Далее мы считаем необходимым рассмотреть третий этап, позволяющий дать учащимся понять, из чего формируется прецедентное имя, почему оно функционирует в нашем сознании и, следовательно, как реализуется в повседневном дискурсе. Для этого мы предложили обучающимся задание: подумайте и запишите семантические признаки названия «Мастер и Маргарита». Далее приведем ряд примеров полученных ответов.

1. «Люди, не умеющие жить друг без друга, инь и янь» (Софья Х.).

2. «Те, кто зависит друг от друга, испытывая страстную и всемогущую любовь» (Герман К.).

3. «Герои соединяются своей сумасшедшей преданностью и верой, искренностью и отчаянием, при котором совершаются чудеса» (Софья П.).

4. «Мастер – иногда разрушающее мужское начало, Маргарита – женское начало, созидющее и спасающее. Это правильное и логичное дополнение друг друга» (Алина М.).

5. «Мастер и Маргарита – символ всепобеждающей любви» (Ольга К.).

Полученные результаты позволяют прийти к важной мысли: нельзя рассматривать имена героев по отдельности, наделив их прецедентными свойствами. Учащиеся в своих суждениях лишь подтверждают, что персонажи гармонично дополняют друг друга, буквально будучи созданными для того, чтобы этот союз мог существовать.

Исходя из нашей позиции и ответов учащихся, сделаем вывод: следует отдельно выносить в дискурс прецедентное имя «Мастер и Маргарита», функционирующее без персонального разграничения, так как оно чаще всего неделимо при употреблении в речи языковой личности. Ядром прецедентного имени «Мастер и Маргарита» следует считать любовь как судьбоносное чувство, объединяющее нуждающихся в заботе и тепле людей.

Завершающее задание, задуманное нами как «эталонное», предполагает активизацию ассоциативной памяти для осознанного употребления прецедентного имени в речи. Так будет продемонстрирована актуальность употребления прецедентного имени. Здесь учащимся нужно было подумать над ситуациями, при которых они могли бы сказать о ком-то «Мастер и Маргарита». Приведем варианты ответов.

1. «Я назову Мастером и Маргаритой ту пару, которая прошла через трудности, боль, разочарование, но при этом обрела поддержку в лице друг друга» (София Х.).

2. «Пара возлюбленных, которую разлучили и которая всеми силами пытается обрести друг друга вновь» (Герман К.).

3. «Люди, которые борются за свою любовь вопреки всему» (Алина М.).

4. «Условная пара – назовем участников „А“ и „Б“. „А“ очень сильно верит в творение „Б“ считая его (и творение, и самого „Б“) гением. „А“ готов на многое, чтобы у „Б“ все получилось, и благодаря этому „Б“ ждал успех» (Софья П.).

Нельзя не отметить, что ответы, данные учащимися и основанные в том числе и на выводах, сформулированных на предыдущих этапах, объединяет мысль о том, что Мастер и Маргарита являются:

а) парой возлюбленных, а не близких друзей;

б) парой, прошедшей нелегкий путь к счастью.

Следовательно, обучающиеся понимают значение прецедентного имени «Мастер и Маргарита» однозначно и в соответствии с авторским замыслом.

Помимо этого, учащимся было предложено вспомнить какие-либо источники, в которых функционирует рассматриваемое прецедентное имя. Обратим внимание на то, что абсолютно все участники работы привели примеры музыкальных композиций. Более того, интересно отметить их жанровое и временное многообразие. Приведем примеры полученных ответов/

1. *Игорь Николаев «Мастер и Маргарита»* (1989). Софья П. Лирический герой музыкальной композиции верит в судьбу, которая вскоре преподнесет ему драгоценный подарок в лице любимой женщины: «Я конечно не мастер, но жду Маргариту / Вдруг она улыбнётся среди суеты» [И.Н.]. Обращение к центральным образам булгаковского романа здесь неслучайно: именно они символизируют бессмертие любви, дарованное судьбой («Мастер и Маргарита – в каждой любви земной»).

2. *Александр Розенбаум «Мастер и Маргарита»* (1991). Герман К. Лирический герой предложенной песни, человек с «изболевшей душой», ждет помощи и отклика Маргариты, которая становится единственным человеком, способным спасти его путем обращения к темным силам («Где ж ты, Маргарита?») [А.Р.].

3. *Баста «Мастер и Маргарита»* (2019). Софья Х. Здесь в отличие от предыдущих композиций история заглавных героев рассказана от лица лирического героя скорее в форме сравнения с его собственной любовной драмой. В данной песне также четко прослеживается единство Мастера и Маргариты («И сошла с ума Маргарита вслед за Мастером») и невозможность жить друг без друга («Но навсегда осталась в сердце Мастера часть её»). Ровно то же самое испытывает лирический герой, для которого символом нетленных чувств является союз творца и музы.

С нашей точки зрения, выполненные в рамках предложенной работы задания позволяют учащимся впоследствии более подробно, многосторонне и глубоко проанализировать суть взаимоотношений Мастера и Маргариты и характеристику каждого из персонажей.

В качестве закрепления материала после предложенной системы заданий мы можем смоделировать темы для сочинений, которые также будут отражать единство заглавных героев.

1. «Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?»: история любви Мастера и Маргариты.

2. Любовь Мастера и Маргариты как символ вечности.

Мы полагаем, что в рамках данной творческой работы учащиеся смогут более подробно поразмышлять о союзе заглавных героев, опираясь на сформулированные ранее выводы. Несомненно, это позволит утвердить в ассоциативной памяти единый образ прецедентного имени «Мастер и Маргарита».

Выводы

Работу с прецедентным именем на уроках литературы следует справедливо считать одним из ключей к пониманию не только идейной направленности художественного произведения, но и настоящего культурного кода, благодаря своему прецедентному свойству символизирующего и транслирующего одну из важнейших человеческих ценностей – истинную любовь, способную преодолеть любые препятствия.

Предложенная нами система заданий, будучи успешно апробированной, показывает, что впоследствии учащиеся могут осознанно использовать прецедентное имя «Мастер и Маргарита» в повседневном дискурсе, понимая не только контекстные, но и художественные особенности. Учителю следует сформировать концептуальную систему ученика и научить его вариативно выражать свои актуальные смыслы [18].

Являясь единым целым в рамках не только художественного текста, но и повседневного дискурса, Мастер и Маргарита отражают духовную составляющую великих чувств. Следовательно, работа с рассматриваемой прецедентной единицей отражает ценности и смыслы, актуальные для подрастающего поколения.

Заглавные персонажи романа Булгакова становятся художественным воплощением подлинных чувств и преданности, создавая, «пленительное созвучие имен» [15, с. 62].

Список источников

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Муллинова О. А., Муллинова Т. А., Воробьев А. Е. Прецедентные тексты в газетных заголовках: источники и проблема узнаваемости // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 88, № 5. С. 94–100.

3. Попадинец Р. В. Имя и текст: исследование прецедентных феноменов с позиций междисциплинарных научных направлений: монография. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2021. 159 с.

4. Ли Хуэй. Прецедентные феномены из мультфильмов в интертекстуальном тезаурусе: монография. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 178 с.

5. Пешкова Н. П., Давлетова Я. А. Стратегии восприятия прецедентного текста в условиях информационного общества (на материале результатов экспериментальных исследований 2012–2022 гг.) // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4 (58). С. 26–45.

6. Дмитриева А. В. Прецедентные имена в текстах российской политической рекламы: лингвокультурологический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022. 327 с.

7. Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты: Динамика дискурса 50–90-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 22 с.

8. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.

9. Черепанова Л. В. Прецедентные феномены в обучении русскому языку // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 18, № 4. С. 128–136.

10. Анисимова Т. В., Чубай С. А. Прецедентные тексты как средство повышения эффективности социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 2. С. 122–139.

11. Мишатина Н. Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход. Монография. СПб.: Сага – Наука, 2009. 264 с.

12. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. 192 с.

13. Сахаров В. И. Михаил Булгаков: загадки и уроки судьбы. М.: Жираф, 2006. 331 с.

14. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.

15. Колышева Е. Ю. Поэтика имени в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 305 с.

16. Кондакова Ю. В. Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 296 с. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/gogol-i-bulgakov-poetika-i-ontologiya-imeni> (дата обращения: 31.01.2025).

17. Булгаков М. А., Булгакова Е. С. Дневник Мастера и Маргариты / Предисл., коммент. Б. В. Соколова. М.: Издательство АСТ, 2022. 464 с.

18. Мишатина Н. Л. Концептуальные основы построения лингвоконцептоцентрической речевой среды // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 37–43.

References

1. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Izd. 7-e. 264 p. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)
2. Mullinova, O. A., Mullinova, T. A., Vorob'ev, A. E. (2021). *Precedentnye tekсты v gazetnykh zagolovkakh: istochniki i problema uznavaemosti* [Precedent Texts in Newspaper Headlines: Sources and the Problem of Recognition]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*. T. 88, No. 5, pp. 94–100. (In Russian)
3. Popadinets, R. V. (2021). *Imya i tekst: issledovanie pretsedentnykh fenomenov s pozitsii mezhdistsiplinarnykh nauchnykh napravlenii: monografiya* [Name and Text: Study of Precedent Phenomena from the Perspective of Interdisciplinary Scientific Areas: A Monograph]. 159 p. Kursk, Yugo-Zapadnyi gos. un-t. (In Russian)
5. Li Huei. (2022). *Pretsedentnye fenomeny iz mul'tfil'mov v intertekstual'nom tezauruse: monografiya* [Precedent Phenomena from Cartoons in the Intertextual Thesaurus: A Monograph]. 178 p. St. Petersburg, izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russian)
6. Peshkova, N. P., Davletova, Ya. A. (2023). *Strategii vospriyatiya pretsedentnogo teksta v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (na materiale rezul'tatov eksperimental'nykh issledovaniy 2012–2022 gg.)* [Strategies for the Perception of the Precedent Text in the Information Society (based on the results of experimental studies in 2012–2022)]. *Voprosy psiholingvistiki*. No. 4 (58), pp. 26–45. (In Russian)
7. Dmitrieva, A. V. (2022). *Pretsedentnye imena v tekstakh rossiiskoi politicheskoi reklamy: lingvokul'turologicheskii i pragmaticheskii aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Precedent Names in the Texts of Russian Political Advertising: Linguoculturological and Pragmatic Aspects: Ph.D. Thesis]. Ekaterinburg, 327 p. (In Russian)
8. Semenets, O. P. (2004). *Pretsedentnyi tekst v yazyke gazety: Dinamika diskursa 50–90-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Case Text in the Newspaper Language: Dynamics of Discourse in the 1950–1990s: Ph.D. Thesis Abstract]. St. Petersburg, 22 p. (In Russian)
9. Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: dis. ... doktora filol. nauk* [Linguistic and Cultural Concepts and Metaconcepts: Doctoral Thesis]. Volgograd, 323 p. (In Russian)
10. Cherepanova, L. V. (2023). *Pretsedentnye fenomeny v obuchenii russkomu yazyku* [Precedent Phenomena in Teaching the Russian Language]. *Uchyonye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 18, No. 4, pp. 128–136. (In Russian)
11. Anisimova, T. V., Chubai, S. A. (2023). *Pretsedentnye tekсты kak sredstvo povysheniya effektivnosti sotsial'noi reklamy* [Case Texts as a Means of Improving the Effectiveness of Social Advertising]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. T. 22, No. 2, pp. 122–139. (In Russian)
12. Mishatina N. L. (2009). *Metodika i tekhnologiya rechevogo razvitiya shkol'nikov: lingvokontseptotsentricheskii podkhod. Monografiya* [Methodology and Technology of Schoolchildren's Speech Development: Linguo-conceptot-centric Approach. A Monograph]. 264 p. St. Petersburg, "Saga" – "Nauka". (In Russian)
13. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* (1997) [Language, Consciousness, Communication]. Sb. statei. Red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. 192 p. Moscow, "Filologiya", Vyp. 1. (In Russian)
14. Sakharov, V. I. (2006). *Mikhail Bulgakov: zagadki i uroki sud'by* [Mikhail Bulgakov: Riddles and Lessons of Fate]. 331 p. Moscow, Zhiraf. (In Russian)
15. Gasparov, B. M. (1993). *Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoi literature XX veka* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian Literature of the 20th Century]. 304 p. Moscow, Nauka. Izdat. firma "Vostochnaya literatura". (In Russian)
16. Kolysheva, E. Yu. (2005). *Poetika imeni v romane M. A. Bulgakova "Master i Margarita": dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of a Name in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita": Ph.D. Thesis]. Volgograd, 305 p. (In Russian)
17. Kondakova, Yu. V. (2001). *Gogol' i Bulgakov: poetika i ontologiya imeni: dis. ... kand. filol. nauk* [Gogol and Bulgakov: Poetics and Ontology of the Name: Ph.D. Thesis]. Ekaterinburg, 296 p. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/gogol-i-bulgakov-poetika-i-ontologiya-imeni> (accessed: 31.01.2025). (In Russian)
18. Bulgakov, M. A., Bulgakova, E. S. (2022). *Dnevnik Mastera i Margarity* [Diary of the Master and Margarita]. Predisl., komment. B. V. Sokolova. 464 p. Moscow, izdatel'stvo AST. (In Russian)
19. Mishatina, N. L. (2012). *Kontseptual'nye osnovy postroeniya lingvokontseptotsentricheskoi rechevoi sredy* [Conceptual Foundations for Constructing a Linguo-Conceptual-Centric Speech Environment]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 14, pp. 37–43. (In Russian)

The article was submitted on 28.02.2025
Поступила в редакцию 28.02.2025

Колышева Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский городской педагогический
университет,

Kolysheva Elena Yur'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow City University,

129226, Россия, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4.
elenakolysheva@yandex.ru

Соколова Мария Андреевна,
магистрант второго года обучения,
Московский городской педагогический
университет,
129226, Россия, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4.
sokolova-ma@mgpu.ru

4 2nd Agricultural Passage,
Moscow, 129226, Russian Federation.
elenakolysheva@yandex.ru

Sokolova Maria Andreevna,
second-year master's student,
Moscow City University,

4 2nd Agricultural Passage,
Moscow, 129226, Russian Federation.
sokolova-ma@mgpu.ru

УДК 811.51.157'272:81.374.3-053.5(571.56)
DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-221-228

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ЗНАНИЯ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА И ЧТЕНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

© Ангелина Кузьмина

STUDYING THE LEVEL OF THE YAKUT LANGUAGE KNOWLEDGE AND READING OF SCHOOLCHILDREN FROM THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Angelina Kuzmina

The article considers the problem of the Yakut language attrition among children and young people for whom this is the language of origin. By means of sociolinguistic research, the article determines the attitude of the younger generation to their native language as a cultural phenomenon. A significant component of the research toolkit is our criteria for the cultural competence level. The article also presents the results of the sociolinguistic analysis of the factors reducing the linguistic and cultural competence of schoolchildren. The study allowed us to come to the conclusion about the need to publish special dictionaries containing a cultural component and explanations of the words that are difficult for modern youth to understand. In this regard, we describe the experience of developing an illustrated dictionary of Yakut mythological symbols and obsolete words based on the works included into the school curriculum. This bilingual dictionary is intended for pupils, teachers and students. Working with it will help develop students' linguistic culture, skills in independent information search and interpretation of the deep meanings of fictional and folklore texts. In the Republic, this kind of dictionary has been developed for the first time. The publication of the "Illustrated Dictionary of Mythological Symbols and Difficult-to-Perceive Yakut Words: Based on Works of the School Curriculum" is timely and relevant. Serious work has been done to identify the typological characteristics of mythological symbols found in the works of the school curriculum.

Keywords: sociolinguistic research, cultural and linguistic competence, in-depth understanding of works and words, mythological symbols, Yakut language, schoolchildren

В статье рассматривается проблема снижения уровня знания якутского языка у детей и молодежи, для которых этот язык является по происхождению родным. Посредством социолингвистического исследования определяется отношение подрастающего поколения к родному языку как к явлению культуры. Приводятся критерии состояния культуроведческой компетенции, что является значимой составляющей инструментария исследования.

Представлены результаты социолингвистического анализа факторов снижения языковой и культуроведческой компетенций школьников. Исследование позволило прийти к выводу о необходимости издания специальных словарей, содержащих культуроведческий компонент и пояснения трудных для восприятия современной молодежью слов. В связи с этим излагается опыт разработки иллюстрированного словаря мифологических символов и устаревших слов якутского языка по произведениям школьной программы. Двухязычный словарь предназначен для учащихся, учителей и студентов. Работа с ним поможет развить у учащихся языковую культуру, навыки самостоятельного поиска информации и интерпретации глубинных смыслов художественных и фольклорных текстов. Такого рода словарь в республике разработан впервые. Выход в свет «Иллюстрированного словаря мифологических символов и сложных для восприятия якутских слов: по произведениям школьной программы» представляется своевременным и актуальным. Проведена серьезная работа по типологической характеристике мифологических символов, встречающихся в произведениях школьной программы.

Ключевые слова: социолингвистическое исследование, культуроведческая и языковая компетенции, глубинное понимание произведений и слов, мифологические символы, якутский язык, школьники

Для цитирования: Кузьмина А. Исследование уровня знания якутского языка и чтения у школьников Республики Саха (Якутия) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 221–228. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-221-228

Отношение к языку как к достоянию культуры в значительной мере зависит от уровня владения культуроведческой компетенцией. М. Л. Кусова и И. А. Чиликова выделяют такие критерии оценивания этой компетенции:

1. «мотивационно-ценностное отношение к культуре и традициям русского народа, к познанию социокультурного компонента языковых средств;
2. наличие знаний о словах и фразеологизмах как источниках культуроведческой информации, о словарях как источниках знаний об особенностях русского языка;
3. умение выделять из речи устаревшие слова и фразеологизмы; находить информацию о значении данных единиц;
4. умение объяснять значения фразеологизмов;
5. умение употреблять фразеологизмы в своей речи;
6. умение применять приобретённые знания об устаревших словах и фразеологизмах как источниках культуроведческой информации, о словарях как источниках знаний об особенностях русского языка при чтении художественных произведений, при создании собственных текстов, в исследовательской и творческой деятельности» [1, с. 36].

Культуроведческая компетенция тесно связана с языковой компетенцией. Ее значение заключается в знании как лексических единиц, так и сопутствующих им правил языкознания, с помощью которых образуются словосочетания. Языковая компетенция – это совокупность всех лексических, грамматических, семантических, фонологических, орфографических и орфоэпических компетенций [2].

В последние десятилетия исследователями зафиксирована следующая ситуация: в геометрической прогрессии повсеместно снижается языковая компетенция. Главной причиной этой ситуации являются изменения в парадигме государственной политики в сфере образования, из-за которой «возросли риски для этнокультурного развития детей в регионах». Один из факторов этих последствий заключается в слишком формальном отношении государства к национальному многообразию без учета «всего спектра экстралингвистических факторов, влияющих на языковую ситуацию, и отсутствием лингвистического прогнозирования этноязыковых процессов» [3, с. 80].

С 2007 г. в связи с отменой национально-регионального компонента образования родной язык изучают в школах, если учащиеся, родители (законные представители школьника) и школа выбирают обучение родному языку. Исследователи отмечают и такой случай: «при записи школьников в 1 класс игнорируется изъявление воли на реализацию права выбора языка, в результате чего в этих учреждениях якутский язык как предмет не преподаётся. Зачисление школьника в образовательную организацию по месту официальной прописки в случае отсутствия языка саха в качестве предмета приводит к конфликтной ситуации» [4, с. 45].

По данным статистики, в настоящее время отмечается снижение численности народа саха и, соответственно, количество владеющих якутским языком тоже идёт на убыль. Одновременно с этим происходит обеднение активного словарного запаса у молодежи, проживающей в г. Якутске, выросло количество людей, которые владеют только разговорной формой речи. При более детальном исследовании с приемом градации ответов был сделан вывод о том, что «79,6% молодежи, заявившей о свободном владении этническим языком, на самом деле владеет разговорной формой якутского языка» [5].

Причинами такого положения являются сокращение часов преподавания родного языка и литературы и глобализация, потеря традиционного уклада жизни, переселение жителей из сельской местности в город.

В Концепции преподавания родного языка, литературы и культуры Республики Саха (Якутия) от 2023 г. ещё одной причиной отдельно указывается общедоступность сети интернет для детей дошкольного и младшего школьного возраста, вследствие чего меняется среда коммуникации детей. Происходит постепенное снижение использования родного языка в неформальной обстановке. Также авторы концепции отмечают, что причинами, содействующими снижению пользования родным языком подрастающим поколением, являются неподготовленность взрослых к прогрессивному развитию цифровых технологий и их влиянию на речь детей, к изменениям формирования билингвизма в обществе, а также вытеснение традиционных форм игр, детского устного народного творчества, которые очень сильно влияют на процесс формирования речи у детей [6].

На детей постарше и их родителей значительное влияние оказывает изменение модели развития социума: изменение политики в области образования, жизненных ценностей, рыночной системы, появление новых специальностей и др. Ввиду всех вышеперечисленных факторов, наряду с уменьшением количества часов преподавания предметов «Родной язык» и «Родная литература» в школе, снижается мотивация к обучению родному языку [Там же]. В настоящее время образование в средней общеобразовательной школе основывается на Федеральной образовательной программе по приказу Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 370 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования», зарегистрированного 12.07.2023 № 74223 [7].

С целью исследования возникшего положения и разработки необходимых рекомендаций по содействию улучшению языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) нами разработана диагностика для выявления сформированности языковой и культуроведческой компетенций у учащихся. Проведено социолингвистическое исследование среди учащихся младшего и среднего возраста народа саха. Для этого были составлены вопросы и задания, содержащие архаизмы и мифологические символы произведений устного народного творчества, отражающие особенности культуры.

В опросе приняли участие 246 учащихся 1-9-х классов из северных, центральных, а также виллюйской группы улусов (районов) и г. Якутска Республики Саха (Якутия). Обучающиеся из улусов изучают учебные предметы «Родной язык» и «Культура народов Якутии». В данном опросе участвовали 202 респондента из г. Якутска (учащиеся из лицеев и школ), из них 60 учащихся изучают якутский язык только как учебный предмет, а предметы «Культура народов Якутии» и «Якутская литература» в их школах вовсе не изучаются. В опросе проверялись знание и понимание смысла слова, текста на якутском языке, уровень владения родным языком, а также знание традиционной культуры народа саха. Рекомендовалось самостоятельное выполнение работы.

Были заданы следующие слова для пояснения: Айыыһыт тартарар – «обряд прошения детей у богини чадородия Айыыһыт» [8, с. 236]; илгэ – «особый дар богов или духов, который имеет волшебное свойство придавать силу» [Там же, с. 237]; кут – «психическая сфера человека, стойкость его духовного и телесного состояния, жизнеспособности, душа»

[9, с. 581]; нөрүүн көрсүүтэ – «старинный военный обычай, который заключался в единоборстве двух лучших воинов, устраиваемом до битвы»; өлбөт мэңэ уута – «живая вода» [8, с. 238]; салама – «волосяной шнур с привязанными к нему пучками конской гривы и разноцветными кусками материи, который используется для проведения обрядов»; сүр – «дух человека»; түһүлгэ – «место, обставленное молодыми березками для проведения обряда традиционного праздника Ысыах в честь богов Айыы» [Там же, с. 239]; Иэйэхсит, Иэйэхсит Хотун – «богиня, покровительствующая людям и домашним животным» [Там же, с. 237]; Дьөһөгөй – «божество, покровитель лошадей»; оҕо көтөҕөөччү – «повивальная бабка, повитуха»; Сээркээн Сэһэн – «мудрец»; хаппахчы – «перегородка для незамужних девушек»; куоҕас – «чернозобая гагара считалась злой шаманской птицей, а краснозобая гагара птицей светлых божеств»; кэриэн ымыа – «березовый сосуд для распития кумыса по кругу» [Там же, с. 237]; дохсун-дуйаа – «небесный демон, этот дух вызывал у людей безумство» [Там же]. За неправильный ответ ставился 0 баллов, за правильный – 1 балл. По результатам исследования пришли к таким выводам:

1. Учащиеся из сельских поселений правильно определили значения следующих слов: алгыс, салама, уөр, кут, өлбөт мэңэ уута, оҕо көтөҕөөччү, дьөһөгөй, куоҕас, түһүлгэ, аар курдук мас, сээркээн сэһэн, хаппахчы.

2. Учащимся из города Якутска знакомы значения слов аар кудук мас, өлбөт мэңэ уута, салама, түһүлгэ, сээркээн сэһэн.

3. Обряд Айыыһыт тартарар не знаком детям ни из сельских, ни из городских поселений. Объясняют этот обряд следующими словами: «входит в транс»; «движения богини при танце»; «шаманка или провидец при лечении людей входит в связь с божествами»; «больной шаман».

4. Понятие Аар кудук мас знакомо всем: поясняют, что это «дерево, которое соединяет три мира», приводят другое название Аал луук мас.

5. Эмэгэт объясняют как божество Нижнего мира, плохой человек. С точки зрения семантики ошибкой является то, что учащиеся считают, что это может быть и изображение абаасы: «делают из бересты или дерева изображение духа, абаасы».

6. Саламу в целом знают как веревку, привязываемую на дерево во время Ысыаха.

Среди многочисленных ответов дан более точный – «это веревка, которую вешают на березе для притягивания счастья, благополучия, изобилия».

7. Дьһөһөй большинство знают как другое название почитаемых в Якутии лошади, жеребенка, но не как имя божества лошади, также в ответах есть ассоциации с песней, что, вероятно, явилось следствием путания со словом *дэгэрэн*, который означает особый вид пения.

8. Многие считают, что сүр – это страх.

9. Интересным фактом стало то, что учащиеся знают второе значение слова *куоҕас*, поясняют это как «внезапно наклонить голову».

10. Алгыс объясняют как «обряд, который помогает, защищает; его обычно исполняет старец».

11. Кут – почти все ответили, что душа состоит из трех частей: земля-душа, воздух-душа, мать-душа, но встречаются такие ответы, в которых это слово объясняют глаголом повелительного наклонения «наливай», что тоже правильно (это омоформы).

12. Слово *түһүлгэ* перепутали с *түһүмэх* – «этап чего-либо».

13. На вопрос «С какой стороны должна находиться дверь балагана?» (традиционное расположение двери балагана у народа саха с восточной стороны) преобладающее большинство респондентов знают правильный ответ, лишь некоторые указывают на то, что дверь должна быть с северной или западной стороны.

14. Сээркээн Сэһэн учащиеся понимают как «рассказ; рассказ, который никто не слышал; рассказчик старинных легенд, преданий».

Во втором блоке опроса респонденты отвечали на вопрос: «Какие обряды знаете?». Большинство написали о дорожном обряде, хотя этот уникальный обряд в основном забыт и претерпел изменения в современном обществе. Ответы учащихся сводятся к следующему: «В новом месте кормят огонь или на землю кладут олады; если кто-то уезжает, то полы не моют». Также учащиеся знают о календарном празднике Ысыах в честь богов Айыы, сопровождаемом обрядом молений, обильным угощением и кумысопитием: «На Ысыахе поют алгыс и танцуют осуохай, кормят землю, встречают солнце». Из других обрядов живы в памяти обряд защиты ребенка от злых духов, когда древние саха мазали лоб ребенка углем, выводили его через окно и давали на воспитание другим людям.

В третьем блоке проверялось осознанное чтение одного из вариантов якутской народной сказки «Старушка Бэйбэрикээн». В нем проверялось умение ориентироваться в тексте, понимать

смысл прочитанного, устанавливать причинно-следственные связи и делать выводы.

Дорожный символ – шкуру соболя, вывешенную на дороге айыы, – школьники интерпретировали как знак светлого пути, а вывешенную шкуру медведя – как темный путь к Нижнему миру (миру абаасы). Отметили, что в этой сказке присутствует и другой мифологический символ – горностаи как знак нечисти. Обучающиеся связали ответ с сюжетом сказки, где из носа девушки абаасы (черта) выползают горностаи, а из носа девушки айыы (родом из божеств) – бусы. Отметим, что в якутских сказках горностаи предстают как маленький воришка, в связи с чем у него появилось черное пятно на хвосте. Дети считают, что в сказке присутствует мотив разделения по социальным слоям: из-за того, что Харджыт Бэргэн является сыном богача, он не заходит в дом Бэйбэрикээн и злится, что старушка сама ему не вынесла упавшую в ее дымоход стрелу. Учащиеся правильно понимают, что в сказке повествуется о нарушении этикета народа саха, объясняют это с помощью описания реакции наблюдающих за невестой гостей. Однако они не знают о существовавшем у древних саха свадебном обряде, гостевом и дорожном этноэтикете: там, где коновязь для быка, – лошадь не привязывают, и по тому, к какой коновязи привязывает путник своего коня, определяли его статус. Это незнание свидетельствует о том, что современный читатель с трудом может оценить глубину мифологической картины мира древних саха, понять, что таится в обрядовой составляющей сказки, которая выражается в словах: «Зять взял невесту, стоящую сбоку от матери, за плетень, которую она держала в руке, и вывел, на коня посадил, повез домой» [10, с. 102]. Как поясняет Ю. Н. Дьяконова: «Данный эпизод входил в обязательный элемент свадебного обряда. По дороге герой отъехал от невесты осмотреть самострелы и, тем самым, нарушил следующий обычай: жених должен привязать повод коня невесты за собой; невеста не должна сама править. Нарушение этого обычая привело к тому, что невеста заблудилась и на нее напала дочь абаасы, которая поехала затем вместо нее» [Там же].

Традиционные игры в основном забыты. Современным детям знакомы те из них, которые сейчас популяризируются, – это хаамыска (игра в камушки) и хабылык (игра в лучинки).

Как отмечают учителя, учащиеся в неформальной обстановке между собой разговаривают на русском языке. Если сравнить сельских и городских детей, то получено 28% правильных ответов от сельских детей, а от городских – 18%.

Но в целом опрос показал низкий уровень владения культуроведческой и языковой компетенциями.

Устаревшую лексику в школе изучают на уроках по якутскому литературному чтению, но в связи с сокращением часов преподавания лексика ее изучение проводится в небольшом объеме.

Исследование выявило необходимость разработки словарей, содержащих культуроведческий компонент и пояснение архаизмов. В связи с этим на основе НИР института чтения Национальной библиотеки РС (Я) был проведен дополнительный опрос с заданием «Отмечай, какие слова тебе непонятны из прочитанного произведения» среди учащихся 1-9-х классов. В результате исследования была определена необходимость разработки словаря, содержащего культуроведческий компонент и поясняющего мифологические символы и сложные для понимания школьниками слова якутского языка по произведениям школьной программы, как одного из путей решения проблемы. Над словарем работал коллектив авторов: д. и. н. Е. Н. Романова, к. филол. н. А. А. Кузьмина, учителя якутского языка высшей категории Г. Н. Шишигина, Т. Е. Слободчикова. Словарь предназначен для учащихся, учителей и студентов. Он написан на якутском языке с переводом на русский. Словарь содержит 220 слов и устойчивых сочетаний, сложных для понимания современными детьми. В связи с ограничением в объеме для пояснения выбраны имена существительные якутского языка.

Словарь состоит из трех глав. В первую главу вошли сложные для понимания современными детьми устаревшие слова по фольклорным и художественным произведениям из учебников 1–4-х классов, а во вторую главу – для 5–9-х классов, третья глава содержит мифологические символы.

Работа со словарем способствует развитию у детей языковой культуры: обогащает их словарный запас; помогает приобрести навыки контроля над своей речью, поиска, анализа и умения истолковывать глубинные смыслы художественных и фольклорных произведений.

Структура словаря обусловлена принципом передачи значения слов по примеру других толковых словарей.

В словаре:

- 1) слова расположены в алфавитном порядке;
- 2) толкование многозначных слов дается в том значении, в котором оно дано в примере из произведения;
- 3) после толкования слова приводится пример из произведения, затем указываются имя,

фамилия или псевдоним писателя, затем в квадратных скобках название произведения и страница;

4) если пример взят из поэтического произведения, то новая строка начинается с заглавной буквы;

5) если цитата слишком длинна, то составители словаря были вправе ее сократить, но смысловое содержание оставалось абсолютно понятным;

6) сначала дается заглавное слово, затем его лексическое и мифологическое значение.

Главными целями создания иллюстрированного школьного словаря мифологических символов и сложных для восприятия слов якутского языка являются ознакомление с основными понятиями, символами, образами якутской мифологии, а также презентация архаичной лексики. Включенные лексемы являются однословными и составными, среди них есть устойчивые словосочетания: *аал луук мас* – ‘мировое дерево’, *күөс иһит* – ‘глиняный горшок’, *көй кыыл* – ‘шаманская птица’, *ох саа* – ‘стрела’, *өлбөт мэнэ уута* – ‘живая вода’, *харалаах аас тэллэх* – ‘коврик из конской шкуры’. В словарь вошли символы, зоонимы, фитонимы, соматизмы, орнитонимы, названия сакральных ритуалов, архаизмы. Приводится художественный иллюстративный материал и примеры употребления этих мифологем в языковых, фольклорных и этнографических текстах. Для иллюстрации приводим примеры некоторых словарных статей:

Куоҕас ‘гагара’ – в мифах северных народов связана с космогоническим мифом сотворения Земли. Чернозобую гагару древние якуты считали зловредной шаманской птицей, а краснозобую гагару – птицей айыы. В якутских загадках образ гагары загадывается через цветовую символику “пестрого”: “эт татат, эриэн оҕо (эриэн оһоҕос)” – ‘ой-ой, какое пестрое дитя’ (‘пестрая кишка’). Пестрота отождествляет пограничное состояние птицы, она может летать и нырять (верх / низ). Архаичный мотив, связанный с образом гагары как птицы-творца (достает в клюве кусочек земли из воды), занимает особое место в мифологии северных якутов и долган [11]. В шаманской ритуальной практике гагара имеет важное значение. Изображение гагары как ритуальный атрибут использовали следующим образом: вырезанную из железа птицу прикрепляли к шаманскому нагруднику. Шаман превращался в гагару, когда летел в Нижний мир, над рекой смерти, над водой болезней. «Там он, подобно гагаре, время

от времени ныряет в воду, останавливается на преградах, которые имеются на ней» [12, с. 148].

Как отметила д. и. н. Е. Н. Романова: «Язык и мифология составляют особый алфавит культуры народа. Каждый, кто прикасался к живительному источнику родного языка, ощутил его образность, красоту, силу. “Картинные слова”, как называл образные слова якутов первый поэт и мыслитель А. Е. Кулаковский, отражают представления в виде формы, они подвижны, метафоричны и визуально ассоциативны. В языковой картине мира народа саха слово наделялось высоким символическим статусом» [13, с. 7]. По понятийному содержанию эти мифологемы представляют собой семиотическую систему языка и их применение в культурных текстах, репрезентирующих креационные, космогонические, астральные, календарные представления народа саха. Сегодня разработка словаря по развитию языковой и культуроведческой компетенций учащихся как никогда является актуальной, так как назрела необходимость в сохранении родного языка. Двухязычный мифологический словарь дает возможность расширить круг читателей. Критериями выбора мифологем, включенных в словарь, являются ценность в традиционной картине мира народа саха, лексико-семантическая важность, частотность употребления в фольклорных и художественных произведениях.

Как развитие этого проекта можно предложить внедрение в практику и использование искусственного интеллекта, современных интерактивных учебных пособий с IT-технологиями, содержащих лингвокультурологические комментарии к фольклорным и художественным произведениям. Такие пособия могут стать одним из ключевых инструментов в современном мире. Комментарии в них должны носить характер энциклопедической справки, аудиовизуально поясняющей мифологическую картину мира народа саха, традиционную культуру, этнографию, а также языковой комментарий, который должен представлять собой пояснение филологического характера [14].

На основе проведенного исследования нами также выявлена актуальность разработки рекомендаций по составлению учебников по родной литературе, которые предусматривают глубокое усвоение культурологического компонента, расширение объема изучения лексики якутского языка.

Также исследование показывает, что те обряды, традиционные игры народа саха, которые популяризируются, знакомы массовому слою населения, это отразилось в ответах школьников. Это еще раз доказывает, что необходима эффек-

тивная и системная работа по продвижению чтения якутской литературы, изучению якутского языка и культуры. Творческая и инициативная работа на каждом уроке, на занятиях дополнительного образования, мероприятиях различного уровня, в СМИ способна зарожать интерес учащихся. Как пример, хотим привести эксперимент, проведенный в кружке по обучению учащихся технике плетения из конского волоса. По сравнению с начальным опросом, в результате обучения и практических занятий было получено относительное повышение уровня этнокультурных знаний у обучающихся 4 класса [15].

Таким образом, необходимо регулярно проводить мониторинг языковой и культуроведческой компетенций учащихся и молодежи и расширять его: принять меры по популяризации чтения, изданию и продвижению детско-юношеской литературы, проведению обучающих семинаров по культуре речи среди взрослого населения; содействовать разработкам и системной работе с цифровыми образовательными ресурсами с региональным и этнокультурным образовательным контентом в сети интернет, созданию фильмов для детей по произведениям писателей Якутии на родном языке.

Список источников

1. Кусова М. Л., Чуликова И. А. Оценка уровня сформированности культуроведческой компетенции младших школьников // Вестник Сургутского педагогического университета №1 (34). 2015. С. 34–40.
2. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Гл. 1 // Департамент по языковой политике, Совет Европы. Страсбург: Совет Европы, 2004. 259 с.
3. Иванова Н. И., Никитина В. Н., Филиппова А. Г. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса // Научный диалог. 2021. № 10. С. 65–84.
4. Биткеева А. Н., Иванова Н. И., Каплунова М. Я. Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия): акторы, дебаты, новые вызовы. Научный диалог, 2022. 11(9). С. 27–45.
5. Гущина Е. В. Лингвокультурологический комментарий к устаревшей лексике в процессе обучения младших школьников родному языку // Время науки. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-kommentariy-k-ustarevshey-leksike-v-protsesse-obucheniya-mladshih-shkolnikov-rodnomu-yazyku> (дата обращения: 24.11.2023)
6. Концепция преподавания якутского языка, литературы и культуры в Республике Саха (Якутия): от замысла к реализации / Составители: Ф. В. Габышева, С. С. Семенова. Якутск: Якутская

республиканская типография им. Ю. А. Гагарина, 2023. 128 с.

7. Федеральные образовательные программы. URL: <https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html> (дата обращения: 24.11.2023).

8. Ксенофонов Г. В. Эллейада. М.: Наука, 1977. 248 с.

9. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 4. 672 с.

10. Дьяконова Ю. Н. Семейно-родовые обряды и обычаи в якутских сказках // Фольклор и современная культура, 1991. 171 с.

11. Саввинов А. И. Мифологический образ гагары в традиционном искусстве долган // Научный альманах «Традиционная культура». 2012. Т. 13. №3 (47). С. 59–66.

12. Попов А. А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа. Новосибирск: Наука, 2008. 464 с.

13. Романова Е. Н., Кузьмина А. А., Шишигина Г. Н., Слободчикова Т. Е. Иллюстрированный словарь мифологических символов и сложных для восприятия якутских слов: по произведениям школьной программы. Якутск: Изд-во Национальной библиотеки РС(Я), 2024. 104 с.

14. Гуцина Е. В. Лингвокультурологический комментарий к устаревшей лексике в процессе обучения младших школьников родному языку // Время науки. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskii-kommentariy-k-ustarevshey-leksike-v-protsesse-obucheniya-mladshih-shkolnikov-rodnomu-yazyku> (дата обращения: 24.11.2023)

15. Романова М. Н., Филиппова С. Ф. Формирование этнокультурных знаний у младших школьников на кружковых занятиях // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №72-1, с. 52–57 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-etnokulturnyh-znaniy-u-mladshih-shkolnikov-na-kruzhkovykh-zanyatiyah> (дата обращения: 24.11.2023).

References

1. Kusova, M. L., Chilikova, I. A. (2015). *Otsenka urovnia sformirovannosti kul'turovedcheskoi kompetentsii mladshikh shkol'nikov* [Assessing the Level of Development of Cultural Competence of Junior Schoolchildren]. *Vestnik Surgutskogo pedagogicheskogo universiteta*. No.1 (34), pp. 34–40. (In Russian)

2. *Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, obuchenie, otsenka* (2004) [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment]. Departament po yazykovo politike, Sovet Evropy. 259 p. Strasbourg, Sovet Evropy. (In Russian)

3. Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G. (2021). *Sotsiolingvisticheskaya obuslovlennost' funktsionirovaniya yakutskogo yazyka v sfere shkol'nogo obrazovaniya : istoki nachinayushchegosya krizisa* [Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of

Incipient Crisis]. *Nauchnyi dialog*. No.10, pp. 65–84. (In Russian)

4. Bitkeeva, A. N., Ivanova, N. I. Kaplunova, M. Ya. (2022). *Yakutskii yazyk v sovremennoi sisteme obrazovaniya Respubliki Sakha (Yakutiya): aktory, debaty, novye vyzovy* [The Yakut Language in the Modern Education System of the Republic of Sakha (Yakutia): Actors, Debates, New Challenges]. *Nauchnyi dialog*. No. 11(9), pp. 27–45. (In Russian)

5. Gushchina, E. V. (2015). *Lingvokulturologicheskii kommentarii k ustarevshei leksike v protsesse obucheniya mladshikh shkol'nikov rodnomu yazyku* [Linguistic and Cultural Commentary on Outdated Vocabulary in the Process of Teaching Primary Schoolchildren Their Native Language]. *Vremya nauki*. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskii-kommentariy-k-ustarevshey-leksike-v-protsesse-obucheniya-mladshih-shkolnikov-rodnomu-yazyku> (accessed: 11.24.2023). (In Russian)

6. *Kontsepsiya prepodavaniya yakutskogo yazyka, literatury i kul'tury v Respublike Sakha (Yakutiya): ot zamysla k realizatsii* (2023) [The Concept of Teaching the Yakut Language, Literature and Culture in the Republic of Sakha (Yakutia): From the Plan to Its Implementation]. Sost.: F. V. Gabysheva, S. S. Semenova. 128 p. Yakutsk, Yakutskaya respublikanskaya tipografiya im. Yu. A. Gagarina. (In Russian)

7. *Federal'nye obrazovatel'nye programmy* [Federal Educational Programs]. URL: <https://static.edsoo.ru/projects/fop/index.html> (accessed: 24.11.2023). (In Russian)

8. Ksenofontov, G. V. (1977). *Elleiada* [Elleiad]. 248 p. Moscow. (In Russian)

9. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka* (2007) [Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. V 15 tomakh. T. 4 (K). Red. P. A. Sleptsova. Izd-vo Natsional'noi biblioteki RS(YA), 672 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)

10. D'yakonova, Yu. N. (1991). *Semeino-rodovye obryady i obychai v yakutskikh skazkakh* [Family and Clan Rituals and Customs in Yakut Fairy Tales]. *Fol'klor i sovremennaya kul'tura*, p. 102. (In Russian)

11. Savvinov, A. I. (2012). *Mifologicheskii obraz gagary v traditsionnom iskusstve dolgan* [Mythological Image of the Loon in Traditional Dolgan Art]. *Nauchnyi al'manakh "Traditsionnaya kul'tura"*. Vol. 13. No. 3 (47), pp. 59–66. (In Russian)

12. Popov, A. A. (2008). *Kamlaniya shamanov byvshego Vilyuiskogo okruga* [Kamlaniya of Shamans of the Former Vilyui District]. 464 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)

13. Romanova, E. N., Kuz'mina, A. A., Shishigina, G. N., Slobodchikova, T. E. (2024). *Illyustrirovannyi slovar' mifologicheskikh simvolov i slozhnykh dlya vospriyatiya yakutskikh slov: po proizvedeniyam shkol'noi programmy* [Illustrated Dictionary of Mythological Symbols and Difficult-to-Understand Yakut Words: Based on the Works of the School Curriculum]. 104 p. Yakutsk, Publ. House of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia). (In Russian)

14. Gushchina, E. V. (2015). *Lingvokulturologicheskii kommentarii k ustarevshei*

leksike v protsesse obucheniia mladshikh shkol'nikov rodnomu iazyku [Linguistic and Cultural Commentary on Outdated Vocabulary in the Process of Teaching Primary Schoolchildren Their Native Language]. Time of Science. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskii-kommentarii-k-ustarevshej-leksike-v-protsesse-obucheniya-mladshih-shkolnikov-rodnomu-yazyku> (accessed: 11.24.2023). (In Russian)

16. Romanova, M. N., Filippova, S. F. (2021). *Formirovanie etnokul'turnykh znaniy u mladshikh*

shkol'nikov na kruzhkovykh zaniatiyakh [Developing Ethnocultural Knowledge of Junior Schoolchildren during Club Classes]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. No. 72–1, pp. 52–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-etnokulturnykh-znaniy-u-mladshih-shkolnikov-na-kruzhkovykh-zanyatiyah> (accessed: 11.24.2023). (In Russian)

The article was submitted on 18.01.2025

Поступила в редакцию 18.01.2025

Кузьмина Ангелина Афанасьевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
ГКУ «Национальная библиотека РС (Я)»,
677000, Россия, Якутск,
пр. Ленина, 40.
angeli_kiim@mail.ru

Kuzmina Angelina Afanasyevna,
Ph.D. in Philology,
Senior Researcher,
“The National Library of the RS(Ya)”,
40 Lenin Ave.,
Yakutsk, 677000, Russian Federation.
angeli_kiim@mail.ru

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-229-233

ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО СТРАНОВЕДЕНИЮ (ПРЕДУЗОВСКИЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, УРОВЕНЬ A2)

© Ирина Панова

POLYCODE TEXT IN THE CLASS OF COUNTRY STUDIES (PRE-UNIVERSITY STAGE OF INTERNATIONAL STUDENTS' TRAINING, LEVEL A2)

Irina Panova

The article deals with the issues of developing and using the polycode text, as an innovative means of teaching a non-native language, and the content of the concept of “polycode text”. Russian methodologists interpret the polycode text features, which consist in the combination of verbal and non-verbal - pictorial and acoustic components. The article presents our polycode texts addressed to international students of the pre-university training stage (A2 level). Using the material of the discipline “Country Studies”, the section “History of Russia”, I have developed three polycode texts on the topic “Kievan Rus”, which familiarize international students with the information about the formation of the Old Russian state and its social structure, about the system of writing and the birth of the educational system in ancient Russia and about the adoption of Christianity as the state religion. Our techniques, providing the polycode character of educational texts, are based on infographics, text creolization, comics, video materials available by QR codes, as well as interactive Internet materials - quest-games and interactive maps available by links. The article gives examples of pre-text tasks, text reading tasks and post-text tasks: they are also constructed as polycode tasks. The results show the effectiveness of polycode teaching tools and the possibility of using the proposed model of their development and use for other disciplines and stages of teaching the Russian language to foreign speakers.

Keywords: Russian as a foreign language, polycode text, history of Russia, international students, country studies

В статье рассматривается проблематика разработки и использования поликодового текста как инновационного средства обучения неродному языку. Раскрывается содержание понятия «поликодовый текст». В интерпретации отечественных методистов показаны особенности поликодового текста, которые состоят в сочетании вербального и невербального – изобразительного и звукового компонентов. Представлены авторские поликодовые тексты, адресованные иностранным студентам этапа предвузовской подготовки (уровень A2). На материале дисциплины «Страноведение» в рамках раздела «История России» автором разработаны три поликодовых текста по теме «Киевская Русь», которые знакомят иностранных студентов с информацией о становлении Древнерусского государства и его социальном устройстве, о письменности и зарождении системы образования в Древней Руси, о принятии христианства как государственной религии. Используемые автором приемы, обеспечивающие поликодовый характер учебных текстов, – это инфографика, креолизация текста, комикс, доступные по QR-кодам видеоматериалы, а также интерактивные интернет-материалы – квесты-игры, интерактивные карты, доступные по ссылкам. Приводятся примеры предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий: они также строятся как поликодовые. Подчеркивается эффективность поликодовых средств обучения и возможность использования предложенной модели их разработки и использования для других дисциплин и этапов обучения инофонов русскому языку.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, поликодовый текст, история России, иностранные студенты, страноведение

Для цитирования: Панова И. Поликодовый текст на занятиях по страноведению (предвузовский этап подготовки иностранных студентов, уровень А2) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 229–233. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-229-233

Проблемы повышения эффективности обучения русскому языку как иностранному (РКИ) традиционно находятся в центре внимания русистов. В этой связи особенно актуальной становится методически грамотная подача страноведческой информации, обеспечивающей социокультурную адаптацию инофонов в новой стране, регионе, вузе, что способствует успешному освоению учебной программы и повышает мотивацию студентов к изучению языка. Одним из способов решения данной проблемы все чаще выступает использование в обучении РКИ поликодового текста.

Термин «поликодовый текст» был введен В.Л. Юхтом и Г.В. Ейгером, понимавшим его как текст, сочетающий естественный языковой код с кодом иной семиотической системы, представленной изображениями, музыкой, видеофрагментами и т. п. [1, с. 106].

Изначально поликодовый текст изучался как часть рекламы, выступающей средством коммуникации. Постепенно, благодаря своей широкой распространенности и доступности, поликодовый текст стал рассматриваться и как средство обучения [2, с. 103] – текстовое информационное сообщение, закодированное семиотически различными средствами – вербальным и невербальным компонентами. Сочетание этих компонентов в единое целое предоставляет возможность передавать данные в сжатом, переработанном виде, что является особенно актуальным для современного поколения учащихся, которые привыкли к огромному потоку информации, получаемому дозированно, через разные каналы восприятия [3, с. 365–366].

Использование поликодовых текстов в иноязычной аудитории не предполагает только линейную работу с текстом, зачастую не вызывающую интереса у современных учащихся, а подразумевает широкое применение средств визуализации [4, с. 374], среди которых можно выделить фотоиллюстрации, коллажи, комиксы, видеофрагменты, инфографику, скетчноутинг и др. [5, с. 1059–1060].

Представим материал, подготовленный для предвузовского этапа обучения иностранцев (дисциплина «Страноведение», включающая разделы: История России; Природа России; Города и регионы; Экономика; Художественная литература, искусство).

В историческом разделе на материале трех поликодовых текстов с комплексом предтексто-

вых, притекстовых и послетекстовых заданий раскрывается тема «Киевская Русь (Древнерусское государство, Древняя Русь)».

Работа с основным текстом («Киевская Русь: история возникновения и развития государства, социальная структура общества») начинается с выполнения предтекстового задания, обеспечивающего семантизацию сложных для понимания слов и словосочетаний: *бояре, купцы, дружинники, князь, трудовой люд*. Используемые способы семантизации – описательное толкование преподавателя, обращение к словарю, привлечение синонимов.

Перед прочтением даются вопросы на поиск в тексте определенной информации: *В каком веке появилось Древнерусское государство (Киевская Русь)? Где располагалось Древнерусское государство? Кто был его первым правителем?* и др. Затем учащиеся читают предлагаемый текст, делают для себя пометки, чтобы ответить на поставленные вопросы, и, таким образом, учатся ориентироваться в тексте, извлекать нужную информацию, продвигаться в освоении темы занятия.

Послетекстовая работа выстраивается с использованием географических карт. Обучающиеся, ориентируясь на информацию, полученную в тексте, обозначают границы Древней Руси, находят и показывают на карте Киев, который стал столицей древнерусского государства в 882 г., а в настоящее время является одним из самых крупных городов в Европе.

Дополнительно предлагаются задания с интерактивными картами из сети Интернет (как известно, интерактивные средства обучения значительно интенсифицируют процесс освоения неродного языка) [6, с. 190]. Интерактивные карты, доступные по ссылкам, помогают организовать виртуальное путешествие, которое может заинтересовать обучающихся, показывают динамику политического устройства мира другой исторической эпохи. Так, студенты могут проследить за изменением границ княжества Рюрика и последующим расширением Киевской Руси. Отдельным заданием может стать поиск крупных древнерусских городов на интерактивной карте, определение и описание возможных путей сообщения, в том числе торгового пути «из варяг в греки». Помимо интерактивных карт на образовательных интернет-порталах представлены игры-квесты по истории Древней Руси, адресованные в основном русскоязычным школьникам, однако с учетом языковой подготовки группы можно

рассмотреть возможность их использования и в иноязычной аудитории.

Освоению информации о социальной стратификации на Руси в наших разработках способствует инфографика – способ передачи информации, целью которого является визуализация и упрощение материала, предполагаемого к рассмотрению [7, с. 193].

Структура подчинения и разграничения обязанностей в управлении Древней Руси может быть представлена в виде пирамиды, где на вершине иерархии находится киевский князь. В качестве притекстового или послетекстового задания студентам предлагается дополнить инфограмму материалом текста (рис. 1) или же самостоятельно составить такую схему по прочитанному тексту. Можно предложить студентам найти и новую информацию по теме, предварительно включив ее в инфограмму. Такие задания позволяют развить у учащихся навыки смыслового чтения, логического мышления [8, с. 63].

Рис. 1. Пример продуктивного задания с использованием инфографики

Будущим студентам-историкам, которые уже на этапе предвузовской подготовки начинают изучать историю России, можно предложить и интерактивную квест-игру «Человек Древней Руси», разработанную в Уральском федеральном университете и знакомящую пользователей с социальной стратификацией древнерусского государства [9].

Второй текст («Письменность и образование в Киевской Руси») знакомит студентов с зарождением системы образования в древнерусском государстве. Визуальная семантизация в рамках предтекстовой работы сопровождает толкования таких слов и словосочетаний, как *гусиные перья*, *береста*, *пергамент*.

Работая с текстом, иностранные студенты узнают о появлении первых школ, располагавшихся при церквях в Киеве, Новгороде и других городах. Образование в Древней Руси было доступно только высшим слоям общества, в школах обучались в основном боярские дети. Книгопечатания в то время еще не было, люди писали от

руки остро зачищенными гусиными перьями, вместо бумаги использовали бересту или тонко выделенную кожу – пергамент. Хорошим вариантом для репрезентации данной информации может стать креолизованный текст, в котором новые слова (*перо*, *береста*) будут заменены изображениями, напоминающими те, с которыми учащиеся работали до прочтения текста.

Чтобы помочь студентам понять, как с древних времен до наших дней сохранилась информация о событиях прошлого, необходимо особо рассмотреть внутреннюю форму слов *летопись* и *летописец*, рассказать, например, в одном из дополнительных послетекстовых заданий о том, как на Руси велось описание исторических событий из года в год («из лета в лето»). Важно подчеркнуть значение летописей, представляющих исторические события в хронологическом порядке, в формировании представлений о зарождении и развитии российской государственности. Для визуализации информации по теме текста можно использовать фотографии из сети Интернет, воспользоваться QR-кодом, по которому доступен специально созданный видеоматериал, или перейти на образовательный портал и показать студентам фрагмент русской летописи.

В третьем тексте темы «Киевская Русь» раскрывается религиозная проблематика – он посвящен принятию христианства на Руси. Текст «Крещение Руси» разработан в формате комикса – графическо-повествовательного жанра, где связный рассказ строится из серии рисунков с текстом [10, с. 361].

По сравнению с обычным вербальным текстом комикс позволяет доступно и кратко передать читателям нужную информацию, улучшает концентрацию внимания студентов на новом материале за счет яркой и интересной его репрезентации.

В данном случае первый изобразительный компонент комикса иллюстрирует предысторию принятия христианства: на рисунке – языческие идолы, дым костра на ветру, тучи, сгорбленная фигура человека; подпись: *Много лет назад люди на Руси были язычниками. Они поклонялись силам природы.* Далее панели комикса (отдельные рисунки с текстом) рассказывают о том, что по инициативе князя Владимира в 988 г. было решено принять в качестве государственной религии христианство. Процесс начался в Киеве. Крещение киевлян происходило в водах Днепра, где речная вода как бы смывала с язычников их прежнюю веру и очищала людей для принятия христианства. Вслед за Киевом Крещение стало совершаться и в других древнерусских городах.

Комикс на занятиях РКИ может быть использован с разными заданиями, например: продолжить реплики персонажей, восстановить последовательность событий, самостоятельно создать комикс по теме, обсудить его содержание в группе. Интересным послетекстовым заданием может стать подготовка рассказа о религии своей страны.

Таким образом, обобщая все сказанное, можно еще раз отметить, что использование в обучении языку средств наглядности, в том числе интерактивных, способствует повышению эффективности учебного процесса, так как вызывает интерес к изучаемому материалу и позволяет расширить его объем. Объединение вербального и невербального наглядного компонента в поликодовом тексте (притом что текст, как известно, считается важной единицей обучения РКИ) делает перспективным использование этого средства обучения. Приемы создания поликодовых текстов, представленные на материале по истории России (креолизация текста, инфографика, комикс, доступные по QR-кодам видеоматериалы, интерактивные интернет-материалы – квесты-игры, интерактивные карты, доступные по ссылкам), а также предлагаемые типы заданий для работы с поликодовыми текстами могут быть использованы для разработки и использования учебных материалов по другим дисциплинам, изучаемым иностранными студентами, что поможет им быстрее осваивать новую лексику, научит ориентироваться в тексте, будет способствовать более глубокому его пониманию.

Список источников

1. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конференции МГПИИЯ: в 2 ч. Ч. 1. М.: МГПИИЯ, 1974. С. 103–109.
2. Пригарина Н. К. Использование рекламных текстов в системе культуросообразных подходов к обучению РКИ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7 (160). С. 102–105.
3. Чуйко М. Е. Использование поликодовых текстов при обучении РКИ // Язык текущего момента. Материалы VI межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Е. М. Королевская. М.: Сфера, 2023. С. 365–367.
4. Дмитриева Д. Д., Скляр Е. С. Использование поликодовых текстов на занятиях по РКИ // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации. Сборник научных трудов V Международной научно-методической конференции. Курск: Курский государственный медицинский университет, 2020. С. 373–378.

5. Зарицкая Ж. В. Средства визуализации при обучении РКИ: причины эффективности, сферы применения // Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ / Редколлегия: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 1058–1062.
6. Varlamova M. Yu., Bochina T. G., Miftakhova A. N. Interactivity in teaching a foreign language // Journal of Language and Literature. 2016. Т. 7. № 3. Р. 190–194.
7. Арзамасцева Н. Ю. Инфографика как способ повышения эффективности на занятиях по РКИ // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2 (58). С. 192–198.
8. Лапуцкая И. И. Формирование речевой компетенции с использованием технологии визуализации // Лингводидактика. Материалы IX Республиканского научно-практического семинара / Редколлегия: С. И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2022. С. 60–66.
9. Рябов С., Попович А. Исторический квест «Человек Древней Руси в пучине удельной раздробленности: на службе князя и родной земли». URL: <https://boyarin.urfu.ru/> (дата обращения: 12.12.2024).
10. Забуряева Ю. А. Комикс как средство наглядности в обучении РКИ // Лекантовские чтения – 2021. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: МГОУ, 2021. С. 360–363.

References

1. Eiger, G. V., Yukht, V. L. (1974). *K postroeniyu tipologii tekstov* [On the Construction of a Typology of Texts]. *Lingvistika teksta: materialy nauch. konferentsii, MGPIYa: v 2 ch. Ch. 1*, pp. 103–109. Moscow, MGPIYa. (In Russian)
2. Prigarina, N. K. (2021). *Ispol'zovanie reklamnykh tekstov v sisteme kul'turosoobraznykh podkhodov k obucheniyu RKI* [The Use of Advertising Texts in the System of Culture-Based Approaches to RFL Training]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 7 (160), pp. 102–105. (In Russian)
3. Chuiko, M. E. (2023). *Ispol'zovanie polikodovykh tekstov pri obuchenii RKI* [The Use of Polycode Texts in Teaching RFL]. *Yazyk tekushchego momenta. Materialy VI mezhvuzovskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 365–367. Red. E.M. Korolevskaya. Moskva, Sfera. (In Russian)
4. Dmitrieva, D. D., Sklyar, E. S. (2020). *Ispol'zovanie polikodovykh tekstov na zanyatiyakh po RKI* [The Use of Polycode Texts in RFL Classes]. *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov i RKI: traditsii i innovatsii. Sbornik nauchnykh trudov V Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*, pp. 373–378. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet. (In Russian)
5. Zaritskaya, Zh. V. (2019). *Sredstva vizualizatsii pri obuchenii RKI: prichiny effektivnosti, sfery primeneniya* [Visualization Tools in RFL Training: Reasons for Effectiveness, Areas of Application]. *Russkoe*

slovo v mnogoyazychnom mire. Materialy XIV Kongressa MAPRYaL, pp. 1058–1062. Redkollegiya: N. A. Bozhenkova, S. V. Vyatkina, N. I. Klushina (i dr.). St. Petersburg, MAPRYaL. (In Russian)

6. Varlamova, M. Yu., Bochina, T. G., Miftakhova, A. N. (2016). *Interactivity in teaching a foreign language*. Journal of Language and Literature, T. 7. No. 3, pp. 190–194. (In English)

7. Arzamastseva, N. Yu. (2021). *Infografika kak sposob povysheniya effektivnosti na zanyatiyakh po RKI* [Infographics as a Way to Increase Efficiency in RFL Classes]. Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 2 (58), pp. 192–198. (In Russian)

8. Laputskaya, I. I. (2022). *Formirovanie rechevoi kompetentsii s ispol'zovaniem tekhnologii vizualizatsii* [Formation of Speech Competence Using Visualization

Technology]. Lingvodidaktika. Materialy IX Respublikanskogo nauchno-prakticheskogo seminar, pp. 60–66. Redkollegiya: S. I. Lebedinskii (gl. red.) (i dr.). Minsk, BGU. (In Russian)

9. Ryabov, S., Popovich, A. *Istoricheskii kvest “Chelovek Drevnei Rusi v puchine udel'noi razdroblennosti: na sluzhbe knyazya i rodnoi zemli”* [Historical Quest “A Man of Ancient Russia in the Abyss of Specific Fragmentation: In the Service of the Prince and His Native Land”]. URL: <https://boyarin.urfu.ru/> (accessed: 12.12.2024). (In Russian)

10. Zabudryaeva, Yu. A. (2021). *Komiks kak sredstvo naglyadnosti v obuchenii RKI* [Comics as a Means of Visualization in RFL Training]. Lekantovskie chteniya – 2021. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsi, pp. 360–363. Red. E. N. Orekhova. Moscow, MGOU. (In Russian)

The article was submitted on 15.01.2025

Поступила в редакцию 15.01.2025

Панова Ирина Андреевна,
ассистент,
Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков,
площадь Ленина, 2.
panova.pskov@mail.ru

Panova Irina Andreevna,
Assistant Professor,
Pskov State University,
2 Lenin Square,
Pskov, 180000, Russian Federation.
panova.pskov@mail.ru

ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 821.161

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-234-242

ОБЪЕДИНЯЯ ПРОСТРАНСТВА, СВЯЗЫВАЯ ЭПОХИ...: ИНСТИТУТУ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ ЛЬВА ТОЛСТОГО В БОГОТЕ (КОЛУМБИЯ) – 80 ЛЕТ

© Ринат Бекметов

UNITING SPACES, LINKING EPOCHS...: LEO TOLSTOY INSTITUTE OF CULTURE IN BOGOTA (COLOMBIA) IS 80 YEARS OLD

Rinat Bekmetov

The article is devoted to the anniversary date – the 80th anniversary of the Leo Tolstoy Institute of Culture in Bogota (Colombia). The paper gives an idea of the history of the Institute (its creation, stages of development) and focuses on the modern activities of the educational institution, which promotes (in the best sense of the word) Russian cultural and literary classics not only in Colombia, but throughout Latin America. Institutions of this kind are a form of establishing interstate relations. They are channels of dialogical communication: on the one hand, Russian culture in Colombia, on the other – Colombian Spanish-speaking culture in Russia. For Kazan Federal University, relations with the Leo Tolstoy Institute of Culture in Bogota are important: The Institute is named after a classic of Russian literature who lived and studied in Kazan; Leo Tolstoy's ancestors and his relatives were closely connected with Kazan and the Kazan Region. In addition, many prominent representatives of Russian culture of the 18th–20th centuries were born, lived or visited Kazan (G. R. Derzhavin, S. T. Aksakov, E. A. Boratynsky, A. S. Pushkin, A. I. Herzen, M. Gorky, N. A. Zabolotsky, V. Khlebnikov and others). We express the hope that, thanks to the cooperation of Kazan Federal University and the named Institute, there will be a steady interest in the cultural heritage of the peoples of the Middle Volga Region and the Urals – Tatar, Chuvash, Udmurt, Mordovian, Mari and Bashkir people, in Colombia and other Latin American countries. Russia is a multi-national and multi-religious country. The expansion and deepening of cultural relations are promising tasks of this cooperation.

Keywords: Russia, Russian literature and culture, Colombia, Latin America, Spanish-speaking world, Leo Tolstoy Institute of Culture, international relations

Статья посвящена юбилейной дате – 80-летию Института культуры имени Льва Толстого в Боготе (Колумбия). В работе дается общее представление об истории Института (его создании, этапах развития); акцентируется внимание на современной деятельности учебного заведения, пропагандирующего (в лучшем смысле этого слова) русскую культурную и литературную классику не только в Колумбии, но и во всей Латинской Америке. Институты такого рода – форма установления межгосударственных отношений. Они являются каналами диалогической связи: с одной стороны, российской культуры в Колумбии, с другой – колумбийской испаноязычной в России. Для Казанского федерального университета отношения с Институтом культуры имени Льва Толстого в Боготе имеют важное значение: Институт носит имя классика русской литературы, жившего и учившегося в Казани; предки Льва Толстого, его родственники были тесно связаны с Казанью и Казанским краем. Кроме того, в Казани родились, жили или бывали многие представители русской культуры XVIII–XX веков (Г. Р. Державин, С. Т. Аксаков, Е. А. Боратынский, А. С. Пушкин, А. И. Герцен, М. Горький, Н. А. Заболоцкий, В. Хлебников и др.). Автор статьи выражает надежду на то, что, благодаря сотрудничеству Казанского федерального университета и названного Института, в Колумбии и остальных странах Латинской Америки возникнет устойчивый интерес к культурному наследию народов Среднего Поволжья и Урала – татар, чувашей, удмуртов, мордвы, марийцев, башкир. Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна. Расширение и углубление культурных взаимоотношений – одна из перспективных задач этого сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, русская литература и культура, Колумбия, Латинская Америка, испаноязычный мир, Институт культуры имени Льва Толстого, международные связи

Для цитирования: Бекметов Р. Объединяя пространства, связывая эпохи...: Институту культуры имени Льва Толстого в Боготе (Колумбия) – 80 лет // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 234–242. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-234-242

В гидростатике – разделе физики, изучающей законы равновесия жидкостей, – активно используется такое понятие, как «сообщающиеся сосуды». Они представляют собой прозрачные емкости, наполненные жидкостью и соединенные друг с другом специальной перемычкой. Сосудами могут быть не только искусственные, сделанные руками человека и предназначенные для лабораторных исследований емкости, но и природные объекты: так, моря, связанные проливами¹, могут быть одним из примеров подобного рода естественных гидростатических сред.

Культуры – те же сосуды, в них действуют – с поправкой на своеобразие (глубину и объем) отношений в определенный исторический момент – правила сообщения, которые сегодня привычнее называть «законами коммуникации». Коммуникация предполагает наличие «овеществленных» структур, «опредмеченных» морфологических элементов, которые выступают в качестве единиц сетевого порядка. Благодаря им, «ферментам» диалогического катализа, если использовать язык химии, контакт (феномен функциональный по своей природе) оказывается возможным. В роли «ферментов» культурной коммуникации в наше время нередко выступают рукотворные структуры – институты. О том, сколь значимы они в процессе диалога культурных систем, свидетельствует история Институты: Гете, Сервантеса, Конфуция – все они на международном уровне давно стали не просто метонимическими знаками, символами соответствующих стран (Германии, Испании, Китая), но и двигателями «мягкой силы» – интереса к ним в образовательном и научном пространствах. Не исключением является и Институт культуры имени Льва Толстого в Боготе, о котором пойдет речь, – средоточие, центр, очаг, гнездо российской культуры в Колумбии, да и во всей Латинской Америке.

В истекшем 2024 г. ему исполнилось 80 лет – дата круглая, юбилейная, дающая повод для подведения итогов и осмысления перспектив.

Расскажем вкратце об истории этого замечательного учреждения.

Он был основан в 1944 г. и первоначально назывался Институт колумбийско-советских взаимоотношений². Инициаторами его создания были деятели колумбийской культуры, сочувствовавшие Советскому Союзу в период Второй мировой войны. Среди тех, кто способствовал появлению нового заведения, приложил административно-организационные усилия к этому, – президент Колумбии Альфонсо Лопес Пумарехо (Alfonso López Pumarejo, 1886–1959), дипломат, депутат парламента, министр национального образования, поэт, переводчик, критик и журналист Хорхе Саламеа Борда (Jorge Zalamea Borda, 1905–1969), поэт и публицист Леон де Грейфф (León de Greiff, 1895–1976).

Для президента Колумбии этот шаг был достаточно логичным, он вытекал из его политической биографии и социально-философских воззрений. Так, известно, что Альфонсо Лопес Пумарехо был членом левого крыла Колумбийской либеральной партии, одной из двух ведущих в стране (вторая партия – Колумбийская консервативная, обе берут свое начало с середины XIX в.). Партия поддерживала связь с «Социалистическим интернационалом» («Рабочим интернационалом») – международным социал-демократическим движением, объединением рабочих партий из разных стран мира, отстаивавших идею социальной справедливости. Избранный президентом Колумбии в 1934 г., А. Лопес сумел внести поправки в конституцию латиноамериканского государства, закреплявшие права людей в отстаивании трудовых интересов; кроме того, при нем в Колумбии прошли важнейшие реформы³. Именно при этом президенте в 1935 г. были установлены дипломатические отношения

² В 1980-е гг. – Институт дружбы с СССР. Свое нынешнее наименование он обрел относительно недавно.

³ Национализация отдельных отраслей народного хозяйства, в особенности связанных с добычей природных ресурсов, секуляризация государственной системы (отделение ее от церкви), бесплатное всеобщее школьное начальное образование, расширение избирательных и иных прав женской части населения в рамках политики эмансипации, укрепление профсоюзных организаций, увеличение числа их членов, рост их влияния в обществе и т. д.

¹ Например, для Черного и Средиземного морей это знаменитые (стратегически первостепенные в истории разных государств) проливы Босфор и Дарданеллы.

Колумбии с СССР⁴ (что было в тех обстоятельствах совсем не просто: некоторые латиноамериканские страны таких отношений не имели вообще, некоторые, за исключением Уругвая, к 1935 г. их полностью разорвали, Уругвай присоединился к этой цепи разрывов чуть позднее, Колумбия же много лет фактически была единственной страной, поддерживавшей отношения с Советской Россией), а в самом конце 1943 г. в продолжение эпохи правления А. Лопеса Колумбия официально объявила войну фашистской Германии. Ясно, что сам факт возникновения Института, учреждения гуманитарной ориентации, должен был подчеркнуть доверительный характер отношений Колумбии с Советским Союзом, стать знаком политической и культурной дружбы. Отметим, что А. Лопес стал своеобразным родоначальником династии государственных лиц, чья жизнь, в том числе творческая, в той или иной мере переплелась с Советским Союзом, а потом и с Россией. Сын А. Лопеса Альфонсо Лопес Микельсен (Alfonso López Michelse, 1913–2007) был президентом Колумбии с 1974 по 1978 гг. В 1982 г. издательство «Прогресс» опубликовано в переводе Л. С. Новиковой его роман «Избранные» («Los elegidos»). По мотивам этого произведения кинорежиссер С. А. Соловьев снял затем одноименный фильм, ленту о трагической судьбе немецкого эмигранта, попавшего в Латинскую Америку после прихода к власти Гитлера (соавтором сценария вы-

ступил колумбийский романист)⁵. Внук А. Лопеса Альфонсо Лопес Кабальеро (Alfonso López Caballero, род. в 1944 г.), экономист, дипломат, кандидат в президенты Колумбии, в разные годы посол страны в США и европейских странах – ныне Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Колумбии в Российской Федерации.

Этапом жизни открытие Института стало и для Хорхе Саламеа Борда. В 1930-е гг. он занимал ряд ответственных государственных постов в Колумбии, в 1940-е гг. служил в ее дипломатических ведомствах и потому, как никто другой, был заинтересован в налаживании теплых связей с далекой северной страной. Не в последнюю очередь эта установка определялась тем фактом, что, будучи довольно популярным писателем, Х. Саламеа придерживался левых взглядов, откликаясь на события текущей политической жизни острыми публицистическими статьями. Два его художественных произведения – «Метаморфоза его превосходительства» («La metamorfosis de su excelencia», 1949) и «Великий Бурундун-Бурунда умер» («El gran Burundun-Burund ha muerto», 1952) – имели острокритический, если вообще не сатирический, характер, высмеивающий сложившийся в Латинской Америке институт военных диктатур. Кстати, в середине 1960-х гг. Х. Саламеа получил две премии: одну престижную литературную кубинскую (региональный испаноязычный аналог-эквивалент Букеровской премии), другую – международную советскую (ленинская – «За укрепление мира между народами»). В одном случае речь шла о художественных достоинствах сочиненных им текстов, в другом – о политической деятельности, исходившей из мировоззренческих представлений.

Что же касается Леона де Грейффа, члена Совета защиты мира и Комитета борьбы за освобождение политических заключенных в эпоху диктатуры генерала Густава Рохаса Пинильи (Gustavo Rojas Pinilla, 1900–1975), то его поддержка создания Института носила более красноречивый характер. Историками литературы творчество Л. де Грейффа аттестовано как ярко авангардное. Он был одним из организаторов ли-

⁴ В 1935 г. дипломатические отношения двух государств были установлены, однако надо иметь в виду, что они имеют давнюю историю, восходя к середине XIX столетия, когда произошел обмен дружественными посланиями (по сути, первая переписка, датированная мартом и маем 1858 г.) императора Александра II и Мариано Оспина Родригеса (Mariano Ospina Rodríguez, 1805–1885), президента Новой Гранады (одно из наименований Колумбии, хотя сами понятие и термин «Новая Гранада» в историко-культурной проекции шире современной Колумбии как страны в строго очерченных территориальных границах). В 1926 г. в Колумбии побывали сотрудники Центра ботанических исследований СССР, которые изучали флору и фауну Колумбии, попутно – в традициях науки тех лет – собирая ценный этнографический (полевой) материал. Руководитель экспедиции Ю. Н. Воронов тремя годами позже в Ленинграде в качестве ежемесячного приложения к журналу «Вестник знания» в серии «Природа и люди» опубликовал книгу «Полгода к Колумбии», в которой делился своими впечатлениями об увиденном (ср. разъясняющий подзаголовок: «Впечатления участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 году») [1], см.: [2].

⁵ Съёмочная работа в Колумбии, природа, люди, в целом необычная атмосфера жизни там дали возможность С. А. Соловьеву на вечере воспоминаний в Большом зале Библиотеки иностранной литературы (Москва, апрель 2021 г.) сказать: «У меня отношение к Колумбии и к этой картине – глубоко родственное, как внутри семьи. Это одна из восхитительных стран, которые я видел в своей жизни, один из самых восхитительных народов... У меня там вообще не было ощущения, что я на чужой земле» [3].

тературных кружков в Колумбии, они внедряли принципы нового искусства, в чем-то близкого футуризму с его культом эпатажа и бунтарством⁶. Автор значительного количества лирических книг, он был лауреатом Национальной поэтической премии; более того, его номинировали на Нобелевскую премию по литературе. Колумбийскими литературоведами написаны многочисленные статьи и монографии о нем. На русский язык поэзия Л. де Грейффа переводилась – больше всего, разумеется, в советское время (в страноведческих сборниках «Поэзия Латинской Америки» и «Поэзия Колумбии»; в 1986 г. в свет вышла книга стихов Л. де Грейффа «Под знаком Льва» в переводе С. Ф. Гончаренко, филолога-испаниста, доктора наук, автора оригинальных стихотворных сочинений, см. его циклы «Четыре лета в году» (1980), «Романсеро» (1992), «Песочные часы» (1993) и др.⁷; ср. примеры из поэзии Л. де Грейффа в виртуозном переводе на русский: «Медлительность линий ленивого ливня. / Грузны и мохнаты / рулады / прохлады...», «Бредкостное толстосумье / Занудоутрени и объедни. / Всеобщинное скудоумье. / Нехитро-сплетенье сплетни», «В разгар апреля, в разгул веселья, / любви и хмеля / тропой весенней / я брел по лугу, по логу, бору, / по косогору и вдоль реки. / Искал я нечто, что было впору / найти в себе же... / Да, было впору – но не с руки», «Итак, я отправляюсь в путь. Куда, / зачем – неважно. Дело ведь не в цели...» [5, с. 6, 9]).

С момента основания на протяжении долгих лет Институт неустанно вел (и ведет) просветительскую работу. Его фундаментальная задача – популяризировать русскую культуру, причем не только среди молодежи, но и среди широких слоев колумбийского (южноамериканского) населения различных возрастных групп. Цель Института исходно заключалась в том, чтобы познакомить колумбийцев с культурной жизнью России. Русская классическая литература была пусть и ключевой, базовой, но все же частью этого большого проекта. Помимо нее, он включал и знакомство с русским фольклором, древнерусской словесностью, современным литературным процессом, живописью, музыкой, кино, философией, историей, бытом, кулинарией. Кроме обучения русскому языку, здесь проводились (и проводятся) занятия экскурсионного плана (в за-

лах Института⁸ располагаются произведения иконописи, имеется и часовня; приглашая заинтересованных людей, преподаватели Института демонстрируют им иконы, разъясняя эстетический и символический смысл изображенного). С некоторого времени популярностью в Институте стали пользоваться сезонные праздничные ярмарки, на которых выставляются продукты национальной кухни Колумбии и России, – миниатюрный карнавал пестрых гастрономических предпочтений. Проводятся в Институте выставки русской живописи, в том числе из собраний Третьяковской галереи (был издан специальный каталог картин галереи в Колумбии). Побывал в Институте много лет назад композитор Арам Хачатурян (1903–1978), о его приезде по сей день в Боготе ходят легенды.

Студенты Института, как правило, делятся на три группы. Одну группу составляют те, кто имеет высшее образование, полученное в Колумбии, и хотел бы дополнить, углубить свой профессиональный уровень. Вторая группа – студенты, владеющие иностранным языком и желающие приобрести новые навыки – в данном случае навыки перевода с русского на испанский (прежде всего в рамках письменного перевода). Наконец, третья группа включает студентов, которые после обучения в Институте намереваются поехать в Россию, чтобы там продолжить свое образование [6]. Русский язык востребован сейчас у колумбийских бизнесменов. Занятия в Институте проходили (и проходят, конечно) в форме лекций, практических уроков, свободных эвристических бесед, чтецких конкурсов (чтение наизусть лирических текстов), конкурсов на лучший испанский перевод русской литературы (поэзия, рассказы, отрывки из крупных эпических творений).

Укажем тут и на то, что первый учебник по русскому языку и литературе для колумбийцев был издан в 1945 г. Институт публикует свои учебные пособия, книги, выпускается небольшим тиражом газета.

⁶ В шаржах поэта изображали в виде льва с густой гривой.

⁷ Жизни и наследию переводчика посвящен специальный веб-сайт: [4].

⁸ С первых дней он находится в центре Боготы, занимая старинный особняк из белого камня с красными полосами. Сейчас на стене дома висят две таблички: «Институт культуры Льва Толстого» («Instituto Cultural Leon Tolstoi») и «9 мая 1945 года. В честь Дня Победы советского народа над фашизмом. От Института культуры Льва Толстого и колумбийского народа. 9 мая 2007 года» («9 de mayo 1945. Día de la Victoria del pueblo Soviético sobre el fascismo homena je del Instituto Cultural Leon Tolstoi y del pueblo Colombiano. 9 de mayo 2007»). Есть и памятная доска в честь 225-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

В разное время несколько директоров (президентов) возглавляли этот Институт. Среди них – занимающий этот пост поныне Рубен Дарио Флорес Арсила (Rubén Darío Florez Arcila, род. в 1958 г.), выпускник Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, профессор Национального университета Боготы, генеральный секретарь Ассоциации писателей и поэтов Колумбии⁹, член Ассоциации испанистов Российской Федерации, министр-советник посольства Колумбии в России, переводчик русской классики на испанский язык (перу этого знатока русской литературы принадлежат переводы из А. С. Пушкина, А. А. Блока, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака, А. А. Тарковского, И. А. Бродского и др.).

В июне 2024 г. он приезжал к нам в Казань как участник Международного форума, организованного Институтом филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета¹⁰. На этом форуме мы и познакомились¹¹.

Это прекрасный, удивительный человек! Он хорошо говорит на русском, больше того – тонко, со вкусом думает, размышляет на нем (высшая форма владения языком). Его доклад на пленарном заседании, посвященный испанскому переводу «Евгения Онегина», произвел фурор: докладчик не читал заранее подготовленный текст, а, иногда лишь заглядывая в него, говорил от себя – говорил ярко, воодушевленно, со знанием дела, проникновенно, притом что речь в докладе шла о таких «скучных» элементах пушкинского романа, как звукопись, фонологическая ткань текста, которую, в отличие от лексики или синтаксиса, чрезвычайно трудно передать в любом переводе, западном или восточном, каким бы первоклассным он ни был. Докладчик объяснял свою позицию страстно, искушенно, с увлечением, так что нельзя было в этой манере изложения не увидеть черт южного, солнечного, открытого темперамента. В кулуарах форума, а затем в экскурсионной поездке на автобусе в Свияжск мы общались. Я не мог не задать коллеге вопрос, как он сумел столь превосходно освоить русскую речь. Он ответил, что изучал русский язык не только через живое, непосредственное

общение, но и через едва ли не каждодневное чтение русской классики – медленное, вдумчивое, с неспешной артикуляцией вслух почти каждого слова¹², с повторением пройденного, но самое главное – с погружением во внутренний мир литературного произведения (в основе этого усиленного чтения лежал огромный и неподдельный читательский интерес к писательскому имени). Русская культура начиналась для него с русской словесности. Первым источником знания о России стали для него Лев Толстой и его «Война и мир». Многостраничная книга – испанский перевод эпопеи – в «кожаном переплете с золотыми буквами» хранилась в библиотеке отца Рубена. Он внимательно прочитал этот роман в 16-летнем возрасте, испытал подлинное потрясение души и, пораженный новым чувством, дал самому себе твердое обещание, в сущности подростковую клятву, что обязательно, вопреки неимоверным трудностям, прочтет великую книгу в оригинале. Спустя годы обещание было выполнено¹³.

¹² Он подчеркивал: непременно вслух! Это краеугольный камень его, авторской методики изучения чужого языка, которую он раскрыл для себя интуитивно, а потом рационально обосновал тем, что через «артикуляционную моторику» слова запоминаются не только «мозговой памятью», но и памятью телесных переживаний, двигательных ощущений языка как речевого органа, примерно так, как в начальной школе путем аккуратного записывания слов развивается орфографическая и пунктуационная память. Не случайно опытные школьные учителя нередко дают учащимся задания, основанные на обыкновенном переписывании отрывков из литературных текстов, которые признаны классическими. Казалось бы, что может дать механическое переписывание фрагмента из «Войны и мира» или «Мастера и Маргариты»? При правильном подходе оно развивает чувство языка, которое, в свою очередь, способствует глубокому и всестороннему пониманию его как системы. Б. Л. Васильев (1924–2013), автор повести «А зори здесь тихие», вспоминал однажды, что по-настоящему русскому литературному языку он выучился у А. П. Чехова, каждодневно переписывая его рассказы. Так живописное чутье развивается у начинающего художника тогда, когда он получает возможность в галереях копировать шедевры мирового и национального изобразительного искусства. Через этап ученического смирения (процесс копирования шедевров и есть способ не абстрактно, а ощутительно понять специфику языка живописи в ее вершинных проявлениях) происходит выработка собственных суждений о приемах художественного письма.

¹³ В связи с вниманием колумбийских интеллектуалов к левым движениям этот эпизод из частной жизни (о нем, правда, было поведано публично, см.: [7]) вызывает в памяти то, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс

⁹ Подобие Союза писателей России, если проводить внятную параллель.

¹⁰ Название представительного форума: «Русский язык и литература как средство формирования российской идентичности и международной интеграции».

¹¹ Далее мы позволим себе изложить собственное воспоминание-впечатление о нем, используя личное местоимение единственного числа.

осваивали русский язык. Занятия этим языком происходили у них не стихийно, а, как того и требовал немецкий характер (педантизм, деловитость, щепетильность), в соответствии с хорошо, до мелочей продуманной программой. В Европе тогда большое распространение получил метод изучения языков «по Робертсону», английскому педагогу (он жил во Франции), автору книги «Новый курс практического изучения английского языка» («Nouveau cours pratique de langue anglaise», 1850). Н. М. Ветчинова описывала суть этого подхода так: «После того как ученик выучит азбуку, Робертсон предлагал ему связный текст для чтения, который <был. – Р. Б.> снабжен... подстрочным переводом. После разбора этих предложений он делил лист тетради на две колонки. В левой – должен был быть написан сам текст, а его перевод помещался в правой колонке. Затем, поочередно закрыв сначала правую колонку, <надо было. – Р. Б.> произносить обязательно вслух слова левой и переводить их, а затем наоборот, т. е. выучить наизусть текст как левой, так и правой колонок. За подстрочным переводом следовал литературный перевод, а далее ряд упражнений...» [8, с. 109]. На его основе в 1852 г. немецким методистом Августом Больцем была написана солидная двухтомная учебная книга «Новый курс по русской речи» («Neuer Lehrgang der Russischen Sprache»). Это руководство содержало не только правила грамматики и краткий словарь, но также выдержки из художественных текстов, которые подробно анализировались, имея буквальный, дословный перевод и перевод, данный в литературной обработке (для первого издания А. Больц взял лермонтовскую «Тамань», в последующих изданиях автор ориентировался на А. С. Пушкина, привлекая, в частности, его «Метель» из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина»). Сейчас известно, что среди рукописей Ф. Энгельса сохранились несколько тетрадей с его упражнениями по русскому языку. Из них наибольший интерес представляют записи весьма тщательно буквалистски выполненного им перевода «Евгения Онегина» и «Медного всадника». По мере медленного чтения Ф. Энгельс выписывал громадное множество лексем, давая им и словарный перевод, и контекстную интерпретацию. «Работа Энгельса над текстом „Евгения Онегина“, – свидетельствовал М. П. Алексеев, ознакомившийся с фотокопиями этих записей в Институте русской литературы (Пушкинском Доме), – потребовала от него огромного труда, терпения и настойчивости. По приблизительному подсчету, Энгельс вдумался в 900 с лишним слов пушкинского языка, подобрав к ним около двух тысяч немецких (а частично также французских и английских) значений, толкований, аналогий» [9, с. 62]. И ко всему этому – при целостно-смысловом переводе отрывков Ф. Энгельс в поисках адекватных способов передачи значений многое переделывал, что-то зачеркивая, устраняя лишнее, добавляя нужное, заменяя, уточняя, – словом, сталкиваясь с объективными сложностями переводческого труда и преодолевая их.

Не обошли стороной мы в теплом разговоре тему, связанную с индейцами Южной Америки. Памятуя о дешифровке письменности майя, когда-то блистательно осуществленной Ю. В. Кнорозовым, я задал вопрос об отношении к бывшей цивилизации сегодня (нет ли у колумбийцев ностальгии по прошлому? как представлена индейская культура в Колумбии в наши дни?). Коллега занял двойственную позицию. С одной стороны, он согласился с тем, что индейская эпоха – органичная часть латиноамериканского пространства, в качестве таковой ее непременно надо изучать. С другой – он убеждал меня в том, что эта эпоха неизбежна должна была сойти с исторической арены: цивилизации инков, ацтеков, чароки, арапахо, навахо, чибчей, муисков и др. оказались нежизнеспособными, исчерпавшими себя, не сумевшими в политеистическом оформлении найти путь противостояния более сильной («прогрессивной» по К. Марксу) в духовном аспекте системе с ценностной ориентацией на идеальный гуманизм, любовь и милосердие (человеческие жертвоприношения индейцами практиковались)¹⁴. Современные колумбийцы – ревностные католики; христианская религия занимает в их жизни далеко не последнее место. Они чтят, говорил Рубен, всевозможные традиции, посещают храмы, которые обрели в их глазах мистическое очарование. Это дало повод поразмышлять об архитектурных достопримечательностях Колумбии и ее столицы. Рубен доказывал, что Богота – не просто центр, главный город страны («до сих пор она слывет южноамериканскими Афинами», – так определял Боготу Ю. Н. Воронов [1, с. 16]¹⁵), а место магической красоты и притягательности; словами, как бы их ни подбирать, это

¹⁴ У меня были возражения (хотя бы потому, что и христианский мир знал насилие: те же крестовые походы в Иерусалим, то же покорение индейских земель испанскими и португальскими конкистадорами, с ними морскими пиратами, флибустьерами...). Однако важнее было понять другую точку зрения, оценить вес ее аргументирующих звеньев и соотнести с бытующими научными концепциями.

¹⁵ У него Богота показана в разрезе советских идеологических оценок, то есть как место социальных контрастов: с одной стороны – «элегантная, европейски образованная, одетая по последней моде толпа горожан», с другой – «жалкие индейцы или метисы, босонogie или в лучшем случае в кожаных сандалиях с пропущенными между большим пальцем ремешком, рубашках, прикрытых грязною „руаною“ <нечто вроде шерстяной накидки, верхняя утепленная одежда, традиционная для Южной Америки. – Р. Б.>, полуголодные и чаще всего полупьяные от „чичи“ (маисовой водки), в которой одной они черпают и силы, и радость тупого забвения» [1, с. 16].

выразить нельзя, не получится – можно только, оказавшись там, ощутить, пережить скрытым «шестым» чувством. Это касается как города целиком, так и его отдельно взятых локусов – церквей, площадей, улиц и переулков, домов общественного и частного назначения. Писатели с талантом, не говоря о гениальных, способны передать магию места эстетическими средствами: одним из крупных художников слова, кто с полнотой воплотил установку на магическое, был Габриэль Гарсиа Маркес (Gabriel García Márquez, 1927–2014), автор романов «Сто лет одиночества», «Осень патриарха», повестей «Палая листва», «Полковнику никто не пишет», «Вспоминая моих грустных шлюх» и др.

Я обратил внимание на то, с каким интересом рассматривал мой собеседник татарские мечети, фотографируя их из окна мчавшегося автобуса, поэтому разговор наш коснулся татарской мусульманской культуры. Я рассказал о том, что упомянутый роман Г. Маркес переводился на татарский язык в 1970–80-е гг., перевод под коротким и емким названием «Ялгызлык» («Одиночество») был осуществлен Киямом Салаховичем Миннибаевым (1929–2005), нашим выдающимся переводчиком, с испанского языка, а не через русскую переводную копию, как это часто бывало в советскую изоляционную эпоху. Естественно, коллега об этом не знал...¹⁶ К. С. Миннибаев позднее, продолжая переводческий «вояж» в Латинскую Америку, перевел роман бразильского писателя Жоржи Амаду «Габриэла, корица и

гвоздика» (Таткнигоиздат, 1999). Когда, ко всему прочему, мы затронули вопрос о некотором внешнем сходстве казанских татар и латиноамериканцев, то мне пришлось привести в качестве модели интерпретации этой антропологической пересеченности старую, но не утратившую научной ценности книжку Абрара Каримуллина (1925–2000), известного татарского библиофила, о связях древних тюрков и индейцев [12]. Прототюрки могли по перешейку, соединявшему в отдаленные времена Азию и Америку и еще не разделенному Беринговым проливом, перейти из Северо-Восточной Сибири на новую территорию (континент), обосноваться там, пустить корни. Для лингвиста Отто Рерига (1819–1908) это служило обоснованием теории о семантико-лексической близости тюркских и индейских языков¹⁷.

Все вместе это и многое иное является знаком того, что нам, Казанскому федеральному университету и Институту культуры имени Льва Толстого в Боготе, необходимо укреплять взаимодействие, интенсифицировать его. Мой коллега в одном интервью сказал, что у России в отношении Колумбии и у Колумбии по отношению к России существуют стереотипы как положительного, так и негативного свойства. К примеру, Россия в глазах колумбийцев – край вечного холода и снега, мрачного колорита, обшарпанных стен на домах, темных пугающих подвалов (ср. серый, «миражный» Петербург Ф. М. Достоевского). Рубен, живя в России, поставил задачу показать соотечественникам, что Россия – это и страна театров, фестивалей, богатой культурной жизни [13]. Ровно в той же мере и я хотел бы указать на то, что стереотипом выглядит представление о моноэтничности России. Россия – многонациональная поликонфессиональная страна. Поэтому, изучая ее традиции, нужно постигать культуру коренных народов, в ней проживающих, так, как это делал Л. Н. Толстой. А нам, казанцам, надлежит помогать людям доброй воли открывать эту сторону России (через увлекательный рассказ о родном наследии, дабы у иностранцев возникло стойкое желание поведать о нем на своем языке, через ознакомление с историей народов Среднего Поволжья и Урала, их зодчеством, богатым декоративно-прикладным искусством, музыкой, этнической кухней, через

¹⁶ Сам К. С. Миннибаев, вспоминая о чудесном периоде своей творческой жизни, в очерке «Габриэль» писал: «Однажды летом попала мне в руки переводная книга колумбийского мудреца Г. Гарсиа Маркеса... „Сто лет одиночества“. Я был поражен [тем], как можно судьбы людские показывать так открыто..., столь глубоко... Заинтересовавшись этим автором, [я] стал собирать абсолютно все, где хотя бы упоминалось имя Габриэля, не говоря уже о его интервью и книгах... Так возник в моем представлении художник невиданного таланта... Работая с оригиналом, вскоре я разобрался в том, что мне пришлось не по душе в русском переводе (чужие промахи легче всего обнаружить, попробуй-ка найти свои!). Московские мои коллеги <речь идет о прославленных переводчиках романа В. С. Столбове и Н. Я. Бутыриной. – Р. Б.>, разумеется, знают испанский в сто раз лучше меня. Однако подвел их буквализм, метод калькирования. Именно по этой причине возникли, на мой взгляд, некоторые несуразности» [10, с. 141–143]. Русский перевод К. С. Миннибаева не удовлетворял, дефицитную книгу на испанском он выпросил у Э. Г. Нигматуллина (1930–2001), друга-литературоведа, эрудированного полиглота, имевшего ее в своей домашней библиотеке [11, с. 6].

¹⁷ О. Рериг анализировал язык племени сиу из североамериканского штата Дакоты; ср. wakaп ‘вождь’ / тюрк. каган (устар. ‘хан’), baһa ‘пожилой человек’ / тюрк. баба(й) (‘дедушка’, ‘старик’, ‘отец’, ‘взрослый мужчина’), kap ‘сухожилие’ / тюрк. кан (‘кровь’) и т. д.

поощрение публикаций о нас в иностранной печати и т. д. – технических форм не счесть, они многообразны, как мир, в котором мы живем...).

Л. Н. Толстой много говорил о любви как основополагающем человеческом чувстве, которое делает жизнь лучше, чище, светлее. «Любовь – это бесценный дар. Уметь любить – значит уметь все», – убежденно и горячо писал он. Институт культуры в Боготе воплощает эту любовь, любовь к тем, кто постигает культуру, открывает ее для себя (и интеллектуально, и душевно), находит в ней бесценные смыслы и высокие идеалы.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Центр по изучению наследия Льва Толстого поздравляют коллектив Института культуры в Боготе со значимым событием, 80-летним юбилеем, и желают ему процветания, успехов, благополучия, счастья!

Список источников

1. Воронов Ю.Н. Полгода в Колумбии. Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1929. 52 с.
2. Колаковский А. А., Воронов Ю. Н. Юрий Николаевич Воронов (1874–1931). М.: Наука, 1981. 96 с.
3. Вечер Колумбии в «Иностранке». URL: <https://libfl.ru/ru/news/vecher-kolumbii-v-inostranke> (дата обращения: 25.09.2024).
4. Сергей Гончаренко (сайт выдающегося поэта и переводчика). URL: <http://sfgoncharenko.ru> (дата обращения: 28.09.2024).
5. Де Грейфф Л. Под знаком Льва / предисл. и пер. с испан. С. Гончаренко. М.: Художественная литература, 1986. 302 с.
6. Сметанина С. Дом русской культуры в Колумбии (10.09.2024). URL: <https://russkiymir.ru/publications/328480> (дата обращения: 27.09.2024).
7. Рубен Дарио Флорес Арсила: «Убежден, колумбийцам надо обязательно рассказывать, чем и как живет сегодня Россия». URL: <https://ifmk.kpfu.ru/news/ruben-dario-flores-arsila-ubezhden-kolumbijczam-nado-obyazatelno-rasskazyvat-chem-i-kak-zhivet-segodnya-rossiya> (дата обращения: 28.09.2024).
8. Ветчинова М.Н. Перевод как метод обучения иностранному языку (из истории методики перевода XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 3. С. 104–109.
9. Алексеев М. П. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 9–161.
10. Миннибаев К. С. Перевод – это искусство: золотой век. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 196 с.
11. Нигматуллин Э. Г. Диалог литератур: указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань: Унипресс, 2002. 176 с.
12. Каримуллин А. Г. Прототюрки и индейцы Америки (по следам одной гипотезы). М.: Инсан, 1995. 80 с.
13. Колумбийский поэт о московской лирике, футболе и наркотрафике. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/kolumbiyskiy-poet-o-moskovskoy-lirike-futbole-i-narkotrafike> (дата обращения: 26.09.2024).

References

1. Voronov, Yu. N. (1929). *Polgoda v Kotumbii* [Six Months in Colombia]. 52 p. Leningrad, izd-vo P. P. Soikina. (Russian)
2. Kolakovskii, A. A., Voronov, Yu. N. (1981). *Yurii Nikolaevich Voronov (1874–1931)* [Yurii Nikolaevich Voronov (1874–1931)]. 96 p. Moscow, Nauka. (Russian)
3. *Vecher Kolumbii v “Inostranke”* [Colombia’s Evening at the “Foreigner”]. URL: <https://libfl.ru/ru/news/vecher-kolumbii-v-inostranke> (accessed: 25.09.2024). (Russian)
4. *Sergei Goncharenko (sait vydayuschegos’a poeta i peredodchika)* [Sergey Goncharenko (the website of the outstanding poet and translator)]. URL: <http://sfgoncharenko.ru> (accessed: 28.09.2024). (Russian)
5. De Grejff, L. (1986). *Pod znakom L’va* [Under the Sign of Leo]. Predisl. i per. s ispan. S. Goncharenko. 302 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (Russian)
6. Smetanina, S. *Dom russkoi kul’tury v Kolumbii* [The House of Russian Culture in Colombia]. (10.09.2024). URL: <https://russkiymir.ru/publications/328480> (accessed: 27.09.2024). (Russian)
7. Ruben Dario Flores Arsila: “Ubezhd’en, kolumbiitsam nado ob’azatel’no rasskazyvat’, chem i kak zhiv’ot segodn’a Rossiya” [Ruben Dario Flores Arcila: “I Am Convinced that the Colombians Should Definitely Be Told What and How Russia Lives Today”]. URL: <https://ifmk.kpfu.ru/news/ruben-dario-flores-arsila-ubezhden-kolumbijczam-nado-obyazatelno-rasskazyvat-chem-i-kak-zhivet-segodnya-rossiya> (accessed: 28.09.2024). (Russian)
8. Vetchinova, M. N. (2018). *Perevod kak metod obucheniya inostrannomu yazyku (iz istorii metodiki XIX v.)* [Translation as a Method of Teaching a Foreign Language (from history of translation methods of 19th century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 104–109. (Russian)
9. Alekseev, M. P. (1953). *Slovarnye zapisi F. Engel’sa k “Evgeniyu Oneginu” i “Mednomu vsadniku”* [Dictionary Entries by F. Engels’ to “Eugene Onegin” and “The Bronze Horseman”]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy*. Pp. 9–161. Leningrad, izd-vo AN SSSR. (Russian)
10. Minnibayev, K. S. (2005). *Perevod – eto iskusstvo: zolotoi vek* [Translation Is an Art: The Golden Age]. 196 p. Kazan’, izd-vo Kazanskogo universiteta. (Russian)
11. Nigmatullin, E. G. (2002). *Dialog literature: ukazatel’ perevidov proizvedenii russkoi literatury na tatarskii yazyk* [Dialogue of Literatures: The Index of

Translations of Works of Russian Literature into the Tatar Language]. 176 p. Kazan', Unipress. (Russian)

12. Karimullin, A. G. (1995). *Protot'urki i indeitsy Ameriki (po sledam odnoi gipotezy)* [The Proto-Turks and the Indians of America (in the footsteps of one hypothesis)]. 80 p. Moscow, Insan. (Russian)

13. *Kolumbiiskii poet o moskovskoi lirike, futbole i narkotrafike* [The Colombian Poet on Moscow Lyrics, Football and Drug Trafficking]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/kolumbiyskiy-poet-o-moskovskoy-lirike-futbole-i-narkotrafike> (accessed: 26.09.2024). (Russian)

The article was submitted on 26.11.2024

Поступила в редакцию 26.11.2024

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания,
руководитель Центра по изучению
наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Russian
Literature and Methods of Teaching,
Head of Leo Tolstoy's
Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

УДК 94(092)

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-243-247

ПАМЯТИ УЧЕНОГО-ИСТОРИКА (К 110-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Ю. Г. ТРУНСКОГО)

© Гульшат Мустафина, Марина Пузикова

IN MEMORY OF THE HISTORIAN AND RESEARCHER (ON THE 110TH ANNIVERSARY OF PROF. YUZEF TRUNSKY)

Gulshat Mustafina, Marina Puzikova

The article deals with Prof. Yuzef Trunsky's life and scientific-pedagogical work in the Department of General History at the Kazan State Pedagogical Institute. We examine the main periods of his life and professional career as a historian. The article focuses on his work in the KSPI in the educational, methodical and scientific fields. Mainly due to his active organizational and editorial work, and his creative contacts with historians from Moscow, a series of collections of works titled "The Problems of General History" were published, in them the Moscow scientists M. Barg, V. Lavrovsky and others participated side by side with Kazan historians. The major monograph "The French Village in the 19th and 20th Centuries. Evolution Trends", published in 1986 by "Nauka" Publishing House, crowned his long-term research into agrarian history of France, the work was highly appreciated by the scientific community.

Keywords: Yuzef Trunsky, Kazan State Pedagogical Institute, Department of General History, Modern History of European Countries and America, social-economical evolution of France, agrarian-peasant problem in foreign countries

Статья посвящена жизни и научно-педагогической деятельности профессора кафедры всеобщей истории Казанского государственного педагогического института Юзефа Геннадьевича Трунского. Рассматриваются основные этапы его жизни, становление как историка. Основное внимание уделено его деятельности в КГПИ – учебной, методической и научной работе. Во многом благодаря активной организационно-редакторской работе Ю. Г. Трунского, творческим связям со столичными историками была опубликована серия сборников «Проблемы всеобщей истории», в которых наряду с казанскими приняли участие известные московские ученые М. А. Барг, В. М. Лавровский и др. Венцом его многолетней исследовательской деятельности по аграрной истории Франции стал выход в 1986 году в издательстве «Наука» фундаментальной монографии «Французская деревня в XIX–XX вв. Тенденции развития», получившей признание научной общности.

Ключевые слова: Ю. Г. Трунский, Казанский государственный педагогический институт, кафедра всеобщей истории, новая история стран Европы и Америки, социально-экономическое развитие Франции, аграрно-крестьянский вопрос в зарубежных странах

Для цитирования: Мустафина Г., Пузикова М. Памяти ученого-историка (к 110-летию профессора Ю. Г. Трунского) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 243–247. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-243-247

31 января 2025 г. исполняется 110 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Юзефа Геннадьевича Трунского (1915–1989), проработавшего в Казанском государственном педагогическом институте почти четыре десятилетия, вплоть до своей кончины.

Приезд в Казань выпускника аспирантуры, успешно защитившего кандидатскую диссертацию, не был случайным. Дело в том, что перед ректором КГПИ Юсефом Ахметзяновичем Туи-

шевым, возглавившим вуз в 1945 г., наряду с необходимостью укрепления учебно-материальной базы остро стояла кадровая проблема. В полной мере это касалось и исторических кафедр, в том числе кафедры всеобщей истории [1, с. 84], ведь в послевоенные годы основная работа кафедры лежала на плечах ее заведующего Михаила Дмитриевича Бушмакина, преподававшего историю средних веков, а также вернувшегося с фронта Ривгата Шакирдзяновича Тагирова, который вел курс новейшей истории.

С одной стороны, существовавшая в то время в СССР система руководства вузами позволяла приглашать специалистов с ученой степенью из Москвы (в 1950 г. – А. М. Ременникова, в 1951 г. – Ю. Г. Трунского), с другой – на кафедре оставались лучшие выпускники (в 1954 г. – И. Х. Кадыров). Такая оптимальная кадровая политика позволила сформировать на долгие годы высококвалифицированный и работоспособный костяк кафедры.

Приезд Ю. Г. Трунского на работу в Казанский пединститут совпал с очередной вузовской реформой – исторический факультет был объединен с литературным в историко-филологический факультет, на котором и прошла вся преподавательская деятельность Юзефа Геннадьевича. Заметим, что эта мера оказалась плодотворной: просуществовавший четыре десятилетия истфилфак стал одним из сильнейших факультетов педагогического института по своему кадровому составу, учебно-научному потенциалу, роли в общественно-культурной жизни вуза, города и республики. Это позволило уже с 1956 г. ввести специальности широкого профиля с пятилетним сроком обучения «русский язык, литература и история» и «татарский язык, литература и история»¹.

К моменту приезда в Казань за плечами Ю. Г. Трунского была непростая жизненная школа. Он родился в мещанской семье в местечке Мена Черниговской губернии. Благодаря сайту, созданному его двоюродным племянником – ученым-вирусологом и музыкантом Алексеем Аграновским [2], больше известно о его родне со стороны матери, среди которой наиболее известными были его двоюродные братья, выдающиеся советские публицисты Анатолий (1922–1984) и Валерий (1929–2000) Аграновские [3].

В 1921 г. семья Трунских переехала в Москву, а в возрасте 17 лет Юзеф остался без родителей. После окончания в 1930 г. школы-семилетки ему пришлось совмещать работу и вечернее обучение, и лишь в возрасте 23 лет он становится студентом истфака Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта². Однако длительная болезнь (туберкулез легких), затем начавшаяся война и эвакуация в Томск в 1941–1944 гг. опять отдалили осуществление мечты – получить историческое образование. На истфак – теперь уже МГПИ им. В. П. Потемкина³ – он поступает в победном 1945 г. Затем – аспирантура и успешная защита кандидатской диссертации в 1951 г., после которой он был направлен Министерством просвещения РСФСР в Казанский пединститут.

Основной курс, который был поручен Ю. Г. Трунскому и который он вел в течение всего периода работы, – это фундаментальный курс новой истории стран Европы и Америки (преподававший этот предмет В. И. Адо был после войны переведен на работу в Казанский университет). Им были разработаны спецкурсы по истории социалистической мысли, историографии английской и французской буржуазных революций и др. В 1956 г. Ю. Г. Трунский был утвержден в ученом звании доцента, в 1970 г. избирается профессором кафедры всеобщей истории. Как одному из ведущих преподавателей кафедры ему была поручена и такая существовавшая в то время эффективная форма учебной работы, как спецсеминары, темы которых определялись как направленностью подготовки учителей, так и научными интересами руководителя. Так, в течение многих лет он руководил спецсеминаром «Аграрно-крестьянский вопрос в зарубежных странах».

В памяти коллег и многих поколений студентов Юзеф Геннадьевич остался как колоритный, прекрасно владеющий материалом преподаватель, лекции которого были насыщены яркими примерами, характеристиками исторических деятелей, точным объяснением исторических понятий и терминов. Владея французским языком, особенно выразительно он произносил французские имена и термины.

² Московский государственный педагогический институт им. Карла Либкнехта – основанный в 1923 г. первый советский индустриально-педагогический вуз. В 1943 г. вошел в состав МГПИ им. В. И. Ленина.

³ Московский государственный педагогический институт им. В. П. Потемкина – основан в 1931 г. как вечерний педагогический институт, в 1933 г. преобразован в дневной институт с вечерним отделением. В 1960 г. вошел в состав МГПИ им. В. И. Ленина.

¹ В 1991 г. с выделением отделения русской филологии в самостоятельный факультет истфилфак был преобразован в факультет татарской филологии и истории, который, в свою очередь, будет разделен в 1994 г.

Вот как писал о своем учителе выпускник факультета, впоследствии сам преподававший курс новой истории, доцент Владимир Вениаминович Тыринов: «Выражение „сердце юноши не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который следует зажечь“ в студенческие годы мне неоднократно доводилось слышать от профессора Ю. Г. Трунского на лекциях и семинарских занятиях по новой истории стран Европы и Америки. И сам он придерживался этого старинного педагогического правила, стараясь на протяжении десятилетий пробуждать интерес к исторической науке у многих поколений студентов...» [4, с. 51].

На то, чтоб «зажечь факел», был направлен и такой педагогический прием, который одна из авторов этой статьи также использовала в работе со студентами: те из них, кто был нацелен на высокий балл при аттестации (экзамен), в конце семестра представляли список источников и научной литературы, выходящей за рамки обязательного, по которому они были готовы побеседовать с экзаменатором.

Вспоминая о своем участии в спецсеминаре по истории социалистических учений, В. В. Тыринов заключает: «Удивляло его умение поставить проблемный вопрос, выделить суть сложного явления, легко и быстро составить несколько вариантов плана будущей студенческой курсовой работы. Следует отметить, что он любил общаться с молодежью, в перерывах между занятиями отвечая на связанные с темой только что прослушанной лекции, а порою и каверзные вопросы» [Там же, с. 54].

Научные интересы Ю. Г. Трунского сложились под влиянием научного руководителя, профессора МГУ И. Д. Белкина, который занимался историей французского социалистического и рабочего движения. Защитив диссертацию на тему «Французские социалисты и крестьянский вопрос в конце XIX века», Юзеф Геннадьевич всю жизнь посвятил изучению социально-экономической истории Франции, прежде всего ее аграрного аспекта. Об исследовательском уровне уже первых его публикаций, относящихся к середине 1950-х гг., говорит то, что наряду с региональными, внутривузовскими научными сборниками они публиковались в признанных общесоюзных изданиях [5], [6].

Пик публикационной деятельности Ю. Г. Трунского приходится на 1960-е – начало 1970-х гг., что было уже непосредственно связано с его работой над докторской диссертацией, в ходе которой он тесно сотрудничал и консультировался с московскими исследователями-аграрниками В. М. Лавровским и М. А. Баргом.

Теоретические статьи казанского ученого выходили в журнале «Мировая экономика и международные отношения» [7], [8], «Французском ежегоднике» [9], [10]. Он входил в группу по изучению истории Франции, созданную в 1956 г. при Институте истории АН СССР и возглавляемую академиком В. П. Волгиным, участвовал в международных, всесоюзных и межвузовских конференциях, дважды участвовал в симпозиумах советских и французских историков.

Нельзя не отметить и активную организационно-редакторскую работу Ю. Г. Трунского. Конечно, это было бы невозможно без значительной активизации научно-исследовательской работы на кафедре всеобщей истории в эти годы, но именно Ю. Г. Трунский выступил одним из инициаторов и редактором сборника «Проблемы всеобщей истории». Особенностью всех четырех выпусков (1967, 1969, 1972, 1974) стало то, что наряду с маститыми московскими учеными в них публиковались и статьи начинающих авторов.

Основная часть докторской диссертации Ю. Г. Трунского была опубликована во втором томе сборника «Проблемы всеобщей истории» [11]. Она стала результатом многолетней колоссальной работы над источниками, регулярных научных командировок в Москву, где в ИНИО-Не⁴, спецхране Ленинской библиотеки он тщательно конспектировал источники, для работы дома снимал их на пленку, а затем с помощью специального аппарата увеличивал фотоизображения. Вообще все, кто помнят профессора Ю. Г. Трунского, отмечают его трудолюбие и тщательный подход к любому делу. А главным делом всей его жизни была наука. Дочь Трунского Ольга Юзефовна вспоминает, что засыпала, когда свет в кабинете отца еще горел, а просыпалась, когда он уже сидел за письменным столом.

Сложность его работы состояла в том, что часто используемые им данные статистики и переписей были несопоставимы между собой из-за различия критериев, лежащих в их основе. В связи с этим сам автор отмечал, что многие тезисы работы противоречат тому, что было известно в науке до него [12, л. 81]. Это связано и с тем, что до него для изучения брали относительно небольшой период, между тем истинную динамику социально-экономических процессов может показать лишь длительный период. Исследований, отражающих эволюцию французской деревни в

⁴ Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Основан в 1969 г. на базе Библиотеки общественных наук имени В. П. Волгина. ныне – ИНИОН РАН.

течение столетия, до Ю. Г. Трунского не было [Там же, л. 39].

Интересно, что в числе рецензентов работы Ю. Г. Трунского были известные казанские историки отец и сын Адо. Доцент КГУ Василий Иванович Адо дал ей высокую оценку в ходе обсуждения диссертации на кафедре всеобщей истории пединститута, а его сын – специалист по новой истории Франции, профессор МГУ Анатолий Васильевич Адо – откликнулся рецензией в журнале «Новая и новейшая история» [13], в которой отметил не только обширный комплекс охваченных Ю. Г. Трунским вопросов, кропотливую работу со статистическими данными, но и определение ряда проблем для дальнейших исследований.

Итогом исследований профессора Трунского стала вышедшая в 1986 г. в издательстве «Наука» монография «Французская деревня в XIX–XX вв.» [14], в которой он не только реконструировал развитие аграрных отношений во Франции на протяжении столетия, выявил причины аграрных кризисов, дал им характеристику, но и сформулировал тенденции современного развития, охарактеризовал структуру французской деревни.

Закончить нашу статью, посвященную памяти Ю. Г. Трунского, хочется не совсем обычно для такого рода публикаций и напомнить читателям, что в 2026 г. исполнится 150 лет со дня основания Казанского пединститута⁵. Это несомненный повод обратиться к его истории, вспомнить ученых и преподавателей, благодаря которым он стал одним из ведущих педагогических вузов Российской Федерации. Достойное место в его истории принадлежит славной плеяде преподавателей, работавших на исторических кафедрах КГПИ во второй половине прошлого века и внесших свой вклад в развитие исторической науки и подготовки сотен учителей для республики и всей страны.

Список источников

1. Кадыров И. Х. Проблемы всеобщей истории в трудах ученых ТГГПУ // Вестник ТГГПУ. 2006. № 6. С. 79–90.
2. Dr. Agranovsky official site: [сайт]. URL: http://www.agranovsky.ru/fotoalbum/agranovsky/pages/1_david.htm (дата обращения: 21.01.2025).
3. Аграновский В. А. Последний долг: Жизнь и судьба журналистской династии Аграновских с прологом и эпилогом: в восп., свидетельствах, письмах с

коммент., док., фот., 1937–1953. М.: Academia, 1994. 336 с.

4. Тыринов В. В. К 90-летию профессора Ю. Г. Трунского // Музейный вестник КГПУ. Казань, 2005. Вып. 2. С. 51–56.
5. Трунский Ю. Г. Борьба классов и партий за французское крестьянство в конце XIX в. // Вопросы истории. 1954. № 11. С. 62–69.
6. Трунский Ю. Г. Крестьянские движения во Франции в конце XIX в. и французские социалисты // Ученые записки по новой и новейшей истории института истории АН СССР. М.: АН СССР, 1957. Вып. III. С. 5–94.
7. Трунский Ю. Г. Социальная структура французской деревни // Мировая экономика и международные отношения. 1963. № 2. С. 38–51.
8. Трунский Ю. Г. Эволюция земельной ренты во Франции // Мировая экономика и международные отношения. 1968. № 8. С. 63–71.
9. Трунский Ю. Г. Из истории дифференциации французского крестьянства за последнее столетие // Французский ежегодник. 1962. М.: Наука, 1963. С. 180–236.
10. Трунский Ю. Г. В. И. Ленин и Марсельская аграрная программа Французской коммунистической партии // Французский ежегодник. 1970. М.: Наука, 1972. С. 110–122.
11. Трунский Ю. Г. Основные тенденции экономической эволюции французской деревни (1862–1962 гг.) // Проблемы всеобщей истории. Сборник II (Ученые записки КГПИ. Вып. LXX). Казань: КГПИ, 1969. С. 3–299.
12. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-1487. Оп. 3Д. Д. 50.
13. Адо А. В. Рец. на кн.: Трунский Ю. Г. Основные тенденции экономической эволюции французской деревни (1862–1962). Казань, 1969 // Новая и новейшая история. 1971. № 1. С. 169–170.
14. Трунский Ю. Г. Французская деревня в XIX–XX вв. Тенденции развития / Ю. Г. Трунский; Отв. ред. В. М. Далин; АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 1986. 283 с.

References

1. Kadyrov, I. Kh. (2006). *Problemy vseobshchei istorii v trudakh uchenykh TGGPU* [The Problems of General History in the Works of TSGPU Scientists]. *Vestnik TGGPU*, No. 6, pp. 79–90. (In Russian)
2. Dr. Agranovsky Official Site. URL: http://www.agranovsky.ru/fotoalbum/agranovsky/pages/1_david.htm (accessed: 21.01.2025). (In Russian)
3. Agranovskii, V. A. (1994). *Poslednii dolg: Zhizn' i sud'ba zhurnalistskoi dinastii Agranovskikh s prologom i epilogom: 1937–1953* [The Last Honors: The Life and Fate of the Agranovsky Journalist Dynasty with a Prologue and an Epilogue: 1937–1953]. 336 p. Moscow, Academia. (In Russian)
4. Tyrinov, V. V. (2005). *K 90-letiyu professora Yu. G. Trunskogo* [On the 90th Anniversary of Prof. Yu. G. Trunsky]. *Muzeynyi vestnik KGPU*, No. 2, pp. 51–56. (In Russian)

⁵ Дата связана с открытием в Казани в 1876 г. Учительского института.

5. Trunskii, Yu. G. (1954). *Bor'ba klassov i partii za frantsuzskoye krest'yanstvo v kontse XIX v.* [The Struggle of Classes and Parties for French Peasantry at the End of the 19th Century]. *Voprosy istorii*, No. 11, pp. 62–69. (In Russian)
6. Trunskii, Yu. G. (1957). *Krest'yanskiye dvizheniya vo Frantsii v kontse XIX v. i frantsuzskie sotsialisty* [The Peasant Movements in France at the End of the 19th Century and French Socialists]. *Uchenye zapiski po novoi i noveishei istorii instituta istorii AN SSSR*, No. III, pp. 5–94. (In Russian)
7. Trunskii, Yu. G. (1963). *Sotsial'naya struktura frantsuzskoi derevni* [The Social Structure of the French Village]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, No. 2, pp. 38–51. (In Russian)
8. Trunskii, Yu. G. (1968). *Evolutsiya zemel'noi renty vo Frantsii* [The Evolution of Ground Rent in France]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, No. 8, pp. 63–71. (In Russian)
9. Trunskii, Yu. G. (1963). *Iz istorii differentsiatsii frantsuzskogo krest'yanstva za posledneye stoletie* [From the History of French Peasantry Differentiation during the Last Century]. *Frantsuzskii ezhegodnik*, pp. 180–236. Moscow, Nauka. (In Russian)
10. Trunskii, Yu. G. (1972). *V. I. Lenin i Marsel'skaya agrarnaya programma Frantsuzskoi kommunisticheskoi partii* [V. I. Lenin and the Marseille Agrarian Program of the French Communist Party]. *Frantsuzskii ezhegodnik*, pp. 110–122. Moscow, Nauka. (In Russian)
11. Trunskii, Yu. G. (1969). *Osnovnyye tendentsii ekonomicheskoi evolyutsii frantsuzskoi derevni (1862–1962 gg.)* [The Main Trends of Economical Evolution of the French Village (1862–1962)]. *Problemy vseobshchei istorii. Sbornik II (Uchenyye zapiski KGPI, No LXX)*, pp. 3–299. (In Russian)
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. F. R-1487. Op. 3D. D. 50. (In Russian)
13. Ado, A. V. (1971). *Retsenziya na knigu: Trunskii Yu. G. (1969). Osnovnyye tendentsii ekonomicheskoi evolyutsii frantsuzskoi derevni (1862–1962)* [Review of the Book: Trunsky Yu. G. The Main Trends of Economical Evolution of the French Village (1862–1962)]. *Novaya i noveishaya istoriya*, No. 1, pp. 169–170. (In Russian)
14. Trunskii, Yu. G. (1986). *Frantsuzskaya derevnya v XIX–XX vv. Tendentsii razvitiya* [The French Village in the 19th–20th Centuries. Evolution Tendencies]. 283 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 22.01.2025
Поступила в редакцию 22.01.2025

Мустафина Гульшат Мударисовна,
кандидат исторических наук,
доцент,
Институт археологии Академии наук
Республики Татарстан,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 30.
nabiullins@mail.ru

Пузикова Марина Владимировна,
учитель истории и обществознания,
МБОУ «Средняя общеобразовательная
школа № 54 с углубленным изучением
отдельных предметов»,
420037, Россия, Казань,
Ленинградская, 28.
marinapuzikova59486@gmail.com

Mustafina Gulshat Mudarisovna,
Ph.D. in History,
Associate Professor,
Institute of Archaeology, Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
30 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
nabiullins@mail.ru

Puzikova Marina Vladimirovna,
history and social science teacher,
Secondary Comprehensive School No. 54
with in-depth study of individual subjects,

28 Leningradskaya Str.,
Kazan, 420037, Russian Federation.
marinapuzikova59486@gmail.com

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:

(перевод наш. – П. И., М. А.).

(перевод Б. Л. Пастернака. – П. И.).

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author

Организация / Organization

Страна / Country

Город / City

E-mail:

Наименование статьи / Title of article

Аннотация / Abstract

Ключевые слова / Keywords

1. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2. В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3. Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4. Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

5. Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту иностранного языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёльль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [1, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [1, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uchashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>